
ЖЮЛЬ
ВЕРН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ЖЮЛЬ ВЕРН

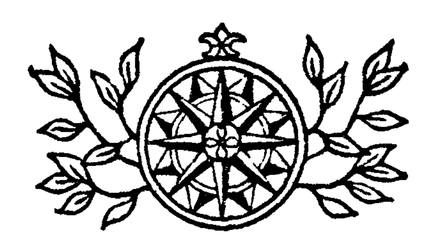
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1957

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ДЕСЯТЫЙ

ВВЕРХ ДНОМ

ПЛОВУЧИЙ ОСТРОВ

ФЛАГ РОДИНЫ

Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1957

Издание осуществляется под редакцией
Б. Н. Агапова, проф. Ю. И. Данилина,
акад. Д. И. Щербакова

Переводы с французского

Иллюстрации художника
П. И. Луганского

ВВЕРХ ДНОМ

Перевод Е. Лопыревой
под редакцией Б. Вайсмана

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой рассказывается, с каким извещением обратилась ко всему свету Арктическая промышленная компания

— Так вы утверждаете, мистер Мастон, что женщины ничего не могут сделать для развития опытных и математических наук?

— К величайшему моему сожалению, миссис Скорбит, я вынужден это утверждать, — ответил Дж. Т. Мастон. — Конечно, среди женщин, особенно в России, встречались и встречаются замечательные математики — с этим я охотно соглашаюсь. Но у женщины такое строение мозга, что ей никак не стать Архимедом, а тем более Ньютоном.

— О мистер Мастон, позвольте мне возразить от имени всего нашего пола...

— Пола потому и прелестного, миссис Скорбит, что он вовсе не создан для отвлеченных занятий.

— Следовательно, по-вашему, мистер Мастон, ни одна женщина, увидев падающее яблоко, не могла бы открыть закон всемирного тяготения, как это сделал знаменитый английский ученый в конце семнадцатого века?

— Увидев падающее яблоко, миссис Скорбит, женщина просто решила бы съесть его... по примеру прародительницы Евы.

— Ну, вы, мне кажется, отказываете нам во всякой способности к теоретическим размышлениям...

— Во всякой способности? Нет, миссис Скорбит. Но должен вам указать все-таки, что с тех пор как на земле живут люди, — а следовательно и женщины, — не рождалось еще женщины, наделенной умом, которому в области научной мы были бы обязаны каким-либо открытием, подобным открытиям Аристотеля, Эвклида, Кеплера и Лапласа.

— А что это доказывает? Разве прошлое всегда определяет будущее?

— Гм! Не стоит больше ждать того, что не случилось ни разу в течение тысячелетий.

— Тогда, мне кажется, нам, женщинам, остается только смириться, мистер Мастон. Видно, мы умеем лишь...

— Быть добрыми! — подхватил Дж. Т. Мастон со всей любезностью, на которую только способен ученый, всецело поглощенный разными иксами.

Впрочем, миссис Эванджелина Скорбит охотно этим удовлетворилась.

— Ну что ж, мистер Мастон, — продолжала она, — каждому свое на этом свете. Занимайтесь своими необычайными математическими выкладками. Отдайтесь великому делу, которому вы и ваши друзья решили посвятить свою жизнь. А я — как мне и подобает — буду просто доброй женщиной и окажу этому делу денежную помощь.

— Чем и заслужите вечную нашу благодарность, — ответил Дж. Т. Мастон.

Миссис Эванджелина Скорбит покраснела самым очаровательным образом, потому что она питала если не ко всем ученым вообще, то во всяком случае к Дж. Т. Мастону особо нежные чувства. Поистине, неизмеримы глубины женского сердца!

Предприятие, на которое эта богатая вдова решила пожертвовать значительные средства, действительно было великим делом.

Вот в чем оно состояло и вот к какой цели стремились его участники.

По Мальтебрену, Реклю, Сен-Мартену и другим авторитетным географам, собственно арктическими землями считаются:

1. Северный Девон, то есть острова, покрытые льдами Баффинова залива и пролива Ланкастера.

2. Северная Георгия, состоящая из земли Банкса и многочисленных островов: Сабайн, Байам-Мартин, Гриффит, Корнуолл и Батерст.

3. Архипелаг Баффина-Парри и некоторые части околополярного континента, то есть Кэмберленд, Саутгемптон, Джемс-Сомерсет, Бутия-Феликс, Мелвилл и другие области, почти не известные нам.

Все эти земли ограничены семьдесят восьмой параллелью; суша занимает здесь один миллион четыреста тысяч квадратных миль, вода покрывает еще семьсот тысяч миль.

К северу от этой параллели отважные исследователи нашего времени прошли почти до восемьдесят четвертого градуса северной широты, нанесли на карту земли, скрытые за высокой грядой ледяных торосов, и дали названия многим мысам, полуостровам, заливам и бухтам этой обширной страны, которую можно было бы окрестить Нагорной Арктикой. Но за восемьдесят четвертой параллелью лежит таинственное пространство, desideratum картографов, и до сих пор никому не известно даже, земли или моря скрываются там на пространстве шести градусов под непреодолимыми скоплениями льдов Северного полюса.

И вот в 189... году у правительства Соединенных Штатов возникла довольно неожиданная мысль пустить с торгов эти еще никем не открытые области, а некая американская компания, образованная именно с целью приобретения арктического колпачка, старалась получить на них концессию.

Правда, за несколько лет до того на конференции в Берлине[1] были установлены особые правила, на случай, если какая-нибудь из великих держав под предлогом колонизации или приобретения новых рынков вздумает

---

[1] Берлинская международная конференция 1884 г. по африканским колониальным вопросам.

захватить чужое добро. Правила эти, повидимому, не были приложимы в данном случае, так как полярные земли никто не населяет. Но раз то, что не принадлежит никому, может в равной степени принадлежать всем, новая компания решила не захватывать, а «приобрести» их, чтобы избежать всяких посягательств в дальнейшем.

В Соединенных Штатах всегда найдутся люди, готовые взять на себя практическую сторону любого предприятия, даже самого смелого и трудно выполнимого; найдутся и необходимые для него средства. Так случилось и несколько лет назад, когда балтиморский Пушечный клуб задумал отправить на Луну снаряд, в надежде установить прямую связь с нашим спутником. Разве не нашлось тогда предприимчивых янки, которые предоставили огромные суммы, нужные для исполнения такой увлекательной попытки? И разве ради ее осуществления двое членов названного клуба не отважились сами подвергнуться всем опасностям этого безумного опыта? [1]

Если какой-нибудь новый Лессепс затеял бы провести канал глубокого профиля через Европу и Азию, от берегов Атлантического океана до китайских морей, или какой-нибудь ловкий специалист по рытью колодцев предложил бы буравить землю, чтобы достичь жидких силикатных слоев, покоящихся поверх расплавленных веществ, и подводить прямо к кухонному очагу жар из недр земного шара, или какой-нибудь предприимчивый электрик захотел бы собрать воедино все рассеянные по поверхности земли электрические токи для получения неиссякаемого источника света и тепла, или какой-нибудь дерзкий инженер задался бы целью сохранить в громадных приемниках излишки летнего тепла и передавать его областям, страдающим от зимних холодов, или какой-нибудь выдающийся гидравлик постарался бы использовать живую силу [2] морского

---

[1] Речь идет о романах Жюля Верна «С Земли на Луну» и «Вокруг Луны».

[2] Живой силой до конца прошлого столетия называли кинетическую энергию.

прилива, чтобы по желанию применять ее в качестве тепловой или двигательной энергии, — какие только «анонимные компании» и разные «товарищества на паях» не возникли бы для выполнения хоть целой сотни таких проектов! Американцы были бы первыми среди вкладчиков, и реки долларов устремились бы в кассы акционерных обществ, как воды великих американских рек стремятся в лоно океанов.

Понятно поэтому, какое волнение вызвал внезапно распространившийся и, по правде говоря, странный слух, будто арктические области будут продаваться с торгов и останутся за покупателем, предложившим самую высокую цену. Впрочем, поскольку деньги вносились сразу, никаких акций выпущено не было. Это предполагалось сделать позже, когда дело дойдет до использования земель, ставших собственностью новых владельцев.

Использовать арктические области! Поистине, такая мысль могла зародиться только в голове безумца!

Однако это был вполне деловой проект.

Действительно, вскоре в газеты Старого и Нового Света, в газеты европейские, африканские, азиатские, в газеты Океании и, конечно, в газеты американские было прислано одно объявление. Это было обращение ко всем заинтересованным — de commodo et incommodo [1]. Газета «Нью-Йорк геральд» напечатала его раньше других. И многочисленные подписчики Гордона Беннета в номере от 7 ноября прочитали следующее сообщение, быстро обежавшее весь мир, и научный и коммерческий. Впрочем, ученые и коммерсанты отнеслись к нему по-разному.

«К СВЕДЕНИЮ ОБИТАТЕЛЕЙ ЗЕМНОГО ШАРА.

Области вокруг Северного полюса, находящиеся за восемьдесят четвертым градусом северной широты, до сих пор не эксплуатируются по вполне основательной причине: они еще никем не открыты.

---

[1] Имеющим и не имеющим возражений (*лат.*).

В самом деле, в северных широтах можно назвать только следующие точки, достигнутые мореплавателями самых различных национальностей:

82°45′, на северной оконечности Шпицбергена, куда в 1847 году, следуя по линии двадцать восьмого меридиана, добрался англичанин Парри;

83°20′28″, на скрещении с пятидесятым западным меридианом, в северной части земли Гриннеля; там в мае 1876 года побывал Маркэм из экспедиции сэра Джорджа Нейрза;

83°35′ северной широты и 42° западной долготы на северном берегу земли Нейрза; этой точки в мае 1882 года достигли Локвуд и Брэнард из экспедиции, руководимой американцем — лейтенантом Грили.

Таким образом, это пространство от восемьдесят четвертой параллели до полюса, протяженностью в шесть градусов, можно рассматривать как имущество, нераздельно принадлежащее государствам земного шара. Оно может стать частной собственностью, если его продадут с публичных торгов.

Однако, в соответствии с основами права, ничто не должно оставаться нераздельным. И, опираясь на эти основы, Американские Соединенные Штаты решили произвести отчуждение этого имущества.

В Балтиморе образовалось общество под названием «Арктическая промышленная компания», официально представляющая интересы Соединенных Штатов. Компания предполагает в соответствии с законно составленным актом приобрести в полную собственность эту арктическую недвижимость со всеми ее материками, островами, островками, скалами, морями, озерами, реками, ручьями и потоками любого рода, и притом независимо от того, покрыты ли все они вечным льдом, или в летнее время освобождаются от ледяного покрова.

Особо отмечается, что право собственности не может быть отменено в силу давности, даже если произойдут какие-либо перемены в географическом или метеорологическом состоянии земного шара.

О всем изложенном доводится до сведения обитателей обоих полушарий для того, чтобы все государства могли принять участие в аукционе, причем право соб-

ственности остается за предложившим наивысшую цену.

День аукциона назначен на 3 декабря текущего года в городском аукционном зале в г. Балтиморе, штат Мэриленд, Северо-Американские Соединенные Штаты.

За разъяснениями обращаться к Уильяму С. Форстеру, временному агенту Арктической промышленной компании, Балтимора, Хай-стрит 93».

Конечно, можно было счесть такое объявление безумием! Но приходилось сознаться, что оно по крайней мере было чрезвычайно ясно и определенно. А его деловой характер подтверждался тем, что федеральное правительство уже выдавало концессию на арктические области, не дожидаясь, пока аукцион сделает Американское государство их действительным владельцем.

В конце концов мнения разделились. Некоторые предпочитали видеть здесь просто огромный американский «humbug» — дутое предприятие, на этот раз выходившее за обычные пределы, если только можно говорить о пределах человеческого легковерия. Другие думали, что предложение стоит принять всерьез. Они обращали внимание на то обстоятельство, что новая Компания не взывала к общественному кошельку. Она рассчитывала приобрести эти полночные края на собственные средства. Для наполнения своей кассы она вовсе не собиралась вытягивать из простаков доллары, банкноты, золото и серебро. Ничего подобного! Она хотела заплатить за околополярную недвижимость своими деньгами.

Людям расчетливым казалось, что Компании следовало бы, опираясь на «право первого захватившего», просто вступить во владение страной, не устраивая аукциона. Но в том-то и была вся трудность: доступ к полюсу, видимо, по сей день закрыт для человека. И на случай, если Соединенные Штаты приобрели бы эту страну, концессионеры хотели иметь контракт по всей форме, чтобы потом никто не оспаривал их прав. Несправедливо было бы порицать их за это. Они действовали предусмотрительно: поскольку в таком деле обычно

заключается договор, законные предосторожности не были лишними.

Между прочим, в объявлении была оговорка, относившаяся к возможным в будущем случайностям. Эта оговорка давала повод для различных толкований, так как точный ее смысл ускользал даже от самых хитроумных людей. Она гласила, что «право собственности не может быть отменено в силу давности, даже если произойдут какие-либо перемены в географическом или метеорологическом состоянии земного шара».

Что означали эти слова? Какая случайность имелась в виду? Как могла земля подвергнуться таким изменениям, которые отразились бы на географических и метеорологических условиях территории, поступавшей в продажу?

«Наверное, — говорили некоторые дальновидные люди, — здесь что-то кроется!»

Посыпались различные толкования: одни упражняли свою прозорливость, другие тешили свое любопытство.

Филадельфийская газета «Гросбух» тотчас же опубликовала следующую шутливую заметку:

«Будущие покупатели арктических стран, очевидно, узнали о предстоящем и точно высчитанном столкновении Земли с некоей кометой, обладающей твердым ядром, причем удар вызовет географические и метеорологические изменения; это, вероятно, и имеет в виду вышеуказанная оговорка».

Фраза была длинновата, как это и надлежит фразе, которая претендует на научность, и, однако, она ничего не разъясняла. Кроме того, люди рассудительные не могли поверить в возможность столкновения с подобной кометой. И трудно было допустить, чтобы концессионеры беспокоились о такой маловероятной случайности.

«Может быть, — писала ново-орлеанская газета «Дельта», — новая Компания воображает, что предварение равноденствий[1] когда-нибудь приведет к пере-

[1] Предварение равноденствий — медленное перемещение земной оси, описывающей в течение 26 тысяч лет конус, вследствие чего «полярными звездами» последовательно являются различные звезды северного неба.

менам, благоприятным для эксплуатации арктических владений?»

«А почему бы и нет? Ведь это явление изменяет параллелизм осей земного шара», — замечал «Гамбургский корреспондент».

«В самом деле, — писало парижское «Научное обозрение», — Адемар в своей книге «Возмущение океанов» допускает, что предварение равноденствий в соединении с вековым перемещением большой оси земной орбиты может в конце концов воздействовать на среднюю температуру различных точек земного шара и повлиять на количество льдов, скопившихся у его полюсов».

«Это еще не доказано, — возражало «Эдинбургское обозрение». — И даже если бы так случилось, то ведь потребовался бы срок в двенадцать тысяч лет, чтобы в результате вышеуказанного феномена Вега стала нашей Полярной звездой и чтобы в арктических областях произошли климатические изменения».

«Ну что же, — подхватывал копенгагенский «День», — через двенадцать тысяч лет мы и вложим в это дело свои капиталы, а до той поры — ни кроны!»

Во всяком случае, хотя «Научное обозрение» и имело основания ссылаться на Адемара, Арктическая промышленная компания едва ли возлагала надежды на перемены, которые сулило предварение равноденствий.

Так никто и не разобрался ни в том, что значила эта оговорка в знаменитом объявлении, ни в том, какие будущие космические изменения она имела в виду.

Повидимому, для выяснения достаточно было бы обратиться в правление новой Компании, в частности, к ее председателю. Но никто не знал ее председателя! Не знали также ни секретаря, ни членов вышеназванного правления. Не знали даже, от кого исходило объявление. В редакцию «Нью-Йорк геральд» его доставил некто Уильям С. Форстер из Балтиморы, почтенный владелец складов трески и агент торгового дома «Ардринель и К°» в Ньюфаундленде — лицо, очевидно, подставное. А он был так же нем, как все то, что хра-

нилось в его складах, и самые любопытные, самые ловкие репортеры не могли ничего из него выудить. Словом, Арктическая промышленная компания оказалась настолько анонимной, что никому не удалось выведать ни одного имени. Вот это уж действительно предел анонимности!

Хотя учредители нового коммерческого предприятия упорно хранили свои имена в глубокой тайне, зато их цель была точно и ясно указана в объявлении, которое обошло весь мир.

Дело заключалось в том, чтобы приобрести в полную собственность часть Полярной области, ограниченной с юга линией восемьдесят четвертого градуса и центром которой являлся Северный полюс. Восемьдесят четвертой параллели действительно не переходили даже те из исследователей новейшего времени, которые ближе всех подбирались к этой заветной точке земного шара, а именно Парри, Маркэм и Локвуд с Брэнардом. А прочие мореплаватели, бороздившие арктические моря, были остановлены в своем продвижении к полюсу значительно раньше. Пайец, продвинувшись немного северней земли Франца-Иосифа и островов Новой Земли, дошел в 1874 году до 82° 15′, Леу в 1870 году проник к северу от берегов Сибири — до 72° 47′, Делонг с экспедицией «Жаннеты» в 1879 году достиг островов, носящих его имя, то есть 78° 45′. Другие исследователи, обогнув Новосибирские острова и Гренландию и поровнявшись с мысом Бисмарка, приближались только к семьдесят шестому, семьдесят седьмому и семьдесят девятому градусу северной широты. Стало быть, между точкой, где побывали Локвуд и Брэнард (13°35′), и восемьдесят четвертой параллелью оставался еще промежуток, измеряемый по градусной сетке двадцатью пятью минутами, и, следовательно, Арктическая промышленная компания, как указывалось в объявлении, не покушалась на ранее открытые земли — ее планы простирались на область совершенно девственную, где еще не бывали люди.

Вот какова площадь той части земного шара, которая окружена восемьдесят четвертой параллелью:

От 84° до 90° всего шесть градусов; так как расстояние между градусами равно шестидесяти милям, то длина радиуса составляет триста шестьдесят миль, длина диаметра — семьсот двадцать миль. Длина окружности, следовательно, две тысячи двести шестьдесят миль. Вся площадь в круглых цифрах будет равна четыремстам семи тысячам квадратных миль [1]. Это почти десятая часть Европы, — изрядный кусочек!

Авторы объявления, как мы видели, считали бесспорным, что поскольку необследованные земли не принадлежат никому, то они принадлежат всем. Возможно, что бо́льшая часть государств и не подумает возражать против этого положения. Но следовало опасаться, что государства, граничащие с полярными областями, сочтут их продолжением своих владений к северу и пожелают воспользоваться правом собственности. Такие требования будут тем более основательны, что открытия в арктических областях сделаны благодаря отваге народов, населяющих эти государства. Федеральное правительство в лице новой Компании, предполагая, вероятно, что подобные требования будут предъявлены, рассчитывало возместить убытки этих государств суммой, полученной от аукциона. Как бы то ни было, сторонники Арктической промышленной компании твердили одно: «Это собственность общая, но раз никого нельзя заставлять владеть чем-либо сообща, то нельзя и возражать против продажи с аукциона всего обширного владения».

Государств, из-за близкого соседства имевших неоспоримые права на эту территорию, было шесть: Америка, Англия, Дания, Швеция с Норвегией, Голландия и Россия. Но и другие страны могли бы указать на открытия, сделанные их моряками и путешественниками.

Так, вправе была бы вмешаться и Франция, потому что ее сыны участвовали в экспедициях, целью которых было исследование околополярных территорий. Нельзя не упомянуть между другими смелого Белло, умершего

---

[1] То есть почти вдвое больше площади Франции, которая занимает 54 000 000 гектаров. *(Прим. автора.)*

в 1853 году около острова Бичи во время плавания «Феникса», посланного на розыски Джона Франклина. Разве можно забыть доктора Октава Пави, умершего в 1884 году около мыса Сабайн, во время пребывания экспедиции Грили в Форт-Конгер? А разве справедливо предать забвению экспедицию, с которой в 1838—1839 годах побывали в омывающих Шпицберген морях Шарль Мартен, Мармье, Браве и их доблестные спутники?

И тем не менее Франция решила вовсе не вмешиваться в это предприятие скорее коммерческого, чем научного характера и отказалась от своей доли полярного пирога, о которой другие державы рисковали обломать себе зубы. Быть может, она поступила разумно и правильно.

Так сделала и Германия. Она могла бы похвастать экспедицией на Шпицберген гамбургского жителя Фридриха Мартенса еще в 1671 году и плаванием кораблей «Германия» и «Ганза» в 1860—1870 годах под начальством Кольдервея и Хегемана, которые, держась берега Гренландии, поднялись к северу до мыса Бисмарка. Но, несмотря на блестящие открытия в прошлом, Германия не считала нужным увеличить Германскую империю куском полюса.

Так же поступила и Австро-Венгрия, хотя она и обладала Землей Франца-Иосифа, расположенной к северу от берегов Сибири.

А Италия, не имевшая никаких оснований вмешиваться, не вмешивалась вовсе, хотя это и покажется, пожалуй, неправдоподобным.

Оставались еще самоеды и другие сибирские народы, эскимосы, занимающие обширные территории Северной Америки, туземцы Гренландии, Лабрадора, архипелага Баффина-Парри, Алеутских островов и островов, находящихся между Азией и Америкой; наконец — те племена, которые под именем чукчей населяют старинную русскую Аляску (она стала американской с 1867 года). Но хотя эти народности являются исконным населением Севера и его бесспорными владельцами, им тут вовсе не предоставлялось права голоса.

Да и как, чем бы расплачивались эти бедняки на аукционе, объявленном Арктической промышленной компанией? Раковинами, моржовыми клыками или тюленьим жиром?

Правда, эта арктическая область отчасти принадлежала им, — ведь они впервые ее «открыли», они по праву ею владели, — а сейчас американцы собирались продать ее с публичных торгов! Но ведь они всего-навсего самоеды, чукчи, эскимосы, — их даже никто и не спрашивал...

Таковы уж порядки на земле!

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой читатель знакомится с делегатами Голландии, Дании, Швеции, России и Англии

Объявление заслуживало отклика. В самом деле, если бы новая Компания приобрела северные области, они стали бы полной собственностью Америки, или, вернее сказать, Соединенных Штатов, а эта живучая федерация и без того все время стремится приумножать владения. Совсем недавно Россия уступила правительству Соединенных Штатов территорию к северо-западу от Кордильер Северной Америки до Берингова пролива, что прибавило к Штатам изрядный кусок Нового Света[1]. Можно было предполагать, что великие державы не будут смотреть спокойно на присоединение к Федеральной республике арктических областей.

Однако, как уже говорилось, многие государства Европы и Азии, не граничащие с этими областями, отказались участвовать в необыкновенном аукционе, настолько результаты его казались им сомнительными. И лишь государства, берега которых доходят до

---

[1] В 1867 г. правительство царской России продало Соединенным Штатам Америки полуостров Аляску (вместе с Алеутскими островами) за ничтожную сумму в семь миллионов долларов.

восемьдесят четвертой параллели, решили воспользоваться своим правом и послать официальных представителей. Мы увидим, что они не хотели тратить больше определенной, сравнительно умеренной суммы на сомнительную покупку, ибо вступить во владение этими землями могло оказаться невозможным. Ненасытная Англия все-таки сочла нужным открыть своему представителю довольно значительный кредит. Поспешим объясниться: ведь передача кому бы то ни было полярных стран никоим образом не угрожала европейскому равновесию и не могла вызвать международных осложнений. Даже немецкий Юпитер — Бисмарк («Железный канцлер» тогда еще был в живых) не хмурил из-за этого дела своих густых бровей.

На поле сражения вышли только Англия, Дания, Швеция с Норвегией, Голландия и Россия. На балтиморском аукционе они столкнутся с Соединенными Штатами. Тому, кто предложит больше всех, достанется этот холодный полярный колпачок, рыночная стоимость которого является по меньшей мере весьма спорной.

Вот, впрочем, основания каждого из пяти европейских государств, вполне естественно желавших оставить эту землю за собой.

Скандинавия, владелица Нордкапа, расположенного под семидесятой параллелью, ничуть не скрывала, что считает себя вправе претендовать на обширные пространства, простирающиеся от ее берегов до самого Шпицбергена и даже до самого полюса. Действительно, разве мало сделали норвежец Кейльхау и знаменитый швед Норденшельд на поприще географического исследования этих краев? Тут возражать не приходилось.

Дания говорила, что она уже владеет Исландией и Фарерскими островами, расположенными почти у самого Полярного круга; ей принадлежат колонии, основанные далеко к северу в пределах Арктической области, например, остров Диско в Девисовом проливе, поселения Хольстейнборг, Провен, Годхавн, Упернивик в Баффиновом заливе и на западном берегу Гренландии. Кроме того, ведь знаменитый мореплаватель

Беринг, датчанин по происхождению, состоявший на русской службе, прошел в 1728 году через пролив, за которым осталось его имя, и тринадцать лет спустя погиб страшной смертью вместе с тридцатью моряками своего экипажа на берегу острова, тоже носящего теперь его имя! А разве еще ранее, в 1619 году, мореплаватель Иенс Мунк не обследовал восточный берег Гренландии и не нанес на карту многие точки, до него бывшие совершенно неизвестными? Поэтому у Дании было неоспоримое право выступать покупателем.

Голландия напоминала, что ее моряки — Баренц и Хеймскерк — побывали на Шпицбергене и Новой Земле еще в конце XVI века. Один из ее сынов, Ян Майен, пустившись в дерзкое плавание к северу в 1621 году, присоединил к своей стране остров, названный его именем, расположенный под семьдесят первым градусом северной широты. И вот Голландия теперь опиралась на подвиги прошлого.

Но зато русские принимали видное участие в исследовании пролива, отделяющего Азию от Америки (ведь русскими моряками были Алексей Чириков (и Беринг под его началом), Павлуцкий, экспедиция которого в 1751 году пробралась в пределы Ледовитого океана[1], и капитан Мартын Шпанберг с лейтенантом Уильямом Уолтоном, побывавшие в этих неизвестных краях в 1739 году. Да разве русские не господствуют над половиной Ледовитого океана уже в силу самого расположения сибирских территорий, протянувшихся по огромному азиатскому побережью на сто двадцать градусов, до самой крайней оконечности Камчатки, — территорий, населенных самоедами, якутами, чукчами и другими племенами, подвластными русскому государству? А на семьдесят пятой параллели, всего лишь в девятистах милях от полюса, разве не владеют они Новосибир-

[1] Сведения, приведенные здесь, не совсем точны. Чириков Алексей Ильич (1703—1748) — ученый и мореплаватель, виднейший участник 1-й Камчатской экспедиции (1725—1730). Во главе этого крупного русского географического предприятия был поставлен офицер русского флота, выходец из Дании, Беринг Витус (1681—1741). Особенно успешной была 2-я Камчатская экспедиция (1733—1743).

скими и Ляховскими островами, открытыми ими в начале XVIII века? Наконец, в 1764 году, раньше англичан, раньше американцев, раньше шведов, русский мореплаватель Чичагов разве не сделал попытку найти новый проход, чтобы сократить путь, разделяющий два континента?

Но американцы все-таки были, повидимому, более других заинтересованы в приобретении этих недосягаемых областей земного шара. Во время розысков сэра Джона Франклина, они, не жалея сил, тоже пробовали туда пробраться, — ведь американцами были Гриннель, Кейн, Хейс, Грили, Делонг и другие храбрые мореплаватели. Американцы тоже могли ссылаться на географическое положение своей страны, северная часть которой, от Берингова пролива до залива Гудзона, переходит за Полярный круг. Все эти земли и острова (такие, как острова принца Уэльского, Виктории, короля Вильгельма, Баффина, а также Уолластон, Банкс, Мелвилл и Кокбэрн, не считая сотен других островков), — разве не являются они как бы связующим звеном между материком и девяностой параллелью? И, пожалуй, земли, которые могут считаться продолжением Азии или Европы, не связаны с Северным полюсом такой непрерывной линией суши, как связана с ним Америка.

Поэтому вполне естественно, что предложение о продаже было выдвинуто федеральным правительством и притом в интересах некоей американской компании, — ведь если у какой-либо державы и были неоспоримые права на приобретение полярных областей, так это у Соединенных Штатов Америки.

Надо признать все же, что владеющее Канадой и Британской Колумбией Соединенное королевство, многие моряки которого отличались в арктических плаваниях, тоже имело основательные причины желать присоединения этой части земного шара к своей обширной колониальной империи. Английские газеты обсуждали вопрос продолжительно и страстно.

«Пусть, — писал известный английский географ Клиптрингэн в своей нашумевшей статье, — пусть себе шведы, датчане, голландцы, русские и американцы хва-

стаются своими правами! Англия все-таки без урона для себя не может дозволить, чтобы эти владения ускользнули от нее. Разве ей не принадлежит северная часть Нового Света? Эти земли, эти острова, относящиеся к ней, разве они не были захвачены ее собственными мореплавателями, начиная с Уилеби, посетившего Шпицберген и Новую Землю в 1739 году, и до Мак-Клюра, корабль которого в 1853 году прошел по Северо-Западному проходу?»

«И затем, — объявлял «Стандарт» в статье, подписанной адмиралом Физе, — разве Фробишер, Девис, Холл, Уеймут, Гудзон, Баффин, Кук, Росс, Парри, Бичи, Белчер, Франклин, Мюльгрейв, Скорсон, Мак-Клинтон, Кеннеди, Нейз, Коллинсон, Арчер — по происхождению не англосаксы? У какой страны больше прав на эту часть полярных земель, даже если английским мореплавателям пока и не удалось до нее добраться?»

«Пусть так, — возражал «Курьер Сан-Диего» (Калифорния), — но будем же рассуждать справедливо. Раз идет спор между Соединенными Штатами и Соединенным королевством, то хотя англичанин Маркэм из экспедиции Нейрза и поднялся до 83°20′ северной широты, — американцы Локвуд и Брэнард из экспедиции Грили перегнали его на пятнадцать градусных минут и установили звездный флаг Соединенных Штатов на 83°35′. Честь наибольшего продвижения к Северному полюсу теперь принадлежит им».

Таковы были атаки нападающих и ответные удары противников.

Наконец, перечисляя смелых моряков, побывавших в этих арктических областях, надо вспомнить также венецианца Кабота и португальца Кортереала, открывших в 1498 и 1500 годах Гренландию и Лабрадор. Но ни Италия, ни Португалия не собирались участвовать в предполагавшемся аукционе и нимало не беспокоились о том, кому достанутся эти земли.

Можно было предвидеть, что борьба разгорится сильнее всего между долларом и фунтом стерлингов, между Англией и Америкой.

Тем временем, по предложению Арктической промышленной компании, страны, граничащие с арктиче-

скими областями, рассмотрели этот вопрос вместе с приехавшими для его решения коммерсантами и учеными. Обсудив положение, государства постановили участвовать в аукционе, и открытие его было назначено на 3 декабря в Балтиморе. Делегатам были определены кредиты, которых они должны были придерживаться. Сумма, вырученная от продажи, в виде возмещения за убытки будет разделена между пятью менее счастливыми покупателями с тем, чтобы они отказались в дальнейшем от всяких претензий на продаваемую область.

Не обошлось без споров, но в конце концов дело уладилось. Заинтересованные государства согласились на предложение федерального правительства провести аукцион в Балтиморе. Получив соответствующие полномочия, делегаты из Лондона, Гааги, Стокгольма, Копенгагена и Петербурга выехали в Соединенные Штаты и прибыли туда за три недели до дня, назначенного для торгов.

Америка была представлена все тем же Уильямом С. Форстером, чье имя стояло в объявлении Арктической промышленной компании, появившемся 7 ноября в «Нью-Йорк геральд».

Теперь хоть бегло опишем делегатов, которые приехали из Европы.

От Голландии — Якоб Янсен, бывший советник по делам Голландской Индии: толстяк пятидесяти трех лет, небольшого роста; короткие ручки и короткие кривые ножки, на носу очки в алюминиевой оправе, лицо круглое, красное, волосы торчком, седеющие баки, — в общем, человек положительный, относящийся с известным недоверием к предприятию, практические цели которого ему не были ясны.

От Дании — Эрик Бальденак, в прошлом вице-губернатор Гренландии, коренастый, кривобокий, с толстым животом, с огромной головой, близорукий до такой степени, что при чтении он водил носом по страницам тетрадей и книг; он считал свою страну законной владычицей северных областей, а потому и слушать не желал ни о каких претендентах.

От Швеции и Норвегии — Ян Харальд, профессор космографии в Христиании, один из самых горячих сторонников экспедиции Норденшельда, настоящий северянин с румяным лицом, шевелюрой и бородой цвета спелой ржи, твердо уверенный в том, что полярный колпачок — это сплошное палеокристическое море и не представляет никакой ценности. Совершенно равнодушный ко всему делу, он явился сюда только для проформы.

От России — полковник Борис Карков, полувоенный, полудипломат, высокий, прямой, пышноволосый и бородатый, весь словно деревянный; его как будто стесняло штатское платье, и по временам он бессознательно искал рукой шашку, которая раньше висела у него на боку. Его очень интересовало, что же скрывалось за предложением Арктической промышленной компании и не грозит ли это в будущем международными осложнениями.

От Англии — майор Донеллан и его секретарь Дин Тудринк. Эти двое воплощали в себе жадные стремления Соединенного королевства, его коммерческие и промышленные инстинкты, его способность считать своими по какому-то закону природы все территории, северные, южные и экваториальные, до сих пор никому не принадлежавшие.

Майор Донеллан — англичанин самого английского склада, высокий, худой, костлявый, узкоплечий, угловатый, с куриной шеей, с маленькой, как у Пальмерстона, головой, с журавлиными ногами, жилистый, еще крепкий для своих шестидесяти лет и совершенно неутомимый, — это свойство он доказал, когда занимался исправлением границ Индии за счет границ Бирмы. Он никогда не смеялся и, может быть, не умел смеяться Да зачем ему было смеяться? Видано ли, чтобы смеялся подъемный кран, паровоз или пароход?

В этом майор существенно отличался от своего секретаря Дина Тудринка, веселого малого с узкими глазками, говорливого, большеголового и кудрявого. Он был шотландец по происхождению, любил посмеяться, и шутки и остроты создали ему славу в старинных кабачках. Но как ни любил он шутить и

острить, а едва дело доходило до притязаний Англии, даже самых несправедливых, он начинал проявлять, под стать Донеллану, такую же непримиримость и несговорчивость.

Эти двое делегатов должны были оказаться, очевидно, самыми ярыми противниками Арктической компании. Северный полюс является их собственностью, он принадлежит Англии с доисторических времен, сам господь бог вверил англичанам ось вращения Земли, и они не допустят перехода ее в чужие руки.

Следует также заметить, что хотя Франция не сочла нужным послать представителя — ни официального, ни неофициального, — все ж некий французский инженер отправился в Америку, якобы желая из чистой любознательности последить за этим интереснейшим делом. Он появится в свое время.

Представители государств Северной Европы прибыли в Балтимору на разных пароходах, как и следовало людям, которые не хотели воздействовать друг на друга. Они были соперниками. Каждый из них вез с собой средства, необходимые для будущего сражения. Заметим, кстати, что они были далеко не одинаково вооружены. Один располагал суммой меньше миллиона, другой — суммой, превышающей эту цифру. И, по правде сказать, за кусок земли, до которого почти невозможно добраться, не стоило платить слишком дорого! Лучше других был снабжен английский делегат, — Соединенное королевство открыло ему значительный кредит. Благодаря полученным средствам майор Донеллан мог без особого труда победить шведского, датского, голландского и русского соперников. Справиться с Америкой — это дело другое, нанести поражение долларам не так-то просто. Таинственная Компания, вероятно, имела в своем распоряжении значительные суммы. Главная схватка скорей всего произойдет между Соединенными Штатами и Великобританией; оружием в ней, наверное, будут миллионы.

С приездом европейских делегатов общественное мнение встревожилось еще больше. Газеты были полны удивительнейших россказней. По поводу продажи с аукциона Северного полюса ходили самые странные

предположения. Что с ним собирались делать? И какую пользу можно из него извлечь? Разве что подновить льдом глетчеры Старого и Нового Света! Парижская газета «Фигаро» придерживалась именно такого мнения. Но ведь для этого сначала надо перейти восемьдесят четвертую параллель!

Тем временем делегаты, избегавшие друг друга во время переезда через океан, теперь, высадившись в Балтиморе, начали сближаться.

И вот по каким причинам.

Прежде всего каждый из них тайком от остальных пытался завязать отношения с Арктической промышленной компанией. Все они хотели получить различные сведения, чтобы использовать их при удобном случае, хотели узнать, каковы были тайные пружины этого дела и какую прибыль надеялась из него извлечь Компания. Но до сих пор никак не удавалось разыскать ее отделение в Балтиморе. Ни конторы, ни служащих. За справками предлагалось обращаться к Уильяму С. Форстеру, на Хай-стрит. Но не похоже было, чтобы почтенный владелец складов для трески знал об этом деле больше, чем простой портовый грузчик.

Здесь делегатам не удалось ничего разузнать. Им оставалось довольствоваться нелепыми предположениями, которые плодила молва. Неужели в секреты Компании не удастся проникнуть до тех пор, пока она сама не обнародует их? Все терялись в догадках. А Компания, повидимому, собиралась нарушить свое молчание лишь после того, как сделка будет совершена.

Вот потому-то делегаты стали сначала прощупывать намерения друг друга, затем — встречаться и, наконец, вступили в тесное общение, быть может, не без задней мысли — заключить союз против общего врага, то есть против американской Компании.

Однажды, вечером 22 ноября, они устроили нечто вроде совещания в гостинице «Уолсли», в комнатах, которые занимали майор Донеллан и его секретарь Дин Тудринк. По правде сказать, полковник Борис Карков, бывший, как уже говорилось, тонким дипломатом,

положил немало усилий на то, чтобы делегаты перешли, наконец, к совместным действиям.

Разговор сразу же зашел о тех коммерческих и промышленных выгодах, которые Компания предполагала извлечь из покупки арктических областей.

Профессор Ян Харальд спросил, не удалось ли его коллегам разузнать что-нибудь на этот счет. Один за другим все признались, что они делали попытки подобраться к Уильяму С. Форстеру, у которого, судя по объявлению, следовало наводить справки.

— Однако у меня ничего не вышло, — сказал Эрик Бальденак.

— И я ничего не добился, — заметил Якоб Янсен.

— А я, — заявил Дин Тудринк, — придя от имени майора Донеллана в склад на Хай-стрит, застал там какого-то толстяка во фраке и в цилиндре, занавешенного от подбородка до сапог белым передником. Когда я стал его расспрашивать об этом деле, он мне ответил, что «Южная звезда» как раз прибыла из Ньюфаундленда с полным грузом и что он может устроить мне изрядную партию свежей трески в счет торгового дома «Ардринель и К°».

— Вот, вот, — как всегда скептически заговорил бывший советник по делам Голландской Индии, — лучше уж покупать треску, чем топить деньги в Ледовитом океане.

— Дело вовсе не в этом, — произнес майор Донеллан обычным своим резким и высокомерным тоном. — Речь идет не о партии трески, а о полярном колпачке...

— ...который Америке хочется нахлобучить на себя, — смеясь, прибавил Дин Тудринк.

— Кончится это для нее простудой, — сострил полковник Карков.

— Дело вовсе не в этом, — снова начал майор Донеллан, — и я не понимаю, какое отношение возможная простуда может иметь к нашему совещанию. Очевидно, по той или иной причине, Америка, представленная здесь Арктической промышленной компанией (прошу обратить внимание на слово «промышленной»), хочет купить около полюса площадь в четыреста семь тысяч квадратных миль, площадь, ограниченную в данное

время (прошу обратить внимание на слова «в данное время») восемьдесят четвертой параллелью северной широты...

— Нам все это известно, майор Донеллан, — заявил Ян Харальд. — Но нам неизвестно, каким же образом вышеуказанная Компания собирается эксплуатировать эти территории (если это территории) или моря (если это моря) — эксплуатировать их в промышленном отношении.

— Дело вовсе не в этом, — в третий раз заговорил майор Донеллан. — Некое государство желает приобрести за деньги часть земного шара, которая по своему географическому положению должна принадлежать Англии...

— России, — сказал полковник Карков.

— Голландии, — сказал Якоб Янсен.

— Скандинавии, — сказал Ян Харальд.

— Дании, — сказал Эрик Бальденак.

Пятеро делегатов ощетинились, и разговор грозил перейти в ссору, но тут вмешался Дин Тудринк.

— Постойте, — сказал он примиряющим тоном, — дело вовсе не в этом, как любит говорить мой начальник майор Донеллан. Поскольку уже решено, что околополярные области будут пущены в продажу, они неизбежно станут собственностью того из государств, вами представленных, которое на этом аукционе предложит за них больше всех. Поэтому, раз Скандинавия, Россия, Дания, Голландия и Англия открыли своим посланцам кредиты, не лучше ли образовать синдикат? Это даст нам возможность располагать такой значительной суммой, что американской Компании окажется не под силу с нами бороться.

Делегаты переглянулись. Дин Тудринк, пожалуй, нашел хороший способ уладить дело.

Синдикат... Нынче без этого не обойтись... Хочешь дышать, есть, пить, спать — на все синдикат! Это слово теперь в моде и в политическом и в деловом мире.

Однако еще требовалось кое-что уточнить, вернее объяснить, и Якоб Янсен отлично выразил чувства своих коллег, спросив:

— Ну, а дальше?

Именно — что же будет, после того как синдикат осуществит покупку?

— Но мне кажется, что Англия... — резко начал майор.

— И Россия! — сказал полковник, грозно нахмурив брови.

— И Голландия! — проговорил советник.

— Раз бог даровал Данию датчанам... — заметил Эрик Бальденак.

— Простите, — вскричал Дин Тудринк, — есть только одна страна, которую ее обитателям даровал бог! Это Шотландия.

— А почему? — спросил шведский делегат.

— Но разве не сказал поэт: «Deus nobis Ecotia fecit» [1], — возразил шутник, переделывая на свой лад слова «haec otia» в шестом стихе первой эклоги Вергилия.

Все, кроме майора Донеллана, расхохотались, и спор, который грозил окончиться довольно плохо, был прекращен во второй раз. Тут Дин Тудринк сказал:

— Не будем ссориться. К чему? Лучше сразу образуем наш синдикат!

— А дальше? — спросил Ян Харальд.

— А дальше, — сказал Дин Тудринк, — все пойдет проще простого. Купив полярные области, вы или оставляете их в нераздельном владении, или, возместив остальным справедливые убытки, передаете их одному из государств соприобретателей. Ведь основная цель — окончательно устранить представителей Америки — будет уже достигнута.

Это было разумное предложение — на ближайшее время по крайней мере, потому что, едва придет пора выбирать владельца для этой спорной и бесполезной недвижимости, делегаты не замедлят вцепиться друг другу в волосы, — а известно, что они отнюдь не были лысы!

Но все же, — как проницательно заметил Дин Тудринк, — Соединенные Штаты будут решительно отстранены.

---

[1] Бог создал для нас Шотландию (искаж. *лат.)*.

— Вот это, по-моему, благоразумно, — сказал Эрик Бальденак.

— Ловко, — сказал полковник Карков.

— Искусно, — сказал Ян Харальд.

— Хитро, — сказал Якоб Янсен.

— Совсем по-английски, — сказал майор Донеллан.

Каждый вставил свое слово, тая в сердце надежду впоследствии надуть почтенных коллег.

— Следовательно, — заговорил Борис Карков, — предполагается, что, входя в синдикат, каждое государство полностью сохраняет за собой право поступать в дальнейшем по своему усмотрению?..

С этим все согласились.

Оставалось только выяснить, какой кредит каждое государство отпустило своему делегату. Эти кредиты они сложат вместе, и несомненно общая сумма будет так значительна, что денежные возможности Арктической промышленной компании не превысят ее.

И Дин Тудринк задал вопрос о кредитах.

Но тут случилось нечто неожиданное. Воцарилось мертвое молчание. Никто не хотел отвечать. Показать, что у тебя в кошельке? Вывернуть карманы в кассу синдиката? Признаться, до какой цифры ты можешь идти? К чему так спешить? А если в дальнейшем между членами нового синдиката возникнут раздоры? А если дело пойдет так, что придется бороться только за самого себя? А если дипломата Каркова оскорбят ухищрения Якоба Янсена, а того обидят происки Эрика Бальденака, которого приведут в раздражение хитрости Яна Харальда, а тот откажется мириться с высокомерными замашками майора Донеллана, а последний нисколько не постесняется интриговать против каждого из коллег? Наконец объявить свои кредиты — значит раскрыть карты, а их, наоборот, нужно получше скрывать.

В самом деле, ответить Дину Тудринку на его законный, но нескромный вопрос можно по-разному. Надо либо преувеличить свои кредиты, от чего может произойти великая неловкость, когда придется расплачиваться, либо преуменьшить свои средства

курам на смех, чтобы просто ничего не вышло из этого предложения.

Такая мысль возникла сначала у бывшего советника по делам Голландской Индии, который, следует напомнить, не принимал дела всерьез; и его коллеги сразу сообразили, что им лучше присоединиться к нему.

— Я очень сожалею, — сказала его устами Голландия, — но для приобретения арктических владений я располагаю всего пятьюдесятью ригсдалерами.

— А я — только тридцатью пятью рублями, — сказала Россия.

— А я — только двадцатью кронами, — сказала Скандинавия.

— А я — только пятнадцатью кронами, — сказала Дания.

— Ну, — произнес майор Донеллан, и в голосе его послышалась спесь, характерная для Великобритании, — значит, полярная область останется за нами, потому что Англия может вложить в это дело только полтора шиллинга.

И этим ироническим заявлением окончилось совещание посланцев старушки Европы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой производится продажа арктических областей

Почему же продажа, назначенная на 3 декабря, должна была состояться в обычном аукционном зале, где всегда продавалось всякое движимое имущество — мебель, домашняя утварь, орудия и инструменты, разные предметы искусства, картины, статуи, медали и прочие старинные вещи? Почему, раз дело шло о продаже недвижимости, она не производилась в конторе нотариуса или в отделении гражданского суда, где полагается устраивать такие сделки? И, наконец, к чему было участие оценщика, раз в продажу шла часть земного шара? Неужели можно уподобить движимому имуще-

ству кусок земли, нечто самое недвижимое, что только есть на свете?

В самом деле, это казалось нелепым. И, однако, это было так. Арктические области продавались именно таким образом, купчая крепость имела обычную силу. Разве тем самым не доказывалось, что Арктическая промышленная компания считала данную недвижимость движимостью, словно ее можно было переместить? Такая странность вызывала удивление у некоторых особо сметливых людей, — хоть их не так-то много даже в Соединенных Штатах.

Впрочем, уже известен подобный случай. Кусок нашей планеты был продан с молотка в аукционном зале, при посредстве оценщика. И как раз в Америке.

В самом деле, за несколько лет до того в Калифорнии, в городе Сан-Франциско, один тихоокеанский остров, под названием остров Спенсер [1], был продан богачу Уильяму У. Кольдерупу, который дал на пятьсот тысяч долларов больше своего конкурента Дж. Р. Таскинара из Стоктона. Остров Спенсер пошел за четыре миллиона долларов. Правда, то был обитаемый остров, расположенный всего в нескольких градусах от берега Калифорнии, — остров с лесами, ручьями, плодородной и твердой почвой, с полями и лугами, годными для обработки, а здесь — неопределенное пространство, может быть даже море, таящееся за непроходимыми торосами и покрытое вечными льдами. Да еще, по всей вероятности, к нему и не пробраться. Следовало поэтому предполагать, что цена за неведомую полярную область не достигнет на аукционе такой значительной суммы.

Тем не менее необычность дела привлекла в этот день на аукцион множество людей, и если среди них мало оказалось серьезных покупателей, зато много было зевак, жадно ожидавших, чем все это кончится. Борьба действительно обещала быть очень занимательной.

---

[1] См. роман «Школа Робинзонов» того же автора. *(Прим. автора.)*

К тому же, едва европейские представители прибыли в Балтимору, как за ними все стали бегать, приставать к ним, и, конечно, все просили у них интервью. Не удивительно, что общественное мнение, как это часто случается в Америке, было возбуждено до крайности. Составлялись безумные пари — обыкновенная форма, в которую выливается общественное возбуждение у американцев, — пример заразительный! — последнее время ему охотно начинают следовать в Европе. Жители Американской федерации, а также Новой Англии, Восточных, Южных и Центральных штатов разбились на группы и придерживались различных мнений, хотя все они, в общем, стояли за своих соотечественников. Они надеялись, что Северный полюс в конце концов укроется под складками звездного флага. Все же они испытывали некоторую тревогу. Ни Россия, ни Швеция с Норвегией, ни Дания, ни Голландия не внушали особых опасений. Но имелась еще Великобритания с ее территориальными притязаниями, с упорным стремлением все присвоить и поглотить, с ее банкнотами, которых она не жалела. Тут пахло крупными суммами. На «Америку» и «Великобританию» делали ставки, как на скаковых лошадей, и приблизительно поровну. Ставить на «Данию», «Швецию», «Голландию» и «Россию» охотников не находилось.

Торги были назначены на полдень. Стечение любопытных уже с утра мешало движению на Болтон-стрит. Еще накануне в городе царило волнение. По трансатлантическому кабелю газеты получили сведения, что большинство пари, предложенных американцами, было принято англичанами, и Дин Тудринк тотчас же велел объявить об этом в аукционном зале. Говорили, будто правительство Великобритании передало значительные фонды в распоряжение майора Донеллана... В «Нью-Йорк геральд» писали, что лорды адмиралтейства настаивали на покупке арктических земель, уже включали их в список английских колоний и т. д.

Что было достоверно в таких слухах и россказнях, никто не знал. Но в тот день в Балтиморе рассудительные люди полагали, что если Арктическая промышленная компания будет предоставлена только своим

собственным силам, то борьба, возможно, закончится победой Англии. И некоторые из самых горячих янки уже старались оказать давление на вашингтонское правительство. А новая Компания в лице своего скромного агента Уильяма С. Форстера, повидимому, вовсе не разделяла всеобщего возбуждения, словно она была совершенно уверена в своей победе.

Условный час приближался, и толпа на Болтон-стрит все росла. За три часа до открытия дверей к аукционному залу нельзя было и подойти. Все пространство, отведенное для публики, было заполнено до отказа. Только для европейских делегатов было оставлено несколько мест, отгороженных барьером, откуда они могли следить за ходом аукциона и во-время делать свои надбавки.

Эрик Бальденак, Борис Карков, Якоб Янсен, Ян Харальд и майор Донеллан со своим секретарем Дином Тудринком сбились тесной кучкой, плечом к плечу, как солдаты, готовые идти на приступ: они ведь, и правда, собрались взять приступом Северный полюс!

Со стороны Америки никто не явился, если не считать рыбника, владельца складов; его грубое лицо выражало полнейшее равнодушие. Казалось, ему было безразлично все окружающее и думал он лишь о том, куда девать грузы, ожидаемые им из Ньюфаундленда. Кто же были те капиталисты, от лица которых этот простак собирался ворочать миллионами долларов? Тут было над чем поломать голову.

Никто и не подозревал, что Дж. Т. Мастон и миссис Эвенджелина Скорбит имеют отношение к делу. Да и как об этом можно было догадаться? Оба они были тут, но вместе с некоторыми другими именитыми членами Пушечного клуба, коллегами Дж. Т. Мастона, скрывались в толпе, не занимая особых мест. По виду они казались обыкновенными, совершенно бескорыстными зрителями. Уильям С. Форстер даже как будто не был знаком с ними.

Разумеется, вопреки порядку, установленному на аукционах, на сей раз предмет продажи не был выставлен для всеобщего обозрения. Северный полюс ведь нельзя, как какую-нибудь старинную вещицу, переда-

вать из рук в руки, рассматривать со всех сторон, разглядывать в лупу, а то и тереть пальцем, чтобы убедиться, старинная ли она в самом деле, или просто подделка. А полюс все-таки был чрезвычайно старинным предметом, — ведь он возник еще до каменного века, до железного, до бронзового, раньше всех доисторических эпох, потому что существует с начала мира!

Хотя самый полюс и не лежал на столе оценщика, зато на виду у всех заинтересованных висела большая карта, на которой очертания арктических областей были обведены яркой краской. По восемьдесят четвертой параллели, на семнадцать градусов выше Полярного круга, шла отчетливая красная линия, ограничивающая ту часть земного шара, которая по предложению Арктической промышленной компании была пущена в продажу. Возможно, она представляла собой море, покрытое ледяной корой весьма значительной толщины. Но это уж дело покупателя. Во всяком случае, обмана тут быть не могло: всякий видел, что он покупает.

Ровно в двенадцать часов из маленькой резной двери в глубине зала вышел оценщик Эндрью Р. Джилмор и занял место у своего стола. Аукционист Флинт, известный своим громоподобным голосом, раскачиваясь, как медведь в клетке, тяжело прохаживался вдоль решетки, за которой была публика. Оба заранее предвкушали, какую огромную сумму положат они себе в карман в виде процента с продажи. Само собой разумеется, что покупка должна была производиться на наличные деньги, «cash», по выражению американцев. Как бы велика ни оказалась сумма, вырученная от продажи, она целиком передавалась в руки делегатов тех государств, которые не станут владельцами продаваемой области.

И вот в зале что было мочи зазвонил колокольчик и оповестил всех, собравшихся снаружи, так сказать urbi et orbi [1], что торги начались.

Какой торжественный момент! Во всем квартале, во всем городе дрогнули сердца. С Болтон-стрит и приле-

---

[1] Весь свет (*лат.*).

гающих улиц в зал донесся отдаленный гул взволнованной толпы.

Эндрью Р. Джилмору пришлось подождать, пока волнение собравшихся уляжется, чтобы начать свою речь.

Наконец он встал и окинул собрание взглядом. Затем скинул пенсне и начал несколько взволнованным голосом:

— По предложению федерального правительства и с согласия государств как Нового, так и Старого Света назначается в продажу целым куском некая недвижимость, расположенная вокруг Северного полюса, ограниченная восемьдесят четвертой параллелью и состоящая из материков, морей, проливов, островов, островков и ледяных торосов, со всем, что там есть твердого и жидкого.

Затем он указал на карту, висевшую на стене:

— Соблаговолите взглянуть на карту, составленную на основании самых последних данных. Как вы видите, общая площадь всего этого участка равняется, весьма приблизительно, четыремстам семи тысячам квадратных миль. Для удобства продажи оценку решено производить из расчета одной квадратной мили. Поэтому при надбавках один цент будет означать в круглых цифрах четыреста семь тысяч центов, а доллар — четыреста семь тысяч долларов. Пожалуйста, потише!

Эта просьба была не лишней, так как нетерпение публики выражалось громким шумом, который оценщику было трудно перекричать. Благодаря вмешательству аукциониста Флинта, голос которого звучал не слабее корабельной сирены во время тумана, спокойствие было отчасти восстановлено, и Эндрью Р. Джилмор получил возможность продолжать свою речь:

— Прежде чем приступить к торгам, я считаю своим долгом напомнить одно из условий продажи, а именно: полярная недвижимость поступает в полную собственность купившего и не может быть оспариваема продавшей стороной в пределах восемьдесят четвертой параллели северной широты, независимо от каких-либо

перемен в географическом или метеорологическом состоянии земного шара.

Опять эта имевшаяся в объявлении странная оговорка, которая, возбуждая шутки одних, у других будила подозрения!..

— Аукцион открыт! — прозвучал голос оценщика.

И, взмахнув молоточком слоновой кости, он по привычке прогнусавил обычное вступление к аукциону:

— Квадратная миля за десять центов!

Десять центов — то есть одна десятая часть доллара — это означало сумму в сорок тысяч семьсот долларов за всю арктическую недвижимость.

Однако оценка Эндрью Р. Джилмора была сразу же перекрыта Эриком Бальденаком, выступавшим от лица датского правительства.

— Двадцать центов! — сказал он.

— Тридцать центов! — сказал Якоб Янсен от лица Голландии.

— Тридцать пять! — сказал Ян Харальд от лица Скандинавии.

— Сорок, — сказал полковник Борис Карков от лица всей России.

Это уже составляло сумму в сто шестьдесят две тысячи восемьсот долларов, а между тем торги только начинались.

Надо заметить, что представитель Великобритании до сих пор еще не сказал ни слова и даже не раскрыл плотно сжатого рта.

Уильям С. Форстер, владелец тресковых складов, тоже сохранял непроницаемое молчание. Он, видимо, был всецело погружен в чтение «Ньюфаундлендского Меркурия», где печатались сведения о товарах и о ценах на всех американских рынках.

— Сорок центов за квадратную милю! — соловьем заливался Флинт. — Сорок центов!

Четверо коллег майора Донеллана переглянулись. Неужели они исчерпали свои кредиты уже в самом начале борьбы? Неужели дальше им придется молчать?

— Ну, ну, — снова заговорил Эндрью Р. Джилмор, — сорок центов! Кто больше? Сорок центов! А ведь этот полярный колпачок стóит подороже...

Казалось, он вот-вот добавит: «полярный колпачок из чистопробных вечных льдов».

Но тут датский представитель объявил:

— Пятьдесят центов!

А голландский делегат надбавил еще десять.

— Квадратная миля идет за шестьдесят центов! — выкрикнул Флинт. — Шестьдесят центов! Никто не надбавит?

Эти шестьдесят центов уже составляли почтенную сумму в двести сорок четыре тысячи двести долларов.

Собрание приветствовало надбавку Голландии одобрительными возгласами. Вот странное и вместе с тем частое явление: бывшие в зале бедняки с пустыми карманами, без гроша за душой, казалось, были больше всех увлечены этой схваткой долларов.

Между тем, как только выступил Якоб Янсен, майор Донеллан поднял голову и посмотрел на своего секретаря Дина Тудринка. Но тот сделал едва уловимый отрицательный знак, и майор так и не раскрыл рта.

Уильям С. Форстер не отводил глаз от своих рыночных отчетов и делал карандашом пометки на полях.

А Дж. Т. Мастон, в ответ на улыбку миссис Эванджелины Скорбит, лишь кивнул головой.

— Ну, ну, нельзя ли поживее! Что мы так тянем? Слабо, слабо... — повторял Эндрью Р. Джилмор. — Ну-ка! Никто не даст больше? Можно кончать?

И его молоточек то поднимался, то опускался, как кропило причетника во время церковной службы.

— Семьдесят центов, — неуверенно сказал профессор Ян Харальд.

— Восемьдесят! — сразу же за ним объявил Борис Карков.

— Ну-ну! Восемьдесят центов? — выкрикнул Флинт, круглые серые глаза которого разгорались все ярче с каждой надбавкой.

По знаку Дина Тудринка майор Донеллан вскочил, словно чертик на пружинке.

— Сто центов! — отрубил представитель Великобритании.

Это значило, что Англия предлагала четыреста семь тысяч долларов.

Делавшие ставки на Соединенное королевство закричали «ура», часть публики подхватила их возгласы.

Ставившие на Америку переглянулись довольно разочарованно. Четыреста семь тысяч долларов? Это была уже очень крупная цифра для фантастической области у Северного полюса. Четыреста семь тысяч долларов за айсберги, ледяные поля и торосы?!

А представитель Арктической промышленной компании не издал ни звука, даже головы не поднял! Неужели он не решится сделать ни одной надбавки? Если он хотел дождаться, чтобы делегаты Дании, Швеции, Голландии и России исчерпали свои средства, то, казалось, сейчас как раз пора было выступить. Действительно, по их лицам было видно, что «сто центов» майора Донеллана заставляют их покинуть поле битвы.

— Квадратная миля идет за сто центов! — два раза повторил оценщик.

— Сто центов! Сто центов! Сто центов! — кричал Флинт, сложив руки рупором у рта.

— Никто не даст больше? — спросил Эндрью Р. Джилмор. — Значит, решено? Все согласны? Жалеть никто не будет? Пристукнем?

И, опуская руку с молоточком, он обвел выжидающим взглядом зрителей, в волнении затаивших дыхание.

— Раз! Два! — произнес он.

— Сто двадцать центов, — спокойно сказал Уильям С. Форстер, даже не поднимая глаз и переворачивая газетный лист.

— Гип! Гип! Гип! — закричали те, кто делал большие ставки на Американские Соединенные Штаты.

Майор Донеллан в свой черед горделиво приосанился. Его голова на длинной шее вертелась, как заводная, над угловатыми плечами, а тонкие губы клювом вытянулись вперед. Он окинул испепеляющим взором бесстрастного представителя американской Компании, но в ответ не получил ни взгляда. Проклятый Уильям С. Форстер даже не шелохнулся.

— Сто сорок! — объявил майор Донеллан.

— Сто шестьдесят! — сказал Форстер.

— Сто восемьдесят! — прогремел майор.

— Сто девяносто! — пробормотал Форстер..

— Сто девяносто пять центов!.. — завопил делегат Великобритании.

Скрестив руки на груди, он как будто бросал вызов всем тридцати восьми штатам Федерации.

Стало так тихо, что, казалось, можно было услышать, как ползет муравей, как плывет маленькая плотичка, как порхает мотылек, как перебирается с места на место червячок, как движется микроб... Все сердца бились тревожно, как будто самая жизнь присутствующих зависела от слов майора Донеллана. Голова его не вертелась больше. Что до Дина Тудринка, то он ожесточенно скреб затылок и чуть не рвал на себе волосы.

Эндрью Р. Джилмор приостановился на несколько мгновений, показавшихся всем вечностью. Владелец тресковых складов продолжал читать газету и делать пометки, видимо не имевшие никакого отношения к аукциону. Неужели он тоже исчерпал свои средства? Неужели он не попытается сделать еще одну, последнюю надбавку? Или заплатить сто девяносто пять центов за квадратную милю, то есть свыше семисот девяноста трех тысяч долларов за всю недвижимость оптом, ему казалось поступком, выходящим за пределы здравого смысла?

— Сто девяносто пять центов, — начал оценщик. — Остается за...

И его молоток повис над столом.

— Сто девяносто пять центов! — повторил аукционист.

— Кончайте! Кончайте!

Это кричали некоторые нетерпеливые зрители, недовольные медлительностью Эндрью Р. Джилмора.

— Раз... два... — воскликнул он.

И все взгляды обратились на представителя Арктической промышленной компании.

Подумать только! Этот удивительный человек не спеша сморкался в большой клетчатый фуляровый платок, уткнув в него оба отверстия своей носовой полости.

Между тем Дж. Т. Мастон метал на него взгляд за взглядом, да и взоры миссис Эвенджелины Скорбит были устремлены в том же направлении. Их побледневшие лица выдавали, как велико было волнение, которое они старались побороть. Почему же Уильям С. Форстер медлил перекрыть надбавку майора Донеллана?

Уильям С. Форстер высморкался второй, затем третий раз с громом артиллерийских выстрелов. Но напоследок он тихо и скромно пробормотал:

— Двести центов!

Зал содрогнулся. Затем, по американскому обычаю, раздались такие крики: «Гип! Гип!», что стекла задребезжали.

Майор Донеллан, ошеломленный, смущенный, уничтоженный, рухнул на свое место рядом с Дином Тудринком, потрясенным не менее его. Такая оценка за квадратную милю давала в итоге огромную сумму в восемьсот четырнадцать тысяч долларов, и, очевидно, британскому представителю не разрешено было превышать ее.

— Двести центов! — повторил Эндрью Р. Джилмор.

— Двести центов! — провозгласил Флинт.

— Раз!.. два!.. — кричал оценщик. — Никто не дает больше?..

Майор Донеллан, движимый невольным побуждением, снова вскочил и посмотрел на остальных делегатов. Но те как раз считали, что только он один может отстоять Северный полюс от американцев. Это усилие было последним. Майор открыл рот, снова закрыл, и Англия тяжело шлепнулась на свое место.

— Три! — прокричал Джилмор, ударив по столу своим молоточком слоновой кости.

— Гип! Гип! Гип! — орали делавшие ставки на победительницу Америку.

Известие о результате торгов мигом разнеслось по всем закоулкам Балтиморы, затем по телеграфным проводам разошлось по всей Федерации; а позже, по подводному кабелю, оно ворвалось в Старый Свет,

Собственницей арктических владений, находящихся за восемьдесят четвертой параллелью, стала Арктическая промышленная компания (через свое подставное лицо — Уильяма С. Форстера).

И наутро, когда Уильям С. Форстер пришел объявить, для кого сделана покупка, он назвал имя мистера Импи Барбикена, который представлял вышеупомянутую Компанию под фирмой «Барбикен и К°».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой появляются старые знакомые наших юных читателей

Барбикен и К°! Председатель клуба артиллеристов! Но какое дело артиллеристам до таких предприятий? Сейчас мы это увидим.

Нужно ли по всей форме представлять читателю Импи Барбикена, председателя балтиморского Пушечного клуба, и капитана Николя, и Дж. Т. Мастона, и Тома Хэнтера на деревянных ногах, и непоседливого Билсби, и полковника Блумсбери, и всех остальных? Конечно нет! Эти чудаки, правда, постарели на двадцать лет с тех дней, когда внимание всего мира было приковано к ним, но все-таки остались такими, как были. У них у всех не хватало чего-нибудь, у кого руки, у кого ноги, но, в общем, и теперь это были все те же горячие, отчаянные люди, готовые очертя голову кинуться в любое, самое необыкновенное приключение. Время не одолело этого легиона отставных артиллеристов. Оно щадило их, как щадит старинные пушки, вышедшие из употребления и украшающие музеи старых арсеналов.

Если Пушечный клуб уже в год своего основания насчитывал тысячу восемьсот тридцать три члена (мы говорим о людях, а никак не о членах их тела, не об их руках и ногах, которых многие из артиллеристов не досчитывались) да еще тридцать тысяч пятьсот семьдесят пять человек имели честь состоять корреспон-

дентами вышеназванного клуба, то теперь эти цифры нисколько не уменьшились. Как раз наоборот. Благодаря невероятной попытке установить прямую связь между Землей и Луной[1] слава клуба возросла необычайно.

И хотя все, наверное, еще помнят, сколько шуму наделал этот примечательный опыт, о нем следует все же вкратце рассказать.

Несколько лет спустя после войны между Севером и Югом некоторые члены Пушечного клуба, тяготясь своей праздностью, вознамерились при помощи исполинского орудия отправить снаряд на Луну. На полуострове Флорида в городе Мун-Сити прямо в земле была торжественно отлита пушка, так называемая «Колумбиада», длиной в девятьсот футов при внутреннем диаметре, равном девяти футам; на заряд пошло четыреста тысяч фунтов пироксилина. Выпущенный из этой пушки цилиндроконический алюминиевый снаряд под напором шести миллиардов литров газа полетел к ночному светилу. В результате отклонения траектории снаряд облетел вокруг Луны, вернулся на Землю и погрузился в Тихий океан под 27°7′ северной широты и 41°37′ западной долготы. Там-то фрегат федерального флота «Саскуегана» подобрал на поверхности океана этот снаряд, вместе с его удачливыми постояльцами.

Да, самыми настоящими постояльцами!

В снаряде-вагоне поместились двое членов Пушечного клуба — его председатель Импи Барбикен и капитан Николь; третьим был один француз, известный сорви-голова. Все трое вернулись из своего путешествия целы и невредимы. Американцы охотно пустились бы сразу в какое-нибудь новое приключение, но с французом дело обстояло иначе. Мишель Ардан (так его звали) возвратился в Европу, кажется разбогател, хотя это удивило многих, и кончил тем, что стал сажать капусту, с удовольствием ел ее, и даже, как утверждали наиболее осведомленные репортеры, она шла ему впрок.

---

[1] См. романы «С Земли на Луну» и «Вокруг Луны» того же автора. *(Прим. автора.)*

После своего громового выстрела Импи Барбикен и Николь жили, пользуясь славой и относительным покоем. Но, томясь жаждой великих подвигов, они мечтали о новой затее в том же роде. В деньгах у них недостатка не было. От их последнего предприятия из пяти с половиной миллионов, собранных по общественной подписке в Новом и Старом Свете, у них осталось около двухсот тысяч долларов. Кроме того, они разъезжали по Соединенным Штатам и везде показывались публике в своем алюминиевом снаряде, словно некое чудо природы в клетке; заработали они на этом предприятии изрядные деньги да еще достигли громкой славы, о какой только могут мечтать честолюбцы.

Теперь Импи Барбикен и капитан Николь могли бы жить спокойно, если бы их не грызла скука. И вот, — вероятно, чтобы нарушить свое бездействие, — они и задумали купить арктические области.

Не нужно забывать, что затратить более восьмисот тысяч долларов на такую покупку оказалось возможным лишь потому, что миссис Эвенджелина Скорбит вложила в дело недостающую сумму. Благодаря этой щедрой женщине Америка победила Европу.

Вот что было причиной ее щедрости.

Неслыханную славу, которая окружала после возвращения председателя Барбикена и капитана Николя, с ними делил еще один человек. Вы, конечно, догадались, что речь идет о Дж. Т. Мастоне, вспыльчивом секретаре Пушечного клуба. Разве не этот талантливый ученый сделал математические вычисления, позволившие осуществить смелую попытку, о которой говорилось выше? Если он и не сопровождал своих друзей в их межпланетном путешествии, то не из робости, — клянусь ядром! Дело в том, что у почтенного артиллериста не хватало кисти правой руки, а на черепе из-за одной несчастной случайности, которые нередки на войне, он носил гуттаперчевую заплатку. Показать это селенитам значило бы внушить им довольно жалкое представление об обитателях Земли, при которой Луна существует лишь как скромный спутник.

Поэтому, к своему глубокому огорчению, Дж. Т. Мастон вынужден был отказаться от полета. Но он не сидел праздно. Он принимал участие в сооружении огромного телескопа, и после установления его на самом острие пика Лонга, одной из высочайших вершин в цепи Скалистых гор, Дж. Т. Мастон сам переселился туда. Как только снаряд, описывающий в небе свою величественную траекторию, был замечен, Дж. Т. Мастон уже не покидал своего наблюдательного поста Не отходя от объектива гигантского инструмента, он всецело предался наблюдению за друзьями, пересекавшими пространство в своем воздушном экипаже.

Многие думали, что отважные путешественники навсегда потеряны для Земли. Действительно, существовала опасность, что снаряд из-за притяжения Луны сохранит свою новую орбиту и будет вечно носиться вокруг ночного светила в качестве субспутника.

Но нет! Некоторое, словно ниспосланное судьбой, отклонение изменило направление снаряда. Вместо того чтобы упасть на Луну, снаряд облетел вокруг нее и вернулся к земному шару, все ускоряя полет, так что к моменту своего погружения в глубины моря он достиг скорости более двухсот тысяч километров в час.

К счастью, водные массы Тихого океана смягчили падение, свидетелем которого был американский фрегат «Сасквегана». Новость тотчас же была передана Дж. Т. Мастону. Секретарь Пушечного клуба поспешно покинул обсерваторию на пике Лонга и бросился на выручку. В том месте, где упал снаряд, море было обследовано на большой глубине, и верный Дж. Т. Мастон ради спасения своих друзей не задумываясь решил и сам облечься в водолазный костюм.

Но ему незачем было так стараться. Алюминиевый снаряд, великолепно нырнув в воды Тихого океана и вытеснив количество воды весом больше его собственного, всплыл наверх. А чем же занимались Барбикен, капитан Николь и Мишель Ардан, когда их подобрали на поверхности океана? Они играли в домино в своей пловучей тюрьме.

Возвращаясь опять к Дж. Т. Мастону, надо сказать,

что участие в этих необыкновенных приключениях весьма выдвинуло его.

Заплатка на черепе и металлический крючок вместо правой кисти, конечно, не красили Дж. Т. Мастона. Кроме того, он был уже и не молод: в пору нашего рассказа ему стукнуло пятьдесят восемь лет. Но его своеобразный нрав, живость ума, огненный взгляд, горячность, которую он вносил во все, чем занимался, делали его идеальным человеком в глазах миссис Эвенджелины Скорбит. К тому же его мозг, тщательно прикрытый гуттаперчивой нашлепкой, был в целости и сохранности, и Мастон заслуженно считался одним из замечательных математиков своего времени.

А между тем миссис Эвенджелина Скорбит, не увлекаясь математикой (простейшие подсчеты вызывали у нее головную боль), питала склонность к математикам. Она считала их существами высшими, особенными. Подумать только! Иметь голову, в которой разные иксы тарахтят, как орехи в мешке, мозг, забавляющийся алгебраическими знаками, руки, жонглирующие тройными интегралами, как жонглируют стаканами и бутылками руки фокусника, и ум, разбирающийся в формулах вроде

$$\iiint \varphi\,(xyz)\,dx\,dy\,dz.$$

Каково?

Такие ученые казались ей достойными восхищения, они словно нарочно созданы были для того, чтобы женщину влекло к ним «прямо пропорционально массе и обратно пропорционально квадрату расстояния». И как раз Дж. Т. Мастон был достаточно толст, чтобы притягивать ее с непреодолимой силой, а что касается расстояния, то оно равнялось бы нулю, если бы они, наконец, поженились.

Надо признаться, что все это не переставало беспокоить секретаря Пушечного клуба, вовсе не собиравшегося искать счастья в таком тесном союзе. К тому же миссис Эвенджелину Скорбит в сорок пять лет нельзя было назвать особой ни первой, ни даже второй молодости. У нее был большой рот и длинные зубы,

которые она ухитрилась сохранить все до единого, прилизанные на висках волосы цвета не раз перекрашенной тряпки, плоский стан и неизящная походка. Короче говоря, по наружности она была типичной старой девой, хотя и состояла когда-то в браке — правда, всего несколько лет. Но, в общем, она была отличная женщина и ничего в жизни так не желала, как появляться в балтиморских гостиных в качестве миссис Мастон.

Состояние вдовы считалось очень значительным. Правда, она не могла равняться с такими богачами, как разные Гульды, Макеи, Вандербилты и Гордоны Беннеты, с миллиардерами, перед которыми даже Ротшильд кажется нищим. Конечно, у нее не было трехсот миллионов, как у миссис Мозес Карпер, или двухсот миллионов, как у миссис Стюарт, или восьмидесяти миллионов, как у миссис Крокер, — вот это вдовы так вдовы! И не была она так богата, как миссис Хамерслей или миссис Нелли Грин, миссис Мэффит, миссис Маршал, миссис Пара Стивенс, миссис Минчэри и некоторые другие! Но во всяком случае она с полным правом могла присутствовать на памятном празднике на Пятой авеню в Нью-Йорке, куда приглашали только тех, у кого было не меньше пяти миллионов. Миссис Эванджелина Скорбит как раз и располагала пятью миллионами долларов, оставленными ей покойным мужем Джоном Скорбитом, который нажил свое богатство в двух отраслях торговли сразу: он торговал модным платьем и солониной. И вот это состояние великодушная вдова с радостью принесла бы в дар Дж. Т. Мастону, которому сверх того досталась бы еще ее неистощимая нежная любовь.

А пока, по просьбе Дж. Т. Мастона, миссис Эванджелина Скорбит согласилась вложить несколько сотен тысяч долларов в дело Арктической промышленной компании, не зная даже толком, в чем оно заключается. Правда, она была уверена, что предприятие, в котором участвовал Дж. Т. Мастон, не могло не быть грандиозным, великолепным и необыкновенным. Вся прошлая жизнь секретаря Пушечного клуба утверждала ее в этом мнении.

Можно себе представить, как укрепилось ее доверие ко всему делу, когда после аукциона она узнала, что правление нового общества возглавляет председатель Пушечного клуба под фирмой «Барбикен и К^0».

А раз в эту «... и К^0» входит сам Дж. Т. Мастон, то ей следовало только радоваться, что она стала самым крупным акционером Компании.

Таким образом миссис Эванджелина Скорбит оказалась владелицей весьма значительной части полуночных краев, расположенных за восемьдесят четвертой параллелью. Чего уж лучше! Но как будет она, или, вернее, как будет Компания, извлекать прибыль из своих недосягаемых владений?

Вопрос продолжал оставаться вопросом, и если он глубоко беспокоил миссис Эванджелину Скорбит по денежным соображениям, то весь остальной мир интересовался им из обыкновенного любопытства.

Этой превосходной женщине очень хотелось хоть что-нибудь выведать у Дж. Т. Мастона, прежде чем доверить свои деньги заправилам Компании. Но Дж. Т. Мастон хранил упорное молчание. Миссис Эванджелине Скорбит предстояло узнать, «где зарыта собака», лишь позднее, когда весь мир поразило сообщение о целях новой Компании!

Несомненно, думала она, дело идет о каком-нибудь таком предприятии, которое, по выражению Жан-Жака Руссо, «не имело примера и не будет иметь подражателей», о предприятии, которое далеко оставит за собой попытку членов Пушечного клуба установить прямую связь между Землей и ее спутником.

Но если она пробовала расспрашивать, Дж. Т. Мастон прикладывал свой крючок ко рту в знак необходимости молчать и говорил только:

— Имейте ко мне немножко доверия, дорогая миссис Скорбит!

И если уж она соглашалась ему довериться «до», то какую радость испытала она «после», когда пылкий секретарь сказал, что ей одной следует приписать честь победы Соединенных Штатов над северными странами Европы.

— Не могу ли я узнать, наконец, для чего все это делается? — с улыбкой спросила она знаменитого математика.

— Вы скоро все узнаете, — ответил Дж. Т. Мастон и крепко, по-американски, потряс руку соучастнице их общего дела.

И то, что он крепко пожал ей руку, немедленно успокоило великое волнение миссис Эванджелины Скорбит.

Несколькими днями позже Старый и Новый Свет чрезвычайно потрясло (а какое потрясение ожидало всех в дальнейшем!) известие о совершенно безумном проекте, для выполнения которого Арктическая промышленная компания открыла подписку на свои акции.

Оказалось, что Компания купила приполярные области с целью эксплуатировать... каменноугольные залежи Северного полюса!

ГЛАВА ПЯТАЯ

А можно ли допустить, что около Северного полюса имеются каменноугольные залежи?

Такой вопрос сразу приходил в голову каждому сколько-нибудь логически мыслящему человеку.

— Откуда они взяли, что около Северного полюса есть каменный уголь? — говорили одни.

— А почему бы ему и не быть там? — возражали другие.

Залежи каменного угля, как известно, встречаются на земном шаре во многих местах. Им щедро наделены различные области Европы. Угольных залежей много в обеих Америках, и, пожалуй, особенно богаты ими Соединенные Штаты. Уголь есть также и в Африке, и в Азии, и в Океании.

Но разведка земных недр идет вперед, и пласты каменного угля открывают во всех геологических слоях: антрацит — в наиболее древних, а бурый уголь

разных видов — во всех угленосных пластах. Горючие вещества встречаются и в слоях, насчитывающих всего несколько сотен лет.

Однако ежегодная добыча угля во всем мире равняется четыремстам миллионам тонн (из них Англия одна добывает сто шестьдесят миллионов тонн). А ведь с возрастанием нужд промышленности потребление угля, очевидно, не перестает увеличиваться. Замена пара электричеством в качестве двигательной силы покрывает только расход угля для производства этой силы. Брюхо промышленности живет одним углем, ничего другого оно не принимает. Промышленность — животное «углеядное», и его надо хорошо кормить.

Уголь, кроме того, не только топливо, но также и вещество, из которого современная наука умеет извлекать множество побочных продуктов для самого различного употребления. Подвергнув уголь всевозможным изменениям в тиглях лабораторий, его применяют для окрашивания, для подслащивания, для придания аромата, для выпаривания, для очистки разных веществ, для отопления и освещения, даже для украшения — из него можно делать алмазы. Он так же полезен, как железо, — и даже больше.

К счастью, нечего бояться исчерпать запасы железа, — оно входит в самый состав земной коры. Ведь Земля представляет собой железную массу, более или менее расплавленную до огненно-жидкого состояния и прикрытую текучими силикатами, поверх которых уже располагаются каменные породы и океаны. Другие металлы, а также камень и вода, входят в состав нашей планеты в гораздо меньшем количестве, чем железо.

Но если в добыче железа мы можем быть уверены на веки вечные, то с каменным углем дело обстоит не так. И далеко не так. Людям осведомленным, заглядывающим на сотни лет вперед, нужно поэтому разыскивать каменноугольные залежи везде, где только в давние геологические эпохи могла их образовать предусмотрительная природа.

— Неужели? — говорили противники новой Компании.

Ведь в Соединенных Штатах, как и везде, немало людей, которые по зависти и злобе любят поносить все и вся, а немало и таких, которые спорят просто ради одного удовольствия.

— Неужели? — говорили эти люди. — Но откуда около Северного полюса взяться каменному углю?

— Как откуда? — отвечали сторонники Барбикена. — Да ведь весьма вероятно, что в эпоху образования земной коры масса Солнца, согласно теории Бланде, была значительно больше и разница температур экватора и полюсов не была столь велика. И вот задолго до появления человека, под постоянным воздействием жара и влаги, в северных областях земного шара произрастали огромные леса...

Газеты и журналы, державшие сторону Арктической компании, развивали это положение в тысячах различных статей, — как в научной, так и в шутливой форме.

В самом деле, из-за ужасных сотрясений, происходивших до того, как земной шар принял свой окончательный вид, эти леса оказались глубоко в земле и со временем под влиянием воды и внутреннего жара земли должны были, разумеется, обратиться в пласты каменного угля. Поэтому можно легко предположить, что полярные владения богаты углем, который только и дожидается кирки шахтера.

Кроме того, были и факты, неопровержимые факты. Люди благоразумные, не привыкшие полагаться на простое предположение или вероятность, и то не могли подвергнуть их сомнению. Эти факты вполне оправдывали поиски различных видов угля в полночных краях.

Как раз обо всем этом и толковали через несколько дней майор Донеллан и его секретарь, сидя в самом темном уголке кабачка «Два друга».

— Неужели Барбикен — чтоб его черт побрал! — окажется прав? — говорил Дин Тудринк.

— Возможно, — отвечал майор Донеллан, — больше того, даже наверное.

— Но тогда они наживут огромные деньги на эксплуатации полярных областей!

— Непременно! — ответил майор. — Раз в Северной Америке имеются обширные залежи горючего и к тому же нередки сообщения об открытии там новых пластов, то, без сомнения, в будущем их обнаружится в этой стране еще не мало, дорогой Тудринк. А ведь арктические земли составляют как бы придаток к американскому материку. Полное сходство по устройству и по виду. В частности, таким продолжением Нового Света является Гренландия. Гренландия определенно соединена с Америкой...

— Как лошадиная голова, на которую похожа Гренландия, соединена с туловищем лошади, — вставил секретарь Донеллана.

— Добавлю, — сказал майор, — что во время своих изысканий на гренландской территории профессор Норденшельд встретил осадочные образования, состоявшие из песчаника и сланцев с вкраплением бурого угля, содержащего значительное количество ископаемых растений. В одном только округе Диско датчанин Стенструп нашел семьдесят один пласт с многочисленными отпечатками растений, бесспорно говорящими о мощной растительности, которая когда-то необыкновенно густо покрывала области вокруг полюсов.

— Ну, а дальше к северу?

— Там наличие угля тоже подтверждается новыми находками, — ответил майор, — и, повидимому, в тех местах уголь попадается на каждом шагу. Если же уголь так часто встречается в этих краях на поверхности, то разве нельзя утверждать почти с уверенностью, что угольные пласты залегают здесь и в глубине земной коры?

Майор Донеллан несомненно был прав. Он глубоко изучил вопрос о геологическом строении арктических областей, и именно поэтому победа Компании раздражала его больше, чем других англичан. Может быть, они еще долго говорили бы на эту тему, если бы не заметили, что завсегдатаи кабачка с любопытством прислушиваются к их разговору. Тогда Дин Тудринк и

майор сочли за благо умолкнуть. Тудринк сделал только еще одно, последнее замечание:

— Не удивляет ли вас здесь кое-что, майор Донеллан?

— А что именно?

— А то, что в этом предприятии дело касается полюса и каменноугольных залежей, и, значит, следовало бы поставить во главе его инженеров или хотя бы моряков, а им заправляют артиллеристы.

— Да, — ответил майор, — действительно, здесь есть чему подивиться...

А газеты каждое утро снова и снова бросались в бой по поводу угольных залежей.

«Залежи? Какие залежи?» — спрашивала газета «Всякая всячина» в своих яростных статьях, инспирированных деловыми кругами Англии, и разражалась потоком брани против Арктической промышленной компании.

«Как это «какие»? — возражали им решительные сторонники Барбикена на страницах чарлстонской газеты «Новости». — Да те самые залежи, которые были открыты капитаном Нейрзом в 1875—1876 годах у восемьдесят второй параллели. Он обнаружил также и наслоения, указывающие на существование там флоры миоцена, богатой тополями, буками, калиной, орешником и хвойными».

«А в 1881—1884 годах, — прибавлял научный обозреватель нью-йоркской газеты «Свидетель», — разве во время экспедиции Грили в бухте Леди-Франклин нашими соотечественниками не был найден угольный пласт на небольшом расстоянии от Форт-Конгер, в балке Большого потока? А доктор Пави разве не утверждал с достаточным основанием, что те края вовсе не лишены запасов угля, словно сама предусмотрительная природа предназначила эти залежи для того, чтобы люди когда-нибудь с их помощью одолели холода столь пустынных мест?»

Понятно, что на такие факты, хорошо проверенные и подкрепленные авторитетом отважных американских

исследователей, противникам председателя Барбикена отвечать было нечего.

И защитники мнения: «Откуда там взяться угольным залежам?» — начали склонять знамена перед защитниками мнения: «А почему бы им не быть там?» Да, угольные залежи там были и притом очень значительные. Земли вокруг Северного полюса таили пласты драгоценного горючего, скрытого в недрах этих областей, которые были покрыты некогда роскошной растительностью.

Но, потерпев поражение в вопросе об угольных залежах в сердце Арктики, в существовании которых теперь нельзя было сомневаться, враги в отместку стали нападать на вопрос с другой стороны.

— Будь по-вашему! — сказал однажды Донеллан, сойдясь с Барбикеном лицом к лицу во время публичного спора, устроенного в зале самого Пушечного клуба. — Будь по-вашему!.. Я согласен, даже сам утверждаю: во владениях, приобретенных вашей Компанией, эти залежи существуют. Но попробуйте-ка их разработать!

— Вот это мы как раз и сделаем, — ответил спокойно Импи Барбикен.

— Тогда переходите восемьдесят четвертую параллель, северней которой еще не заходил ни один исследователь!

— Мы ее перейдем.

— Дойдите до самого полюса!

— И дойдем.

Видя, с каким хладнокровием, с какой уверенностью отвечает председатель Пушечного клуба, видя, как упорно и логично он защищает свое мнение, заколебались даже самые упрямые. Они понимали, что перед ними человек, ничего не потерявший из своих прежних свойств, спокойный, холодный, сосредоточенный, человек глубокого ума, точный, как хронометр, предприимчивый, дерзкий и неуклонно стремящийся к практическим целям даже в самых своих отчаянных предприятиях...

Все, знавшие бешеный нрав майора Донеллана,

понимали, что почтенный джентльмен испытывает неистовое желание задушить своего противника.

А он держался крепко — этот председатель Барбикен. Ведь он был из тех американцев, которые, по образному выражению Наполеона, обладают моральной и физической «пловучестью», и, значит, не боялся штормовой погоды. Его враги, соперники и завистники прекрасно это знали!

Все же, поскольку насмешникам нельзя воспретить насмешничать, именно в этой форме проявилось раздражение против новой Компании. Председателю Пушечного клуба приписывали самые нелепые проекты. Появились многочисленные карикатуры. Особенно распространены они были в Европе, а больше всего — в Соединенном королевстве, где никак не могли переварить поражения, которое фунт потерпел от доллара.

Вот как! Этот янки утверждает, что он достигнет Северного полюса! Он ступит туда, куда не ступала еще нога человека! Он водрузит флаг Соединенных Штатов на единственной точке земного шара, вечно пребывающей в неподвижности, тогда как все остальное на земле участвует в ее суточном движении!

На витринах больших книжных магазинов и ларьков, как в столицах Европы, так и в главных городах Американской федеральной республики — в этой свободнейшей стране, — появились наброски и картинки, изображавшие, как Барбикен изыскивает самые необыкновенные средства, чтобы добраться до полюса.

Вот дерзкий американец и его коллеги по клубу, вооружившись кирками, долбят туннель сквозь плотные подводные льды от первых ледяных торосов до девяностого градуса, намереваясь вылезти на поверхность как раз в том месте, где проходит земная ось.

Вот Импи Барбикен в сопровождении Дж. Т. Мастона (очень похоже изображенного) и капитана Николя спускаются на воздушном шаре к этой желанной точке и ценою ужасных усилий, перенеся тысячи опасностей, наконец добывают кусок угля весом...

в полфунта. Это все, что оказалось в прославленных угольных пластах приполярных областей.

В одном номере английского журнала «Пэнч» был нарисован Дж. Т. Мастон, служивший мишенью карикатуристам не реже своего друга. На этом рисунке секретарь Пушечного клуба, влекомый непреодолимым притяжением магнитного полюса, никак не мог оторвать от земли своего железного крючка.

Знаменитый математик, заметим кстати, был человек слишком горячий, чтобы спокойно принять эту насмешку над своим физическим недостатком. Он чрезвычайно негодовал, и легко себе представить, что миссис Эвенджелина Скорбит вполне разделяла его справедливое негодование.

Карикатура в брюссельском журнале «Волшебный фонарь» изображала Импи Барбикена и членов правления Компании в виде несгораемых саламандр среди бушующего пламени: чтобы растопить льды полярного океана, они решили налить поверх льда спирту и затем подожгли спиртовое море, так что полярный бассейн стал похож на огромную миску с пуншем! Играя на слове «punch», бельгийский художник дошел в своей непочтительности до того, что изобразил председателя Пушечного клуба в образе смешного Петрушки! [1]

Но наибольший успех имела карикатура, напечатанная во французском журнале «Шаривари» за подписью художника Стоп. В уютно обставленном чреве кита Импи Барбикен и Дж. Т. Мастон сидели за столиком и играли в шахматы, ожидая благополучного прибытия. Как новоявленный пророк Иона, председатель Пушечного клуба не задумался дать себя проглотить — вместе со своим секретарем — огромному морскому млекопитающему; пройдя подо льдами при помощи этого нового способа передвижения, они рассчитывали добраться до недостижимого полюса Земли.

Но сколько ни бесновались карандаши и перья, невозмутимый председатель Компании сохранял спо-

---

[1] Петрушка — по-английски Punch.

койствие. Пусть говорят, кричат, рисуют, насмехаются!.. Он продолжал свое дело.

И вот правление Компании, в чьей полной власти было эксплуатировать полярные владения по праву, полученному от федерального правительства, вынесло решение открыть общественную подписку на сумму в пятнадцать миллионов долларов. Были выпущены акции, по сто долларов каждая, и притом сразу за наличные. И что же? Вера в Барбикена и К° была так сильна, что подписчики валом валили. Но, надо признаться, они состояли главным образом из обитателей тридцати восьми штатов Федеральной республики.

— Тем лучше! — восклицали участники Арктической промышленной компании. — Предприятие будет чисто американским!

Короче говоря, репутация Компании Барбикена была так прочна, биржевики настолько не сомневались, что Компания выполнит свои обещания, так твердо верили и в существование угольных залежей у Северного полюса и в возможность их разработки, что к 16 декабря акции были раскуплены и капитал Компании составил наличными пятнадцать миллионов долларов.

Эта сумма почти втрое превышала сумму, собранную Пушечным клубом для великого опыта — отправки снаряда с Земли на Луну.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой внезапно прерывается телефонный разговор между миссис Скорбит и Дж. Т. Мастоном

Слова Барбикена о том, что он достигнет своей цели, не были пустым бахвальством, а теперь и средства, которыми он располагал, давали ему возможность достичь ее беспрепятственно; впрочем, он и не решился бы обратиться к выпуску акций, если бы не был заранее уверен в успехе.

Северному полюсу предстояло сдаться перед отвагой и гением человека.

Барбикен и его правление несомненно обладали средством победить там, где столько других терпели поражения. Они сделают то, чего не удавалось совершить ни Франклину, ни Кейну, ни Делонгу, ни Нейрзу, ни Грили, — они перейдут восемьдесят четвертую параллель и вступят во владение обширной частью земного шара, приобретенной на аукционе. Они прибавят к американскому флагу тридцать девятую звезду тридцать девятого штата, присоединяемого к Американской федерации.

— Болтуны! — не переставали повторять европейские делегаты и их единомышленники в Старом Свете.

А между тем средство, при помощи которого предполагалось завоевать Северный полюс, было самым верным, надежным, практическим, разумным средством, неоспоримым и простым, как выдумка ребенка, и это средство предложено было Дж. Т. Мастоном. Именно в его мозгу, где все время бурлили всевозможные идеи, и родился замысел великого географического предприятия и способ привести его к успешному концу.

Не раз уже говорилось, что секретарь Пушечного клуба был автором многочисленных вычислений: мы бы добавили «прославленных», если б обыватели не смешивали это определение со словом «ославленных». Он шутя решал самые сложные задачи из области математических наук. Для него сущим пустяком были любые трудности науки о величинах, то есть алгебры, и науки о числах, то есть арифметики. Надо было видеть, как он орудовал символами для записи алгебраических действий, условными знаками, будь то буквы алфавита, представляющие количества, то есть величины, или значки из параллельных или перекрещивающихся черточек, указывающие на отношения, которые могут быть установлены между величинами, и на действия, которым их подвергают.

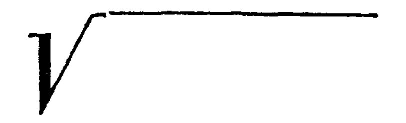
Ах, эти коэффициенты, показатели степени, радикалы и прочие знаки, какими располагает алгебраический язык! С какой легкостью они выпархивали из-под пера Мастона, или, вернее, из-под куска мела, мель-

кавшего на железном крючке, так как он предпочитал работать у черной доски. Здесь, на пространстве десяти квадратных метров (меньше ему бы не хватило), он с жаром совершал алгебраические вычисления. На доске не было обыкновенных мелких цифр: то были цифры огромные, фантастические, начертанные неистовой рукою. Цифры 2 и 3 выступали важно, как бумажные петушки; цифра 7 возвышалась, как виселица, — не хватало только повешенного; 8 — круглилась, как большие очки, а 6 и 9 — далеко расчеркивались своими длинными хвостами.

А буквы в его формулах, первые буквы алфавита — *а, в, с,* которыми он обозначал величины известные или данные, и самые последние буквы — x, y, z, которые применялись у него для величин неизвестных или подлежащих определению, — как ясно и четко они были выписаны! Особенно замечательна была буква z; она судорожно извивалась, как молния в небе! А какое изящество в греческих буквах π, λ, ω, им позавидовали бы Архимед и Эвклид!

Чисто и безупречно выведенные мелом знаки действия были просто чудесны: $+$ определенно указывал, что он означает сложение двух количеств; — был скромнее, но выглядел все же вполне прилично; знак $\times$ топорщился, как андреевский крест на морском флаге; в знаке $=$ безукоризненно равные черточки говорили о том, что Дж. Т. Мастон — гражданин страны, где равенство не является пустым звуком, по крайней мере между белокожими. С тем же размахом и так же внушительно и изящно были начертаны знак $<$, знак $>$ и знак $\lessgtr$.

Но настоящим его триумфом был знак $\sqrt{}$, который обозначает извлечение корня из числа или из количества. Когда Мастон заканчивал его длинной горизонтальной чертой, вот так:

казалось, что это протянутая рука выходит за пределы черной доски и угрожает подчинить весь мир своим безумным уравнениям!

Не подумайте только, что математические познания Мастона ограничивались пределами элементарной алгебры. Нет! Ни дифференциальное, ни интегральное, ни вариационное исчисления не были ему чужды; твердой рукой выводил он пресловутый знак интегрирования, которым обозначают сумму бесконечного числа бесконечно малых элементов, символ простой и страшный своей простотой:

$$\int$$

Был там еще знак Σ, представляющий сумму конечного числа конечных слагаемых, знак ∞, которым математики определяют бесконечность, и другие таинственные знаки, применяемые в этом удивительном языке, непонятном для простого смертного.

Одним словом, этот высокий ум способен был возноситься до самых верхних пределов высшей математики.

Вот каков был Дж. Т. Мастон! Вот почему его сотоварищи могли вполне ему довериться, когда он брался за разрешение самых запутанных задач, какие только приходили в голову этим сумасбродам! Вот почему Пушечный клуб доверил ему решение задачи о пуске снаряда на Луну! И, наконец, вот почему миссис Эвенджелина Скорбит, опьяненная его славой, испытывала перед ним восхищение, граничащее с любовью!

Впрочем, теперь, для того чтобы разрешить задачу завоевания Северного полюса, Дж. Т. Мастону вовсе не нужно было забираться в заоблачные выси математического анализа. Чтобы новые концессионеры арктических владений могли их разработать, секретарю Пушечного клуба надо было решить только некую задачу из области механики: задача была, разумеется, довольно сложна, требовала применения хитроумных и, может быть, совершенно новых формул, но все это было ему нипочем.

Да, Мастону можно было довериться даже в деле, где самая малая ошибка могла повести к миллионным убыткам. Никогда, еще с тех пор, как в раннем детстве он стал впервые задумываться над начатками арифметики, Дж. Т. Мастон не сделал ни единой ошибки. И когда в расчетах приходилось иметь дело с мерами длины, он не ошибался и на тысячную долю микрона. Если бы он допустил хоть малейшую ошибку, то не колеблясь пустил бы пулю в свой гуттаперчевый череп.

Рассказать о такой замечательной особенности Дж. Т. Мастона было необходимо. Это сделано. Теперь покажем его в действии, а для этого нам надо вернуться назад.

Приблизительно за месяц до появления в газетах обращения к обитателям всего мира Дж. Т. Мастону было поручено сделать необходимые подсчеты для проекта, выполнение которого, как он уверял своих друзей, сулило самые чудесные последствия.

Дж. Т. Мастон уже много лет жил в доме № 179 на Франклин-стрит, одной из самых тихих улиц Балтиморы, вдали от тех кварталов, где кипела деловая жизнь, в которой он ничего не смыслил, и вдали от ненавистного ему шума толпы.

Не имея других средств, кроме пенсии артиллерийского офицера и оклада, который он получал как секретарь Пушечного клуба, Мастон занимал скромный домик, известный под названием «Баллистик-коттедж». Он жил один со слугой-негром, которого он звал Пли-Пли — прозвище, достойное слуги артиллериста. Негр был не просто слуга, он сам был из артиллерийской прислуги и смотрел за своим хозяином, как смотрел бы за своей пушкой.

Дж. Т. Мастон был убежденным холостяком и полагал, что только холостякам и живется сносно в подлунном мире. Он знал славянскую поговорку: «Женщина потянет за один волосок сильней, чем четыре вола в упряжке», и держался осмотрительно. Впрочем, если он и жил так одиноко в Баллистик-коттедже, то лишь по своей доброй воле. Говорили, что ему стоило глазом моргнуть, и его одиночество было бы разделено, а скудные средства сменились бы миллионным

богатством. Он ничуть не сомневался, что миссис Эвенджелина Скорбит «почла бы за счастье»... Но сам Дж. Т. Мастон пока что никак не мог «почесть за счастье»... Похоже было, что два эти существа, бесспорно созданные друг для друга (так по крайней мере думала нежная вдова), никогда не решатся соединить свою судьбу.

Домик был совсем скромный, двухэтажный, с верандой на первом этаже. Внизу — маленькая гостиная, столовая и кухня; в пристройке со стороны сада — комнатка для слуги. Наверху — спальня с окнами на улицу и рабочий кабинет с окнами в сад, куда не доходил никакой шум из внешнего мира. Buen retiro[1] для ученого и мудреца; а сколько в этих стенах было произведено вычислений, которым позавидовали бы Ньютон, Лаплас и Коши!

Как не похож был этот домик на особняк миссис Эвенджелины Скорбит в богатом квартале Нью-Парка, построенный то ли в готическом стиле, то ли в стиле Возрождения, с балконами по фасаду, украшенный причудливыми лепными орнаментами в духе англосаксонской архитектуры, с богато обставленными комнатами, великолепным холлом, картинной галереей, в которой преобладали произведения французских художников, с лестницей в два крыла, с многочисленной челядью, с конюшнями, каретными сараями, с садом, где расстилались зеленые лужайки, росли высокие деревья, били фонтаны, и с вздымавшейся над всеми строениями башней, на которой развевался по ветру голубой с золотом флаг династии Скорбитов!

Три мили, по меньшей мере три длинных мили, отделяли особняк в Нью-Парке от Баллистик-коттеджа. Однако оба жилища соединялись особым телефонным проводом. Раздавался звонок, слышался призыв: «Алло! Алло!» — и начинался разговор между особняком и коттеджем. Разговаривающие, правда, не могли видеть друг друга, но зато прекрасно друг друга слышали. Разумеется, миссис Эвенджелина Скорбит вызывала Мастона к телефону чаще, чем он ее. Ученый

[1] Хорошее убежище *(исп.)*.

с некоторой досадой отрывался от своей работы, выслушивал дружеское приветствие, отвечал на него ворчанием, — надо надеяться, что не слишком любезный тон смягчался в проводе электрическим током, — и возвращался к своим выкладкам.

Третьего октября после заключительного и довольно длинного совещания в клубе Дж. Т. Мастон распрощался со своими друзьями и отправился работать. Ему поручалось важное дело: предстояло произвести все технические расчеты, нужные для того, чтобы добраться до полюса и начать разработки залегавших подо льдами угольных пластов.

Дж. Т. Мастон предполагал за неделю кончить эту таинственную работу — действительно очень сложную и тонкую, требующую решения различных уравнений из области механики, аналитической геометрии трех измерений, полярной геометрии и тригонометрии.

Чтобы избежать всякой помехи в этих трудах, было решено, что секретарь Пушечного клуба уединится в своем коттедже, где его никто не будет тревожить. Это было великим огорчением для миссис Эвенджелины Скорбит, но ей пришлось смириться. И она вместе с Барбикеном, капитаном Николем и их сотоварищами — непоседливым Билсби, полковником Блумсбери и Томом Хэнтером на деревянных ногах — пришла в Баллистик-коттедж, чтобы провести последний вечер с Мастоном.

— Желаю успеха, дорогой Мастон! — сказала она перед уходом.

— И смотрите, не наделайте ошибок, — добавил, улыбаясь, Барбикен.

— Ошибок?.. Он?! — воскликнула миссис Эвенджелина Скорбит.

— Не больше, чем наделал ошибок господь бог, создавая законы небесной механики! — скромно ответил секретарь Пушечного клуба.

Затем друзья пожали ему руку, миссис Скорбит вздохнула, еще раз пожелала успеха, посоветовала не утруждать себя чрезмерной работой, и все распрощались с математиком. Дверь Баллистик-коттеджа закры-

лась, и Пли-Пли получил приказание не пускать никого, даже если б явился сам президент Американских Соединенных Штатов.

Первые два дня своего затворничества Дж. Т. Мастон обдумывал поставленную перед ним задачу и не брал в руки мела. Он просмотрел некоторые сочинения, относящиеся к Земле, ее массе, плотности, объему, форме, вращению вокруг оси и движению по орбите, — все это должно было лечь в основу его вычислений.

Вот главнейшие из данных, которые надо напомнить читателю.

Форма Земли: эллипсоид вращения, большая полуось которого равна 6 377 398 метрам, а малая — 6 356 080 метрам. Таким образом, разница полуосей вследствие сплюснутости эллипсоида равняется 21 318 метрам.

Окружность Земли по экватору составляет 40 000 километров.

Поверхность Земли равна приблизительно 510 миллионам квадратных километров.

Объем — около 1000 миллиардов кубических километров.

Плотность Земли приблизительно в пять раз больше плотности воды.

Обращения Земли вокруг Солнца совершаются за 365 суток с четвертью, что составляет сидерический (астрономический) год, или, точнее, 365 суток 6 часов 9 минут 10 секунд. Скорость движения Земли по орбите — 30 400 метров в секунду.

Каждая точка земной поверхности на экваторе при обращении Земли вокруг оси пробегает 463 метра в секунду.

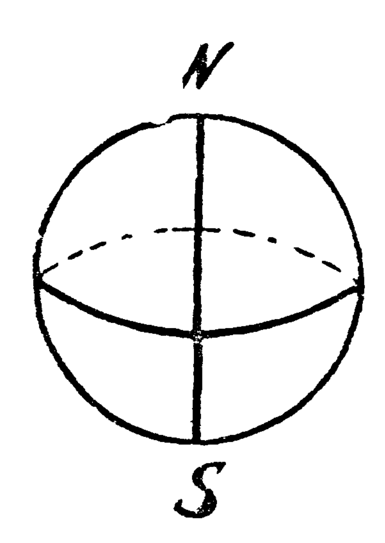
За единицы длины, силы, времени и угла Мастон принял метр, килограмм, секунду и центральный угол, соответствующий дуге круга, равной радиусу.

Пятого октября, около пяти часов пополудни (точность необходима, когда дело идет о таких важных вещах), Дж. Т. Мастон после глубоких размышлений приступил к выкладкам. Он начал с самого главного в своей задаче — с числа, выражающего окруж-

ность Земли, длину ее большого круга, то есть экватора.

В углу кабинета стояла большая черная доска на дубовой навощенной подставке; свет падал на нее из большого окна, выходившего в сад. Внизу доски на планке лежало рядом несколько мелков. Слева была приготовлена губка, вытирать доску, — это будет делать левая рука. Правой рукой, или, вернее, крючком, ученый будет выписывать формулы и цифры.

Для начала Дж. Т. Мастон начертил правильный круг — им изображалась окружность земного шара. Чтобы сферичность фигуры выступала рельефнее, лицевая, видимая, линия экватора была обозначена непрерывной линией, а заслоненная, невидимая, — пунктиром. Земная ось, начинаясь у полюсов, шла в виде перпендикуляра к плоскости экватора и на концах обозначена была буквами N и S.

Затем в правом углу доски было написано число, представляющее в метрах окружность Земли:

40 000 000.

Покончив с этим, Мастон собрался приступить к ряду вычислений. Погруженный в свои мысли, он не замечал состояния неба, в котором с полудня произошли значительные перемены. Уже с час как собиралась гроза, так сильно действующая на все живое. По темному небу над городом плыли свинцовые тучи с рваными беловатыми краями. Порой в поднебесье разносились еще далекие раскаты грома, гулко отзывавшиеся

в пустотах Земли. Электрическое напряжение в атмосфере было чрезвычайно сильно, и раза два молнии уже прорезали воздух.

Дж. Т. Мастон, поглощенный своим делом, ничего не видел и не слышал.

Вдруг тишина кабинета была нарушена торопливым позвякиванием телефонного звонка.

— Ну вот! — воскликнул Дж. Т. Мастон. — Что за назойливые люди: нельзя в дверь, они врываются по телефонному проводу! Прекрасное изобретение для людей, которые хотят, чтобы их оставили в покое! Надо устроить так, чтобы на все время моей работы выключили ток.

И, подойдя к аппарату, он проговорил:

— Что надо?

— Поговорить с вами, — ответил женский голос.

— Кто говорит?

— Разве вы меня не узнали, дорогой мистер Мастон? Это я — миссис Скорбит!

— Миссис Скорбит!.. Она не даст мне минуты покоя!

Но эти последние слова — не очень приятные для милейшей женщины — он предусмотрительно пробормотал в сторону, чтобы аппарат не передал их.

Затем Дж. Т. Мастон, понимая, что ему следует сказать в ответ хоть одну вежливую фразу, произнес:

— А, это вы, миссис Скорбит?

— Я, я, дорогой мистер Мастон!

— Что угодно, миссис Скорбит?

— Я хочу вас предупредить, что вот-вот разразится ужасная гроза.

— Ну, я никак не могу этому помешать...

— Да нет, я хотела спросить, позаботились ли вы закрыть окна...

Едва успела миссис Эвенджелина Скорбит договорить эти слова, как в небе раздался страшнейший удар грома: казалось, там раздирали огромный, невероятно длинный кусок шелка. Молния упала рядом с коттеджем, и электрический разряд, пробежав по телефонному проводу, с совершенно электрической внезапностью ворвался в кабинет ученого.

Дж. Т. Мастон, склоненный над аппаратом, получил такую сильную электрическую оплеуху, какая никогда еще не доставалась щеке ученого. Пройдя через его железный крючок, молния швырнула Мастона оземь, как щепку. Падая, он опрокинул доску, и она отлетела в угол комнаты. После всего этого молния вышла через незаметную щелку в окне и по водопроводной трубе ушла в землю.

Ошеломленный — и было от чего! — Дж. Т. Мастон поднялся, ощупал себя и убедился, что он цел и невредим. Затем, как и подобало старому артиллеристу — наводчику «Колумбиады», ничуть не утратив своего хладнокровия, он расставил все в кабинете по местам, поднял подставку, водрузил на нее черную доску, подобрал куски мела, разлетевшиеся по ковру, и обратился к работе, так внезапно и грубо прерванной.

Но тут он заметил, что при падении доски написанное на ней справа число, выражающее в метрах окружность Земли по экватору, почти стерлось. Он стал его писать заново, как вдруг снова раздался тревожный телефонный звонок.

— Опять! — вскричал Мастон и пошел к аппарату. — Кто это? — спросил он.

— Миссис Скорбит.

— Что угодно, миссис Скорбит?

— Не ударила ли эта страшная молния в Балистик-коттедж?

— Имею все основания полагать, что ударила!

— Ах, боже мой!.. Такая молния...

— Успокойтесь, миссис Скорбит!

— С вами ничего не случилось, дорогой мистер Мастон?

— Ничего.

— Молния действительно не тронула вас?

— Меня тронула только ваша дружба, миссис Скорбит, — догадался любезно ответить Дж. Т. Мастон.

— До свидания, дорогой Мастон!

— До свидания, дорогая миссис Скорбит! — И прибавил, возвращаясь на свое место: — Черт бы побрал эту прелестную женщину; из-за ее дурацкого звонка меня чуть не убило молнией!

Но эта помеха была последней. Никто больше не тревожил Дж. Т. Мастона в его работе. Впрочем, чтобы обеспечить себе спокойствие, необходимое для его занятий, он решил совсем выключить телефонный аппарат и отсоединил электрический провод.

Положив в основу число, только что им написанное, он вывел различные формулы, получил, наконец, основную формулу и поместил ее в левом углу доски, предварительно стерев все числа, из которых он ее выводил.

Затем он погрузился в бесконечные ряды алгебраических знаков...

. . . .

И вот неделю спустя, 11 октября, великолепные расчеты по механике были закончены, и секретарь Пушечного клуба торжественно представил решение задачи своим коллегам, ожидавшим его с весьма понятным нетерпением.

Практический способ достигнуть Северного полюса, чтобы разработать каменноугольные залежи, был математически доказан. И тогда-то было основано общество под названием «Арктическая промышленная компания», которой вашингтонское правительство предоставляло концессию на арктические владения, в случае если на аукционе Компания приобретет их в собственность.

Читателям уже известно, как после аукциона, на котором победили Американские Соединенные Штаты, новая Компания обратилась за сбором средств к капиталистам Нового и Старого Света.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой Барбикен говорит только то, что считает нужным сказать

Двадцать второго декабря акционеры «Барбикена и К^0» были приглашены на общее собрание. Нечего и говорить, что местом собрания были залы Пушечного

клуба, в особняке на Юнион-сквере. По правде говоря, даже самый сквер едва вместил бы густую толпу собравшихся акционеров. Но нельзя же было устраивать собрание на одной из площадей Балтиморы, на открытом воздухе, когда ртутный столбик показывал десять градусов ниже точки замерзания.

Обширный зал Пушечного клуба, — читатели его, вероятно, не забыли, — обычно был уставлен всевозможными орудиями, имеющими отношение к благородной профессии членов клуба. Это был настоящий артиллерийский музей. Даже стулья и столы, кресла и диваны напоминали своей причудливой формой смертоносные орудия, переправившие в лучший мир немало порядочных людей, затаенной мечтой которых было умереть своей смертью.

Но в тот день из зала пришлось убрать все лишние вещи: Импи Барбикен вел на этот раз собрание, посвященное отнюдь не воинственным, а мирным, промышленным целям. Для многочисленных акционеров, съехавшихся со всех концов Соединенных Штатов, освободилось немало места. Но все-таки и в большом зале и в других, к нему примыкающих, была теснота, давка, а длинная очередь ко входу тянулась до середины Юнион-сквера.

Первые места, разумеется, занимали члены Пушечного клуба, первыми подписавшиеся на акции новой Компании. Издали можно было различить торжествующие лица полковника Блумсбери, Тома Хэнтера с деревянными ногами и непоседливого Билсби. Для миссис Эвенджелины Скорбит заранее приготовили удобное кресло; внеся за арктическую недвижимость больше других, она по праву могла восседать рядом с самим председателем Барбикеном. В шумной толпе, теснившейся в зале со стеклянным потолком, виднелось изрядное количество женщин всех сословий, в нарядных шляпках с пестрыми цветами, экстравагантными перьями и разноцветными лентами.

Огромное большинство акционеров, явившихся на это собрание, в сущности, были не только сторонниками, но и личными друзьями Барбикена и других заправил Компании.

Правда, занимая специально отведенные им места, на собрании присутствовали и европейские делегаты — швед, датчанин, голландец, англичанин и русский. Они явились сюда, так как каждый из них подписался на известное количество акций и получил право решающего голоса. Выказав полное единодушие, когда дело шло о покупке арктической области, они теперь не менее единодушно собирались издеваться над теми, кому удалось купить ее. Легко представить, какое жгучее любопытство вызывала в них предстоящая речь Барбикена. Уж, наверное, его речь прольет свет на то, каким способом надеется он проникнуть к Северному полюсу. А ведь проникнуть туда — еще трудней, чем разрабатывать на полюсе угольные месторождения! Если найдется в его речи, к чему придраться, Эрик Бальденак, Борис Карков, Якоб Янсен и Ян Харальд не задумаются попросить слова. А майор Донеллан, по подсказке Дина Тудринка, намеревался опровергать все доводы своего соперника.

Было восемь часов вечера. Свет электрических ламп заливал зал, гостиные и площадку перед домом Пушечного клуба. С того мгновения, как публика, осаждавшая двери, ворвалась внутрь, в доме стоял непрестанный гул разговоров. Но все смолкло, как только было объявлено, что члены правления прибыли.

На задрапированных подмостках, за ярко освещенным столом, покрытым темным сукном, появились председатель Барбикен, секретарь Дж. Т. Мастон, их друг капитан Николь. В зале раздалось троекратное «ура», подкрепленное криками: «Гип! Гип!» По соседним улицам прокатились приветствия.

Дж. Т. Мастон и капитан Николь торжественно, в сиянии своей славы, заняли места за столом.

Председатель Барбикен, оставшийся стоять, сунул левую руку в карман, а правую заложил за вырез жилета и так начал свою речь:

— Владельцы и владелицы акций! Правление Арктической промышленной компании пригласило вас в залы Пушечного клуба, чтобы сделать важное сообщение.

Вы уже знаете из газет, что наша Компания поставила своей целью разработку угольных залежей в арктических областях, концессию на которые нам предоставило федеральное правительство. Эти владения, приобретенные с публичных торгов, являются вкладом собственников в то дело, о котором идет речь. Средства, поступившие в их распоряжение в результате подписки, закрытой одиннадцатого декабря, позволяют организовать предприятие, которое сулит нам прибыли, еще небывалые ни в торговле, ни в промышленности.

Здесь речь оратора была прервана одобрительными возгласами.

— Вам небезызвестно, — продолжал председатель, — что́ привело нас к уверенности в существовании около полюса богатых каменноугольных пластов. Возможно, что околополярные области богаты также и бивнями ископаемых мамонтов. Данные, приводимые в мировой прессе, не позволяют сомневаться в наличии полярных угольных месторождений.

А ведь каменный уголь есть основа всей современной промышленности. Не говоря уже об использовании угля или кокса в качестве топлива и его роли в производстве пара и электричества, можно указать, что из него получают самые разнообразные продукты например, краски — краповую, индиго, фуксин, кармин; ароматические вещества, заменяющие ваниль и горький миндаль, таволгу, гвоздику, винтер-грин, анис, камфору, тимол и гелиотроп; а также и пикраты, салициловую кислоту, нафтол, фенол, антипирин, бензин, нафталин, гидрохинон, таннин, сахарин, асфальт, деготь, смазочные масла, лаки, цианистые соединения, горечи и так далее.

Окончив эти перечисления, председатель перевел дыхание, как запыхавшийся бегун. Затем, набрав побольше воздуха, продолжал:

— Совершенно очевидно, что из-за чрезмерного расходования каменного угля месторождения, хранящие это драгоценнейшее вещество, будут исчерпаны в довольно короткий срок. Не пройдет и пятисот лет, как эксплуатируемые в настоящее время залежи будут опустошены...

— Даже трехсот! — крикнул кто-то из присутствующих.

— Двухсот! — закричал другой.

— Скажем: в более или менее близком будущем, — продолжал председатель Барбикен, — и постараемся открыть новые места добычи, как если бы уголь должен был истощиться уже к концу девятнадцатого века.

Здесь он сделал остановку, чтобы сильнее возбудить внимание слушателей, и затем объявил:

— А посему, акционеры и акционерши, собирайтесь! Вперед, за мной, к Северному полюсу!

Все в самом деле стали подниматься, готовые схватиться за чемоданы, как будто председатель Барбикен уже показывал им корабль, отходящий в арктические области.

Однако едкое замечание, сделанное пронзительным голосом майора Донеллана, сразу остановило этот первый порыв, — порыв столь же пылкий, сколь и безрассудный.

— Но прежде чем отчаливать, — спросил он, — я хочу узнать, как нам попасть на полюс? Вы предполагаете ехать морем?

— Ни морем, ни сушей, ни по воздуху, — спокойно ответил председатель Барбикен.

И слушатели уселись, охваченные вполне понятным любопытством.

— Вам, конечно, известно, — заговорил оратор, — какие попытки предпринимались с целью добраться до этой недосягаемой точки земного шара. Все-таки мне придется вкратце напомнить о них. Этим мы только воздадим должное отважным пионерам, и тем, кто остался в живых, и тем, кто погиб, не вынеся сверхчеловеческих трудностей путешествия.

По рядам слушателей, независимо от их национальности, пронесся гул единодушного одобрения.

— В тысяча восемьсот сорок пятом году, — заговорил председатель Барбикен, — англичанин сэр Джон Франклин отправляется в свое третье путешествие с намерением достичь полюса. Экспедиция, в составе кораблей «Эребус» и «Террор», углубилась далеко в северные края, но больше о ней не было вестей.

В тысяча восемьсот пятьдесят четвертом году американец Кейн и с ним лейтенант Мортон пускаются на поиски Джона Франклина. Правда, они возвратились живыми из этой экспедиции, но их корабль погиб.

В тысяча восемьсот пятьдесят девятом году англичанин Мак-Клинток находит документ, из которого явствует, что никого из отплывших на «Эребусе» и «Терроре» больше нет в живых.

В тысяча восемьсот шестидесятом году американец Хэйс покидает Бостон на шхуне «Соединенные Штаты», переходит восемьдесят четвертую параллель и в тысяча восемьсот шестьдесят втором году возвращается, не будучи в состоянии пройти дальше к северу, несмотря на героические усилия, проявленные им и его спутниками.

В тысяча восемьсот шестьдесят девятом году капитаны Колдервей и Хегеман, оба немцы, отплывают из Бремерхафена на «Ганзе» и «Германии». «Ганза», раздавленная льдами, затонула немного ниже семьдесят первого градуса северной широты, а экипаж спасся благодаря шлюпкам, на которых моряки добрались до гренландских берегов. «Германии» повезло больше, но она вернулась в Бремерхафен, не дойдя даже до семьдесят седьмой параллели.

В тысяча восемьсот семьдесят первом году капитан Холл отплыл из Нью-Йорка на пароходе «Полярис». Через четыре месяца, во время трудной зимовки, этот храбрый моряк пал жертвой перенесенных лишений. Годом позже «Полярис», увлеченный айсбергами, потерпел крушение среди дрейфующих льдин, не перейдя восемьдесят второго градуса северной широты. С борта корабля сошли восемнадцать человек под начальством лейтенанта Тайзона; отдавшись на волю арктических течений, они на льдине достигли материка; тринадцать человек с «Поляриса» так и не были найдены.

В тысяча восемьсот семьдесят пятом году англичанин Нейрз покидает Портсмут с кораблями «Бдительный» и «Находка». Во время этой прославленной экспедиции экипажи кораблей расположились на зимовье между восемьдесят второй и восемьдесят третьей параллелями. Капитан Маркэм, продвигаясь к северу,

остановился, не дойдя всего четырехсот миль до полюса. Так далеко не заходил еще никто.

В тысяча восемьсот семьдесят девятом году наш великий соотечественник Гордон Беннет...

При словах «великий соотечественник», относившихся к владельцу газеты «Нью-Йорк геральд», собрание разразилось троекратным громовым «ура».

— ...снарядил «Жанетту» и доверил ее командиру Делонгу, происходившему из французской семьи. «Жанетта» отплывает из Сан-Франциско с тридцатью тремя моряками и проходит по Берингову проливу; затертый льдами на широте острова Геральда, корабль затонул около острова Беннета, почти у семьдесят седьмой параллели. Единственной возможностью спасения для моряков было направиться к югу на шлюпках, уцелевших при крушении, или идти по ледяным полям. Бедствия их преследуют. Делонг умирает в октябре, многие из его спутников погибают подобно ему, и только двенадцать человек возвратились из этой экспедиции.

Наконец в тысяча восемьсот восемьдесят первом году американец Грили отплывает на пароходе «Протеус» из порта Сент-Джонс в Ньюфаундленде; его цель — устройство постоянного лагеря в бухте Леди-Франклин на Земле Гранта, немного южнее восемьдесят второй параллели. Там основывается Форт-Конгер. Оттуда смелые зимовщики исследуют западную и северные стороны бухты. В мае тысяча восемьсот восемьдесят второго года лейтенант Локвуд и его спутник Брэнард добираются до восьмидесяти трех градусов тридцати пяти минут северной широты, пройдя на несколько миль дальше капитана Маркэма.

Севернее не заходил никто и по сей день. Это Ultima Thule[1] околополярной картографии.

В честь американских исследователей снова раздалось «ура», перебиваемое криками: «Гип, гип!»

— Но, — продолжал председатель Барбикен, —

---

[1] Дальняя Фула (*лат.*) — древнее название одного из островов Северной Европы, повидимому Ирландии. В представлении древних римлян — северный предел земли.

кампания окончилась печально: «Протеус» затонул. Двадцать четыре моряка были обречены на ужасные бедствия. Француза доктора Пави и еще многих постигла смерть. Грили, спасенный в тысяча восемьсот восемьдесят третьем году кораблем «Фетида», привез обратно только шестерых своих товарищей. Один из героев-разведчиков, лейтенант Локвуд, тоже погиб, прибавив свое имя к печальному списку погибших в этих краях.

На этот раз слова председателя Барбикена были отмечены почтительным молчанием всего собрания, разделявшего его вполне естественное волнение.

Затем он продолжал дрогнувшим голосом:

— Итак, несмотря на проявленные мужество и терпение, восемьдесят четвертая параллель так и не была пройдена. Скажу больше: этого нельзя сделать способами, испробованными до сих пор, то есть продвигаясь на кораблях до торосов, а дальше через ледяные поля на санях. Человеку не по силам такие опасности и такие холода[1]. Для завоевания Северного полюса надо избрать другой способ.

Трепет охватил слушателей: оратор, казалось, приближался к самой сущности своей речи, к тайне, раскрытия которой так жадно ожидали все.

— А как вы туда проберетесь? — задал вопрос английский делегат.

— Вы сейчас это узнаете, майор Донеллан, — ответил председатель Барбикен. — А всем нашим акционерам я скажу: вы можете вполне довериться нам, ибо учредители предприятия — это те самые люди, которые осмелились пуститься в цилиндро-коническом...

— ...цилиндро-комическом! — выкрикнул Дин Тудринк.

— ...снаряде на Луну...

— И, видно, вернулись обратно ни с чем! — доба-

---

[1] Перечисляя путешественников, пытавшихся добраться до Северного полюса, Барбикен не назвал имени капитана Гаттераса, водрузившего свой флаг на 90°. В этом нет ничего удивительного, так как вышеупомянутый капитан является, вероятно, вымышленным героем См «Путешествия и приключения капитана Гаттераса». *(Прим. автора)*

вил секретарь майора Донеллана, своими неприличными замечаниями вызывая всеобщее яростное возмущение.

Но председатель Барбикен только пожал плечами и твердо заявил:

— Да, акционеры и акционерши, не пройдет и десяти минут, как вы будете знать, что вам делать.

Это заявление было встречено хором восклицаний, словно оратор сказал собравшимся: «Не пройдет и десяти минут, как вы будете у полюса!»

Барбикен продолжал:

— Прежде всего: является ли этот арктический колпачок материком? Может быть, это просто море и капитан Нейрз справедливо называл его палеокристическим морем, то есть морем древних льдов? На такой вопрос я отвечу: мы этого не думаем.

— Ответ неудовлетворительный, — вскричал Эрик Бальденак. — Тут нельзя говорить «не думаем», тут надо знать наверное.

— Ну что ж? Мы знаем наверное, отвечу я моему вспыльчивому оппоненту. Да, Арктическая промышленная компания приобрела кусок твердой земли, а не водный бассейн! Теперь эта земля принадлежит Соединенным Штатам, и никакие европейские государства не смеют заявлять на нее никаких прав.

Ропот на скамьях представителей Старого Света.

— Вот как! Просто лужа! Лоханка с водой, которой нам, однако, не опорожнить, — снова воскликнул Дин Тудринк.

Коллеги тотчас бурно поддержали его.

— О нет, — горячо перебил Барбикен. — Там есть материк, плоскогорье, которое поднимается, подобно пустыне Гоби в Центральной Азии, на три-четыре километра над уровнем моря. И это легко и убедительно доказывается данными, взятыми из наблюдений над прилегающими землями, простым продолжением которых являются полярные области. Так, во время своих путешествий Норденшельд, Пири и Маагард установили, что Гренландия по направлению к северу все поднимается. В ста шестидесяти километрах от острова Диско ее высота равна уже двум тысячам тремстам

метрам. Учитывая эти наблюдения, а также разные животные и растительные остатки, встречающиеся в недрах вечных льдов, как, например, скелеты мастодонтов, бивни и зубы мамонтов, стволы хвойных деревьев, можно с уверенностью утверждать, что этот материк, когда-то покрытый плодородной почвой, был населен животными, а может быть, даже и людьми. Густые леса доисторической эпохи, погребенные в недрах земли, образовали пласты каменного угля, которые мы сумеем разработать! Да! Вокруг полюса расстилается материк, материк, на который не ступала нога человека и на котором будет развеваться флаг Соединенных Штатов!

Гром аплодисментов.

Когда в отдаленных улицах квартала стихли последние отзвуки рукоплесканий, послышался резкий, лающий голос майора Донеллана.

— Прошло уже семь минут из тех десяти, — говорил он, — которые требуются нам, чтобы добраться до полюса.

— Мы и будем там через три минуты, — хладнокровно возразил председатель Барбикен и продолжал: — Но если наша новая недвижимость состоит из суши и если эта суша приподнята над морем, как мы имеем право думать, путь к ней все-таки покрыт льдами, заперт айсбергами и ледяными полями. Эксплуатировать наш материк при таких условиях будет трудно...

— Невозможно! — сказал Ян Харальд, подкрепляя свои слова взмахом руки.

— Невозможно, я согласен, — ответил Импи Барбикен. — Вот мы и стараемся победить эту невозможность. Нам не понадобятся ни корабли, ни сани для того, чтобы добраться до полюса; благодаря нашему способу льды — древние и новые — растают, как по волшебству, и притом это не будет нам стоить ни труда, ни денег!

Тут оратор сделал паузу. Слушатели замерли.

Дин Тудринк сразу же стал нашептывать Якобу Янсену, что, мол, дело доходит до «вздорологии», как он изящно выразился.

— Архимеду, — продолжал председатель, — нужна была точка опоры, чтобы перевернуть мир. Мы ее нашли, эту точку опоры. Великому сиракузскому геометру не хватало также рычага, и этим рычагом мы владеем. Следовательно, мы в состоянии переместить полюс...

— Переместить полюс! — вскричал Эрик Вальденак.

— Перетащить его в Америку? — вскричал Ян Харальд.

Председатель Барбикен явно не хотел говорить яснее и потому только сказал:

— А точка опоры...

— Молчите! Молчите! — завопил кто-то из присутствующих.

— А рычаг...

— Не выдавайте тайны! Не выдавайте тайны! — послышалось со всех сторон.

— Хорошо, мы ее не выдадим! — ответил председатель Барбикен.

Можно себе представить, как раздосадованы были представители европейских государств! Но, несмотря на их требования, оратор не пожелал ничего сообщить о своих действиях. Он только прибавил:

— Что касается работ (работ, беспримерных в анналах промышленности), которые мы собираемся предпринять и благодаря вашим средствам надеемся довести до благополучного конца, то я доложу вам о них сейчас же.

— Слушайте! Слушайте!

Еще бы не слушать!

— Прежде всего скажу, что замысел нашего предприятия принадлежит одному из наших ученейших, преданнейших и знаменитейших коллег. Ему также обязаны мы вычислениями и расчетами, которые позволят осуществить этот замысел, так как, хотя разработка арктических угольных месторождений и является пустячной задачей, перемещение полюса есть задача, которую может разрешить только высшая механика. Вот почему мы и обратились с этим к уважаемому секретарю Пушечного клуба Дж. Т. Мастону.

— Урра! Гип, гип, гип! Ура Дж. Т. Мастону! — закричали все собравшиеся, возбужденные присутствием столь выдающегося, необыкновенного человека.

Ах, как миссис Скорбит была потрясена овациями в честь знаменитого математика, как сладостно билось ее сердце!

Сам он ограничился легким кивком головы сначала вправо, потом влево и, подняв вверх свой крючок, приветствовал взволнованное собрание.

— Еще в тот день, дорогие акционеры и акционерши, — продолжал председатель Барбикен, — когда мы собрались здесь, чтобы отпраздновать прибытие в Америку Мишеля Ардана, за несколько месяцев до нашего отъезда на Луну...

Неугомонный янки говорил о путешествии на Луну, как о простой поездке из Балтиморы в Нью-Йорк!

— ...Дж. Т. Мастон предложил нам: «Изобретем необходимые орудия, найдем точку опоры и повернем земную ось!» Так знайте же все, кто меня слушает! Орудия изобретены, точка опоры найдена, и теперь мы приложим все наши усилия к тому, чтобы повернуть земную ось!

На несколько мгновений воцарилась гробовая тишина. Все оцепенели. Чувства слушателей можно было бы верно передать грубоватым выражением: «Вот это здóрово!»

— Как! Вы собираетесь повернуть земную ось? — вскричал майор Донеллан.

— Именно так, — ответил председатель Барбикен. — Точнее, у нас есть способ создать новую ось, вокруг которой отныне будет совершаться суточное вращение Земли...

— Изменить суточное вращение! — повторил полковник Карков, и глаза его загорелись.

— Совершенно изменить, притом нисколько не нарушая его продолжительности! — ответил председатель Барбикен. — Эта операция перенесет полюс к шестьдесят седьмой параллели, то есть поставит Землю в положение Юпитера, ось которого почти перпендикулярна плоскости его орбиты. А такое перемещение на два-

дцать три градуса и двадцать восемь минут позволит нашей полярной недвижимости получать тепло в количестве, достаточном для того, чтобы растопить льды, накопившиеся там за многие тысячи лет.

Слушатели затаили дыхание. Никто не хотел перебивать оратора даже рукоплесканиями. Всех захватила эта остроумная и вместе с тем простая мысль — переместить ось, вокруг которой движется земной шар.

Что касается европейских делегатов, то, ошеломленные, оглушенные и уничтоженные, они сидели молча, пребывая в крайнем изумлении.

Но какая буря аплодисментов разразилась, когда председатель Барбикен закончил свою речь таким великолепным по своей простоте заключением:

— Стало быть, солнце само растопит айсберги и ледяные торосы и облегчит нам доступ к полюсу!

— Значит, — спросил майор Донеллан, — раз человек не может подойти к полюсу, то полюс подойдет к человеку?

— Имено так, — ответил председатель Барбикен.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Что же означали слова председателя Барбикена: «поставить Землю в положение Юпитера»?

Да, Юпитера!

Когда на достопамятном собрании в честь Мишеля Ардана (собрании, о котором оратор весьма кстати напомнил) Дж. Т. Мастон пылко вскричал: «Переместим земную ось!», то поводом для такого предложения была речь отважного француза. Спутник председателя Барбикена и капитана Николя, один из героев путешествия «С Земли на Луну», произнес настоящий дифирамб в честь самой значительной из планет солнечной системы. В своем пышном панегирике он не забыл превознести особые преимущества Юпитера; их мы вкратце перескажем читателям.

Итак, вычисления секретаря Пушечного клуба давали возможность старую ось, на которой Земля вертится испокон веков, заменить новой. Более того, эта новая ось вращения будет перпендикулярна плоскости орбиты движения Земли вокруг Солнца. Тогда климат прежнего Северного полюса совершенно уподобится климату Тронхейма в Норвегии в весеннюю пору, и броня древних льдов самым естественным образом растает под лучами солнца. В то же время распределение климатических поясов будет то же, что и на Юпитере.

В самом деле, наклон оси у этой планеты, или, другими словами, угол, который ось вращения составляет с плоскостью его эклиптики, равняется 88° 13′. Если добавить еще 1° 47′, то ось Юпитера стала бы совершенно перпендикулярна плоскости орбиты, которую эта планета описывает вокруг Солнца.

Впрочем, следует заметить, что попытка, которую Компания Барбикена собиралась произвести для изменения настоящего положения Земли, собственно говоря, клонилась не к тому, чтобы выпрямить ее ось. Никакая механическая сила, как бы значительна она ни была, не может этого сделать. Земля — не курица на вертеле, которая крутится на твердой оси и которую можно взять в руки и по желанию насадить на вертел другим манером. Но все же создание новой оси стало бы возможным, — следовало бы сказать, стало бы легким, — если бы точка опоры, о которой мечтал Архимед, и рычаг, который мерещился Дж. Т. Мастону, были в распоряжении дерзких инженеров.

Но раз они, казалось, решили держать свое изобретение в тайне, приходилось пока ограничиваться изучением следствий будущего перемещения.

Этим прежде всего и занялись газеты и журналы, напоминая в своих статьях ученым и сообщая невеждам, что делается на Юпитере из-за почти перпендикулярного положения его оси относительно плоскости орбиты.

Юпитер вместе с Меркурием, Венерой, Землей, Марсом, Сатурном, Ураном и Нептуном входит в состав солнечной системы; его путь пролегает на расстоянии свыше восьмисот миллионов километров от Солнца,

их общего фокуса; объем Юпитера в тысячу триста раз больше объема Земли.

Если на поверхности Юпитера имеется что-нибудь живое, если там имеются обитатели, то вот какие преимущества представляет для них жизнь на указанной планете, — преимущества, о которых так много и горячо говорилось на собрании, предшествовавшем полету на Луну.

Прежде всего при суточном вращении Юпитера, которое длится только 9 часов 55 минут, дни на любой широте постоянно равны ночам: 4 часа 57 минут длится день, 4 часа 57 минут — ночь.

— Ну, что ж, — говорили верившие в существование «юпитерцев», — это подходит людям — сторонникам размеренного образа жизни. Они будут охотно подчиняться такому правильному распорядку!

То же самое происходило бы на Земле, если бы Барбикену удалось осуществить свой замысел. Но так как скорость вращения вокруг оси не увеличилась бы и не уменьшилась, то ночи и дни были бы равны точно двенадцати часам на любой точке земного шара. Пришлось бы постоянно жить при равноденствии, которое случается 21 марта и 21 сентября [1] на всех широтах земного шара, когда лучезарное светило движется по кривой, расположенной в плоскости экватора.

— Но еще любопытней и интересней, — справедливо прибавляли энтузиасты, — была бы отмена времен года!

И правда, только благодаря наклону оси к плоскости орбиты происходят ежегодные изменения, известные под названием «весна», «лето», «осень», «зима». Юпитерцы не знают времен года. Жители Земли тоже не будут их знать. С того момента, когда новая ось станет перпендикулярна эклиптике, не будет больше ни холодных, ни жарких поясов — вся Земля окажется в умеренном поясе.

И вот почему.

Что такое жаркий пояс? Это часть земной поверхности, расположенная между тропиками Рака и Козе-

---

[1] С начала XX в в связи с календарными особенностями днями равноденствия являются 22 марта и 22 сентября.

рога. Все точки этого пояса пользуются счастьем видеть Солнце два раза в году в зените, на самих же тропиках это явление отмечается только раз в год.

Что такое умеренный пояс? Это часть земного шара между тропиками и полярными кругами: от 23° 28′ до 66° 72′, — там Солнце никогда не бывает в зените, но каждый день появляется над горизонтом.

Что такое полярный пояс? Это та часть околополярной области, в которой Солнце значительный промежуток времени вовсе не показывается, а на самом полюсе ночь длится полгода.

Следствием различной высоты, на которую Солнце поднимается над горизонтом, и является то, что в жарком поясе чрезмерно жарко, в умеренном поясе умеренно тепло, и тем прохладнее, чем дальше от тропиков, а в холодном поясе, от самого Полярного круга до полюсов, царит чрезвычайный холод.

Так вот, на поверхности Земли все пойдет по-иному благодаря перпендикулярному положению новой оси. Солнце будет неизменно находиться в плоскости экватора. Круглый год изо дня в день оно будет невозмутимо проходить свой путь за двенадцать часов, приближаясь к зениту на расстояние, равное широте данного места, и, следовательно, оно будет подыматься все выше по мере нашего приближения к экватору. Так в местах, расположенных на двадцатой параллели, оно каждый день будет подниматься над горизонтом на высоту семидесяти градусов, в местах, расположенных на сорок девятой параллели, — до высоты сорока одного, а в местах, находящихся на шестьдесят седьмой параллели, — до высоты двадцати трех градусов. Поэтому дни будут всегда одинаковые, отмеренные Солнцем, которое будет подниматься и закатываться все в той же точке горизонта.

— И смотрите, как это удобно! — твердили друзья председателя Барбикена. — Каждый в зависимости от здоровья выберет себе постоянный климат, наиболее подходящий для своего насморка или ревматизма, и никто на Земле не будет больше опасаться неприятных колебаний температуры.

Короче говоря, современные титаны — Барбикен и К° — решили изменить порядок вещей, установившийся с тех пор, как наша планета начала кружиться по своей орбите и стала той Землей, какую мы знаем.

Правда, астрономы недосчитаются одного-двух созвездий из числа тех, которые они привыкли видеть на небесном своде. Поэты лишатся длинных зимних ночей и долгих летних дней, которые они нынче так любят поминать в своих стихах, злоупотребляя рифмами с «опорной согласной».

Но зато какие выгоды сулит это остальному человечеству!

«К тому же, — твердили газеты, поддерживавшие председателя Барбикена, — урожаи будут упорядочены, и агрономы подберут для всякого растения наиболее подходящую ему температуру».

«Как бы не так! — возражали враждебные газеты. — А разве прекратятся дожди, грады, бури, ураганы, грозы — все эти атмосферные явления, которые подчас подвергают страшной опасности урожай и благоденствие землевладельцев?»

«Без сомнения, эти несчастья будут случаться, — отвечал хор друзей, — но, наверное, гораздо реже благодаря ровному климату, который препятствует дурной погоде. Да, да, человечество весьма выиграет от нового устройства! Да, это будет подлинный переворот на земном шаре! Да, Барбикен и К° окажут услугу человечеству и будущим поколениям, покончив с неравенством дней и ночей, с досадными перебоями, какими являются времена года!.. Да, наш земной шар, на поверхности которого всегда то слишком жарко, то слишком холодно, больше не будет планетой, где царят насморки, катарры дыхательных путей и воспаления легких! Простудится только тот, кто сам этого захочет, раз каждому всегда можно будет найти себе страну, благоприятную для его бронхов».

И в номере от 27 декабря нью-йоркской газеты «Солнце» автор одной красноречивой статьи восклицал:

«Слава председателю Барбикену и его товарищам! Эти отважные люди не только прибавят новые земли к американскому континенту, увеличив и без того об-

ширную территорию Федерации. Они сделают жизнь на земле более гигиеничной и более продуктивной, — ведь можно будет снова сеять, едва собрав урожай, семена будут произрастать без задержки, и зимой время не пропадет зря! Благодаря разработке новых пластов не только увеличатся угольные запасы и, может быть, на долгие века будет обеспечена добыча этого необходимейшего вещества, но и самые климатические условия нашей планеты изменятся к лучшему. Барбикен и его коллеги переделают мир к наивысшей выгоде всех смертных. Честь и слава этим людям, которые по праву займут почетное место в ряду благодетелей человечества!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

где появляется важное действующее лицо французского происхождения

Вот какие выгоды сулили нововведения, которые Барбикен собирался внести во вращение Земли. Впрочем, повидимому, эти нововведения почти не должны были отразиться на обращении нашей планеты вокруг Солнца. Земля попрежнему будет совершать свой неизменный путь в пространстве, и условия солнечного года останутся непреложными.

Разъяснение последствий, которые сулило смещение оси, вызвало во всем мире чрезвычайное волнение.

Сначала все обрадовались этим новостям из области высшей механики. Было чрезвычайно соблазнительно представлять себе, что времена года сравняются и что, «по желанию клиента», в зависимости от избранной широты, можно будет пользоваться любой погодой.

Наперебой кричали, как люди будут наслаждаться вечной весной, которую певец Телемака даровал острову Калипсо; им останется только выбирать между весной прохладной и весной теплой. Правда, положение новой оси, вокруг которой будет совершаться суточное вращение, оставалось тайной; ни председатель Барби-

кен, ни капитан Николь, ни Дж. Т. Мастон, повидимому, не собирались ее обнародовать. Раскроют ли они эту тайну, или она станет известна, когда уже все совершится? Одного уж этого было достаточно, чтобы общественное мнение стало проявлять беспокойство.

У всех невольно возникал один и тот же вопрос, который стали горячо обсуждать газеты. Какими же механическими средствами осуществится это перемещение, явно требующее приложения огромной силы?

Солидный нью-йоркский журнал «Форум» справедливо замечал следующее:

«Если бы Земля не вращалась вокруг своей оси, возможно, было бы достаточно сравнительно слабого толчка, чтобы придать ей вращательное движение вокруг новой оси, произвольно выбранной; но Земля может быть уподоблена огромному гороскопу, двигающемуся с довольно большой скоростью, а по закону природы подобный прибор обладает способностью сохранять свое вращение вокруг все той же оси. Леон Фуко доказал это своими знаменитыми опытами. И, следовательно, будет весьма трудно, чтобы не сказать — невозможно, принудить Землю изменить свое движение!»

Это была истинная правда. Да и любопытно было бы узнать не только, какой толчок задумали произвести инженеры Арктической промышленной компании, но и то, как они намерены осуществить перемещение — постепенно или вдруг? И не вызовут ли в последнем случае действия Барбикена и К° ужасных катастроф на поверхности земного шара?

Было здесь над чем призадуматься и ученым и невеждам обоих полушарий. Ведь толчок есть толчок, и не так уж приятно подвергаться толчкам. Похоже было, что задумавшие это дело люди заботились только о своих прибылях и совсем не беспокоились о потрясениях, которые их опыт вызовет на нашей несчастной планете. И европейские делегаты, взбешенные своим поражением, решили воспользоваться этим обстоятельством и весьма ловко стали возбуждать общественное мнение против председателя Пушечного клуба.

Франция, как уже говорилось, не заявила никаких претензий на околополярные области и не присутство-

вала среди держав, участвовавших в аукционе. Однако, хотя официально это государство устранилось от дела, говорили, что в Балтимору решил приехать на свои личные средства некий француз, чтобы по своему собственному почину следить за ходом этого гигантского предприятия.

Он был горный инженер, лет тридцати пяти. Он отличился на экзаменах, поступая в Парижскую высшую политехническую школу, и окончил ее отлично, так что его можно смело представить читателям в качестве выдающегося математика. Очень возможно, что он стоял выше Дж. Т. Мастона, в конце концов знаменитого только своими вычислениями, потому что нельзя ведь сравнивать, например, Леверье с Лапласом или Ньютоном.

Будучи инженером — что нисколько не вредило делу, — он был человек умный и своенравный, из тех чудаков, которые встречаются иногда среди инженеров-путейцев и очень редко среди инженеров-горняков. Говорил он своеобразно и очень забавно. В беседе с друзьями, даже разбирая научные вопросы, выражался лихо, как парижский уличный мальчишка.

Он любил вставлять простонародные словечки и выражения, которые последнее время в ходу у всех парижан. В минуту увлечения его язык будто вовсе не желал согласовываться с академическими правилами: этот инженер подчинялся им только берясь за перо. В то же время он страстно любил свой труд и мог по десять часов сидеть за письменным столом, исписывая целые страницы алгебраическими знаками так быстро, как другие пишут письма. Его любимым отдыхом после многочасовых занятий высшей математикой была игра в вист; играл он посредственно, несмотря на то, что рассчитывал вперед все ходы. И надо было слышать, как он восклицал, заменяя студенческой латынью обычные возгласы игрока: «Cadaveri poussandum est!»

Этого чудака звали Альсид Пьердэ, и от пристрастия к математическим сокращениям, — которое он, впрочем, разделял со своими товарищами, — он обычно подписывался просто АП. Он так горячился в спорах,

что товарищи прозвали его «Альцидус сульфурикус»[1]. Альсид Пьердэ был не только величиной, но даже изрядной величиной. Товарищи по школе утверждали, что его рост равняется одной пятимиллионной части четверти меридиана, то есть почти двум метрам, и если они и ошибались, то не очень. Голова его была несколько мала по его широким плечам и мощному телосложению, но зато как весело он ею встряхивал, как живо, через стекла пенсне, смотрели его голубые глаза! Особенностью его серьезного лица было веселое выражение, которому не мешала преждевременная лысина, появившаяся еще в школе из-за усиленных занятий алгеброй при свете газовых рожков. В школе о нем сохранилась память, как о славном и простом малом. Несмотря на свой открытый, независимый характер, он всегда подчинялся неписанным студенческим правилам и был известен в Политехнической школе как прекрасный товарищ, умеющий беречь честь мундира. Его ценили и на прогулках во дворе школы, который потому и назывался «Под акациями», что там не было никаких акаций, и в спальне, где его вещи в студенческом шкафчике всегда лежали в полном порядке, а уже одно это свидетельствовало о вполне методическом уме.

Правда, голова Альсида Пьердэ казалась слишком маленькой для его большого тела! Зато, уж поверьте, она была плотно набита. Он, как и его товарищи по школе, был прежде всего математиком, но занимался математикой ради ее применения к опытным наукам, которые ценил лишь постольку, поскольку они находили себе применение в технике. В этом была — и он это сам вполне сознавал — его слабая сторона, но что поделать? Человеку ведь далеко до совершенства. В общем, его специальностью было изучение таких наук, которые идут вперед быстрыми шагами и все же хранят и будут всегда хранить тайны даже от посвященных.

---

[1] Прозвище, созвучное латинскому названию серной кислоты — acidum sulfuricum.

Заметим мимоходом, что Альсид Пьердэ был холостяк. Как он часто говорил о себе, он был «равен единице», хотя испытывал горячее желание «удвоиться». Друзья уже подумывали, не женить ли его на одной прелестной, веселой и умной молодой девушке, жившей в Провансе. К несчастью, у нее был отец, который на все их подходы возражал колко: «Нет, ваш Альсид слишком учен! Он уморит мою дочку разными непонятными для нее речами...»

Как будто настоящий ученый не бывает скромным и простым человеком!

С досады наш инженер решил уехать подальше от Прованса, — хоть за море. Он попросил годичный отпуск, получил его и не мог придумать ничего лучшего, как на это время отправиться в Америку и посмотреть самому, что затеяла Арктическая промышленная компания. Вот почему он и оказался сейчас в Соединенных Штатах.

Со дня своего приезда в Балтимору Альсид Пьердэ не переставал размышлять о «великом» предприятии Барбикена и К°. Его ничуть не беспокоило, что Земля уподобится Юпитеру. Но каким образом это можно сделать? Вот что возбуждало его законное любопытство.

— Очевидно, — размышлял он вслух наедине с собой, — председатель Барбикен собирается закатить нашему шарику здоровую оплеуху! Но как? В этом все дело! Черт побери! Похоже, что он хочет двинуть его в бок, словно биллиардный шар. Если это ему удастся, Земля выбьется из орбиты и полетят вверх тормашками наши годы и месяцы! Все спутается! Ну, этим молодцам, видно, ни до чего нет дела — лишь бы заменить старую ось новой! Только никак я не возьму в толк, где они найдут точку опоры и силу для толчка извне! Если бы не существовало суточного вращения, тогда хватило бы простого щелчка. Но оно существует, это суточное вращение! Его никуда не денешь! Тут-то и загвоздка! Во всяком случае, что бы они ни учинили, встряска будет изрядной!

И как ни ломал себе голову наш ученый, он не мог разгадать, что́ задумали Барбикен и Мастон. Это было

тем досадней, что, реши он только эту загадку, за выведением механических формул дело бы не стало.

Вот почему 29 декабря инженер французского горного департамента Альсид Пьердэ мерял своими большими шагами оживленные улицы Балтиморы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой начинают выясняться различные тревожные обстоятельства

Прошел месяц со дня общего собрания в Пушечном клубе. За это время в общественном мнении произошли значительные сдвиги. Забыты были все выгоды, которые сулило перемещение оси! Зато различные невыгоды стали вырисовываться все явственней. Раз перемещение, повидимому, предполагалось произвести посредством страшного толчка, то не исключалась возможность катастрофы. Нельзя было только предсказать, какова она будет на деле. А смягчение климата — так ли уж оно нужно? По сути дела, от этого выигрывали только эскимосы, лапландцы и чукчи, и то потому, что им нечего было терять.

Надо было слышать, как теперь поносили предприятие Барбикена делегаты европейских государств! Они представляли отчеты своим правительствам, непрестанно обменивались с Европой депешами по подводному кабелю, запрашивали и получали указания... Что́ это были за указания, — всем известно. Составленные по незыблемым формулам дипломатического искусства, они заканчивались обычными милыми оговорками: «Высказывайте настойчивость, но не компрометируйте ваше правительство», «Действуйте решительно, но не нарушайте status quo! [1]»

Время от времени майор Донеллан и его коллеги выступали с протестом от имени своих стран и вообще

---

[1] Существующего положения *(лат.)*.

от имени всего находившегося под угрозой Старого Света.

— Все-таки, — говорил Борис Карков, — американские инженеры, наверное, сделают все возможное, чтобы уберечь территории Соединенных Штатов от последствий толчка.

— Но что они могут сделать? — сказал Ян Харальд. — Когда во время сбора маслин трясут оливковое дерево, разве не вредит это всем его ветвям?

— А если вас ударят кулаком в грудь, — поддержал его Якоб Янсен, — разве не содрогнется все ваше тело?

— Вот что означала пресловутая оговорка в их объявлении! — воскликнул Дин Тудринк. — Вот куда они метили, говоря о географических или метеорологических переменах на земном шаре!

— Да! — промолвил Эрик Бальденак. — И еще может случиться, что от перемещения оси моря выйдут из своих берегов!

— А если уровень океана в иных местах понизится, — заметил Якоб Янсен, — не окажутся ли обитатели этих краев на такой высоте, что для них будет невозможна всякая связь с остальным человечеством?

— Если только они не попадут в слои воздуха, до того разреженные, — прибавил Ян Харальд, — что там нечем будет дышать!

— Представьте себе Лондон на высоте Монблана! — вскричал майор Донеллан.

И, расставив ноги, закинув голову, этот джентльмен воззрился вверх, как будто Соединенное королевство уже улетело за облака.

Так или иначе, человечеству угрожала опасность; беспокойство все нарастало, тем более что некоторые последствия перемещения земной оси уже можно было предугадать.

В самом деле, ведь речь шла ни больше ни меньше, как о повороте на 23°28′, — повороте, который должен был вызвать значительное смещение океанов вследствии сплюснутости Земли на месте старых полюсов. Не угрожали ли Земле потрясения вроде тех, которые, как говорят, недавно отмечались на планете Марс?

Целые материки погрузились в воду, между ними Либия, открытая Скиапарелли; на это указывает появление темноголубой окраски там, где прежде была красноватая. Исчезло озеро Мэрис. Ближе к северу произошли изменения на площади в шестьсот тысяч квадратных километров, а на юге вода океана ушла с тех обширных пространств, которые занимала раньше. И если иные добросердечные люди волновались по поводу наводнений на Марсе и предполагали открыть подписку в пользу пострадавших марсиан, то как же было не волноваться по поводу наводнений на Земле?

Со всех сторон стали раздаваться протесты, и правительство Соединенных Штатов вынуждено было обратить на них внимание. В конце концов лучше уж совсем не допускать этой попытки, чем подвергаться опасностям, которыми она наверняка грозила. Мир устроен хорошо. Нет никакой надобности безрассудно покушаться на его целость...

И что же? Нашлись легкомысленные люди, осмелившиеся шутить даже с такими серьезными вещами.

— Полюбуйтесь на этих янки! — твердили они. — Насадить Землю на другую ось! Добро бы еще старая стерлась, покрутившись миллионы лет; может быть, тогда и следовало бы сменить ее, как сменяют ось в блоке или в колесе. Но ведь она ничуть не стала хуже, чем была с начала мира?

Ну что тут скажешь?

Под шум этой перебранки Альсид Пьердэ продолжал доискиваться, какой же толчок и в каком направлении задумал Дж. Т. Мастон и в каком именно месте земного шара он собирался его произвести. Раскрыв это, легко было бы определить, каким странам опасность угрожает прежде всего.

Мы уже говорили, что тревоги Старого Света не разделялись жителями Нового, — по крайней мере жителями Северной Америки, которая принадлежит, собственно говоря, Соединенным Штатам. Неужели Барбикен, капитан Николь и Дж. Т. Мастон, будучи американцами, не постараются уберечь Соединенные Штаты от поднятий и опусканий почвы, которые перемещение оси вызовет в различных местах Европы,

Азии, Африки и Океании? Ведь все трое были чистокровные янки, чистокровные и чистопородные, как называли Барбикена в ту пору, когда он разрабатывал план своего путешествия на Луну.

Очевидно, этой части Нового Света между арктическими землями и Мексиканским заливом нечего было опасаться предполагаемого толчка. Возможно, что Америка в конце концов даже выиграет от катастрофы, значительно увеличив свою территорию. Как знать! Может быть, на месте бассейнов, покинутых водами омывающих ее теперь океанов, Америка захватит столько новых земель, сколько виднеется сейчас звезд на ее широком флаге?

— Так-то оно так, — возражали робкие души, из тех, что опасаются всего на свете, — но можно ли в этом мире полагаться твердо хоть на что-нибудь? А вдруг Дж. Т. Мастон ошибется в своих расчетах! А вдруг Барбикен ошибется, применяя их на практике? Это случалось и с самыми искусными артиллеристами! Не всегда удается попасть пулей в середину мишени, а то и бомбой в бочку!

Надо ли говорить, как старательно раздували делегаты европейских государств всеобщее беспокойство? Секретарь Дин Тудринк нарочно напечатал ряд негодующих статей в газете «Стандарт», Ян Харальд проделал то же самое в шведской «Вечерней газете», а полковник Борис Карков — в широко распространенной газете «Новое время». Даже в самой Америке мнения разделились. Если «республиканцы», которые придерживаются либеральных взглядов, оставались сторонниками Барбикена, то «демократы» — консерваторы по убеждениям — выступали против него. Часть американских газет — «Бостонская газета», «Нью-Йоркская трибуна» и другие — присоединялась к европейской прессе. А в Соединенных Штатах, с организацией агентств Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс, газеты становятся могучим средством информации; ведь они теперь на одни только местные и иностранные известия затрачивают огромную сумму, намного превышающую двадцать миллионов долларов ежегодно.

Напрасно другие газеты — не менее широко распространенные — пытались вступиться за Арктическую промышленную компанию! Напрасно миссис Эванджелина Скорбит платила по десять долларов за строчку любой научно-фантастической статьи или фельетона, лишь бы там производилась расправа над этими воображаемыми страхами! Напрасно пылкая вдова пыталась доказать, что если где и кроется ошибка, так только в предположении, будто Дж. Т. Мастон может сделать ошибку в своих вычислениях! Наконец охваченная страхом Америка подняла такой же крик, как и Европа.

Но ни председатель Пушечного клуба, ни его секретарь, ни члены правления не отвечали ни слова на все эти нападки. Они предоставляли каждому говорить, что вздумается, а сами и в ус не дули. Не было заметно даже, чтобы они занимались огромными приготовлениями, каких требовала такая операция. Может быть, на Барбикена и К° подействовала перемена настроения и всеобщее недовольство, которое теперь вызывал проект, принятый вначале с таким восторгом? Едва ли.

Вскоре, несмотря на всю преданность миссис Эванджелины Скорбит, несмотря на огромные суммы, затраченные ею на поддержку Барбикена, капитана Николя и Дж. Т. Мастона, их стали считать людьми, угрожающими безопасности всего мира. Европейские державы официально призывали федеральное правительство вмешаться в дело и запросить по этому поводу учредителей Компании. Предполагалось, что их заставят открыто объявить свои намерения, сообщить, каким способом они собираются заменить старую ось новой (что позволило бы выяснить возможные последствия для общественной безопасности), и, наконец, назвать части земного шара, находящиеся под непосредственной угрозой; одним словом, рассказать все, что хотели знать перепуганные и просто осторожные люди.

Вашингтонское правительство не заставило себя просить. Волнение, охватившее Северные, Центральные и Южные штаты республики, не позволяло медлить. Девятнадцатого февраля был издан декрет об образова-

нии Комиссии для расследования этого дела, составленной из механиков, инженеров, математиков, гидрографов и географов, — всего в количестве пятидесяти человек, под председательством известного Джона X. Престиса; комиссия получала полное право требовать отчета от предприятия и в случае надобности вынести запрещение его.

Прежде всего в эту комиссию было предложено явиться Барбикену.

Барбикен не явился.

За ним на его квартиру в Балтиморе по Кливленд-стрит № 95 были посланы полицейские.

Барбикена там не оказалось.

— Где он?

— Неизвестно.

— Когда он уехал?

— Больше месяца тому назад, одиннадцатого января, он вместе с капитаном Николем покинул столицу штата Мэриленд и самый штат Мэриленд.

— Куда он уехал?

Никто не мог этого сказать.

Очевидно, оба члена Пушечного клуба направились к тому таинственному месту, где под их руководством уже производились подготовительные работы.

Но где же оно находится?

Ведь это необходимо узнать и, пока еще не поздно, уничтожить в зародыше замыслы зловредных инженеров

Исчезновение Барбикена и капитана Николя вызвало великое разочарование. Вскоре, как буря на море в дни равноденствия, волны гнева стали вздыматься против руководителей Арктической промышленной компании.

Однако существовал человек, который должен был знать, куда направились Барбикен с Николем, — человек, который знал, как справиться с гигантским вопросительным знаком, вздымавшимся над земным шаром.

Этот человек был Дж. Т. Мастон.

Дж. Т. Мастон по настоянию председателя Джона X. Престиса был вызван в комиссию.

Дж. Т. Мастон и не подумал явиться.

Может быть, он тоже уехал из Балтиморы? Может быть, он направился к своим друзьям, чтобы помочь им в предприятии, результатов которого весь мир ожидал с понятным страхом?

Нет! Дж. Т. Мастон жил все там же, в своем Баллистик-коттедже, на Франклин-стрит № 109, отдыхая от одних вычислений за другими, и неустанно работал. Лишь иногда по вечерам он посещал гостиные роскошного особняка миссис Эвенджелины Скорбит в Нью-Парке.

Тогда председатель Комиссии по расследованию отправил на Франклин-стрит полицейского с приказом привести Мастона.

Полицейский подошел к коттеджу, постучал в дверь и вошел, не стесняясь, в дом, где его довольно худо принял негр Пли-Пли, а еще хуже хозяин.

Дж. Т. Мастон не счел возможным отказаться от приглашения. Но, явившись к членам следственной комиссии, он ничуть не скрывал, что ему ужасно досаждают, нарушая его привычные занятия.

Первый вопрос, поставленный ему, был следующий:

— Известно ли секретарю Пушечного клуба, где находится в настоящее время председатель Барбикен, а также капитан Николь?

— Известно, — твердо ответил Дж. Т. Мастон, — но я не считаю себя вправе рассказывать об этом вам.

Второй вопрос:

— Правда ли, что они заняты подготовительными работами для перемещения земной оси?

— Это, — ответил Дж. Т. Мастон, — составляет часть тайны, которую я обязался хранить, и потому я отказываюсь отвечать.

— Не угодно ли вам в таком случае сообщить комиссии результаты своей работы, чтобы комиссия сама решила, можно ли дозволить Компании выполнять свой проект?

— Нет, не угодно! Я не стану их сообщать вам! Я их лучше уничтожу. Мое право свободного гражданина свободной Америки — не сообщать никому о результатах своей работы.

— Но если это ваше право, мистер Мастон,— сказал председатель Джон Х. Престис строго, как будто он говорил от лица всего мира, — то, может быть, ваш долг сейчас, ввиду всеобщего волнения, сказать все откровенно и положить конец смятению народов?

Дж. Т. Мастон не считал этого своим долгом. Он считал, что у него один долг — молчать, и продолжал молчать.

Несмотря на увещания, уговоры и даже угрозы, члены Комиссии по расследованию ничего не добились от человека с железным крючком вместо правой руки. Нельзя, никак нельзя было и предполагать, что под гуттаперчевым черепом может таиться столько упорства.

С тем Дж. Т. Мастон и ушел. Нечего говорить, что миссис Эвенджелина Скорбит не могла нахвалиться его доблестным поведением.

Когда стало известно, чем закончился допрос Мастона в комиссии, общественное негодование стало принимать формы, поистине угрожающие безопасности отставного артиллериста. Давление общественного мнения на высших сановников федерального правительства и вмешательство европейских делегатов так усилились, что государственный секретарь Джон С. Райт счел нужным потребовать у правительства права действовать manu militari [1].

Вечером 13 марта Дж. Т. Мастон, погрузившись в цифры, сидел в своем кабинете в Баллистик-коттедже, как вдруг затрещал телефонный звонок и послышался дрожащий от волнения голос.

— Алло! Алло! — бормотала мембрана.

— Кто говорит? — спросил Дж. Т. Мастон.

— Миссис Скорбит.

— Что вам угодно, миссис Скорбит?

— Предостеречь вас... Я только что узнала, что сегодня вечером...

---

[1] Вооруженной силой *(лат.)*.

Едва слова эти достигли слуха Дж. Т. Мастона, как входную дверь Баллистик-коттеджа с грохотом высадили сильным ударом плеча.

Послышалась ужасная суматоха на лестнице, ведущей к кабинету. Кто-то громко кричал. Кто-то другой приказывал ему замолчать. Затем послышался шум падения.

Это негр Пли-Пли покатился с лестницы после тщетных попыток защитить от нападавших неприкосновенность жилища своего хозяина.

Через мгновение дверь кабинета распахнулась, и появился констебль в сопровождении взвода полицейских.

Констебль имел приказ произвести в коттедже обыск, захватить все бумаги Дж. Т. Мастона и забрать его самого.

Вспыльчивый секретарь Пушечного клуба схватил револьвер, грозя выпустить в полицейских все шесть зарядов.

Но благодаря численному превосходству его в одно мгновение обезоружили, и полицейские стали собирать испещренные формулами и цифрами бумаги, которыми был завален стол.

Тогда, внезапно вырвавшись из рук полицейского, Дж. Т. Мастон схватил со стола записную книжку, в которой, вероятно, были итоги его вычислений.

Полицейские кинулись к нему, чтобы отнять ее, пусть даже вместе с жизнью...

Но Дж. Т. Мастон успел быстро развернуть книжку, вырвать последнюю страницу и еще быстрее проглотить ее, как глотают пилюли.

— Попробуйте, возьмите ее теперь! — закричал он, как Леонид при Фермопилах.

Часом позже Дж. Т. Мастон был заключен в балтиморскую тюрьму.

И, без сомнения, это было счастьем для него, потому что озлобленные жители города могли бы прибегнуть в отношении его особы к крайним мерам, весьма для него печальным, и тут уж полиция была бы не в силах ничем помешать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Что было в записной книжке Дж. Т Мастона и чего в ней не оказалось

Захваченная стараниями балтиморской полиции записная книжка заключала страниц тридцать, испещренных формулами, уравнениями, наконец числами, подводившими итоги вычислений Дж. Т. Мастона. Эту сложную работу по механике могли оценить только настоящие математики. Там фигурировало, между прочим, и уравнение живых сил [1]:

$$v^2 - v_0^2 = 2gr_0^2\left(\frac{1}{r} - \frac{1}{r_0}\right),$$

которое применялось в задаче о посылке снаряда на Луну и содержало выражения, относящиеся к лунному притяжению.

Обыкновенные люди ничего бы не поняли в работе Мастона. Однако решено было опубликовать из нее некоторые данные и выводы, чтобы успокоить мир, уже несколько недель терзаемый тревогой.

Ознакомившись с формулами знаменитого математика, ученые из Комиссии по расследованию передали в прессу следующее сообщение, которое все газеты, без различия направлений, перепечатали для всеобщего сведения.

Но прежде всего заметим, что не могло быть никаких споров о самих вычислениях Мастона. Есть поговорка, что «ясно изложенная задача — наполовину решенная задача»; здесь как раз так и было. И вычисления были слишком точны, чтобы комиссия могла усомниться в их правильности или в их выводах. Если дело Компании будет доведено до конца, то земная ось неминуемо изменит свое положение и предполагаемая катастрофа разразится с полной силой.

---

[1] Уравнением живых сил до конца прошлого столетия называли закон сохранения механической энергии.

ЗАМЕТКА, СОСТАВЛЕННАЯ БАЛТИМОРСКОЙ КОМИССИЕЙ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ В ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ ОБОИХ ПОЛУШАРИЙ

«Арктическая промышленная компания, задавшись целью переместить ось земного шара, выбрала средством для этого отдачу орудия, поставленного в определенном пункте земного шара. Если дуло орудия будет накрепко сращено с почвой, то, без сомнения, оно сообщит отдачу всей массе нашей планеты.

Орудие, избранное инженерами Компании, представляет собой пушку чудовищных размеров, выстрел которой остался бы без последствий, будь он направлен к зениту. Чтобы действие выстрела дало наибольший эффект, надо направить его горизонтально к северу или к югу. Южное направление и выбрали Барбикен и К°. При этом условии отдача сообщит Земле толчок к северу, — такой удар наносят биллиардному шару, чуть задевая его другим шаром сбоку».

Именно такой способ и предугадывал проницательный Альсид Пьердэ!

«Как только выстрел будет произведен, центр тяжести Земли переместится в направлении, параллельном удару, что может изменить плоскость орбиты и, следовательно, продолжительность года, но изменения эти будут незначительны, и их не стоит принимать во внимание. В то же время Земля получит вращательное движение вокруг оси, лежащей в плоскости экватора. Это новое вращательное движение продолжалось бы неопределенно долго, если бы уже не существовало суточного вращения Земли.

И вот суточное вращение, происходящее вокруг линии, соединяющей полюсы, сложится с вращательным движением, приданным Земле в результате отдачи, и оба эти движения создадут новую ось, полюсы которой будут отстоять от старых полюсов на величину *x*. Если выстрел произойдет в тот момент, когда точка весеннего равноденствия — одно из двух пересечений экватора и эклиптики — будет в надире над местом выстрела, и если отдача окажется достаточно сильной, что-

бы переместить полюс на 23°28′, то новая земная ось будет перпендикулярна к плоскости ее орбиты, то есть займет почти то же положение, что и ось Юпитера.

Следствия такого положения оси уже известны из сообщения, которое председатель Барбикен счел нужным сделать на заседании 22 декабря.

Однако, учитывая массу Земли и энергию ее вращения, можно ли вообразить огнестрельное орудие такой величины, чтобы отдача была в состоянии сместить полюс, и притом на 23°28′?

Да, можно, но для этого надо соорудить пушку (или несколько пушек) того размера, который требуется по законам механики. Если же пушку такого размера не удастся отлить, то нужно применить взрывчатое вещество достаточной силы, чтобы сообщить ядру скорость, необходимую для смещения.

Взяв исходным типом французское двадцатисемисантиметровое морское орудие образца 1875 года, выбрасывающее снаряд весом в 180 килограммов со скоростью 500 метров в секунду и увеличив размеры этого орудия в 100 раз (и тем самым объем его в 1 000 000 раз), можно создать орудие, которое выпустит снаряд в 180 тысяч тонн. Если к тому же сила взрывчатого вещества будет достаточна, чтобы придать снаряду скорость в 5600 раз бо́льшую, чем скорость снаряда при употреблении обычного пороха, то искомый результат будет достигнут. В самом деле, при скорости 2800 километров в секунду[1] нечего бояться, что снаряд, опять встретившись на своем пути с Землей, вернет ее в исходное положение.

Как это ни удивительно, но, к несчастью для обитателей земного шара, Дж. Т. Мастон и его сотоварищи имеют в своем распоряжении как раз такое взрывчатое вещество почти беспредельной мощности, с которым пироксилин, применявшийся для выстрела «Колумбиады», не выдерживает никакого сравнения. Изобрел это вещество капитан Николь. О его составе в записной книжке Дж. Т. Мастона есть только смут-

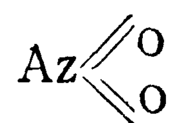
---

[1] Скорость, достаточная, чтобы в одну секунду долететь от Парижа до Петербурга. *(Прим. автора.)*

ные намеки, — Мастон предпочитает кратко обозначать это взрывчатое вещество названием «мели-мелонита».

О нем известно только то, что оно образуется из реакции некоей смеси органических веществ и азотной кислоты.

Определенное количество одноатомных оснований

замещается таким же количеством атомов водорода. Получается порох, действие которого, как и пироксилина, зависит от соединения горючих веществ с легковоспламеняющимися, а не от простого их смешения.

Если это вещество, из чего бы оно ни состояло, обладает силой, достаточной, чтобы отправить ядро весом в 180 тысяч тонн в пространство, находящееся вне притяжения Земли, то отдача, которую взрыв передаст пушке, вызовет, очевидно, перемещение оси, то есть смещение полюса на 23°28′, и образует новую ось, перпендикулярно к плоскости эклиптики. Тут и произойдут бедствия, которых справедливо опасаются обитатели Земли.

Впрочем, у человечества остается все же надежда избежать последствий эксперимента, который вызовет такие изменения в географическом и климатическом состоянии земного шара.

Можно ли создать пушку, в миллион раз большую по объему, чем двадцатисемисантиметровое орудие? Как бы ни было значительно развитие металлургической промышленности, даже после сооружения мостов через Тай и Форт, виадука Гараби и Эйфелевой башни, трудно поверить, чтобы инженерам удалось изготовить такое гигантское орудие, не говоря уже об ядре весом в сто восемьдесят тысяч тонн, которое будет выпущено в пространство?

В этом позволительно усомниться. Очевидно, здесь кроется одна из причин, по которым затея Барбикена и К° может окончиться неудачей. И все же положение внушало сильную тревогу, потому что новая Компания, вероятно, уже приступила к делу.

Как известно, вышеназванные Барбикен и Николь покинули Балтимору и вообще Америку. С тех пор как они уехали, прошло уже больше двух месяцев. Куда они отправились? Скорее всего, в какое-то никому неведомое место на земном шаре, откуда всего удобней произвести выстрел.

Где же оно находится? Этого не знает никто, и, следовательно, нам нельзя пуститься в догонку за дерзкими «злодеями» (sic!) [1], которые собираются перевернуть вверх дном весь мир под предлогом разработки новых угольных залежей ради своей прибыли.

Наверно, эта точка *x* была указана в записной книжке Дж. Т. Мастона и, без сомнения, именно на последней странице, где суммировалась его работа. Но последняя страница проглочена сообщником Импи Барбикена, и сообщник этот, заключенный в настоящее время в балтиморскую тюрьму, наотрез отказывается говорить.

Таково положение дела. Если Барбикену удастся соорудить свою чудовищную пушку и изготовить снаряд, словом, если его замысел будет выполнен при вышеуказанных обстоятельствах, то он переместит старую ось и через полгода Земле придется испытать на себе все последствия этого «непростительного эксперимента» (sic!).

В самом деле, уже определен момент, когда выстрел будет иметь полную силу и когда толчок, сообщенный Земле, окажет свое максимальное действие.

Он приходится на 22 сентября, двенадцать часов спустя после прохождения Солнца через меридиан *x*.

Поскольку нам известно:

1) что выстрел будет произведен из пушки, в миллион раз превышающей размером двадцатисемисантиметровое орудие;

2) что пушка будет заряжена снарядом весом в 180 тысяч тонн;

3) что снаряд будет обладать начальной скоростью в 2800 километров в секунду;

---

[1] Так *(лат.)*.

4) что выстрел последует 22 сентября, двенадцать часов спустя после прохождения Солнца через местный меридиан, — можно ли, зная все это, определить точку *x*, где будет произведен выстрел?

«Разумеется, нет!» — отвечают члены Комиссии по расследованию.

В самом деле, высчитать, где находится точка *x*, нельзя, так как в работе Дж. Т. Мастона не указано, через какую часть земного шара пройдет новая ось, — другими словами, неизвестно, где окажутся новые полюсы Земли. Нам скажут: на расстоянии 23°28′ от старого полюса. Это мы, конечно, знаем. Но по какому меридиану? Установить его совершенно невозможно.

Поэтому невозможно определить, какие местности, ввиду изменения уровня океанов, опустятся и какие поднимутся, какие материки обратятся в моря и какие моря станут материками.

А между тем, судя по вычислениям Дж. Т. Мастона, изменение уровня вод в океанах будет очень значительно. Сразу же после толчка поверхность океанов примет форму эллипсоида, описанного вокруг новой оси, и толщина водяного пласта изменится почти повсеместно.

Действительно, пересечение уровня старого моря с уровнем нового — двух равных площадей вращения, оси которых пересекаются, — составится из двух изогнутых поверхностей, плоскости которых опустятся перпендикуляром к плоскости двух осей полюсов и соответственно двумя биссектрисами к углу двух осей полюсов. *(Текст записной книжки математика.)*

Отсюда следует, что максимальное изменение уровня может вызвать повышение или понижение на 8415 метров сравнительно с прежним уровнем, и различные точки земного шара, различные территории окажутся выше или ниже нового уровня в пределах указанной величины. Величина эта будет постепенно уменьшаться по направлению к линиям разграничения, которые разделят земной шар на четыре сегмента; на самых разграничительных линиях изменения уровня будут равны нулю.

Нужно заметить, что старый полюс тоже погрузится больше чем на 3000 метров в воду, ибо вследствие того, что Земля сплющена у полюсов, он находится на самом меньшем расстоянии от центра Земли. Таким образом, владения, приобретенные Арктической промышленной компанией, окажутся затопленными и, следовательно, недоступными для разработки. Однако Барбикен и его товарищи не опасаются этой возможности, так как данные последних географических открытий позволяют утверждать, что Северный полюс находится на плоскогорье, высота которого превышает 3000 метров.

Что касается тех пунктов земного шара, где изменение уровня достигнет 8415 метров и, следовательно, тех территорий, которые подвергнутся бедствиям, то нечего и пробовать их определить. Здесь не помогут самые хитрые расчеты. В уравнении есть одно неизвестное, определить которое не может ни одна формула: положение точки x, где будет произведен выстрел и где, следовательно, совершится толчок. Но x является тайной людей, затеявших это злосчастное дело.

Значит, все обитатели земного шара, на какой бы широте они ни проживали, непосредственно заинтересованы в раскрытии этой тайны, потому что всем им непосредственно угрожают махинации Барбикена и К°.

Пусть обитатели Европы, Африки, Азии, Америки, Австралии и Океании следят за всеми работами по отливке пушек и производству снарядов и пороха, которые могут быть предприняты в их местностях; пусть они также следят за всеми иностранцами, прибытие которых покажется им подозрительным, и тотчас же известят об этом членов Комиссии по расследованию (Балтимора, Мэриленд, США).

Будем надеяться, что такое известие придет до 22 сентября сего года, то есть раньше, чем наступит день, таящий угрозу порядку, установившемуся на нашей планете».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой Мастон героически хранит молчание

Итак, сначала при помощи пушки отправляли снаряд на Луну, теперь при помощи пушки хотят переместить земную ось! Пушки! Опять пушки! У этих артиллеристов из Пушечного клуба, как видно, нет на уме ничего другого! Они помешались на своих пушках! Они больны «острым пушкизмом»! Для них пушка это все!

Неужели жестокое орудие станет владыкой мира? Неужели канонадное право будет царить в промышленности и во вселенной подобно тому, как каноническое право господствует в теологии?

Да, приходится признать, что пушки все время вертелись на уме у Барбикена и его друзей. Недаром же они посвятили всю свою жизнь баллистике. Сначала они соорудили во Флориде свою «Колумбиаду», чтобы лететь на Луну, теперь, где-то в точке *x*, они сооружают пушку еще более чудовищную.

Вот они уже объявляют громогласно: «Наводи на Луну! Первое орудие... Огонь!», «Переставляй земную ось! Второе орудие... Огонь!»

И слушая, как они командуют, всему миру не терпится крикнуть: «В сумасшедший дом! Третье орудие... Огонь!»

Их предприятие действительно нужно обозначить словами, которые стоят в заглавии этой книги, — «Вверх дном». Все действительно будет поставлено вверх дном — и последует, как выражался Альсид Пьердэ, всеобщая «встряска».

Как бы то ни было, но заметка, опубликованная комиссией, произвела впечатление, которое и описать нельзя. Надо признаться, в выводах комиссии не было ничего утешительного. Судя по вычислениям Дж. Т. Мастона, задача, во всем, что касалось механики, была им полностью разрешена. Операция, затеянная Барбикеном и капитаном Николем (это было ясно всему свету), внесет самые неприятные изменения в суточное вращение Земли. Старую ось заменит

новая .. и уж известно, какие последствия будет иметь эта замена.

Предприятие Барбикена и К° было строго обсуждено, осуждено и предано всеобщему проклятию. И в Старом и в Новом Свете главари Арктической промышленной компании всех восстановили против себя. Если у них и оставались приверженцы, то только среди разных американских сумасбродов, да и тех было не много.

Для своей личной безопасности председатель Барбикен и капитан Николь поступили действительно разумно, покинув Балтимору и Америку. Были основания думать, что иначе с ними могла бы приключиться беда. Нельзя безнаказанно пугать полтора миллиарда обитателей Земли, переворачивать вверх дном весь их распорядок, учиняя перемены в условиях жизни на Земле, и угрожать страшной катастрофой самому их существованию!

Но каким образом могли бесследно исчезнуть двое членов Пушечного клуба? А материалы, а люди, без которых не состоялись бы работы, — как можно было не заметить их отправки? Для того чтобы перевезти такие грузы металла, угля и мели-мелонита по суше, потребовались бы сотни вагонов, чтобы отправить их по морю — сотни кораблей. Совершенно непостижимо, как можно было увезти все это втайне. Однако это было сделано. Больше того: по наведенным справкам оказалось, что ни один металлургический завод и ни одна фабрика химических изделий ни в Старом, ни в Новом Свете не получали никаких заказов. Это и в самом деле было необъяснимо. Объяснений надо было ждать от будущего... если только доведется дожить до будущего!

Все же, хотя Барбикен и капитан Николь, таинственно исчезнув, избегли непосредственной опасности, их сотоварищ Дж. Т. Мастон, во-время засаженный в тюрьму, мог опасаться общественного возмездия. Ну, он не слишком-то волновался! Удивительный упрямец был этот математик! Он был тверд, как железо, как крючок, заменявший ему правую руку. Ничто не могло заставить его уступить.

В темной камере балтиморской тюрьмы секретарь Пушечного клуба предавался неотвязным думам о своих далеких друзьях, за которыми он не мог последовать. Он живо представлял себе, как Барбикен и капитан Николь готовят свой великий опыт в неведомом пункте земного шара, где никто не мог им помешать. Он видел, как они сооружают огромное орудие, как составляют мели-мелонит, как отливают ядро, которое Солнце скоро причислит к своим спутникам. Новая звезда будет называться прелестным именем «Скорбетта». Это будет данью уважения и признательности щедрой миллионерше из особняка в Нью-Парке. И Дж. Т. Мастон уже считал дни (слишком долгие, по его мнению), оставшиеся до назначенного срока.

Было уже начало апреля. Через два с половиной месяца дневное светило, постояв над тропиком Рака, направится вспять к тропику Козерога. А еще через три месяца, в день осеннего равноденствия, оно пересечет экваториальную линию. И тут придет конец временам года, которые столько миллионов лет так правильно и так «глупо» ежегодно сменяли друг друга. В последний раз в 189.. году земной шар претерпевал неравенство дней и ночей. Впредь между восходом и заходом солнца в любой точке земного шара будет проходить всегда одно и то же количество часов.

Поистине великое, сверхъестественное, непостижимое предприятие! Дж. Т. Мастон, забывая об арктических владениях и разработке угольных залежей полюса, видел перед собой только космографические следствия выстрела. Главную цель новой Компании отодвигали в тень преобразования, которые изменят лицо мира.

И подумать только! Мир вовсе не хотел менять свое лицо. Он был все так же молод и ничуть не постарел со дня творения!

А упорный Дж. Т. Мастон, одинокий и беззащитный в своей камере, держался попрежнему стойко, несмотря на всяческое давление. Члены Комиссии по расследованию ежедневно посещали его, но не могли ничего с ним поделать. Наконец председателю комиссии Джону Престису пришло в голову использовать влия-

ние, которое могло оказаться посильней, — влияние миссис Эвенджелины Скорбит. Все знали, на какое самопожертвование способна была почтенная вдова, когда дело касалось Дж. Т. Мастона, как безгранично была она ему предана и какое горячее участие она принимала в его судьбе.

Поэтому, посоветовавшись между собой, члены комиссии предоставили миссис Эвенджелине Скорбит право посещать заключенного, когда ей вздумается. Разве выстрел чудовищной пушки был для нее менее опасен, чем для остальных обитателей Земли? Разве ее богатый дом в Нью-Парке не так пострадает от грозной катастрофы, как бедная хижина лесного охотника или шалаш индейца в прериях? Разве дело не шло о ее жизни, так же как и о жизни бедного якута или неведомого обитателя какого-нибудь островка на Тихом океане?

Вот это и объяснил ей председатель комиссии, вот потому он и просил миссис Скорбит употребить свое влияние на Дж. Т. Мастона.

Если, наконец, он заговорит, если он согласится сказать, где находится председатель Барбикен и капитан Николь, если он укажет, где они (а вместе с ними и многочисленный штат рабочих, которых они, вероятно, увезли с собой) ведут свои подготовительные работы,— то еще не поздно отправиться на поиски, выследить обоих и положить конец страхам и тревогам человечества.

Итак, миссис Эвенджелина Скорбит получила доступ в тюрьму. Больше всего на свете она желала вновь видеть Дж. Т. Мастона, которого руки полицейских так грубо оторвали от мирной жизни в его коттедже.

Но, должно быть, плохо знали решительную Эвенджелину те, кто предполагал, что она окажется рабой своих человеческих слабостей! И если бы 9 апреля, когда миссис Скорбит впервые вошла в тюремную камеру, чье-нибудь нескромное ухо приникло к замочной скважине, вот что — не без некоторого изумления — услыхал бы подслушивающий:

— Наконец-то, дорогой Мастон, я снова вижу вас!
— Это вы, миссис Скорбит!
— Да, мой друг. Целых четыре недели, четыре долгих недели длилась разлука...
— То есть как раз двадцать восемь дней пять часов и сорок пять минут, — сказал Дж. Т. Мастон, взглянув на свои часы.
— Наконец-то мы опять вместе!
— Но как вас допустили ко мне, дорогая миссис Скорбит?
— С условием, что я буду воздействовать всей своей безграничной любовью на того, кто мне ее внушает...
— Что? Эвенджелина! — воскликнул Дж. Т. Мастон. — Вы решаетесь давать мне такие советы?! Вы могли подумать, что я предам наших друзей!..
— Дорогой Мастон! Неужели вы так дурно думаете обо мне? Я стану уговаривать вас жертвовать честью ради безопасности? Я стану толкать вас на поступок, который мог бы покрыть позором жизнь, всецело посвященную глубоким размышлениям о высших проблемах механики?!
— Ну вот и хорошо, миссис Скорбит! Я рад видеть в вас прежнюю великодушную акционершу нашей Компании! Нет, я никогда не сомневался в вашем мужестве.
— Благодарю вас, дорогой Мастон!
— Ну, а мне самому... разгласить тайну нашего дела, указать, в какой точке земного шара состоится наш чудесный выстрел, выдать тайну, которую, к счастью, мне удалось скрыть, так сказать, в глубине самого себя, позволить этим варварам пуститься по следам наших друзей и прервать их работу, сулящую нам и славу и деньги?!. Нет, лучше мне умереть!
— О, благороднейший Мастон! — воскликнула миссис Эвенджелина Скорбит.

Эти два существа, тесно связанные своей преданностью одному и тому же делу, оба увлеченные им до безумия, не могли не понять друг друга.
— Нет, никогда, никогда не узнать им, какая страна предназначена моими вычислениями для совер-

шения в ней великого замысла! — добавил Дж. Т. Мастон.—Пусть меня убивают, если угодно, но им не вырвать у меня этой тайны!

— Пусть и меня убьют вместе с вами!— воскликнула миссис Эвенджелина Скорбит. — Я тоже не вымолвлю ни слова...

— К счастью, дорогая Эвенджелина, они не знают, что вам эта тайна известна!

— Неужели вы думаете, дорогой Мастон, что я способна выдать ее, потому что я слабая женщина? Предать наших друзей и вас? Нет, мой друг, и еще раз нет! Пусть эти пошлые люди поднимут против вас всех и вся, пусть весь мир придет сюда, в эту камеру, чтобы вырвать у вас тайну... что ж! Я буду с вами, и нашим утешением будет сознание, что мы умираем вместе!

И если этим можно утешиться, то Мастону не стоило и мечтать об утешении более приятном, чем умереть в объятиях миссис Эвенджелины Скорбит!

Так заканчивалась их беседа всякий раз, когда эта превосходная женщина навещала узника.

А когда члены Комиссии по расследованию спрашивали ее о результате свидания, она отвечала:

— Пока ничего... Может быть, со временем мне удастся добиться...

О женское коварство!

«Со временем!» — говорила она. Но время шагало большими шагами. Недели мчались, как дни, дни — как часы, а часы — как минуты.

Наступил май. Миссис Эвенджелина Скорбит ничего не добилась от Дж. Т. Мастона, а если уж такой сильной женщине пришлось потерпеть неудачу, то никто другой уже не смел рассчитывать на успех у него. Но неужели оставалось лишь покорно ждать ужасного несчастья? Неужели так и не представится случая предотвратить его?

Нет и нет! В подобных обстоятельствах бездействие недопустимо. И представители европейских государств стали еще деятельней, чем когда-либо. Между ними и членами комиссии, которых теперь винили во всем, шла настоящая война. Вялый Якоб Янсен, несмотря на мирный нрав, присущий голландцам, ежедневно осы-

пал членов комиссии бранью и упреками. Полковник Борис Карков вызвал на дуэль секретаря комиссии. Дуэль, правда, кончилась тем, что он только ранил своего противника. Майор Донеллан не брался ни за огнестрельное, ни за холодное оружие, — это против английских обычаев, — но зато в присутствии секретаря Дина Тудринка он, по всем правилам бокса, обменялся десятком кулачных ударов с Уильямом С. Форстером, флегматичным владельцем рыбных складов, подставным агентом Арктической промышленной компании, который в сущности не имел ровно никакого отношения к делу.

Действительно, весь мир считал американцев из Соединенных Штатов ответственными за поступки самого прославленного их соотечественника — Импи Барбикена. Уже толковали о том, чтобы отозвать посланников и послов, аккредитованных при неосмотрительном вашингтонском правительстве, и объявить ему войну.

Несчастные Соединенные Штаты! Они ничего так не хотели, как изловить Барбикена и К°! Напрасно они заявляли, что Европа, Азия, Африка и Океания могут с полным правом сами засадить его, где бы он ни нашелся,— их никто не желал и слушать. А место, где председатель Пушечного клуба и его коллега занимались подготовкой своей проклятой операции, так и оставалось неизвестным.

Европейские державы твердили одно:

— В ваших руках Дж. Т. Мастон — их соучастник! Ведь Дж. Т. Мастон знает все о Барбикене. Заставьте же Дж. Т. Мастона говорить.

Заставить говорить Дж. Т. Мастона! Легче было вырвать слово из уст бога молчания Гарпократа или из уст директора Нью-Йоркского института глухонемых!

Всеобщая тревога все усиливалась, а с нею нарастало и раздражение; наконец некоторые практичные люди вспомнили, что здесь могли бы пригодиться средневековые пытки, например, «испанский сапог» палача, клещи и расплавленный свинец, которые развязывали

язык самому упрямому молчальнику, а также кипящее масло, испытание водой, дыба и т. д.

Почему бы не воспользоваться этими средствами? Ведь в былые времена суд, не задумываясь, применял их в делах значительно менее важных, очень мало затрагивавших интересы народов.

Но надо все-таки признаться, что эти средства, которые оправдывались нравами прежнего времени, не годится употреблять в век доброты и терпимости, в век столь гуманный, как наш XIX век, ознаменованный изобретением магазинных ружей, семимиллиметровых пуль с невероятной дальностью полета, в век, который в международных отношениях допускает применение бомб, начиненных мелинитом, робуритом, беллитом, панкластитом, меганитом и другими взрывчатыми веществами с окончанием на «ит», которые, впрочем, и в сравнении не идут с мели-мелонитом.

Поэтому Дж. Т. Мастону нечего было бояться пыток ни первой, ни второй степени. И оставалась лишь надежда на то, что он, наконец, сам уяснит свою ответственность и решит заговорить, а если нет — то, может быть, хоть случай скажет за него свое слово.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в конце которой Мастон дает поистине эпический ответ

Между тем время двигалось вперед, и, весьма вероятно, продвигались вперед, неведомо где, также и удивительные работы Барбикена и капитана Николя.

Как же все-таки могла совершаться втайне постройка целого завода и сооружение доменных печей, необходимых для отливки орудия в миллион раз большего, чем двадцатисемисантиметровая морская пушка, а также снаряда весом в 180 тысяч тонн? Ведь при этом еще понадобилось бы нанять тысячи рабочих, понадобилось бы их отправить, устроить на месте. В какой части Старого или Нового Света Барбикен

и К° могли обосноваться так скрытно, что этого не заметил никто из живущих по соседству? Может быть, они поселились на каком-нибудь острове, затерянном в Тихом океане? Но в наши дни не осталось необитаемых островов, — они все захвачены англичанами. Разве что новая Компания открыла его нарочно для этого дела! Предположить, что завод построен где-нибудь в Арктике или Антарктике, просто нелепо. Ведь именно потому, что к таким широтам нельзя пробраться, Арктическая промышленная компания и задумала их переместить.

Впрочем, искать Барбикена и Николя по всем материкам и островам — даже относительно доступным — значило бы попусту терять время. Ведь в записной книжке, захваченной у секретаря Пушечного клуба, упоминалось, что выстрел надо произвести у самого экватора. А в тех местах имеются обитатели, хотя и не очень цивилизованные. Если Барбикен и Николь устроились около линии экватора, то во всяком случае не в Америке, — то есть не на пространстве, занимаемом Перу и Бразилией, — и не на Зондских островах, не на Суматре, Борнео, Целебесе, не на Новой Гвинее. Если бы там велись подобные работы, население знало бы о них. Весьма вероятно, что такие работы нельзя провести тайно и в Центральной Африке — в области великих озер, пересекаемой экватором. Правда, остаются еще Мальдивские острова в Индийском океане, острова Адмиралтейства, Гилберта, Рождества и Галапагос в Тихом океане, остров Сан-Педро — в Атлантическом. Но розыски, предпринятые во всех этих местах, не привели ни к чему. Приходилось довольствоваться смутными предположениями, которыми нельзя было успокоить всеобщую тревогу.

А что думал обо всем этом Альсид Пьердэ? Со свойственной ему «въедливостью» он не переставал размышлять о различных сторонах проблемы. Чтобы капитан Николь изобрел сильнейшее взрывчатое вещество, чтобы он действительно открыл свой мели-мелонит, взрывная мощь которого в три-четыре тысячи раз превышает мощь самых страшных взрывчатых веществ, применяемых на войне, и который в пять тысяч

шестьсот раз сильнее доброго старого ружейного пороха наших предков, — это само по себе было бы весьма удивительно и даже скоропалительно, рассуждал он, но все же не невозможно. Кто знает, какой прогресс в этом деле сулит нам будущее? Быть может, скоро найдут средства уничтожать целые армии на любом расстоянии. Во всяком случае, перемещение земной оси посредством отдачи орудия не поставило бы в тупик французского инженера. Он обращался in petto [1] к зачинщику всего дела со следующей речью:

«Разумеется, председатель Барбикен, Земля отзывается на все толчки, которые каждодневно происходят на ее поверхности. Конечно, когда сотни тысяч людей развлекаются тем, что выпускают в воздух тысячи снарядов, весом в столько-то килограммов, или миллионы пуль, весом в столько-то граммов, когда я просто хожу, прыгаю, вытягиваю руку, даже когда маленький кровяной шарик прогуливается по моим артериям, — все это сказывается на массе нашей планеты. Стало быть, и твоя большая пушка, Барбикен, в состоянии нанести нужный удар. Однако — клянусь интегралом! — хватит ли силы этого удара, чтобы повернуть Землю? А надо признать, что скотина Мастон в своих вычислениях это определенно доказывает».

Впрочем, Альсид Пьердэ не мог не восхищаться искусными вычислениями секретаря Пушечного клуба: члены следственной комиссии не скрывали их от тех ученых, которым они были по силам. И Альсид Пьердэ, читавший алгебраические вычисления, как другие читают газету, перечитывал их с истинным удовольствием.

Но если эта «встряска» случится, сколько катастроф произойдет на поверхности земного шара! Страшные потрясения, города в развалинах, обвалившиеся горы, миллионы погибших, воды, покинувшие свое ложе и несущие с собой ужасные бедствия!

Это будет как бы землетрясение неслыханной силы.

— Если бы еще, — ворчал Альсид Пьердэ, — если бы еще проклятый порох капитана Николя оказался

---

[1] В мыслях (*итал.*).

недостаточно сильным, можно было бы надеяться, что снаряд, облетев земной шар, снова упадет на Землю — перед пушкой или позади нее. В таком случае все довольно скоро встанет на свое место, хотя, впрочем, и тут не обойдется без порядочных бедствий. Но попробуй положись на это! Благодаря их мели-мелониту снаряд опишет полуветвь гиперболы и не подумает возвращаться к Земле ни с извинениями по поводу учиненного беспорядка, ни с предложением расставить все по местам!

И Альсид Пьердэ размахивал руками, как семафор, рискуя перебить все вокруг себя на расстоянии двух метров.

— Если бы, — говорил он, — узнать место выстрела, я скоро определил бы, на каких широтах все останется попрежнему и где смещения достигнут максимума. Удалось бы хоть предупредить людей, чтобы они выехали во-время, пока дома и целые города не начнут валиться им на головы. Но как это узнать?

И, запустив пальцы в остатки волос, украшавших его череп, он восклицал:

— Ох, я думаю, что последствия толчка будут сложней, чем можно себе представить! Почему бы вулканам не воспользоваться случаем и не предаться неистовым извержениям, изрыгая из себя все, что накопилось у них во чреве, как это случается с пассажирами на корабле во время морской качки? Почему бы вздыбившимся водам не ринуться в их кратеры? Черт побери! Тут последуют такие взрывы, от которых разлетится вся земная машина! А проклятый Мастон упрямо молчит! Он, видите ли, играет с нашим шариком, пробует разные хитрые удары на биллиарде Вселенной!

Так рассуждал Альсид Пьердэ. Вскоре эти предположения подхватили и стали обсуждать газеты обоих полушарий. Что по сравнению с бедствиями, которыми грозит операция Барбикена и К°, все смерчи, потопы и наводнения, иногда опустошающие тот или иной кусок Земли! Это катастрофы местного значения! От них погибает всего несколько тысяч человек, и это ничуть не тревожит покоя неисчислимого количества остав-

шихся в живых! Теперь, с приближением рокового срока, тревога охватывала даже самых храбрых. Разные проповедники по всем углам предсказывали конец мира. Можно было подумать, будто снова наступал ужасный тысячный год нашей эры, когда люди воображали себе, что будут заживо ввергнуты в царство мертвых.

Вспомните только, что происходило тогда. Основываясь на пророчестве Апокалипсиса, люди верили, что приближается день Страшного суда. Все ожидали знамений гнева, предсказанных в писании. Вот-вот должен был появиться сын погибели — Антихрист.

«В последние годы X века, — пишет А. Мартэн, — все остановилось: развлечения, деловая жизнь, — все, даже земледельческие работы. «Зачем, — говорили, — думать о будущем, которого не будет? Подумаем о вечности, которая наступит завтра!» Все ограничивались исполнением дел первой необходимости. Люди завещали свои земли, свои за́мки монастырям, желая приобрести покровителей в небесном царстве, куда всем скоро придется отправиться. Многочисленные дарственные грамоты церквам начинались словами: «Близится конец мира, и гибель его неминуема...» Когда наступил роковой срок, население бросилось толпами в базилики, часовни, в здания, посвященные богу; охваченные ужасом, люди прислушивались, не звучат ли с неба семь труб семи ангелов последнего суда».

Как известно, первый день тысячного года начался, а законы природы ничем не были нарушены. Но на этот раз дело шло не о перевороте, предсказанном темными библейскими писаниями. Теперь дело шло о попытке нарушить равновесие Земли, — попытке, основанной на вычислениях точных и неоспоримых, попытке, которую развитие баллистики и механики делало вполне исполнимой. На этот раз море не только не выдаст своих мертвых, но миллионами поглотит живых и скроет их в глубине своих новых бездн.

И хотя в умах человеческих под влиянием новейших идей произошли большие перемены, тревога доводила людей до потери рассудка, и они, как в тысячном году, бросались составлять завещания. Никогда еще не

готовились в такой спешке к переходу в лучший мир. Никогда в исповедальни не тянулись такие длинные вереницы грешников! Никогда не давалось столько отпущений грехов in extremis [1]. Хотели даже просить папу дать своей грамотой общее отпущение грехов всем добрым людям на земле, — и не только добрым, но и очень перепуганным.

При таких обстоятельствах положение Дж. Т. Мастона с каждым днем становилось все затруднительней. Миссис Эвенджелина Скорбит трепетала, как бы он не пал жертвой народного гнева. Возможно, теперь у нее самой мелькала мысль посоветовать ему произнести слова, которые он с беспримерным упрямством отказывался вымолвить. Но миссис Эвенджелина Скорбит не осмеливалась просить об этом, и хорошо делала. Она все равно получила бы решительный отказ.

Понятно, что в Балтиморе, охваченной страхом, становилось все трудней сдерживать население, возбуждаемое многими американскими газетами и телеграммами «со всех четырех концов света», выражаясь апокалиптическим языком святого Иоанна Евангелиста, жившего при Домициане. Наверное, если бы Дж. Т. Мастон жил в царствование этого гонителя христиан, его дело было бы решено очень скоро. Его просто отдали бы на растерзание диким зверям. А он сказал бы только: «Я и так живу среди них!»

А непоколебимый Дж. Т. Мастон попрежнему не соглашался указать место *x*; ведь стоило ему только раскрыть рот, и председатель Барбикен с капитаном Николем были бы лишены возможности продолжать свою работу.

Все-таки было что-то величественное в таком поединке одного человека с целым миром. Это еще более поднимало Дж. Т. Мастона в мнении миссис Эвенджелины Скорбит и его коллег по Пушечному клубу. Надо сказать, бравые вояки, упрямые, как и надлежит отставным артиллеристам, стояли грудью за проект Барбикена и К⁰. Секретарь Пушечного клуба достиг такой известности, что ему, словно знаменитому

---

[1] В последнюю (перед смертью) минуту (*лат*).

преступнику, многие коллекционеры уже писали письма, в надежде получить в ответ несколько строк, начертанных рукой, которая собиралась перевернуть мир.

Но хотя положение Мастона и было величественно, оно становилось все опасней и опасней. Вокруг балтиморской тюрьмы днем и ночью толпился возбужденный народ. Раздавались яростные крики. Взбешенные люди хотели hic et nunc [1] линчевать Дж. Т. Мастона. Полиция опасалась, что наступит час, когда она не будет в силах защитить его.

Желая удовлетворить и американцев и жителей других стран, вашингтонское правительство решило, наконец, предать Дж. Т. Мастона уголовному суду.

Охваченные безумным страхом, присяжные заседатели «управились бы с ним в два счета», как говорил Альсид Пьердэ, начиная чувствовать даже некоторое уважение к твердому характеру математика.

И вот утром 5 сентября председатель Комиссии по расследованию появился в камере узника.

По настоятельной просьбе миссис Эвенджелины Скорбит ей тоже было разрешено посетить заключенного. А вдруг в последнюю минуту влияние этой милой женщины возьмет верх? Не следовало ничем пренебрегать. Здесь все способы были хороши, лишь бы, наконец, разгадать загадку.

— А если ничего не выйдет, тогда увидим! — говорили члены комиссии.

— Что же это вы увидите? — возражали прозорливые люди. — Какой прок вешать Дж. Т. Мастона, если ужасная катастрофа все равно разразится!

Итак, около 11 часов перед Дж. Т. Мастоном появились миссис Эвенджелина Скорбит и Джон X. Престис, председатель Комиссии по расследованию.

Сразу же приступили к делу. Разговор состоял из вопросов и ответов — вопросов весьма резких, ответов совершенно спокойных.

И кто бы поверил, что спокойным окажется Дж. Т. Мастон!

---

[1] Тут же на месте *(лат.)*.

— В последний раз спрашиваю вас: будете ли вы говорить? — спросил Джон X. Престис.

— О чем? — иронически осведомился секретарь Пушечного клуба.

— О том, куда уехал ваш друг Барбикен.

— Я уже говорил об этом сто раз.

— Повторите в сто первый!

— Он там, где будет произведен выстрел.

— А где будет произведен выстрел?

— Там, где сейчас мой друг Барбикен.

— Берегитесь, Дж. Т. Мастон.

— Чего же?

— Последствий запирательства, которое может...

— Помешать вам узнать то, чего вам и знать не следует.

— Но мы имеем право знать!

— Я этого не считаю.

— Мы привлечем вас к уголовной ответственности!

— И привлекайте!

— Суд осудит вас!

— Это дело судей.

— Приговор будет тотчас приведен в исполнение.

— Ну и пусть!

— Дорогой Мастон!.. — осмелилась произнести миссис Эвенджелина Скорбит, чье сердце сжалось при этих страшных словах.

— О... миссис! — сказал Дж. Т. Мастон.

Она склонила голову и замолкла.

— Угодно вам узнать, каков будет приговор? — спросил председатель Джон X. Престис.

— Если уж вам так хочется... — сказал Дж. Т. Мастон.

— Вы будете присуждены к высшей каре... Чего вы и заслуживаете!

— Вот как!

— И будете повешены, сударь. Это так же верно, как то, что два да два четыре!

— Ну тогда, сударь, у меня есть еще надежда, — хладнокровно ответил Дж. Т. Мастон. — Будь вы хоть немного сведущи в математике, вы не сказали бы «так же верно, как то, что два да два четыре». Не все

математики безумны настолько, чтобы утверждать, будто сумма двух чисел равна сумме их частей, то есть, что два и два дадут ровно четыре!

— Сударь! — воскликнул председатель, совершенно сбитый с толку.

— Если бы вы сказали, — возразил Дж. Т. Мастон, — «так же верно, как то, что один и один будет два»,— тогда другое дело! Это совершенно очевидно, потому что это вовсе не теорема, а просто определение!

Получив этот урок арифметики, председатель комиссии повернулся и ушел, а миссис Эвенджелина Скорбит послала самый пламенный взгляд властителю своих дум!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

очень короткая, но в которой X получает, наконец, географическое значение

К счастью для Дж. Т. Мастона, федеральное правительство вдруг получило следующую телеграмму от американского консула в Занзибаре:

«Государственному секретарю
Джону С. Райту,

Вашингтон, США.

Занзибар, 13 сентября, 5 часов утра по местному времени.

В Вамасаи, к югу от горной цепи Килиманджаро, производятся большие работы. Председатель Барбикен и капитан Николь с многочисленными рабочими-неграми уже восемь месяцев как обосновались во владениях султана Бали-Бали, о чем имею честь довести до сведения правительства.

Ричард У. Траст, консул».

Вот как обнаружилась тайна Дж. Т. Мастона. И вот почему, хотя секретарь Пушечного клуба и содержался в заключении, он не был повешен.

Но — как знать? — может быть, впоследствии ему самому пришлось пожалеть о том, что он не умер во всем блеске своей славы!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

которая содержит кое-что чрезвычайно важное для обитателей земного шара

Итак, вашингтонскому правительству стало теперь известно, где действовали Барбикен и К°. Не приходилось сомневаться в точности указаний, — занзибарский консул известен был как человек положительный, и его слова следовало принять на веру. К тому же сообщение подтверждалось и другими телеграммами. Именно там, в Африке, в Вамасаи, среди гор Килиманджаро, в сотне миль к западу от берега, немного южнее линии экватора, инженеры Арктической промышленной компании заканчивали свои гигантские работы.

Как они могли тайно пробраться в эти места, к подножью знаменитой горы, о которой впервые сообщили в 1849 году доктор Ребвиани и доктор Крапф и первое восхождение на которую было совершено путешественниками Отто Элерсом и Абботом? Как удалось устроить там мастерские, соорудить литейный завод, собрать необходимое количество рабочих? Каким способом завязаны были отношения со свирепыми племенами этой страны, с их коварными и жестокими повелителями? Этого никто не знал. Да и едва ли это могло открыться когда-нибудь, потому что до 22 сентября оставались считанные дни.

По этой же причине, узнав от миссис Эвенджелины Скорбит, что телеграмма из Занзибара раскрыла тайну Килиманджаро, Дж. Т. Мастон фыркнул, гордо взмахнул своим железным крючком и объявил:

— Не беда! По телефону и телеграфу пока еще нельзя передвигаться, а через шесть дней — трах-тарарах, и дело в шляпе!

Всякий, услышав, как звучно выпалил это Мастон (так выпалила когда-то «Колумбиада»), только поди-

вился бы, сколько еще жизненной силы сохранилось в старых артиллеристах!

Повидимому, Дж. Т. Мастон был прав. Посылать в Вамасаи полицейских с приказом арестовать Барбикена было уже поздно. Даже если допустить, что такой отряд, отправившись из Алжира или из Египта, из Адена, из Массуана, с Мадагаскара или Занзибара, быстро перебрался бы на африканский берег, — надо еще принять во внимание трудности передвижения по этой стране, всякие задержки из-за различных препятствий, обычных при переходе по гористой местности, и, наконец, сопротивление американцев и их рабочих, которое, наверно, поддержит в своих корыстных целях совершенно самовластный и совершенно черный султан.

Поэтому нечего было и надеяться, что удастся арестовать Барбикена и предотвратить выстрел.

Но если это оказывалось невозможным, зато легко было определить роковые последствия выстрела, потому что теперь стало известно точно, откуда он будет произведен. Теперь это дело вычислений, — вычислений, очевидно, довольно сложных, но с ними все-таки вполне могли справиться алгебраисты и вообще математики.

Телеграмма занзибарского консула прибыла в адрес государственного секретаря в Вашингтоне, и федеральное правительство держало ее сперва в секрете. При ее опубликовании оно предпочитало указать, как смещение оси повлияет на изменение уровня морей, чтобы каждый мог сразу определить, какая судьба его ожидает и что случится с той или другой частью земного сфероида.

Можно себе представить, как жадно все стремились узнать, что им делать в этом случае!

Четырнадцатого сентября телеграмма была препровождена на Вашингтонскую обсерваторию, с просьбой выяснить последствия, учитывая законы баллистики и все географические данные. Через день они были точно установлены. По подводному кабелю заключение было немедленно доведено до сведения держав Нового и Старого Света. Затем тысячи газет перепечатали его под

самыми громкими заголовками, и во всех больших городах мира газетчики стали выкрикивать их.

— Что же будет?

Этот вопрос задавали на всех языках жители всего земного шара.

И вот каков был ответ обсерватории.

«СРОЧНОЕ ОПОВЕЩЕНИЕ

Замысел председателя Пушечного клуба Барбикена и капитана Николя состоит в том, чтобы 22 сентября в полночь по местному времени произвести смещение земной оси, использовав для этого отдачу орудия. Выстрел будет сделан из пушки, в миллион раз превышающей французскую двадцатисемисантиметровую пушку; предположено зарядить ее ядром весом в 180 тысяч килограммов и применить взрывчатое вещество, которое сообщит снаряду начальную скорость в 2800 километров в секунду.

Если выстрел будет произведен несколько южнее линии экватора, примерно на тридцать четвертом градусе восточной долготы (считая от Парижского меридиана), у подножья горной цепи Килиманджаро, и если он будет направлен к югу, то вот что случится на поверхности земного шара.

В результате толчка в сочетании с суточным вращением Земли мгновенно возникнет новая ось, которая, согласно расчетам Дж. Т. Мастона, займет перпендикулярное положение относительно плоскости эклиптики.

Но через какие точки земной поверхности пройдет новая ось? Раз место выстрела определено, высчитать это нетрудно. Вычисления уже сделаны. На севере конечная точка новой оси придется между Гренландией и Землею Гриннелла, в том месте Баффинова залива, где его теперь пересекает Северный полярный круг. На юге конечная точка придется на черте Южного полярного круга, несколькими градусами восточнее Земли Адели.

При таких обстоятельствах новый нулевой меридиан, проведенный от нового Северного полюса, пройдет через Дублин в Ирландии, через Париж во Франции, через Палермо в Сицилии, по заливу Боль-

шого Сирта у берегов Триполитании, затем через Обеид в Дарфуре, через горную цепь Килиманджаро, через Мадагаскар, остров Кергелен в южной части Тихого океана, через новый Антарктический полюс, через антиподы Парижа, острова Кука и Общества в Океании, острова Квадра и Ванкувер у берега Британской Колумбии, по территории Новой Англии в Северной Америке — и далее к полуострову Мелвилл в северной полярной области.

Вследствие образования новой оси вращения возникнет новый экватор, над которым Солнце будет совершать свое суточное движение, никогда не отклоняясь от него. Линия нового экватора пересечет горы Килиманджаро в области Вамасаи, Индийский океан, Гоа и Чикакол несколько южнее Калькутты в Индии, Мангалу в королевстве Сиам и Кешо в Тонкине, пройдет через Гонконг, остров Раза, Маршальские, Гаспар-Рико и Уокер в Тихом океане, пересечет Кордильеры в Аргентине, Рио-де-Жанейро в Бразилии, острова Троицы и Святой Елены в Атлантическом океане, Сан-Паоло-де-Лоанда в Конго и вернется в область Вамасаи с другой стороны Килиманджаро.

Зная положение нового экватора, нетрудно разобраться в вопросе об изменении уровня морей, — вопросе столь важном для безопасности жителей Земли.

Прежде всего следует заметить, что главари Арктической промышленной компании стараются по возможности смягчить последствия выстрела. В самом деле, если стрелять в сторону севера, последствия выстрела будут особенно страшны для наиболее цивилизованных стран земного шара. Если же стрелять в сторону юга, эти последствия скажутся сильнее в странах малонаселенных и более диких. Затоплению во всяком случае подвергнутся именно такие страны.

Вот как вследствие сплющенной формы сфероида у старых полюсов распределятся воды смещенных со своих мест морей.

Представим себе, что земной шар опоясан двумя большими кругами, которые пересекаются под прямым углом у гор Килиманджаро, а с противоположной

стороны земного шара — в южных морях. Получится четыре сегмента: два в Северном полушарии и два в Южном, разделенных линиями, на которых уровень воды останется прежним.

1) В Северном полушарии:

Первый сегмент к западу от Килиманджаро будет включать Африку от Конго до Египта, Европу от Турции до Гренландии, Америку от Британской Колумбии до Перу и Бразилию на широте Сан-Сальвадора, затем всю северную часть Атлантического океана и больше половины южной его части.

Второй сегмент, к востоку от Килиманджаро, вместит бóльшую часть Европы от Черного моря до Швеции, Европейскую Россию, Азиатскую Россию, Аравию, почти всю Индию, Персию, Белуджистан, Афганистан, Туркестан, Китайскую Срединную империю, Монголию, Японию, Корею, Черное море, Каспийское море, северную часть Тихого океана и территорию Аляски в Северной Америке, а также полярные области, столь неосмотрительно уступленные американской Арктической промышленной компании.

2) в Южном полушарии:

Третий сегмент к востоку от Килиманджаро будет включать Мадагаскар, острова Марион, Кергелен, Морис, острова Соединения и все острова Индийского и Антарктического океана вплоть до нового полюса, полуостров Малакку, Яву, Суматру, Борнео, Зондские острова, Филиппины, Австралию, Новую Зеландию, Новую Гвинею, Новую Каледонию, всю южную часть Тихого океана и многочисленные архипелаги приблизительно до теперешнего сто шестидесятого меридиана.

Четвертый сегмент, к западу от Килиманджаро, охватит Южную Африку от Конго и Мозамбикского пролива до мыса Доброй Надежды, южную часть Атлантического океана до восьмидесятой параллели, всю Южную Америку от Пернамбуку и Лимы, Боливию, Бразилию, Уругвай, Аргентину, Патагонию, Огненную Землю, острова Малуинские, Сандвичевы, Шетландские и южную часть Тихого океана на восток от сто шестидесятого градуса долготы.

Теперь укажем, что произойдет из-за смещения

океанов на поверхности каждого из этих четырех сегментов.

В каждом из них имеется некий центральный пункт, где последствия толчка скажутся максимальным образом как при подъеме уровня воды, так и при падении его.

Вычисления Дж. Т. Мастона с совершенной точностью устанавливают, что этот максимум достигнет 8415 метров в каждой такой точке. Начиная от них, смещение уровня будет все уменьшаться по направлению к нейтральным линиям, образующим границы сегмента. Предприятие Барбикена и К° грозит более всего безопасности именно этих мест.

Рассмотрим подробно, что произойдет из-за опускания и поднятия океана.

На двух сегментах, расположенных один против другого в Северном и Южном полушариях, моря отойдут, затопив два другие сегмента, подобным же образом расположенные против них.

В первом сегменте: Атлантический океан опорожнится почти весь, и так как максимальная точка понижения морского уровня будет находиться почти на широте Бермудских островов, то, если глубина моря в этом месте окажется меньше 8415 метров, здесь обнажится дно. Поэтому между Америкой и Европой выйдут на поверхность обширные территории, которые, соответственно их географическому расположению, Соединенные Штаты, Англия, Франция, Испания и Португалия могут присоединить к своим владениям, если сочтут нужным. Но следует заметить, что вместе с понижением водного уровня понизится и слой воздуха. Города, расположенные в прибрежной полосе Европы и Америки даже на расстоянии двадцати — тридцати градусов от максимальных точек, окажутся на высоте, где воздух будет разрежен в такой же мере, как разрежен он сейчас на высоте одной мили. Этой участи подвергнутся (мы назовем только самые крупные города): Нью-Йорк, Филадельфия, Чарлстон, Панама, Лиссабон, Мадрид, Париж, Лондон, Эдинбург, Дублин и другие. Лишь Каир, Константинополь, Данциг и Стокгольм, с одной стороны, и города западного

побережья Америки, с другой, сохранят свое прежнее положение относительно уровня моря. А на Бермудских островах человеку будет так же недоставать воздуха, как недостает его воздухоплавателю, поднявшемуся на высоту 8000 метров, как недостает его на высочайших горах Тибета. Следовательно, жить там будет совершенно невозможно.

То же произойдет и в противоположном сегменте, охватывающем Индийский океан, Австралию и четвертую часть Тихого океана, воды которого хлынут на южные берега Австралии. В этом сегменте изменение уровня скажется сильнее всего у берегов Земли Нюйтса, а города Аделаида и Мельбурн окажутся на восемь километров выше уровня океана. Несомненно, воздух, в слой которого они при этом попадут, будет очень чист, но от этого он не станет достаточно плотным и не будет пригоден для дыхания.

Таковы в общих чертах изменения, которым подвергнутся части земного шара в тех двух сегментах, где из-за более или менее окончательного опустошения морских бассейнов произойдет поднятие почвы. В тех местах, откуда море не совсем уйдет, наверное появятся новые острова, образованные вершинами вышедших из воды гор.

Но если уменьшение плотности воздуха представит неудобства для тех частей суши, которые окажутся в верхних слоях атмосферы, то что же станется с материками, которые будут затоплены вышедшим из берегов океаном? При давлении воздуха меньшем, чем давление атмосферы, можно еще как-то дышать. Но, имея над собой многометровый слой воды, дышать, разумеется, нельзя вовсе, а это как раз и произойдет в остальных двух сегментах.

В сегменте на северо-восток от Килиманджаро максимальная точка придется у Якутска, в глубине Сибири. От этого города, покрытого слоем воды в 8415 метров (за вычетом его теперешней высоты), водный слой, все понижаясь, распространится до нейтральных линий, затопив бо́льшую часть азиатской России и Индии, Китай, Японию и американскую Аляску по ту сторону Берингова пролива. Может быть, Уральские горы

выступят из воды островком над Восточной Европой. Что касается Петербурга и Москвы, с одной стороны, и Калькутты, Бангкока, Сайгона, Пекина, Гонконга, Токио, с другой, — то эти города исчезнут под слоем воды разной глубины, впрочем вполне достаточным, чтобы утопить русских, индусов, сиамцев, кохинхинцев, китайцев и японцев, если они не успеют покинуть свои страны до катастрофы.

В сегменте к юго-западу от Килиманджаро бедствия не будут столь велики, потому что бóльшая его часть занята Атлантическим и Тихим океанами, уровень которых поднимется на 8415 метров около Малуинского архипелага.

Но все-таки этим искусственным потопом тут тоже будут залиты большие пространства суши, в том числе угол Экваториальной Африки от Нижней Гвинеи и гор Килиманджаро до мыса Доброй Надежды, а также треугольник всей Южной Америки, который занимают Перу, Центральная Бразилия, Чили и Аргентина вместе с Огненной Землей и мысом Горн. Патагонцы, хотя они и очень высокого роста, не избегнут затопления; им не спастись на Кордильерах, потому что даже вершины этой части хребта скроются под водой.

Таковы будут последствия смещения вод на земном шаре: придется либо возноситься вверх, либо падать на дно. К таким возможностям должны приготовиться все заинтересованные лица, если не удастся во-время остановить преступные замыслы Барбикена!»

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой хор недовольных поет crescendo и rinforzando[1]

Судя по напечатанному предостережению, надо было принять меры против грозивших бедствий, предотвратить их или по крайней мере постараться избежать опасности, переселившись на нейтральные линии,

---

[1] Увеличивая силу звука, усиливая *(итал.)*.

где она будет наименьшей. Ведь людям угрожало либо удушение, либо потопление.

Одни расценивали сообщение так, другие иначе, но все одинаково выражали бурное негодование.

Среди тех, кому предстояло задохнуться, были американцы, французы, англичане, испанцы и т. д. Согласиться с такой возможностью не могла их вынудить даже перспектива захвата территории бывшего морского дна. Париж, оказавшись почти на том же расстоянии от нового полюса, на каком он теперь находится от старого, ничего не выиграл бы. В Париже, правда, будет тогда царствовать вечная весна, зато воздух над ним поредеет значительно. А это не очень обрадует парижан, которые за отсутствием озона привыкли без счету пользоваться кислородом, — с какой стати им ограничивать себя!

Среди подлежащих затоплению были обитатели Южной Америки, а также австралийцы, канадцы, индусы и жители Зеландии. Ну, Англия-то, конечно, не потерпит, чтобы Барбикен и К° лишили ее самых богатых колоний: там англосаксы с успехом начинают вытеснять туземцев! Наверное, когда на месте опустевшего Мексиканского залива образуется обширное Антильское королевство, янки предъявят на него свои права, опираясь на доктрину Монро — «Америка американцам!» И, конечно, когда море отступит от Целебеса, от Зондских и Филиппинских островов, англичане и испанцы потребуют себе обнажившиеся там обширные пространства. Какие пустяки! Этим ведь не возместить убытков и потерь от ужасного наводнения.

Если бы под новыми морями исчезли только лапландцы или сибирские якуты, жители Огненной Земли, патагонцы, даже монголы, китайцы, японцы и аргентинцы, может быть цивилизованные государства и согласились бы на такую жертву! Но катастрофа грозила самим великим державам, и поэтому они не собирались молчать.

Так, оказывалось, что центральная часть Европы останется почти в целости, но запад ее приподнимется, а восток опустится, — то есть одна ее сторона будет полузадушена, а другая полупотоплена. Вот это было

уже вовсе неприемлемо. К тому же Средиземное море почти опустеет, а на это никак не согласятся ни французы, ни итальянцы, ни испанцы, ни греки, ни турки, ни египтяне, которые, как жители побережья, владеют неоспоримыми правами на это море. И к чему будет тогда Суэцкий канал, который не пострадает, оказавшись как раз на нейтральной линии? Какой будет прок от удивительного творения Лессепса, если по эту сторону перешейка почти исчезнет Средиземное море, а по другую сторону останется очень мало от Красного? Неужели придется рыть канал еще на сотни лье дальше?

Да ведь и Англия никогда, никогда не допустит, чтобы Гибралтар, Мальта и Кипр превратились в скрытые за облаками горные вершины, к которым не пристать английским военным судам. Нет, нет! Ее не примирит с этим даже присоединение территорий, которые придутся на ее долю из земель, лежащих на дне бывшего Атлантического океана. Все-таки майор Донеллан уже подумывал о возвращении в Европу, чтобы от имени своей страны заявить права на новые территории, на случай, если предприятие Барбикена и К⁰ увенчается успехом.

Со всех сторон неслись протесты, протестовали даже государства, расположенные на нейтральной линии, где почти не предполагалось смещения уровня воды, потому что даже и они — хоть в разной степени — должны были пострадать. Протесты стали, пожалуй, еще яростнее, когда телеграмма из Занзибара, указав место выстрела, позволила составить вышеуказанное малоутешительное сообщение.

Одним словом, на председателя Барбикена, капитана Николя и Дж. Т. Мастона ополчилось все человечество.

Зато какие счастливые дни наступили для газет всего мира! Какой спрос! Какие дополнительные тиражи! Выражая всеобщее возмущение, пожалуй, впервые высказали единодушие газеты, до сих пор не сходившиеся ни в одном вопросе: «Новости», «Новое время», «Кронштадтский вестник», «Московская газета», «Русское дело», «Гражданин», «Карлскронская

газета», «Хандельсблат», «Фатерланд», «Фремденблат», «Новая Баденская крестьянская газета», «Магдебургская газета», «Нейе фрейе прессе», «Берлинер тагеблат», «Экстраблат», «Почта», «Народная газета», «Биржевой курьер», «Сибирская газета», «Газетт де ля круа», «Газетт де Восс», «Рейхсанцейгер», «Германия», «Эпоха», «Корреo», «Независимый», «Корреспонденция», «Иберия», «Тан», «Фигаро», «Энтрасижан», «Голуа», «Юнивер», «Жюстис», «Репюблик Франсэз», «Оторитэ», «Пресс», «Матэн», «Девятнадцатый век», «Либертэ», «Иллюстрасион», «Мир в картинах», «Ревю де дё Монд», «Космос», «Голубое обозрение», «Природа», «Трибуна», «Оссерваторе романо», «Эссерсито романо», «Фанфулла», «Капитан Фракасса», «Реформа», «Пестер Ллойд», «Эфимерис», «Акрополис», «Палингенезия», «Кубинский курьер», «Аллахабадский колонист», «Српска незавиность», «Независимость Румынии», «Норд», «Независимость Бельгии», «Сидней морнинг геральд», «Эдинбургское обозрение», «Манчестер гардиан», «Шотландец», «Стандарт», «Таймс», «Трутс», «Сан», «Сентрал ньюз», «Пресса Аргентина», бухарестская «Ромынул», «Курьер Сан-Франциско», «Коммерческая газета», калифорнийская «Сан-Диего», «Манитоба», «Эхо Тихого океана», «Наука в Америке», «Вестник Соединенных Штатов», «Нью-Йорк геральд», нью-йоркская «Уорлд», «Дейли кроникл», «Буэнос-Айрес геральд», «Заря Марокко», «Ху-Пао», «Цинг-Пао»; «Курьер Гонконга», «Вестник республики Кунани». Даже «Мак Лейн экспресс» — английская газета, посвященная только вопросам политической экономии, — и та высказывала предположение о голоде, который охватит разоренные территории. Ведь под угрозой оказывалось не европейское равновесие — это было бы пустяком! — а равновесие целого мира. И поэтому легко себе представить, что творилось с обезумевшими обитателями земного шара, и без того, по чрезмерной нервозности, характерной для XIX века, склонного ко всяким глупостям и припадкам! Сообщение было бомбой, попавшей в пороховой погреб!

Для Дж. Т. Мастона, казалось, пробил последний час. Вечером 17 сентября взбешенная толпа ворвалась

в тюрьму, намереваясь линчевать его, и, надо сказать, полицейские не чинили ей никаких препятствий.

Камера Дж. Т. Мастона оказалась пуста. Миссис Эвенджелина Скорбит устроила его побег, несмотря на то, что тюремщик оценил почтенного артиллериста на вес золота. Страж мистера Мастона легко поддался искушению, ибо рассчитывал пользоваться свалившимся на него богатством до глубокой старости. Ведь Балтимора, так же как Вашингтон, Нью-Йорк и другие крупнейшие города этой части Америки, должна была подняться вверх не очень высоко, и жителям вполне хватило бы воздуха для ежедневного потребления.

И вот Дж. Т. Мастону удалось тишком скрыться и ускользнуть от расправы возмущенной толпы. Так жизнь великого нарушителя мирового порядка была спасена любящей и преданной женщиной. Да кроме того, оставалось выдержать четыре дня — всего четыре дня! — и замысел Барбикена и К⁰ будет приведен в исполнение!

Разумеется, срочное оповещение, насколько это было возможно, уразумели все.

Если раньше находились скептики, не верившие в близкую катастрофу, то теперь их больше не осталось. Каждое правительство спешило предупредить жителей своей страны: и тех, кому предстояло подняться в разреженные слои воздуха (их было сравнительно немного), и тех, чьи территории должны были скрыться под водой (последних было значительно больше).

После предупреждений, разнесенных телеграфом по всем пяти материкам, началось переселение, какого свет не видывал — даже во время великого переселения народов с востока на запад. Это был исход племен и ветвей их. Двинулись — готтентоты, меланезийцы, негры, двинулись красные, желтые, черные, белые...

К несчастью, было уже поздно. Оставались считанные часы. Имея отсрочку на несколько месяцев, китайцы успели бы покинуть Китай, австралийцы — Австралию, патагонцы — Патагонию, жители Сибири — Сибирь и так далее.

Однако, когда опасность определилась, когда выяснилось, что на земном шаре есть места почти безо-

пасные, кое-где страхи начали униматься. Некоторые области, даже целые государства, стали успокаиваться. И тех, кто не жил в местности, которой грозила непосредственная опасность, мучила лишь смутная тревога, которую каждый испытывает в ожидании ужасного удара.

Тем временем Альсид Пьердэ все повторял, размахивая руками, как сигнальщик былых времен:

— Но как этому дьяволу Барбикену удалось соорудить пушку в миллион раз больше нашей двадцатисемисантиметровой? Проклятый Мастон! Попадись он мне — уж я бы его повыспросил! Ну, куда же это годится, ведь здесь ни на волос смысла нет! Нас просто-напросто хотят взять на пушку!

Как бы там ни было, а для многих стран единственная надежда избежать страшной катастрофы состояла в неудаче предприятия Барбикена и К⁰.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Что происходило у подножья Килиманджаро в продолжение восьми месяцев этого памятного года

Страна Вамасаи лежит в восточной части Центральной Африки, между занзибарским берегом и областью великих озер, из которых Виктория-Ньянца и Танганьика являются настоящими внутренними морями. Отрывочные сведения об этой стране сообщили посетившие ее англичанин Джонсон, граф Текели и немец — доктор Мейер. Горная страна эта подвластна султану Бали-Бали, ее население состоит из тридцати — сорока тысяч негров.

В трех градусах к югу от экватора высится горная цепь Килиманджаро, вздымающая отдельные свои вершины (между ними — Кибо) на высоту пяти тысяч семисот метров [1]. К югу, северу и западу от этого

[1] На тысячу метров выше Монблана. *(Прим. автора.)*

горного массива лежат плодородные равнины Вамасаи, простирающиеся через область Мозамбика до озера Виктория-Ньянца.

Неподалеку от первых склонов Килиманджаро находится Кисонго — обычная резиденция султана. Эта столица, по правде говоря, похожа просто на большую деревню. Население ее — очень даровитое и сообразительное. Под железным игом султана Бали-Бали трудятся и свободные и рабы.

Султан справедливо слывет одним из выдающихся вождей Центральной Африки, которым до сих пор удается избежать английского влияния, или, вернее, английского господства.

В начале января в селение Кисонго прибыли председатель Барбикен и капитан Николь, которых сопровождали всего лишь десять отлично обученных и преданных рабочих. Об их отъезде из Соединенных Штатов знали только миссис Эвенджелина Скорбит и Дж. Т. Мастон. Они отправились из Нью-Йорка на корабле, шедшем к мысу Доброй Надежды, и пересели там на другой корабль, который доставил их в порт Занзибар на острове того же названия. Оттуда тайно зафрахтованное судно переправило их в порт Момбаса на африканском берегу, по ту сторону пролива. В этом порту их уже ожидал отряд воинов, высланный султаном. Сделав около ста миль мучительно трудного пути по местности, то прегражденной лесами и трясинами, то изрезанной руслами высохших рек, они достигли, наконец, резиденции султана.

Ознакомившись с вычислениями Дж. Т. Мастона, Барбикен через одного шведского исследователя, несколько лет прожившего в этой части Африки, тотчас вошел в деловые сношения с Бали-Бали. Со времени знаменитого путешествия на Луну, отголоски которого дошли и до этой отдаленной страны, султан был горячим поклонником Барбикена и теперь сразу вступил в дружбу с предприимчивым янки. Не раскрывая своей цели, Импи Барбикен легко добился от повелителя Вамасаи разрешения произвести необходимые работы у южного подножия Килиманджаро. За изрядную сумму в триста тысяч долларов Бали-Бали обязался

предоставить и нужных рабочих. Кроме того, он дал Барбикену право делать с Килиманджаро все что угодно. Барбикен мог распоряжаться Килиманджаро по своему произволу, мог срыть все горы, если бы ему захотелось, и унести их с собой, если бы достало силы. Подписав ряд солидных договоров, которые султан считал для себя выгодными, Арктическая промышленная компания вступила во владения этими африканскими горами, как раньше она стала собственницей арктических земель.

Барбикен и его друг встретили в Кисонго самый радушный прием. Два знаменитых путешественника, смело пустившихся в межпланетное пространство, чтобы достичь Луны, внушали султану восхищение, казались ему чуть ли не богами. К тому же Бали-Бали ужасно нравилось, что эти люди собираются производить в его государстве такие таинственные работы. И за себя и за своих подданных, обязанных работать у американцев, он обещал хранить полное молчание. Ни один из негров, под страхом самых мучительных наказаний, не смел даже на день уйти из мастерских.

Вот почему работы были окружены такой тайной, что даже самым ловким сыщикам Америки и Европы не удалось проведать о них. Если эта тайна и была под конец обнаружена, то, во-первых, из-за того, что султан ослабил строгости по окончании работ, а во-вторых, из-за того, что предатели и болтуны всюду найдутся даже среди негров. Тут занзибарский консул Ричард Траст и пронюхал о том, что творилось у гор Килиманджаро. Но тогда, 13 сентября, нечего было надеяться помешать Барбикену: было уже слишком поздно.

Но почему же работы Барбикена и К° происходили в Вамасаи? Барбикен выбрал это место прежде всего потому, что, ввиду своего расположения в малоисследованной части Африки и своей отдаленности от мест, обычно посещаемых путешественниками, оно было удобно для выполнения этого замысла. Кроме того, горы Килиманджаро по своему расположению и по плотности породы удовлетворяли всем требованиям его предприятия. И, наконец, здесь имелись необходи-

мые ископаемые, а условия добычи были особо благоприятны.

За несколько месяцев до своего отъезда из Нью-Йорка председатель Барбикен как раз узнал от упомянутого шведского путешественника, что у подножия горной цепи Килиманджаро железо и каменный уголь встречаются в изобилии на самой поверхности земли. Незачем было ни пробивать шахты, ни определять залегания угольных пластов в глубине земли. Угля и железа там было даже больше, чем требовалось по расчетам, только нагнись и поднимай. Поблизости от горы имелись богатейшие залежи селитры и железного колчедана, необходимого для производства мели-мелонита.

Председатель Барбикен и капитан Николь, как уже говорилось, привезли с собою только десяток опытных рабочих. Зато на них вполне можно было положиться. Эти рабочие должны были руководить десятью тысячами негров, предоставленных в их распоряжение султаном Бали-Бали. Им-то и выпало на долю изготовить чудовищную пушку и не менее чудовищный снаряд.

Через две недели после приезда Барбикена и его товарища в Вамасаи у южного подножья Килиманджаро были выстроены три обширных помещения — одно для отливки пушки, другое для отливки снаряда и третье для производства мели-мелонита.

Прежде всего как председатель Барбикен решил задачу отливки орудия столь громадных размеров? Это сейчас будет объяснено, и тогда станет ясно, что последняя надежда на спасение, которая держалась на сомнении в возможности соорудить такую пушку, исчезла для обитателей земного шара.

Действительно, отлить орудие, по объему в миллион раз превосходящее двадцатисемисантиметровую французскую пушку, — дело, превышающее человеческие силы. Значительные трудности представляет собою даже сооружение сорокадвухсантиметровых пушек, при снарядах в семьсот восемьдесят килограммов, с затратой двухсот семидесяти четырех килограммов пороха на заряд. Но Барбикен и Николь и не собирались со-

оружать такую пушку. Им не нужна была ни пушка, ни мортира, — они намеревались просто пробуравить в толще Килиманджаро галерею, своего рода шахту. Такая шахта, такой огромный туннель, разумеется, с успехом мог заменить металлическое орудие, гигантскую «Колумбиаду», соорудить которую было бы очень трудно и дорого, так как для предотвращения всякой возможности взрыва пришлось бы придать стенкам ствола невероятную толщину. Барбикен и К° с самого начала предполагали выполнить свой проект именно таким образом, а если в записной книжке Дж. Т. Мастона упоминалась пушка, то лишь потому, что за основу вычислений было принято двадцатисемисантиметровое орудие.

Место выбрали на высоте ста футов по южному склону хребта, у подножия которого лежала бескрайняя равнина. Здесь ничто не могло препятствовать полету снаряда, когда он вырвется из «ствола», просверленного в толще Килиманджаро.

Долбить туннель надо было соблюдая чрезвычайную точность, а работа требовала тяжкого труда. Но Барбикен сумел быстро изготовить сверла, представлявшие собой довольно простой инструмент: они приводились в действие сжатым воздухом, для производства которого применялась сила мощных горных водопадов. В скважины, пробуравленные сверлами, закладывался затем мели-мелонит. Только при помощи этого сильнейшего взрывчатого вещества и взлетали на воздух скалы, образованные из необычайно твердой породы — сиенита, в состав которого входят полевой шпат и роговая обманка. Впрочем, эта твердость была кстати: ведь скале предстояло выдержать огромное давление расширяющихся при взрыве газов. Но при высоте и ширине горной цепи Килиманджаро можно было не опасаться образования трещин или расщелин.

И вот тысячи работников, под началом десяти мастеров и под общим надзором самого Барбикена, взялись за дело так усердно и умело, что работа была закончена меньше чем в полгода.

Галерея имела двадцать семь метров в диаметре и уходила на шестьсот метров в глубину. Так как

снаряд во избежание потери силы взрывных газов должен был пройти по совершенно гладкому стволу, то внутри галереи была сделана литая полированная облицовка.

По вправде сказать, все это было гораздо трудней соорудить, чем знаменитую «Колумбиаду», в городе Мун-Сити, из которой был выпущен на Луну алюминиевый снаряд. Но разве есть что-либо невозможное для современных инженеров?

Пока в толще Килиманджаро сверлили галерею, во второй мастерской люди тоже не сидели сложа руки: там одновременно изготовлялись и металлическая облицовка галереи и огромный снаряд, а сделать его значило отлить цилиндро-коническое тело весом в сто восемьдесят миллионов килограммов, то есть в сто восемьдесят тысяч тонн.

Разумеется, нечего было и пытаться отлить такой снаряд целиком. Его отливали отдельными частями по тысяче тонн каждая и одну за другой подвозили к отверстию галереи, где укладывали перед камерой, предварительно наполненной мели-мелонитом. Скрепленные между собой болтами, эти части образовали цельный снаряд, который мог легко скользнуть по каналу галереи.

Во вторую мастерскую необходимо было доставить около четырехсот тысяч тонн руды, семьдесят тысяч тонн известкового флюса и четыреста тысяч тонн жирного каменного угля, который после переработки в коксовальных печах дал бы двести восемьдесят тысяч тонн кокса. Так как угольные пласты находились поблизости от Килиманджаро, все дело сводилось почти к одной доставке.

Пожалуй, наибольшую трудность представляло сооружение доменных печей для выплавки руды. И тем не менее к концу месяца были готовы десять доменных печей высотою в тридцать метров и производительностью в сто восемьдесят тонн в день. За сто рабочих дней они должны были дать сто восемьдесят тысяч тонн.

В третьей мастерской, где изготовляли мели-мелонит, работа велась успешно и в такой тайне, что состав

этого взрывчатого вещества и по сей день не удается определить окончательно.

Одним словом, все шло гладко. С бо́льшим успехом эти работы нельзя было бы выполнить даже на заводах Крезо, Кайля, Индрета, Сейна, Биркенхеда, Вулвича и Кокерилла. На каждые триста тысяч франков, затрачиваемых на работы, приходился едва один несчастный случай.

Разумеется, султан был в восторге. Он с неутомимым вниманием следил за работой. Можно себе представить, как рвение верноподданных подгонялось присутствием его грозного величества.

По временам, когда Бали-Бали спрашивал, чего ради ведутся работы, Барбикен отвечал:

— Ради того, чтобы изменить лицо мира!

— И упрочить за султаном Бали-Бали неувядаемую славу меж государями Восточной Африки! — прибавлял капитан Николь.

Нечего и говорить, как это льстило гордости повелителя Вамасаи.

К 29 августа работы были полностью закончены. Шестисотметровая галерея на всем протяжении была облицована полированной сталью. В глубине канала заложили две тысячи тонн мели-мелонита, к которому протянули провод от взрывателя. Затем лежал снаряд длиною в сто пять метров. За вычетом места, занимаемого взрывчатым веществом и самим снарядом, последнему оставалось пройти до самого жерла еще четыреста девяносто два метра, и этим обеспечивалось его полезное действие под влиянием напора расширившихся газов.

Далее возникал вопрос — вопрос из области чистой баллистики: не отклонится ли снаряд от траектории, назначенной для него в вычислениях Дж. Т. Мастона? Никоим образом! Вычисления были точны. Они указывали, насколько снаряд должен отклониться к востоку от меридиана Килиманджаро из-за вращения Земли вокруг своей оси, и определили форму гиперболической кривой, которую он опишет вследствие своей огромной начальной скорости.

Второй вопрос: будет ли снаряд видим во время полета? Нет, не будет видим, потому что, вырвавшись из галереи, он погрузится в тень, отбрасываемую Землей, и, кроме того, при небольшой высоте полета его скорость будет слишком велика. Когда же он выйдет на освещенное пространство, то не будет замечен даже в самый мощный телескоп, так как его размеры слишком малы для этого. Не виден он будет и позже, когда, разорвав узы земного притяжения, станет вечно вращаться вокруг Солнца.

Барбикен и капитан Николь, безусловно, могли гордиться делом, которое они таким образом довели до самого конца.

Зачем не было здесь Дж. Т. Мастона? Он полюбовался бы прекрасным выполнением этой работы, выполнением, достойным тех точных расчетов, которые легли в ее основу. Зачем он будет находиться так далеко-далеко, когда ужасный взрыв отзовется эхом по всей Африке до крайних ее пределов?

Вспоминая о Дж. Т. Мастоне, его друзья и не подозревали, что секретарь Пушечного клуба, бежав из балтиморской тюрьмы, не смел показаться в Баллистик-коттедже и вынужден был скрываться, спасая свою драгоценную жизнь. Они и не предполагали, до какой степени общественное мнение было возбуждено против инженеров Арктической промышленной компании, не знали, что, попадись они только, их зверски убили бы, четвертовали, сожгли на медленном огне. Поистине, счастье, что их выстрел будут приветствовать только клики одного африканского племени!

— Наконец-то! — сказал капитан Николь Барбикену, когда вечером 22 сентября они гордо взирали на завершенную работу.

— Да... Наконец-то!.. Уф! — И Барбикен с облегчением вздохнул.

— А если бы пришлось начинать сызнова?

— Ну что ж... Мы начали бы сызнова!

— Какая удача, — сказал капитан Николь, — что у нас есть этот чудесный мели-мелонит!

— Его одного достаточно, чтобы прославить ваше имя, Николь!

— Без сомнения, Барбикен, — скромно ответил капитан Николь. — Но знаете ли вы, сколько галерей пришлось бы пробуравить в склоне Килиманджаро ради той же цели, если бы у нас был только пироксилин, вроде того, который отправил наш снаряд на Луну?

— Не знаю, Николь.

— Сто восемьдесят галерей, Барбикен.

— Ну что ж! Мы пробуравили бы их, капитан!

— И понадобилось бы сто восемьдесят снарядов весом в сто восемьдесят тысяч тонн каждый!

— И мы тоже отлили бы их, Николь!

Вот и попробуйте убедить людей такого закала! Уж если эти артиллеристы облетели вокруг Луны, то они способны решительно на все!

. . . .

. . . .

В тот же самый вечер, за несколько часов до срока, назначенного для выстрела, пока Барбикен и Николь занимались взаимными поздравлениями, Альсид Пьердэ в своем кабинете в Балтиморе вдруг яростно завопил, как настоящий краснокожий. Выскочив из-за стола, заваленного листами, исписанными алгебраическими формулами, он закричал:

— Мошенник Мастон! Ах, скотина! Ну заставил он меня посидеть над своей задачей! И как мне это раньше не пришло в голову! Клянусь косинусом! Если бы только знать, где он сейчас, я пригласил бы его поужинать, и мы выпили бы по бокалу шампанского как раз в ту минуту, когда будет палить его всесокрушающая махина!

Альсид Пьердэ испустил еще несколько диких воплей, словно выиграв партию в вист, и прибавил:

— Нет, старик был не в себе, когда рассчитывал свою килиманджарскую пушку!.. А ведь это — условие sine qua non или sine canon[1], — как говаривали у нас в школе.

---

[1] Непременное (синэ ква нон) — *лат.* Без пушки (синэ канон) — c a n o n — по-французски пушка.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

в которой население Вамасаи с нетерпением ждет, чтобы Барбикен скомандовал капитану Николю: «Огонь!»

Был вечер 22 сентября — памятное число, от которого все ожидали не менее гибельных последствий, чем в свое время их ждали от 1 января тысячного года.

Через двенадцать часов после прохождения Солнца через килиманджарский меридиан, то есть в полночь, капитан Николь должен был собственноручно произвести вспышку у заряда своего ужасного орудия.

Надо заметить, что так как Килиманджаро отстоит на тридцать пять градусов к востоку от Парижского меридиана, а Балтимора на семьдесят девять градусов к западу от него, то между ними получается разница в сто четырнадцать градусов, а во времени — в четыреста пятьдесят шесть минут, то есть семь часов двадцать шесть минут. Следовательно, в тот миг, когда произойдет выстрел, в столице штата Мэриленд будет пять часов двадцать четыре минуты пополудни.

Погода была великолепная. Солнце только что село. Небо над равнинами Вамасаи было совершенно чисто, и чтобы отправить снаряд в звездное пространство, нельзя было желать ночи ни яснее, ни тише. Единственным облаком над Землей будет искусственное облако от взрыва мели-мелонита.

Как знать? Может быть, Барбикен и капитан Николь сожалели, что не могли сами залезть в этот снаряд. За одну секунду они пролетели бы две тысячи восемьсот километров. Проникнув сначала в тайны лунного мира, они теперь изучили бы тайны солнечной системы, и притом при обстоятельствах чрезвычайно любопытных, свидетелем которых не был даже француз Гектор Сервадак, перенесенный на планету «Галлия» [1].

Султан Бали-Бали и самые важные лица его двора, то есть министр финансов и придворный палач, а также

---

[1] См. роман «Гектор Сервадак» того же автора. (*Прим. автора.*)

все чернокожие рабочие, принимавшие участие в грандиозных работах, собрались посмотреть, как будет производиться выстрел. Однако, чтобы не пострадать от страшного сотрясения воздуха, все они предусмотрительно расположились в трех километрах от галереи, пробуравленной в склоне Килиманджаро.

Позади них толпились тысячи туземцев, явившихся из Кисонго и других селений, лежащих в южной части страны, чтобы по приказу султана Бали-Бали присутствовать при этом изумительном зрелище.

От электрической батареи к взрывателю в глубине галереи тянулась проволока для передачи тока, который вызовет искру и заставит вспыхнуть мели-мелонит.

Для начала султан, американские гости и именитые люди столицы сошлись за столом. Угощение было прекрасное, и все за счет Бали-Бали, который не скупился на расходы, потому что их взялась оплатить Арктическая промышленная компания.

Пиршество, начавшееся в половине восьмого, закончилось в одиннадцать тостом Бали-Бали, провозглашенным за инженеров Арктической промышленной компании и за успех предприятия.

Еще час, и изменение географических и климатических условий Земли станет совершившимся фактом.

И вот Барбикен, его товарищ и десять старших рабочих подошли к будке, в которой была установлена электрическая батарея.

Поглядывая на свой хронометр, Барбикен отсчитывал минуты; они тянулись как никогда, — каждая минута казалась ему вечностью!

Без десяти минут двенадцать. Барбикен и капитан Николь приблизились к аппарату, соединенному проводом с галереей Килиманджаро.

Султан и его двор стояли тут же, толпа туземцев окружала их всех огромным кольцом.

Выстрел надо было произвести, по вычислениям Мастона, как раз в то мгновение, когда Солнце будет пересекать экватор, по которому ему отныне надлежало всегда описывать свой видимый путь вокруг Земли.

До полуночи остается пять минут!.. Четыре! Три! Две! Одна!

Барбикен следил за стрелкой своих часов, которые освещал фонарем один из старших рабочих. Капитан Николь держал палец над кнопкой аппарата, готовясь включить электрический ток.

Осталось только двадцать секунд! Десять! Пять! Одна!

Рука невозмутимого капитана ни разу не дрогнула. Он и его сотоварищ выказывали не больше волнения, чем в ту минуту, когда, сидя внутри снаряда, они ожидали выстрела «Колумбиады», который должен был переправить их в лунные области.

— Огонь! — крикнул Барбикен.

И указательный палец капитана Николя нажал кнопку.

Раздался страшный взрыв, раскаты которого отдались эхом у дальних пределов Вамасаи. С пронзительным свистом огромное тело прорезало воздух. Гонимый миллиардами миллиардов литров газа, возникшего от мгновенного взрыва двух тысяч тонн мели-мелонита, снаряд пролетел над Землей, как некий метеор, несущий с собой все бедствия, какими только располагает природа. Впечатление было такое ужасное, будто пушки всех артиллерий земного шара загрохотали враз со всеми небесными громами!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

в которой Дж. Т. Мастону приходится пожалеть о тех временах, когда толпа собиралась предать его суду Линча

Все столицы Старого и Нового Света, большие города и даже самые скромные селения с ужасом ожидали этого момента. Благодаря вездесущим газетам каждый человек на земле точно знал, какой час по местному времени, в зависимости от различий по долготе, соответствует полуночи у Килиманджаро, расположенного на тридцать седьмом градусе.

Так как Солнце проходит один градус в четыре минуты, то в главнейших городах в это время было:

в Париже	9 ч. 40 м.	вечера
в Петербурге	11 ч. 31 м.	»
в Лондоне	9 ч. 30 м.	»
в Риме	10 ч. 20 м.	»
в Мадриде	9 ч. 15 м.	»
в Берлине	11 ч. 20 м.	»
в Константинополе	11 ч. 26 м.	»
в Калькутте	3 ч. 04 м.	утра
в Нанкине	5 ч. 05 м.	»

В Балтиморе, спустя двенадцать часов после прохождения Солнца через килиманджарский меридиан, должно было быть пять часов двадцать четыре минуты вечера.

Не стоит и говорить, какой ужас охватил всех в это мгновение. Самый талантливый из современных писателей не сумел бы передать, это не удалось бы даже изощреннейшему стилисту декадентской школы.

Пусть жителям Балтиморы не грозила опасность, что их сметут взбаламученные воды поднявшихся морей! Пусть им только предстояло увидеть, как Чесапикский залив опустеет, а замыкающий его мыс Гаттераса горной вершиной поднимется над высохшим Атлантическим океаном! Но не будет ли самый город, подобно другим городам, которым не угрожает ни потопление, ни вознесение, не будет ли сам город разрушен этим толчком? А если обвалятся здания и разверзшиеся в земле пропасти поглотят целые кварталы? А значит жители тех частей земного шара, которые не будут залиты сместившимися водами, тоже имели полное основание испытывать страх?

Очевидно, имели!

Каждый в этот роковой час чувствовал, что его до мозга костей пробирает дрожь ужаса. Да, все трепетали, за исключением одного человека — инженера Альсида Пьердэ. Не успев огласить сделанное им только что открытие, он отправился в один из лучших ресторанов города, чтобы выпить там бокал шампанского за здоровье старого мира.

Пять часов двадцать четыре минуты — время, со-

ответствующее полуночи у гор Килиманджаро... Двадцать четвертая минута минула...

В Балтиморе — ничего!

В Лондоне, в Париже, в Риме, в Константинополе, в Берлине — ничего!.. Ни малейшего сотрясения!

Джон Милн, следивший за тропометром[1], помещенным им в шахте угольных копей Такашима в Японии, не отметил никаких ненормальных колебаний земной коры в этой части света.

В Балтиморе — попрежнему ровно ничего.

Впрочем, хотя и наступил вечер, но небо, затянутое облаками, не давало возможности проверить, изменилось ли видимое движение звезд, что указывало бы на смещение земной оси.

Какую ночь провел Дж. Т. Мастон в своем тайном убежище, известном только миссис Эвенджелине Скорбит! Нетерпеливый артиллерист сходил с ума! Он места себе не мог найти! Как ему не терпелось стать старше на несколько дней и увидеть наконец, что путь Солнца изменился. Это неопровержимо доказало бы успех предприятия! Ведь утром 23 сентября изменение не могло быть установлено, потому что в этот день светило поднимается неизменно на востоке во всех точках земного шара.

Наутро Солнце, по свойственной ему привычке, показалось на горизонте.

Все европейские представители собрались на террасе своей гостиницы. Они взяли с собой точнейшие инструменты, чтобы определить, движется ли Солнце в плоскости экватора.

И вот через несколько минут выяснилось, что сияющий диск начал склоняться в сторону Южного полушария.

Его видимый путь, следовательно, остался прежним.

Майор Донеллан и его товарищи приветствовали небесное светило дружными возгласами, как привет-

---

[1] Тропометр — род маятника, колебания которого отмечают микросейсмические движения земной коры. По примеру Японии многие другие страны установили такие же аппараты в каменноугольных шахтах. *(Прим. автора.)*

ствуют появление любимого актера. Небо в эту минуту было ясное, последние остатки ночного тумана исчезли, и никогда еще ни один великий актер не появлялся на такой прекрасной сцене, в таком великолепном наряде и перед такими восхищенными зрителями.

— Солнце-то снова на месте, назначенном ему астрономическими законами! — крикнул Эрик Бальденак.

— А эти безумцы, — заметил Борис Карков, — собрались было отменить старушку астрономию!

— Да, они безумцы, к своему стыду и на свою собственную голову! — добавил Якоб Янсен, устами которого, казалось, говорила сама Голландия.

— И арктические области останутся навеки под скрывающими их льдами! — подхватил профессор Ян Харальд.

— Да здравствует Солнце! — воскликнул майор Донеллан. — Мир доволен Солнцем, таким, какое оно есть!

— Урра! Урра! — хором закричали представители старой Европы.

Но Дин Тудринк, до сих пор не промолвивший ни слова, выступил с довольно здравым соображением:

— А может быть, они и не стреляли?

— Не стреляли? — воскликнул майор. — Надеюсь, что стреляли, и даже не один, а два раза!

Как раз об этом толковали и Дж. Т. Мастон с миссис Эвенджелиной Скорбит. И такой же вопрос, объединившись под давлением обстоятельств, задавали себе и ученые и невежды.

Об этом же размышлял Альсид Пьердэ, решивший в конце концов:

— Стреляли они или не стреляли — это не важно! Суть в том, что Земля не перестала вертеться и кружиться на своей оси по-старому!

И никто не мог догадаться, что же случилось у гор Килиманджаро. Но к вечеру был получен ответ на вопрос, который мучил все человечество.

В Соединенные Штаты пришла телеграмма от занзибарского консула Ричарда У. Траста. И вот что в ней было сказано:

«Занзибар 23 сентября.
Семь часов двадцать семь минут утра.

Джону С. Райту, Государственному секретарю.

Выстрел произведен вчера ровно в полночь из жерла, пробуравленного в южном склоне Килиманджаро. Снаряд вылетел со страшным свистом. Ужасный взрыв. Страна опустошена смерчем. Воды моря поднялись до Мозамбикского пролива. Много кораблей сорвано с якорей и выброшено на берег. Уничтожены селения и деревни. Все обстоит благополучно.

Ричард У. Траст».

Действительно, все обстояло благополучно, потому что в мире не произошло никаких изменений, если не считать бедствий, учиненных в области Вамасаи, почти сметенной с лица земли этим искусственным ураганом, да гибели нескольких кораблей от сотрясения воздушных слоев. Не то ли случилось, когда знаменитая «Колумбиада» швырнула свой снаряд к Луне? Сотрясение передалось почве всей Флориды и ощущалось на сто миль вокруг! И еще как! Разумеется, на этот раз действие должно было быть в сто раз сильней.

Как бы то ни было, население Старого и Нового Света узнало из этой телеграммы две вещи: во-первых, что огромная пушка была сооружена в самом склоне Килиманджаро, во-вторых, что выстрел был произведен в назначенный час.

И тогда весь мир испустил вздох облегчения; затем последовал невероятный взрыв смеха.

Попытка Барбикена и К° провалилась самым плачевным образом! Формулы Дж. Т. Мастона годились лишь на растопку печей! Арктической промышленной компании оставалось только объявить о своем банкротстве!

Что же случилось? Может быть, секретарь Пушечного клуба ошибся при вычислениях?

«Скорее я поверила бы, что ошиблась, полюбив его», — говорила себе миссис Эванджелина Скорбит.

И уж наверное не было в этот день на свете человека более смущенного и растерянного, чем Дж. Т. Ма-

стон. Увидев, что условия, в которых испокон веков совершается движение Земли, остались прежними, он тешил себя надеждой, что, быть может, Барбикен и Николь по какой-нибудь случайности отложили исполнение замысла...

Но после телеграммы из Занзибара ему пришлось все-таки признать, что предприятие не удалось..

Не удалось!.. А уравнения, а формулы, которые предвещали ему успех предприятия? Неужели орудие в шестьсот метров длины и с внутренним диаметром в двадцать семь метров, выбросившее силою взрыва двух тысяч тонн мели-мелонита снаряд весом в сто восемьдесят миллионов килограммов с начальной скоростью в две тысячи восемьсот километров в секунду, — неужели такое орудие не могло вызвать смещения полюсов? Нет! Этого быть не может!

И все-таки...

Объятый страшным волнением, Дж. Т. Мастон заявил, что желает покинуть свое убежище. Напрасно миссис Эвенджелина Скорбит пыталась удержать его. Она больше не боялась за его жизнь, потому что опасность миновала. Но ей хотелось уберечь его от насмешек, которым подвергнут автора злополучных вычислений, от шуток, которые посыплются на него со всех сторон, от издевательств, которые обрушатся на его великое дело.

И, что еще важнее, как его примут коллеги по Пушечному клубу? Не станут ли они обвинять своего секретаря в неудаче, так опозорившей их всех? Не на него ли — автора вычислений — падет вся ответственность за провал предприятия?

Дж. Т. Мастон и слушать ничего не желал. Он остался глух к мольбам и слезам миссис Эвенджелины Скорбит. Он вышел из дома, где скрывался. Он появился на улицах Балтиморы. Его узнали. И те, чьей жизни и имуществу он угрожал и чьи страхи он еще усиливал своим упрямым молчанием, теперь, в отместку, старались всячески осрамить его и поднять на смех.

Надо было послушать американских уличных мальчишек! Они оказались не хуже парижских:

— Эй, ты! Выпрямитель оси!

— Ну что, подправил наши часы?

— А ну-ка покопайся в моем будильнике!

Растерянный, испуганный, секретарь Пушечного клуба вынужден был укрыться в особняке в Нью-Парке, и миссис Эвенджелина Скорбит исчерпала все запасы своей нежности, стараясь его утешить. Но все было напрасно. Дж. Т. Мастон, по примеру греческой Ниобеи, noluit consolari; [1] ведь действие его пушки оказалось для земного шара не страшнее треска елочной хлопушки!

Через две недели мир, избавленный от былых страхов, и думать перестал о проектах Арктической промышленной компании.

И за эти две недели — никаких известий о Барбикене, о капитане Николе! Может быть, они погибли от сотрясения при выстреле, опустошившем страну Вамасаи? Может быть, они поплатились жизнью за эту величайшую мистификацию нашего времени?

Ничуть не бывало!

Сбитые с ног взрывом, они кувырком полетели наземь вместе с султаном, его двором и несколькими тысячами туземцев, но поднялись с земли целые и невредимые.

— Ну что, вышло? — спросил Бали-Бали, потирая себе плечи.

— А вы сомневаетесь?

— Я? Ничуть! Но когда это выяснится?

— Через несколько дней! — ответил Барбикен.

Догадался ли он, что предприятие не удалось? Может быть! Но он ни за что не сознался бы в этом перед правителем Вамасаи.

Через двое суток оба американца распростились с Бали-Бали. Правда, им пришлось заплатить кругленькую сумму за опустошения, произведенные в его государстве. Так как все деньги попали в личную казну султана, а подданным не досталось ни доллара, то его величеству нечего было жаловаться на это прибыльное дело.

Затем оба друга в сопровождении десяти мастеров

---

[1] Не желал утешиться *(лат.)*.

переправились в Занзибар, где оказался корабль, отплывавший в Суэц. Отсюда, под чужими именами, на французском пассажирском пакетботе «Морис» они были доставлены в Марсель, и почтовый поезд без всяких крушений и несчастий быстро привез их в Париж; затем по западной железной дороге они добрались до Гавра и, наконец, на трансатлантическом пароходе «Бургонь» прибыли в Америку.

В двадцать два дня друзья добрались из Вамасаи в Нью-Йорк.

И 15 октября, в три часа пополудни, они стучались у дверей особняка в Нью-Парке.

Спустя мгновение они стояли перед миссис Эванджелиной Скорбит и Дж. Т. Мастоном.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

в которой эта любопытная история, столь же правдивая, сколь и невероятная, заканчивается

— Барбикен? Николь?

— Мастон?

— Мы.

В этом слове, произнесенном обоими товарищами одновременно с довольно странным выражением, слышалось очень много иронии и упрека. Дж. Т. Мастон провел по лбу железным крючком. Затем спросил, задыхаясь:

— Ваша галерея в Килиманджаро имела точно шестьсот метров длины при диаметре в двадцать семь метров?

— Да!

— А весил ли ваш снаряд сто восемьдесят миллионов килограммов?

— Да!

— И орудие было заряжено двумя тысячами тонн мели-мелонита?

— Да!

Эти три «да», как три тяжких удара, упали на череп Мастона.

— Тогда я полагаю... — начал было он.

— Что? — спросил председатель Барбикен.

— А вот что, — сказал Дж. Т. Мастон. — Если операция не удалась, значит порох не придал снаряду начальной скорости в две тысячи восемьсот километров.

— Вот как? — сказал капитан Николь.

— И вашим мели-мелонитом только игрушечные пистолеты заряжать!

При этом кровном оскорблении капитан Николь даже подпрыгнул.

— Мастон! — закричал он.

— Николь!

— Если вы хотите стреляться мели-мелонитом...

— Нет, пироксилином! Это вернее!..

Миссис Эвенджелине Скорбит пришлось вмешаться и утихомирить разгорячившихся артиллеристов.

— Ведь вы же друзья! Ведь вы же друзья!.. — повторяла она.

Тогда председатель Барбикен сказал уже гораздо спокойнее:

— К чему эти ссоры? Правильность вычислений нашего друга Мастона несомненна. Несомненно и высокое качество взрывчатого вещества, изобретенного нашим другом Николем! И мы в точности осуществили на деле все требования науки! И все же опыт не удался! По какой причине? Возможно, мы никогда не узнаем этого...

— Ну что ж! — воскликнул секретарь Пушечного клуба. — Начнем сызнова!

— А деньги, потраченные зря? — сказал капитан Николь.

— А общественное мнение? — прибавила миссис Эвенджелина Скорбит. — Кто позволит вам второй раз ставить на карту судьбу всего мира!

— Что будет с нашими приполярными владениями! — прибавил капитан Николь.

— Как упадут акции Арктической промышленной компании! — воскликнул ее председатель.

Полный крах!.. Он уже совершился, и акции предлагали пачками по цене оберточной бумаги.

Таков был исход этой гигантской затеи. Таков был

памятный провал, к которому свелось великое предприятие Барбикена и К°.

Никогда еще никто не подвергался такому открытому и беспощадному осмеянию, как незадачливые инженеры; ни на кого не обрушивались с такой силой газетные фельетоны, карикатуры, песенки и пародии. Председатель Барбикен, заправилы новой компании, их коллеги из Пушечного клуба были буквально оплеваны. Им давали насмешливые клички, подчас настолько... галльские, что их неудобно воспроизвести даже на латинском языке, даже на языке воляпюк. В Европе так изощрялись на их счет, так издевались над ними, что янки под конец обиделись. И припомнив, что Барбикен, Николь и Мастон все-таки соотечественники и являются членами знаменитого Балтиморского клуба, американцы чуть было не заставили федеральное правительство объявить войну Старому Свету.

Наконец последний удар был нанесен французской песенкой, которую пустил в ход знаменитый Паулюс, — он был еще жив тогда. Эта песенка обежала кафе всего мира.

Вот один из куплетов, пользовавшихся особым успехом:

Чтоб дать толчка Земле-старушке,
Дыру пробили в ней насквозь
И выстрелом из адской пушки
Хотели сбить земную ось.
Трепещут люди и зверюшки.
Все ждут, что ось качнется вкось...
Ба-бах!.. Но старенькой вертушке
Все ж отвертеться удалось.

Выяснится ли когда-нибудь, что было причиной неудачи этого предприятия? Свидетельствует ли самая неудача о невыполнимости такой попытки, о том, что человечество никогда не будет располагать средствами, при помощи которых можно изменить суточное движение Земли, и что арктические области нельзя сдвинуть на другие широты, где льды и торосы сами растают от солнечных лучей?

Все разъяснилось спустя несколько дней после возвращения председателя и его друга в Соединенные Штаты

Издатель Гебрар 17 октября напечатал в своей газете «Тан» короткую заметку, которая помогла всему миру разобраться в деле, важном для всеобщей безопасности.

Вот что в ней говорилось:

«Всем известна неудача предприятия, целью которого было создать для Земли новую ось. А между тем вычисления Дж. Т. Мастона, основанные на точных данных, привели бы к искомому результату, если бы по необъяснимой рассеянности он с самого начала не допустил бы в них ошибки.

В самом деле, взяв основанием окружность земного шара, знаменитый секретарь Пушечного клуба посчитал ее равной *сорока тысячам метров,* вместо *сорока тысяч километров,* что привело к неправильному решению.

Откуда взялась подобная ошибка? Что могло ее вызвать? Как мог совершить ее человек, известный своими замечательными вычислениями? Просто теряешься в догадках.

Ясно одно: будь задача смещения оси поставлена верно, она, без сомнения, была бы и решена верно. Но три забытые нуля дали в конечном итоге ошибку в *двенадцать нулей.*

И для того, чтобы сдвинуть полюс на 23°28′, допуская даже, что мели-мелонит обладает той силой, которую ему приписывает капитан Николь, нужна не одна пушка, в миллион раз превышающая двадцатисемисантиметровую, но триллион таких пушек, заряженных соответственно триллионом снарядов весом в сто восемьдесят тысяч тонн.

Один-единственный выстрел, произведенный при данных обстоятельствах в горах Килиманджаро, передвинул полюс только на три микрона (три тысячных доли миллиметра), а уровень морей сместился не больше чем на девять тысячных микрона.

Сам снаряд в виде новой маленькой планеты отныне войдет в нашу систему, где его будет удерживать солнечное тяготение.

Альсид Пьердэ».

Так, значит, причиной позорной неудачи Барбикена и K° была рассеянность Дж. Т. Мастона, ошибка в три нуля, сделанная им в начале вычислений!

Но если члены Пушечного клуба теперь впали в ярость и стали осыпать его проклятиями, то общественное мнение повернулось в пользу бедняги. В конце концов в его ошибке было все несчастье, вернее, все счастье, потому что она избавила мир от ужаснейшей катастрофы.

И теперь со всех сторон посыпались приветствия, и в миллионах писем Дж. Т. Мастона поздравляли с ошибкой в три нуля.

Смущенный и подавленный, Дж. Т. Мастон не радовался бешеным рукоплесканиям, которыми награждал его весь мир. Ведь председатель Барбикен, капитан Николь, Том Хэнтер на деревянных ногах, полковник Блумсбери, непоседливый Билсби и их коллеги никогда не простят ему...

Правда, рядом была миссис Эвенджелина Скорбит. Эта превосходная женщина не питала к нему никакой вражды.

Первым делом Дж. Т. Мастон решил наново сделать все свои вычисления, не веря, что он мог оказаться до такой степени рассеянным.

Однако это было именно так. Инженер Альсид Пьердэ был прав. Вот почему, обнаружив ошибку в последнюю минуту, когда уже не было времени сообщить о ней всему человечеству, этот чудак и был совершенно спокоен вопреки всеобщему смятению. Вот почему в тот миг, когда у гор Килиманджаро раздался выстрел, он спокойно пил вино за здоровье старого мира.

Да! Три нуля были пропущены в числе, выражающем длину земной окружности!..

Внезапно Дж. Т. Мастону пришло на ум одно воспоминание. Это случилось в самом начале его работы, когда, замкнув дверь своего кабинета в Баллистик-коттедже, он старательно выписывал на черной доске число 40 000 000...

Вдруг раздается нетерпеливый телефонный звонок... Дж. Т. Мастон подходит к аппарату... Обменивается

несколькими словами с миссис Эвенджелиной Скорбит... Удар грома... Молния повергает его наземь и опрокидывает доску... Он поднимается...Он снова берет мел, чтобы восстановить число, полустертое при падении доски. Едва он успевает вывести «40 000...», как звонок раздался вновь... и, опять принявшись за работу, он забывает приписать три последних нуля к числу, выражающему длину окружности земного шара!

Вот как! Значит, всему виной миссис Эвенджелина Скорбит! Если бы не ее звонок, Мастон, вероятно, и не был бы задет электрическим разрядом! И тогда молния не сыграла бы с ним такой подлой шутки, из-за которой он теперь опозорен на всю жизнь, — он, чьи вычисления всегда были безупречны.

Каким ударом это было для бедной женщины, когда Дж. Т. Мастон сообщил ей, отчего произошла ошибка. Да, она виною несчастья! Из-за нее Мастону предстоят долгие годы бесчестия; ведь члены почтенного Пушечного клуба умирали не иначе как столетними стариками.

После этого разговора Дж. Т. Мастон убежал из особняка в Нью-Парке. Он вернулся в Баллистик-коттедж. Он шагал по своему рабочему кабинету, приговаривая:

— Теперь я не гожусь больше ни на что!

— Даже на то, чтоб жениться? — послышался голос, полный душераздирающей печали.

Это была миссис Эвенджелина Скорбит. Потрясенная, вся в слезах, она пришла к Дж. Т. Мастону.

— Дорогой Мастон!.. — начала было она.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

очень короткая, но успокоительная для будущего всего мира

Пусть обитатели Земли не тревожатся больше! Председатель Барбикен и капитан Николь не примутся больше за свое так плачевно окончившееся предприя-

тие. Дж. Т. Мастон не будет больше делать никаких — даже вполне правильных — вычислений. Это был бы напрасный труд. В своей заметке Альсид Пьердэ говорил правду. По законам механики, чтобы сместить земную ось на 23°28′ хотя бы и с помощью мели-мелонита, нужен триллион пушек, подобных той, которая была выдолблена в толще Килиманджаро. Им не уместиться на нашей планете, даже если бы ее поверхность вся состояла из суши.

Итак, обитатели земного шара могут спать спокойно. Человечеству не под силу изменить условия, в которых происходит движение Земли: людям не переделать порядок, установленный создателем в строении вселенной.

1889 г.

ПЛОВУЧИЙ ОСТРОВ

Перевод Е. Лопыревой и Н. Рыковой
Под редакцией Б. Вайсмана

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Концертный квартет

Если путешествие началось плохо, редко бывает, чтобы оно хорошо кончилось. Во всяком случае, такого мнения могли бы с полным основанием придерживаться четверо музыкантов, чьи инструменты валяются сейчас на земле. В самом деле, карета, в которую им пришлось пересесть на последней железнодорожной станции, внезапно опрокинулась на косогоре.

— Раненых нет?.. — спрашивает первый из них, быстро вскакивая на ноги.

— Я отделался царапиной, — отвечает второй, потирая щеку, порезанную осколком стекла.

— А я — ссадиной, — говорит третий, у которого на ноге проступило несколько капель крови.

В общем, все это пустяки.

— А моя виолончель?.. — восклицает четвертый. — Только бы с виолончелью ничего не случилось.

К счастью, футляры инструментов в полной сохранности. Ни виолончель, ни обе скрипки, ни альт не пострадали, разве что придется их заново настроить. Ведь эти инструменты сработаны лучшими мастерами!

— Проклятая железная дорога! Так подвела нас на полпути!.. — говорит один.

— Проклятая карета! Вывалила нас в таком пустынном месте!.. — отвечает другой.

— И как раз, когда надвигается ночь, — добавляет третий.

— Хорошо, что наш концерт назначен только на послезавтра! — замечает четвертый.

И потешаясь над собственной неудачей, наши музыканты изощряются в самых забавных шутках. Один из них, по обыкновению использующий в своих остротах музыкальные выражения, изрекает:

— Не дурно было бы *транспонировать* наш квартет в другую... карету!

— Пэншина, перестань! — прерывает его один из товарищей.

— Начинаем *в миноре,* — не унимается Пэншина.

— Да замолчишь ли ты наконец?..

Но Пэншина осмеливается добавить:

— ...И насколько я понимаю, в *скрипучем* ключе!

Путешествие и в самом деле шло со скрипом и осложнениями, в чем читатель скоро сам сможет убедиться.

Все это сказано было по-французски, но могло быть произнесено и на английском языке, ибо члены нашего квартета благодаря частым разъездам по англосаксонским странам владеют языком Вальтера Скотта и Купера, как своим родным. Вот почему к своему вознице они обращаются по-английски.

Бедняга пострадал больше всех, потому что, когда сломалась передняя ось, он сорвался с козел. Впрочем, он отделался ушибами не очень серьезными, но довольно болезненными. Однако из-за вывиха ноги он не в состоянии передвигаться. Значит, необходимо найти какой-нибудь способ доставить его в ближайшее селение.

И право же, просто чудо, как все остались живы. Дорога извивается в гористой местности, то над глубокими пропастями, то вдоль шумных потоков, которые порою с большим трудом приходится переезжать вброд. Если бы передняя ось сломалась при спуске, можно не сомневаться в том, что карета опрокинулась бы в пропасть, прямо на торчащие в ее глубине скалы, и тогда едва ли кому-нибудь из путешественников удалось бы остаться в живых.

Как бы там ни было, но карета пришла в негодность. Из двух лошадей одна, ударившаяся головой об

острый камень, хрипит на земле. Другая получила довольно тяжелую рану в бедро. Итак, ни экипажа, ни лошадей.

В общем, не везет четырем артистам на дорогах Нижней Калифорнии. Два происшествия за одни сутки... тут поневоле станешь философом...

Столица штата, Сан-Франциско, уже тогда имела прямое железнодорожное сообщение с Сан-Диего, который расположен почти на рубеже старой калифорнийской провинции. В этот довольно большой город и направлялись четверо путешественников, чтобы через день дать там концерт, о котором было заранее объявлено. В городе с нетерпением ожидали знаменитых артистов. Их поезд, накануне отправившийся из Сан-Франциско, был уже в каких-нибудь пятидесяти милях от Сан-Диего, когда случилась первая задержка, или, как выразился самый веселый член квартета, «когда они впервые *сбились с такта»* (можно простить такое выражение тому, кто в свое время получал награды за успехи в сольфеджио) [1].

Вынужденная задержка на станции Паскаль произошла потому, что железнодорожное полотно на протяжении трех-четырех миль было размыто внезапно вышедшей из берегов рекой. Продолжать путешествие по железной дороге оказалось невозможным, так как разлив произошел всего несколько часов назад и переправа в этом месте еще не была налажена.

Приходилось выбрать одно из двух: либо ждать, пока восстановят железнодорожный путь, либо нанять в ближайшем же селении какой-нибудь экипаж до Сан-Диего.

На этом последнем решении квартет и остановился. В соседней деревушке они обнаружили нечто вроде старого ландо, неудобного, с изъеденной молью обивкой и порядком-таки разбитого. Наняли его у владельца за сходную цену, прельстили кучера обещанием хорошо дать на чай и пустились в путь, захватив инструменты, но без багажа. Было около двух часов

---

[1] Сольфеджио — упражнение в пении для развития слуха.

дня, и до семи вечера ехали не испытывая особых трудностей и усталости. И тут-то музыканты *сбились с такта* во второй раз: карета опрокинулась, да так неудачно, что ехать в ней дальше оказалось невозможно.

А квартету остается еще миль двадцать до Сан-Диего!

Но спрашивается: почему четверо музыкантов, французы по национальности и вдобавок парижане, очутились в немыслимых калифорнийских дебрях?

Почему?.. Сейчас мы кратко поведаем об этом, а заодно и обрисуем беглыми чертами наших четырех виртуозов, которых случай, как взбалмошный режиссер, вводит в число действующих лиц этой необычайной истории.

В течение данного года — затрудняемся с точностью указать, какого именно из ближайших тридцати лет, — Соединенные Штаты Америки удвоили количество звезд на своем государственном флаге[1]. Сейчас они достигли вершины хозяйственного развития, распространив свою власть на Канадский доминион до крайних пределов Ледовитого океана, на мексиканские, гватемальские, гондурасские, никарагуаские и костарикские земли до самого Панамского канала. В то же время захватчики-янки стали обнаруживать пристрастие к искусству, и если их продукция в области изящного остается количественно весьма скромной, если их национальный гений все еще не способен проявить себя в живописи, скульптуре и музыке, то по крайней мере вкус к произведениям искусства — явление у них широко распространенное. На вес золота скупаются картины старинных и современных мастеров для пополнения частных или государственных собраний, и приглашаются за огромные деньги знаменитые певцы, драматические артисты и самые талантливые музыканты.

Что касается музыки, то меломаны Нового Света сперва увлекались Мейербером, Галеви, Гуно, Берлиозом, Вагнером, Верди, Массе, Сен-Сансом, Рейером,

---

[1] Количество звезд на американском флаге соответствует количеству штатов.

Массне, Делибом — знаменитыми композиторами второй половины XIX века. Затем понемногу до них стало доходить также более серьезное творчество Моцарта, Гайдна, Бетховена, и они стали углубляться в истоки того возвышенного искусства, которое мощным потоком захватило весь XVIII век. После опер — музыкальные драмы, после музыкальных драм — симфонии, сонаты, оркестровые сюиты. И как раз в то время, о котором у нас идет речь, различные штаты Конфедерации до безумия увлеклись сонатой. За полную ноту в сонате платили по двадцать долларов, за вторые доли — по десяти и по пяти долларов за четвертые.

И вот, узнав об этом повальном увлечении, четыре виртуоза решили отправиться в Соединенные Штаты Америки за богатством и славой. Четверо друзей, питомцы консерватории, были хорошо известны в Париже и весьма ценимы любителями так называемой «камерной музыки», до последнего времени мало распространенной в Северной Америке. С каким редким совершенством, с какой изумительной сыгранностью, с каким глубоким чувством исполняли они произведения Моцарта, Бетховена, Мендельсона, Гайдна, Шопена, написанные для струнного квартета — то есть для первой скрипки, второй скрипки, альта и виолончели! Без лишнего шума, без всякого привкуса ремесленничества, и притом какое безукоризненное исполнение, какое неподражаемое мастерство! Успех, выпавший на долю нашего квартета, объясняется тем легче, что к этому времени публика начала уже уставать от мощных симфонических оркестров. Пусть музыка всего лишь художественно упорядоченные колебания звуковых волн, — лучше все-таки, чтобы эти колебания не превращались в оглушительную бурю.

Словом, наши четыре концертанта решили приобщить американцев к неизъяснимо сладостной прелести камерной музыки. Итак, они отправились в Новый Свет, и в течение двух лет янки-меломаны не жалели для них ни рукоплесканий, ни долларов. Их музыкальные утренники и вечера усердно посещались публикой. Концертный квартет — под таким названием они выступали — еле успевал отзываться на приглаше-

ния из богатых частных домов. Без него не обходилось ни одно празднество, ни одно собрание, ни один раут, ни одно чаепитие, даже ни один прием на открытом воздухе, сколько-нибудь достойные общественного внимания. Благодаря такому повальному увлечению члены означенного квартета положили себе в карманы изрядные денежные суммы, которые, покойся они в сейфах нью-йоркского банка, составили бы уже порядочный капитал. Но почему бы не сознаться откровенно? Наши американизированные парижане тратят деньги без оглядки! Они и не думают о том, чтобы копить, эти принцы смычка, короли четырех струн! Им нравится жизнь, полная приключений, они уверены в том, что везде и всегда найдут хороший прием и хороший заработок — от Нью-Йорка до Сан-Франциско, от Квебека до Нового Орлеана, от Новой Шотландии до Техаса, наконец — они ведь сами не так уж далеки от богемы, которая является самой старинной, самой очаровательной, самой любимой, достойной зависти «провинцией» нашей старой Франции!

Пожалуй, пора назвать каждого из них по имени и представить тем из наших читателей, которые не имели и никогда не будут иметь удовольствия их услышать.

Ивернес — первая скрипка; ему тридцать два года, рост выше среднего, у него не по возрасту стройная фигура, белокурые, вьющиеся на концах волосы, гладко выбритое лицо, большие черные глаза, длинные пальцы, словно созданные для того, чтобы ловко охватывать гриф Гварнери. Всегда изящно одетый, Ивернес любит драпироваться в темный плащ и щеголять в шелковом цилиндре; он, может быть, не прочь порисоваться и уж во всяком случае легкомысленней всех в этой компании; он вовсе не озабочен соображениями выгоды и по натуре настоящий артист, восторженный поклонник всего прекрасного, талантливый виртуоз с большим будущим.

Фрасколен — вторая скрипка — тридцати лет. Средний рост и наклонность к полноте причиняют ему немало огорчений; у него темные волосы и борода, большая голова, черные глаза, длинный нос с раздуваю-

щимися ноздрями и красными отметинами от пенсне в золотой оправе с толстыми стеклами — он очень близорук и не может обойтись без пенсне. Фрасколен — добрый малый, любезный и услужливый, готовый взять на себя любую обязанность, чтобы избавить от нее товарищей, бухгалтер и счетовод квартета, тщетно проповедующий бережливость, нисколько не завидующий успехам своего товарища Ивернеса и даже не помышляющий о том, чтобы самому возвыситься до пюпитра сольного исполнителя, но при всем том — прекрасный музыкант; в данный момент он одет в широкий пыльник поверх дорожного костюма.

Пэншина — альт, и хотя он играет не на самом высоком по звучанию инструменте, друзья обычно именуют его «Ваше высочество»; ему двадцать семь лет, он самый юный в труппе и самый веселый, один из тех неисправимых балагуров, которые на всю жизнь остаются мальчишками. У него тонкие черты лица, живые умные глаза, рыжеватые волосы, тонкие усики, привычка прищелкивать языком, неискоренимое пристрастие к острым словечкам, неизменная готовность и на меткий выпад и на возражение; он в постоянном возбуждении, что приписывает необходимости вечно разбираться в ключевых знаках, как того требует его инструмент («настоящая связка домашних ключей», по его выражению); у него неиссякаемый запас благодушия и способность выкинуть любую шалость, не задумываясь о неприятностях, которые она может навлечь на товарищей, за что ему постоянно делает замечания, читает нотации и «мылит голову» глава Концертного квартета.

Поговорим теперь о главе квартета. Это — виолончелист Себастьен Цорн. Он старший среди них и по своему таланту и по возрасту: ему пятьдесят пять лет, он маленький, круглый блондин, у него густые волосы без признаков седины, зачесанные на виски, взъерошенные усы сливаются с чащей бакенбард, кирпичный цвет лица, глаза, поблескивающие сквозь стекла очков, поверх которых он надевает еще и пенсне, когда разбирает ноты, пухлые руки, причем правая, привыкшая плавно двигать смычком, украшена тол-

стыми перстнями на безымянном пальце и на мизинце.

Полагаем, что этого легкого наброска довольно, чтобы обрисовать человека и артиста. Если в течение сорока лет не выпускать из рук коробку, полную звуков, это не проходит безнаказанно. Это накладывает отпечаток на всю жизнь и влияет на характер. Виолончелисты бывают большей частью словоохотливы и вспыльчивы, говорят громко и словно захлебываясь, впрочем не без остроумия. Именно таков Себастьен Цорн, которому Ивернес, Фрасколен и Пэншина охотно доверили руководство музыкальным турне. Они предоставляют ему полную свободу и говорить и действовать, поскольку он это делает весьма успешно. Привыкшие к его повелительным замашкам, они потешаются над ним, когда он теряет чувство меры и такта, что для музыканта непохвально, как замечает непочтительный Пэншина! Составление программы, разработка маршрутов переписка с импрессарио, — именно на Себастьена Цорна возложены эти разнообразные дела, которые дают возможность его воинственному темпераменту проявлять себя в самых различных обстоятельствах. Единственное, во что он не вмешивается, это в вопросы, касающиеся денежных поступлений в общую кассу и совместных трат. Это поручено заботам второй скрипки и главного счетовода, точного и аккуратного Фрасколена.

Теперь члены квартета представлены читателю, как если бы они стояли перед ним на эстраде. Типы, к которым они относятся, общеизвестны и хотя, быть может, не слишком оригинальны, зато резко отличаются друг от друга. Да позволит читатель развернуться до конца событиям этой необычайной истории: он увидит, как поведут себя четыре парижанина, которые, привыкнув срывать аплодисменты во всех штатах Конфедерации, окажутся перенесенными на... Однако не будем забегать вперед, «не будем ускорять темпа», как выразился бы «Его высочество», и вооружимся терпением.

Итак, около восьми часов вечера четверо парижан стоят на пустынной дороге в Нижней Калифорнии перед обломками опрокинувшейся кареты. «Не угодно

ли, — опера Буальдье»[1], — пошутил Пэншина. Если Фрасколен, Ивернес и Пэншина отнеслись к происшествию философически, если оно даже вдохновило их на шутки профессионального характера, легко понять, что у главы квартета оно вызвало приступ ярости. Что поделаешь! Виолончелист — человек горячий и, что называется, вспыхивает, как порох. Потому Ивернес и уверяет, будто он прямой потомок Аякса и Ахилла, двух самых гневливых героев древности.

Не забудем, однако, добавить, что если Себастьен Цорн желчен, Ивернес мечтателен, Фрасколен благодушен, а Пэншина полон бьющей через край веселости, — они все отличные товарищи и любят друг друга как родные братья. Они ощущают между собой связь, перед которой бессильны разногласия на почве личных интересов или самолюбия, — общность вкусов, почерпнутых из одного источника. Их сердца, как хорошо сработанные инстументы, всегда бьются в унисон.

Пока Себастьен Цорн ругается, ощупывая футляр своей виолончели, чтобы убедиться в ее целости и сохранности, Фрасколен направляется к вознице.

— Ну как, приятель, — спрашивает он, — что же нам делать, скажите?

— А что будешь делать, когда нет ни лошадей, ни экипажа?.. Ждать...

— Ждать, пока они появятся! — восклицает Пэншина. — А если они так и не появятся...

— Надо их раздобыть, — замечает Фрасколен, которому никогда не изменяет практическое направление его ума.

— Где?.. — рычит Себастьен Цорн, бегая взад и вперед по дороге.

— Там, где их найдете! — отвечает кучер.

— Э, послушайте-ка, любезный возница, — и голос виолончелиста мало-помалу поднимается до верхних регистров, — это что за ответ? Хорошее дело... по своей неловкости вы нас вываливаете, ломаете карету, калечите лошадей, а потом говорите: «Выкручивайтесь, как знаете!»

[1] Буальдье (1775—1834) — французский композитор; одна из его опер называется «Опрокинувшаяся карета».

Увлеченный потоком собственных слов, Себастьен Цорн начинает изливаться в бесконечных и по меньшей мере бесполезных упреках, но его прерывает Фрасколен:

— Дай-ка я с ним поговорю, старина Цорн.

Затем он снова обращается к кучеру:

— Где мы находимся, приятель?

— В пяти милях от Фрескаля.

— Это железнодорожная станция?

— Нет... прибрежный поселок.

— А там найдется экипаж?

— Экипаж... вряд ли... тележка, пожалуй, найдется...

— Запряженная волами, как во времена меровингских королей! — восклицает Пэншина.

— Это неважно! — говорит Фрасколен.

— Ладно! — вмешивается опять Себастьен Цорн. — Спроси-ка у него лучше, есть ли в этой дыре постоялый двор... Надоело мне шататься по ночам...

— Друг мой, — спрашивает Фрасколен, — имеется ли в Фрескале какой-нибудь постоялый двор?

— Да... Там мы должны были менять лошадей.

— И чтобы добраться до этого поселка, надо идти по дороге?

— Прямо по дороге.

— Пошли! — кричит виолончелист.

— Но как быть с этим беднягой? Жестоко оставлять его одного... в таком положении, — замечает Пэншина. — Послушайте, приятель, а с нашей помощью вы не могли бы?..

— Невозможно, — отвечает кучер.— Да я сам лучше останусь здесь... у кареты... Утром я уж сображу, как отсюда выбраться.

— Нам бы только добраться до Фрескаля, — продолжает Фрасколен, — а там мы могли бы послать кого-нибудь к вам на помощь...

— Да... хозяин постоялого двора меня хорошо знает — и не оставит в беде...

— Ну что ж, идем?.. — восклицает виолончелист, берясь за футляр своего инструмента.

— Сию минуту, — отвечает Пэншина, — но сперва помогите-ка мне устроить нашего кучера на откосе.

Действительно, его необходимо унести с дороги, и поскольку он не в состоянии пользоваться своими порядком-таки поврежденными ногами, Пэншина и Фрасколен поднимают его, переносят и усаживают под большим деревом, нижние ветви которого спускаются зеленым пологом.

— Двинемся ли мы когда-нибудь?.. — вопит Себастьен Цорн в третий раз. Тем временем при помощи ремней он уже пристроил футляр у себя за спиной.

— Готово, — говорит Фрасколен.

Затем он обращается к кучеру:

— Итак, решено... Хозяин фрескальского постоялого двора пришлет за вами... А сейчас вам ничего не нужно, приятель?..

— Да вот, — отвечает кучер, —хотелось бы глотнуть джину, если у вас во фляжках осталось.

Фляжка Пэншина еще полна, и «Его высочество» охотно жертвует ее.

— Ну, милейший, — говорит он, — чтобы не продрогнуть, ночью вы будете подогревать себя... изнутри!

Очередное негодующее восклицание виолончелиста побуждает, наконец, его товарищей двинуться в путь. Хорошо еще, что их вещи остались в багажном вагоне поезда и не были перенесены в карету. Если даже вещи и прибудут в Сан-Диего с запозданием, музыкантам по крайней мере не придется тащить их на себе до Фрескаля. С них достаточно и скрипок, и даже больше чем достаточно футляра с виолончелью. Правда, ни один музыкант, достойный этого имени, никогда не расстается с инструментом, так же как солдат со своим ружьем или улитка со своей ракушкой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Могучее воздействие какофонической сонаты

Идти ночью по незнакомой дороге в пустынной местности, где злоумышленники обычно встречаются чаще, чем мирные путешественники, — дело, внушающее некоторое беспокойство. Именно в таком положении

и оказался квартет. Французы, разумеется, народ храбрый, а уж у наших героев храбрости было хоть отбавляй. Но между храбростью и безрассудством существует граница, преступать которую неблагоразумно. В конце концов, если бы железнодорожный путь не оборвался на равнине, затопленной наводнением, если бы карета не перевернулась в пяти милях от Фрескаля, нашим артистам не пришлось бы пускаться в ночное путешествие по этой подозрительной дороге. Впрочем, будем надеяться, что с ними ничего худого не случится.

Было около восьми часов, когда Себастьен Цорн и его товарищи двинулись к побережью, в направлении, указанном кучером. Скрипачам грешно было бы жаловаться на свои кожаные футляры с инструментами, легкие и не громоздкие. Они и не жаловались — ни мудрый Фрасколен, ни веселый Пэншина, ни мечтатель Ивернес. Но каково было виолончелисту с его ящиком — целый шкаф на спине! Разумеется, при своем характере он находил достаточно поводов для гнева. Отсюда и ворчанье и жалобы, изливавшиеся потоком междометий: ах! ох! уф!

Уже совсем стемнело. Густые облака мчатся по небу, и порою в узкие просветы между ними насмешливо выглядывает лунный серп. Неизвестно отчего, вернее всего, просто потому, что он сейчас сердит и сварлив, Себастьену Цорну не нравится светлокудрая Феба. Он грозит ей кулаком и кричит:

— Ну, а ты чего выставила свой дурацкий профиль! Что может быть нелепее этого ломтя недозрелой дыни, который разгуливает по небу!

— Было бы лучше, если бы луна повернулась к нам фасом, — говорит Фрасколен.

— Это почему же?.. — спрашивает Пэншина.

— Да потому что нам тогда было бы светлей.

— О непорочная Диана, — декламирует Ивернес, — о мирная вестница ночей, спутница земли, о ты, обожаемый кумир прелестного Эндимиона!..

— Прекратишь ли ты свою балладу? — кричит виолончелист. — Беда, если первые скрипки начинают нажимать на квинту!

— Прибавим-ка шагу, — говорит Фрасколен, — а то мы рискуем заночевать под открытым небом...

— Если оно не будет затянуто тучами... А кроме того, мы рискуем опоздать на концерт в Сан-Диего, — замечает Пэншина.

— Что за глупая затея! Черт побери! — восклицает Себастьен Цорн. От его резкого движения футляр с виолончелью издает жалобный звук.

— Но ведь затея эта, старик, была твоя... — говорит Пэншина.

— Моя?..

— Ну ясно! А почему нам было не остаться в Сан-Франциско? Ублажали бы слух милейших калифорнийцев...

— Еще раз спрашиваю, — говорит виолончелист, — зачем мы поехали?

— Потому что ты так захотел.

— Ну, надо сознаться, это была пагубная мысль, и если...

— Ах!.. друзья, поглядите! — перебивает Ивернес, указывая на небо, где тонкий луч луны высветлил края одного облака.

— В чем дело, Ивернес?

— Смотрите, разве это облако не похоже на дракона с распростертыми крыльями и павлиньим хвостом, на котором сверкают все сто глаз Аргуса!

По всей вероятности, Себастьен Цорн не обладал столь мощным, стократ усиленным зрением, каким отличался страж дочери Инаха, ибо не заметил глубокой рытвины у себя под ногами и весьма неудачно оступился. И вот он уже лежит на животе со своим футляром за плечами, словно огромный жук, ползущий по земле.

Виолончелист в ярости — на этот раз у него есть все основания гневаться — и разражается целым градом упреков по адресу первого скрипача, восхищенного своим небесным чудищем.

— Это все Ивернес! — утверждает Себастьен Цорн. — Если бы я не стал разглядывать его проклятого дракона...

— Это уже не дракон, друзья мои, — теперь это амфора! Даже при самом слабом воображении можно представить ее себе в руках Гебы, наливающей нектар.

— Боюсь, что в этом нектаре очень много воды, — восклицает Пэншина, — твоя пленительная богиня юности окатит нас холодным душем!

Это было бы неприятно, но и в самом деле собирается дождь. Предусмотрительность требует ускорить шаг и поискать убежища во Фрескале.

Раздраженного виолончелиста поднимают и ставят на ноги, но он все еще продолжает ворчать. Фрасколен любезно предлагает понести его виолончель. Сперва Себастьен Цорн не соглашается... Расстаться с инструментом?.. Виолончель работы Гана и Бернарделя — это же половина его самого... Но ему приходится сдаться, и драгоценная ноша переходит на спину услужливого Фрасколена, который препоручает Цорну свой легкий футляр.

Все снова пускаются в путь. Бодрым шагом проходят две мили без всяких происшествий. Темнота сгущается, явно угрожает дождь. Падает несколько капель, очень крупных, из чего следует, что обронили их высокие грозовые тучи. Тем не менее амфора прекрасной Гебы Ивернеса дальше не изливается, и наши четверо полуночников обретают надежду добраться до Фрескаля совершенно сухими.

Приходится все же соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не упасть, пробираясь по темной дороге с глубокими рытвинами, с опасными крутыми поворотами, извивающейся над ущельями, откуда доносится трубный рокот потоков. И если Ивернес, верный своему складу ума, считает дорогу поэтичной, то у Фрасколена она вызывает беспокойство.

Можно опасаться также некоторых неприятных встреч, которые делают довольно сомнительной безопасность путешественников на дорогах Нижней Калифорнии. Единственное оружие квартета — смычки трех скрипок и одной виолончели, что может оказаться недостаточным в стране, где изобретены револьверы Кольта, к этому времени уже изрядно усовершенство-

ванные. Если бы Себастьен Цорн и его товарищи были американцами, каждый из них обзавелся бы небольшим кольтом, который обычно носят в специальном кармане брюк. Подлинный янки не сядет в вагон поезда, идущего из Сан-Франциско в Сан-Диего, без такого шестизарядного дорожного приспособления. Но французы об этом даже не подумали, считая такую предосторожность излишней. Как бы не пришлось им в этом раскаяться. Шествие возглавляет Пэншина; он идет окидывая взглядом откосы дороги. Если они круто поднимаются с обеих сторон, можно почти не опасаться неожиданного нападения. «Его высочество» — весельчак по натуре и не в силах одолеть соблазна подшутить над своими товарищами, глупейшего желания попугать их. Внезапно остановившись, он бормочет дрожащим от ужаса голосом:

— Смотрите-ка... что там такое... Приготовимся стрелять...

Но когда дорога углубляется в густой лес, извиваясь среди гигантских представителей растительного мира Калифорнии — мамонтовых деревьев, или секвой, высотою в полтораста футов, — желание шутить у Пэншина проходит. За каждым из этих громадных стволов может укрыться человек десять... Все время опасаешься яркой вспышки, сухого треска выстрела... свиста пули... В таких местах, словно нарочно приспособленных для ночного нападения, совершенно естественно ожидать западни... К счастью, не приходится бояться встречи с бандитами, но лишь потому, что этот достойный почтения тип совершенно перевелся на американском Западе: бандиты занимаются теперь финансовыми операциями на рынках Старого и Нового Света!.. Какой конец для правнуков Карла Моора и Жана Сбогара! Кому придут в голову подобные мысли, как не Ивернесу? «Право, — думает он, — декорация для такой пьесы слишком роскошна!»

Внезапно Пэншина замирает на месте.

Идущий позади Фрасколен тоже.

К ним тотчас же подходят Себастьен Цорн и Ивернес.

— Что там такое? — спрашивает вторая скрипка.

— Мне показалось... — отвечает альт.

Он вовсе не думает шутить. Среди деревьев действительно кто-то шевелится.

— Человек или зверь? — спрашивает Фрасколен.

— Не знаю.

Никто не решается сказать, какая из этих двух возможностей предпочтительнее. Тесно прижавшись друг к другу, неподвижные и безмолвные, все стараются что-нибудь разглядеть.

Но вот, проникнув сквозь разорвавшиеся облака, лунный свет озаряет вершины деревьев и пробивается между ветвями до самой земли. Теперь все хорошо видно шагов на сто кругом.

Пэншина отнюдь не стал жертвой расстроенного воображения. Неясная тень, слишком большая для человека, может быть только крупным четвероногим. Каким?.. Хищником?.. Вернее всего, что хищником... Но каким именно?..

— Стопоходящее! — говорит Ивернес.

— Черт бы тебя побрал, скотина, — шепчет Себастьен Цорн тихо, но с раздражением, — а под скотиной я подразумеваю тебя, Ивернес... Ты что, не можешь выражаться по-человечески? Что это значит, «стопоходящее»?

— Животное, которое при ходьбе ступает всей подошвой ноги! — объясняет Пэншина.

— Медведь! — отвечает Фрасколен.

Действительно, это был медведь и притом крупный. В лесах Нижней Калифорнии не водятся ни львы, ни тигры, ни пантеры. Постоянные их обитатели — медведи, общение с которыми дело не слишком приятное.

Нет ничего удивительного, что наши парижане единодушно решили уступить дорогу этому «стопоходящему». Тем более что он ведь здесь был хозяин... Все четверо, еще теснее прижавшись друг к другу, начали отступать, пятясь задом, ибо не решились повернуться спиной к зверю, отходили медленно, не торопясь и старались, чтобы их движения нельзя было принять за бегство.

Зверь потихоньку шел за ними, размахивая передними лапами, как сигнальщик, и раскачиваясь на ходу, как фланирующая гризетка. Понемногу он приближался и уже проявлял враждебные чувства. Он рычал и весьма выразительно лязгал зубами.

— А что, если нам пуститься наутек в разные стороны? — предлагает «Его высочество».

— Ни в коем случае! — отвечает Фрасколен. — Одного из нас он поймает, и тому придется расплачиваться за всех.

Это было бы в самом деле неосторожно, такое бегство совершенно очевидно могло иметь самые пагубные последствия.

Так, сбившись в кучу, музыканты вместе добрались до относительно светлой прогалины. Медведь подошел ближе — вот он всего шагах в десяти. Не кажется ли ему это местечко подходящим для нападения? Рычание его усиливается, и он ускоряет шаг.

Все четверо отступают еще поспешнее, и еще настоятельнее звучат советы второй скрипки:

— Спокойнее... спокойнее, друзья мои!

Прогалина пройдена, они опять под защитой деревьев. Но и здесь опасность ничуть не меньше. Перебираясь от ствола к стволу, зверь может броситься, когда невозможно будет предупредить его нападения: именно это он и намеревался сделать, но вдруг его рычание прекратилось, шаги замедлились.

Глубокий мрак наполнился проникновенными звуками музыки, выразительным largo, в котором словно раскрывается вся душа художника.

Это Ивернес вынул из футляра скрипку, и она зазвучала под повелительной лаской смычка. Мысль поистине гениальная! Почему бы действительно музыкантам не обрести спасения в музыке? Разве в свое время камни, подвинутые аккордами Амфионовой лиры, не расположились сами собой вокруг Фив? Разве дикие звери, прирученные вдохновенными звуками, не подползали к ногам Орфея? Так вот приходится допустить, что этот калифорнийский медведь под воздействием наследственного предрасположения оказался одарен-

ным теми же художественными склонностями, что и его мифологические сородичи, ибо его свирепость стихла, покоренная музыкальным инстинктом, а по мере того как квартет продолжал в полном порядке свое отступление, он следовал за ним, издавая звуки, очень похожие на приглушенные восклицания восхищенного меломана. Еще немного — и он, пожалуй, закричал бы «браво!»...

Через четверть часа Себастьен Цорн и его товарищи оказались на опушке леса. Вот они уже совсем выбрались из него, а Ивернес все продолжал играть.

Зверь остановился. Повидимому, он не имел намерения идти дальше. Он бил лапой о лапу.

Тогда Пэншина в свою очередь схватился за свой инструмент:

— Кошачий вальс, да повеселее!

И пока первая скрипка изо всех сил пиликала этот общеизвестный мотив в мажорном тоне, альт подыгрывал ей резкими и фальшивыми звуками нижнего регистра на минорной медианте.

Зверь вдруг пустился в пляс, поднимал то правую, то левую лапу, выкручивался, раскачивался, а тем временем четыре музыканта уходили все дальше и дальше по дороге.

— Увы! — заметил Пэншина. — Это был всего-навсего цирковой медведь!

— Неважно! — ответил Фрасколен. — Ивернесу пришла в голову чертовски удачная мысль!

— А ну, двинемся allegretto, — вмешался виолончелист, — и не оглядываться!

Все же к десяти часам вечера четверо служителей Аполлона здравыми и невредимыми добрались до Фрескаля.

Десятка четыре небольших деревянных домов, вернее — домишек, обступивших площадь, обсаженную буками, — вот и весь Фрескаль, уединенная деревушка в двух милях от морского берега. Миновав несколько домиков, осененных высокими деревьями, наши артисты очутились на площади. Они увидели в глубине ее скромную колоколенку скромной церкви. Расположив-

шись полукругом, словно для исполнения какого-нибудь подходящего к случаю произведения, они стали держать совет.

— И это называется поселком... — сказал Пэншина.

— А ты рассчитывал на город вроде Филадельфии или Нью-Йорка? — спросил Фрасколен.

— Да она спит, эта ваша деревня! — заметил Себастьен Цорн, пожимая плечами.

— Не будем пробуждать уснувшего селенья! — с нежностью в голосе произнес Ивернес.

— Напротив, обязательно разбудим его! — воскликнул Пэншина.

И правда, приходилось прибегнуть к этому средству, — не ночевать же на улице.

А кругом ни души, полнейшая тишина. Ни одной приоткрытой ставни, ни одного освещенного окошка; здесь, среди полного покоя и безмолвия, отлично мог бы возвышаться дворец Спящей красавицы.

— Ну, а как же постоялый двор? — спросил Фрасколен.

Да... постоялый двор, о котором говорил кучер, где попавшие в беду путники должны были встретить хороший прием и получить приют?.. А хозяин, который должен безотлагательно выслать подмогу злополучному кучеру? Или все это приснилось бедняге?.. Может быть, надо предположить другое: а вдруг Себастьен Цорн и его труппа заблудились?.. Может быть, это вовсе и не Фрескаль?..

Эти разнообразные вопросы требовали определенного ответа. Следовательно, необходимо было расспросить кого-нибудь из местных жителей, а для этого постучать в дверь одного из домишек, лучше всего — в дверь постоялого двора, если бы, на счастье, удалось его обнаружить.

И вот четверо музыкантов производят разведку на объятой тьмой площади, ощупывают фасады домов, стараются отыскать вывеску... Однако ничего похожего на постоялый двор нет.

Но нельзя же допустить, чтобы за неимением гостиницы здесь не нашлось хоть какого-нибудь пристанища, и раз они не в Шотландии, значит надо дейст-

вовать по-американски. Кто из жителей Фрескаля откажется от одного, а то и двух долларов с человека за ужин и постель?

— Давайте постучимся, — говорит Фрасколен.

— И в такт, — добавляет Пэншина. — Счет — три четверти.

Но они могли бы с одинаковым успехом колотить в двери и без всякого ритма. Ни одна дверь, ни одно окошко не открылись, а между тем Концертный квартет поднял такой грохот, что ответить ему достойно должны были бы по крайней мере двенадцать домов.

— Мы ошиблись, — заявляет Ивернес... — Это не деревня, это кладбище, и если тут спят, так уж наверно вечным сном... Vox clamantis in deserto[1].

— Аминь! — отвечает «Его высочество» громогласно, как соборный певчий.

Что же делать, если жители упорствуют в своем молчании? Продолжать путь в Сан-Диего?.. Но они в полном смысле слова подыхают с голоду и усталости... Да и куда они пойдут без проводника, в ночной темноте?.. Попытаться добраться до другой деревни?.. Но какой?.. Если верить кучеру, в этой части побережья никаких поселений больше нет... Они только окончательно заблудятся... Самое лучшее — дождаться утра. Однако провести еще несколько часов без крова, под открытым небом, которое затянуто низкими тяжелыми тучами, грозящими проливным дождем, — это даже артистам не улыбается.

Тут у Пэншина возникает идея. Идеи у него не всегда блестящие, но зато их много. Впрочем, на сей раз она получает одобрение мудрого Фрасколена.

— Друзья мои, — говорит Пэншина, — прибегнем к способу, который принес нам победу над медведями. Вдруг да он поможет нам и в калифорнийской деревне. Разбудим-ка этих грубиянов мощным концертом и не поскупимся на хорошие фиоритуры.

— Что же, попытаемся, — отвечает Фрасколен,

Себастьен Цорн даже не дал Пэншина договорить.

---

[1] Глас вопиющего в пустыне *(лат.)*.

Он вынул из футляра виолончель, установил ее в вертикальном положении на ее стальном острие и, стоя со смычком в руке, поскольку сесть было негде, приготовился уже исторгнуть из своей певучей коробки все таящиеся в ней звуки.

Его товарищи тоже приготовились следовать за ним до самых дальних пределов искусства.

— Квартет си-бемоль Онслоу, — говорит он. — Начнем...

Этот квартет Онслоу они знают наизусть, и хорошим исполнителям, разумеется, не нужно освещения, чтобы перебирать своими ловкими пальцами по грифам виолончели, скрипки или альта.

И вот они уже во власти вдохновения. Быть может, в свое исполнение на театральных эстрадах и подмостках Американской конфедерации они никогда не вкладывали столько мастерства и души. Возвышенная гармония звуков наполняет воздух, и какие человеческие существа, если они не совсем глухи, могут устоять перед нею? Находись они даже на кладбище, как уверял Ивернес, и то от очарования этой музыки разверзлись бы могилы, восстали мертвецы и зааплодировали бы скелеты...

И, однако, дома попрежнему заперты, спящие не пробуждаются. Пьеса заканчивается взрывом мощного финала, а Фраскаль не подает никаких признаков жизни.

— Ах, вот как! — восклицает Себастьен Цорн в полном бешенстве. — Их дикарским ушам, так же как медведям, нужен кошачий концерт?.. Ладно, начнем сначала, но ты, Ивернес, играй в ре, ты, Фрасколен, — в ми, ты, Пэншина, — в соль. А я попрежнему — в си-бемоль, и валяйте изо всех сил!

Что за какофония! Барабанные перепонки лопнут! Вот что поистине напоминает импровизированный оркестр, который играл под управлением герцога де Жуанвиля в деревушке, затерянной в бразильских лесах! Можно подумать, что на простых пиликалках исполняется какая-то ужасающая симфония — Вагнер навыворот!..

В общем, идея Пэншина себя оправдала. Чего не удалось добиться отлично сыгранной пьесой, то сделал кошачий концерт. Фрескаль начинает пробуждаться. Там и сям мелькнули огни. В окнах загорелся свет. Обитатели деревушки не умерли, они подают признаки жизни. Нет, они не оглохли, они слышат и внимают...

— Нас закидают яблоками! — говорит Пэншина в паузе, ибо, пренебрегая тональностью пьесы, музыканты в точности соблюдают ритм.

— Что ж, тем лучше... яблоки мы съедим! — отвечает практичный Фрасколен.

И по команде Себастьена Цорна концерт возобновляется. Наконец, когда он завершается мощным аккордом в четырех разных тонах, артисты останавливаются.

Нет! Не яблоки летят в них из двадцати или тридцати широко распахнутых окон, оттуда доносятся рукоплесканья и крики: «Ура! Гип! Гип! Гип!» Никогда еще слух обитателей Фрескаля не ласкала столь сладостная музыка! И теперь уже, без сомненья, во всех домах окажут гостеприимство таким несравненным виртуозам.

Но пока они предавались своему музыкальному исступлению, к ним незаметно приблизился новый слушатель. Этот человек приехал в коляске на электрическом ходу, остановившейся в глубине площади. Насколько можно разглядеть в ночном сумраке, он был высокого роста и довольно плотного сложения. И вот, пока наши парижане задаются вопросом, не откроются ли для них после окон также и двери, — что остается по меньшей мере неясным, — незнакомец подходит к ним и приветливо произносит на отличном французском языке:

— Я, господа, простой любитель, и мне посчастливилось аплодировать...

— Нашему последнему номеру?.. — иронически спрашивает Пэншина.

— Нет, господа... первому,— редко я слышал, чтобы этот квартет Онслоу исполнялся с таким мастерством!

Без сомненья, этот человек — знаток.

— Сударь, — отвечает Себастьен Цорн от имени своих товарищей, — мы очень тронуты вашей любезностью... Если второй наш номер терзал ваш слух, то дело в том...

— Сударь, — отвечает неизвестный, прерывая объяснение, которое угрожало затянуться, — я никогда не слышал, чтобы фальшивили с таким совершенством. Но я понял, почему вы так поступили. Вам нужно было разбудить добрых обитателей Фрескаля, которые, кстати сказать, уже опять заснули. И потому, господа, разрешите мне предложить вам то, чего вы добивались от них с помощью таких отчаянных средств...

— Гостеприимство?.. — спрашивает Фрасколен.

— Да, гостеприимство, и притом такое, какого даже в Шотландии не встретить. Если не ошибаюсь, передо мною Концертный квартет, чья слава гремит по всей нашей прекрасной Америке, щедрой на изъявления восторга.

— Сударь, — счел своим долгом сказать Фрасколен, — уверяю вас, мы польщены... А... это гостеприимство, — где мы можем найти его... с вашей помощью?..

— В двух милях отсюда.

— В другой деревне?

— Нет... в городе.

— Большом городе?

— Безусловно.

— Позвольте, — вмешивается Пэншина, — нам же сказали, что до Сан-Диего нет ни одного города...

— Это ошибка... мне непонятная.

— Ошибка? — повторяет Фрасколен.

— Да, господа, и если вы отправитесь вместе со мной, я обещаю вам прием, достойный таких артистов, как вы.

— Я думаю, мы примем это предложение... — говорит Ивернес.

— Разделяю твое мнение, — присоединяется Пэншина.

— Постойте, постойте! — восклицает Себастьен Цорн. — Дайте высказаться руководителю ансамбля!

— Что изволите сказать?.. — спрашивает американец.

— Нас ожидают в Сан-Диего, — отвечает Фрасколен.

— В Сан-Диего, — добавляет виолончелист, — куда мы приглашены на несколько музыкальных утренников. Первый из них должен состояться послезавтра в воскресенье...

— А! — отвечает неизвестный тоном, в котором сквозит изрядная досада. — Но это несущественно, господа, — продолжает он, — за один день вы сможете осмотреть город, который того стоит, и я обязуюсь доставить вас на ближайшую станцию так, чтобы в воскресенье вы были в Сан-Диего.

Что и говорить, предложение соблазнительное и сделано как раз кстати. Квартет теперь может рассчитывать на хорошую комнату в хорошем отеле, не говоря уже о внимании, которое гарантирует им любезный незнакомец.

— Вы согласны, господа?..

— Согласны, — отвечает Себастьен Цорн, ибо голод и усталость располагают отнестись к подобному приглашению благосклонно.

— Тогда решено, — говорит американец, — отправимся сейчас же, и за двадцать минут мы доедем. Я уверен, что в конце концов вы меня поблагодарите!

А между тем обитатели поселка, выказав приветственными криками свое одобрение кошачьему концерту, снова позакрывали окна. Свет повсюду погас, и поселок Фрескаль опять погрузился в глубокий сон.

Четверо артистов вслед за американцем подходят к его экипажу, укладывают свои инструменты и размещаются на заднем сидении, а на переднее рядом с механиком усаживается их любезный проводник. Механик нажимает на какой-то рычаг, электрические аккумуляторы начинают работать, экипаж трогается с места, и вот они уже мчатся в западном направлении.

Еще через четверть часа впереди появляется широкое светлое зарево, похожее на сияние ослепительно ярких лунных лучей. Это город, о существовании которого наши парижане даже не подозревали.

Экипаж останавливается, и Фрасколен говорит:

— Наконец-то мы на побережье.

— Нет... это не побережье, — отвечает американец, — тут нам придется переправиться через проток...

— А на чем?.. — спрашивает Пэншина.

— На пароме, где установят наш экипаж.

Действительно, тут же стоит один из механических паромов, которые так распространены в Соединенных Штатах, и на него принимают экипаж вместе с пассажирами. Повидимому, паром движется посредством электричества, ибо дыма не видно; минуты через две паром уже пересек неширокое водное пространство и причалил к пристани в глубине какого-то большого порта.

Экипаж продолжает свой бег по дорогам, обсаженным деревьями, и попадает в парк, над которым высоко подвешенные фонари изливают яркий свет.

В решетке парка открываются ворота, ведущие на широкую и длинную улицу, вымощенную гулкими плитами. Через пять минут артисты выходят у подъезда комфортабельного отеля, где по одному слову американца их встречают с многообещающей предупредительностью. Их ведут к роскошно сервированному столу, и, как и следовало ожидать, они ужинают с большим аппетитом. После ужина метрдотель приводит их в просторную комнату, освещенную электрическими лампами белого накала, которые благодаря специально приспособленным выключателям можно превратить в чуть светящие ночники. И, отложив на завтра заботу о разъяснении всех этих чудес, они, наконец, засыпают в четырех кроватях, поставленных в четырех углах комнаты, и вскоре начинают похрапывать с такой же удивительной сыгранностью, какой вообще славится этот Концертный квартет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Словоохотливый чичероне

Наутро, уже в семь часов, в их общей комнате раздаются сперва громкие звуки, отлично подражающие утренней зоре горниста, играющего побудку в казарме, а затем команда, которую играет Пэншина:

— Живо!.. Гоп!.. На ноги!.. Раз-два!

Ивернес, самый ленивый из членов квартета, предпочел бы вылезти из-под теплых одеял только в три или даже в четыре счета. Но ему приходится последовать примеру товарищей и из горизонтального положения перейти в вертикальное.

— Нам нельзя терять ни минуты... ни единой! — заявляет «Его высочество».

— Да, — говорит Себастьен Цорн, — ведь завтра нам надо быть в Сан-Диего.

— Ну что ж! — отвечает Ивернес. — Город этого любезного американца мы осмотрим в полдня.

— Но меня удивляет, — добавил Фрасколен, — что поблизости от Фрескаля расположен большой город!.. Почему же наш кучер даже не упомянул о нем?..

— Важно в нем находиться, мой добрый старый скрипичный ключ, — говорит Пэншина, — а мы в нем как раз и находимся.

Из двух больших окон в комнату льются потоки дневного света, и на целую милю вдаль виднеется улица, окаймленная двумя рядами деревьев.

Четверо друзей совершают свой туалет в комфортабельной ванной комнате, оборудованной всеми современными усовершенствованиями: тут и снабженные градусниками краны с горячей и холодной водой, механически опоражнивающиеся умывальные тазы, электрические нагреватели для ванны, для щипцов, пульверизаторы с эссенциями и духами, электрические вентиляторы, механические щетки — к одним просто подставляют голову, к другим достаточно приложить

одежду или сапоги, чтобы отлично вычистить их и навести глянец. В комнате имеются, конечно, часы; повсюду вспыхивают электрические лампочки, стоит только протянуть руку — и многочисленные кнопки звонков и телефон дают возможность немедленно связаться с любой из служб отеля.

Впрочем, Себастьен Цорн и его товарищи могут сноситься не только с отелем, но и с различными кварталами города и, может быть, — как полагает Пэншина, — даже с любым городом Соединенных Штатов Америки.

— Или даже обоих полушарий, — добавляет Ивернес.

А пока они поджидают подходящего случая для подобного опыта, в семь сорок семь им передают телефонограмму на английском языке:

«Калистус Мэнбар желает доброго утра уважаемым членам Концертного квартета и просит их, как только они будут готовы, спуститься в столовую «Эксцельсиор-Отеля», где им будет подан первый завтрак».

— «Эксцельсиор-Отель»! — произносит Ивернес. — У этого караван-сарая роскошное название.

— Калистус Мэнбар — это наш любезный американец, — замечает Пэншина, — и имя у него тоже весьма звучное.

— Друзья мои, — восклицает виолончелист, чей желудок так же был склонен командовать, как и сам его обладатель, — раз уж завтрак подан, пойдем завтракать, а затем...

— А затем... прогуляемся по городу, — добавляет Фрасколен. — Но что это за город?

Так как наши парижане уже совсем, или почти совсем, готовы, Пэншина отвечает по телефону, что через пять минут они явятся по приглашению мистера Калистуса Мэнбара.

И вот, покончив с туалетом, они направляются к лифту, который спускает их в просторный холл. В глубине широко раскрыта дверь столовой — обширного зала, сверкающего позолотой.

— Я весь в вашем распоряжении, господа!

Эту фразу из шести слов произносит вчерашний знакомец. Он из тех людей, которых как будто знаешь уже давно, как говорится — «целую вечность».

Калистусу Мэнбару лет пятьдесят — шестьдесят, но он выглядит сорокапятилетним. Рост у него выше среднего, живот слегка выдается; руки и ноги крепкие и сильные; походка твердая; он полон сил и пышет здоровьем, если позволено так выразиться.

Себастьен Цорн и его друзья неоднократно встречали людей этого типа, а в Соединенных Штатах — весьма часто. Голова у Калистуса Мэнбара огромная, круглая, покрытая еще не поседевшими светлыми и вьющимися волосами, которые разлетаются в разные стороны, как листва, колеблемая ветром; лицо румяное, желтоватое; довольно длинная борода разделена на две заостряющиеся на концах пряди; верхняя губа выбрита, уголки рта слегка приподняты, губы сложены в улыбку, чаще всего — насмешливую; зубы сверкают белизною слоновой кости; толстый нос с раздувающимися ноздрями плотно врос в переносье, над которым — две вертикальные складки; на носу пенсне на серебряной цепочке, тонкой и гибкой, как шелковая нить. За стеклами пенсне сверкают живые глаза с зеленоватой радужной оболочкой и горящими зрачками. Эту голову соединяет с плечами бычья шея. Туловище прочно укреплено на мясистых бедрах, ноги прямые, а ступни несколько вывернуты.

На Калистусе Мэнбаре надет просторный диагоналевый пиджак табачного цвета. Из нагрудного кармана высовывается кончик нарядного носового платка. Белый, низко вырезанный жилет на трех золотых пуговицах. От одного кармана к другому протянулась массивная цепь; на одном ее конце хронометр, а на другом — шагомер, не говоря уже о многочисленных брелоках, позвякивающих между ними. Эта выставка ювелирных изделий дополняется целой серией перстней, украшающих толстые красные пальцы. Рубашка безукоризненной белизны, туго до блеска накрахмаленная, с тремя сверкающими бриллиантовыми запонками, с большим отложным воротником, почти закрывающим галстук из узкой золотисто-коричневой тесьмы. Про-

сторные полосатые брюки, постепенно суживающиеся книзу, и шнурованные ботинки с алюминиевыми пряжками.

Что касается физиономии янки, то, хотя черты лица его очень выразительны, за этой выразительностью ничего не скрывается, — такие лица бывают у людей, которые ни в чем не сомневаются и которые, как говорится, «видали виды». Человек он наверняка весьма оборотистый, а также энергичный, о чем свидетельствуют крепость его мускулов, резкие складки надбровья и сжатые челюсти. Нередко он раскатисто хохочет, но как-то в нос, так что его смех больше похож на насмешливое ржание.

Таков Калистус Мэнбар. Завидев членов квартета, он приподымает свою широкополую шляпу, к которой очень подошло бы страусовое перо по моде времен Людовика XIII. Он пожимает четырем артистам руки и подводит их к столу, где бурлит чайник и дымится традиционное жаркое. Он все время говорит, не давая собеседникам перебить его ни одним вопросом, может быть именно для того, чтобы уклониться от ответов, — расписывает великолепие города, необычайные обстоятельства, при которых тот возник, и по окончании завтрака заключает свой пространный монолог такими словами:

— Подымайтесь, господа, и следуйте за мной. Я только хочу вас предупредить...

— Насчет чего? — спрашивает Фрасколен.

— У нас строжайше запрещено плевать на улицах.

— Да у нас и нет такой привычки... — протестует Ивернес.

— Отлично!.. Вам не придется платить штрафов.

— Не плевать... в Америке!.. — бормочет Пэншина удивленно и вместе с тем недоверчиво.

Трудно было бы заполучить в провожатые более замечательного чичероне, чем Калистус Мэнбар. Город он знает досконально. Он осведомлен, кому принадлежит каждый особняк, знает, кто живет в каждом доме, и нет ни одного прохожего, который не приветствовал бы его с дружеской фамильярностью.

Город правильно распланирован. Широкие проспекты и улицы с балконами над тротуарами пересекаются под прямым углом, образуя нечто вроде шахматной доски. В этой геометрической планировке проявляется единство архитектурного замысла, которое, однако, не исключает разнообразия. Стиль фасадов и внутреннее убранство домов не подчинены никаким правилам, кроме фантазии строителей. За исключением некоторых торговых кварталов улицы застроены домами, скорее напоминающими дворцы. Тут парадные дворы и изящные флигели, фасады — торжественные и стильные; внутри — несомненно роскошное убранство; позади домов зеленеют такие большие сады, что их вполне можно назвать парками. Все же надо заметить, что деревья, видимо недавно посаженные, еще не разрослись. То же самое можно сказать и о скверах. Разбитые на скрещениях основных магистралей города, они засеяны травой, такой яркой и свежей, какая бывает в английских садах, и засажены всевозможными растениями умеренного и жаркого поясов, еще не получившими из почвы достаточно соков для полного развития. И эта особенность являет поразительный контраст с природой данной части американского Запада, изобилующего гигантскими лесами, находящимися поблизости от больших калифорнийских городов.

Квартет шел куда глаза глядят, и каждый из его членов по-своему обозревал эту часть города. Ивернеса привлекало то, к чему оставался равнодушен Фрасколен, Себастьена Цорна занимало то, что не интересовало Пэншина, но всех их интриговала тайна, окутывавшая этот неизвестный город. Их совершенно различные точки зрения дадут в целом довольно верное представление о нем. Кроме того, рядом — Калистус Мэнбар, у которого на все готов ответ. Однако правильно ли сказать «ответ»?.. Он говорит, говорит, не ожидая вопросов, и надо только не мешать ему изливаться. Его словесная мельница вертится от малейшего дуновения.

Через четверть часа после того как они покинули «Эксцельсиор-Отель», Калистут Мэнбар объявил:

— Сейчас мы находимся на Третьей авеню, а в городе их около тридцати. Здесь ведется самая оживленная торговля — это наш Бродвей, наш Риджент-стрит, наш Итальянский бульвар. Тут в специализированных и универсальных магазинах можно найти и предметы роскоши и товары первой необходимости — все, чего только захочется людям, превыше всего заботящимся о своем благополучии и комфорте.

— Магазины я вижу, — замечает Пэншина, — но не вижу покупателей...

— Может быть, еще слишком рано?.. — высказывает предположение Ивернес.

— Это потому, что большей частью заказы делаются по телефону или даже телеавтографу, — отвечает Калистус Мэнбар.

— А что это значит?.. — спрашивает Фрасколен.

— Это значит, что мы часто пользуемся телеавтографом, усовершенствованным аппаратом, который передает писаный текст, как телефон передает живую речь, а кроме того — кинетографом, который записывает движения, являясь для зрения тем, чем фонограф является для слуха, и телефотом, передающим изображения. Телеавтограф дает более основательную гарантию, чем простая телеграмма, которой может злоупотребить кто угодно. Мы можем подписывать посредством электричества чеки и векселя...

— И даже брачные свидетельства?.. — ироническим тоном вопрошает Пэншина.

— Конечно, господин альт. Почему бы не вступить в брак по телеграфному проводу?..

— Или разводиться?..

— И разводиться!.. Именно от этого наши аппараты больше всего и изнашиваются.

И тут чичероне разражается таким громким смехом, что все побрякушки на его жилете пускаются в пляс.

— Вы весельчак, господин Мэнбар, — говорит Пэншина, следуя примеру американца.

— Да... как зяблик в солнечный день!

Тут перед ними возникает поперечная улица. Это Девятнадцатая авеню, с которой изгнаны все торговые предприятия. Трамвайные линии бороздят ее, так же

как и ту, по которой только что шли музыканты. Быстрые экипажи проносятся мимо, не поднимая ни пылинки, ибо мостовая, выложенная не подверженными гниению торцами из австралийского эвкалипта, — она могла бы быть даже из бразильского красного дерева! — блестит, словно ее натерли металлическими опилками. Впрочем, Фрасколен, внимательный наблюдатель всевозможных физических явлений, замечает, что звук шагов отдается на ней, как на металлических плитах.

«Как у них развито металлическое производство! — думает он. — Даже мостовые они стали выделывать из листового железа!»

И он уже собрался приступить к Калистусу Мэнбару с вопросами, когда тот воскликнул:

— Господа, взгляните на этот особняк!

Он указал на обширное величественное здание, флигеля которого, выступающие вперед и замыкающие парадный двор, были соединены алюминиевой решеткой.

— В этом особняке — можно было бы сказать, в этом дворце — живет семья одного из виднейших людей города. Я имею в виду Джема Танкердона, владельца неиссякаемых нефтяных источников в Иллинойсе, самого, быть может, богатого и, следовательно, самого почтенного и уважаемого из наших сограждан...

— Миллионы?.. — спрашивает Себастьен Цорн.

— Пф! — фыркает Калистус Мэнбар. — Миллион у нас ходячая монета, здесь счет идет на сотни миллионов! В этом городе живут только сверхбогатейшие набобы. Вот отчего за короткое время купцы из торгового квартала нажили здесь целые состояния — я имею в виду розничных торговцев, ибо в этом единственном в мире микрокосме вы не найдете ни одного оптовика.

— А промышленники?.. — спрашивает Пэншина.

— Промышленников нет!

— А судовладельцы?.. — спрашивает Фрасколен.

— Тоже нет.

— Значит, рантье?.. — говорит Себастьен Цорн.

— Только рантье и купцы, наживающие себе капитал для ренты.

— Ну... а как же рабочие?.. — замечает Ивернес.

— Когда оказывается нужда в рабочих, их приво-

зят из других мест, а когда работа кончается, они возвращаются восвояси... с хорошим... заработком!..

— Послушайте, господин Мэнбар, — говорит Фрасколен, — держите же вы у себя в городе хоть несколько бедняков, хотя бы только для того, чтобы эта порода у вас не совсем перевелась!

— Бедняков, господин второй скрипач?.. Ни одного бедняка вы здесь не найдете!

— Значит, нищенство запрещено?

— Его незачем запрещать, ведь нищие в наш город проникнуть не могут. Это годится для городов Федерации, там имеются всякие дома для бедных, ночлежки, работные дома... и в дополнение к ним — тюрьмы.

— Не станете же вы утверждать, что у вас нет тюрем?..

— Нет, так же как и заключенных.

— Ну, а преступники?

— Их просят оставаться в Старом или Новом Свете, где они могут действовать, согласно своему призванию, в гораздо более подходящих условиях.

— Э, право же, господин Мэнбар, — говорит Себастьен Цорн, — послушать вас, так можно подумать, что мы не в Америке.

— Вчера вы находились там, господин виолончелист, — отвечает этот удивительный чичероне.

— Вчера?.. — удивляется Фрасколен, недоумевая, что может означать это странное замечание.

— Конечно!.. А сегодня вы находитесь в совершенно независимом городе, свободном городе, на который Американская федерация не имеет никаких прав, который не подчинен никакой посторонней власти.

— А как он называется?.. — спрашивает Себастьен Цорн; в нем уже начинает пробуждаться его обычная раздражительность.

— Как он называется?.. — повторяет Калистус Мэнбар. — Позвольте мне пока не сообщать его названия...

— Когда же мы его узнаем?..

— Когда кончите его осматривать, что, кстати сказать, для него большая честь.

Сдержанность американца в этом вопросе — явление по меньшей мере странное. Но в конце концов —

это не важно. К полудню музыканты завершат свою интересную прогулку, и даже если они узнают название города в тот момент, когда будут покидать его, — не все ли равно? Единственное соображение по этому поводу, которое приходит в голову, следующее: каким образом такой значительный город может находиться в определенном месте калифорнийского побережья, не принадлежа к Федеральной республике Соединенных Штатов? И, с другой стороны, как объяснить, что их кучер не подумал даже упомянуть о нем? Самое важное для артистов — в течение ближайших суток добраться до Сан-Диего, где они получат ключ к загадке, даже если Калистус Мэнбар не соизволит ее разъяснить.

Между тем эта странная личность опять пускается в словоизвержения, но явно не желает сообщать никаких более точных сведений.

— Господа, — говорит он, — мы подошли к Тридцать седьмой авеню. Обратите внимание на изумительную перспективу! В этом квартале тоже нет лавок, магазинов и уличного движения, свидетельствующего о торговой деятельности. Только особняки и частные квартиры, но у здешних жителей капиталы помельче, чем у обитателей Девятнадцатой авеню. Здешние рантье имеют миллионов десять — двенадцать...

— Совсем нищие, что и говорить! — заявляет Пэншина, и выразительная гримаса кривит его рот.

— Э, господин альт, — возражает на это Калистус Мэнбар, — всегда можно оказаться нищим по отношению к кому-нибудь. Миллионер по сравнению с человеком, у которого только сто тысяч франков, — богач. Но он не богач по сравнению с тем, у кого сто миллионов!

Наши артисты уже неоднократно могли заметить, что из всех слов, которые употребляет их чичероне, «миллион» слетает у него с языка чаще других. Слово и в самом деле завораживающее. Калистус Мэнбар выговаривает его, надувая щеки и с каким-то металлическим звучанием в голосе, будто, произнося его, он уже чеканит монету. И если изо рта его сыплются не драгоценные камни, как у сказочного крестника фей, у

которого падали из уст жемчуг и изумруды, так уж по крайней мере — золотые монеты.

И Себастьен Цорн, Пэншина, Фрасколен, Ивернес все бродят и бродят по необыкновенному городу, географическое наименование которого им еще неизвестно. Здесь улицы оживлены. Снуют прохожие, все хорошо одеты, и лохмотья бедняка не оскорбляют ничьих взглядов. Повсюду трамваи, экипажи, грузовые повозки на электрической тяге. Некоторые крупные магистрали снабжены самодвижущимися тротуарами, которые приводятся в действие вращением замкнутой цепи и по которым можно ходить, как ходят в поезде независимо от их движения.

Электрические экипажи катятся по мостовой так же бесшумно, как шар по сукну биллиарда. Что касается экипажей в подлинном смысле слова, то есть запряженных лошадьми, то они попадаются только в очень богатых кварталах.

— А вот и церковь! — говорит Фрасколен.

И он указывает на здание довольно тяжелых пропорций, без всякого архитектурного стиля, расположившееся, словно огромный торт, посредине площади, покрытой зелеными газонами.

— Это протестантский храм, — сообщает Калистус Мэнбар, останавливаясь перед зданием.

— А в вашем городе есть и католические церкви?.. — спрашивает Ивернес.

— Да, сударь. Впрочем, должен обратить ваше внимание на то обстоятельство, что, хотя на земном шаре имеется около двадцати тысяч различных религий, мы здесь довольствуемся католичеством и протестантством. У нас не так, как в Соединенных Штатах, соединенных в политическом смысле, но разъединенных в отношении религии, ибо в них столько же сект, сколько семей, — методисты, англикане, пресвитерианцы, анабаптисты, уэслианцы, и т. д. Здесь же — только протестанты, верные кальвинистской доктрине, либо уж католики-паписты.

— А на каком языке у вас говорят?

— Одинаково распространены и английский и французский...

— С чем вас и поздравляем, — говорит Пэншина.

— Город, — продолжает Калистус Мэнбар, — разделен на две более или менее одинаковые части. Сейчас мы находимся...

— В западной, я полагаю... — замечает Фрасколен, сриентируясь на положение солнца.

— В западной... если угодно...

— Как это... «если угодно»? — изумляется такому ответу вторая скрипка. — Разве положение частей света в вашем городе меняется по прихоти любого обитателя?

— И да... и нет... — говорит Калистус Мэнбар. — Позже я вам это объясню... А пока вернемся к этой части города... западной, если вам угодно, в которой живут исключительно протестанты; они даже и здесь остаются людьми практичными, в то время как более интеллектуальные, более утонченные католики занимают другую часть города. Само собой понятно, что храм этот — протестантский.

— Да, похоже на то, — говорит Ивернес. — В храме такой тяжелой архитектуры молитва не поднимается к небу, а распластывается по земле.

— Хорошо сказано! — восклицает Пэншина. — Мистер Мэнбар, в таком механизированном городе ведь можно прослушать проповедь и мессу по телефону?..

— Да, конечно.

— И исповедаться?

— Совершенно так же, как можно вступить в брак по телеавтографу. Согласитесь, что это практично...

— Невероятно практично, мистер Мэнбар, — отвечает Пэншина, — невероятно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Концертный квартет расстроен

После такой длительной прогулки к одиннадцати часам человеку разрешается проголодаться. И наши артисты готовы широко использовать это разрешение. Их желудки образуют прекрасный ансамбль, и все чет-

веро настроены на один лад: во что бы то ни стало надо позавтракать. С этим согласен и Калистус Мэнбар, не менее своих гостей подверженный необходимости ежедневно принимать пищу. Не вернуться ли в «Эксцельсиор-Отель»? Пожалуй, придется, ибо ресторанов, повидимому, не так уж много в этом городе, где все, вероятно, привыкли сидеть по домам и куда, надо полагать, редко заглядывают туристы из Старого и Нового Света.

За несколько минут трамвай доставляет проголодавшихся виртуозов и их чичероне в отель, и там они подсаживаются к уставленному яствами столу. Поразительный контраст с обычной американской трапезой, где большое количество блюд не искупает их невысокого качества. Здесь говядина и баранина превосходны: птица — нежная и ароматная, рыба — соблазнительно свежая. Кроме того, вместо обычной в американских ресторанах воды со льдом — на столе пиво различных сортов и вина, которые еще десять лет тому назад перебродили под солнцем Франции на холмах Медока и Бургундии.

Пэншина и Фрасколен отдают должное этому завтраку по меньшей мере с таким же усердием, как Себастьен Цорн и Ивернес... Само собой разумеется, Калистус Мэнбар настоял на том, что он угощает, и с их стороны было бы невежливо возражать.

Этот янки, чье красноречие неиссякаемо, проявляет чарующую любезность. Он говорит обо всем, относящемся к городу, за исключением именно того, что его сотрапезники больше всего хотели бы знать, — то есть, что же это в конце концов за независимый ни от кого город, название которого он медлит им сообщить? Пусть они потерпят, он все скажет, как только окончится осмотр. Уж не намеревается ли он напоить членов квартета, чтобы они опоздали на поезд в Сан-Диего?.. Думать так нет оснований: ведь, плотно покушав, всегда захочешь хорошо выпить.

Все уже заканчивали десерт; подали чай, кофе и ликеры, — как вдруг в гостинице задрожали стекла от громкого орудийного выстрела.

— Что это?.. — спрашивает, вздрогнув, Ивернес.

— Не волнуйтесь, господа, — отвечает Калистус Мэнбар. — Это пушка обсерватории.

— Если она отмечает полдень, — говорит Пэншина, взглянув на часы, — то с запозданием.

— Нет, господин альт, нет. Здесь солнце, так же как и в других местах, не опаздывает.

Странная улыбка приподнимает уголки губ американца, глаза под стеклами пенсне блестят, он потирает руки. Можно подумать, он радуется тому, что ему удалось кого-то «хорошо разыграть».

Фрасколен, который меньше, чем его товарищи, разомлел от обильной трапезы, смотрит на него с некоторой подозрительностью и не знает, что думать.

— Ну-с, друзья мои, — позвольте мне так вас называть, — с наилюбезнейшим видом говорит Калистус Мэнбар, — теперь нам надо осмотреть другую часть города. Я умру от огорчения, если вы упустите хоть малейшую подробность! Не будем терять времени...

— В котором часу отходит поезд на Сан-Диего?..— спрашивает Себастьен Цорн, озабоченный тем, как бы из-за опоздания не потерять ангажемента.

— Да... в котором часу?.. — настойчиво твердит Фрасколен.

— О!.. под вечер, — отвечает Калистус Мэнбар и подмигивает левым глазом. — Пойдемте, дорогие гости, пойдемте... Вы не раскаетесь, что взяли меня своим проводником.

Ну как не уступить такому любезному человеку?

Четверо артистов покидают зал «Эксцельсиор-Отеля» и медленно идут по улице. Похоже на то, что они отдали слишком щедрую дань вину, ибо ноги у них подкашиваются. Почва как будто обнаруживает склонность уходить у них из-под ног. А ведь они идут не по самодвижущемуся тротуару, который тянется вдоль панели.

— Эге, эге!.. Давайте держаться друг за друга, — восклицает, спотыкаясь, «Его высочество».

— Кажется, мы слегка выпили, — подхватывает Ивернес, вытирая себе лоб.

— Ладно, господа парижане, — утешает америка-

нец, — один раз не в счет!.. Надо же было спрыснуть ваше прибытие сюда.

— И мы опорожнили чашу до дна! — отвечает Пэншина, который примирился с обстоятельствами и, по-видимому, был в наилучшем настроении.

Улица, по которой они следуют за Калистусом Мэнбаром, приводит их в другую часть города. Здесь оживление носит совсем иной характер, повадки менее пуританские, как будто вас внезапно перенесли из Северных штатов в Южные, из Чикаго в Новый Орлеан, из Иллинойса в Луизиану. В магазинах больше народа, в архитектуре больше изящества и фантазии, дома оборудованы комфортабельнее, особняки, столь же великолепные, как и в протестантской части, имеют более веселый вид. Обитатели тоже отличаются и внешним обликом, и походкой, и манерой держаться. Можно подумать, что город этот двойной, как бывают двойные звезды, и две его части представляют собой два рядом расположенных, но во всем не схожих города.

Дойдя почти до центра этого района, на середине Пятнадцатой авеню вся компания останавливается, и Ивернес восклицает:

— Смотрите, настоящий дворец!..

— Дворец семьи Коверли, — объясняет Калистус Мэнбар. — Нэт Коверли не уступает Джему Танкердону...

— Он еще богаче?.. — спрашивает Пэншина.

— Так же богат, — говорит американец. — Это бывший банкир из Нового Орлеана, сотен миллионов у него больше, чем пальцев на обеих руках.

— Прелестная пара перчаток, дорогой господин Мэнбар.

— Еще бы!

— И эти два именитых горожанина, Джем Танкердон и Нэт Коверли, разумеется, враги?..

— Во всяком случае — соперники. Оба стараются добиться главенства в городских делах и ревниво следят друг за другом.

— Что ж, они в конце концов съедят друг друга? — спрашивает Себастьен Цорн.

— Может быть... и если один проглотит другого..

— Какое у него будет расстройство желудка! — подхватывает «Его высочество».

Калистус Мэнбар, которого рассмешил этот выпад, хохочет так, что живот у него ходит ходуном.

Католическая церковь возвышается на обширной площади, что позволяет любоваться ее изящными пропорциями. Она построена в готическом стиле, а чтобы оценить по достоинству готическую постройку — не надо отходить далеко от нее, ибо вертикальные линии, составляющие своеобразную прелесть готики, не производят должного впечатления, если глядеть издали. Церковь святой Марии заслуживает восхищения, ибо нельзя не любоваться ее стройными островерхими кровлями, тонкой резьбой ажурных каменных розеток, изяществом сводов, прелестью стрельчатых окон.

— Прекрасный образец англосаксонской готики, — говорит Ивернес, большой любитель архитектуры. — Вы были правы, господин Мэнбар, обе части вашего города так же несхожи между собой, как храм в первой из них отличен от собора во второй.

— И однакоже, господин Ивернес, обе эти части — детища одной матери.

— Но... разных отцов?.. — замечает Пэншина.

— Нет... одного отца, любезные мои друзья! Только они получили разное воспитание. Их приспособили к потребностям тех, кто стремился обрести мирное, блаженное существование, избавленное от всяких забот... существование, какого никому не может обеспечить ни один город Старого или Нового Света.

— Клянусь Аполлоном, господин Мэнбар, — отвечает Ивернес, — берегитесь! Вы уж чересчур возбуждаете наше любопытство!.. Вы словно тянете без конца одну и ту же музыкальную фразу. Ждешь не дождешься заключительного аккорда...

— И в конце концов это утомляет слух! — добавляет Себастьен Цорн. — Может быть, уже наступил момент сообщить нам название этого необыкновенного города?

— Нет еще, дорогие гости, — отвечает американец, поправляя на носу золотое пенсне. — Дождитесь конца нашей прогулки, а пока пойдемте дальше...

— Прежде чем идти дальше, — говорит Фрасколен, у которого к любопытству начинает примешиваться какая-то неясная тревога, — я хочу сделать одно предложение.

— Какое же?

— Почему бы нам не подняться к самому шпилю церкви святой Марии? Оттуда мы могли бы увидеть...

— Нет, нет! — восклицает Калистус Мэнбар, мотая своей громадной всклокоченной головой... — Не теперь... позже...

— Но когда же?.. — спрашивает виолончелист, которого начинают раздражать все эти таинственные увертки.

— Под конец нашей экскурсии, господин Цорн.

— Так мы вернемся к этой церкви?

— Нет, друзья мои, наша прогулка завершится осмотром обсерватории, башня которой на целую треть выше шпиля церкви святой Марии.

— Но почему же все-таки, — настаивает Фрасколен, — не воспользоваться случаем?..

— Потому что... весь мой эффект пропал бы!

Нет никакой возможности вытянуть другой ответ у этой загадочной личности.

Остается только подчиниться, и обстоятельный осмотр второй части города продолжается. Осматривают торговые кварталы, портновские мастерские, обувные и шляпные магазины, мясные, бакалейные, фруктовые лавки, булочные и т. д. Калистус Мэнбар, которого приветствует большая часть попадающихся навстречу прохожих, отвечает на поклоны с тщеславным удовлетворением. Он неутомимо расхваливает все и вся, словно демонстрирует какие-то чудеса природы, и язык его работает не переставая, как церковный колокол в праздничный день.

Было уже около двух часов, когда квартет добрался до окраины города. По ту сторону великолепной решетки, увитой цветами и вьющимися растениями, простираются поля, сливаясь с линией горизонта.

Здесь Фрасколен делает некое наблюдение, которым не считает нужным поделиться со своими товарищами. Все, наверное, объяснится на башне обсерватории.

Наблюдение его состоит в том, что солнце, которому в два часа дня следовало быть на юго-западе, находится на юго-востоке.

Это обстоятельство приводит в изумление пытливый ум Фрасколена, и он начинает «выкомуривать себе над ним мозги», как говорит Рабле, но внезапно течение его мыслей прерывается восклицанием Калистуса Мэнбара:

— Господа, трамвай отходит через несколько минут. Поедем в порт...

— В порт?.. — спрашивает Себастьен Цорн.

— О, придется проехать не больше мили, а это позволит вам полюбоваться нашим парком!

Раз имеется порт, он должен быть расположен по ту или другую сторону города на калифорнийском берегу. И правда, где же ему быть, как не на берегу?..

Артисты, несколько сбитые с толку, рассаживаются на скамьях комфортабельного вагона, где уже сидят несколько пассажиров, которые здороваются с Калистусом Мэнбаром — черт возьми, да он со всеми знаком! — и электрический двигатель начинает работать.

Калистус Мэнбар прав, называя парком местность, простирающуюся вокруг города. Всюду аллеи, уходящие вдаль, зеленеющие лужайки, крашеные ограды, прямые или зигзагообразные заросли деревьев — здесь растут дубы, клены, буки, каштаны, железное дерево, вязы и кедры, и все эти молодые рощи населены множеством птиц самых различных пород. Это настоящий английский сад с бьющими родниками, пышными клумбами во всем блеске весеннего цветения, зарослями кустарников, где смешаны самые разнообразные сорта растений — гигантские герани, как в Монте-Карло, апельсины, лимоны, оливы, лавры, мастиковые деревья, алоэ, камелии, далии, александрийские белые розы, гортензии, белые и розовые лотосы, южноамериканские страстоцветы, пышные сочетания фуксий, сальвий, бегоний, гиацинтов, тюльпанов, крокусов, нарциссов, анемонов, персидских ранункул, ирисов, цикламен, орхидей, кальцеолярий, древовидных папоротников, а также растений тропической зоны: индийского тростника, ко-

косовых и финиковых пальм, смоковниц, эвкалиптов, мимоз, бананов, гуайяв, бутылочных тыкв, — одним словом, здесь имеется все, чего любители могут требовать от самого богатого ботанического сада.

Ивернес со своим уменьем всегда припомнить что-нибудь из старинной поэзии, наверно, считает, что его перенесли в один из буколических пейзажей «Астреи» [1]. В самом деле, по свежим лугам здесь бродят овцы, позади изгородей прыгают лани, косули и другие изящные представители лесной фауны, и можно лишь пожалеть об отсутствии очаровательных пастухов и пастушек из романов Оноре д'Юрфе. Вместо реки Линьон здесь извивается речка Серпентайн, чьи животворные струи протекают среди невысоких холмов этой сельской местности.

Только все здесь кажется искусственным.

Иронически настроенный Пэншина восклицает по этому поводу:

— И у вас нет других рек?

На что следует ответ Калистуса Мэнбара:

— Реки? А для чего нам они?

— Но нужна вода, черт побери!

— Вода... то есть вещество, обычно зараженное, полное микробов — тифозных и всяких других?..

— Ну, ее можно очищать...

— А зачем это делать, когда так легко вырабатывать вполне гигиеническую воду, совершенно обезвреженную и даже, по желанию, газированную или железистую...

— Вы сами вырабатываете воду?.. — спрашивает Фрасколен.

— Разумеется, и обеспечиваем водой, горячей и холодной, жилые помещения, так же как мы обеспечиваем их светом, звуками, возможностью узнавать точное время, теплом, прохладой, двигательной силой, антисептическими средствами и электрической энергией.

---

[1] «Астрея» — пасторальный роман французского писателя XVII в. Оноре д'Юрфе, где несчастный влюбленный бросается в реку Линьон.

— В таком случае, можно подумать, — говорит Ивернес, — что у вас вырабатывается также и дождь для поливки газонов и клумб?

— Вот именно... господин первый скрипач, — отвечает американец, и кольца на его пальцах, поглаживающих бороду, сверкают в пышных прядях.

— Дождь по заказу! — восклицает Себастьен Цорн.

— Да, дорогие друзья мои, дождь, который трубопроводы, проложенные под землей, своевременно позволяют рассеивать самым правильным, упорядоченным и разумным способом. Разве это не лучше, чем зависеть от произвола природы и подчиняться прихоти климата, проклинать непогоду, не имея возможности помочь беде, страдать то от зарядивших дождей, то от долгой засухи?

— Постойте, постойте, мистер Мэнбар, — перебивает его Фрасколен... — Ладно, вы можете по своему желанию устраивать дождь. Но вы же не можете помешать ему падать с неба...

— Небо?.. А оно тут при чем?..

— Небо, или, если вы предпочитаете, тучи, несущие дождь, воздушные течения со всей своей свитой — циклонами, смерчами, шквалами, бурями, ураганами... Ну, например, в дурное время года...

— В дурное время года?.. — повторяет Калистус Мэнбар.

— Да... зимою...

— Зима?.. А что это такое?..

— Да говорят вам — зима, мороз, снег, лед! — восклицает Себастьен Цорн, которого приводят в ярость иронические ответы этого янки.

— Ничего подобного мы не знаем! — спокойно отвечает Калистус Мэнбар.

Четверо парижан переглядываются. Что он — сумасшедший или мистификатор? В первом случае следовало бы запереть его покрепче, во втором — хорошенько отлупить.

Между тем вагоны трамвая медленно проходят среди этих волшебных садов. За пределами огромного парка виднеются тщательно возделанные участки земли, разноцветные прямоугольники, похожие на

образчики тканей, некогда выставлявшиеся в витринах портных. Это, без сомнения, гряды овощей — картофеля, капусты, моркови, репы, лука, — словом, всего того, что требуется для приготовления хорошего овощного супа.

Но им хотелось бы увидеть поля и ознакомиться с тем, как произрастают в этой удивительной местности пшеница, рожь, овес, кукуруза, ячмень, гречиха и другие злаки.

Вдруг появляется завод с металлическими трубами над низкими крышами матового стекла. Трубы на железных устоях похожи на трубы плывущего океанского парохода «Грейт-Истерн», для вращения мощных винтов которого требуется не меньше ста тысяч лошадиных сил, с тою лишь разницей, что вместо черных клубов дыма из этих труб вылетают только легкие струйки, никакой гарью не засоряющие атмосферу. Завод занимает площадь в десять тысяч квадратных ярдов, то есть около гектара. Это первое промышленное предприятие, которое члены квартета видят с начала экскурсии, проходящей под руководством Калистуса Мэнбара.

— А это что за предприятие?.. — спрашивает Пэншина.

— Завод с выпаривательными аппаратами, работающий на нефти, — отвечает американец, и острый взгляд его грозит, кажется, пробить стекла пенсне.

— А что на нем производится, на вашем заводе?..

— Электрическая энергия, которая расходится по всему городу, парку, загородной местности и дает двигательную силу и свет. Одновременно завод питает энергией наши телеграфы, телеавтографы, телефоны, телефоты, звонки, кухонные печи, все прочие машины, осветительную аппаратуру, лампы дуговые и лампы накаливания, алюминиевые луны, подводные кабели...

— Подводные кабели?.. — с живостью переспрашивает Фрасколен.

— Да!.. которые связывают город с различными пунктами на американском побережье...

— Неужто необходимо было строить такой огромный завод?

— Разумеется... при нашем расходе электрической энергии... а также энергии умственной, — отвечает Калистус Мэнбар. — Поверьте, господа, понадобилось неисчислимое количество и той и другой энергии, чтобы основать этот бесподобный, единственный в мире город.

Слышно глухое ворчанье гигантского завода, мощный звук выпускаемых паров, гул машин, ощущается легкое колебание почвы, свидетельствующее о том, что здесь действуют механические силы, превосходящие все, что до настоящего времени могла породить современная индустрия. Неужели для того, чтобы приводить в движение динамомашины или заряжать аккумуляторы, нужна такая мощь?

Трамвай проходит мимо завода и в четверти мили от него останавливается у порта.

Пассажиры выходят, и гид, продолжая свои восхваления, ведет французов по набережной, идущей вдоль складов и доков. Порт может предоставить стоянку не более чем десятку кораблей. Это скорее небольшая внутренняя гавань, чем порт. Ее замыкают молы, две дамбы на железных устоях, мощные фонари которых указывают вход в гавань кораблям, приходящим с открытого моря.

Сегодня в гавани всего около полдюжины пароходов, — одни из них нефтеналивные суда, другие предназначены для перевозки продуктов и потребительских товаров, — и, кроме того, несколько барок, снабженных электрическими двигателями для рыбной ловли в открытом море.

Фрасколен подмечает, что вход в гавань обращен на север, и делает вывод, что она расположена в северной части одного из тех выступов побережья Нижней Калифорнии, которые выдвинуты в Тихий океан. Он констатирует также, что морское течение имеет направление на восток и что оно довольно быстрое, ибо вода бежит вдоль устоев дамбы совсем так, как бегут волны вдоль бортов плывущего корабля. Вероятно, так было из-за того, что происходил прилив, хотя вообще-то приливы у западных берегов Америки не очень заметны.

— А где река, через которую мы вчера переезжали на пароме? — спрашивает Фрасколен.

— Она сейчас позади, — вот единственный ответ, который Фрасколен получает от янки.

Но задерживаться нельзя: ведь надо возвращаться в город, чтобы попасть на вечерний поезд в Сан-Диего.

Себастьен Цорн напомнил об этом американцу, но тот ответил:

— Не беспокойтесь, дорогие друзья... Времени хватит... Мы вернемся в город на электрическом поезде, который идет вдоль берега... Вы хотели обозреть одним взглядом всю местность, и не позже чем через час сделаете это с башни обсерватории.

— Так вы уверяете?.. — настаивает виолончелист.

— Уверяю вас, что завтра на рассвете вы уже будете не там, где сейчас находитесь!

Квартет вынужден удовлетвориться таким довольно невразумительным ответом. Однако любопытство Фрасколена возбуждено до крайности, еще больше, чем у его товарищей. Он с нетерпением ждет момента, когда очутится на вершине башни, откуда, по словам американца, местность можно обозреть на сотню миль вокруг. Если и тогда нельзя будет точно установить географическое положение необыкновенного города, то, видимо, вообще придется от этого отказаться.

В глубине гавани виднеется вторая линия электрической железной дороги, проходящая вдоль морского берега. Электрический поезд состоит из шести вагонов, где уже разместились многочисленные пассажиры. Впереди прицеплен моторный вагон с аккумуляторами на двести ампер. Идет поезд со скоростью пятнадцать — восемнадцать километров.

Калистус Мэнбар усаживает членов квартета в вагон, и поезд сразу трогается, словно он только и дожидался наших парижан.

Местность, которая теперь развертывается перед ними, мало чем отличается от парка, простирающегося между городом и портом. Та же ровная, тщательно возделанная почва. Зеленые луга и поля вместо лужаек и газонов, — вот и вся разница. На полях растут

овощи, а не злаки. В данный момент искусственный дождь из подземных трубопроводов орошает благодатным ливнем эти длинные прямоугольники, начертанные при помощи веревки и угломера.

Небо не сумело бы столь математически точно распределить этот дождь.

Электрическая дорога тянется вдоль берега — с одной стороны море, с другой — поля. Вагоны пробегают таким образом около пяти километров. Затем они останавливаются перед батареей из двенадцати орудий крупного калибра; у входа на батарею надпись: «Батарея Волнореза».

— Наши пушки заряжаются с казенной части, но никогда с нее не разряжаются, как орудия старушки Европы! — замечает Калистус Мэнбар.

В этом месте линия берега резко изгибается, он образует нечто вроде мыса, очень острого, напоминающего носовую часть корпуса корабля или даже таран броненосца, разбиваясь о который морские волны словно разрезаются надвое и обдают его своей белой пеной. Такой эффект возникает, повидимому, благодаря силе течения, так как в море волна сейчас небольшая, а по мере того как солнце склоняется к западу, она еще уменьшается.

От этого пункта отходит ветка электрической железной дороги, направляющаяся к центру города, тогда как первая попрежнему извивается вдоль побережья.

Калистус Мэнбар просит своих гостей пересесть в другой вагон и объявляет им, что они направятся обратно к городу.

Погуляли вполне достаточно. Калистус Мэнбар вынимает часы, шедевр женевского мастера Сивана, часы говорящие, часы-фонограф. Он нажимает кнопку, и отчетливо слышатся слова: «Четыре часа тринадцать минут».

— А вы не забыли о подъеме на обсерваторию?.. — напоминает Фрасколен.

— Могу ли я забыть об этом, мои дорогие и уже давние друзья?.. Да я скорее позабыл бы свое собственное имя, которое здесь далеко небезызвестно! Еще четыре мили, и мы окажемся перед великолепным зда-

нием в конце Первой авеню, разделяющей наш город пополам.

Электрический поезд тронулся. За полями, на которые все еще падает «послеполуденный», по выражению американца, дождь, раскинулся все тот же парк с изгородями, газонами, клумбами и зарослями деревьев.

Раздается бой часов, — половина пятого. Две стрелки указывают время на гигантском циферблате, укрепленном, как циферблат часов лондонского парламента, на четырехгранной башне.

У подножия башни расположены строения обсерватории, предназначенные для различных целей. Некоторые из них, увенчанные круглыми металлическими куполами с застекленными прорезами, дают возможность астрономам наблюдать движение звезд. Они окружают центральный двор, посредине которого и вздымается башня, ее высота — сто пятьдесят футов. С верхней галереи можно окинуть взглядом пространство радиусом в двадцать пять километров, поскольку горизонта не замыкают никакие возвышенности, холмы или горы.

Калистус Мэнбар, опережая своих гостей, входит в двери, которые распахивает перед ним швейцар в великолепной ливрее. В глубине холла их ожидает кабина электрического лифта. Музыканты вместе со своим проводником входят в кабину, и она плавно поднимается вверх. Через сорок пять секунд она останавливается на уровне верхней площадки башни.

На этой площадке возвышается флагшток с огромным флагом, полотнище которого треплет северный ветер.

Что это за флаг? Ни один из наших парижан не в состоянии этого распознать. Как будто американский флаг с его красными и белыми полосами, но в углу, вместо шестидесяти семи звезд, сверкающих в данное время на небе Конфедерации, только одна. На лазурном фоне — одна-единственная звезда, или, вернее, золотое солнце, и кажется, оно соперничает в блеске с дневным светилом.

— Наш флаг, господа, — произносит Калистус Мэнбар, почтительно снимая шляпу.

Себастьену Цорну и его товарищам ничего не оставалось, как последовать примеру американца.

Через площадку артисты проходят к парапету, наклоняются...

Из их груди вырывается крик, в котором звучит и удивление и ярость.

Вся равнина раскрывается перед их глазами, и эта равнина представляет собой правильный овал, со всех сторон окруженный открытым морем. Насколько видит глаз — нигде нет и признаков суши.

А ведь накануне, ночью, покинув деревню Фрескаль в экипаже американца, Себастьен Цорн, Фрасколен, Ивернес и Пэншина мили две ехали по твердой земле .. Затем они в том же экипаже въехали на паром и переправились через какой-то проток... Затем снова оказались на суше... Право же, они бы заметили перемену, если бы, покинув калифорнийское побережье, пустились в плаванье.

Фрасколен оборачивается к Калистусу Мэнбару.

— Мы на острове?.. — спрашивает он.

— Как видите! — отвечает янки, и губы его складываются в самую любезную улыбку.

— А что это за остров?

— Он называется Стандарт-Айленд.

— А как называется город?..

— Миллиард-Сити.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Стандарт-Айленд и Миллиард-Сити

В то время считали возможным, что какому-нибудь дерзновенному статистику-географу удастся, наконец, определить точное число островов, разбросанных по земному шару. Без преувеличения можно сказать, что число их доходит до нескольких тысяч. Неужели же среди этих островов не нашлось бы хоть одного, который отвечал бы желаниям основателей Стандарт-Айленда и требованиям его будущих обитателей? Нет!

Ни одного. И вот с «американомеханической» практичностью был выработан проект создания из отдельных частей искусственного острова, который явился бы последним словом современной металлургической техники.

Стандарт-Айленд (что означает — «образцовый остров») является островом на гребных винтах. Миллиард-Сити — его столица. Откуда взялось такое название? Почему город называют так? Очевидно потому, что это — город миллиардеров, город Гульдов, Вандербилтов, Ротшильдов.

Но, скажут нам, слова «миллиард» в английском языке не существует... Англосаксы Старого и Нового Света всегда говорили a thousand millions, тысяча миллионов... Миллиард — слово французское. Верно, однакоже, за последние несколько лет оно перешло в разговорный язык Великобритании и Соединенных Штатов и с полным основанием применено к столице Стандарт-Айленда.

Идея искусственного острова сама по себе не так уж необычна. Погрузив в реку, в озеро или море достаточное количество разных материалов, люди в состоянии создать остров. Но в данном случае этого было бы мало. Принимая во внимание назначение Стандарт-Айленда, те требования, которым он должен был удовлетворять, нужно было, чтобы этот остров мог передвигаться и, следовательно, чтобы он был пловучим. Здесь-то и заключалась главная трудность, но благодаря наличию машин почти безграничной мощности она не превосходила технических возможностей металлургических и металлообрабатывающих заводов.

Уже в конце XIX века американцы со своей инстинктивной склонностью к тому, что у них называется «big» [1], с их восхищением перед всем, что «огромно», задумали поставить в нескольких сотнях миль от берега гигантский плот на якорях. Это был бы если не город, то во всяком случае станция посреди Атлантики, с ресторанами, отелями, клубами, театрами и т. д., где туристам были бы предоставлены все удовольствия самых модных морских курортов. Такой проект был

---

[1] Большой, огромный *(англ.)*

осуществлен и дополнен. Только вместо неподвижного плота был сооружен плавающий остров.

За шесть лет до начала нашей истории возникла в Америке компания под названием «Стандарт-Айленд компани лимитед» с капиталом в пятьсот миллионов долларов, разделенным на пятьсот акций, поставившая себе целью построить искусственный остров, где набобы Соединенных Штатов имели бы возможность пользоваться различными преимуществами, которых лишены все прочно прикованные к своему месту области земного шара. Акции были тотчас же раскуплены, так много нашлось в тогдашней Америке крупных состояний, основанных на эксплуатации железных дорог, на банковских операциях, добыче нефти или торговле солониной.

Сооружение этого острова заняло четыре года. Сейчас мы расскажем вкратце о его размерах, устройстве, о способах, которыми он приводится в движение и которые позволяют ему использовать прекраснейшую часть необъятной поверхности Тихого океана. Размеры мы дадим в километрах, а не в милях, — в то время уже было преодолено необъяснимое отвращение, которое десятичная система прежде внушала англосаксонской рутине.

Пловучие деревни существуют в Китае на реке Янцзы, в Бразилии — на Амазонке, в Европе — на Дунае. Но это простые недолговечные сооружения: несколько домиков, установленных на больших деревянных плотах. По прибытии в назначенное место плот разбирается, домики снимаются, и деревушка прекращает свое существование.

Совсем другое дело — остров, о котором идет речь: он должен был выйти в открытое море, должен был существовать столько времени, сколько могут существовать творения рук человеческих.

Впрочем, как знать, не станет ли земля в один прекрасный день слишком мала для своих обитателей, количество которых, согласно точным вычислениям Равенштейна, в 2072 году достигнет шести миллиардов? И не придется ли строить жилища на море, когда материки окажутся перенаселенными?..

Стандарт-Айленд — остров из стали, и сопротивление его корпуса рассчитано на то, чтобы выдержать огромную нагрузку. Он состоит из двухсот шестидесяти тысяч понтонов, каждый понтон высотой в шестнадцать метров семьдесят сантиметров и по десять метров в длину и ширину. Таким образом, горизонтальная поверхность каждого понтона представляет собой квадрат, сторона которого равна десяти, а площадь ста квадратным метрам. Все эти понтоны, накрепко соединенные друг с другом болтами, образуют площадь примерно в двадцать семь миллионов квадратных метров, или двадцать семь квадратных километров. При овальной форме острова, которую ему придали строители, он имеет семь километров в длину и пять в ширину, а окружность его равняется приблизительно восемнадцати километрам.

Подводная часть острова имеет тридцать футов, надводная — двадцать, другими словами — осадка Стандарт-Айленда равна десяти метрам при полной нагрузке. Из этого следует, что объем его — четыреста тридцать два миллиона кубических метров, а водоизмещение, то есть три пятых объема, — двести пятьдесят девять миллионов кубических метров.

Всю подводную часть корпуса покрыли особым составом, секрета которого доискивались уже издавна. Этот состав (его изобретатель стал миллиардером) не дает ракушкам облеплять поверхности, соприкасающиеся с морской водой.

Подводной части нового острова не угрожают ни деформации, ни разрывы, — так крепко сшиты стальные листы, так прочно прилажены все болты и заклепки.

Для сооружения этого гигантского судна пришлось построить специальные верфи. Это и сделала «Стандарт-Айленд компани», приобретя предварительно бухту Магдалены и примыкающую к ней часть побережья на крайней оконечности длинного полуострова Старой Калифорнии, почти у пределов тропика Рака. В этой бухте и производились работы под руководством инженеров «Стандарт-Айленд компани» во главе со знаменитым Вильямом Терсеном, умершим через несколько

месяцев после окончания постройки, подобно Брюнелю, умершему во время неудачного спуска на воду парохода «Грейт-Истерн». А разве этот Стандарт-Айленд в сущности не тот же «Грейт-Истерн», только значительно усовершенствованный и в несколько тысяч раз превосходящий его по своим размерам?

Понятно, тут не могло быть и речи о том, чтобы спускать целый остров на поверхность океана. Поэтому и пришлось строить его отдельными кусками, отдельными отсеками, так сказать, прираставшими друг к другу на водах бухты Магдалены. Эта часть американского побережья сделалась местом стоянки пловучего острова, портом, в котором он находит убежище, когда требуются какие-либо исправления.

Поверхность острова, образованная двумястами семьюдесятью тысячами отсеков, была покрыта толстым слоем чернозема повсюду, кроме особенно прочно укрепленной центральной части острова, предназначенной для самого города. Этой почвы вполне достаточно для ограниченного развития растительности — для газонов, клумб, кустарников, небольших рощ, лугов и огородов. Было бы непрактичным требовать, чтобы на этой искусственной почве произрастали хлебные злаки и мог пастись скот, — его для мяса регулярно завозят на остров. Но зато было сделано все необходимое для того, чтобы снабжение молочными продуктами, птицей и яйцами не зависело от привоза извне.

Под насаждениями находится три четверти всей поверхности Стандарт-Айленда, то есть около двадцати одного квадратного километра: там зеленеют газоны, интенсивно обрабатываются поля, изобилующие овощами, возделываются сады, богатые фруктами, а искусственные луга служат пастбищем для нескольких стад. В земледелии здесь широко применяется электричество: под воздействием постоянных токов разнообразные овощи созревают необычайно быстро и достигают почти неправдоподобной величины, — так, например, величина редиски доходит до сорока пяти сантиметров, а одна морковка весит три килограмма. Сады, огороды, фруктовые плантации могут поспорить с лучшими насажде-

ниями Виргинии или Луизианы. Удивляться тут не приходится: на острове, справедливо названном «жемчужиной Тихого океана», перед расходами не останавливаются.

Его столица, Миллиард-Сити, занимает приблизительно пятую часть двадцати семи квадратных километров, то есть около пяти квадратных километров, или пятьсот гектаров, и имеет в окружности девять километров. Те из наших читателей, которые соблаговолили следовать за Себастьеном Цорном и его товарищами во время их экскурсии, уже достаточно хорошо знают город, чтобы не заблудиться. Впрочем, невозможно заблудиться в американских городах, когда они, к своему счастью или несчастью, построены на современный лад: к счастью — если иметь в виду простоту в планировке улиц, к несчастью — если вы ждете красоты и разнообразия, ибо этой стороной здесь целиком и полностью пренебрегают. Мы уже знаем, что Миллиард-Сити, имеющий форму овала, разделяется на две части центральной улицей — Первой авеню, длиной около трех километров. Обсерватории, возвышающейся на одном ее конце, на другом конце соответствует внушительное здание мэрии. Там сосредоточены все общественные и гражданские службы, управление водоснабжения, путей сообщения, планировки парков, управление городской полиции, таможни, рынков, похоронного дела, различных учебных заведений, культов и искусства.

Что же представляет собою население, проживающее внутри этой восемнадцатикилометровой окружности?

Говорят, на земле существует в настоящее время двенадцать городов (из них четыре находятся в Китае), насчитывающих более миллиона жителей. Ну, а на пловучем острове живет всего около десяти тысяч человек, и все они уроженцы Соединенных Штатов. Основатели Стандарт-Айленда не желали, чтобы когда-либо могла возникнуть национальная рознь между его жителями, которые стремились обрести отдых и покой на этом современнейшем по замыслу и выполнению судне. Достаточно, более чем достаточно, и того, что

они не принадлежат к одной религии. Было бы чрезвычайно трудно предоставить исключительное право селиться на этом острове одним только янки из Северных штатов, которые сейчас живут по левому борту судна, или же, наоборот, — одним лишь южанам — обитателям правого борта. Кроме того, от этого немало пострадали бы интересы Компании.

И вот, когда была закончена сборка металлической основы Стандарт-Айленда, подготовлена для застройки часть, отведенная под город, и приняты планы улиц и проспектов, приступили к возведению построек — великолепных дворцов и не столь роскошных особняков, помещений, предназначенных для розничной торговли, зданий общественного назначения, церквей и храмов. Здесь не было ничего похожего на чикагские двадцатисемиэтажные дома — «небоскребы». Все здесь строилось из легких и в то же время прочных материалов. Для построек применялся преимущественно алюминий, нержавеющий металл, в семь раз более легкий, чем железо. Этот металл будущего, как назвал его Сент-Клер Девиль, отвечает всем потребностям прочного строительства. Он сочетается с искусственным камнем — цементными блоками, которые плотно примыкают друг к другу. Применяются также полые стеклянные кирпичи, которые выдувают, как бутылки, придавая им нужную форму, а затем скрепляют друг с другом тонким слоем известкового раствора. Из этих прозрачных кирпичей, если понадобится, можно выстроить идеальный стеклянный дом. Но охотнее всего здесь используют металлические каркасы, подобно тому как это теперь практикуется в судостроении. А что в сущности представляет собою Стандарт-Айленд, как не громадный корабль?

Все эти различные здания являются собственностью Компании. И те, кто в них обитает, — только жильцы, как бы они ни были богаты. Впрочем, Компания позаботилась о том, чтобы удовлетворить все требования в отношении всяческих удобств и комфорта, какие только могли бы предъявить баснословно богатые американцы, по сравнению с которыми европейские монархи и ин-

дийские набобы выглядят людьми среднего достатка. Ведь обитатели этой «жемчужины Тихого океана» владеют значительной долей мировых запасов золота, которые по данным статистики равны восемнадцати миллиардам, и запасов серебра, оцениваемых в двадцать миллиардов.

Действительно, в финансовом отношении дело с самого начала пошло превосходно. Дворцы и особняки были сданы в аренду за сказочные суммы. В отдельных случаях плата за наем помещения превышала несколько миллионов. И все же нашлись семьи, которые в состоянии были, не обременяя себя, ежегодно тратить на жилье подобные суммы. Это одно приносит Компании солидный доход. Нельзя не признать, что столица Стандарт-Айленда вполне оправдывает свое название.

Не говоря уж о самых богатых семьях, оказалось несколько сот таких, чья квартирная плата колебалась в пределах от ста до двухсот тысяч франков. Среди «прочего населения» имелись преподаватели, торговцы, служащие, прислуга, иностранцы, количество которых, однако, невелико, так как обосновываться в Миллиард-Сити и вообще на острове им не разрешалось. Адвокатов здесь было очень мало, вследствие чего судебные процессы происходили весьма редко; врачей еще меньше, благодаря чему смертность упала до смехотворной цифры. Впрочем, каждый житель острова прекрасно осведомлен о состоянии своего здоровья: мускульную силу он измеряет силомером, дыхание — спирометром, пульсацию сердца — сфигмометром, наконец количество жизненной энергии организма — магнетометром. Кроме того, в городе нет ни баров, ни кафе, ни кабачков, ничего, что толкало бы на чрезмерное потребление алкоголя. Не было еще никогда ни единого случая дипсомании, или, говоря проще, чтобы нас поняли люди, незнакомые с греческим языком, — пьянства. Не забудем также, что городское управление снабжает обитателей электрической энергией, механической силой, отоплением, воздухом конденсированным, воздухом разреженным, воздухом охлажденным, водой по водо-

проводу, равно как и услугами пневматического телеграфа и телефона. Если на искусственном острове, методически уклоняющемся от воздействия дурного климата и защищенном от микробов, люди все же умирают, то потому только, что умирать, как-никак, и им приходится, но все-таки не раньше, чем лет в сто, когда силы их организма подточит время.

Есть ли на острове солдаты? Есть! Отряд в пятьсот человек под командованием полковника Стьюарта, ибо надо иметь в виду, что не все районы Тихого океана безопасны. Осторожность требует, чтобы при приближении к некоторым группам островов принимались меры против возможного нападения со стороны разного рода пиратов. Не удивительно, что солдатам хорошо платят, что каждый рядовой здесь получает жалованье большее, чем командующий армией в старой Европе. Вербовка солдат, получающих квартиру, провиант и обмундирование за счет администрации, проходит всегда под контролем начальников, богатых, словно крезы. Им остается только выбирать из большого числа желающих записаться в ряды войска.

Есть ли на острове полиция? Да, есть несколько небольших отрядов, чего вполне достаточно для обеспечения безопасности в городе, не имеющем никаких оснований за нее тревожиться. Проживать на острове можно только с разрешения городского управления. Берега и днем и ночью охраняет бдительная таможенная стража. Пристать к острову можно только в портах. Как же злоумышленникам проникнуть на него? Ну, а что, если преступником окажется кто-либо из жителей острова? Он будет сразу же схвачен, осужден и в качестве осужденного отправлен на запад или на восток и высажен в каком-нибудь закоулке Нового или Старого Света без всякой надежды вернуться впоследствии на Стандарт-Айленд.

Мы говорим о портах. Разве их несколько? Их два, и они расположены на крайних точках узкой части овала, форму которого имеет пловучий остров. Один на-

зывается Штирборт-Харбор, другой Бакборт-Харбор[1]. Ведь никак нельзя допускать перебоев в снабжении острова всем необходимым, и возможность таких перебоев исключается именно благодаря устройству этих двух портов на противоположных берегах острова. Если из-за непогоды нельзя пристать к одному из них, то открыт для кораблей другой, и таким образом они могут обслуживать остров при любом ветре. Через эти порты и производится снабжение острова различными товарами: нефтью, подвозимой на специальных судах, мукой и зерном, винами, пивом и прочими напитками, чаем, кофе, шоколадом, пряностями, консервами и т. д. Туда же доставляются быки, бараны, свиньи с лучших американских рынков; остров обеспечен свежим мясом, да и вообще на остров привозят все, чего только может пожелать самый избалованный чревоугодник. Ввозятся также ткани, белье, новинки последней моды, все, что может понадобиться самому изысканному денди, самой элегантной женщине. Все эти предметы продаются в магазинах Миллиард-Сити, — по какой цене, сказать не решаемся, опасаясь вызвать в читателе недоверие.

Все же возникает вопрос: каким образом установили регулярное пароходное сообщение между американским побережьем и пловучим островом? Ведь по самой сути своей Стандарт-Айленд является чем-то подвижным — сегодня он тут, а завтра может оказаться в двадцати милях отсюда.

Ответ очень прост: Стандарт-Айленд вовсе не плывет куда глаза глядят. Его передвижение совершается по плану, установленному высшей администрацией, согласно заключениям метеорологов обсерватории. Это

---

[1] Штирборт-Харбор и Бакборт-Харбор — гавань правой стороны и гавань левой стороны. (В подлиннике Жюль Верн объединяет в одно составное слово французские морские термины tribord (правый борт судна) и bâbord (левый борт судна) с английским словом harbour (гавань). Соответственно этому в русском переводе сохранено английское слово «харбор», а французские слова заменены принятыми у нас равнозначными морскими терминами «штирборт» и «бакборт».) *(Прим. перев.)*

прогулка по маршруту (впрочем, в него могут вноситься некоторые изменения), проходящему по той части Тихого океана, где расположены самые живописные архипелаги и где легче всего избежать смены холодных и жарких воздушных течений — частой причины легочных заболеваний. Это-то и позволило Калистусу Мэнбару на заданный ему вопрос о зиме ответить: «Ничего подобного мы не знаем!» Стандарт-Айленд плавает только между тридцать пятой параллелью к северу от экватора и тридцать пятой параллелью к югу от него. Пройти семьдесят градусов, то есть около тысячи четырехсот морских миль, — какие это открывает прекрасные возможности для плаванья! Поэтому корабли всегда знают, где им искать «жемчужину Тихого океана», — ведь перемещение ее между различными группами пленительных островов, которые оазисами рассыпаны в безграничной пустыне океана, происходит по расписанию.

Да к тому же кораблям не приходится вслепую разыскивать точное местонахождение Стандарт-Айленда. Компания могла бы для информации пользоваться двадцатью пятью кабелями длиною в шестнадцать тысяч миль, принадлежащими Eastern Extension Australasia and China C°, но не захотела этого делать. Пловучий остров не желает ни от кого зависеть. Поэтому на поверхности моря разместили несколько сот буев, на которых закреплены концы электрических кабелей, связанных с бухтой Магдалены. Подплывают к такому бую, соединяют провод с аппаратами обсерватории, посылают телеграммы, и агенты, находящиеся в бухте, информированы о координатах Стандарт-Айленда. В результате снабжение острова при помощи грузовых пароходов может совершаться с правильностью железнодорожного расписания.

Остается выяснить еще один важный вопрос.

Откуда же берется пресная вода для удовлетворения многообразных потребностей населения? Ее получают путем дистилляции на двух специальных заводах по соседству с портом. По трубам доставляется она к жилым помещениям, по трубам проходит под зеленым покровом полей. Ее используют и для домашних нужд

и для дорожного хозяйства, она изливается благодатным дождем на поля и лужайки, которые теперь уже не зависят от прихоти неба. И эта вода не только пресная, она дистиллированная, она гигиеничнее воды в самых чистых родниках Старого и Нового Света: ведь каждая капля величиной с булавочную головку может содержать до пятнадцати миллионов бактерий.

Остается рассказать, при каких условиях совершается передвижение этого замечательного судна. Большая скорость для него не является необходимой, — ведь в течение шести месяцев оно не должно покидать областей, ограниченных тропиками и сто тридцатым — сто восьмидесятым меридианами. От пятнадцати до двадцати миль в сутки — большего не требуется. Правда, такой скорости легко добиться простым буксированием. Для этого нужно было бы изготовить особый канат из индийской конопли, очень прочный и в то же время легкий, который не погружался бы в глубину моря и не цеплялся бы за неровности дна. Канат накручивался бы на цилиндры с паровым двигателем, и Стандарт-Айленд можно было бы буксировать таким образом вперед и назад, подобно баржам, которые поднимаются вверх и спускаются вниз по течению некоторых рек Старого и Нового Света. Но такой канат должен был бы иметь огромную толщину, соответственно массе пловучего острова, и часто испытывал бы всевозможные повреждения. Тем самым остров был бы «посажен на цепь», и ему пришлось бы всегда следовать по одной и той же неизменной трассе, быть на привязи, а с потерей свободы передвижения свободные американцы ни за что бы не примирились.

К счастью, электротехника достигла таких успехов, что к электричеству, этой душе вселенной, стало возможным предъявлять любые требования. Оно стало двигательной силой искусственного острова. Двух электростанций достаточно для того, чтобы приводить в действие огромные динамомашины, производящие электрическую энергию постоянного тока с умеренным напряжением в две тысячи вольт. Эти динамомашины заставляют работать мощную систему винтов, расположенных вблизи обоих портов. Каждая электростанция

развивает энергию в пять миллионов лошадиных сил благодаря наличию сотен котлов, подогреваемых нефтяными брикетами, менее громоздкими и дающими меньше отходов, чем уголь, и в то же время — более высокую температуру. Этими станциями с помощью многочисленного персонала механиков и кочегаров управляют два главных инженера, Уотсон и Сомуа. Высший контроль осуществляет коммодор Этель Симкоо. Из своего кабинета в обсерватории коммодор поддерживает телефонную связь со станциями, из которых одна расположена у порта левой стороны, а другая — у порта правой. От коммодора исходят указания насчет движения в том или ином направлении, согласно установленному маршруту. И он же в ночь с 25-го на 26-е распорядился, чтобы Стандарт-Айленд, который до начала своего ежегодного плавания стоял у калифорнийского побережья, вышел в открытое море.

Те из наших читателей, которые пожелают мысленно отправиться в это путешествие по Тихому океану, будут свидетелями различных перипетий его и, может статься, не пожалеют об этом.

Скажем теперь, что наибольшая скорость пловучего острова, когда машины его развивают всю свою энергию в десять миллионов лошадиных сил, достигает восьми узлов. Самые мощные валы, вздымаемые ветром, не оказывают на него никакого действия. Благодаря своим размерам он не испытывает ни малейшей качки; морской болезни на нем опасаться не приходится. Лишь в первые дни путешествия «на борту» острова ощущаешь легкую дрожь, которая передается его подпочвенной части от вращения винтов. Шестидесятиметровые волнорезы на обеих оконечностях острова легко разрезают воду, и он безо всяких толчков совершает свой путь по широкому морскому простору.

Само собой разумеется, что электрическая энергия, вырабатываемая станциями, является не только силой, приводящей в движение остров, но получает и другое применение. Она дает освещение равнине, парку, городу. Она служит источником того мощного света, который сквозь стекла маяков целыми снопами устремляется в открытое море и предупреждает издалека о появле-

нии пловучего острова, устраняя тем самым всякую возможность столкновений. Она источник тока, используемого телеграфными, телефотными, телеавтографными и телефонными установками, источник тока для жилых домов и торговых кварталов. Наконец, это она питает искусственные луны силою в пять тысяч свечей, которые в состоянии осветить площадь в пятьсот квадратных метров.

В настоящее время это необычайное судно совершает свой второй рейс по Тихому океану. С месяц назад оно покинуло бухту Магдалены и направилось к тридцать пятой параллели, чтобы возобновить свое плавание на широте Сандвичевых островов. Оно находилось неподалеку от побережья Нижней Калифорнии, когда Калистус Мэнбар, узнавший по телефону, что Концертный квартет выехал из Сан-Франциско в Сан-Диего, предложил заручиться сотрудничеством этих выдающихся артистов. Известно, как он с ними поступил, как доставил их на пловучий остров, который находился тогда в нескольких кабельтовых от берега, и как благодаря его коварной проделке меломаны Миллиард-Сити получили возможность наслаждаться камерной музыкой.

Таково это девятое чудо, этот шедевр человеческого гения, достойный двадцатого столетия. На нем гостят сейчас две скрипки, альт и виолончель. Пловучий остров уносит их в западные области Тихого океана.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Приглашенные... насильно

Хотя, может быть, Себастьен Цорн, Фрасколен, Ивернес и Пэншина — люди, привыкшие ничему не удивляться, все же им трудно было не поддаться вполне законному приступу ярости и искушению схватить Калистуса Мэнбара за горло. Считать с уверенностью, что у тебя под ногами твердая почва Северной Америки, и вдруг очутиться в открытом море! Полагать, что нахо-

дишься в каких-нибудь двадцати милях от Сан-Диего, где ожидают твоего завтрашнего концерта, и неожиданно узнать, что удаляешься от него на пловучем острове! По правде сказать, такой приступ ярости был бы вполне извинителен.

Американец, к счастью, уклонился от первого громового удара. Воспользовавшись изумлением, вернее даже ошеломлением, членов квартета, он улизнул с площадки башни и, спустившись в лифте, оказался вне пределов досягаемости для четырех разъяренных парижан.

— Какой мерзавец! — кричит виолончель.

— Какая скотина! — вторит ему альт.

— Ну, ну... ведь благодаря ему мы насмотрелись всяких чудес... — кротко замечает первая скрипка.

— Так что ж, ты его оправдываешь? — возражает вторая.

— Ничуть, — заявляет Пэншина, — и если есть на этом острове правосудие, мы добьемся, чтобы обманщик-янки получил по заслугам!

— И если здесь есть палач, — рычит Себастьен Цорн, — мы добьемся, чтобы его повесили!

Однако, чтобы добиться всего этого, необходимо прежде всего снова оказаться среди обитателей Миллиард-Сити, ибо полиция не действует в воздухе, на высоте ста пятидесяти футов. И это будет сделано в несколько мгновений, если только удастся спуститься. Но кабина лифта обратно не поднялась, ничего похожего на лестницу не видно. Таким образом квартет, находящийся на вершине башни, отрезан от всего мира.

После первых бурных излияний досады и гнева Себастьен Цорн, Пэншина, Фрасколен, предоставив Ивернесу восхищаться окружающим, поутихли и успокоились. Над ними развевается полотнище флага. Себастьен Цорн испытывает бешеное желание перерезать веревку и спустить его, как спускают флаг корабля, сдающегося неприятелю. Но лучше не навлекать на себя лишних неприятностей, и товарищи удерживают виолончелиста, когда в его руке появляется хорошо отточенный охотничий нож.

— Не будем давать повода для каких-либо обвинений против нас, — говорит благоразумный Фрасколен.

— Так что ж... ты доволен положением, в котором мы сейчас находимся?.. — спрашивает Пэншина.

— Нет... но усложнять его незачем.

— А багаж-то едет себе в Сан-Диего!.. — произносит «Его высочество», всплеснув руками.

— А завтрашний концерт!.. — восклицает Себастьен Цорн.

— Дадим его по телефону, — отвечает первая скрипка. Но эта шутка менее всего может успокоить кипящего негодованием виолончелиста.

Напомним, что обсерватория занимает середину обширного сквера, к которому примыкает Первая авеню. На противоположном конце этой главной трехкилометровой магистрали, разделяющей Миллиард-Сити пополам, виднеется величественное здание, увенчанное легкой и изящной башней. Артисты высказывают предположение, что там находится управление острова и муниципалитет, если, разумеется, в Миллиард-Сити имеется мэр с каким-нибудь штатом. Они не ошиблись. Как раз в эту минуту куранты на башне начинают свой веселый перезвон, и вместе с замирающими вздохами легкого ветерка до обсерватории доносятся звуки музыки.

— Послушай-ка!.. Это в ре-мажор, — говорит Ивернес.

— И на две четверти, — говорит Пэншина.

Куранты отбивают пять часов.

— А обедать? — восклицает Себастьен Цорн. — А спать?.. Неужто по вине этого негодяя Мэнбара нам придется провести ночь в ста пятидесяти футах от земли?

Есть все основания опасаться этого, если лифт не даст пленникам возможности выбраться на свободу.

Действительно, сумерки в низких широтах очень короткие, и сияющее дневное светило склоняется к горизонту со скоростью падающего снаряда. Взгляды, которые члены квартета бросают в безграничную даль, охватывают только совершенно пустынное море, без единого паруса, без самого легкого дымка. По загородным

полям движутся электрические поезда, направляющиеся к периферии острова или обслуживающие оба порта. В этот час парк еще полон оживления. С высоты башни он кажется огромной корзиной цветов, где красуются азалии, клематис, жасмин, глицинии, страстоцветы, бегонии, сальвии, гиацинты, далии, камелии, розы всевозможных сортов. Масса гуляющих — солидные мужчины, молодые люди, — не те изнеженные хлыщи, которые позорят своим обликом улицы больших европейских городов, а крепко сложенные, сильные юноши. Женщины и девушки — большею частью в платьях соломенно-желтых оттенков, которые приятней всего в жарких краях. Иные ведут на привязи красивых левреток в шелковых попонках, обшитых золотой тесьмой. Вся эта богатая публика фланирует взад и вперед по дорожкам, посыпанным мелким песком и причудливо извивающимся среди газонов. Одни откинулись на подушки электрических экипажей, другие сидят на скамейках под деревьями и кустами. Далее какие-то молодые джентльмены играют в теннис, в крокет, в гольф, в футбол, а также, сидя верхом на резвых пони, — в поло. На газонах резвятся кучки детей, шумных американских детей, у которых, особенно у девочек, так рано проявляется индивидуализм. На отлично содержащихся дорожках для верховой езды виднеется несколько всадников; другие, показывая свое искусство, устраивают увлекательные состязания.

В торговых кварталах города сейчас еще много народа. Вдоль главных улиц катятся движущиеся тротуары с публикой. По скверу у подножья башни все время снуют прохожие, и четверо пленников, нисколько не стесняясь, стараются привлечь их внимание: Пэншина и Фрасколен несколько раз принимаются громко кричать. Ну, конечно, их слышат, — ведь на них указывают рукой, до их слуха даже доносятся слова! Но никто из прохожих не выражает ни малейшего удивления. Повидимому, появление на площадке башни этих славных гостей, которые почему-то так волнуются, никого не поражает. Что касается слов, то они состоят из всевозможных «гуд бай», «хау ду ю ду», приветствий и всяких формул любезности и вежливости. Можно по-

думать, что население Миллиард-Сити осведомлено о прибытии четырех парижан на остров, который с такой предусмотрительностью показывал им Калистус Мэнбар...

— Смотрите-ка... ведь они потешаются над нами! — говорит Пэншина.

— Да, да, похоже на то, — отвечает Ивернес.

Проходит час, но все призывы остаются тщетными. Настойчивые просьбы Фрасколена возымели не больше успеха, чем многократные проклятья Себастьена Цорна. Наступает обеденный час, гуляющие понемногу исчезают из парка, улицы очищаются от заполнявшей их праздной публики. В конце концов можно прийти в бешенство!

— Да, — говорит Ивернес, вызывая в памяти романтические образы, — мы похожи на тех недостойных, которых злой дух увлек в священное место, и теперь осуждены на гибель за лицезрение того, на что не должны были смотреть...

— Вот нас и подвергают мукам голодной смерти! — подхватывает Пэншина.

— Во всяком случае, мы погибнем не раньше, чем исчерпаем все средства для продления нашего существования! — восклицает Себастьен Цорн.

— А если нам придется в конце концов пожрать друг друга, первым номером пойдет Ивернес! — говорит Пэншина.

— Когда пожелаете! — покорно вздыхает первая скрипка, склоняя голову, чтобы принять смертельный удар.

В этот момент в глубине башни раздается какой-то звук. Кабина лифта поднимается и останавливается на уровне площадки. Предполагая, что сейчас появится Калистус Мэнбар, пленники готовятся устроить ему достойный прием...

Но кабина пуста.

Ладно! Подождем. Обманутые сумеют разыскать обманщика. Сейчас важнее всего спуститься вниз, а самое верное средство для этого — занять место в лифте.

Сказано — сделано. Едва только виолончелист и его товарищи очутились в кабине, она стала опускаться и

через несколько секунд доставила их в первый этаж башни.

— Подумать только! — восклицает Пэншина, топнув ногой.

— Как естественно мы шагаем по искусственной почве!

Минута для шуток выбрана неудачно. Никто не отвечает весельчаку.

Дверь на улицу открыта. Все четверо выходят. Внутренний двор пуст. Они пересекают его и идут по дорожке сквера.

Навстречу им попадается несколько прохожих, но они не обращают на иностранцев никакого внимания. Фрасколен опять взывает к благоразумию, и Себастьен Цорн вынужден отказаться от несвоевременных выражений гнева и возмущения. Требовать правосудия надо от властей. Торопиться, однако, незачем. Надо вернуться в «Эксцельсиор-Отель» и завтра же предъявить свои права свободных людей, — таково решение, принятое членами квартета.

Они направляются вдоль Первой звеню. Привлекают ли эти парижане по крайней мере внимание публики? И да и нет. На них смотрят, но без особой назойливости, так, как если бы они были из числа туристов, которые изредка посещают Миллиард-Сити. Артисты же в столь необычных обстоятельствах чувствуют себя не очень ловко, — им кажется, что их разглядывают пристальней, чем это имеет место на самом деле... С другой строны, нет ничего удивительного, если им самим кажутся странными эти пловучие островитяне, люди, добровольно расставшиеся с себе подобными, чтобы скитаться по волнам самого большого океана на земном шаре. Дайте волю воображению, и вам покажется, что это обитатели какой-то далекой планеты. И вот пылкая фантазия Ивернеса уже увлекает его в какие-то воображаемые миры. Что касается Пэншина, то он довольствуется следующим замечанием:

— Черт побери, у всех этих прохожих очень миллионерский вид, и похоже на то, что пониже спины у них имеется маленький гребной винт, как у их острова.

Между тем голод мучит наших путников все сильней. Завтракали они давно, и желудок предъявляет свои обычные требования. Надо как можно скорее добраться до «Эксцельсиор-Отеля». Завтра они предпримут все необходимые шаги для того, чтобы возвратиться в Сан-Диего на одном из пароходов Компании, и притом им возместят убытки по всей справедливости — за счет Калистуса Мэнбара.

Но вот, продолжая путь вдоль Первой авеню, Фрасколен останавливается перед роскошным зданием, на фронтоне которого выделяется золотыми буквами надпись «Казино». Направо от великолепной арки, возвышающейся над главным входом, сквозь зеркальные, разрисованные арабесками окна ресторана виднеются многочисленные столики, занятые обедающими, вокруг которых суетятся официанты.

— Здесь едят! — говорит вторая скрипка и окидывает вопросительным взглядом своих проголодавшихся товарищей.

На что следует лаконический ответ Пэншина:

— Войдем.

Гуськом входят они в ресторан. Их появление не привлекает к себе особого внимания — ресторан часто посещается иностранцами. Через пять минут четверо проголодавшихся друзей с увлечением набрасываются на первые блюда отличного обеда, меню которого выработал Пэншина, а он-то в гастрономии знает толк. К счастью, кошелек квартета основательно набит деньгами, а если даже музыканты опустошат его здесь, то сборы с концертов в Сан-Диего снова его наполнят.

Кухня превосходная, куда лучше, чем в отелях Нью-Йорка и Сан-Франциско: блюда приготовлены на электрических плитах — электричество с одинаковым удобством применяется и для слабого и для сильного огня. После супа из консервированных устриц, фрикасе из маисовых зерен, свежего сельдерея, традиционных пирожков с ревенем следуют необычайной свежести рыба, исключительной нежности ромштекс, дичь — вероятно, из лесов и степей Калифорнии — и овощи, взращенные на острове методами интенсивной культивации. Для питья поданы не вода со льдом, по амери-

канскому обычаю, а различные сорта пива и вин, которые попали в погреба Миллиард-Сити из виноделен Бургундии, Бордо и Рейна, и уж наверное — за хорошую цену.

Обед подбодрил наших парижан, и это отражается на их настроении. Пожалуй, они склонны теперь не так мрачно смотреть на приключение, выпавшее им на долю. Всем известно, что музыканты умеют пить. То, что вполне естественно для тех оркестрантов, кто, напрягая дыхание, извлекает волны звуков из духовых инструментов, менее извинительно для играющих на струнных. Но это неважно! Ивернес, Пэншина, даже Фрасколен, находясь здесь, в городе миллиардеров, начинают видеть жизнь в розовом и даже в золотом свете. Один лишь Себастьен Цорн, поспевая за товарищами, все же не может угасить свой гнев виноградными соками Франции.

Короче говоря, квартет уже достаточно навеселе, когда наступает время потребовать счет. Метрдотель в черном фраке передает его казначею Фрасколену.

Вторая скрипка бросает взгляд на итоговую сумму, встает, снова садится, опять приподнимается, протирает глаза, глядит в потолок.

— Да что это тебя так пробрало?.. — спрашивает Ивернес.

— Дрожь меня пробирает с головы до пяток! — отвечает Фрасколен.

— Дорого?..

— Больше, чем дорого... Двести франков...

— Со всех четырех?

— Нет... с каждого.

Да, да, это так, — сто шестьдесят долларов, ни больше ни меньше, причем рыба стоит двадцать долларов, ромштексы — двадцать пять, медок и бургонское — по тридцать долларов за бутылку, и соответственно — все прочее.

— Тьфу ты черт!.. — восклицает «Его высочество».

— Грабители!.. — вторит ему Себастьен Цорн.

Этих замечаний, которыми они обмениваются по-французски, великолепный метрдотель не понимает. Однако он все же догадывается, что происходит. Но, хотя

на губах его показывается легкая улыбка, усмехается он не презрительно, а удивленно. Ему представляется вполне естественным, что обед на четырех человек стóит сто шестьдесят долларов. Таковы здешние цены.

— Не скандальте! — говорит Пэншина. — На нас смотрит Франция! Надо платить...

— И любым способом — в путь на Сан-Диего, — отвечает Фрасколен. — Послезавтра у нас не останется денег и на один сандвич.

С этими словами он достает бумажник, вынимает из него порядочное количество бумажных долларов, которые, к счастью, имеют хождение в Миллиард-Сити, и уже собирается передать их метрдотелю, как вдруг раздается голос:

— С этих господ ничего не причитается!

Это голос Калистуса Мэнбара.

Янки только что вошел в зал ресторана, сияя улыбкой и словно изливая на все окружающее свое обычное чудесное настроение.

— Он! — восклицает Себастьен Цорн, едва сдерживая желание схватить Калистуса Мэнбара за горло и сжать так крепко, как он сжимает гриф своей виолончели, ирая forte.

— Успокойтесь, дорогой Цорн, — говорит американец. — Соблаговолите пройти вместе со своими товарищами в гостиную, где нам приготовили кофе. Там мы можем спокойно поговорить, а после нашего разговора...

— Я вас задушу! — перебивает его Себастьен Цорн.

— Нет... вы мне будете руки целовать...

— Только этого не хватало! — восклицает виолончелист, от ярости меняясь в лице.

Мгновение спустя гости Калистуса Мэнбара уже сидят раскинувшись на мягких диванах, а сам янки располагается в кресле-качалке.

И вот в каких выражениях он представляет гостям свою особу:

— Калистус Мэнбар, из Нью-Йорка, пятидесяти лет, правнучатый племянник знаменитого Барнума,

в настоящий момент — директор управления по делам искусств на Стандарт-Айленде, в чьем ведении находится живопись, скульптура, музыка и все вообще развлечения в Миллиард-Сити. А теперь, когда вы знаете меня...

— А может быть, вы, кроме того, — спрашивает Себастьен Цорн, — еще и полицейский агент, которому поручается заманивать людей в ловушки и задерживать их против воли?..

— Не торопитесь судить меня, гневная виолончель, — отвечает директор, — дайте договорить.

— Хорошо, — серьезно отвечает ему Фрасколен, — мы вас слушаем.

— Господа, — продолжает Калистус Мэнбар с самым любезным видом, — в нашем сегодняшнем разговоре я предпочел бы коснуться только вопроса о музыке, о том, как в настоящее время обстоит с нею дело на нашем пловучем острове. Миллиард-Сити пока еще не имеет театров, но пожелай мы только, и они возникнут, как по мановению волшебной палочки. До последнего времени наши сограждане удовлетворяли свои музыкальные вкусы, обращаясь ко всевозможным усовершенствованным аппаратам, благодаря которым они знакомились с любыми шедеврами музыкального и драматического искусства. Произведения старинных и современных композиторов, выступления виднейших оперных и драматических артистов — все это мы имеем возможность слушать, когда нам вздумается, пользуясь фонографом.

— Шарманка этот ваш фонограф! — презрительно восклицает Ивернес.

— Не такая уж шарманка, как вы думаете, господин солист, — отвечает директор. — У нас имеются аппараты, которые много раз нескромно подслушивали вас, когда вы выступали в Бостоне или в Филадельфии. И если вы пожелаете, то сможете сами себе аплодировать... В те времена изобретение знаменитого Эдисона достигло высокой степени совершенства. Фонограф теперь уже вовсе не та музыкальная шкатулка, на которую он был так похож вначале. Благодаря изумительному изобретателю эфемерное дарование драматиче-

ских артистов, музыкантов-исполнителей или певцов может сохраняться для грядущих поколений так же верно, как произведения скульпторов и живописцев. И все-таки фонограф — всего лишь эхо, хотя бы и точное, своего рода фотокопия, воспроизводящая все оттенки, все изысканные переливы пения или игры во всей их незапятнанной чистоте.

Калистус Мэнбар говорит с таким жаром, что на его собеседников все это производит определенное впечатление. Он говорит о Сен-Сансе, Рейере, Амбруазе Тома́, Гуно, Массне, Верди, о неувядающих шедеврах Берлиоза, Мейербера, Галеви, Россини, Бетховена, Гайдна, Моцарта, как человек, который знает их досконально, который их любит и посвятил их распространению среди публики всю свою уже довольно долгую жизнь импрессарио; слушать его интересно. Кстати сказать, он, повидимому, не затронут вагнеровской эпидемией, к тому времени, впрочем, уже ослабевшей.

Когда он останавливается, чтобы передохнуть, Пэншина, воспользовавшись минутой молчания, говорит:

— Все это очень хорошо, но ваш Миллиард-Сити, как я вижу, потребляет музыку только в коробках, — этакие музыкальные консервы, которые засылаются сюда, как коробки с сардинками или с паштетами.

— Простите, господин альт...

— Охотно прощаю вас, но все же продолжаю настаивать на том, что ваши фонографы несут в себе только прошлое и никогда ни одного артиста не услышать гражданам Миллиард-Сити в тот момент, когда он исполняет свой номер.

— Еще раз простите меня...

— Наш друг Пэншина, — вмешался Фрасколен, — простит вас, мистер Мэнбар, столько раз, сколько вы пожелаете, — у него карман набит прощениями. Но замечание его справедливо. Если бы еще вы имели возможность устанавливать какую-то связь с театрами Америки или Европы...

— А вы думаете, что это невозможно, дорогой мой Фрасколен? — восклицает директор, останавливая свою качалку.

— То есть как?

— Ведь это только вопрос денег, а наш город достаточно богат, чтобы удовлетворять все свои фантазии, все свои прихоти в области музыкального искусства! И он этого добился...

— Каким же образом?

— При помощи театрофонов, которые устанавливаются в концертном зале здешнего казино. Разве Компания не располагает значительным количеством подводных кабелей, проложенных под поверхностью Тихого океана, один конец которых закреплен в бухте Магдалены, а другой плавает в океане, поддерживаемый мощным буем? Ну так вот, когда наши сограждане хотят послушать кого-либо из певцов Нового или Старого Света, нашим агентам в бухте Магдалены дают об этом знать по телефону, и они устанавливают связь либо с Америкой, либо с Европой. Провода или кабели соединяются с тем или иным театром, с тем или иным концертным залом, и наши меломаны, сидя в зале казино, реально присутствуют при выступлениях, происходящих так далеко от них, и аплодируют...

— Но там не слышат их рукоплесканий!.. — восклицает Ивернес.

— Прошу прощения, дорогой господин Ивернес, их можно слышать по обратному проводу.

И вот Калистус Мэнбар без оглядки пускается в отвлеченные рассуждения о музыке, которую рассматривает не просто как область искусства, но как способ лечения болезней. Применяя систему Дж. Гарфорда из Вестминстерского аббатства, миллиардцы могли наблюдать необыкновенные результаты такого использования музыкального искусства. Эта система прекрасно сохраняет здоровье. Музыка оказывает стимулирующее воздействие на нервные центры, вследствие чего гармонически организованные звуковые волны содействуют расширению кровеносных сосудов, влияют на кровообращение, по желанию усиливая или ослабляя его. Биение сердца и работа дыхательных органов ускоряются в зависимости от тональности и силы звуков, и музыка помогает питанию тканей организма. Поэтому в Миллиард-Сити функционируют специальные точки

распределения музыкальной энергии, передающие звуковые волны по телефону в жилые дома.

Квартет внимает, разинув рты. Никогда еще не приходилось музыкантам слышать, чтобы искусство обсуждалось с медицинской точки зрения, и, вероятно, такой подход даже вызывает у них некоторое недовольство Тем не менее разыгравшееся воображение Ивернеса уже готово увлечься этими теориями, восходящими, впрочем, еще ко временам царя Саула, в полном соответствии с теми предписаниями и рецептами, которым следовал в оные времена знаменитый арфист Давид [1].

– Да!.. Да!.. — восклицает Ивернес, выслушав последнюю тираду директора управления искусств. — Это совершенно естественно. Нужно только выбирать согласно диагнозу! Для малокровных — Вагнера и Берлиоза...

— А для чрезмерно сангвинических — Мендельсона и Моцарта, которые вполне заменят бром! — отвечает Калистус Мэнбар.

Тогда вмешивается Себастьен Цорн и вносит свою грубо-практическую ноту в этот возвышенный разговор.

— Дело не в этом, — говорит он. — Почему вы нас сюда затащили?

— Потому что струнные инструменты оказывают наиболее сильное воздействие.

— Послушайте, милостивый государь! Так это для успокоения ваших неврозов и невротиков вы прервали наше путешествие, не дали нам доехать до Сан-Диего, где мы завтра должны были давать концерт?..

— Да, для этого, дорогие мои друзья!

— И вы, значит, считаете нас какими-то музыкальными лекарями, лирическими фармацевтами?.. — восклицает Пэншина.

— Нет, господа, — ответил Калистус Мэнбар, вставая с места. — Я всегда видел в вас артистов большого таланта, пользующихся большой известностью. Крики «ура!», которыми встречали Концертный квартет во

---

[1] В библейской легенде Давид чудесной игрой на арфе излечил больного иудейского царя Саула.

время его турне по Америке, донеслись и до нас. Так вот, Компания сочла, что наступил момент, когда надо заменить фонографы и театрофоны вполне реальными существами из плоти и крови и дать миллиардцам возможность испытать ни с чем не сравнимое наслаждение — прямо и непосредственно слушать исполнение шедевров музыкального искусства. Компания решила начать с камерной музыки, а в дальнейшем организовать выступления симфонических оркестров. Она подумала о вас, признанных представителях этого искусства. Мне поручено заполучить вас любой ценой, и если нужно будет — даже похитить. Таким образом, вы — первые артисты, получившие доступ на остров, и можете сами представить себе, какой вас ожидает прием!

На Ивернеса и Пэншина восторженные тирады директора управления искусств производят сильное впечатление. Им даже и в голову не приходит, что все это, быть может, только обман. Что касается Фрасколена, то он, как человек рассудительный, обдумывает, можно ли принять всерьез это приключение. В конце концов на таком необычайном острове все может иметь самое необычайное обличье. Что касается Себастьена Цорна, то он решил не сдаваться.

— Нет, сударь мой, — восклицает он, — недопустимое это дело, захватывать людей, так вот, без их согласия!.. Мы будем жаловаться...

— Жаловаться?.. Да вам следовало бы благословлять меня, неблагодарные вы люди! — отвечает директор.

— И мы добьемся возмещения убытков, милостивый государь!..

— Возмещение убытков?.. Ведь я же намереваюсь предложить вам во сто раз больше того, на что вы могли бы надеяться...

— А что же именно? — спрашивает практичный Фрасколен.

Калистус Мэнбар раскрывает бумажник и вынимает оттуда лист бумаги с гербом пловучего острова. Показав его артистам, он говорит:

— Поставьте свои подписи под этим документом, и все будет в порядке.

— Подписать, не читая?.. — отвечает вторая скрипка. — Да где же это видано?

— И тем не менее вы не раскаетесь в этом! — продолжает Калистус Мэнбар, весь сотрясаясь от приступа смеха. — Но будем действовать по всем правилам. Компания предлагает вам ангажемент, ангажемент на один год, начиная с этого дня, на исполнение произведений камерной музыки, согласно программе ваших американских концертов. Через двенадцать месяцев Стандарт-Айленд возвратится в бухту Магдалены, куда вы прибудете как раз во-время...

— Чтобы дать наш концерт в Сан-Диего, не так ли? — восклицает Себастьен Цорн. — В Сан-Диего встретят нас свистками!..

— Нет, господа, криками «ура!» и «гип-гип!». Для любителей музыки — и честь и счастье, когда им удается послушать таких артистов, как вы, даже с опозданием на год!..

Ну можно ли сердиться на такого человека!

Фрасколен берет бумагу и внимательно читает.

— Какую гарантию мы получаем?.. — спрашивает он.

— Гарантию нашей Компании, скрепленную подписью мистера Сайреса Бикерстафа, нашего губернатора.

— И гонорар действительно тот, что указан в документе?..

— Именно, то есть миллион франков..

— На четверых?.. — восклицает Пэншина.

— На каждого, — улыбаясь, отвечает Калистус Мэнбар, — и это гораздо меньше того, чего заслуживает ваше бесценное искусство!

Право, где найти человека любезней Калистуса Мэнбара? Однако Себастьен Цорн протестует. Он ни за какие деньги не намерен принимать предложения. Он хочет ехать в Сан-Диего, и Фрасколену не без труда удается успокоить его гнев.

Впрочем, предложение господина директора управления искусств таково, что некоторое недоверие надо признать вполне естественным. Ангажемент на один

год, по миллиону франков каждому из артистов, серьезно ли это?.. Вполне серьезно, в чем Фрасколен может убедиться, когда на его вопрос: «А как выплачивается гонорар?..» — директор отвечает:

— В четыре срока, и вот вам за первую четверть года.

Груду банковых билетов, которыми набит его бумажник, Калистус Мэнбар раскладывает на четыре пачки по пятьдесят тысяч долларов, то есть по двести пятьдесят тысяч франков, и передает деньги Фрасколену и его товарищам.

Вот чисто американский способ делать дела.

Себастьен Цорн уже заколебался. Но так как у него всегда найдутся причины для недовольства, то он не может удержаться от следующего рассуждения:

— Впрочем, у вас на острове чудовищные цены! Если за куропатку платишь двадцать пять франков, то пара перчаток стоит, наверно, сто франков, а пара ботинок — пятьсот?

— О господин Цорн, Компания не считается с такими пустяками, — восклицает Калистус Мэнбар, — она желает, чтобы артисты Концертного квартета всем пользовались бесплатно, пока они находятся в ее владениях!

На такое щедрое предложение можно дать только один ответ — поставить свои подписи под ангажементом.

Именно так и поступили Фрасколен, Пэншина и Ивернес. Себастьен Цорн, правда, бормочет, что все это — безумие. Жить на плавучем острове — сплошная нелепость... Посмотрим еще, чем все это кончится... Наконец он решается и подписывает.

Выполнив эту формальность, Фрасколен, Пэншина и Ивернес если не целуют руку Калистуса Мэнбара, то во всяком случае сердечно пожимают ее. Четыре рукопожатия, каждое стоимостью в миллион!

Вот каким образом случилось, что Концертный квартет пустился в столь невероятное приключение, и вот при каких обстоятельствах члены его стали насильно приглашенными гостями плавучего острова.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На запад

Стандарт-Айленд не спеша плывет по водам Тихого океана, который вполне оправдывает свое название в это время года. Привыкнув за сутки к такому передвижению и уже не зная никаких тревог, Себастьен Цорн и его друзья даже не замечают, что они находятся в плавании. Как ни мощны эти сотни гребных винтов, словно запряженные десятью миллионами лошадей, однако металлическому корпусу передается только легкий трепет. Основание настолько прочно, что остров не испытывает ни малейшего влияния качки, которой подвержены даже самые мощные броненосцы военного флота. В жилых помещениях столы и лампы не прикреплены к полу, как это делается на судах. Для чего? Парижские, лондонские и нью-йоркские здания не прочней стоят на своих фундаментах.

После нескольких недель стоянки в бухте Магдалены, по почину президента Компании, был собран совет именитых граждан острова для установления его маршрута на этот год. Пловучий остров посетит главные архипелаги восточной части Тихого океана, где воздух поразительно целебный, очень богатый озоном и кислородом, — кислородом конденсированным, насыщенным электричеством, наделенным такими живительными свойствами, каких лишен кислород в обычном своем состоянии. Это своеобразное судно обладает полной свободой передвижения и пользуется ею: ничто не препятствует ему плыть по своей прихоти на запад, на восток, приближаться, по желанию, к американскому берегу или посещать восточные берега Азии. Стандарт-Айленд направляется по своей воле, с целью испытать все удовольствия, какие только может ему предоставить полное разнообразия путешествие. И даже если бы он предпочел покинуть пределы Тихого океана и перебраться в Индийский или Атлантический, обогнуть мыс Горн или мыс Доброй Надежды, ему достаточно было бы взять намеченный курс, и, поверьте, ни противные течения, ни бури не помешали бы ему достигнуть цели.

Но зачем пускаться в плавание по отдаленным морям? Там «жемчужина Тихого океана» не нашла бы того, что может дать ей этот океан с разбросанными по нему ожерельями архипелагов. Здесь места хватит для самых разнообразных маршрутов. Пловучий остров может приставать ко всем архипелагам поочередно. Если он-и не наделен инстинктом, присущим животному, шестым чувством — чувством ориентировки, которое ведет животных туда, куда их призывает необходимость, то все же его направляет уверенная рука, согласно плану, обстоятельно обсужденному и единодушно принятому. До последнего времени между жителями правого и левого борта не возникало разногласий на этот счет. И вот теперь, в соответствии с принятым решением, Стандарт-Айленд плывет на запад к группе Сандвичевых островов. Расстояние около тысячи двухсот миль, отделяющее эту группу от места, где на остров вступили участники квартета, Стандарт-Айленд покроет, плывя с умеренной скоростью, в течение месяца, и будет стоять в виду этого архипелага до того дня, пока ему не заблагорассудится направиться к другой группе островов.

На следующий день после этих памятных событий квартет покидает «Эксцельсиор-Отель» и переходит в отведенные ему комнаты в здании казино, — комфортабельные и богато обставленные. Из окон открывается вид на Первую авеню. Себастьен Цорн, Фрасколен, Ивернес и Пэншина получили каждый по комнате рядом с гостиной, которой они пользуются сообща. Внутренний двор казино манит их наслаждаться тенью своих пышно зеленеющих деревьев, прохладой бьющих фонтанов. По одну сторону этого двора находится музей Миллиард-Сити, по другую — концертный зал, где парижским артистам предстоит с успехом заменить своей игрой передачи театрофонов и консервированные звуки фонографов. Дважды, трижды, столько раз в день, столько они пожелают, для них будет накрываться столик в ресторане, где метрдотель уже не станет предъявлять им невероятных счетов.

Нынче утром, когда все четверо собрались в гостиной, чтобы вместе спуститься к завтраку, Пэншина обращается к своим товарищам:

— Ну, скрипачи, что вы скажете насчет всего происшедшего?

— Это нам сон приснился, — отвечает Ивернес, — сон о миллионном ангажементе...

— Самая настоящая действительность, — говорит Фрасколен. — Пошарь у себя в кармане, и ты вытащишь оттуда первую четверть означенного миллиона.

— Посмотрим только, как все это кончится. Наверняка очень плохо! — восклицает Себастьен Цорн. Этот упрямец во что бы то ни стало хочет найти неудобную складку на усыпанном розами ложе, куда его уложили против воли.

— А что станется с нашим багажом?.. — добавляет он.

Действительно, багаж они должны получить в Сан-Диего, откуда его нельзя переслать, а владельцы не могут за ним явиться. О, багаж этот весьма невелик: несколько чемоданов с бельем, туалетными принадлежностями, сменой платья, а также парадными костюмами для выступлений перед публикой.

На этот счет беспокоиться нечего. Прежний, уже не совсем новый гардероб в ближайшие же дни будет заменен другим, предоставленным в распоряжение артистов безвозмездно: им не придется платить полторы тысячи франков за фрак и пятьсот франков за ботинки.

К тому же Калистус Мэнбар в восторге от того, что он так ловко справился с деликатным поручением Компании, и старается предупредить любое желание квартета. Невозможно представить себе должностное лицо, которое было бы полно такой неиссякаемой любезности. Он занимает один из апартаментов в казино, различные службы которого находятся под его высоким руководством, и Компания платит ему жалованье, достойное его великолепия и щедрости... Предпочитаем сумму не указывать.

В казино имеются читальни и залы для игр; но рулетка, баккара, покер и другие азартные игры строжайше запрещены. Есть там также и курительные комнаты, где функционирует аппарат, который передает прямо в жилые дома табачный дым, приготовляемый

одним недавно основанным предприятием. Дым от табака, сжигаемого в специальных приборах, очищенный от никотина, поставляется каждому курильщику через особый дымопровод с янтарным мундштуком на конце. Остается только взять в рот такой наконечник, а счетчик уже будет записывать ежедневный расход дыма.

В этом казино, куда меломаны могут приходить, чтобы наслаждаться далекой музыкой, к которой теперь присоединятся выступления квартета, находятся также музейные коллекции Миллиард-Сити. Музей богат картинами старинных и современных мастеров и предлагает вниманию любителей живописи большое количество шедевров, приобретенных на вес золота: полотна итальянской, голландской, немецкой и французской школ, которым могли бы позавидовать собрания Парижа, Лондона, Мюнхена, Рима и Флоренции; картины Рафаэля, Леонардо да Винчи, Джорджоне, Корреджо, Доминикино, Рибейры, Мурильо, Рюисдаля, Рембрандта, Рубенса, Кейпа, Франца Гальса, Гоббемы, Ван-Дейка, Гольбейна и так далее, а также (переходя к более современным художникам) — Фрагонара, Энгра, Делакруа, Шеффера, Каба, Делароша, Реньо, Кутюра, Мейсонье, Милле, Руссо, Жюля Депре, Бракасса, Маккара, Тернера, Тройона, Коро, Добиньи, Бодри, Бонна, Каролюса Дюрана, Жюля Лефевра, Воллона, Бретона, Бине, Иона, Кабанеля и многих других. Для того чтобы обеспечить этим картинам вечную сохранность, они помещены в витрины, откуда выкачан воздух. Следует заметить, что импрессионисты, футуристы, всевозможные искатели новизны еще не наводняют музея, но, без сомнения, это не замедлит случиться, и пловучий остров не избегнет декадентской заразы. В музее имеются также мраморные статуи большой ценности, творения великих старинных и современных скульпторов, выставленные во дворе казино. Благодаря климату, не знающему ни дождей, ни туманов, скульптурные группы, статуи, бюсты могут успешно противостоять разрушительному воздействию времени.

Было бы, однако, весьма неосторожно утверждать, что около этих чудес толпятся посетители, что набобы

Миллиард-Сити имеют сколько-нибудь выраженный вкус к подобным произведениям искусства, что у них сильно развито артистическое чувство. Впрочем, следует заметить, что правобортная часть города насчитывает большее число любителей искусства, чем левобортная. Но все они действуют сообща, если возникает вопрос о приобретении какого-либо шедевра, и тогда, чудовищно вздувая цену, они с успехом отбивают его у всех герцогов Омальских и у всех Шошаров Старого и Нового Света [1].

Наиболее усердно посещаются читальные залы казино, где можно получить европейские и американские журналы и газеты, доставляемые пароходами Компании, регулярно поддерживающими сообщение между островом и бухтой Магдалены. После того как журналы просмотрены, прочитаны и перечитаны, они отправляются на библиотечные полки, где уже выстроились многие тысячи книг, хранение и регистрация которых вызывают необходимость в библиотекаре, получающем двадцать пять тысяч долларов жалованья, а он, может быть, наименее занятый из служащих острова. В библиотеке имеется также некоторое количество книг-фонографов: читать их не нужно, нажмешь кнопку и услышишь голос превосходного чтеца — например, «Федру» Расина в исполнении Легуве.

Что касается «местных» газет, то они редактируются, набираются и печатаются в типографии казино под руководством двух главных редакторов. Одна из них — «Старборд-кроникл» — для обитателей правого борта, другая — «Нью-геральд» — для жителей левого. Хроника составляется из происшествий, сведений о прибытии пароходов, морских новостей, отчетов о состоянии рынка, которые могут интересовать торговый квартал, ежедневных данных о широте и долготе, сообщений о постановлениях совета именитых граждан, распоряжений губернатора, сведений о регистрации рождений, бракосочетаний и даже кончин, хотя последние здесь

---

[1] Герцог Омальский — один из сыновей французского короля Луи-Филиппа, собирал художественные коллекции. Шошар — известный французский антиквар.

весьма редки. Впрочем, никаких сообщений о грабежах и убийствах не бывает, — единственный на острове трибунал разбирает только гражданские дела, недоразумения между частными лицами. Никогда не печатаются и заметки о столетних юбилеях, ибо долголетие не является здесь привилегией отдельных счастливцев.

Что касается новостей из области международной политики, то все они — самые свежие благодаря телефонной связи с бухтой Магдалены, куда сходятся кабели, погруженные в воды Тихого океана. Таким образом миллиардцы осведомлены обо всем, что происходит в мире, обо всем, что представляет какой бы то ни было интерес. Добавим, что «Старборд-кроникл» и «Нью-геральд» не слишком резко полемизируют друг с другом; они живут даже довольно дружно, но нельзя ручаться, что дело всегда будет ограничиваться вежливой дискуссией. Протестантство и католичество, проявляя большую терпимость и уступчивость в области религии, подают пример доброго согласия, но вряд ли они уживутся друг с другом, если в дело вмешается гнусная политика, если кто-либо возжаждет деловой активности, если задеты будут чьи-либо личные интересы или самолюбие.

Кроме этих двух газет, выходят еженедельные и ежемесячные журналы, перепечатывающие из иностранных органов печати статьи преемников Сарсея, статьи Леметра, Шарма, Фурнеля, Дешана, Фукье, Франса и других видных публицистов; издаются иллюстрированные журналы и, кроме того, дюжина бульварных листков, посвященных текущим светским новостям. Их единственная цель — развлечь на мгновение и дать пищу не только уму... но и желудку. Да! Некоторые из них напечатаны на съедобной бумаге шоколадной краской. После прочтения их съедают за утренним завтраком. Некоторые из них имеют вяжущие свойства, а другие — слегка послабляющие, и организм их отлично усваивает. Члены квартета находили это изобретение и приятным и практичным.

— Вот это действительно удобоваримое чтение! — справедливо замечает Ивернес.

— И какая питательная литература! — отвечает Пэншина. — Кондитерское искусство и литература, как это прекрасно сочетается с гигиенической музыкой!

Теперь, естественно, возникает вопрос, откуда берутся средства, на которые населению пловучего острова предоставляется такое невиданное благоденствие, о каком не может даже и мечтать ни один другой город в Старом или Новом Свете. Надо думать, что доходы острова выражаются в совершенно невероятной сумме, судя по тому, какие кредиты отпускаются на самые различные нужды, какое жалованье выплачивается даже самым скромным служащим.

И когда парижане расспрашивают директора управления искусств обо всем этом, он отвечает им так:

— Здесь о делах не говорят. У нас нет ни торгового департамента, ни биржи, ни промышленности. Торговля ведется лишь в таких размерах, какие необходимы для удовлетворения потребностей острова, и пусть иностранцы не думают, что мы — нечто вроде Чикагской Всемирной ярмарки тысяча восемьсот девяносто третьего года или Парижской выставки тысяча девятисотого! Нет! Могущественная религия бизнеса над нами не властвует, и если у нас слышится крик «go ahead!» [1], то лишь как призыв плыть вперед, обращенный к «жемчужине Тихого океана». Поэтому не деловая жизнь приносит нам средства, необходимые для содержания острова, а таможенные доходы... Да! Таможенные сборы дают нам возможность покрывать все расходные статьи бюджета...

— А каков бюджет?.. — спрашивает Фрасколен.

— Он определяется суммой в тридцать миллионов долларов, дорогие мои друзья!

— Сто пятьдесят миллионов франков для острова с населением в десять тысяч человек!..

— Совершенно верно, дорогой мой Фрасколен, и эту сумму дают одни лишь таможенные сборы. Налогов у нас нет, так как местное производство совершенно незначительно. Да, да, у нас взимаются только ввозные

---

[1] Вперед! (*англ.*) — девиз американских промышленников.

пошлины. Ими и объясняется дороговизна продуктов, — дороговизна, разумеется, относительная, ибо цены, какими бы высокими они вам ни казались, находятся в соответствии со средствами, которыми здесь каждый располагает.

И вот Калистус Мэнбар снова закусывает удила и пускается восхвалять свой город, восхвалять свой остров — осколок какой-то более совершенной планеты, упавшей с неба на воды Тихого океана, настоящий плавучий Эдем. Здесь — рай, куда укрылись мудрецы, и если истинное счастье не на Стандарт-Айленде, значит его нет нигде. Калистус Мэнбар не стесняется, рекламируя свой остров. Так и кажется, что он вот-вот начнет зазывать:

«Входите, милостивые государи, входите милостивые государыни! Покупайте билеты!.. Мест осталось очень мало!.. Сейчас начинаем... Кому билет?..» И т. д.

И правда — места редки, а билеты стóят дорого! Тем лучше! Директор управления искусств жонглирует миллионами, которые в городе миллиардеров превращаются в простые единицы!

Но именно из этой трескучей речи, в которой фразы пенятся водопадами, а жесты сменяются с быстротой световых сигналов, квартет узнает о работе различных отраслей управления и прежде всего о школах, где обучение обязательное и бесплатное, а преподаватели оплачиваются, как министры. Там, если поверить Калистусу Мэнбару, мертвые и живые языки, географию и историю, физические и математические науки, изящные искусства изучают основательней, чем в любом университете, в любой академии Старого Света. Но дело в том, что учащиеся этих школ не слишком гонятся за познаниями, и если старшее поколение еще сохраняет какие-то обрывки знаний, подхваченные в колледжах Соединенных Штатов, то у молодежи образованности уже куда меньше, чем дохода. Это, конечно, плохо. Может быть, люди только теряют, изолируя себя до такой степени от остального человечества?

Но разве обитатели этого искусственного острова не бывают за границей? Разве они никогда не посещают заморских краев, великих столиц Европы? Разве они

не знакомятся со странами, которым минувшие века завещали столько великих произведений искусства? Да, есть на острове и такие жители, которых чувство любопытства заставляет стремиться в дальние страны! Но там они скоро устают и большей частью скучают; они не находят там упорядоченного существования, какое обеспечивает им пловучий остров; они страдают от холода, от жары; наконец они простуживаются, а в Миллиард-Сити простуда неизвестна. Поэтому те неосторожные, которым пришла в голову несчастная мысль покинуть остров, спешат вернуться обратно. Какую выгоду приносят им такие путешествия? Да никакой. «Пустились они в путь, как дорожные мешки, и вернулись, как дорожные мешки», — говорит одно древнегреческое изречение, а мы добавим: дорожными мешками они и останутся.

Иностранцев, конечно, должна была бы привлечь молва о пловучем острове, этом девятом чуде света (восьмым чудом, как утверждают, является Эйфелева башня), но Калистус Мэнбар полагает, что туристов здесь никогда не будет слишком много. Никто в них и не нуждается, хотя билетные кассы в обоих портах могли бы стать еще одним источником дохода. В прошлом году большинство посетителей было из американцев. Представители других наций почти не появлялись. Бывают, конечно, англичане: их легко узнать по брюкам, которые они обычно подворачивают, под тем предлогом, что в Лондоне идет дождь. Но, в общем, Великобритания очень неодобрительно отнеслась к постройке этого острова, который, по ее мнению, только мешает мореплаванию, и она охотно уничтожила бы его. Немцы не встречают на острове особенно теплого приема, потому что, позволь им только здесь обосноваться, они живо превратили бы Миллиард-Сити в новый Чикаго. Из всех иностранцев Компания с наибольшей охотой и предупредительностью принимает французов, поскольку они не относятся к числу захватнически настроенных народов Европы. Но разве хоть один француз появлялся до сих пор на пловучем острове?

— Это маловероятно, — замечает Пэншина.

— Мы недостаточно богаты... — добавляет Фраостолен.

— Чтобы жить здесь в качестве рантье — пожалуй, — отвечает директор управления искусств, — но ведь здесь можно и работать...

— Неужели в Миллиард-Сити живет хоть один наш соотечественник?.. — спрашивает Ивернес.

— Живет.

— Кто же этот счастливец?

— Господин Атаназ Доремюс.

— А что он здесь делает, этот Атаназ Доремюс?.. — восклицает Пэншина.

— Он учитель танцев, грации и хороших манер, он получает от Компании прекрасное жалованье и, кроме того, дает частные уроки...

— Которые способен давать только француз! — подхватывает «Его высочество».

Так квартет ознакомился с административным устройством острова. Теперь остается только отдаться очарованию плавания, которое увлекает артистов все дальше на запад по просторам Тихого океана. И если бы солнце не восходило то над левой стороной острова, то над правой, в зависимости от положения Стандарт-Айленда, которое придавал ему коммодор Симкоо, то Себастьен Цорн и его товарищи могли бы думать, что они находятся на твердой земле. В течение последовавших двух недель дважды разражались грозы с сильными ветрами и шквалами, ибо подчас они случаются и в Тихом океане, вопреки его названию. Бурные морские волны разбивались о металлический корпус, покрывая его бесчисленными брызгами, словно это были скалы настоящего берега. Но Стандарт-Айленд ни разу не дрогнул под ударами разъяренной стихии. Разбушевавшийся океан был перед ним бессилен. Гений человека победил природу.

Спустя две недели, 11 июня, состоялся первый концерт камерной музыки, о котором оповещали световые рекламы, сверкавшие на больших авеню. Само собой разумеется, исполнители были предварительно представлены губернатору и городскому управлению. Сайрес Бикерстаф оказал им самый сердечный прием. Га-

зеты упоминали об успехе, которым сопровождалось турне Концертного квартета в Соединенных Штатах Америки, и в восторженных выражениях восхваляли директора управления искусств за то, что тот сумел заручиться согласием квартета на гастроли, применив для этого, как мы знаем, несколько своеобразный способ. Какое удовольствие слушать музыку великих мастеров и в то же время видеть артистов, исполняющих их произведения. Какое наслаждение для знатоков музыки!

Из того, что четырех парижан пригласили выступать в казино Миллиард-Сити за сказочное вознаграждение, не следует делать вывода, что на их концерты публику будут пускать даром. Отнюдь нет. Администрация намерена извлечь из концертов хорошую прибыль, совсем как американские импрессарио, которым их певицы обходятся по доллару за такт или даже за ноту. Если обычно платят за театрофонические и фонографические концерты, что ж, будут платить и за этот концерт, только неизмеримо дороже. Все места расценены одинаково — по двести долларов, то есть тысяча франков на французские деньги за кресло, и Калистус Мэнбар уверяет, что зал будет полон.

Он не ошибся. Все билеты были распроданы. Правда, в комфортабельном, изящно отделанном зале казино всего-навсего около сотни мест, и если бы их стали продавать с аукциона, неизвестно, какой суммы достигла бы выручка. Но это было бы противно обычаям острова. На все, что имеет коммерческую ценность, и на предметы первой необходимости и на предметы роскоши, заранее установлена твердая расценка по прейскуранту. Без такой предосторожности, принимая во внимание сказочные состояния некоторых лиц, можно было бы опасаться появления барышничества. А этого не следовало допускать. Правда, если богатые жители правого борта идут на концерт из любви к музыке, то, возможно, богачи левого пойдут только для приличия.

Когда Себастьен Цорн, Пэншина, Ивернес и Фрасколен появлялись перед своими слушателями в Нью-

Йорке, Чикаго, Филадельфии, Балтиморе, они без всякого преувеличения могли сказать: вот публика, сто́ящая миллионы. Но сегодня вечером они погрешили бы против истины, если бы не вели счет на миллиарды. Подумать только! Джем Танкердон, Нэт Коверли и их семьи блистают в первом ряду кресел, а на других местах множество любителей музыки, у которых, хотя они еще и не совсем миллиардеры, по справедливому замечанию Пэншина, все же хорошо набитый кошель!

— Ну, идем! — говорит глава квартета, когда наступает час выходить на эстраду.

И они идут, не более (пожалуй даже, менее) взволнованные, чем бывало, когда им приходилось выступать перед парижской публикой, у которой, правда, карманы не так набиты, но зато куда больше художественного чутья.

Надо сказать, что, хотя Себастьен Цорн, Ивернес, Фрасколен и Пэншина еще не брали уроков у своего соотечественника Доремюса, все четверо держатся безукоризненно корректно. На них белые галстуки по двадцать пять франков, светлосерые перчатки по пятьдесят, крахмальные рубашки по семьдесят, ботинки по сто восемьдесят, жилеты по двести, черные брюки по пятьсот и фраки по тысячи пятьсот франков, — разумеется, все за счет администрации. Их приветствуют, им горячо аплодируют жители правого борта и более сдержанно — жители левого: здесь уже сказывается различие темпераментов.

Программа концерта состоит из четырех произведений, которые им легко было выбрать в библиотеке казино, богато укомплектованной благодаря стараниям директора управления искусств:

Первый квартет Мендельсона ми-бемоль, соч. 12.

Второй квартет Гайдна фа-мажор, соч. 16.

Десятый квартет Бетховена ми-бемоль, соч. 74.

Пятый квартет Моцарта ля-мажор, соч. 10.

Исполнители просто творят чудеса в зале, полном миллиардеров, на борту острова, плывущего над морской пучиной, глубина которой в этой части Тихого океана превышает пять тысяч метров. На их долю выпадает большой и заслуженный успех, особенно у мело-

манов правого борта. Надо видеть директора управления искусств в этот памятный вечер: он просто ликует. Можно подумать, что это он сам только что играл сразу на обеих скрипках, альте и виолончели. Какое удачное начало для энтузиастов камерной музыки и для их импрессарио!

Заметим, что не только зал набит, но и подступы к казино тоже полны народом. И правда, ведь очень многим не удалось раздобыть ни откидного стула, ни приставного кресла, а для других просто недоступны высокие цены. Слушатели, оставшиеся за пределами зала, получают свою порцию музыки несколько урезанной. Она доносится до них издалека, словно исходит из ящика фонографа или из телефонной трубки. Но рукоплескания не становятся от этого слабее.

И они разражаются настоящим громом, когда по окончании концерта Себастьен Цорн, Ивернес, Фрасколен и Пэншина появляются на верхней террасе левого крыла казино. Первая авеню залита ярким светом. Электрические луны льют с высоты свои лучи, которым может позавидовать бледноликая Селена.

Внимание Ивернеса привлекают двое слушателей, занявших место на тротуаре прямо против казино, но немного в стороне от прочей публики. Это мужчина и женщина, они стоят рука об руку. Мужчина выше среднего роста, с благородными чертами строгого, даже грустного лица; лет ему около пятидесяти. Женщина несколькими годами моложе, высокая, с горделивой осанкой; из-под шляпы видны ее седеющие волосы.

Достоинство, с которым держится эта пара, производит впечатление на Ивернеса, и он указывает на нее Калистусу Мэнбару.

— Кто эти люди? — спрашивает он.

— Эти люди... — отвечает г-н директор, причем губы его складываются в довольно пренебрежительную гримасу. — О, это отчаянные меломаны.

— Почему в таком случае они не купили себе билетов в казино?

— Наверно, это для них слишком дорого.

— Какое у них состояние?

— Едва-едва двести тысяч франков годового дохода.

— Пфф! — фыркает Пэншина. — А кто же эти бедняки?

— Король и королева Малекарлии.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Плавание

После того как было создано это необычайное судно, Компании пришлось наладить двойную организацию — и навигационную и административную.

Первую, как известно, возглавляет в качестве управляющего, точнее — в качестве капитана, коммодор флота Соединенных Штатов Этель Симкоо. Это человек лет пятидесяти, опытный моряк, досконально знающий все части Тихого океана и все его течения, штормы, мели, коралловые рифы. Словом, у него все данные для того, чтобы твердой рукой вести пловучий остров, вверенный его попечению со всеми находящимися на нем богачами, за которых он в ответе перед господом богом и акционерной компанией.

Вторая организация, включающая в себя различные отрасли гражданского управления, сосредоточена в руках губернатора. Мистер Сайрес Бикерстаф — янки из штата Мэн, одного из тех штатов Федерации, которые почти не принимали участия в гражданской войне между Севером и Югом. В лице Сайреса Бикерстафа Компания нашла человека, который сумеет сохранить нейтральную позицию между двумя сторонами пловучего острова.

Губернатор, которому уже под шестьдесят, холост. Человек хладнокровный, полный самообладания, весьма энергичный, несмотря на флегматическую внешность, он похож на англичанина по своей манере держаться и дипломатическому такту, сказывающемуся как в его речах, так и в действиях. Во всякой другой стране это был бы человек очень видный и пользующийся большим весом. Но здесь, на Стандарт-Айленде,

он в конце концов просто главный агент Компании. И хотя его оклад вполне соответствует цивильному листу[1] какого-нибудь второстепенного европейского монарха, он не считается богатым, — где ж ему равняться с набобами Миллиард-Сити!

Сайрес Бикерстаф не только губернатор, но также и мэр столицы. Поэтому он проживает в здании муниципалитета, возвышающемся в конце Первой авеню, на противоположном конце которой высится обсерватория, где находится резиденция коммодора Этеля Симкоо. В муниципалитете помещаются канцелярии мэра и регистрируются рождения (средняя рождаемость на острове вполне обеспечивает будущее), смерти (все покойники перевозятся на кладбище у бухты Магдалены) и браки (вступающие в брак сперва получают, по законам Стандарт-Айленда, гражданскую санкцию и лишь после того — церковную). Действия различных отраслей управления на острове никогда не вызывают никаких жалоб со стороны населения. Это делает честь мэру и его подчиненным. Себастьен Цорн, Пэншина, Ивернес и Фрасколен были представлены ему г-ном директором. Мэр произвел на них весьма благоприятное впечатление, какое и должен производить человек добрый и справедливый, с практическим складом ума, не поддающийся ни предрассудкам, ни пустым мечтаниям.

— Господа, — сказал он им. — Нам очень повезло, что вы оказались с нами. Возможно, что способ, к которому прибег наш директор управления искусств, и не был вполне корректным. Но ведь вы ему простите, не так ли? Впрочем, жаловаться на наш муниципалитет вам не придется. Он требует от вас только двух концертов в месяц, предоставляя полное право давать концерты у частных лиц, которые к вам могут обратиться с этой просьбой. Мы приветствуем в вашем лице талантливых музыкантов и никогда не забудем, что вы были первыми артистами, которых мы имели честь принимать на нашем острове.

---

[1] Цивильный лист — сумма, ежегодно предоставляемая парламентом в личное пользование монарху и на содержание его двора.

Квартет был очарован таким приемом и не скрыл этого от Калистуса Мэнбара.

— Да, мистер Сайрес Бикерстаф человек любезный, — ответил г-н директор, слегка пожав плечами. — Жаль, что у него нет одного-двух миллиардов...

— Нельзя же быть совершенством! — заметил Пэншина.

Губернатор, он же мэр Миллиард-Сити, имеет двух помощников по весьма несложному управлению плавучим островом. В их подчинении находится небольшое число служащих, которые получают хорошее вознаграждение за свою работу в различных отраслях управления. Муниципального совета не существует. Да и зачем он? Его заменяет совет нотаблей, из тридцати именитых граждан, наиболее выдающихся по уму или по богатству. Он собирается в тех случаях, когда надо принять какое-либо важное решение — например, выработать маршрут, который в наибольшей мере соответствовал бы интересам общественного здравия. Этот вопрос порою возбуждал споры, как могли в том убедиться наши парижане, и не всегда легко было по нему сговориться. Но до последнего времени благодаря своему тактичному и мудрому вмешательству Сайрес Бикерстаф успешно примирял противоположные интересы, не оскорбляя самолюбия своих подопечных.

Само собою разумеется, что один из помощников губернатора — Бартелеми Радж — протестант, другой — Хабли Харкорт — католик. Оба они — из числа высших служащих «Компании Стандарт-Айленд», и оба ревностно сотрудничают с Сайресом Бикерстафом.

Так существует уже в течение полутора лет этот остров, не связанный с внешним миром какими бы то ни было дипломатическими отношениями, свободно передвигающийся по просторам Тихого океана, избавленный от докучных непогод теми небесами, которые он сам себе выбирает. И на этом искусственном острове члены квартета будут пребывать в течение целого года! Они и не предполагают и не опасаются, каковы бы ни были прогнозы виолончелиста, что на их долю выпадут какие-нибудь приключения, что будущее чревато для них какими-то неожиданностями. Ведь здесь все заранее

определено, все идет по установленному распорядку. А разве гений человеческий, создав этот остров и заставив его странствовать по океанским просторам, не перешел пределов, назначенных человеку творцом вселенной?

Плавание в западном направлении продолжается. Ежедневно в момент, когда солнце переходит через меридиан, служащие обсерватории, подчиненные коммодору Этелю Симкоо, определяют местонахождение острова. Квадранты, установленные на всех четырех сторонах муниципальной башни, указывают точное положение острова на широте и долготе, и эти данные передают по телеграфу на перекрестки улиц, в особняки, в квартиры, в общественные здания. Таким же способом сообщают и точное время, которое меняется в зависимости от перемещения острова на запад или на восток. Так что миллиардцы в любой момент могут знать, в какой точке своего маршрута находится остров.

Если не считать неощутимого движения по поверхности океана, Миллиард-Сити ничем не отличается от крупных столиц Старого и Нового Света. В нем так же протекает общественная и частная жизнь. Наши артисты в сущности мало заняты и посвящают свои первые досуги осмотру достопримечательностей «жемчужины Тихого океана». Электрические поезда доставляют их в любое место на побережье. Обе энергетические установки вызывают у парижан искреннее восхищение простотой и эффективностью своего оборудования, мощностью машин, приводящих в движение двойной ряд гребных винтов, замечательной дисциплинированностью персонала, которым на одной станции руководит инженер Уотсон, а на другой — инженер Сомуа. Через определенные промежутки времени Бакборт-Харбор и Штирборт-Харбор регулярно принимают в свою внутреннюю гавань обслуживающие Стандарт-Айленд пароходы, которые в зависимости от положения, занимаемого в данный момент островом, пристают с той стороны, где легче это сделать.

Упрямый Себастьен Цорн отказывается изумляться всем этим чудесам, Фрасколен довольно сдержан в выражении своих чувств, но восторженный Ивернес

пребывает в непрерывном восхищении. По его мнению, еще до истечения двадцатого века пловучие города станут бороздить все моря. Они и в грядущие времена будут последним словом прогресса и комфорта. Какое великолепное зрелище представит пловучий остров, навещающий своих океанских собратьев! Что касается Пэншина, то он совершенно опьянен разговорами о миллионах, о которых здесь, среди богачей, говорят так, словно дело идет о каких-нибудь двадцати пяти луидорах. Крупные банкноты находятся в повсеместном обращении. Иметь при себе две-три тысячи долларов — дело самое обычное. И «Его высочество» частенько обращается к Фрасколену с просьбой:

— Послушай, старина, не разменяешь ли сто пятьдесят тысяч франков?..

Уверенные в том, что они всюду встретят отличный прием, музыканты Концертного квартета завели кое-какие знакомства. Впрочем, кто не проявил бы к ним любезности после оглушительных рекомендаций Калистуса Мэнбара?

В первую очередь они отправились с визитом к своему соотечественнику Атаназу Доремюсу, учителю танцев, грации и хороших манер. Этот славный человек снимает в правобортной части города, на Двадцать пятой авеню, скромный домик за три тысячи долларов, прислуживает ему старая негритянка, он платит ей сто долларов в месяц. Атаназ Доремюс искренне рад завести дружеские отношения с французами... с французами, которые делают честь Франции.

Это семидесятилетний старичок, худощавый, сухонький, маленький; глаза у него живые, зубы еще целые и своя собственная, вьющаяся густая шевелюра, такая же белая, как и его бородка. Он выступает степенно, ритмически покачиваясь, выпятив грудь, выпрямив стан, округлив руки и слегка вывернув ноги, обутые в безукоризненные ботинки. Наши артисты с удовольствием вызывают его на разговор, и он с готовностью ведет беседу, ибо весьма словоохотлив и любезен.

— Как я счастлив, дорогие мои соотечественники, как я счастлив, — повторяет он раз двадцать при первой встрече, — как я счастлив вас видеть! Как хорошо,

что вам пришла в голову прекрасная мысль обосноваться в нашем городе! Вы об этом не пожалеете! Теперь, когда я к нему привык, мне совершенно не понятно, как можно жить иначе!

— А с какого времени вы здесь находитесь, господин Доремюс? — спрашивает Ивернес.

— Да уже полтора года, — отвечает учитель танцев, становясь во вторую позицию. — Я здесь с самого основания Стандарт-Айленда. Благодаря прекрасным рекомендациям, которые я получил в Новом Орлеане, где тогда жил, мне удалось добиться, чтобы мистер Сайрес Бикерстаф, наш обожаемый губернатор, принял меня на службу. С того благословенного дня жалованье, назначенное мне за руководство школой танцев, грации и хороших манер, позволяет мне жить здесь...

— Как миллионеру! — восклицает Пэншина.

— О, знаете, здешние миллионеры...

— Знаю... знаю... дорогой маэстро. Но, как намекал директор управления искусств, занятия в вашей школе не очень усердно посещаются?

— Да, ученики у меня имеются только в городе и исключительно среди молодежи. Американцы считают, что они уже от рождения в полной мере наделены необходимым изяществом. Поэтому молодые люди предпочитают брать уроки тайно, и я тайно обучаю их хорошим французским манерам.

Болтая, он улыбается, жеманится, как старая кокетка, все время принимает разнообразные грациозные позы.

Атаназ Доремюс, пикардиец из Сантерра, покинул Францию в ранней молодости и обосновался в Соединенных Штатах, в Новом Орлеане. Там, среди французского по происхождению населения некогда принадлежавшей нам Луизианы, ему часто представлялась возможность проявить свои дарования. Принятый в лучших семьях, он имел успех и смог даже сделать кое-какие сбережения, но лишился их в один прекрасный день благодаря краху самого что ни на есть американского размаха. Это было как раз в тот момент, когда «Стандарт-Айленд компани» начинала свое дело, распространяя всюду проспекты, давая широковещательные рек-

ламные объявления, взывая ко всем этим сверхбогачам, которые неслыханно нажились на строительстве и эксплуатации железных дорог, разработке нефтяных источников, торговле свининой или солониной. Тогда Атаназу Доремюсу пришла в голову мысль просить места у губернатора нового города, где преподаватель такого рода, как он, не имел бы конкурентов. Известный с самой лучшей стороны семейству Коверли, происходившему из Нового Орлеана, он был принят благодаря рекомендации главы этого семейства, которому предстояло стать одним из виднейших именитых людей правобортной части Миллиард-Сити. Вот каким образом случилось, что француз и притом пикардиец стал одним из служащих пловучего острова. Правда, уроки он дает только у себя на дому, а предоставленный ему для занятий зал казино отражает в своих зеркалах только самого учителя. Но это не смущает г-на Доремюса, ведь жалованье его от этого нисколько не уменьшается.

В общем же, это добрый человек, немного смешной, немного маниак, не без некоторой самовлюбленности, глубоко убежденный в том, что он унаследовал искусство Вестриса и Сен-Леона, а также традиции Браммелла и лорда Сеймура. В глазах же членов квартета он прежде всего их соотечественник, — качество, которого нельзя не ценить за несколько тысяч миль от Франции.

Четверо парижан рассказывают ему о своих злоключениях, сообщают, при каких обстоятельствах попали они на пловучий остров, каким образом их завлек сюда Калистус Мэнбар, — именно завлек, иначе не скажешь, — и как судно отплыло через несколько часов после того как они на нем очутились.

— Все это не удивительно со стороны нашего директора, — отвечает старый учитель. — Очередная его выходка... не первая и не последняя! Настоящий потомок Барнума, который в конце концов скомпрометирует Компанию... бесцеремоннейший господин, которому следовало бы взять несколько уроков уменья держать себя... Один из тех янки, которые разваливаются в кресле, а ноги кладут на подоконник!.. По сути дела он не плохой человек, но, к сожалению, считает, что ему все дозволено!.. Впрочем, дорогие мои соотечественники,

вам не стоит сердиться на него за эту выходку. Конечно, неприятно, что вы не смогли дать в Сан-Диего обещанный концерт, но в остальном вы только будете радоваться своему пребыванию в Миллиард-Сити. К вам проявят столько внимания, вы будете так довольны...

— Особенно в конце каждой четверти года! — отвечает Фрасколен, — его обязанности казначея труппы начинают приобретать весьма важное значение.

В ответ на заданный ему вопрос о соперничестве между двумя частями острова Атаназ Доремюс подтверждает слова Калистуса Мэнбара. По его мнению, это соперничество является темным облаком на горизонте острова и даже угрожает в ближайшем будущем бурей. Есть все основания опасаться, что между обитателями правого и левого бортов возникнет борьба интересов и самолюбий. Семейства Танкердонов и Коверли, самые богатые на острове, относятся друг к другу с возрастающей неприязнью, и если какие-нибудь новые обстоятельства не сблизят их, может произойти взрыв. Да... взрыв!..

— Нам-то что до этого, — лишь бы не взорвался остров... — говорит Пэншина.

— Да уж пусть не взрывается, пока мы здесь! — добавляет виолончелист.

— О!.. Остров прочен, дорогие соотечественники! — отвечает Атаназ Доремюс. — Вот уже полтора года плавает он по морям, и ни разу еще не случалось ни одного сколько-нибудь значительного повреждения. Приходилось только исправлять пустячные поломки, из-за которых мы даже не возвращались в бухту Магдалены! Подумайте, ведь остров сделан из лучшей листовой стали!

— Вот — главное, и если уж стальная основа не дает в этом мире полной безопасности, то какому металлу довериться? Сталь — это железо, а разве наш земной шар не состоит в значительной степени из углеродистых соединений? Словом, Стандарт-Айленд — планета в миниатюре.

Пэншина спрашивает учителя танцев, что тот думает о губернаторе Сайресе Бикерстафе.

— А что он, тоже из стали?

— Да, господин Пэншина! — отвечает Атаназ Доремюс. — Он наделен огромной энергией, он очень искусный администратор, но, к несчастью, в Миллиард-Сити недостаточно быть из стали...

— Надо быть из золота, — отвечает Ивернес.

— Совершенно верно, иначе вы — ничто.

Замечание это — справедливое. Несмотря на свое высокое положение, Сайрес Бикерстаф всего-навсего — агент Компании. Он является главным лицом при совершении различных актов гражданского состояния, он взимает таможенные сборы, следит за общественной гигиеной, подметанием улиц, исправным содержанием полей, принимает жалобы налогоплательщиков, — словом, постоянно рискует вызвать враждебные чувства у большинства своих подопечных. И это все. На Стандарт-Айленде надо быть чем-то, а, по словам учителя танцев, Сайрес Бикерстаф ничто. К тому же по долгу службы он вынужден держаться середины между двумя партиями, занимать примирительную позицию и не делать ничего приятного одной стороне, если это неприятно другой... Придерживаться такой политики нелегко.

Действительно, уже намечаются различные точки зрения, которые могут привести к раздору между двумя частями острова. Обитатели правого борта живут на Стандарт-Айленде, спокойно наслаждаясь своим богатством, а обитатели левого уже скучают по деловой жизни. Они задают себе вопрос, почему бы не использовать пловучий остров в качестве огромного торгового судна, почему бы не заняться перевозкой грузов для различных факторий Океании и почему с острова изгнана всякая промышленность?.. Словом, хотя янки с Танкердоном во главе находятся на острове менее двух лет, они уже тоскуют по бизнесу. И если до последнего времени они ограничивались словами, у губернатора Сайреса Бикерстафа все же есть основания для беспокойства. Но он надеется, что положение не ухудшится и внутренние раздоры не нарушат жизни на искусственном острове, созданном специально для того, чтобы обеспечить мир и покой его обитателям.

Прощаясь с Атаназом Доремюсом, музыканты дают слово навещать его и в дальнейшем. Обычно после полудня учитель танцев отправляется в казино, куда никто к нему не приходит. Не желая, чтобы его обвинили в недобросовестном отношении к своим обязанностям, он поджидает учеников и, готовясь к уроку, проделывает все свои па перед зеркалами, в которых никто, кроме него, не отражается

Между тем Стандарт-Айленд с каждым днем продвигается все дальше и дальше на запад, отклоняясь несколько к югу, чтобы подойти к Сандвичевым островам. Под этими широтами, граничащими с тропиками, температура уже очень высокая. Миллиардцы плохо переносили бы ее, не будь благотворного влияния морских ветров. К счастью, ночи здесь прохладны и даже в середине лета листья деревьев и трава на лужайках, орошаемых искусственным дождем, сохраняют свою свежесть. Ежедневно в полдень координаты острова, определяемые квадрантом мэрии, передаются по телеграфу во все части города. 17 июня Стандарт-Айленд находится на 155° западной долготы и 27° северной широты и все приближается к тропикам.

— Можно подумать, что само дневное светило тащит его на буксире, — декламирует Ивернес, — или, выражаясь более изящно, будто в него впряжены кони божественного Аполлона!

Замечание это столь же справедливо, сколь и поэтично, но Себастьен Цорн в ответ только пожимает плечами. Ему не по вкусу роль буксируемого... против воли

— Подождите, — твердит он, — мы еще посмотрим, чем кончится вся эта авантюра!

Редко выпадает такой день, чтобы члены квартета не вышли пройтись по парку в тот час, когда он бывает полон народу. Все именитые граждане Миллиард-Сити прогуливаются там среди газонов — кто верхом, кто пешком, кто в экипаже. Модницы демонстрируют свои туалеты, которые они за этот день сменили не раз. Сейчас на всех одноцветные платья, большей частью из индийского шелка, очень модного в этом году, и подобранные в тон шляпки и туфли. Многие носят платья

искусственного шелка из древесной целлюлозы, отличающиеся переливчатым блеском.

Пэншина делает по этому поводу следующее замечание:

— Вот увидите, скоро начнут вырабатывать ткани из плюща — для верных друзей — и из плакучей ивы — для безутешных вдов.

Во всяком случае, жительницы Миллиард-Сити не согласились бы одеваться в эти материи, если бы не выписывали их из Парижа, и не стали бы носить этих туалетов, если бы они не вышли из мастерских короля всех парижских портных, — того самого, который во всеуслышание произнес следующее изречение: «Женщина в конце концов есть сочетание форм».

Иногда среди нарядно одетых богачей проходят король и королева Малекарлии.

Королевская чета, лишившаяся своего престола, вызывает у музыкантов подлинную симпатию. Какие мысли приходят им в голову при виде выступающих рука об руку августейших особ! Среди окружающих богачей король и королева — люди относительно бедные, но чувствуется, что они преисполнены гордого достоинства, как философы, отрешившиеся от мирской суеты. Правда, в глубине души американцам Стандарт-Айленда очень лестно, что среди их сограждан имеется король, и они оказывают ему внимание, соответствующее его бывшему положению. Но, в общем, «их величества», подобно Сайресу Бикерстафу, тоже «ничто», — даже, может быть, в еще большей мере, чем губернатор.

По правде говоря, путешественники, боящиеся морских путешествий, должны были бы одобрить новый способ передвижения на пловучем острове. Здесь не надо опасаться разных случайностей, которые могут возникнуть на море, не нужно бояться бурь. Десять миллионов лошадиных сил — этого вполне достаточно, чтобы бороться со штилем и с противными ветрами. Если не исключена опасность столкновения со встречными судами, то во всяком случае не Стандарт-Айленду угрожают его последствия. Тем хуже для судов, которые на всех пара́х или на всех парусах налетели

бы на его стальной корпус. К тому же нет никаких оснований страшиться подобных встреч, так как на искусственном острове по ночам горят маяки в обоих его портах, горят мощные фонари, освещающие его, так сказать, носовую и кормовую части, а в небе сияют электрические алюминиевые луны, разливая в воздухе яркий свет. О бурях же не стоит и говорить: остров способен выдержать самый яростный натиск волн.

Но когда, прогуливаясь по острову, Пэншина и Фрасколен доходят до батареи Волнореза или до Кормовой батареи, они оба сходятся во мнении, что острову не хватает мысов, выдающихся в море утесов, бухточек, песчаных пляжей. Весь берег состоит из стальных упоров, скрепленных миллионами болтов и заклепок. И как пожалел бы художник о добрых старых скалах, шершавых, как слоновая кожа, покрытых водорослями и морской травой, которые так ласково колышет волна прилива! Право, невозможно заменить красоту природы чудесами индустрии. При всей своей восторженности, Ивернес вынужден с этим согласиться. Искусственному острову не хватает отпечатка всемогущей десницы создателя.

Вечером 25 июня Стандарт-Айленд пересек тропик Рака и вступил в жаркий пояс Тихого океана. В эти часы в зале казино квартет давал свой второй концерт. Заметим, что в связи с успехом первого концерта цены на места были еще повышены.

И все же зал не мог вместить всех желающих попасть на концерт. Меломаны дрались из-за мест. Очевидно, камерная музыка была признана весьма полезной для здоровья, и никто не позволял себе усомниться в ее целебных свойствах. Публику согласно врачебным предписаниям лечили препаратами из Моцарта, Бетховена и Гайдна.

Исполнители имели огромный успех. Парижское «браво!» наверняка доставило бы квартету гораздо больше радости, но Ивернес, Фрасколен и Пэншина по необходимости довольствовались дружным «ура!» миллиардцев, к которым Себастьен Цорн попрежнему испытывал полнейшее презрение.

— Чего же требовать, — сказал ему Ивернес, — раз мы плаваем под тропиками...

— У тропика Рака на концерте драка, — подхватил Пэншина и поспешил улизнуть после этой топорной шутки...

А кого замечают они при выходе из казино, среди бедняков, которые не в состоянии платить по триста долларов за место?.. Короля и королеву Малекарлии, скромно стоящих у дверей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Сандвичевы острова

В этой части Тихого океана проходит большой подводный хребет, и если бы водные пучины глубиною в четыре тысячи метров, отделяющие его от других океанийских земель, внезапно схлынули, можно было бы видеть, как этот хребет тянется с северо-запада на юго-восток. На поверхность океана выступают только восемь вершин этой подводной цепи: Ниихау, Кауаи, Оаху, Молокаи, Ланаи, Мауи, Кахулави, Гавайи. Эти восемь островов различной величины составляют Гавайский архипелаг, иначе говоря — группу Сандвичевых островов, которая выходит за пределы тропической зоны лишь в виде бесчисленных скалистых островков и рифов, являющихся ее продолжением к западу.

Предоставив Себастьену Цорну ворчать в своем углу и, словно виолончель в футляре, замыкаться в полном равнодушии ко всем достопримечательностям широкого мира, Пэншина, Ивернес и Фрасколен справедливо рассуждают следующим образом:

— Черт побери, — говорит один, — я ничего не имею против того, чтобы посетить Гавайские острова! Раз уж мы блуждаем по Тихому океану, имеет смысл хоть сохранить обо всем этом воспоминания!

— Может быть, — отвечает другой, — туземцы Сандвичевых островов окажутся приятным разнообразием по сравнению с пауни, сиу и другими не в меру

цивилизованными индейцами Дальнего Запада, и я с удовольствием повстречал бы настоящих дикарей... людоедов...

— А разве современные гавайцы таковы?

— Будем надеяться, что да, — серьезным тоном отвечает Пэншина. — Ведь их деды съели капитана Кука, а раз уж деды испробовали этого прославленного мореплавателя, трудно представить себе, чтобы внуки утратили вкус к таким блюдам.

Надо признаться, что «Его высочество» не слишком почтительно говорит о знаменитом английском моряке, открывшем этот архипелаг в 1778 году.

Из такого разговора легко сделать вывод, что наши артисты надеются за время плавания ознакомиться с более подлинными туземцами, чем те, которых показывают в Париже и других европейских столицах; во всяком случае, они надеются познакомиться с ними на их родине. Им поэтому не терпится прибыть на место, и они каждый день ожидают, что наблюдатели обсерватории сообщат о появлении на горизонте возвышенных точек Гавайского архипелага.

Это и произошло утром 6 июля. Новость тотчас же распространилась повсюду, и в казино на доске с объявлениями все читали нижеследующую телеавтограмму: «Стандарт-Айленд находится в виду Сандвичевых островов».

Правда, до них еще пятьдесят миль, но высочайшие вершины архипелага, горы острова Гавайи, превышающие четыре тысячи двести метров, видны в хорошую погоду даже на таком расстоянии.

Идя с северо-востока, Стандарт-Айленд под управлением коммодора Этеля Симкоо движется к острову Оаху и его главному городу Гонолулу, являющемуся в то же время столицей архипелага. Это третий по порядку остров; к северо-западу от него находится Ниихау с его обширными пастбищами для скота и Кауаи. Оаху — не самый большой из Сандвичевых островов, его площадь составляет только тысячу шестьсот восемьдесят квадратных километров, тогда как площадь Гавайи равна приблизительно семнадцати тысячам. Что касается других островов архипелага, то

их общая площадь — только три тысячи восемьсот двенадцать квадратных километров.

Само собой разумеется, что с самого начала плавания парижские артисты завели дружеские отношения с должностными лицами Стандарт-Айленда. Все они — и губернатор, и коммодор Симкоо, и полковник Стьюарт, и главные инженеры Уотсон и Сомуа — проявляют к музыкантам искреннее расположение. Артисты часто посещают обсерваторию и с удовольствием проводят целые часы на площадке башни. Не удивительно, что и в этот день Ивернес и Пэншина, самые любопытные члены квартета, очутились около десяти часов утра в обсерватории и на лифте поднялись на «верхушку мачты», как говорит «Его высочество».

Там уже находился коммодор Этель Симкоо. Подавая друзьям подзорную трубу, он советует им хорошенько вглядываться в некую точку на юго-западе затуманенного горизонта.

— Это Мауна-Лоа, — говорит он, — и Мауна-Кеа. Эти два мощных гавайских вулкана в тысяча восемьсот пятьдесят втором и тысяча восемьсот пятьдесят пятом годах залили остров потоками лавы на площади в семьсот квадратных метров, а в тысяча восемьсот восьмидесятом году извергли семьсот миллионов кубических метров вулканических пород.

— Здорово! — восклицает Ивернес. — Как вы полагаете, коммодор, удастся ли нам увидеть подобное зрелище?..

— Понятия не имею, господин Ивернес, — отвечает Этель Симкоо. — Вулканам не прикажешь...

— Ну хоть разок, уж как-нибудь, по протекции!.. — добавляет Пэншина. — Будь я так богат, как господа Танкердон и Коверли, я бы заказывал себе извержения, когда мне заблагорассудится.

— Ладно, мы с ними об этом поговорим, — отвечает, улыбаясь, коммодор, — и я не сомневаюсь, что они сделают даже невозможное ради того, чтобы доставить вам удовольствие.

Пэншина интересуется количеством населения на Сандвичевых островах. Коммодор сообщает ему, что

если в начале XIX века оно достигало двухсот тысяч душ, то сейчас насчитывает едва половину.

— Ничего, господин Симкоо, сто тысяч дикарей, если только они остались людоедами и не утратили своего хорошего аппетита, — этого вполне достаточно, чтобы сразу покончить со всеми миллиардцами Стандарт-Айленда.

Пловучий остров не в первый раз пристает к Гавайскому архипелагу. В прошлом году он тоже плавал здесь, — его привлекает здоровый климат этих мест. Сюда приезжают больные из Америки, и можно ожидать, что и врачи Европы начнут посылать своих пациентов дышать здесь воздухом Тихого океана. Почему бы и нет? Гонолулу теперь всего лишь в двадцати пяти днях плавания от Парижа, а ведь здесь представляется возможность пропитать легкие таким кислородом, какого больше нигде не сыщешь...

Утром 9 июля Стандарт-Айленд появляется в виду архипелага. Оаху вырисовывается в пяти милях к юго-западу. К востоку над ним возвышается Дайамонд-Хед, потухший вулкан, который господствует над рейдом. Он хорошо виден с кормы пловучего острова, равно как и другой конус, который англичане прозвали «Пуншевой чашей». Тут коммодор не преминул заметить, что, если бы эта гигантская миска была наполнена брэнди или джином, Джон-Буль не постеснялся бы осушить ее до дна.

Стандарт-Айленд проходит между Оаху и Молокаи. Как судно, повинующееся рулю, он маневрирует, пуская в ход винты то правого, то левого борта. Обогнув юго-восточный мыс Оаху, Стандарт-Айленд из-за своего огромного водоизмещения вынужден остановиться в десяти кабельтовых от берега. Для того чтобы пловучий остров мог сохранить свое нормальное вращение на якоре, его надо держать на достаточном расстоянии от земли, и поэтому он не «отдавал якорей» в собственном смысле этого слова, ибо якоря, как таковые, здесь не применялись. Это невозможно при глубине моря в сто метров и даже больше. Нет! С помощью машин, которые направляют его попеременно то в том, то в другом направлении, Стандарт-

Айленд удерживается на своем месте так же неподвижно, как если бы он был одним из островов Гавайского архипелага.

Перед взорами наших музыкантов все отчетливее вырисовываются горные вершины. С моря можно рассмотреть густые заросли, рощи апельсиновых деревьев и других роскошных представителей флоры субтропиков. Западнее, сквозь узкий проход между рифами, виднеется небольшая лагуна, Жемчужное озеро, нечто вроде зеркальной равнины, образованной кратерами древних вулканов.

Общий вид Оаху — довольно приветливый, и людоедам, о которых мечтает Пэншина, нечего жаловаться на арену своих подвигов. Только бы они оставались еще верны своим каннибальским инстинктам, и «Его высочеству» больше нечего будет желать...

Но вот он внезапно восклицает:

— Боже мой, что это там такое?

— А что?.. — спрашивает Фрасколен.

— Да там... Колокольни...

— Да... и башни... и фасады дворцов!.. — отвечает Ивернес.

— Неужели здесь съели капитана Кука?

— Мы не на Сандвичевых островах! — говорит Себастьен Цорн, пожимая плечами. — Коммодор сбился с пути...

— Наверняка! — отвечает Пэншина.

Нет, коммодор Симкоо не заблудился! Это действительно Оаху, а этот город, занимающий немало квадратных километров, — действительно Гонолулу.

Ничего не поделаешь. Многое переменилось с тех пор, как великий английский мореплаватель открыл этот архипелаг! Миссионеры всех стран ревностно соперничали здесь друг с другом. Методисты, англикане, католики боролись за влияние на туземцев, усиленно внедряя христианскую цивилизацию, и в конце концов покончили с языческими верованиями древних канаков. Не только язык туземцев постепенно вымирает и вытесняется английским, но и самый архипелаг заполонен американцами и китайцами. Последние — большей частью рабочие, которых завозят сюда местные план-

таторы... и которые положили здесь начало полукитайскому племени хапа-паке. Наконец немало здесь и португальцев благодаря пароходным сообщениям между Сандвичевыми островами и Европой. Туземцы, однакоже, еще имеются, и хотя среди них произвела сильное опустошение завезенная из Китая проказа, их все же вполне достаточно, чтобы удовлетворить любопытство наших четырех артистов. Но уж никак не похожи они на пожирателей человечины!

— О, местный колорит, — восклицает первая скрипка, — чья рука стерла тебя с современной палитры?

Да, время, цивилизация, прогресс, являющийся одним из законов природы, понемногу стерли эту краску! Себастьену Цорну и его товарищам не без некоторого сожаления приходится признать это, когда один из электрических яликов Стандарт-Айленда, обогнув длинную линию рифов, доставляет их на берег.

Между двумя эстакадами, соединяющимися под острым углом, открывается гавань, укрытая от ветров амфитеатром гор. Отмели, которые отгораживают ее от океана, с 1794 года поднялись на один метр. И все же гавань достаточно глубока, чтобы суда с осадкой от восемнадцати до двадцати футов могли причаливать к пристаням.

— Какое разочарование!.. — бормочет Пэншина. — Как жаль, что в пути приходится терять столько иллюзий...

— Лучше было бы сидеть дома! — быстро вставляет виолончелист, пожимая плечами.

— Нет! — восклицает неизменно восторженный Ивернес. — Какое это ни с чем не сравнимое зрелище — стальной остров, приплывший в гости к тихоокеанскому архипелагу!

Тем не менее, если, к величайшему огорчению и неудовольствию наших артистов, моральный облик населения Сандвичевых островов резко изменился, то с климатом ничего не случилось. В этой части Тихого океана климат Гавайского архипелага — один из наиболее благоприятных для здоровья, несмотря на то, что архипелаг расположен в местах, которым присвоено

наименование Жаркого моря. Если термометр показывает там очень высокую температуру в периоды, когда спадают северо-восточные пассаты, если противные им южные ветры приносят сильнейшие грозы, называющиеся в тех местах «куа», все же средняя температура Гонолулу не превышает двадцати одного градуса по Цельсию. У самых пределов жаркого пояса на такую температуру не приходится жаловаться. Местные жители и не жалуются, а больные американцы, как мы уже говорили, все в большем и большем количестве прибывают на эти острова.

Во всяком случае, по мере того как квартет все глубже проникает в тайны архипелага, иллюзии парижан падают.. падают, словно листья глубокой осенью. Они считают себя обманутыми, но никого, кроме самих себя, не могут обвинить в том, что поддались обману.

— Этот Калистус Мэнбар опять обвел нас вокруг пальца, — утверждает Пэншина, припоминая, что г-н директор уверял их, будто Сандвичевы острова — последний оплот туземного дикарства на Тихом океане.

И когда они осыпают его по этому поводу горькими упреками, он отвечает, подмигивая правым глазом:

— Что поделаешь, дорогие друзья! Все так переменилось с тех пор, как я тут был в последний раз, что я сам ничего не узнаю

— Шутник! — восклицает Пэншина, хлопая г-на директора по животу.

Одно можно сказать с уверенностью: если перемены и произошли, то действительно с необыкновенной быстротой. В 1837 году на Сандвичевых островах возникла конституционная монархия с двумя палатами. В одну выбирали только землевладельцы, во вторую все граждане, умеющие читать и писать; первая избиралась на шесть лет, вторая на два года. В каждой было двадцать четыре члена, которые совместно обсуждали дела в присутствии кабинета, состоявшего из четырех королевских советников.

— Итак, — говорит Ивернес, — вместо обезьяны в перьях у них был монарх, да еще и конституционный,

которому иностранцы смиренно приносили дань своего уважения!..

— Я убежден, — утверждает Пэншина, — что у этого величества не было даже кольца в носу... и что оно вставляло себе искусственные зубы у лучших дантистов Нового Света.

— Ах, цивилизация, цивилизация! — твердит первая скрипка. — Канаки не нуждались во вставных челюстях, когда поедали своих пленников!

Да простится этим фантазерам такой взгляд на вещи! В Гонолулу и в самом деле был в свое время король или по крайней мере королева — Лилиуокалани, в настоящее время лишившаяся престола. Она вела борьбу за права своего сына, принца Адеи, против притязаний на гавайский трон некоей принцессы Каиулани. Словом, в течение длительного периода архипелаг находился в состоянии революционного брожения, совсем как Соединенные Штаты Америки или государства Европы, с которыми он сходен даже в этом отношении. Не могло ли это привести к вмешательству в дело гавайской армии и открыть пагубную эру военных переворотов? Нет, конечно, ибо означенная армия состоит всего-навсего из двухсот пятидесяти рекрутов и двухсот пятидесяти добровольцев. С пятьюстами человек режима не уничтожить, во всяком случае на тихоокеанских островах.

Но зато имелись англичане, которые бдительно следили за развитием событий. Говорят, что принцесса Каиулани пользовалась их расположением. С другой стороны, японское правительство готово было объявить острова своим протекторатом и имело сторонников среди кули, которые в большом количестве работают на плантациях...

— Ну, а что же американцы? — спрашивает у Калистуса Мэнбара Фрасколен. Его интересует возможное американское вмешательство, которое как бы само собою напрашивается.

— Американцы? — отвечает господин директор. — На что им протекторат? Им на Сандвичевых островах нужно иметь место стоянки для пароходов тихоокеанских линий, — и они этим вполне удовлетворяются.

Однако в 1875 году король Камехамеха, отправившийся в Вашингтон с визитом к президенту Гранту, отдал острова под защиту Соединенных Штатов. Но через семнадцать лет, когда президент Кливленд принял решение восстановить на престоле королеву Лилиуокалани (в то время на Сандвичевых островах уже существовал республиканский строй и президентом был Санфорд Доуль), на Гавайских островах и в Соединенных Штатах поднялась мощная волна протестов.

Но ничто не могло воспрепятствовать тому, что, видимо, начертано в книге судеб народов — будь то народы древние или новые, — и с 4 июля 1894 года Гавайский архипелаг представляет собою республику, где президентом состоит Доуль, пока его кто-нибудь не сменит.

Стандарт-Айленд делает здесь остановку дней на десять. Поэтому многие миллиардцы пользуются ею для осмотра Гонолулу и окрестностей. Семейства Коверли и Танкердонов и наиболее именитые граждане Миллиард-Сити ежедневно ездят в порт. С другой стороны, хотя плавучий остров уже вторично появляется у гавайских берегов, удивление гавайцев беспредельно, и они целыми толпами являются осматривать это чудо. Правда, полиция Сайреса Бикерстафа, неохотно допускающая на Стандарт-Айленд иностранцев, внимательно следит за тем, чтобы вечером посетители в назначенный час покидали остров. Благодаря этим предохранительным мерам постороннему человеку было бы очень трудно задержаться на «жемчужине Тихого океана» без особого разрешения, которое не так-то легко получить. Наконец, хотя и с той и с другой стороны отношения хорошие, никаких официальных приемов друг другу оба острова не устраивали.

Квартет предпринимает несколько очень занимательных прогулок. Нашим парижанам нравятся местные жители. Особенности их физического типа ярко выражены: кожа смуглая, на лицах написаны простодушие и вместе с тем чувство собственного достоинства. И хотя сейчас у гавайцев республика, они, весьма возможно, сожалеют о своей былой дикарской независимости.

«Воздух нашей страны свободен» — гласит одна из их поговорок, но сами они уже больше не свободны.

И действительно, после того как все острова завоевал Камехамеха и в 1837 году была установлена представительная монархия, каждый остров стал управляться особым губернатором. И в настоящее время, при республике, они разделены еще на округа и районы.

— Да, — говорит Пэншина, — здесь не хватает только префектов, супрефектов и советников префектуры, с конституцией Восьмого года [1].

— Мне все это надоело, пора домой! — отвечает Себастьен Цорн.

Однако не стоит покидать Оаху, не налюбовавшись его лучшими пейзажами. Природа здесь восхитительна, хотя флора и не особенно богата. На побережье преобладают кокосовые и другие пальмы, хлебные деревья, тунговые, плоды которых дают растительное масло, индиговые и различные породы клещевины и дурмана. В долинах, орошаемых горными потоками и покрытых заглушающей всякую другую растительность травой под названием «минервиа», многие кустарники становятся древовидными, — такова местная порода лебеды и халапепе, вид гигантской спаржи. Лесная зона, простирающаяся по горам до высоты двух тысяч метров, богата древовидными травами и кустарниками, миртовыми, достигающими громадных размеров, гигантскими щавелевыми, ползучими лианами, которые переплетаются, словно клубок змей. Что касается полезных растений, дающих продукцию для рынка и для вывоза, то это рис, кокосовые орехи, сахарный тростник. Между островами все время поддерживается сообщение каботажными судами, для того чтобы в Гонолулу постепенно сосредоточивались продукты, отправляемые затем в Америку.

Фауна не отличается разнообразием. Население островов постепенно ассимилируется с народами, достигшими более высокого развития, а породы живот-

---

[1] Имеется в виду конституция VIII года (1799) первой французской республики.

ных остаются неизменными. Из домашних животных на островах имеются только свиньи, куры, козы; диких зверей совсем нет, разве что найдется несколько пар диких кабанов; зато есть москиты, от которых не так-то легко избавиться, много скорпионов и различные породы безвредных ящериц; имеются еще птицы, которые никогда не поют, среди них «оо» — гавайская цветочница, с черно-желтым оперением. Из ее желтых перьев девять поколений туземцев ткали знаменитый плащ Камехамехи.

Многое изменил на этих островах человек, создав цивилизацию, подражающую американской — с учеными обществами, школами, обучение в которых является обязательным и которые были премированы на Выставке 1878 года, с богатыми библиотеками, с газетами на английском и канакском языках. Наши парижане этому, впрочем, не удивились, поскольку вся местная знать — в большинстве случаев американцы, и язык их здесь так же в ходу, как и их деньги. Эти именитые граждане охотно нанимают слуг среди китайцев Небесной империи, не следуя порядкам штатов американского Запада, где ведется яростная борьба с так называемой «желтой опасностью».

С тех пор как Стандарт-Айленд стоит в виду столицы Оаху, многочисленные суда из этого порта, битком набитые любопытными, не раз подходили к плавучему острову и объезжали его кругом. Погода великолепная, море спокойно, — что́ может быть приятнее двадцатикилометровой поездки вокруг этого металлического побережья, где агенты таможни проявляют такую бдительность.

Среди кораблей-экскурсантов можно заметить одно легкое суденышко, которое каждый день упорно маячит в водах плавучего острова. Это нечто вроде малайского кэча с двумя мачтами и квадратной кормой; на нем человек десять матросов под командой капитана с весьма решительной наружностью. Однако губернатору суденышко не внушает никаких подозрений, хотя его постоянное присутствие могло бы показаться странным. Люди эти действительно не перестают разглядывать остров со всех сторон, подплывая то к одному

порту, то к другому и изучая линию его побережья. Впрочем, если даже допустить, что у них недобрые намерения, что́ могла бы предпринять эта команда против десятитысячного населения? Поэтому маневры кэча никого не тревожат, никому нет дела, днем ли он плавает вокруг острова или ночью, и никто не считает нужным запрашивать по этому поводу морские власти в Гонолулу.

Квартет прощается с островом Оаху утром 10 июля. Стандарт-Айленд трогается с места на рассвете, повинуясь движущей силе своих мощных гребных винтов. Покружившись некоторое время на месте, он поворачивает на юго-запад, держась в виду прочих Гавайских островов. Теперь ему надо взять наискось и попасть в полосу экваториального течения, идущего с востока на запад в направлении как раз противоположном течению, которое огибает архипелаг с севера.

К великому удовольствию своих обитателей, собравшихся на левом берегу, Стандарт-Айленд смело устремляется в пролив между островами Молокаи и Кауаи. Над этим последним, одним из самых маленьких в архипелаге, поднимается вулкан Нирхау высотою в тысячу восемьсот метров, извергающий из кратера черный дым. У подножья — линия дюн, а еще ниже — торчащие из воды коралловые скалы, откуда звонким металлическим эхом доносятся удары прибоя. Наступила ночь, пловучий остров все еще находится в этом узком проливе, но под управлением опытного коммодора Симкоо ему нечего опасаться. В тот час, когда солнце исчезает за высотами острова Ланаи, наблюдатели не могли бы обнаружить кэча, который, выйдя из порта вслед за Стандарт-Айлендом, старался все время держаться поблизости от него. Впрочем, спросим еще раз, — стоит ли тревожиться из-за близкого соседства малайского суденышка?

На рассвете следующего дня кэч виднелся только белой точкой в северной части горизонта.

Стандарт-Айленд в этот день плыл между Кахулави и Мауи, вторым по величине островом в Сандвичевом архипелаге. Столица его, порт Лахаина, служит китобоям местом стоянки для их кораблей. Самая

высокая гора острова, Халеахала, что означает Дом Солнца, на три тысячи метров круто вздымается к небесам.

В течение двух следующих дней Стандарт-Айленд шел мимо берегов большого острова Гавайи; горы его, как мы уже говорили, самые высокие на архипелаге. Здесь, в бухте Кеалакеакуа, капитан Кук, сперва принятый туземцами за некое божество, был убит в 1779 году, через год после того как он открыл этот архипелаг и назвал Сандвичевым в честь одного английского министра. Главный город острова, Хило, расположенный на восточном побережье, отсюда не виден, но зато можно разглядеть город Каилуа, находящийся на западном берегу. На острове имеется железная дорога протяженностью в пятьдесят семь километров, которая служит главным образом для перевозки продовольствия, и музыканты издали видят белые клубы дыма, вырывающиеся из труб локомотивов.

— Только этого еще недоставало! — восклицает Ивернес.

На другой день «жемчужина Тихого океана» покинула эти места, а кэч в то время огибал крайнюю точку острова Гавайи, над которой возвышается Мауна-Лоа, Большая гора, чья вершина теряется в облаках на высоте четырех тысяч метров.

— Надули, — говорит тут Пэншина, — нас попросту надули!

— Ты прав, — отвечает Ивернес, — надо было приехать сто лет назад. Но тогда мы не очутились бы на этом замечательном пловучем острове!

— Подумаешь! А теперь мы нашли туземцев в пиджаках и воротничках, вместо дикарей в перьях, которых нам обещал этот пройдоха Калистус, разрази его гром! Я жалею о временах капитана Кука.

— А если бы эти людоеды слопали твое высочество?.. — спрашивает Фрасколен.

— Что ж... у меня по крайней мере было бы утешение, что хоть раз в жизни... я сам по себе, какой ни на есть, пришелся кому-то по вкусу!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Через экватор

С 23 июня солнце отступает к Южному полушарию. Необходимо поэтому покинуть области, где скоро начнутся осенние и зимние непогоды. Раз дневное светило в своем видимом движении направляется к линии экватора, надо пересечь ее вслед за ним. Там открываются блаженные страны, где такие месяцы, как октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль, являются теплым временем года. Расстояние, отделяющее Гавайский архипелаг от Маркизских островов, — более трех тысяч километров. И вот, стараясь покрыть его как можно скорее, Стандарт-Айленд развивает максимальную скорость.

Полинезия в собственном смысле слова занимает то обширное морское пространство, которое с севера замыкает линия экватора, а с юга — тропик Козерога. На площади в пять миллионов квадратных километров разбросано одиннадцать архипелагов, состоящих из двухсот двадцати островов, то есть десяти тысяч квадратных километров суши, где малые островки насчитываются тысячами. Все это — вершины подводного горного хребта, который, разделяясь на две почти параллельные ветви, простирается с северо-запада на юго-восток до Маркизских островов и острова Питкэрн.

Если мы представим себе этот огромный водоем внезапно осушенным, если бы Хромой бес, освобожденный Клеофасом, снял всю толщу воды, как он поступил с крышами Мадрида [1], какая необыкновенная страна открылась бы перед нашим взором! Ни Швейцария, ни Норвегия, ни Тибет не могли бы состязаться с нею в величии! Большинство подводных гор — вулканического происхождения, но некоторые образованы кораллами и состоят из известкового или роговидного

---

[1] В философско-сатирическом романе французского писателя Лесажа «Хромой бес» (1707) бес Асмодей снимает крыши с домов и дает возможность студенту Клеофасу наблюдать за жизнью людей, застигнутых врасплох.

вещества. Его выделяют и располагают в виде концентрических кругов полипы, обладающие простейшим организмом и колоссальной производительной силой. Наиболее молодые из островов имеют растительный покров только на самых высоких точках, но самые древние, даже если они кораллового происхождения, сверху донизу закрыты зеленым плащом. Внизу же, под волнами Тихого океана, раскинулась как бы целая горная страна. Стандарт-Айленд проплывает между ее вершинами, как мог бы плыть аэростат между пиками Альп или Гималаев, — только наш остров плывет не по воздуху, а по воде.

И, подобно тому как в атмосфере происходит перемещение воздушных волн, точно так же происходит перемещение водных масс на поверхности этого океана. Великое течение идет с востока на запад, а в нижних слоях воды, с июня по октябрь, когда солнце направляется к тропику Рака, распространяются два противотечения. Кроме того, неподалеку от Таити замечаются четыре вида приливных волн, которые не в одинаковое время достигают наибольшей высоты, благодаря чему приливы и отливы как бы нейтрализуются и становятся почти незаметными. Что касается климата разных архипелагов, то он не отличается единообразием. Гористые острова задерживают облака, которые изливают на них свою влагу, а на островах более низменных — климат суше, так как здесь водяные пары рассеиваются господствующими ветрами.

Было бы по меньшей мере странно, если бы в библиотеке казино не имелось карт Тихого океана. Действительно, там полный набор их, и Фрасколен, самый любознательный из квартета, часто к ним обращается. Ивернес, предпочитая упиваться неожиданностями путешествия и восторгом, который вызывает в нем движение искусственного острова, отнюдь не склонен перегружать своей головы географическими названиями и терминами. Пэншина стремится видеть во всем лишь забавное и необычное. Что касается Себастьена Цорна, то маршрут его мало заботит, поскольку они направляются туда, куда он вовсе не собирался ехать.

Поэтому Фрасколен один копается в своей Полинезии, изучая ее главные архипелаги: острова Маркизские, Туамоту, Общества, Кука, Тонга, Самоа, острова Южные, острова Эллис, острова Фаннинг, не говоря уже об изолированных островах, таких, как Ниуэ, Токелау, острова Феникс, Манихики, остров Пасхи, Сала-и-Гомес и т. д. Он узнает, что на большей части этих архипелагов, даже на тех, которые находятся под протекторатом каких-либо держав, власть сосредоточена в руках могущественных вождей; их влияние никем не оспаривается, а неимущие классы населения полностью подчинены богатым. Он узнает также, что туземцы исповедуют различные религии — брамизм, магометанство, протестантство, католичество; последнее преобладает на островах, зависимых от Франции, что объясняется пышностью католического культа, привлекающей туземцев. Туземный язык, с очень несложной азбукой, состоящей из небольшого количества — от тринадцати до семнадцати — знаков, постепенно смешивается с английским и в конце концов, вероятно, будет им поглощен. Наконец он узнает, что в общем и целом население Полинезии все время уменьшается, и это весьма печально, ибо канаки (это слово означает просто «люди») под самым экватором представляют собой более совершенный этнический тип, чем на островах, удаленных от него, и Полинезия много потеряет, если ею окончательно завладеют чужеземные расы. Да, ему стало известно и это и еще многое другое, почерпнутое из бесед с коммодором Этелем Симкоо, и когда товарищи спрашивают его о чем-нибудь, он не затрудняется ответом.

Поэтому Пэншина и не называет Фрасколена иначе, как «Ларусс [1] тропической зоны».

Таковы основные группы островов, среди которых совершают свою морскую прогулку богачи Стандарт-Айленда. Он вполне заслуживает названия «блажен-

---

[1] Ларусс Пьер (1817—1875) — издатель французского энциклопедического и толкового словаря, который до сих пор выходит в новых изданиях под названием: «Большой Ларусс» и «Малый Ларусс».

ного острова», ибо там исправно действуют все условия, которые могут обеспечить людям материальное и до известной степени также душевное благополучие. И как печально, что столь счастливое положение вещей может быть нарушено соперничеством, завистью, несогласиями и спорами о влиянии на дела и о первенстве, которое разделяют Миллиард-Сити соответственно частям города на два лагеря — лагерь Танкердона и лагерь Коверли! Для артистов, которые в этом конфликте совершенно не заинтересованы, борьба обещает быть интересной.

Джем Танкердон — янки с головы до пят, эгоистический и поэтому неприятный; у него широкое лицо, короткая рыжеватая бородка, коротко остриженные волосы, живые, несмотря на шестидесятилетний возраст, глаза, желтые, словно у собаки, с блестящими зрачками. Он высокого роста, у него мощная фигура, сильные руки и ноги, в нем есть что-то от охотника прерий, хотя единственные ловушки для зверей, которые он устраивал, были те люки, через которые падают вниз миллионы свиных туш на его чикагских бойнях. Это очень резкий человек; по его положению ему следовало бы быть более сдержанным, но он с детства не получил никакого воспитания. Он любит выставлять напоказ свое состояние, и у него, как говорится, «в карманах звон стоит». Тем не менее он, повидимому, не считает их достаточно набитыми, ибо вместе с некоторыми другими обитателями той же части острова подумывает о том, чтобы вновь заняться делами.

Миссис Танкердон — ничем не примечательная американка, довольно добрая женщина, во всем покорная своему мужу, прекрасная мать, нежно любящая детей, самой судьбой предназначенная к тому, чтобы воспитать многочисленное потомство, и с успехом выполнившая это свое назначение. Если между прямыми наследниками предстоит делить миллиардное состояние, то почему не иметь их хоть целую дюжину? И они у нее есть — все здоровые и крепкие.

Из всего этого выводка внимание квартета по праву привлекает только старший сын, которому предстоит сыграть известную роль в нашем повествовании. Уол-

тер Танкердон — изящный молодой человек со средними способностями. Приятным лицом и манерами он больше напоминает мать, чем главу семьи. Он получил довольно хорошее образование, поездил по Америке и по Европе и теперь еще иногда путешествует, но привычки и вкусы привязывают его к блаженному существованию на Стандарт-Айленде: он занимается всеми видами спорта и возглавляет молодежь острова в состязаниях по теннису, поло, гольфу и крокету. Он не слишком гордится состоянием, которое когда-нибудь будет ему принадлежать, и у него доброе сердце. Правда, на острове нет неимущих, и его добросердечие поэтому не может должным образом проявиться. Но было бы неплохо, если бы его младшие братья и сестры походили на него. Уолтеру Танкердону уже скоро тридцать, ему пора подумать о женитьбе. Помышляет ли он об этом? Скоро увидим.

Между семейством Танкердонов — наиболее влиятельным в левобортной части острова — и семейством Коверли — самым уважаемым в правобортной — существует резкий контраст. Нэт Коверли — натура более утонченная, чем его соперник: в нем чувствуется французская кровь его предков. Его состояние вышло не из чрева земли, в виде густых потоков нефти, и не из дымящегося чрева забитых на бойне свиней. Нет, своим богатством он обязан промышленному бизнесу, железным дорогам, банковским операциям. Сам он хочет лишь спокойно наслаждаться своим богатством и не скрывает того, что готов воспротивиться всякой попытке превратить «жемчужину Тихого океана» в огромный завод или громадное торговое предприятие. Он высок и строен, с красивой, слегка седеющей головой. Несколько серебряных нитей уже пробиваются в его темнорусой бороде. По натуре он довольно холоден, манеры его свидетельствуют о хорошем воспитании. Он занимал первое место среди именитых людей Миллиард-Сити, которые блюдут традиции высшего общества Южных штатов Америки. Он любит искусство, разбирается в живописи и в музыке, охотно говорит по-французски, следуя привычке, распространенной среди правобортных жителей, знаком с американской и европейской

литературой — и когда представляется возможность, сопровождает свои аплодисменты криками «браво», в то время как грубоватые уроженцы Дальнего Запада или Новой Англии орут: «Ура!», «Гип! Гип!»

Миссис Коверли, которая на десять лет моложе своего мужа, только что, без особых вздохов, обогнула мыс сорокалетия. Это изящная, воспитанная, образованная женщина из одной полукреольской семьи старой Луизианы, она хорошо знает музыку и сама отличная пианистка. Членам квартета не раз случалось играть вместе с нею в ее особняке на Пятнадцатой авеню, и они не уставали восхищаться ее артистическими способностями.

Небо не благословило чету Коверли в той мере, в какой оно излило свою благодать на чету Танкердонов. Наследницами огромного состояния, которым мистер Коверли не кичится так, как его соперник, являются три дочери. Они очень привлекательны, и когда придет время выдавать их замуж, среди аристократов или финансистов Старого и Нового Света найдется немало претендентов на их руку. Впрочем, в Америке огромные приданые не редки. Несколько лет назад много говорили о маленькой мисс Терри, которая уже двух лет от роду являлась желанной невестой из-за своих семисот пятидесяти миллионов. Надо надеяться, что эта малютка нашла себе мужа по вкусу и что к преимуществу быть одной из самых богатых женщин в Соединенных Штатах ей удастся присоединить еще и второе — быть одной из самых счастливых.

Старшей дочери мистера и миссис Коверли, Диане, или, лучше, Ди, как ее называют в семье, только что минуло двадцать лет. Она — очень красивая молодая особа, в которой сочетаются физические и моральные качества родителей. Прекрасные синие глаза, роскошные светлорусые волосы, лицо свежее, как лепесток только что распустившейся розы, изящная гибкая фигура — все это легко объясняет, почему на мисс Коверли в Миллиард-Сити заглядываются молодые люди, которые не допустят, разумеется, чтобы иностранцы завоевали такое, выражаясь математически точно, действительно «бесценное сокровище». Есть даже основа-

ния полагать, что мистер Коверли не считал бы различие вероисповеданий препятствием к браку, если это обеспечит счастье дочери.

Поистине, достойно сожаления, что борьба за влияние в обществе разделяет два самые именитые семейства Стандарт-Айленда. Уолтер Танкердон словно нарочно создан для того, чтобы стать супругом Ди Коверли.

Но о таком союзе нечего и думать. Обе семьи скорее согласятся разрезать Стандарт-Айленд пополам и разъехаться в разные стороны, чем подписать когда-нибудь подобный брачный контракт!

«Если только в дело не вмешается любовь!» — говорит иногда г-н директор управления искусств, подмигивая из-за стекол золотого пенсне.

Однако нет никаких данных считать, что Уолтер Танкердон питает какую-либо склонность к Ди Коверли, а она — к нему; во всяком случае, если это и так, то оба проявляют сдержанность, которая не дает никакого повода разыграться любопытству светского общества Миллиард-Сити.

Плавучий остров продолжает продвигаться к экватору, все время придерживаясь сто шестидесятого меридиана. Перед ним развертывается та часть Тихого океана, в которой больше всего пространств, совершенно лишенных островов или островков, и где глубина нередко достигает двух миль. 25 июля Стандарт-Айленд проходит над провалом Белькнап, пропастью глубиной в шесть тысяч метров, откуда зонд извлек любопытные раковины и зоофитов, могущих выдерживать давление масс воды в шестьсот атмосфер.

Пять дней спустя плавучий остров пересекает архипелаг, принадлежащий Англии, хотя часто его именуют Американскими островами. Оставив с правого борта Пальмиру и Сункарунг, Стандарт-Айленд проходит в пяти милях от Фаннинга, где находятся самые крупные из многочисленных на этом архипелаге залежей гуано. Впрочем, эти вершины подводных гор, выступающие на поверхность, большей частью пустынны. И Соединенное королевство до настоящего времени не извлекло из них особенной выгоды. Но оно наложило

на них свою лапу, а всем хорошо известно, что тяжелая лапа Англии оставляет неизгладимые следы.

Каждый день, пока его товарищи бродят по парку или по пригородным полям, Фрасколен, которого глубоко занимают все подробности этого необычного плавания, отправляется на батарею Волнореза. Там он часто встречается с коммодором. Этель Симкоо охотно рассказывает ему обо всех особенностях этих морей, и если они представляют какой-либо интерес, вторая скрипка делится полученными сведениями со своими товарищами.

Во всяком случае, все четверо были одинаково восхищены зрелищем, которое подарила им природа в ночь с 30 на 31 июля.

Уже на склоне дня замечена была громадная масса акалеф, распространившаяся на несколько квадратных миль. Население острова еще ни разу не встречало в таком количестве этих медуз, которым некоторые естествоиспытатели присвоили наименование океанийских. Эти животные, с очень элементарным строением и простейшими функциями организма, даже по своей полушаровидной форме напоминают продукты растительного царства. Самые прожорливые рыбы относятся к ним скорее как к цветам; полагают, что ни одна рыба не употребляет их в пищу. Океанийские медузы, составляющие особенность тропической зоны Тихого океана, похожи на пестрые прозрачные зонтики, окаймленные щупальцами; диаметр этих медуз не более двух или трех сантиметров. Сколько миллиардов подобных существ нужно для того, чтобы образовать слой протяженностью в несколько миль!

Когда эти цифры называют в присутствии Пэншина, «Его высочество» заявляет:

— Все это не удивит знатных граждан Стандарт-Айленда, — ведь миллиард для них — ходячая монета!

Вечером население устремляется к «баку», то есть к террасе, возвышающейся над батареей Волнореза. Трамваи переполнены. Электрические экипажи набиты любопытными. В изящных каретах прибыли набобы города. Коверли и Танкердоны стараются держаться подальше друг от друга... Мистер Джем не здоровается

с мистером Нэтом, а мистер Нэт не приветствует мистера Джема. Оба семейства, однако, в полном составе. Ивернес и Пэншина имеют удовольствие беседовать с миссис Коверли и ее дочерью, которые, как всегда, очень любезны. Возможно, что Уолтер Танкердон испытывает некоторую досаду оттого, что лишен возможности принять участие в разговоре, и возможно также, что мисс Ди охотно поддержала бы беседу с молодым человеком... Вот был бы скандал! Сколько более или менее нескромных намеков появилось бы в репортаже о светской жизни в «Старборд-кроникл» и в «Нью-геральд»!

Когда наступает полная темнота, — насколько она может быть полной в сверкающей звездным светом тропической ночи, — Тихий океан как будто озаряется до самого дна. Широкий водный простор насыщен фосфорическим блеском, освещен розовыми и голубыми отблесками, но не пробегающими светлой чертой по гребням волн, а подобными тому ровному сиянию, которое источали бы неисчислимые сонмы светляков. Это фосфорическое свечение становилось столь ярким, что при нем можно читать как при свете дальнего северного сияния, как будто Тихий океан, поглощавший в течение целого дня солнечные лучи, возвращает их ночью этими потоками света.

Вскоре Стандарт-Айленд врезается в массу медуз, и она разделяется, огибая металлические берега плавучего острова. Прошло несколько часов — и вот он уже весь окружен переливающейся лучистой массой этих фосфоресцирующих моллюсков, чья светоносная сила нисколько не уменьшается. Сияние их подобно лучезарному ореолу, обрамляющему лики святых, серебристому нимбу над головой Христа. Это удивительное явление продолжается до самой зари и прекращается при первых ее лучах.

Еще через шесть дней «жемчужина Тихого океана» соприкоснется с огромной воображаемой окружностью, которая опоясывает нашу планету и которая, если бы она была действительно обозначена на ней, разрезала бы горизонт на две равные части. С этого места можно одновременно видеть оба полюса небесной сферы, один

на севере, озаренный мерцанием Полярной звезды, другой на юге, украшенный, словно грудь солдата, Южным Крестом. Добавим, что с различных точек этой экваториальной линии представляется, будто звезды ежедневно очерчивают круги, перпендикулярные к плоскости горизонта. Если вы хотите, чтобы дни и ночи были всегда одинаковой длины, вам следует переселиться в эти места, на те острова или те части материков, которые пересекает экватор.

Покинув Гавайские острова, Стандарт-Айленд прошел около шестисот километров. За время своего существования он уже вторично переправляется из одного полушария в другое и пересекает линию экватора, сперва спускаясь на юг, затем поднимаясь к северу. По случаю перехода через экватор для населения Миллиард-Сити устраивается праздник. Будет гулянье в парке, торжественная служба в протестантском храме и в церкви св. Марии, катание на электрических экипажах вокруг острова. Будет устроен великолепный фейерверк: свечи, змейки и многоцветные ракеты, пущенные с площадки обсерватории, смогут соперничать со звездами южного неба.

Как вы легко можете догадаться, это — подражание представлениям, которые обычно устраиваются на корабле, когда он достигает экватора, некое соответствие традиционному крещению новичков, впервые пересекающих экватор. И действительно, именно в этот день крестят всех детей, родившихся на Стандарт-Айленде после отплытия из бухты Магдалены. Та же крестильная церемония ожидает всех новых обитателей острова, еще не побывавших в Южном полушарии.

— Теперь наша очередь, — говорит товарищам Фрасколен. — Нам предстоит получить крещение...

— С какой стати! — восклицает Себастьен Цорн, подкрепляя свои возражения негодующим жестом.

— Да, мой старый пиликальщик! — говорит ему Пэншина. — Нам выльют на голову несколько ведер неосвященной воды, нас посадят на внезапно опрокидывающуюся лодку, нас неожиданно швырнут в чан, и Тропический дед явится со всей своей шутовской свитой, чтобы вымазать нам физиономии сажей.

— Если они воображают, — отвечает Себастьен Цорн, — что я подчинюсь этому дурацкому маскараду...

— Придется, — говорит Ивернес. — У всякой страны свои обычаи, и гости должны им подчиняться.

— Не тогда, когда гостей затаскивают насильно! — восклицает непримиримый глава Концертного квартета.

Но пусть не беспокоит его этот карнавал, которым подчас развлекаются на кораблях, пересекающих экватор! Пусть он не опасается появления Тропического деда! Музыкантов будут кропить не морской водой, а шампанским лучших марок. Не будут их обманывать, показывая линию экватора, уже заранее нарисованную на объективе подзорной трубы. Это развлечение для веселящихся матросов, а не для важных обитателей Стандарт-Айленда.

Празднество совершается под вечер 5 августа. Все служащие, кроме таможенников, которые не могут покинуть свои посты, освобождены от занятий. И в городе и в портах прекращаются все работы. Гребные винты перестают вращаться. Заряда в аккумуляторах хватит и для освещения и для электрической связи. Впрочем, Стандарт-Айленд не стоит на месте. Слабое течение увлекает его к линии, разделяющей нашу планету на два полушария. В церквах раздаются песнопения, молитвы и мощные звуки органа. Всеобщее веселье царит в парке; здесь с чрезвычайным увлечением предаются спортивным играм и состязаниям. В них участвуют представители всех классов населения. Самые богатые джентльмены с Уолтером Танкердоном во главе совершают чудеса на площадке для гольфа и на теннисном корте. Когда солнце, отвесно спускаясь к горизонту, закатится и короткие сумерки сменятся ночной тьмой, многоцветные ракеты фейерверка взлетят в небо и безлунная ночь будет только способствовать всему этому великолепию.

В главном зале казино Сайрес Бикерстаф лично совершает «крещение» членов квартета. Губернатор предлагает им пенящийся кубок, и шампанское льется рекой. Артисты получают свою весьма щедрую порцию

шампанского марки Клико и Редерера, и на такое крещение не приходит в голову жаловаться даже Себастьену Цорну, ибо оно ничем не напоминает соленую воду, которая смочила ему губы в первые дни его жизни[1].

Парижане, со своей стороны, отвечают на эти изъявления симпатии исполнением лучших произведений репертуара: седьмого квартета Бетховена фа-мажор (соч. 59), четвертого квартета Моцарта ми-бемоль (соч. 10), четвертого квартета Гайдна ре-минор (соч. 17), седьмого квартета (анданте, скерцо, каприччиозо) и фуги Мендельсона (соч. 81).

Да, публике преподносятся все эти чудеса концертной музыки, и притом бесплатно. В дверях давка, в зале не продохнуть. После каждой вещи приходится по два, по три раза играть на бис, и губернатор вручает исполнителям золотую медаль с ободком из бриллиантов, внушающих уважение количеством своих каратов; на одной стороне медали вычеканен герб Миллиард-Сити, а на другой нижеследующая французская надпись:

«В дар Концертному квартету от Компании, муниципалитета и населения Стандарт-Айленда».

И если все эти почести не проникают в глубину души непримиримого виолончелиста, так уж наверное по причине его отвратительного характера, о котором неустанно твердят ему товарищи.

— Подождем, чем все это кончится! — только и отвечает он, нервно теребя бородку.

В десять часов тридцать пять минут вечера — по расчетам астрономов Стандарт-Айленда — пловучий остров должен пересечь линию экватора. В это самое мгновение прогремит выстрел одного из орудий батареи Волнореза. Батарея соединена проводом с электрическим аппаратом, установленным в сквере обсерватории. Высокая и чрезвычайно завидная честь — соб-

---

[1] То есть при крещении по обряду католической церкви.

ственноручно включить ток и произвести выстрел — достанется одному из именитых господ.

В этот день на нее притязают два важных лица. Легко догадаться, что это Джем Танкердон и Нэт Коверли. Сайрес Бикерстаф крайне смущен этим обстоятельством. Между мэрией и обеими частями города уже имели место сложные переговоры, но соглашение так и не было достигнуто. По просьбе губернатора Калистус Мэнбар выступил в качестве посредника. Несмотря на все ухищрения, на все свои дипломатические способности, г-н директор решительно ничего не добился. Джем Танкердон не хочет пропускать вперед Нэта Коверли, который в свою очередь не согласен отступить перед Джемом Танкердоном. Все ожидают взрыва.

И он не замедлил разразиться с большим шумом, когда оба богача встретились в сквере лицом к лицу. Аппарат в пяти шагах от них... Остается лишь коснуться его кончиком пальца...

Узнав о возникшем споре, толпа, крайне возбужденная вопросом, кто одолеет, заполнила сад.

После концерта Себастьен Цорн, Ивернес, Фрасколен и Пэншина тоже отправились в сквер, — им любопытно следить за развитием этой борьбы, которая может привести в будущем к исключительно тяжелым осложнениям.

Оба именитых господина выступают вперед, даже не приветствуя друг друга кивком головы.

— Я полагаю, милостивый государь, — говорит Джем Танкердон, — что вы не станете оспаривать у меня чести...

— Именно этого я жду от вас, милостивый государь, — отвечает Нэт Коверли.

— Я не потерплю, чтобы в моем лице было публично нанесено...

— Я тоже не намерен терпеть...

— Хорошо, посмотрим! — восклицает Джем Танкердон, делая шаг к аппарату.

Нэт Коверли тоже делает шаг вперед.

Сторонники обоих именитых господ вмешиваются в дело. В их рядах раздаются вызывающие и оскор-

бительные выкрики. Уолтер Танкердон, конечно, готов поддержать права своего отца, но, заметив стоящую немного в стороне мисс Коверли, он проявляет очевидную растерянность.

Что касается губернатора, то, несмотря на поддержку господина директора управления искусств, который охотно выступит в роли буфера, он крайне огорчен тем, что не может соединить в одном букете белую розу Иорка и красную розу Ланкастера. И кто знает, не будет ли этот достойный сожаления спор иметь последствия столь же плачевные, как те, которые имела распря XV века для английской знати? [1]

Между тем приближается минута, когда нос Стандарт-Айленда разрежет линию экватора. Расчет произведен с точностью до одной четверти секунды, и расхождение может быть всего метров на восемь. Сейчас надо ожидать сигнала с обсерватории.

— Блестящая идея! — шепчет Пэншина.

— Какая?.. — спрашивает Ивернес.

— Я хвачу кулаком по кнопке аппарата, и это их сразу примирит друг с другом.

— Не надо! — говорит Фрасколен и крепкой рукой удерживает «Его высочество».

Словом, неизвестно, чем кончился бы инцидент, если бы не раздался орудийный выстрел...

Но это стреляет не батарея Волнореза. Все ясно расслышали, что он донесся с моря.

Толпа замерла в ожидании.

Что может означать выстрел орудия, не принадлежащего к артиллерии Стандарт-Айленда?

Телеграмма, полученная из Штирборт-Харбора, почти в ту же минуту разъясняет, в чем дело.

В двух или трех милях от пловучего острова тонет судно и просит о помощи.

Неожиданный и удачный исход! Теперь уже никому не приходит в голову ссориться у электрической кнопки и салютовать по поводу перехода через экватор. Да и время упущено. Линия уже пересечена, а положенный

---

[1] Имеется в виду междоусобная война английских феодалов, известная как война Алой и Белой розы.

выстрел так и остался в жерле орудия. В конце концов это даже лучше для чести семей Танкердона и Коверли.

Зрители покидают сквер, и так как электрические поезда сейчас не ходят, они пешком устремляются к молу Штирборт-Харбора.

Впрочем, в ответ на сигнал, полученный с моря, дежурный офицер порта уже принял меры для спасения терпящих бедствие. Один из электрических катеров, пришвартованных к гавани, вылетел из-за мола. И в тот момент, когда толпа подошла к порту, катер доставил потерпевших крушение, сняв их с судна, которое тут же погрузилось в пучины Тихого океана.

Это судно — малайский кэч, который все время следовал за Стандарт-Айлендом от самых Сандвичевых островов.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Маркизские острова

Утром 29 августа «жемчужина Тихого океана» находилась в самой середине архипелага Маркизских островов между 7°55′ и 10°30′ южной широты и 141° и 143°6′ западной долготы, по Парижскому меридиану. От Сандвичевых островов пройдено три с половиной тысячи километров.

Маркизский архипелаг называют также островами Менданы, в честь испанца, открывшего в 1595 году их южную часть. Именуют их, кроме того, островами Революции, так как в 1791 году капитан Маршан посетил северо-западную часть этой группы. Называются они и архипелагом Нукухива, потому что такое название присвоено самому крупному из этих островов. Но по всей справедливости их следовало бы назвать именем Кука: ведь этот знаменитый мореплаватель исследовал их в 1774 году.

Таким соображением поделился коммодор Симкоо с Фрасколеном, который, найдя замечание справедливым, не преминул добавить со своей стороны:

— Эту группу можно было бы также называть французским архипелагом, так как на Маркизских островах мы ведь почти во Франции.

В самом деле, французы могут рассматривать эту группу из одиннадцати островов или островков, как эскадру своей страны, стоящую на якоре в водах Тихого океана. Самые крупные из них — линейные корабли «Нукухива» и «Хива-Оа», те, что поменьше — крейсера различных классов — «Хиау», «Хуа-Пу», «Уа-Хука», самые маленькие — это миноносцы «Мотане», «Фату-Хива», «Тау-Ата», а островки и атоллы — просто катера, окружающие эскадру. Правда, острова эти не в состоянии передвигаться, подобно Стандарт-Айленду.

Первого мая 1842 года командующий отрядом французских кораблей в Тихом океане, контр-адмирал Дюпети-Туар, вступил от имени Франции во владение этим архипелагом. От тысячи до двух тысяч миль отделяют его от американских берегов, от Новой Зеландии, от Австралии, от Китая, от Молуккских и Филиппинских островов. Порицания или одобрения заслужили при таких обстоятельствах действия контр-адмирала? Оппозиция осудила их, правительственные круги — одобрили.

Как бы там ни было, но Франция располагает теперь островными владениями, в которых наши морские рыболовные суда находят прибежище, могут пополнять запасы продовольствия и которые приобретут подлинное торговое значение, если когда-нибудь будет прорыт Панамский канал. Владения эти округлились после того, как был объявлен французский протекторат над островами Помоту и островами Общества, составляющими их естественное продолжение. Раз уж в северо-западных областях этого необозримого океана распространилось британское влияние, нет ничего худого в том, чтобы его уравновесило французское на юго-востоке.

— Но, — спрашивает Фрасколен у своего любезного чичероне, — есть ли у нас на этих островах сколько-нибудь значительные военные силы?

— До тысяча восемьсот пятьдесят девятого года, — отвечает коммодор Симкоо, — на Нукухиве имелся отряд морской пехоты. Потом его отозвали, и охрана французского флага была поручена миссионерам, которые не спустили бы его без сопротивления.

— А сейчас?..

— В Таиохаэ вы найдете только резидента, нескольких жандармов и туземных солдат под командой офицера, выполняющего одновременно обязанности мирового судьи.

— Для разбора дел между туземцами?

— И между туземцами и между колонистами.

— Значит, на Нукухиве есть колонисты?

— Да... десятка два.

— Не из чего составить симфонический оркестр... Разве что духовой!

И правда, хотя Маркизский архипелаг, простирающийся на сто девяносто пять миль в длину и на сорок восемь в ширину, занимает площадь около тысячи трехсот квадратных километров, население его не достигает и двадцати четырех тысяч туземцев, так что на тысячу жителей едва приходится один колонист. Увеличится ли население Маркизских островов после того, как между двумя Америками будет проложен новый водный путь? [1] Это покажет будущее.

Что же касается населения Стандарт-Айленда, то количество его обитателей увеличилось за последние дни спасенными малайцами.

Их десять человек, не считая капитана, человека весьма решительной внешности, как мы уже говорили. Ему лет сорок, зовут его Сароль. Матросы его — крепкие парни из племени, населяющего самые дальние острова Западной Малайи. Три месяца тому назад этот Сароль привел их в Гонолулу с грузом копры. Искусственный остров, прибыв туда же для десятидневной стоянки, вызвал в них такое же изумление, какое вызывал повсюду. Правда, они не побывали на нем, ибо получить для этого разрешение очень трудно, но не

---

[1] Имеется в виду Панамский канал, строительство которого закончилось в 1913 г.

забудем, что кэч часто выходил в море, чтобы получше осмотреть пловучий остров со всех сторон, и огибал его на расстоянии полукабельтова. Ни постоянное соседство этого судна, ни его отплытие из Гонолулу через несколько часов после Стандарт-Айленда не вызвали никаких подозрений. Впрочем, стоило ли беспокоиться из-за суденышка в какую-нибудь сотню тонн с командой из десяти человек? Конечно, не стоило, но, может быть, это было ошибкой...

Когда пушечный выстрел привлек внимание дежурного офицера в Штирборт-Харборе, кэч находился всего в двух или трех милях. Спасательная шлюпка, высланная ему на помощь прибыла как раз во-время, чтобы принять капитана и команду.

Эти малайцы бегло говорят по-английски, что не удивительно для туземцев западных областей Океании, где, как мы уже упоминали, Великобритания добилась бесспорного преобладания. Поэтому нетрудно было выяснить, какое происшествие явилось причиной их несчастья. Ясно также, что, если бы катер опоздал на несколько минут, одиннадцать малайцев погибли бы в глубинах океана.

По словам этих людей, в ночь с 4 на 5 августа на кэч налетел пароход, шедший с большой скоростью. Хотя на судне капитана Сароля горели сигнальные огни, оно не было замечено. Для парохода столкновение было, повидимому, таким легким, что он его даже не почувствовал, ибо продолжал свой путь как ни в чем не бывало. Возможно, — к сожалению, это случается нередко, — пароход предпочел умчаться на всех парах и тем самым избежать дорогостоящих и неприятных претензий.

Но столкновение, не опасное для судна порядочного тоннажа, — к тому же идущего с большой скоростью, — оказалось роковым для малайского кэча. Он получил пробоину в носовой части перед фок-мачтой, и даже приходится удивляться, что судно не затонуло сразу. Как бы то ни было, оно оставалось на поверхности воды, и люди держались на нем, уцепившись за снасти. Если бы море было неспокойно, ни один из них не мог бы противиться волнам, которые

стали бы качать этот жалкий обломок. К счастью, течение понесло его на восток и приблизило к Стандарт-Айленду.

Расспрашивая Кароля, коммодор не может все же не выразить своего удивления, каким образом полузатонувший кэч очутился в виду Штирборт-Харбора.

— Я сам не понимаю, — ответил малаец. — Может быть, ваш остров за последние сутки двигался очень медленно?..

— Вот единственно возможное объяснение, — заметил коммодор Симкоо. — Да в конце концов это не важно. Главное то, что вы спасены.

И спасены как раз во-время. Прежде чем катер успел отойти на четверть мили, кэч исчез под водой.

Все это рассказал капитан Сароль сперва офицеру спасательной шлюпки, затем коммодору Симкоо, а потом и самому губернатору Сайресу Бикерстафу, после того как и капитану и экипажу кэча срочно была оказана необходимая помощь.

Теперь возникает вопрос о доставке потерпевших кораблекрушение на родину. Когда произошло столкновение, они плыли к Новым Гебридам. Стандарт-Айленд, идущий на восток, не может изменить маршрута и повернуть на запад. Поэтому Сайрес Бикерстаф предлагает малайцам высадить их на Нукухиве, где они подождут какого-нибудь торгового судна, направляющегося на Новые Гебриды.

Капитан и его матросы переглядываются. Как видно, они огорчены. Это предложение явно не устраивает бедняг, оставшихся без всяких средств к существованию, потерявших вместе со своим кэчем и грузом все, что они имели. Ждать корабля на Маркизских островах — значит, сидеть там в течение неопределенного времени. А на что они будут жить?

— Господин губернатор, — промолвил капитан умоляющим тоном, — вы нас спасли, и у нас не хватает слов, чтобы выразить вам нашу благодарность. Но все же мы просим вас облегчить также и наше возвращение на родину.

— А каким образом?.. — спросил Сайрес Бикерстаф.

— В Гонолулу говорили, что Стандарт-Айленд направляется в южные широты и должен побывать на Маркизских островах, Помоту, на островах Общества, а затем перекочевать в западные области Тихого океана...

— Это правда, — ответил губернатор, — и весьма возможно, что мы дойдем до островов Фиджи, прежде чем отправимся обратно в бухту Магдалены.

— Фиджи, — продолжал капитан, — английский архипелаг, откуда мы легко добрались бы до Новых Гебрид, они неподалеку. Если бы вы только разрешили нам остаться здесь...

— На этот счет я ничего не могу вам обещать, — ответил губернатор. — Нам запрещено принимать на остров посторонних. Подождем до прибытия на Нуку-хиву. Я запрошу каблограммой наше управление в бухте Магдалены, и, если оно разрешит, мы довезем вас до Фиджи, откуда вам действительно будет легче перебраться на Новые Гебриды.

По этой-то причине малайцы оказались на Стандарт-Айленде, когда 29 августа он появился в виду Маркизских островов.

Этот архипелаг, так же как и архипелаги Помоту и Общества, находится в той части Океании, которая овевается пассатными ветрами, и эти ветры обеспечивают здесь умеренную температуру и самый здоровый климат.

Рано утром пловучий остров подошел к северо-западной части архипелага. Здесь на пути ему попался песчаный атолл, обозначенный на картах как коралловый островок; волны, гонимые течением, обрушиваются на него с неистовой яростью.

Атолл остается с левого борта, и в скором времени вахтенные сообщают о появлении первого острова, Фетуу, опоясанного вертикальными утесами высотою в четыреста метров. Затем возникает остров Хиау, с еще более высокой, шестисотметровой скалистой стеной: с этой стороны он производит впечатление совершенно бесплодного острова, в то время как с противоположной он свеж, зелен и имеет две бухточки, достаточно удобные для мелких судов.

Предоставив Себастьену Цорну пребывать в своем вечном дурном настроении, Фрасколен, Ивернес и Пэншина расположились на башне в обществе Этеля Симкоо и его помощников. Не приходится удивляться тому, что название Хиау своим звукоподражательным характером внушает «Его высочеству» разные странные идеи.

— Наверное, — говорит он, — это кошачья колония под главенством здоровенного кота...

Хиау остается с левого борта. Стоянки здесь не будет, и Стандарт-Айленд направляется к главному острову, давшему название всему архипелагу.

На следующий день, 30 августа, наши парижане снова на своем посту. Высоты Нукухивы показались еще вчера вечером. В ясную погоду горные цепи этого архипелага можно видеть на расстоянии восемнадцати — двадцати миль, ибо некоторые пики достигают тысячи двухсот метров и вырисовываются вдоль острова, как гигантский спинной хребет.

— Бросается в глаза, — говорит коммодор Симкоо своим гостям, — характерная особенность этого архипелага. Вершины гор совершенно обнажены, что по меньшей мере странно для этих мест; растительность появляется почти на середине склона, спускается в овраги и ущелья и устилает пышным покровом берег вплоть до белых пляжей.

— Однако,— замечает Фрасколен, — Нукухива, повидимому, исключение из этого правила, если говорить о растительности в поясе средней высоты. Похоже, что этот остров совсем бесплодный.

— Так кажется потому, что мы подошли к нему с северо-запада, — отвечает коммодор Симкоо. — Но когда мы пойдем вдоль южной стороны, вы будете поражены резким контрастом. Там повсюду зеленые поля, леса, водопады метров на триста...

— Подумайте только! — восклицает Пэншина. — Масса воды, низвергающаяся с высоты Эйфелевой башни, — это заслуживает внимания!.. Тут и Ниагара может позавидовать...

— Ничего подобного! — возражает Фрасколен. — Ниагара поражает своей шириной, непрерывная линия

водопада простирается там на девятьсот метров от американского берега до канадского... Ты это сам знаешь, Пэншина, мы ведь там были.

— Правильно! Приношу свои извинения Ниагаре! — отвечает «Его высочество».

В тот день Стандарт-Айленд плыл вдоль берегов на расстоянии одной мили. Перед глазами были все одни и те же бесплодные холмы, поднимающиеся к центральному плато Товии, скалистые утесы, в которых не заметно было никаких впадин. Однакоже, по словам мореплавателя Брауна, тут имелись хорошие бухты, и впоследствии они действительно были обнаружены.

В общем же, Нукухива, чье название рождает в воображении такие прелестные пейзажи, имеет довольно угрюмый вид. Но, как справедливо указывают В. Дюмулен и Дегра, спутники Дюмон-Дюрвиля во время его путешествия к Южному полюсу и по Океании, — «все природные красоты сосредоточены во внутренней части бухт, в ущельях, образованных отрогами горной цепи, поднимающейся в центре острова».

Пройдя вдоль этого пустынного побережья и обогнув на западе острый выступ, Стандарт-Айленд слегка изменяет направление и, уменьшив скорость вращения правобортных винтов, огибает мыс Чичагова, названный так русским мореплавателем Крузенштерном. Берег затем образует выемку в виде удлиненной дуги, посередине которой имеется узкий вход в порт Тайоа, или Акани, одна из бухточек которого предоставляет верное убежище от самых губительных бурь Тихого океана.

Но здесь коммодор Симкоо не останавливается. В южной части острова есть две другие бухты, бухта Анны-Марии, или Таиохаэ, в центре, и бухта Тайпи, по ту сторону мыса Мартен, крайней юго-восточной точки острова. В виду бухты Таиохаэ и намечается остановка дней на двенадцать.

Тридцать первого августа, как только Стандарт-Айленд появляется в виду порта, справа раздаются выстрелы и над утесами поднимаются клубы дыма.

— Вот как! — говорит Пэншина. — В честь нашего прибытия палят из пушки...

— Нет, — возражает коммодор Симкоо. — Ни у племени таи, ни у племени хаппа, населяющих этот остров, нет артиллерии, пригодной хотя бы для салютов. То, что вы слышите, — грохот морского прибоя, который врывается в прибрежную пещеру, на полдороге от мыса Мартен, и этот дым — просто брызги волн, отброшенных назад.

— Жаль, — отвечает «Его высочество», — пушечный салют то же, что шляпа, снятая в знак приветствия.

Остров Нукухива имеет несколько названий, можно сказать несколько имен, которыми наделяли его разные крестные отцы: Ингрэм назвал его островом Федерации, Маршан — Прекрасным островом, Гергерт — островом сэра Генри Мартена, Робертс — островом Адама, Портер — островом Мэдисона. Его размеры — семнадцать миль от восточной оконечности до западной и десять от северного берега до южного, то есть около пятидесяти четырех миль в окружности. Климат его здоровый. Температура такая же, как в тропических зонах на материках, но смягченная пассатными ветрами.

На этой стоянке Стандарт-Айленду нечего было опасаться ни штормового ветра, ни проливных дождей. Предполагалось, что он останется здесь с апреля до октября — время, когда преобладают сухие восточные и юго-восточные ветры, именуемые туземцами «туатука». Самое знойное время приходится на октябрь, самое засушливое — на ноябрь и декабрь. А с апреля по октябрь дуют переменные ветры, начиная от восточного до северо-восточного.

Надо отвергнуть преувеличенные цифры первых открывателей, которые исчисляли население Маркизских островов в сто тысяч человек. Элизе Реклю, опираясь на основательные данные, полагает, что теперь на всем архипелаге не наберется и шести тысяч душ, причем бóльшая часть приходится на остров Нукухива. Если во времена Дюмон-Дюрвиля количество нукухивцев, состоявших из племен таи, хаппа, тайоа и тайпи, могло доходить до восьми тысяч человек,

то, значит, с тех пор население непрерывно сокращается. Отчего же остров так обезлюдел? Оттого, что туземцы гибнут во время войн, оттого, что мужчин насильно вывозят для работы на перуанские плантации, оттого, что население злоупотребляет спиртными напитками, и, наконец, надо признаться откровенно, — оно вымирает от бедствий, которые всегда несет с собою чужеземное завоевание, даже если завоеватели принадлежат к цивилизованным народам.

Во время этой недельной стоянки миллиардцы часто посещают Нукухиву. Наиболее видные из европейцев, живущих на острове, отдают визиты, пользуясь разрешением губернатора, который открывает свободный доступ на Стандарт-Айленд.

Себастьен Цорн и его товарищи предпринимают длительные экскурсии, и удовольствие, которое они получают, щедро вознаграждает их за усталость.

Бухта Таиохаэ образует окружность с очень узким входом в гавань, через который Стандарт-Айленд не смог бы пройти, тем более что побережье бухты представляет собою два песчаных пляжа, разделенных возвышенностью с крутыми склонами, где еще виднеются развалины форта, выстроенного Портером в 1812 году. В то время этот мореплаватель завоевывал остров, причем американский лагерь находился на восточном побережье: впрочем, федеральное правительство не признало произведенного им захвата.

На противоположном берегу бухты Таиохаэ перед нашими парижанами не город, а всего лишь скромная деревня; многие хижины ее укрываются под деревьями. Но какие изумительные долины спускаются к бухте — прежде всего долина Таиохаэ, в которой жители Нукухивы селятся особенно охотно. Какое наслаждение бродить среди сочной зелени кокосовых пальм, бананов, казуарин, гуайяв, гибискусов, хлебных деревьев и стольких других! В туземных хижинах туристов встречают гостеприимно. Там, где еще сто лет назад их, возможно, сожрали бы, они с удовольствием пробуют лакомства, приготовленные из бананов и из теста меи, из плодов хлебного дерева, желтоватую

кашицу таро, сладкую в свежем виде и слегка кисловатую, если она постояла, а также съедобные корни такки. Что же касается хауа — большого ската, которого едят в сыром виде, и акульих филе, которые, по мнению туземцев, тем вкуснее, чем больше протухли, — то музыканты решительно отказались отведать этих изысканных яств.

Иногда их сопровождает Атаназ Доремюс. В прошлом году он уже побывал на этом архипелаге и теперь служит им гидом. Может быть, он не так уж силен в естествознании и ботанике, может быть, он не отличает великолепную Spondias cytherea, плоды которой похожи на яблоко, от Pandanus odoratissimus, вполне оправдывающего своей эпитет — «благоуханнейший», и от казуаринов, у которых древесина тверда, как железо, от гибискуса, из коры которого туземцы делают себе одежду, от дынного дерева или от цветущей гардении. Но квартету незачем прибегать к помощи его сомнительной учености, так как местная флора сама выставляет напоказ роскошные папоротники, великолепные полиподиумы, красные и белые китайские розы, злаки, пасленовые (среди них — табак), губоцветные с фиолетовыми гроздьями, являющиеся самым изысканным украшением красавиц островитянок, затем клещевинные в десять футов высоты, драцены, сахарный тростник, апельсиновые и лимонные деревья, завезенные сюда лишь недавно, но уже отлично освоившиеся в этой почве, прогретой знойным солнцем и обильно орошаемой бесчисленными ручьями, сбегающими с гор.

Однажды утром члены квартета забрались выше деревни Таи и поднялись по берегу горного потока до вершины хребта. Какие восторженные возгласы вырвались из их уст, когда перед их глазами открылись приветливые долины племен таи, тайпи и хаппа! Если бы с ними были их инструменты, они поддались бы желанию выразить исполнением какого-нибудь гениального музыкального произведения свой восторг перед гениальными творениями природы! Правда, музыке внимали бы только птицы. Но до чего они красивы — и

горлица куру-куру, залетающая на эти высоты, и прелестная маленькая салангана, и капризно порхающий фаэтон, частый гость нукухивских ущелий!

И в этих лесных чащах не нужно было бояться каких-нибудь ядовитых змей. Удавы, едва достигавшие двух футов длины, были столь же безобидны, как ужи, — на них никто не обращал внимания, так же как и на обезьян с лазурным хвостом, не уступающим окраской цветам.

Туземцы по типу весьма примечательны. В них обнаруживаются азиатские черты, выдающие иное происхождение, чем у остальных океанийских народов. Они среднего роста, с классически пропорциональной фигурой, очень мускулисты, широкогруды. У них тонкие конечности, удлиненный овал лица, высокий лоб, черные глаза с длинными ресницами, орлиный нос, белые ровные зубы, кожа не красноватая, не черная, а темнокоричневая, как у арабов, выражение лица веселое и приветливое.

У них почти совсем исчез обычай украшать себя татуировкой, которая здесь делается не путем надрезов на коже, а при помощи уколов иглою, которые затем присыпают порошком из пережженного алорита. Теперь татуировку заменяют хлопчатобумажные ткани, внедренные миссионерами.

— Красивые люди, — говорит Ивернес, — но наверное они были красивей в те времена, когда не носили ничего, кроме набедренной повязки, и ходили с непокрытой головой, потрясая луком и стрелами.

Это замечание он сделал во время прогулки к бухте Контроллер в сопровождении губернатора. Сайрес Бикерстаф пожелал сам повести своих гостей в эту бухту, разделенную, подобно бухте Ла-Валлетта, на несколько гаваней, и, без сомнения, в руках англичан Нукухива превратилась бы в Мальту Тихого океана. В местности этой, среди возделанной плодородной равнины, орошенной небольшой речкой, которую питает звонкий водопад, живет племя хаппа. Именно там и разыгрались самые ожесточенные схватки американца Портера с туземцами.

Замечание Ивернеса требует ответа, и губернатор говорит:

— Может быть, вы и правы, господин Ивернес. Маркизцы имели более благородный вид, когда они носили набедренную повязку маро и пестро раскрашенное парео, аху бун — нечто вроде легкого шарфа — и типута, похожее на мексиканское пончо. Современная одежда к ним действительно не идет! Но что поделаешь! Забота о приличиях — следствие цивилизации. Наши миссионеры, стараясь просвещать туземцев, в то же время всячески убеждают их одеваться менее упрощенно.

— Что же, они, по-вашему, правы?

— С точки зрения приличий — да! С точки зрения гигиены — нет! С тех пор как жители Нукухивы, да и другие островитяне, стали одеваться пристойнее, они, будьте уверены, в значительной мере утратили и свою первоначальную физическую силу и природную веселость. Они скучают, и это отражается на их здоровье. Прежде они понятия не имели о всяких там бронхитах, пневмониях, чахотках...

— А с тех пор как им не дают ходить нагишом, они простужаются?.. — воскликнул Пэншина.

— Совершенно верно! Тут одна из серьезнейших причин вырождения целой расы.

— Из чего я делаю вывод, — подхватил Пэншина, — что Адам и Ева стали чихать лишь с того дня, когда надели штаны и юбку, после того как их изгнали из земного рая, — а мы, их выродившиеся потомки, расплачиваемся за это воспалением легких!

— Господин губернатор, — говорит Ивернес, — нам показалось, будто на этом архипелаге женщины не так красивы, как мужчины...

— Да, и на других островах то же самое, — отвечает Сайрес Бикерстаф, — а между тем здесь вы наблюдаете самый совершенный тип океанийских женщин. Но ведь это, кажется, закон природы, общий для всех рас, близких к дикому состоянию? Впрочем, так же обстоит дело и в царстве животных, где, с точки зре-

ния физической красоты, самцы всегда стоят выше самок.

— Эге! — воскликнул Пэншина. — Такие наблюдения можно делать только забравшись на край света, а наши прекрасные парижанки ни за что с этим не согласятся.

Население Нукухивы разделяется всего на два класса, и оба они подчинены закону табу. Этот закон для охраны своих привилегий и своего имущества изобрели сильные против слабых, богатые против бедных.

Имеется целый класс людей табу. К нему принадлежат жрецы, колдуны, или туа, акарки, или светские начальники; на остальных людей, на большинство женщин и на весь простой народ, табу не распространяется. Табу обозначается белым цветом, и простые люди не имеют права подходить к табуированным священным местам, надгробным памятникам, жилищам вождей. Запрещено не только прикасаться к предмету табу, но нельзя даже смотреть на него.

— И это правило, — говорит музыкантам Сайрес Бикерстаф, — так строго соблюдается на Маркизских островах, и на Помоту, и на островах Общества, что я никак не советовал бы вам, господа, нарушать его.

— Слышишь, милейший Цорн! — замечает Фрасколен. — Не вздумай давать волю ни рукам, ни глазам!

Виолончелист только пожимает плечами, как человек, которого все это нисколько не касается.

Пятого сентября Стандарт-Айленд покидает место своей стоянки Таиохаэ. Он оставляет на востоке остров Хуа-Хуна (Кахуга), самый восточный из первой группы островов. Видны лишь его далекие зеленеющие возвышенности. Пляжей там нет, ибо берега его представляют собою скалистую отвесную стену. Само собою разумеется, что, плывя вдоль этих островов, Стандарт-Айленд старается умерить ход, ибо если бы его огромная масса двигалась на полной скорости, она произвела бы приливную волну такой силы, что суда оказались бы выброшенными на сушу, а все побе-

режье — затопленным. Стандарт-Айленд держится на расстоянии нескольких кабельтовых от Хуа-Пу, примечательного по виду острова, ибо он весь щетинится острыми базальтовыми скалами. Имеются там две бухты — бухта Овладения и Добро Пожаловать, — крестным отцом которых был француз. И действительно, именно здесь поднял французский флаг капитан Маршан.

Миновав Хуа-Пу, Этель Симкоо входит в проливы между островами второй группы и направляется к Хива-Оа, или, на испанский лад, — острову Доминика. Самый большой в архипелаге, остров этот вулканического происхождения и имеет пятьдесят шесть миль в окружности. Хорошо видны его черные гранитные утесы и водопады, незвергающиеся с центральных возвышенностей, покрытых богатейшей растительностью.

Пролив шириною в три мили отделяет этот остров от Тау-Аты. Для Стандарт-Айленда он слишком узок, поэтому приходится обогнуть Тау-Ату с запада, где бухта Мадре де Диос — по Куку бухта Резольюшен — была первой, принявшей корабли европейцев. Этот остров выиграл бы, находись он подальше от своего соперника — Хива-Оа. Тогда, может быть, им труднее было бы воевать друг с другом, племена, их населяющие, не могли бы сталкиваться и заниматься взаимоистреблением, которому они доныне с увлечением предаются.

Пройдя мимо оставшихся в восточной стороне берегов Мотане, острова совершенно бесплодного, голого, необитаемого, коммодор Симкоо, взял направление на Фату-Хиву, когда-то именовавшуюся островом Кука. На самом деле — это просто огромная скала, заселенная птицами тропического пояса, сахарная голова окружностью в три мили! После полудня 9 сентября Стандарт-Айленд теряет из виду этот последний юго-восточный островок архипелага.

Согласуясь со своим маршрутом, искусственный остров поворачивает на юго-запад, чтобы достигнуть архипелага Помоту и пересечь его в средней его части.

Погода попрежнему благоприятна, — здешний сентябрь соответствует марту Северного полушария.

Утром 11 сентября шлюпка, посланная из Бакборт-Харбора, подошла к пловучему бую, на котором закреплен один из кабелей бухты Магдалены. Конец медного провода, изолированного слоем гуттаперчи, присоединяют к аппаратам обсерватории, и таким образом устанавливается телефонная связь с берегами Америки.

Администрация Стандарт-Айленда запрашивает управление Компании насчет потерпевших кораблекрушение малайцев. Разрешат ли губернатору дать им возможность добраться на пловучем острове до Фиджи, откуда они более быстрым и дешевым способом могут попасть на родину?

Получен благоприятный ответ. Стандарт-Айленду даже разрешается, если против этого не будет возражать совет именитых граждан Миллиард-Сити, плыть дальше на запад, до Новых Гебрид, чтобы высадить там потерпевших.

Сайрес Бикерстаф сообщает об этом решении капитану Саролю, и тот просит губернатора передать его благодарность всему правлению в бухте Магдалены.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Три недели на Помоту

Члены квартета проявили бы поистине возмутительную неблагодарность в отношении Калистуса Мэнбара, если бы не испытывали к нему признательности за то, что он, пусть даже несколько предательским способом, заманил их на пловучий остров. Да не все ли равно, какие средства применил г-н директор, для того чтобы превратить парижских артистов в столь восторженно принятых, окруженных всеобщим преклонением и щедро оплачиваемых гостей Миллиард-Сити! Себастьен Цорн все еще продолжает дуться, но ведь невозможно покрытого колючими иглами ежа превратить в кошечку с мягкой шерстью. А Ивернес, Пэншина, даже Фрас-

колен, и не мечтают о более приятной жизни. Такая чудесная прогулка! Ни опасностей, ни усталости! Прекрасный здоровый климат, почти всегда остававшийся ровным благодаря перемене места!.. Участвовать в соперничестве двух лагерей им не приходится, их музыку всюду принимают, как живую поэзию пловучего острова. В семье Танкердонов и в наиболее видных семьях левобортной части Миллиард-Сити их принимают так же охотно, как в семье Коверли и у других именитых людей правобортной стороны; в мэрии к ним проявляют самое высокое уважение губернатор и его подчиненные, в обсерватории — коммодор Симкоо и его помощники; у них прекрасные отношения с полковником Стьюартом и его людьми, квартет их оказывает содействие и католическим праздникам и богослужениям в протестантской церкви; они находят себе друзей в обоих портах, на заводах, среди служащих и рабочих. Разве могут в таких условиях наши французы пожалеть о том времени, когда они разъезжали по городам Соединенных Штатов? И найдется ли такой равнодушный к утехам жизни человек, который не позавидует им?

«Вы станете мне руки целовать!» — сказал господин директор во время первой их встречи.

И если они этого не сделали и никогда не сделают, то лишь потому, что целовать руки у мужчин не принято.

Однажды Атаназ Доремюс, счастливейший — если такие вообще существуют — из смертных, сказал им:

— Я на Стандарт-Айленде уже около двух лет и без сожаления готов пробыть тут и шестьдесят лет, только бы мне гарантировали, что через шестьдесят лет я еще буду жив...

— Видно, жизнь вам не опротивела, — ответил ему Пэншина, — раз вы хотели бы прожить до ста!

— О господин Пэншина, будьте уверены, что я и доживу до ста лет! Ну чего ради умирать на Стандарт-Айленде?..

— Всюду же умирают...

— Только не здесь, милостивый государь, здесь, как и в раю небесном, не умирают!

Что на это ответить? Все же от времени до времени случалось, что и на этом волшебном острове неразумные люди отправлялись на тот свет. Тогда их останки перевозили на пароходах в бухту Магдалены. Видно, уж так судьба решила, что в нашем несовершенном мире полное блаженство недостижимо.

Все же и на горизонте Стандарт-Айленда наблюдаются кое-какие черные пятнышки, — приходится даже признать, что они постепенно принимают форму насыщенных электричеством туч, которые в скором времени могут разразиться грозами, бурями и шквалами.

Все обостряющееся соперничество Танкердонов и Коверли внушает опасения. Их сторонники тоже враждуют между собой. Не дойдет ли дело в один прекрасный день до схватки между двумя партиями? Не угрожают ли Стандарт-Айленду смуты, мятежи, революции? Хватит ли у главного управления энергии, а у губернатора Сайреса Бикерстафа твердости, чтобы сохранить мир между этими Капулетти и Монтекки пловучего острова? От соперников, чье самолюбие, по-видимому, беспредельно, можно ждать всего.

С того времени, как при переходе через экватор между ними произошло столкновение, оба миллиардера находятся в открытой вражде. И того и другого поддерживают их друзья. Между двумя частями острова прекратились всякие отношения. Завидя друг друга издали, люди стараются не встречаться, а если встреча оказывается неизбежной, — какими они обмениваются угрожающими жестами и злобными взглядами! Распространился даже слух, будто бывший чикагский коммерсант и еще несколько левобортников намереваются основать торговый дом, будто они добиваются у Компании разрешения построить большой завод, завести на остров сто тысяч свиней, забить их, засолить и продавать на различных архипелагах Тихого океана.

Можно сказать, что теперь особняк Танкердона и особняк Коверли представляют собой два пороховых погреба. Достаточно искры, и они взлетят на воздух, —

а с ними и весь пловучий остров. Не следует забывать, что в конце концов это всего-навсего судно, плывущее над глубочайшими провалами Тихого океана.

Взрыв, разумеется, может произойти лишь в «чисто моральном плане», — если допустимо такое выражение, — но он привел бы к весьма плачевным последствиям; несомненно, именитые граждане решили бы покинуть остров. А такое решение оказалось бы роковым для всего будущего Компании Стандарт-Айленд и для ее финансового положения.

Словом, эта распря чревата опасными осложнениями, если не материальными катастрофами. Да и как знать, не грозят ли острову даже и такие бедствия?..

В самом деле, властям Стандарт-Айленда, бдительность которых ослабела в атмосфере обманчивой безопасности, следовало бы внимательнее наблюдать за капитаном Саролем и его малайцами, столь гостеприимно принятыми после крушения их судна! Нельзя сказать, чтобы они вели подозрительные разговоры, — они вообще не словоохотливы, живут обособленно и не заводят ни с кем никаких отношений, наслаждаясь безмятежным существованием, о котором они не раз вспомнят на своих диких Новых Гебридах! Есть ли повод подозревать их в чем-либо? И да и нет. Более бдительный наблюдатель заметил бы, что они целыми днями шныряют по острову, изучают Миллиард-Сити, расположение его улиц, дворцов и особняков, словно хотят составить самый точный план города. Их встречаешь и в парке и в окрестностях. Они появляются в Бакборт-Харборе и в Штирборт-Харборе и следят за прибытием и отходом кораблей. Бывает, что во время дальних прогулок они исследуют побережье, где днем и ночью дежурит таможенная охрана, или посещают батареи, расположенные в носовой и кормовой части Стандарт-Айленда. Но ведь это так естественно! Могут ли малайцы, находясь в вынужденном бездействии, лучше использовать свое время и есть ли основания усматривать здесь что-либо подозрительное?

Между тем коммодор Симкоо ведет Стандарт-Айленд с небольшой скоростью в юго-западном направлении. Ивернес, словно все его существо обновилось с

тех пор, как он сделался пловучим островитянином, целиком отдается очарованию этого путешествия. С Пэншина и Фрасколеном произошло то же самое. Какие восхитительные концерты они дают дважды в месяц в казино, и как великолепны их выступления на вечерах и балах, куда их стараются залучить, суля золотые горы! Каждое утро из газет Миллиард-Сити, которым подводные кабели доставляют самые свежие телеграфные сообщения о важнейших событиях, а пароходы, совершающие регулярные рейсы, привозят каждые два-три дня интереснейший материал для хроники, они узнают все новости светской жизни, науки, искусства и политики Старого и Нового Света. Что касается политики, то надо отметить, что английская печать всех направлений не перестает возражать против существования пловучего острова, который избрал местом своих путешествий Тихий океан. Но на эти возражения ни на Стандарт-Айленде, ни в бухте Магдалены не обращают внимания.

Упомянем также, что уже в течение нескольких недель Себастьен Цорн и его товарищи читают в рубрике заграничных известий, что их судьба обсуждается в американских газетах. Таинственное исчезновение знаменитого Концертного квартета, который пользовался таким успехом в Соединенных Штатах, не могло не вызвать изрядного шума. Когда в назначенный день квартет не прибыл в Сан-Диего, этот город первым забил тревогу. Начали собирать сведения, и в конце концов выяснилось, что французские артисты были похищены и теперь находятся на пловучем острове. Впрочем, поскольку они сами не протестовали против этого похищения, обмена дипломатическими нотами между Компанией Стандарт-Айленда и федеральным правительством не последовало. Когда квартету заблагорассудится вновь появиться там, где он стяжал такие успехи, его встретят наилучшим образом.

Понятно, что обе скрипки и альт принудили к молчанию виолончель, которая не прочь была бы стать причиной объявления войны и военных действий между Новым Светом и «жемчужиной Тихого океана»!

Впрочем, наши музыканты не раз уже писали во Францию, после того как их насильно водворили на пловучем острове. Их семьи перестали беспокоиться, и теперь обмен письмами осуществляется так же регулярно, как если бы его обеспечивала почтовая связь между Парижем и Нью-Йорком.

Однажды утром, 17 сентября, Фрасколен, засевший в библиотеке казино, ощутил весьма естественное желание ознакомиться с картой архипелага Помоту, к которому они в данный момент направлялись. Но едва только он раскрыл атлас и его взгляд устремился на эту часть Тихого океана, как у него вырвалось невольное восклицание:

— Тысяча квинт! Как же Этель Симкоо выпутается из такого хаоса?.. Никогда ему не найти прохода среди этого нагромождения островов и островков!.. Их тут сотни!.. Как горсть щебня в луже! Он разобьется о скалы, сядет на мель, тут зацепится винтами, там испортит машину!.. И мы застрянем в этом архипелаге, который так же кишит островами, как побережье нашего Морбиана в Бретани!

Рассудительный Фрасколен совершенно прав. Однако на побережье Морбиана всего триста шестьдесят пять островов, — столько, сколько дней в году, а в архипелаге Помоту можно смело насчитать их в два раза больше. Омывающее их море огорожено поясом коралловых рифов протяженностью не менее шестисот пятидесяти миль, по данным Элизе Реклю.

Изучая карту этой группы островов, можно лишь удивляться тому, как корабль, а тем более судно такого рода, как Стандарт-Айленд, отваживается пуститься в рискованное плавание через этот архипелаг. Расположенный между 17 и 28° южной широты и между 134 и 147° западной долготы, он состоит, считая от острова Матахива до острова Питкэрна, приблизительно из тысячи островов и островков — или по крайней мере семисот.

Не удивительно, что эту группу наделяли самыми различными названиями; например, эти острова называли «Опасным архипелагом» и «Архипелагом злого моря», — ведь обилие географических названий вообще

является своего рода привилегией Тихого океана; во всяком случае, эти острова именуются также «Низменные», «Туамоту», что означает «Далекие острова», «Южные», «Темные» и даже «Таинственная земля». Что касается названия Помоту, или Памоту, означающего острова «Покорившиеся», то депутация жителей архипелага, собравшаяся в 1850 году в Папеэте, столице Таити, протестовала против такого наименования. И хотя французское правительство, приняв во внимание эти возражения, выбрало из всех названий архипелага название «Туамоту», — пожалуй, лучше сохранить в нашем повествовании более известное «Помоту».

Но как ни опасно плавание в здешних краях, коммодор Симкоо не колеблется. Он знает их так хорошо, что на него можно положиться. Он маневрирует своим пловучим островом, словно это шлюпка. Он заставляет его кружиться на месте, как будто управляет им при помощи кормового весла. Фрасколен может не беспокоиться за Стандарт-Айленд: острые выступы Помоту не заденут стального кузова.

Днем 19 сентября наблюдатели обсерватории отметили на расстоянии двенадцати миль первые признаки архипелага. Острова эти на редкость низменны. Если некоторые из них возвышаются над уровнем моря метров на сорок, зато семьдесят четыре островка выступают из воды не более чем на метр и дважды в сутки затоплялись бы морем, если бы сила прилива не была здесь так ничтожно мала. Все прочие острова просто атоллы, опоясанные пенящейся линией прибоя, совершенно бесплодные коралловые отмели и голые рифы, расположенные в том же направлении, что и весь архипелаг.

Стандарт-Айленд приближается к архипелагу с востока, чтобы подойти к Анаа; на этом острове раньше была столица, но после того как в 1878 году ужасный ураган, пронесшийся вплоть до острова Каукура, произвел на Анаа страшные разрушения и погубил большое количество жителей, столицей стала Факарава.

Первым — в трех милях от Стандарт-Айленда — по-

казался Вахитахи. На пловучем острове были приняты тщательные меры предосторожности, так как эти места — самая опасная часть архипелага из-за сильных течений и длинной гряды рифов, протянувшейся на восток. Вахитахи — коралловый атолл, окруженный тремя лесистыми островами; на том, который расположен с северной стороны, находится главное селение этой группы островов.

На следующий день прошли мимо острова Акити, полюбовались рифами, расцвеченными ковром из брионий, портулака, какой-то стелющейся желтоватой травы и мохнатого огуречника. От других островов архипелаг Акити отличается тем, что у него нет внутренней лагуны. Заметен он с довольно большого расстояния, так как его высота над уровнем океана больше обычной высоты коралловых островов.

На третий день показался Аменд — остров более значительных размеров, его лагуна сообщается с океанскими водами двумя проливами, перерезающими северо-западный берег.

Хотя жители Миллиард-Сити вполне удовлетворены неторопливым плаванием среди этих мест, которые они уже посещали в прошлом году, и довольствуются тем, что любуются всеми их чудесами издали, Пэншина, Ивернес и Фрасколен охотно сделали бы несколько остановок, чтобы осмотреть эти острова, построенные полипами, то есть искусственные... как и Стандарт-Айленд...

— Только, — замечает коммодор Симкоо, — наш остров движется...

— И даже слишком быстро движется! — подхватывает Пэншина. — Он нигде не останавливается!

— Он остановится на островах Хао, Анаа, Факарава, и вам, господа, будет предоставлена полная возможность осмотреть их.

На вопрос о том, каким образом возникли эти острова, Этель Симкоо отвечает, что он сторонник той наиболее распространенной точки зрения, что в этой части Тихого океана морское дно с течением времени понизилось метров на тридцать. Зоофиты, полипы нашли на подводных возвышенностях достаточно прочный

фундамент для своих коралловых построек. Благодаря работе инфузорий, которые не могут жить на большой глубине, эти постройки с понижением морского дна все росли и росли ввысь. Так выступили они на поверхность океана и образовали этот архипелаг, острова которого по форме своей могут быть разделены на барьерные, бахромчатые и атоллы, — таково туземное название островов, имеющих внутреннюю лагуну. Из различных отложений прибоя образовалась почва. Ветер занес семена; на этих кольцеобразных коралловых постройках появилась растительность. Голый известняк под воздействием тропического климата покрылся травами и растениями и ощетинился кустарником и деревьями.

— И кто знает! — говорил Ивернес в порыве пророческого вдохновения. — Кто знает, может быть, материк, затопленный водами Тихого океана, поднимется на поверхность, заново отстроенный мириадами микроскопических существ? И там, где сейчас снуют парусные суда и пароходы, когда-нибудь будут мчаться на полной скорости экспрессы, связывающие между собою Старый и Новый Свет.

— Завираешься... завираешься, мой старый пророк! — возражает непочтительный Пэншина.

Как и обещал коммодор Симкоо, Стандарт-Айленд остановился 23 сентября в виду острова Хао, к которому он подошел довольно близко благодаря достаточной глубине в этом месте. Катера доставили желающих осмотреть остров через пролив на берег, который виднелся справа под сплошной сенью кокосовых пальм. На расстоянии пяти миль отсюда находится главное селение, расположенное на холме. В деревне не более двухсот — трехсот жителей, промышляющих большей частью добычей перламутра для торговых предприятий Таити. Остров изобилует пандханусами и миртами мики-мики, которые первыми принялись на этой почве, где сейчас произрастают сахарный тростник, ананасы, таро, брионня, табак и в особенности кокосовые пальмы, — в громадных пальмовых рощах архипелага их более сорока тысяч.

Можно сказать, что это дерево, настоящий «дар провидения», не нуждается почти ни в каком уходе. Орех его, куда более питательный, чем плоды пандануса, является основной пищей туземцев. Этим же орехом откармливают они свиней, домашнюю птицу, а также собак, ибо туземцы очень одобряют собачьи котлеты и филе. Кроме того, кокосовый орех дает и весьма ценное масло, для чего ядро его протирают, превращают в мягкую кашицу, высушивают на солнце и кладут затем под довольно примитивный пресс. Корабли, груженные такой копрой, доставляют ее на материк, где она уже с гораздо большим эффектом перерабатывается на заводах.

О количестве населения на Помоту нельзя судить по острову Хао: людей там слишком мало. По-настоящему познакомиться с туземцами члены квартета могли на острове Анаа, в виду которого Стандарт-Айленд оказался утром 27 сентября. Лишь с довольно близкого расстояния стали видны роскошные древесные заросли Анаа. Этот остров, один из самых больших в архипелаге, имеет, если мерить по его коралловому основанию, восемнадцать миль в длину и девять в ширину.

Мы уже упоминали, что после того как в 1878 году циклон опустошил этот остров, столицу архипелага пришлось перенести на Факараву. Действительно, разрушения были ужасными, но можно было предполагать, что могучая природа тропической полосы все восстановит за несколько лет. И в самом деле, остров ожил и стал таким же, как прежде.

Остров Анаа насчитывает в настоящий момент тысячу пятьсот жителей. Своему сопернику Факараве он уступает в одном чрезвычайно важном отношении: сообщение между лагуной и морем может осуществляться здесь лишь по очень узкому фарватеру, где вода, бурля водоворотами, устремляется к океану, так как лагуна лежит выше его уровня. На Факараве, наоборот, сообщение с лагуной облегчено двумя широкими проливами — на севере и на юге. Несмотря на то, что основная торговля кокосовым маслом перенесена

на Факараву, живописный остров Анаа привлекает гораздо больше туристов.

Как только Стандарт-Айленд укрепился на своей новой стоянке, многие миллиардцы отправились на сушу. Одними из первых сошли на берег Себастьен Цорн и его друзья. На этот раз виолончелист согласился принять участие в прогулке.

Прежде всего направились в деревню Туахора, ознакомившись предварительно с условиями возникновения острова и его формацией, общими для всего архипелага. Здесь ширина известкового кольца равняется четырем-пяти метрам, берега острова, обрывистые со стороны моря, отлого спускаются к внутренней лагуне, окружность которой около ста миль, — как на Рероа и Факараве На кольце этого атолла теснится множество кокосовых пальм — главное, если не сказать единственное, богатство острова, и под сенью их листвы ютятся хижины туземцев.

К селению Туахора ведет песчаная, ослепительно белая дорога. С тех пор как остров Анаа перестал быть столицей, французский резидент архипелага уже там не живет. Но его дом, окруженный невысокой стеной, стоит попрежнему. На крыше казармы, где помещается маленький гарнизон под командованием сержанта морской пехоты, развевается трехцветный флаг.

Жилища Туахоры достойны всяческого одобрения. Это уже не просто хижины, а удобные, чистые и неплохо меблированные домики, построенные обычно на фундаменте из кораллов. Крыша выстлана листьями пандануса, из этого же ценного дерева сделаны двери и окна. Часто домики окружены огородами; усердные туземцы привозят для них плодородную землю, и они имеют поистине чарующий вид.

Хотя у этих туземцев, с их довольно темной кожей, менее примечательный тип, чем у жителей Маркизских островов, хотя лица у них не столь выразительны и нравом они менее добродушны, все же они являются характерными представителями населения Экваториальной Океании. К тому же они умны, трудолюбивы и, вероятно, будут более успешно сопротивляться фи-

зическому вырождению, угрожающему туземным племенам Тихого океана.

Основной их промысел, — как мог в том убедиться Фрасколен, — производство кокосового масла. Недаром же в рощах архипелага такое большое количество кокосовых пальм. Деревья эти разрастаются так же быстро, как коралловые образования на поверхности атоллов. Но у пальм есть враг, с которым нашим парижанам пришлось познакомиться, когда они отдыхали, растянувшись на берегу внутреннего озера, чьи зеленые воды представляют разительный контраст с лазурью окружающего моря.

Вдруг им почудился какой-то непонятный шорох, будто в траве что-то ползло.

Оказалось, что это был краб чудовищной величины.

Они поспешно вскочили, затем принялись рассматривать краба.

— Мерзкая тварь!.. — воскликнул Ивернес.

— Даже для краба! — добавил Фрасколен.

Это действительно был краб, которого туземцы называют «бирго» и который в изобилии водится на островах. Вместо передних лап у него две огромные клешни, два резака; с их помощью он ловко открывает орехи — свою излюбленную пищу. Бирго живут в глубоких норах, вырытых между корнями деревьев и выложенных в качестве подстилки волокнами от кокосовой скорлупы. По ночам они отправляются на поиски упавших орехов, карабкаются по стволам до кроны кокосовых пальм и даже сбивают плоды.

— Наверное, — говорит Пэншина, — этого краба мучил поистине волчий голод, если он решился в яркий полдень покинуть свое темное убежище.

Музыканты не трогают животное, желая понаблюдать за его действиями. Краб обнаруживает в кустарнике большой орех. Сперва он обдирает с него волокна; очистив орех, он начинает обрабатывать толстую скорлупу, молотя клешнями по одному и тому же месту. Проделав отверстие, бирго выбирает из скорлупы мякоть, пуская в ход тоненькие задние лапки.

— Совершенно ясно, — замечает Ивернес, — что

природа приспособила бирго как раз для того, чтобы открывать кокосовые орехи.

— Что она создала кокосовый орех для пропитания бирго, — добавляет Фрасколен.

— А что, если мы нарушим предначертания природы и не дадим крабу съесть орех, а ореху — помешаем быть съеденным крабом?.. — предлагает Пэншина.

— Пожалуйста, не надо ему мешать, — говорит Ивернес. — Пусть даже бирго не думает худо о путешествующих парижанах.

Все соглашаются, и краб, который несомненно бросал гневные взгляды на Пэншина, с благодарностью смотрит теперь на первую скрипку Концертного квартета.

После шестидесятичасовой стоянки у Анаа Стандарт-Айленд отплывает в северном направлении. Он пробирается между бесчисленными островами и островками, и коммодор Симкоо уверенной рукой ведет его по этому узкому фарватеру. Понятно, что жители Миллиард-Сити покидают город и большую часть времени проводят на побережье и около батареи Волнореза. На пути Стандарт-Айленда все время попадаются острова, которые плавают на водной поверхности, словно зеленые корзины с цветами. Все это напоминает цветочный рынок на каком-нибудь канале в Голландии. Многочисленные пироги шныряют вблизи обоих портов; доступ туда им не разрешен, — на этот счет таможенная охрана имеет строжайший приказ. Часто, когда Стандарт-Айленд проходит на совсем близком расстоянии от коралловых берегов, к нему подплывают туземные женщины. Если они не появляются вместе с мужчинами в лодках, то потому лишь, что лодки для помотуанских представительниц прекрасного пола — табу и им строго запрещено в них садиться.

Четвертого октября Стандарт-Айленд останавливается перед островом Факарава у входа в южный пролив. Еще до того как лодки и катера начали перевозить на сушу гостей с пловучего острова, в Штир-

борт-Харбор прибыл французский резидент, которого губернатор распорядился доставить в мэрию.

Свидание протекает вполне дружественно. У Сайреса Бикерстафа весьма официальный вид, как того и требуют подобные церемонии. Резидент, пожилой офицер морской пехоты, не остается в долгу. Чопорности, важности, достоинства и «деревянности» как с той, так и с другой стороны больше чем достаточно.

После приема резиденту предложено осмотреть Миллиард-Сити, который по поручению губернатора показывает ему Калистус Мэнбар. Наши парижане и Атаназ Доремюс в качестве французских граждан пожелали сопровождать г-на директора. Для резидента — большая радость провести время в обществе соотечественников.

На следующий день губернатор Стандарт-Айленда отправляется на Факараву с ответным визитом к старому офицеру, и вновь оба принимают торжественный вид. Сходит на берег и квартет и направляется в резиденцию. Она представляет собою весьма простую постройку, в которой размещен гарнизон, состоящий из двенадцати старых матросов. На мачте перед домом развевается французский флаг.

Хотя Факарава и сделалась, как мы уже говорили, столицей архипелага, все-таки она решительно уступает своей сопернице Анаа. Главное селение не столь живописно расположено под зеленой сенью деревьев, и население здесь ведет не столь оседлый образ жизни: кроме производства кокосового масла, центром которого является Факарава, жители занимаются также ловлей раковин-жемчужниц. Торговля перламутром заставляет их бывать на соседнем острове Тоау, где для этого промысла имеется все необходимое оборудование. Туземцы смело ныряют в воду и не боятся двадцати — тридцатиметровых глубин, так как привыкли хорошо переносить большое давление и способны удерживать дыхание больше минуты.

Кое-кому из них было разрешено предложить именитым гражданам Миллиард-Сити жемчуг и перламутр. Конечно, драгоценностей у богачей города и без того хватает. Но в естественном, необработанном

виде жемчуг не так часто встречается, и уж раз такая возможность представилась, миллиардцы расхватывают добычу искателей жемчуга по неслыханным ценам. Если миссис Танкердон покупает очень ценную жемчужину, то, разумеется, и миссис Коверли должна последовать ее примеру. К счастью, это не аукцион, где за редкостную вещь нáбивают цену, иначе неизвестно, до чего бы дошла эта цена. Другие семьи бросаются подражать своим друзьям, и в тот день жителям Факаравы, как говорится на море, «привалило в сети».

Дней через десять, 13 октября на рассвете, «жемчужина Тихого океана» выходит в море. Покинув столицу, она достигает западных пределов архипелага. Коммодору Симкоо больше не надо страшиться невероятного скопления островов и островков, рифов и атоллов. Он без особых помех вышел из пределов «Злого моря». Перед пловучим островом простирается та часть Тихого океана, протяженностью в четыре градуса, которая отделяет архипелаг Помоту от островов Общества. Взяв направление на юго-запад, Стандарт-Айленд, движимый своими машинами мощностью в десять миллионов лошадиных сил, направляется к острову, столь поэтически прославленному Бугенвилем, — к волшебному Таити.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Стоянка на Таити

Архипелаг Общества, или Таити, простирается между 15°52′ и 17°49′ южной широты и 150°8′ и 156°30′ западной долготы от Парижского меридиана. Поверхность его составляет две тысячи двести квадратных километров.

Его образуют две группы островов: первая — Наветренные — Таити, или Тахити-Тахаа, Тапаманоа, Эймео, или Муреа, Тетиароа, Мехетиа, которые находятся под протекторатом Франции, и вторая — Подвет-

ренные — Тубуаи, Ману, Хуахине, Раиатеа и Тахаа, Борабора, Мату-Ити, Маупити, Мопелиа, Беллинсгаузена, Силли, находящиеся под управлением туземных властителей.

Англичане именуют их островами Георга, хотя Кук, который их открыл, назвал эти острова архипелагом Общества, в честь Королевского общества в Лондоне. Расположенная в двухстах пятидесяти морских милях от Маркизских островов, эта группа согласно различным переписям, сделанным за последнее время, насчитывает всего сорок тысяч жителей — иностранцев и туземцев.

Если подходить с северо-востока, первым из Наветренных островов возникает перед глазами мореплавателей Таити. Наблюдатели обсерватории замечают его с далекого расстояния благодаря горе Манао (что значит «Корона»), возвышающейся на тысячу двести тридцать девять метров над уровнем моря.

Переход совершился безо всяких происшествий. Подгоняемый пассатными ветрами, Стандарт-Айленд плыл все дальше по изумительным водам, над которыми солнце совершает свой путь к тропику Козерога.

Через два месяца с небольшим лучезарное светило достигнет тропика и двинется к линии экватора; в течение нескольких недель жители пловучего острова будут изнывать от жары и в полдень видеть над собою солнце в зените; затем остров пойдет следом за солнцем дальше, как собака бежит за хозяином, — на должном расстоянии от него.

Жители Миллиард-Сити делают стоянку на Таити впервые. В прошлом году плавание началось слишком поздно. Покинув Помоту, Стандарт-Айленд не пошел дальше на запад, а вернулся к экватору. Между тем архипелаг Общества — самая красивая группа островов на Тихом океане. В его водах наши парижане еще более оценят все преимущества путешествия на пловучем острове, который волен останавливаться, где захочет, и наслаждаться каким угодно климатом.

— Так-то оно так!.. Но посмотрим, чем кончится вся эта нелепая авантюра, — вот обычный припев Себастьена Цорна.

— Лишь бы она никогда не кончалась, больше мне ничего не надо! — восклицает Ивернес.

Семнадцатого октября на заре Стандарт-Айленд уже находится в виду Таити. Перед ним — северный берег. Ночью видны огни маяка на мысе Венус. За один день можно добраться до столицы острова, Папеэте, расположенной к северо-западу от мыса. Однако на совете именитых граждан, под председательством губернатора, голоса разделились, как это водится при наличии двух равновеликих лагерей. Одни, во главе с Джемом Танкердоном, предлагали держать путь на запад, другие, которых возглавляет Нэт Коверли, высказывались за путь на восток. Сайрес Бикерстаф, чье мнение является решающим в случае, если голоса разделяются поровну, постановил, что Стандарт-Айленд направится к Папеэте, обогнув остров с юга. Это решение могло лишь обрадовать квартет, так как давало нашим музыкантам возможность увидеть во всей красе эту жемчужину Тихого океана, Новую Киферу, как назвал ее Бугенвиль.

Таити занимает площадь в сто четыре тысячи двести пятнадцать гектаров — почти в девять раз больше площади Парижа. Его население, которое в 1875 году состояло из семи тысяч шестисот человек туземцев, трехсот французов и тысячи человек иностранцев, в настоящее время уменьшилось до семи тысяч жителей. По форме своей остров очень напоминает лежащую бутылочную тыкву, причем широкой частью бутылки является основная часть острова, а «горлышком» — узкий перешеек Таравао, соединенный с полуостровом Таиарапу.

Это сравнение сделал Фрасколен, изучая крупномасштабную карту архипелага, а приятели нашли его настолько удачным, что так и окрестили Таити «Тихоокеанской тыквой».

Со времени установления протектората, 9 сентября 1842 года, Таити в административном отношении разделяется на шесть областей, распадающихся в свою

очередь на двадцать один округ. Тут уместно напомнить о раздорах между адмиралом Дюпети-Туаром, королевой Помаре и Англией, возникших вследствие подстрекательства гнусного торговца библиями и хлопчатобумажными тканями, именовавшегося Притчардом и так остроумно высмеянного в «Осах» Альфонса Карра.

Но это древняя история, покрытая мраком забвения, точно так же, как деяния знаменитого англосаксонского аптекаря.

Стандарт-Айленд может без малейших опасений огибать «тропическую тыкву» на расстоянии одной мили от ее берега. Тыква эта покоится на коралловом основании, круто обрывающемся в глубины океана. Однако население Миллиард-Сити уже и с далекого расстояния могло обозревать внушительную массу острова Таити, его горы, куда более щедро изукрашенные природой, чем горы Гавайских островов, зеленеющие вершины, поросшие лесом ущелья, пики, возносящиеся ввысь, как острые шпили какого-нибудь гигантского собора, зеленый пояс кокосовых пальм, а ниже — белую пену бурунов над подводными скалами.

Весь этот день, пока Стандарт-Айленд продвигается вдоль западного берега Таити, любопытные, расположившиеся неподалеку от Штирборт-Харбора, приставив к глазам бинокли — у каждого из парижан имеется свой, — могут во всех подробностях рассматривать побережье. Издали виднеется округ Папеноо с речкой, которая бежит по широкой долине от самого подножья гор и впадает в океан в той же полосе, где на протяжении нескольких миль нет рифов; виден также очень удобный порт Хитиаа, откуда вывозят в Сан-Франциско миллионы апельсинов, и селение Махаену, где в 1845 году, после кровопролитной битвы с туземцами, завершилось завоевание острова.

После полудня Стандарт-Айленд находится уже на траверсе узкого перешейка Таравао. Огибая полуостров, коммодор Симкоо подходит к нему достаточно близко, чтобы можно было созерцать во всем их великолепии плодородные поля округа Таутира, орошаемого многочисленными горными потоками, благодаря кото-

рым этот округ — один из богатейших в архипелаге. Вулкан Татарапу величественно вздымает над своим коралловым основанием крутые обрывы потухших кратеров.

Затем, когда солнце начинает садиться, вершины гор в последний раз вспыхивают пурпуром, потом краски бледнеют и как бы растворяются в теплой прозрачной дымке. Вскоре берег предстанет лишь темной громадой, и вечерний бриз разнесет над ним запах апельсиновых и лимонных деревьев. Недолгие сумерки сменяются глубоким мраком.

Стандарт-Айленд огибает крайний юго-восточный выступ острова и на рассвете следующего дня подходит уже к западному берегу перешейка.

Виднеется густо населенный округ Таравао, его прекрасно возделанные поля и отличные дороги среди апельсиновых рощ, связывающие его с округом Панеари. На самой высокой точке побережья вырисовывается форт, господствующий над обеими сторонами перешейка и защищенный пушками, жерла которых высовываются из амбразур, словно рыльца каких-то бронзовых водосточных труб. В глубине бухты скрывается порт Фаэтон.

— Почему имя самонадеянного возничего солнечной колесницы сияет над этим перешейком? — спрашивает сам себя Ивернес.

В течение всего дня Стандарт-Айленд медленно огибает с запада более резко обозначенные здесь контуры кораллового основания Таити. Перед глазами путешественников разворачиваются побережья других округов с их селениями — Папеери среди заболоченных местами равнин, Матайеа, превосходная гавань Папеурири, затем широкая долина, где протекает речка Ваихириа, и в глубине пейзажа — гора, высотою в пятьсот метров, — нечто вроде тумбы, поддерживающей умывальный таз, окружностью в полкилометра. Это древний кратер, наверное наполненный пресной водой и, видимо, не имеющий никакого сообщения с морем.

Миновав округ Ахаураоно с его обширными хлопковыми плантациями, округ Папара, где возделываются по преимуществу сельскохозяйственные культуры, Стандарт-Айленд огибает мыс Мараа, за которым открывается просторная долина Парувла, начинающаяся у подножия Короны и орошаемая Пунаруном. За Таапуной, мысом Татаа и устьем реки Фаа, коммодор Симкоо берет слегка к северо-востоку, ловко минует островок Моту-Ута и в шесть часов вечера останавливается перед входом в бухту Папеэте.

Здесь между коралловыми рифами причудливо извивается фарватер, который до самого мыса Фаренте отмечен вместо вех вышедшими из употребления пушками. Само собою разумеется, что коммодору Симкоо благодаря его картам незачем обращаться к лоцманам, чьи лодки крейсируют у входа в фарватер. Тем не менее одна лодка с желтым флагом санитарной службы на корме приближается к Стандарт-Айленду и входит в гавань левого борта для получения всех необходимых сведений. На Таити строгие порядки, и никому не разрешается сходить на берег, пока санитарный врач, сопровождаемый одним из офицеров порта, не выдаст пропуска.

Впрочем, для Стандарт-Айленда это простая формальность. Ни в Миллиард-Сити, ни в его окрестностях никаких больных нет. Во всяком случае, заразные болезни — холера, инфлюэнца, брюшной тиф, оспа — там совершенно неизвестны. Поэтому Стандарт-Айленд получает обычное свидетельство о благополучном санитарном состоянии. Но так как после коротеньких сумерек быстро наступает ночь, высадка откладывается назавтра, и пловучий остров до утра погружается в сон.

На рассвете раздаются выстрелы. Это батарея Волнореза салютует двадцатью одним залпом Наветренным островам и Таити, столице французского протектората. Одновременно на башне обсерватории трижды поднимается и опускается красный флаг с золотым солнцем.

Таким же точно количеством выстрелов отвечает западная батарея на мысу у входа в главный фарватер Таити.

Гавань правого борта с раннего утра переполнена народом. Электрические поезда доставляют в порт изрядное количество туристов, направляющихся в столицу архипелага. Само собой разумеется, что Себастьен Цорн и его друзья находятся в числе самых нетерпеливых. Так как портовых судов на всех не хватает, туземцы предлагают переправить желающих на своих лодках.

Губернатора надлежит высадить первым. Предполагается официальная встреча с гражданскими и военными властями Таити, а также не менее официальный визит, который он должен нанести королеве.

И вот, около девяти часов утра, Сайрес Бикерстаф, его помощники Бартелеми Рэдж и Хабли Харкур (все трое в парадной форме), главнейшие именитые господа обеих частей Миллиард-Сити во главе с Нэтом Коверли и Джемом Танкердоном, коммодор Симкоо и его офицеры в блестящих мундирах и полковник Стьюарт с адъютантами усаживаются в лучший катер и направляются к гавани Папеэте.

Себастьен Цорн, Фрасколен, Ивернес, Пэншина, Атаназ Доремюс, Калистус Мэнбар вместе с некоторыми служащими едут в другом катере.

Лодки с берега, туземные пироги тянутся своего рода почетным конвоем за официальным миром Миллиард-Сити, достойно представленным губернатором, высшими служащими, именитыми гражданами, из коих два главных достаточно богаты для того, чтобы купить не только остров Таити, но и весь архипелаг Общества вместе с его королевой.

Папеэте — отличный порт и настолько глубокий, что там могут становиться на якорь даже суда с большим водоизмещением. К порту ведут три пролива: большой пролив с севера, шириною в семьдесят метров и длиною в восемьдесят, фарватер его портит небольшая мель, пролив Таноа на востоке и пролив Тапуна на западе.

Электрические катера торжественно проходят вдоль берега, застроенного виллами и загородными домами, мимо молов, у которых пришвартованы корабли. Высадка производится у красивого водоема, где суда обычно запасаются пресной водой; водоем этот питают быстрые ручьи, бегущие с соседних гор: на одной из них вырисовывается сигнальная вышка.

Сайрес Бикерстаф и его свита сходят на берег, заполненный народом, — французы, туземцы и иностранцы приветствуют «жемчужину Тихого океана», как самое необычайное из чудес, когда-либо созданных человеческим гением.

После первых же приветствий пышный кортеж направляется ко дворцу французского комиссара Таити.

Калистус Мэнбар, необыкновенно представительный в своем парадном костюме, который он надевает лишь в торжественных случаях, приглашает членов квартета следовать за ним, и те весьма охотно принимают его приглашение. Французский протекторат распространяется не только на острова Таити и Муреа, но и на окружающие их группы островов. Французскую администрацию возглавляет командующий-комиссар, которому подчинен помощник, непосредственно управляющий различными ведомствами — военным, морским, колониальных и местных финансов, а также судебным. Генеральный секретарь комиссара ведает гражданскими делами. На отдельных островах — Муреа, Факарава в архипелаге Помоту, в Таиохаэ на Нукухиве — имеются резиденты и мировой судья, подчиненный судебным инстанциям Маркизских островов. С 1861 года действует консультативный совет по делам сельского хозяйства и торговли, собирающийся один раз в год в Папеэте. Там же находятся артиллерийское и военно-инженерное управления. Что касается гарнизона, то он состоит из колониальной жандармерии, артиллерии и морской пехоты. Священник с викарием, получающие жалованье от правительства, и девять миссионеров на некоторых островах обеспечивают отправление католического культа. По правде сказать, парижане могут чувствовать себя здесь как

во Франции, как в каком-нибудь французском порту, и им это весьма приятно.

Селения на различных островах управляются чем-то вроде муниципального совета из туземцев под председательством таваны, которому помогают судья, полицейский и два советника, избранных населением.

Процессия идет ко дворцу под сенью высоких деревьев. Повсюду кокосовые пальмы с великолепными прямыми стволами, мирты с розовой листвой, молочайные деревья, каучуковые, гуайявы и т. д.

Дворец комиссара, широкая крыша которого чуть видна из зелени, представляет собой довольно изящное строение с двухэтажным фасадом. Там уже собрались главные французские чиновники, а рота колониальной жандармерии выстроена в качестве почетного караула. Командующий-комиссар принимает Сайреса Бикерстафа с исключительной любезностью, какой тот не встречал в английских архипелагах этой части океана. Он благодарит Сайреса Бикерстафа за посещение Стандарт-Айлендом таитянских вод, выражает надежду, что оно будет возобновляться ежегодно, а также сожаление, что Таити не может ответить Стандарт-Айленду тем же. Беседа длится с полчаса· договорились, что Сайрес Бикерстаф на следующий день примет у себя в ратуше представителей французских властей.

— Намереваетесь ли вы продлить стоянку в Папеэте? — спрашивает командующий-комиссар.

— Да, недели на две, — отвечает губернатор.

— Тогда вы будете иметь удовольствие увидеть французскую эскадру, которая прибывает в конце этой недели.

— Мы, господин комиссар, будем счастливы принять на нашем острове французских моряков.

Сайрес Бикерстаф представляет сопровождающих его лиц — своих помощников, коммодора Этеля Симкоо, командующего милицией, ответственных служащих, директора управления по делам искусств и членов Концертного квартета, которые были подобающим образом приняты своим соотечественником.

Затем, при представлении делегатов от обеих половин Миллиард-Сити, возникло некоторое замешательство: как бы не задеть самолюбия Джемса Танкердона и Нэта Коверли, этих весьма несговорчивых особ, которые оба имели право...

— Быть первыми, — изрек Пэншина, пародируя знаменитый стих Скриба.

Затруднение разрешил сам командующий-комиссар. Зная о соперничестве двух знаменитых миллиардеров, он проявляет изумительный такт и полон такой официальной корректности, действует с такой дипломатической ловкостью, что все происходит словно по мессидорскому декрету. Нет сомнения, что в подобном же случае глава какого-либо английского протектората уж постарался бы подлить масла в огонь ради политических выгод Соединенного королевства. Но во дворце командующего-комиссара ничего подобного не происходит, и Сайрес Бикерстаф удаляется вместе со своей свитой, весьма довольный приемом.

Нечего и говорить, что Себастьен Цорн, Ивернес, Пэншина и Фрасколен намерены предоставить уже задыхающемуся от усталости Атаназу Доремюсу полную свободу возвратиться в его обиталище на Двадцать пятой авеню, а сами рассчитывают как можно дольше пробыть в Папеэте, посетить окрестности, совершить прогулки по главным округам, осмотреть полуостров Таиарапу, словом — выжать из этой «Тихоокеанской тыквы» все до последней капли.

Решение принято, и когда его сообщают Калистусу Мэнбару, господин директор выражает полнейшее одобрение.

— Но, — добавляет он, — я прошу вас отложить свою поездку на двое суток.

— А почему не отправиться хоть сегодня? — спрашивает Ивернес, которому не терпится взять в руки страннический посох.

— Потому что власти Стандарт-Айленда должны еще приветствовать королеву, и надо, чтобы вы тоже были представлены ее величеству и всему двору.

— А завтра? — говорит Фрасколен.

— Завтра командующий-комиссар нанесет ответный визит властям Стандарт-Айленда, и надо...

— Чтобы мы при этом присутствовали, — доканчивает Пэншина. — Ну что ж, мы будем присутствовать, господин директор, будем.

Покинув губернаторский дворец, Сайрес Бикерстаф со своей свитой направляется ко дворцу ее величества. Переход туда под высокими деревьями отнимает не более пятнадцати минут.

Дом королевы — двухэтажное здание, красиво расположенное среди зеленых зарослей. Крыша прикрывает два ряда веранд, надстроенных один над другим, как у швейцарских шале. Из верхних окон видны обширные плантации, простирающиеся до самого города, а еще дальше расстилается широкое синее море. В общем, очаровательное жилище, не роскошное, но чрезвычайно удобное. Королева не потеряла своего престижа из-за того, кто оказалась под французским протекторатом.

Если на мачтах кораблей, пришвартованных в порту Папеэте или стоящих на рейде, на гражданских и военных учреждениях города развеваются французские флаги, то над дворцом королевы колышется старый флаг архипелага — полотнище с поперечными красными и белыми полосами и трехцветным корабликом в углу.

В 1706 году Кирос открыл остров Таити, названный им Сагиттария. После него в 1767 году Уоллис и в 1768-м Бугенвиль завершили обследование всего архипелага. В годы, когда был открыт остров, на нем царствовала королева Обереа, а после ее смерти в истории Океании появилась знаменитая династия Помаре.

Помаре I (1762—1780), царствовавший сначала под именем Отоо, что значит «черная цапля», отказался от этого имени и принял имя Помаре.

Его сын, Помаре II (1780—1819), радушно принял в 1787 году первых английских миссионеров и через десять лет крестился. Это был период раздоров, вооруженной борьбы, и количество населения на архипелаге за эти годы упало со ста тысяч до шестнадцати.

Помаре III, сын предыдущего, царствовал с 1819 по 1827 год, и сестра его Аимата, родившаяся в 1812 году, та самая знаменитая Помаре, которой покровительствовал ужасный Притчард, сделалась после него королевой Таити и прилежащих островов.

Не имея детей от Тапоа, своего первого мужа, она развелась с ним и вышла замуж за Ариифааите. От этого брака в 1840 году родился Арионе, которому предстояло наследовать престол, но который умер в возрасте тридцати пяти лет. Начиная со следующего года, королева подарила своему супругу, красивейшему мужчине архипелага, четверых детей: дочь Териимаеварну, правительницу острова Борабора с 1860 года, принца Таматоа, родившегося в 1842 году и правившего островом Раиатеа, пока его не свергли возмущенные его жестокостью подданные, принца Териитапунуи, родившегося в 1846 году и страдавшего безобразной хромотой, и, наконец, принца Туавира, родившегося в 1848 году и получившего воспитание во Франции.

Царствование королевы Помаре не было спокойным.

В 1835 году католические и протестантские миссионеры затеяли между собой борьбу. Вскоре католики были изгнаны, но в 1838 году они вернулись обратно с французскими войсками. Через четыре года пять вождей острова приняли французский протекторат. Помаре протестовала, протестовали и англичане. В 1843 году адмирал Дюпети-Туар объявил о низложении королевы и изгнал Притчарда, что привело к кровопролитным стычкам. Но поскольку адмирал, как известно, не был в сущности поддержан французским правительством, Притчард получил возмещение убытков в сумме двадцати пяти тысяч франков, и адмиралу Брюа поручено было уладить дело.

В 1846 году остров Таити подчинился французам, и 19 июня 1847 года Помаре приняла договор о протекторате, сохранив полноту власти над островами Раиатеа, Хуахине и Борабора. Смута, правда, прекратилась не сразу. В 1852 году разразился мятеж, королеву

свергли с престола, и была даже провозглашена республика. Но французское правительство восстановило королеву, которая отказалась от трех своих владений, отдав старшему сыну корону Раиатеа и Тахаа, среднему сыну — корону Хуахине, а дочери — корону Борабора.

В настоящее время престол архипелага занимает ее внучка Помаре VI.

Услужливый Фрасколен и тут оправдал свое прозвище «Тихоокеанский Ларусс», которым его наградил Пэншина. Именно он сообщил своим коллегам все эти исторические и географические сведения, заявив, что не мешает знать, к кому отправляешься в гости и с кем будешь говорить. Ивернес и Пэншина ответили, что он хорошо сделал, просветив их относительно генеалогии королевской фамилии Помаре, и только Себастьен Цорн буркнул, что ему это «совершенно безразлично».

Отзывчивая душа Ивернеса целиком проникнута поэтическим очарованием таитянской природы. В его памяти воскресают чарующие описания путешествий Бугенвиля и Дюмон-Дюрвиля. Он не скрывает своего волнения при мысли о том, что увидит владычицу «Новой Киферы», настоящую королеву Помаре, одно имя которой...

— Означает «ночь кашля», — подхватывает Фрасколен.

— Здорово! — восклицает Пэншина. — Это звучит, как «богиня простуды», «императрица насморка»! Поберегись, Ивернес, и не забудь прихватить носовой платок!

Ивернес вскипает от неуместной шутки насмешника; но остальные так добродушно хохочут, что в конце концов первая скрипка тоже заражается их веселостью.

Губернатор Стандарт-Айленда, представители его администрации и именитые граждане были приняты самым торжественным образом. Почетный караул возглавлял мутои, начальник полиции, со своими помощниками из туземцев.

Королеве Помаре VI на вид лет сорок. На ней, как и на окружающих ее членах королевского семейства,

парадные одежды бледнорозового цвета — любимого цвета таитян; она выслушивает приветственную речь Сайреса Бикерстафа с таким благожелательным достоинством, которое сделало бы честь любому европейскому монарху. Она отвечает на безукоризненном французском языке, который является на этом архипелаге общеупотребительным. Она выражает желание увидеть Стандарт-Айленд, о котором столько говорят на островах Тихого океана, и надеется, что его стоянка на Таити не будет последней. Она оказывает Танкердону особое внимание, что задевает самолюбие мистера Коверли; но это внимание объясняется тем, что королевская семья исповедует протестантскую веру, а Джем Танкердон — самый почтенный представитель протестантской части Миллиард-Сити.

Не забывают представить королеве и членов Концертного квартета. Она изъявляет желание послушать их игру и выразить свое восхищение; они, почтительно склонившись, отвечают, что всегда находятся в распоряжении ее величества, а г-н директор управления искусств готов принять все меры, чтобы желание королевы было исполнено.

После аудиенции, продолжавшейся около получаса, воинские почести, которыми гости были встречены при входе в королевский дворец, отдаются им снова при выходе. Гости возвращаются в Папеэте, — там офицерское собрание устраивает завтрак в честь губернатора и избранных обитателей Миллиард-Сити. Шампанское льется рекой, тосты следуют один за другим, и только в шесть часов вечера от набережной Папеэте отваливают катера, возвращающиеся в Штирборт-Харбор.

Вечером, когда французские музыканты вернулись в залу казино, Фрасколен сказал:

— Нам предстоит дать концерт. Что же мы будем играть этой королеве?.. Оценит она Моцарта или Бетховена?

— Будем играть Оффенбаха, Варнея, Лекока или Одрана! — ответил Себастьен Цорн.

— Нет, нет!.. Самое подходящее — это бамбула! — возразил Пэншина, вертя бедрами, как и полагается в этом негритянском танце.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Сплошные празднества

На острове Таити Стандарт-Айленд должен сделать длительную остановку. Ежегодно, перед тем как продолжать свой путь к тропику Козерога, обитатели плавучего острова гостят обычно некоторое время в Папеэте. Приветливо принятые и французскими властями и туземцами, американцы выражают признательность, широко открывая перед посетителями свои двери, или, точнее, свои порты. Военное и гражданское население Папеэте толпами является на Стандарт-Айленд, гуляет по окрестным полям, парку, улицам, и, разумеется, никакие неприятные инциденты не нарушают установившихся прекрасных отношений.

Правда, полиции губернатора приходится следить за тем, чтобы население Стандарт-Айленда не возрастало путем незаконного вторжения каких-нибудь предприимчивых таитян, избравших без всякого разрешения своим местожительством пловучий остров.

В ответ на гостеприимство миллиардцев им предоставляется самая широкая возможность посещать все острова этой группы, когда коммодор Симкоо сделает остановку близ какого-нибудь из них.

Предвидя длительную стоянку на Таити, некоторые богатые семьи возымели намерение снять виллы в окрестностях Папеэте и заранее договорились об этом по телеграфу. Они собираются поселиться там со своими слугами и экипажами совсем так, как иные парижане селятся в окрестностях Парижа. Они желают пожить жизнью богатых помещиков, стать туристами, экскурсантами, даже охотниками, если кто-либо из них имеет вкус к охоте. Словом, это будет дачная жизнь в исключительно здоровом климате, где почти круглый год температура колеблется между четырнадцатью и тридцатью градусами.

К числу именитых граждан, которые хотят сменить свои особняки на удобные загородные дома Таити, относятся Танкердоны и Коверли. Мистер и миссис Танкердон, их сыновья и дочери на другой же день переби-

раются в живописный домик, расположенный в возвышенной части мыса Татаа. Мистер и миссис Коверли, мисс Диана и ее сестры точно так же покидают свой дворец на Пятнадцатой авеню, чтобы поселиться в прелестной вилле, затерявшейся среди высоких деревьев мыса Венус. Эти два жилища разделены расстоянием в несколько миль, которое Уолтер Танкердон считает, пожалуй, чересчур большим. Однако не в его власти сблизить эти две точки таитянского побережья. Впрочем, удобные и хорошо содержащиеся дороги обеспечивают прямое сообщение с Папеэте.

Фрасколен обращает внимание Калистуса Мэнбара на тот факт, что оба семейства, покинув Стандарт-Айленд, не будут присутствовать на приеме губернатором французского военного комиссара.

— Что ж, тем лучше! — отвечает г-н директор, и в глазах его вспыхивает огонек дипломатического лукавства. — По крайней мере не произойдет никаких столкновений на почве самолюбия. Если бы представитель Франции явился сперва к Коверли, что сказал бы Танкердон, а если бы он сперва посетил Танкердона, что сказал бы Коверли? Сайрес Бикерстаф только порадуется их отъезду.

— Неужели нет надежды, что соперничество этих двух семей прекратится?.. — спрашивает Фрасколен.

— Как знать? — отвечает Калистус Мэнбар. — Может быть, это всецело зависит от милейшего Уолтера и очаровательной Дианы...

— Но до последнего времени этот наследник и эта наследница как будто не... — начал Ивернес.

— Ладно!.. Ладно!.. — перебивает его г-н директор. — Пусть только представится случай, а если он не возникнет сам собой, мы постараемся его подстроить... ради благополучия нашего чудесного острова.

И Калистус Мэнбар, повернувшись на каблуках, делает такой пируэт, который понравился бы Атаназу Доремюсу и от которого не отказался бы маркиз при дворе какого-нибудь из Людовиков.

Днем 20 октября французский комиссар и главные чиновники протектората вступают на набережную Штирборт-Харбора. Губернатор принимает их с подо-

бающими их рангу почестями. С батарей Волнореза и Кормовой раздаются выстрелы. Электрические экипажи, украшенные флагами Франции и Миллиард-Сити, везут гостей в столицу, где парадные гостиные мэрии уже приготовлены для встречи. На всем пути население встречает их приветствиями, а у подъезда мэрии происходит обмен длинными официальными речами.

Потом — посещение церкви св. Марии, обсерватории, обеих электростанций, обоих портов, парка и, наконец, поездка на электрических поездах вдоль побережья. По возвращении в большом зале казино подается завтрак. В шесть часов вечера комиссар и его свита возвращаются в Папеэте под гром пушек Стандарт-Айленда, унося с собой самые лучшие воспоминания об этой встрече.

На следующее утро 21 октября четверо парижан снова появляются в Папеэте. Они никого не пригласили с собой, даже учителя грации и хороших манер, у которого просто сил не хватает для продолжительных прогулок. Они свободны, как ветер, и счастливы от того, что у них под ногами настоящий камень и настоящая земля.

Прежде всего надо осмотреть Папеэте. Столица архипелага — в самом деле очень красивый город. Члены квартета наслаждаются возможностью поглазеть по сторонам, побродить вдоль берега под прекрасными деревьями, осеняющими жилые дома, склады и торговые предприятия, расположенные в глубине порта. Затем, поднявшись по одной из улиц, выходящих на набережную, где проходит железная дорога американского типа, наши артисты направляются в глубь города.

Среди пышной, свежей зелени садов здесь проложены по шнуру и угломеру улицы, такие же широкие и ровные, как авеню в Миллиард-Сити. Даже в этот ранний час по улицам непрерывно снуют европейцы и туземцы, и это оживление, которое особенно увеличится после восьми часов вечера, будет продолжаться всю ночь. Ведь ночи под тропиками, и особенно таитянские ночи, не для того существуют, чтобы проводить их в постели, хотя кровати в Папеэте состоят из веревочной сетки, сплетенной из волокон кокосового ореха, под-

стилки из листьев банана, матраса, набитого кисточками сырного дерева, да кисейного полога, который защищает спящего от докучливых москитов.

Что касается жилищ, то дома европейцев легко отличить от таитянских. Первые почти все выстроены из дерева и установлены на невысоком каменном фундаменте и ничего не оставляют желать в отношении комфорта. Вторые, довольно редко попадающиеся в городе, причудливо разбросаны под деревьями, сколочены из бамбуковых стволов и внутри обиты цыновками, благодаря чему они отличаются чистотой, обилием воздуха, и в них очень приятно жить.

Что же представляют собой туземцы?

— Здесь, как и на Сандвичевых островах, — говорит своим товарищам Фрасколен, — мы не найдем тех славных дикарей, которые до завоевания охотно съедали котлетку из вражьего мяса, а своим королям отдавали, как самый лакомый кусок, глаза какого-нибудь побежденного воина, зажаренные по рецепту таитянской кухни.

— Так, значит, в Океании нет больше людоедов! — восклицает Пэншина. — Проделали тысячи миль, и так и не встретили ни одного людоеда!

— Терпение! — отвечает виолончелист, вздымая правую руку, как Родольф в «Парижских тайнах». — Терпение! Мы можем еще встретить их в гораздо большем количестве, чем нужно для удовлетворения твоего глупого любопытства.

Он и не подозревал, что его слова окажутся пророческими!

Таитяне, по всей вероятности, малайского происхождения и принадлежат к расе, которую они называют маори. Два острова из группы Подветренных — Раиатеа и Святой остров — были, говорят, колыбелью таитянских королей, очаровательной колыбелью, омываемой прозрачными водами Тихого океана.

До появления миссионеров таитянское общество разделялось на три класса: владык — то есть привилегированных лиц, за которыми признавали дар творить чудеса, вождей, или владельцев земли, которые не слишком почитались и были в подчинении у первых,

наконец — простого народа, который никакой собственности не имел, обладая лишь правом арендовать свою собственную землю.

Все это изменилось после завоевания, и даже еще до него, под влиянием англиканских и католических миссионеров. Но что не изменилось, так это ум туземцев, их живая речь, их веселый характер, их непоколебимое мужество, их красота. Парижане восхищались ими и в городе и в селах.

— Черт побери, красивые парни! — говорил один.

— А женщины-то какие красавицы! — подхватывал другой.

Это верно: у таитян рост выше среднего, медный цвет кожи, в которой словно сгустился жар их крови, формы тела правильные, как у античных статуй, и мягкое, приветливое выражение лиц. Они действительно великолепны, эти маори, с их большими живыми глазами и несколько полными, но изящно очерченными губами. В настоящее время вместе с междоусобными войнами исчезает обычай военной татуировки.

Конечно, наиболее зажиточные островитяне одеваются по-европейски и имеют важный вид даже в этих костюмах: сорочка с большим вырезом, пиджак из бледнорозовой материи, длинные брюки, штиблеты. Но они не привлекают внимания квартета. Нет, штанам современного покроя наши туристы предпочитают парео, то есть кусок яркой цветистой ткани, в которую таитяне завертываются от пояса до лодыжек, а цилиндру или даже панаме — непокрытую голову и общую для мужчин и женщин прическу — хеи, в которую вплетены листья и цветы.

Туземные женщины — это все те же таитянки, описанные Бугенвилем, — изящные и поэтичные; свои черные косы, спускающиеся на плечи, они украшают белыми цветами тиаре (разновидность гардении) или покрывают голову легкой шапочкой, сделанной из зеленой кожуры кокосового ореха. Ивернес изысканно говорит о такой шапочке, что «одно ее сладостное название «рэварэва»[1] кажется порождением грезы».

---

[1] Созвучно французскому слову «rêve» — мечта, греза.

Этому очаровательному наряду, в котором краски, словно в калейдоскопе, переливаются при малейшем движении, соответствует изящная походка, нежная улыбка, глубокий взор, гармоничный звучный голос, и легко понять, почему, когда один из артистов замечает: «Черт побери, красивые парни!», другие хором подхватывают: «А женщины-то какие красавицы!»

Такие совершенные образцы рода человеческого создатель позаботился поместить в достойную их рамку. Невозможно вообразить что-либо прекраснее таитянского пейзажа. Где еще увидишь такую роскошную растительность, орошаемую быстрыми водами рек и изобильной ночной росой?

Совершая прогулки по острову, парижане все время восхищаются чудесами растительного царства. Оставив позади побережье с плантациями лимонных, апельсиновых и кофейных деревьев, хлопка, аррорута, сахарного тростника, маниока, индиго, сорго, табака, артисты блуждают среди густых зарослей средней части острова, у подножья гор, вершины которых выступают над зеленым куполом лесов. Повсюду изящные кокосовые пальмы, миро, или розовые деревья, казуарины, то есть железные деревья, тиаири, то есть древовидные молочайники, пурау, тамана, ахи, то есть сандаловые деревья, гуайявы, манговые деревья, такки со съедобными корнями, а также великолепные хлебные деревья с высоким гладким белым стволом, с широкими темнозелеными листьями, между которыми сидят крупные, словно с резной кожурой драгоценные плоды. Их белая мякоть составляет основную пищу туземцев.

Наряду с кокосовой пальмой наиболее распространенным деревом является гуайява, произрастающая повсюду, чуть ли не до самых горных вершин; по-таитянски она называется туава. Гуайявы образуют густые леса, а заросли деревьев пурау представляют собой дремучие чащи, из которых очень трудно выбраться, если по неосторожности заберешься в их непроходимые дебри.

Однако хищных животных нет. Единственное туземное четвероногое похоже на кабана, по размерам это

нечто среднее между свиньей и вепрем. Лошади же и быки завезены на остров, где хорошо размножаются также овцы и козы. Таким образом, фауна гораздо беднее флоры даже в отношении пернатых. Имеются голуби и саланганы, как на Сандвичевых. Никаких гадов, кроме стоножек и скорпионов. Из насекомых — осы и москиты.

С острова Таити вывозят хлопок и сахарный тростник, культура которого в настоящее время вытесняет табак и кофейное дерево; вывозят также кокосовое масло и апельсины, а кроме того, перламутр и жемчуг.

Всего этого достаточно, чтобы поддерживать оживленную торговлю с Америкой, Австралией, Новой Зеландией, Китаем, Францией и Англией.

Во время одной прогулки квартет добирается до полуострова Табарату. Там в портовой таверне, которую содержит колонист, Фрасколен раскошеливается на угощение. Туземцам из соседних селений и здешнему мутои подают французское вино, которое за хорошую плату ставит на стол хозяин заведения. Жители округи в свою очередь потчуют гостей местными блюдами — так называемыми бананами фей красивого желтого цвета, вкусно приготовленными клубнями ямса майоре, то есть плодами хлебного дерева, запеченными в яме, наполненной раскаленными камнями, и, наконец, особым сортом варенья, кисловатого на вкус, которое делается из тертого кокосового ореха и под названием тайеро хранится в высоких стаканах из бамбука.

Завтрак проходит очень весело. Сотрапезники выкурили неисчислимое количество сигарет, свернутых из целого табачного листа, высушенного над огнем и обернутого листом пандануса. Только, вместо того чтобы подражать таитянам и таитянкам, которые, затянувшись, передают сигарету по кругу, французы довольствовались тем, что курили на французский манер. И когда мутои предлагает свою сигарету Пэншина, тот только благодарит его, произнося: «Меа майтай» — то есть «очень хорошо», — и с такой забавной интонацией, что все присутствующие смеются.

Во время этих прогулок участники их, конечно, не могли каждый вечер возвращаться в Папеэте или на

пловучий остров. Впрочем, повсюду — и в селениях и в одиноко стоящих хижинах, у колонистов и у туземцев, они встречали радушный прием, и всюду их старались устроить как можно удобнее.

Седьмого ноября парижане решают побывать на мысе Венус, — от этой прогулки не может отказаться ни один порядочный турист.

Выступают на рассвете, легким, бодрым шагом. Переходят по мосту через красивую речку Фантахуа и идут вверх по долине до шумного водопада, который хоть и не так широк, как Ниагара, но в два раза выше. Он с величественным грохотом низвергается с семидесятипятиметровой высоты. Затем по склону холма Тахарахи спускаются к морскому берегу у высокого мыса, которому Кук дал название «мыс Дерева», так как в то время здесь росло одинокое дерево, теперь уже засохшее от старости. Широкая тенистая аллея ведет от деревни Тахарахи к маяку, возвышающемуся на крайней точке острова.

В этом-то месте, на склоне зеленеющего холма, поселилось семейство Коверли. Вилла Танкердона находится далеко отсюда, очень далеко, по ту сторону Папеэте, поэтому у Уолтера Танкердона нет ни малейших оснований прогуливаться вблизи мыса Венус. Однако парижане обнаружили его здесь. Молодой человек добрался верхом почти до самого коттеджа Коверли. Он поздоровался с музыкантами и спросил, собираются ли они вернуться нынче вечером в Папеэте.

— Нет, господин Танкердон, — ответил Фрасколен. — Мы получили приглашение от миссис Коверли и, вероятно, проведем вечер на вилле.

— Тогда, господа, я с вами прощаюсь.

И друзьям показалось, будто лицо молодого человека омрачилось, хотя в этот момент ни одно облачко не заслоняло солнца. Пришпоривая коня, он бросил последний взгляд в сторону коттеджа, белевшего среди деревьев. Увы, зачем в миллиардере Танкердоне пробудился прежний коммерсант? Зачем решился он посеять раздор среди населения пловучего острова, совсем не созданного для докучных забот?

— Знаете, — сказал Пэншина, — наверное, милый всадник был бы не прочь сопровождать нас...

— Да, — добавил Фрасколен, — и похоже, что друг Мэнбар совершенно прав! Смотрите, он уезжает удрученный тем, что не повстречал мисс Коверли.

— Вот и доказательство того, что не в миллиардах счастье! — подхватил наш великий философ Ивернес.

Остаток дня и вечер музыканты проводят в коттедже Коверли. Здесь квартет встречает такой же прием, как и в отеле на Пятнадцатой авеню. Во время этой дружеской встречи, ко всеобщему удовольствию, много внимания уделяется искусству. Миссис Коверли хорошо играет на рояле и легко разбирает новые партитуры. Мисс Ди поет, как настоящая артистка, а Ивернес, обладающий приятным голосом, присоединяет свой тенор к ее девическому сопрано.

Неизвестно зачем, может быть даже умышленно, Пэншина вскользь упоминает о том, что он и его товарищи видели Уолтера Танкердона, который катался верхом недалеко от виллы. Хорошо ли он поступил, не лучше ли было промолчать?.. Трудно сказать. Во всяком случае, если бы директор был здесь, он несомненно одобрил бы поступок «Его высочества». Легкая, почти незаметная улыбка скользнула по губам мисс Ди, ее красивые глаза внезапно вспыхнули, и когда она снова принялась петь, голос ее зазвучал как-то особенно проникновенно.

Миссис Коверли окинула ее беглым взглядом и, заметив нахмуренные брови мужа, ограничилась вопросом:

— Ты не устала, детка?

— Нет, мама.

— А вы, господин Ивернес?

— Нисколько, сударыня. До своего рождения я, верно, пел в раю в хоре мальчиков.

Вечер заканчивается. Уже около полуночи, и мистер Коверли находит, что пора идти ко сну.

На следующий день, довольные этим простым и сердечным приемом, музыканты возвращаются в Папеэте.

Стоянка на Таити будет теперь продолжаться всего одну неделю. Следуя заранее разработанному марш-

руту, Стандарт-Айленд вновь пустится в плаванье на северо-запад. И эта последняя неделя, когда четверо туристов старались осмотреть все, что заслуживало внимания, не была бы отмечена ничем особенным, если бы 11 ноября не произошло одно знаменательнейшее событие.

Семафор на холме, возвышающемся позади Папеэте, сигнализировал рано утром о появлении отряда французской тихоокеанской эскадры.

В одиннадцать часов крейсер первого класса «Париж», эскортируемый двумя крейсерами второго класса и одним катером, останавливается на рейде.

Происходит положенный обмен салютами, и контр-адмирал вместе с офицерами сходит с флагмана «Париж» на берег.

После официальных орудийных выстрелов, которым вторит сочувственный грохот батарей Волнореза и Кормы, контр-адмирал и командующий-комиссар островов Общества наносят друг другу визиты.

Кораблям отряда, офицерам и матросам сильно повезло, что они прибыли на рейд Папеэте в то время, когда там еще находился Стандарт-Айленд: новый повод для приемов и празднеств. «Жемчужина Тихого океана» открыта для французских моряков, которые торопятся осмотреть ее чудеса. В течение двух суток матросские форменки и офицерские кителя нашего флота все время мелькают в толпе разодетых миллиардцев.

Сайрес Бикерстаф показывает гостям обсерваторию, г-н директор управления по делам искусств — казино и другие учреждения, находящиеся в его ведении.

Именно при этих обстоятельствах удивительному Калистуту Мэнбару пришла в голову некая поистине гениальная идея, осуществление которой оставит по себе неизгладимую память. Замысел свой он сообщает губернатору, а тот, обсудив его на совете именитых граждан, дает свое согласие.

Пятнадцатого ноября на острове должно состояться празднество. В программу его входит парадный обед и бал в залах мэрии. К тому времени миллиардцы, снявшие себе виллы на Таити, уже возвратятся на Стандарт-

Айленд, так как еще через два дня он снова выходит в море.

Виднейшие из жителей обеих частей города смогут таким образом присутствовать на этом празднестве в честь королевы Помаре VI, таитян европейского и туземного происхождения и французской эскадры.

Организовать празднество поручено Калистусу Мэнбару, и на его изобретательность, равно как и на его рвение, вполне можно положиться. Квартет отдает себя в его распоряжение, и решено, что в числе самых интересных номеров программы будет концерт.

Разослать приглашения — миссия, выпадающая на долю губернатора.

Прежде всего Сайрес Бикерстаф лично отправляется просить королеву Помаре, принцев и принцесс, составляющих ее двор, присутствовать на торжестве. Королева удостаивает принять приглашение. Принимает его с благодарностью также командующий-комиссар и высшие французские чиновники, контр-адмирал и его офицеры: все они явно тронуты этой любезностью.

В общем, разослано не менее тысячи приглашений. Разумеется, не вся тысяча гостей сядет за стол в мэрии. Нет, всего около сотни: члены королевской семьи, офицеры эскадры, власти протектората, старшие служащие, члены совета именитых граждан и высшие духовные лица Стандарт-Айленда. Но в парке будут накрыты столы, устроены игры и фейерверк для прочего населения.

Само собою разумеется, что король и королева Малекарлии тоже не были забыты. Но их величества, противники всяких церемоний, уединенно живущие в своем скромном домике на Тридцать второй авеню, благодарят губернатора за приглашение и выражают сожаление, что не смогут его принять.

— Бедные величества! — говорит Ивернес.

Великий день наступил. Стандарт-Айленд расцвечен французскими и таитянскими флагами, которые развеваются по ветру вместе с флагами острова.

Королева Помаре и ее двор в нарядных туалетах прибывают в Штирборт-Харбор, где им устраивают торжественную встречу. Обе батареи производят салют,

на который отвечают орудия Папеэте и военных кораблей.

Около шести часов вечера, после прогулки по парку, все это блестящее общество направилось в роскошно убранную ратушу.

Какое великолепное зрелище являет главная лестница мэрии: недаром каждая ступенька ее стоила не менее десяти тысяч франков, подобно ступеням лестницы особняка Вандербилтов в Нью-Йорке! А в роскошно отделанной столовой для приглашенных уже накрыты столы к ужину.

Правила размещения гостей в соответствии с их рангом были соблюдены губернатором с безупречным тактом. Никакого повода для конфликта между соперничающими знатными фамилиями обеих частей города не возникнет. Каждый доволен отведенным ему местом — в частности, мисс Ди Коверли, сидящая как раз напротив Уолтера Танкердона. Молодому человеку и девушке этого вполне достаточно, больше сближать их и не следовало.

Незачем говорить, что французским музыкантам жаловаться тоже не на что. Их поместили за главный стол и тем самым лишний раз засвидетельствовали уважение к их таланту и к ним самим.

Что касается меню этой трапезы, изученного, обдуманного, выработанного самим господином директором, то оно доказывает, что даже в отношении кулинарии Миллиард-Сити может не завидовать старушке Европе.

Судите сами — вот содержание этого меню, напечатанного золотыми буквами на веленевой бумаге тщанием Калистуса Мэнбара.

Суп а ля д'Орлеан,
Тертый суп Контес,
Форель а ля Морнэ,
Говяжье филе по-неаполитански,
Фрикадельки из дичи по-венски,
Мусс из гусиной печенки а ля Тревиз,
Шербеты,
Жареные перепелки с гренками,
Салат под соусом провансаль,
Зеленый горошек по-английски,

Мороженое, маседуан, фрукты,
Пирожные,
Печенье с пармезаном.

Вина:

Шато-икем, шато-марго,
Шамбертен, шампанское,
Ликеры

Придумывались ли лучшие сочетания блюд для парадных обедов за столом английской королевы, русского императора, германского императора или президента Французской республики, и могли ли приготовить что-нибудь лучше искусные повара самых знаменитых кухонь обоих материков?

В девять часов гости направились в залы казино где состоялся концерт. В программе всего четыре — но зато действительно выдающихся — произведения:

Пятый квартет Бетховена, ля-мажор, соч. 18;

Второй квартет Моцарта, ре-минор, соч. 10;

Второй квартет Гайдна, ре-мажор, соч. 64 (вторая часть);

Двенадцатый квартет Онслоу, ми-бемоль.

Этим концертом парижские артисты стяжали новые лавры. Что бы ни говорил упрямый виолончелист, какая удача, что они очутились на борту Стандарт-Айленда!

Для европейцев и туземцев в парке организованы разнообразные игры. На лужайках устраивают танцы, и — ничего в этом нет зазорного! — все пляшут под звуки аккордеонов, которые пользуются большим успехом у коренного населения островов Общества. К тому же французские матросы тоже питают слабость к этому духовому инструменту, и так как уволенные на берег с «Парижа» и других кораблей в большом количестве прибыли на Стандарт-Айленд, оркестров хоть отбавляй, и аккордеоны неистовствуют. Человеческие голоса тоже дают себя знать, и матросские песни перекликаются с химерре, любимыми народными песнями океанийцев.

Вообще туземцы Таити, и мужчины и женщины, очень любят и пение и танцы, которыми они славятся. В этот вечер они неоднократно исполняют все фигуры

репауипы, которая может считаться национальной пляской. Она сопровождается барабанным боем, отмечающим ее ритм. А затем с увлечением выступают танцоры любого происхождения — и туземцы и иностранцы, — возбужденные всевозможными напитками — угощением муниципалитета.

В то же время в гостиных городской ратуши на балу более изысканного стиля, где в качестве распорядителя выступает Атаназ Доремюс, собрались все знатные семьи города. Дамы — миллиардки и таитянки — разодеты в свои самые роскошные наряды. Нет ничего удивительного, если первые, верные клиентки парижских портных, без труда затмевают даже самых элегантных европеянок колонии. Их головы, плечи, грудь просто залиты бриллиантами, и лишь соперничество между ними самими может представлять хоть какой-то интерес. Но найдется ли человек, который взял бы на себя смелость решить, кто блистательнее — миссис Коверли или миссис Танкердон? Во всяком случае, это будет не Сайрес Бикерстаф, неизменно заботящийся о том, чтобы между обеими частями острова поддерживалось должное равновесие.

В почетной кадрили выступает королева Таити со своим августейшим супругом, Сайрес Бикерстаф с миссис Коверли, контр-адмирал с миссис Танкердон, коммодор Симкоо с первой статс-дамой королевы. Одновременно образуются и другие кадрили, где пары смешиваются в зависимости лишь от своих вкусов и симпатий. Все вместе представляет чарующее зрелище. И, однакоже, Себастьен Цорн стоит в стороне, и вся поза его выражает если не негодование, то во всяком случае презрение, как у двух сердитых римлян на знаменитой картине «Упадок Рима». Ивернес, Пэншина и Фрасколен усердно танцуют вальс, польку, мазурку с самыми хорошенькими таитянками и с самыми очаровательными барышнями Стандарт-Айленда. И кто знает, может быть, в конце этого бала решилась судьба многих пар, что несомненно заставило служащих, регистрирующих браки, потрудиться сверхурочно. Ко всеобщему изумлению, по странной случайности в одной из кадрилей кавалером мисс Коверли оказывается

Уолтер Танкердон! Но впрямь ли это случай, не подстроила ли его дипломатическая изобретательность г-на директора управления искусств? Это событие во всяком случае удивительное, и оно чревато самыми важными последствиями, потому что может явиться первым шагом к примирению между двумя могущественными семьями.

После фейерверка, пущенного с обширной лужайки парка, снова начались танцы, продолжавшиеся всю ночь.

Таков был этот знаменательный праздник, и память о нем сохранится на протяжении всех долгих и счастливых лет, которые грядущее — надо надеяться — уготовило Стандарт-Айленду.

Через день стоянка заканчивается, и на рассвете коммодор Симкоо дает приказ об отплытии. Пушечные залпы отмечают уход пловучего острова, так же как раньше отмечали его прибытие, а он любезно отвечает таитянам салютом на салют.

Стандарт-Айленд направляется на северо-запад, чтобы хоть бегло осмотреть другие острова архипелага, после Наветренных островов — группу Подветренных. И они проплывают вдоль живописных берегов Муреа — словно ощетинившихся горными пиками, из которых центральный имеет сквозное отверстие, мимо Раиатеа — священного острова, колыбели туземных королей, мимо Борабора, над которым вздымается тысячеметровая вершина, затем мимо островков Мату-Ити, Мопелиа, Тубуаи, Ману, — все это звенья таитянской цепи, протянувшейся через эти места.

Девятнадцатого ноября, в час, когда солнце скрывается за горизонтом, исчезают и последние вершины архипелага.

Тогда Стандарт-Айленд поворачивает на юго-запад, — это новое направление телеграфные аппараты отмечают на картах, выставленных в витринах казино.

Того, кто в эту минуту наблюдал бы за капитаном Саролем, поразил бы его мрачный пламенный взгляд и свирепое выражение лица, когда угрожающим жестом он указал своим малайцам путь на Новые Гебриды, расположенные в тысяче двухстах лье к западу!

Часть вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На островах Кука

Вот уже шесть месяцев как Стандарт-Айленд, покинув бухту Магдалены, плывет по Тихому океану от архипелага к архипелагу. За все время этого чудесного плавания не произошло ни одного несчастного случая. В данное время года в экваториальной зоне море спокойное и, как обычно, дуют пассаты. Впрочем, если и налетит шквал или буря, прочное основание Стандарт-Айленда, на котором незыблемо покоятся Миллиард-Сити, оба порта, парк и окрестные поля, не испытывает ни малейших толчков. Шквал проходит, буря стихает, — на «жемчужине Тихого океана» их едва заметили.

Здесь скорее приходится опасаться монотонности слишком однообразного существования. Но наши парижане первые готовы признать, что ничего подобного они не ощущают. В необъятной пустыне океана повсюду попадаются оазисы — те архипелаги, которые Стандарт-Айленд уже посетил, то есть Гавайские острова, Маркизские, Помоту, острова Общества, и те, с которыми еще предстоит ознакомиться, прежде чем он повернет обратно на север, — острова Кука, Самоа, Тонга, Фиджи, Новые Гебриды и, может быть, еще другие. Сколько разнообразных стоянок, столько заранее предвкушаемой возможности осмотреть эти места, чрезвычайно любопытные в этнографическом отношении!

Что же касается Концертного квартета, то на что ему жаловаться, даже если бы у него и оставалось на это время? Может ли он считать себя отрезанным от остального мира? Разве почтовая связь с обоими материками не действует регулярно? Не только нефтеналивные суда доставляют свой груз для электростанций в заранее назначенные дни, но не проходит и двух недель без того, чтобы в Штирборт-Харбор или в Бакборт-Харбор не прибывали на пароходах всевозможные товары, а вместе с ними и различные новости и известия о событиях внешнего мира, которыми разнообразит свои досуги население Миллиард-Сити.

Само собой разумеется, что вознаграждение, причитающееся артистам, выплачивается с пунктуальностью, которая свидетельствует о неиссякаемых средствах, имеющихся в распоряжении Компании. Тысячи долларов текут в кассу квартета. Когда ангажемент закончится, музыканты будут богаты, даже очень богаты. Никогда еще они не жили в такой роскоши, и им не приходится сожалеть о «сравнительно скромных» результатах их поездки по Соединенным Штатам Америки.

— Ну, — спросил однажды Фрасколен у виолончелиста, — расстался ты со своим предубеждением против Стандарт-Айленда?

— Нет, — отвечает Себастьен Цорн.

— А ведь мы, — добавляет Пэншина, — изрядно набьем тут мошну.

— Набить мошну — это еще не все, надо также быть уверенным, что унесешь ее с собой!

— А ты не уверен?

— Нет.

Что на это ответить? За деньги-то уж во всяком случае нечего бояться, — ведь гонорар каждые четверть года переводится в Америку и поступает в кассу нью-йоркского банка. Поэтому самое лучшее, что можно сделать, — это предоставить упрямцу коснеть в своих необоснованных сомнениях.

Действительно, будущее представляется им вполне обеспеченным. В раздорах обеих частей города как

будто бы наступил период затишья. Сайресу Бикерстафу и его подчиненным не на что жаловаться.

Губернатору много хлопот со времени «великого события, произошедшего на балу в ратуше». Да, Уолтер Танкердон танцевал с мисс Ди Коверли. Следует ли заключить из этого, что отношения между двумя именитыми семействами стали менее натянутыми? Бесспорно лишь то, что Джем Танкердон и его друзья уже не говорят о том, что надо превратить Стандарт-Айленд в промышленный и торговый край. А в высшем обществе много разговоров относительно происшествия, имевшего место на балу. Некоторые проницательные умы уже усматривают тут сближение, возможно даже больше чем сближение, — союз, который положит конец раздорам в частной и общественной жизни населения острова.

Если это предвидение осуществится, то прелестная девушка и милый юноша, несомненно достойные друг друга, скажут, как нам кажется, что осуществилась самая заветная их мечта.

Уолтер Танкердон не устоял перед очарованием мисс Ди Коверли Он любит ее уже целый год, но из-за создавшегося положения никому не доверил своей тайны. Мисс Ди угадала это, поняла и была тронута такой скромностью. Может быть, она даже заглянула в глубь своего собственного сердца и почувствовала. что оно готово ответить сердцу Уолтера? . Впрочем, она ничего не выказала. Она проявляет сдержанность. как того требует ее чувство собственного достоинства и отчужденность, существующая между обеими семьями.

В то же время заметно, что Уолтер и мисс Ди никогда не принимают участия в спорах, порой возникающих в особняке на Пятнадцатой авеню и в особняке на Девятнадцатой Когда упрямый Джем Танкердон разражается каким-нибудь желчным выпадом против Коверли, его сын склоняет голову, замолкает и уходит. Когда Нэт Коверли начинает метать громы и молнии против Танкердонов, его дочь опускает глаза, ее прекрасное лицо бледнеет, и она пытается, правда безуспешно, переменить тему разговора. Если сами именитые сограждане ничего еще не заметили, то это обыч-

ная участь отцов, которым природа закрывает глаза повязкой. Зато, как уверяет Калистус Мэнбар, миссис Коверли и миссис Танкердон не так уж слепы! У матерей глаза зоркие, и душевное состояние детей давно вызывает у обеих дам тревогу. Ведь единственное, что могло бы помочь, — невозможно. В глубине души они хорошо понимают, что при взаимной вражде соперников, при постоянных уколах их самолюбию, во всех случаях, когда возникает вопрос о том, кому должно принадлежать первенство, нет надежды на примирение и не может быть речи о союзе между их семьями. И все-таки Уолтер и мисс Ди любят друг друга... Матери об этом уже давно догадываются...

Не раз молодого человека убеждали сделать свой выбор среди невест левобортной части острова. Между ними есть очаровательные девушки, отлично воспитанные, имеющие почти такое же состояние, как он сам, и семьи которых были бы осчастливлены таким браком. Отец заговаривал об этом очень решительно, мать — тоже, хоть и менее настойчиво. Уолтер отказывался под тем предлогом, что у него нет никакой склонности к женитьбе. Однако бывший чикагский негоциант не принимает таких отговорок. Нельзя же сыну миллиардера оставаться холостяком. Если он не может найти девушку по своему вкусу на Стандарт-Айленде — разумеется, девушку своего круга, — ну, пусть попутешествует, поездит по Америке и Европе!.. С его именем, с его состоянием, не говоря уже о личных качествах, от невест отбою не будет, пожелай он даже принцессу королевской или императорской крови!.. Так полагал Джем Танкердон. Но каждый раз, как отец припирал его к стене, Уолтер упорно отказывался отправляться на поиски невесты. И когда мать однажды спросила:

— Мой мальчик, может быть, здесь есть девушка, которая тебе нравится?

Он ответил:

— Да, мама, есть!..

Но так как миссис Танкердон не стала допытываться, кто эта девушка, он не счел нужным назвать ее.

Нечто подобное происходило и в семье Коверли. Бывший ново-орлеанский банкир хотел бы выдать свою

дочь за одного из молодых людей, посещающих их приемы. Если ни один из них ей не нравится, что ж, родители увезут ее за границу... Они побывают во Франции, в Италии, в Англии... Но мисс Ди отвечала, что она предпочитает не покидать Миллиард-Сити... Ей хорошо и на Стандарт-Айленде... Ей бы только остаться здесь... Мистера Коверли явно смущал этот ответ, — ему было неясно, что за ним кроется.

Конечно, миссис Коверли не задавала дочери такого прямого вопроса, как миссис Танкердон своему сыну, и можно с уверенностью сказать, что мисс Ди не решилась бы даже матери ответить на него столь же откровенно.

Вот как обстояло дело. Хотя у наших влюбленных уже нет сомнений в своих чувствах, они лишь обмениваются иной раз взглядами, но никогда не заговаривают друг с другом. Встречаются они только в официальных местах, на приемах у Сайреса Бикерстафа, во время какой-либо церемонии, на которой именитые граждане Миллиард-Сити не могут не присутствовать, хотя бы из-за своего положения в обществе. Во всех этих случаях Уолтер Танкердон и мисс Ди Коверли ведут себя крайне сдержанно, ибо малейшая неосторожность может вызвать крупные неприятности.

Заранее можно судить о последствиях того необыкновенного события, которое произошло на балу в резиденции губернатора. Люди, склонные к преувеличениям, считали его скандальным, и на следующий день весь город только о нем и говорил. Впрочем, все произошло очень просто. Господин директор управления искусств пригласил мисс Коверли танцевать... но когда началась кадриль, его на месте не оказалось, — о этот коварный Мэнбар!.. Тут же очень кстати подвернулся Уолтер Танкердон, и девушка приняла его в качестве кавалера...

Возможно, пожалуй даже наверное, что после события, столь значительного в светской жизни Миллиард-Сити, с той и другой стороны последовали объяснения. Мистер Танкердон, повидимому, стал расспрашивать сына, а мистер Коверли — дочь. Но что ответила мисс Ди?.. Что ответил Уолтер?.. Вмешались

ли миссис Танкердон и миссис Коверли и чем кончилось это вмешательство? Даже Калистус Мэнбар при всей своей проницательности, при всех своих дипломатических талантах не мог ничего разузнать. На расспросы Фрасколена он вместо ответа только подмигивает правым глазом, что, однако, решительно ничего не означает, поскольку ему ничего не известно. Любопытно, впрочем, отметить, что после того памятного вечера, встречаясь с миссис Коверли и мисс Ди на прогулке, Уолтер почтительно кланяется, а молодая девушка и ее мать отвечают ему на поклон.

Если верить господину директору, это — гигантский шаг вперед, своего рода «прыжок в будущее».

Утром 25 ноября на море произошло событие, не имеющее никакого отношения к делам двух виднейших семей пловучего острова.

На рассвете вахтенные наблюдатели обсерватории отметили появление нескольких крупных военных судов, которые плыли в юго-западном направлении. Корабли шли кильватерной колонной, на должном расстоянии друг от друга. Вероятно, это отряд какой-либо военной эскадры, крейсирующей в Тихом океане.

Коммодор Симкоо предупреждает по телеграфу губернатора, и тот приказывает обменяться салютом с военными кораблями.

Фрасколен, Ивернес и Пэншина поднимаются на башню обсерватории, желая присутствовать при изъявлениях международной вежливости.

Бинокли направлены на корабли, — их всего четыре; находятся они еще на расстоянии пяти-шести миль. Флаги на них не подняты, и нельзя выяснить, к флоту какой державы они принадлежат.

— Ничто не указывает на их национальную принадлежность? — спрашивает Фрасколен у офицера.

— Ничто, — отвечает тот, — но, судя по виду, я сказал бы, что это британские корабли. К тому же в этих местах можно встретить подразделения только английских, французских или американских эскадр. Кто они — станет ясно, когда они приблизятся на одну-две мили.

Корабли приближаются с умеренной скоростью, и если они не изменят курса, то пройдут всего в нескольких кабельтовых от Стандарт-Айленда.

Зрители уже собрались у батареи Волнореза и с любопытством следят за движением кораблей.

Через час корабли уже менее чем в двух милях от Стандарт-Айленда; это крейсера старого образца, трехмачтовые и по внешнему виду значительно более внушительные, чем новые суда с уменьшенным рангоутом. Из широких труб вырываются дымки, относимые западным ветром далеко к горизонту.

Когда корабли оказываются всего в полутора милях, офицер вполне уверенно говорит, что это британский военно-морской отряд, курсирующий в западной части Тихого океана, где некоторые архипелаги, как, например, Тонга, Самоа, острова Кука, входят в состав британских владений или состоят под британским протекторатом.

Офицер уже готовится поднять флаг Стандарт-Айленда, полотнище с золотым солнцем, которое широко разовьется по ветру. Ждут только, чтобы флагман отряда первым произвел салют.

Проходит минут десять.

— Если это англичане, — замечает Фрасколен, — то они не спешат отдать дань вежливости.

— Чего ты хочешь? — отвечает Пэншина. — У Джона Буля шляпа сидит на голове очень плотно, снять ее — ему не так-то легко.

Офицер пожимает плечами.

— Да, это англичане, — говорит он. — Я знаю их, они не станут салютовать.

Действительно, на мачте головного корабля флаг так и не появился. Суда проходят мимо пловучего острова, как будто его вовсе не существует. Впрочем, по какому праву он существует вообще? По какому праву затрудняет он судоходство в этой части Тихого океана? Почему Англия должна оказывать ему какое-то внимание? Ведь она и раньше протестовала против сооружения огромной машины, которая теперь, рискуя вызвать столкновения, плавает в этих водах и перерезает морские пути.

Отряд удалился, как дурно воспитанный джентельмен, который на тротуарах Риджент-стрит или Стрэнда не желает никого узнавать, и флаг Стандарт-Айленда так и не был поднят.

Легко представить себе, как честят в городе и в портах высокомерную Англию, этот коварный Альбион, этот Карфаген нового времени. Принято решение больше не отвечать на салюты британских судов, если таковые последуют, что, однако, мало вероятно.

— Какая разница по сравнению с нашей эскадрой, когда она пришла на Таити! — вскричал Ивернес.

— Ну, — ответил Фрасколен, — французская учтивость...

— Sostenuto con espressione[1], — добавил «Его высочество», изящным жестом отбивая такт.

Утром 29 ноября наблюдатели отметили вдали первые высоты острова Кука, расположенные на 20° южной широты и 160° западной долготы. Этот архипелаг, сперва названный Мангаиа, затем именем Херви, получил затем имя Кука, который высадился там в 1770 году. Он состоит из островов Мангаиа, Раротонга, Атиу, Митиеро, Херви, Палмерстон, Хэджмейстер и т. д. Его население, по происхождению маорийское, уменьшилось с двадцати до двенадцати тысяч человек, уже обращенных миссионерами в христианство. Эти островитяне, очень дорожащие своей независимостью, всегда сопротивлялись чужеземным захватчикам. Они все еще считают себя хозяевами на своей земле, хотя понемногу поддаются влиянию, которое оказывает на них «покровительство» (всем отлично известно, что это такое) властей английской Австралии.

Первый остров архипелага, который встречается на пути, это Мангаиа — самый значительный и населенный, собственно говоря, — столица архипелага. По маршруту здесь предполагается двухнедельная стоянка.

Может быть, на этом архипелаге Пэншина познакомится с настоящими дикарями — дикарями в стиле Робинзона Крузо, которых он тщетно искал на Маркизских островах, на островах Общества, на Нукухиве?

---

[1] Сдержанно, с выражением *(итал.)*.

Удовлетворит ли, наконец, парижанин свое любопытство? Увидит ли он подлинных, способных доказать свою природу людоедов?

— Старина Цорн, — говорит он в тот день своему товарищу, — если и здесь нет людоедов, так их нет нигде!

— Я мог бы тебе ответить: а мне какое дело? — говорит этот еж, снова щетинясь. — Но я спрашиваю тебя: а почему... тут должны быть людоеды?

— Да ведь остров называется «Мангаиа». Самое людоедское название [1].

И Пэншина едва успевает увернуться от удара кулаком, чего он вполне заслуживает за такой отвратительный каламбур.

Впрочем, есть ли на Мангаиа людоеды, или нет, — «Его высочеству» не удается с ними познакомиться.

Действительно, едва Стандарт-Айленд подошел на расстояние мили к Мангаиа, как от острова к молу Штирборт-Харбора направилась пирога. В ней был английский резидент — простой протестантский пастор, который установил на архипелаге гораздо более жестокую тиранию, чем прежние туземные монархи. Досточтенное духовное лицо владеет лучшими землями на этом острове, имеющем тридцать миль в окружности и населенном четырьмя тысячами жителей; поля здесь хорошо обработаны, имеются богатейшие плантации таро, аррору>та и ямса. В столице острова Оухоре, у подножья холма, поросшего кокосовыми пальмами, хлебными, манговыми и перечными деревьями, стоит комфортабельный дом пастора. Кругом дома в цветущем саду распускаются колеа, гардении и пионы. Пастор поддерживает свое могущество с помощью мутои — полиции, перед взводом которой склоняются их туземные величества и которая запрещает жителям лазить на деревья, охотиться и ловить рыбу по воскресеньям и другим праздничным дням, гулять после девяти часов вечера и покупать продукты по ценам, отклоняющимся от произвольно установленной таксы. За все эти «нару-

---

[1] Французское название острова созвучно французскому глаголу «manger» — есть, съедать.

шения» взимаются штрафы, причем львиная доля пиастров застревает в карманах не слишком щепетильного пастора.

Из лодки вылез толстый человек. К нему подошел портовый офицер, и они обменялись приветствиями.

— От имени их величеств короля и королевы острова Мангаиа, — говорит англичанин, — я приветствую его превосходительство губернатора Стандарт-Айленда.

— Я уполномочен выслушать и поблагодарить вас, господин резидент, — отвечает офицер, — а наш губернатор лично явится засвидетельствовать свое уважение...

— Его превосходительство может рассчитывать на хороший прием, — говорит резидент с выражением лукавства и алчности на своей хитрой физиономии.

Затем он добавляет сладким голоском:

— Я полагаю, санитарное состояние Стандарт-Айленда не оставляет желать лучшего?..

— Оно, как всегда, превосходно.

— Может быть, однако, есть случаи заразных заболеваний — инфлюэнцы, тифа, ветряной оспы?..

— Даже насморка ни у кого нет, господин резидент. Соблаговолите распорядиться, чтобы нам предоставили свободный доступ на берег, и как только мы закрепимся на своей стоянке, можно будет установить регулярное сообщение с островом Мангаиа.

— Дело в том... — говорит пастор не без некоторого колебания, — если болезни...

— Повторяю вам, о болезнях и помину нет.

— Значит, обитатели Стандарт-Айленда намереваются сойти на берег?..

— Да... так же, как совсем недавно они сходили на восточных островах.

— Отлично, отлично... — повторяет низенький толстяк. — Будьте уверены, прием их ожидает наилучший, раз нет эпидемий...

— Уверяю вас, никаких.

— Что ж, пусть высаживаются... в любом количестве... Жители острова примут их наилучшим образом, ведь они очень гостеприимны... Только...

— В чем же дело?

— Их величества в согласии с советом вождей решили, что на острове Мангаиа, равно как и на других островах архипелага, для иностранцев устанавливается налог на право высадки...

— Налог?

— Да... два пиастра... Видите, какая малость... два пиастра с каждого, кто сойдет на берег.

Совершенно ясно, что этот закон внесен резидентом, а король, королева и совет вождей только одобрили его, и, конечно, значительная доля поступлений от налога пойдет его превосходительству. Однако на островах восточной части Тихого океана о таких налогах никогда и речи не было, и поэтому портовый офицер не может сдержать своего удивления.

— Вы серьезно говорите?.. — спрашивает он.

— Совершенно серьезно, — заявляет резидент. — Мы не впустим никого, кто не уплатит этих двух пиастров...

— Хорошо! — отвечает офицер.

Затем, раскланявшись с его превосходительством, он идет в телефонную кабину и сообщает об этом предложении коммодору.

Этель Симкоо соединяется с губернатором. Подобает ли пловучему острову останавливаться в виду Мангаиа, поскольку претензии местных властей столь же решительны, сколь необоснованны?

Ответа долго ждать не приходится. Посоветовавшись со своими помощниками, Сайрес Бикерстаф отказывается подчиниться этому оскорбительному постановлению о налоге. Стандарт-Айленд не будет останавливаться ни у острова Мангаиа, ни у других островов архипелага. Жадный пастор так и останется при своих претензиях, а миллиардцы отправятся куда-нибудь по соседству, к менее алчным и менее требовательным туземцам.

Поэтому механикам дается распоряжение пустить все миллионы лошадиных сил во весь опор. Вот каким образом случилось, что Пэншина лишился удовольствия пожать руку уважаемым людоедам — если они и были на архипелаге! Но не стоит ему горевать! На островах Кука люди больше не поедают себе подобных.

Стандарт-Айленд направляется по широкому морскому рукаву, который на севере замыкается группой из четырех островов. Навстречу часто попадаются пироги. Некоторые из них сделаны и оснащены довольно искусно, другие представляют собой простой выдолбленный древесный ствол; но управляют ими смелые рыбаки, которые отваживаются охотиться даже за китами, многочисленными в этих морях.

Острова этой группы очень плодородны, и понятно, почему Англия, которой пока еще не удалось приписать их к своим тихоокеанским владениям, навязала им свой протекторат. Издали можно было различить скалистые берега Мангаиа, окаймленные кольцом коралловых рифов, ослепительно белые дома, обмазанные негашеной известью, получаемой из кораллов, и холмы, не превышающие двухсот метров и покрытые темнозеленой тропической растительностью.

На другой день коммодор Симкоо по горам, заросшим лесом до самых вершин, определяет остров Раротонга. Ближе к середине острова поднимается на тысячу пятьсот метров вулкан, вершина которого выступает над густой зеленеющей чащей. Среди этих зарослей выделяется белоснежное здание с готическими окнами. Это протестантский храм, выстроенный среди обширных лесов, которые спускаются к самому побережью. Деревья, очень высокие, с мощными ветвями и причудливыми стволами, изогнуты, искривлены и покрыты огромными наростами, как старые яблони Нормандии или старые оливы Прованса.

Может быть, преподобный пастор, который пасет души жителей Раротонги и состоит в половинной доле с директором «Немецкого Тихоокеанского общества», захватившего в свои руки всю торговлю на острове, не устанавливал, как его коллега с острова Мангаиа, налога на иностранцев? Может быть, миллиардцы могли бы, не раскошеливаясь, засвидетельствовать свое уважение двум королевам, которые оспаривают друг у друга власть над островом, одна в селении Арогнани, другая в селении Аваруа? Но Сайрес Бикерстаф не считает нужным делать стоянку у этого острова, и его поддерживает весь совет именитых граждан, привык-

ших, чтобы им повсюду оказывали королевский прием. В общем, это чистый убыток для туземцев, находящихся под властью незадачливых англиканских священников, ибо у набобов Стандарт-Айленда туго набитая мошна, и они всегда готовы сорить деньгами.

К вечеру виден уже только пик вулкана, торчащего на горизонте, словно карандаш. Мириады морских птиц обосновались безо всякого позволения на Стандарт-Айленде и кружатся над ним, а с наступлением ночи улетают, быстро махая крыльями, в северную часть архипелага, на островки, у которых вечно шумит прибой.

Под председательством губернатора на пловучем острове собирается совет, и на нем вносится предложение об изменении маршрута. Стандарт-Айленд плывет по водам, где преобладает английское влияние. Продолжать путь на запад вдоль двадцатой параллели, как было решено раньше, значит плыть по направлению к островам Тонга и Фиджи. Но то, что произошло на островах Кука, не располагает к посещению этих островов. Не лучше ли направиться к Новой Каледонии, архипелагу Лоялти, где «жемчужина Тихого океана» будет принята с обычной французской вежливостью? Потом, после декабрьского солнцестояния, можно будет, не мудрствуя, вернуться в экваториальную зону. Правда, это означало бы отдалиться от Новых Гебрид, куда надо доставить малайцев и их капитана с потерпевшего крушение кэча...

Во время обсуждения нового маршрута малайцы проявляли весьма понятную тревогу, потому что, будь изменения приняты, это затруднило бы их возвращение на родину. Капитан Сароль не может скрыть своего разочарования, скажем даже, своей ярости, и тот, кто услышал бы, как он говорит с командой, без сомнения счел бы его раздражение более чем подозрительным.

— Как вам нравится, они хотят высадить нас на Лоялти... или на Новой Каледонии!.. А наши друзья уже поджидают нас на Эроманга... А наш план? Ведь на Новых Гебридах все так хорошо подготовлено! Неужели удача выскользнет у нас из рук?..

К счастью для малайцев и к несчастью для Стандарт-Айленда, предложение изменить путь не прини-

мается. Именитые господа не терпят никакого нарушения своих привычек. Плавание будет продолжаться так, как это установлено маршрутом, разработанным при отплытии из бухты Магдалены. Но для того, чтобы возместить несостоявшуюся двухнедельную остановку на островах Кука, принято решение направиться к архипелагу Самоа, то есть сделать крюк в северо-западном направлении, прежде чем идти на острова Тонга.

Узнав о таком решении, малайцы не могут скрыть своего удовлетворения.

Впрочем, что же, вполне естественно, — как им не радоваться тому, что совет именитых граждан не отказался от своего намерения высадить их на Новых Гебридах?

ГЛАВА ВТОРАЯ

От острова к острову

Если горизонт Стандарт-Айленда как будто прояснился, с тех пор как отношения между правобортными и левобортными жителями стали менее натянутыми, если этим улучшением обе стороны обязаны чувству, которое испытывают друг к другу Уолтер Танкердон и мисс Ди, и если, наконец, губернатор и директор управления искусств имеют основания надеяться, что грядущий день не будет омрачен внутренними распрями, то тем не менее само существование «жемчужины Тихого океана» находится под угрозой и едва ли ей удастся избежать давно подготовленной катастрофы. Чем дальше на запад, тем ближе она к месту своей гибели; и виновник преступного замысла против пловучего острова не кто иной, как капитан Сароль.

В самом деле, вовсе не случайные обстоятельства привели малайцев на Сандвичевы острова. Кэч остановился в Гонолулу только для того, чтобы дождаться обычного прихода Стандарт-Айленда. Последовать за ним после его отплытия, держаться поблизости от него, не вызывая подозрений, и раз нет возможности стать его пассажирами, то попасть на него вместе со всей

командой в качестве потерпевших крушение, а затем, под предлогом возвращения на родину, направить пловучий остров к Новым Гебридам, — таково было намерение капитана Сароля.

Читатель уже знает, как была осуществлена первая половина этого плана. Столкновение, жертвой которого якобы стал кэч, было вымышлено. Никакой корабль не налетал на него у линии экватора. Малайцы сами пробили свое судно, да так ловко, что оно могло еще держаться на воде до тех пор, пока им не подали помощи, о которой они просили пушечным выстрелом. Когда же спасательная шлюпка из Штирборт-Харбора была уже совсем близко, они открыли у кэча пробоину. Версия о столкновении оказывалась таким образом правдоподобной, и никто не мог усомниться в праве моряков, чье судно только что затонуло, считаться потерпевшими кораблекрушение: им, разумеется, следовало предоставить убежище на острове.

Правда, могло случиться, что губернатор не пожелал бы оставить их на Стандарт-Айленде. Могло случиться, что по правилам, действующим на пловучем острове, иностранцам не позволено будет на нем проживать. Могло случиться, что их решили бы высадить на ближайшем архипелаге... Приходилось идти на риск, и капитан Сароль на него пошел. Но в виду благожелательного ответа Компании решено было оставить малайцев с потонувшего кэча на Стандарт-Айленде и высадить их на Новых Гебридах.

Так и вышло. Вот уже четыре месяца капитан Сароль и его десять малайцев совершенно свободно живут на пловучем острове. Они имели возможность обследовать его из конца в конец, проникнуть во все его тайны, — и они это сделали наидобросовестнейшим образом. Все идет так, как им нужно. Правда, в тот момент, когда возникли опасения, что совет именитых граждан изменит маршрут, их тревога едва не вызвала подозрений! Но, к счастью для них, маршрут остался прежним. Минует еще три месяца, Стандарт-Айленд подойдет к Новым Гебридам, и там случится катастрофа, перед которой померкнут все бедствия, когда-либо происходившие на море.

Архипелаг Новых Гебрид очень опасен для мореплавателей не только из-за рифов, которыми усеяны подступы к нему, не только из-за стремительных течений, распространенных в его водах, но также из-за свирепых нравов части его населения. Со времени, когда Кирос открыл его в 1706 году, после того как Бугенвиль обследовал его в 1768 году, а Кук — в 1773-м, архипелаг неоднократно являлся ареной чудовищной резни, и, пожалуй, его дурная слава вполне оправдывает опасения Себастьена Цорна насчет исхода плавания Стандарт-Айленда. Канаки, папуасы, малайцы смешались на Новых Гебридах с черными австралийцами; население отличается коварством, вероломством и не поддается цивилизации. Некоторые острова этой группы — настоящие разбойничьи логова, их население промышляет одними пиратскими набегами.

Капитан Сароль, по происхождению малаец, принадлежит к разряду морских разбойников, которые торгуют неграми, возят сандаловое дерево, охотятся на китов и, по замечанию военно-морского врача Агона, побывавшего на Новых Гебридах, являются настоящей язвой этих мест. Смелый, предприимчивый, привыкший плавать у самых подозрительных островов, очень сведущий в своем ремесле и неоднократно возглавлявший различные кровавые предприятия, Сароль уже не новичок в своем деле и благодаря таким подвигам приобрел известность в морях западной части Тихого океана.

И вот несколько месяцев тому назад капитан Сароль и его товарищи в сообщничестве с кровожадным населением Эроманга, одного из Ново-Гебридских островов, подготовили такую штуку, которая в случае удачи позволит им жить припеваючи в обличье честных людей всюду, где им захочется. Они прослышали о самоходном острове, — ведь он уже с прошлого года плавает между тропиками. Они знают, какие несметные богатства скопились в его богатейшей столице. Но так как остров не собирается забираться далеко на запад, его надо как-нибудь завлечь поближе к дикому Эроманга, где ему уже уготована гибель.

С другой стороны, хотя новогебридцы и рассчитывают на подмогу со стороны туземцев близлежащих

островов, они вынуждены помнить о своей малочисленности по сравнению с населением Стандарт-Айленда, а также о тех средствах защиты, которыми остров располагает. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы напасть на него в море, как на простое торговое судно, или о том, чтобы взять его на абордаж с помощью целой флотилии пирог. Малайцы сумели, не вызывая подозрений, использовать гуманное к ним отношение, и вот Стандарт-Айленд подойдет к Эроманга... Остановится в нескольких кабельтовых... Внезапно и неожиданно на нем появятся тысячи туземцев... Они посадят его на рифы, он разобьется... станет ареной грабежа и резни... И правда, этот ужасный замысел имеет шансы на успех. Вот чем капитан Сароль и его банда решили заплатить за гостеприимство, оказанное миллиардцами, — теперь Стандарт-Айленд обречен на гибель и неотвратимо приближается к ней.

Девятого декабря коммодор Симкоо достигает сто семьдесят первого меридиана в точке его пересечения с пятнадцатой параллелью. Между этим меридианом и сто семьдесят пятым находится архипелаг Самоа, где Бугенвиль побывал в 1768 году, Лаперуз в 1787-м и Эдвардс в 1791-м.

Первым запеленгован на северо-западе остров Роз — необитаемый и не заслуживающий посещения.

Через два дня показывается остров Мануа. Его высшая точка поднимается на семьсот шестьдесят метров над уровнем моря. Хотя на нем имеется около двух тысяч жителей, это далеко не самый примечательный из островов архипелага, и губернатор не дает приказа делать здесь стоянку. Лучше остановиться недели на две у острова Тутуила, Уполу, Савайи — самых красивых в этой группе, которая в целом прекраснее многих других. Однако в морской летописи Мануа все же пользуется известностью. Здесь погибли некоторые из спутников Кука на берегу глубокой бухты, за которой сохранилось слишком справедливое название «бухты Убийства».

Более двадцати миль отделяет Мануа от соседнего острова Тутуила. Стандарт-Айленд подходит к нему в ночь с 14 на 15 декабря. В тот же вечер члены квартета,

прогуливаясь у батареи Волнореза, «учуяли» эту Тутуилу, хотя она находилась еще на расстоянии нескольких миль, — воздух был насыщен самыми сладостными ароматами.

— Да это же не остров, — восклицает Пэншина, — это магазин Пивэ... это фабрика Любена... это модная парфюмерная лавка!

— Если «Твое высочество» не возражает, — замечает Ивернес, — я предпочел бы, чтобы ты сравнил его с кадильницей, источающей благовонные курения...

— Ладно, пусть будет кадильница! — соглашается Пэншина, не желая нарушать поэтические грезы своего товарища.

И правда, легкий ветерок проносит над гладью этих изумительных вод потоки благоуханных испарений. Это всепроникающий запах растения, которое туземцы называют муссоои.

С восходом солнца Стандарт-Айленд проходит вдоль северного берега Тутуилы, в шести кабельтовых от острова. Остров похож на корзину с зеленью и цветами; вернее — это многоярусное нагромождение рощ и лесов, доходящих до самых вершин, главная из которых превышает тысячу семьсот метров. До него на пути Стандарт-Айленда попались еще несколько островков, между прочим — Аунуу. В море вышли сотни изящных пирог, в которых сидят сильные полунагие туземцы; они взмахивают веслами в такт своей самоанской песне и словно спешат составить Стандарт-Айленду почетный эскорт. Не менее пятидесяти — шестидесяти гребцов — без преувеличения! — вмещает каждая из этих лодок, таких прочных, что они могут выходить в открытое море. Теперь наши парижане понимают, почему первые европейцы дали этим островам наименование архипелага Мореплавателей. Его настоящее географическое название — Хамоа, или, чаще, — Самоа.

Савайи, Уполу, Тутуила, лежащие один за другим по направлению с северо-запада на юго-восток, и Олосега, Офу, Мануа — на юго-востоке, — таковы главные острова этого вулканического по происхождению архипелага. Общая поверхность его — две тысячи восемьсот квадратных километров, население — тридцать пять

тысяч шестьсот жителей. Приходится, таким образом, наполовину урезать цифры, указанные первыми исследователями.

Заметим, что на любом из этих островов климатические условия такие же благоприятные, как и на Стандарт-Айленде. Температура колеблется в пределах от двадцати шести до тридцати четырех градусов. Самые холодные месяца — июль и август, а февраль — самый жаркий. Но с декабря по апрель самоанцев буквально затопляют обильные дожди, и на это же время приходятся шквалы и бури, часто вызывающие различные бедствия.

Торговля сосредоточена главным образом в руках англичан, затем идут американцы и, наконец, немцы. Острова вывозят некоторые сельскохозяйственные продукты, хлопок, которого выращивают с каждым годом все больше и больше, и копру.

К основному населению, по происхождению малайско-полинезийскому, примешивается лишь около трехсот белых и несколько тысяч рабочих, завербованных на различных островах Меланезии. Около 1830 года миссионеры обратили в христианство самоанцев, которые, однако, сохранили кое-какие из своих древних религиозных обрядов. Благодаря влиянию немцев и англичан бо́льшая часть туземцев — протестанты. Тем не менее и у католичества есть несколько тысяч последователей, причем миссионеры-католики, противодействуя англосаксонскому духовенству, стараются, елико возможно, увеличить их количество.

Стандарт-Айленд остановился около южной части острова Тутуила у входа в бухту Паго-Паго. Это и есть главный порт острова, а столица его, Леоне, находится вдали от берега. На сей раз между губернатором Сайресом Бикерстафом и самоанскими властями не возникло никаких недоразумений. Свободный доступ на остров разрешен. Король архипелага, а также английское, американское и немецкое представительства находятся не на Тутуиле, а на Уполу. Поэтому никаких официальных приемов не происходило. Несколько самоанцев воспользовались предоставленной им возможностью посетить Миллиард-Сити и его «окрестности». В свою

очередь миллиардцы получили заверения, что самоанцы окажут им добрый и сердечный прием.

Порт расположен в глубине бухты. Он прекрасно защищен от морских ветров, доступ в него легкий. Там часто останавливаются военные корабли.

Не приходится удивляться, что в числе первых высадились на берег Себастьен Цорн, его товарищи и присоединившийся к ним Калистус Мэнбар, который, как всегда, был в отличном настроении и болтал без умолку. Он узнал, что три или четыре знатные семейства устраивают экскурсию в Леоне, в экипажах, запряженных новозеландскими лошадьми. Поскольку среди участников ее будут и Коверли и Танкердоны, прогулка может повести к дальнейшему сближению между Уолтером и мисс Ди, чему господин директор был бы весьма рад.

Прогуливаясь с членами квартета, он беседует с ними об этом великом событии весьма оживленно и по своему обыкновению дает волю фантазии.

— Друзья мои, — повторяет он, — все точь-в-точь как в музыкальной комедии... Неожиданное происшествие приведет к счастливой развязке... Вдруг лошади понесут... Карета опрокинется...

— Нападут разбойники... — говорит Ивернес.

— Произойдет поголовная резня экскурсантов!... — добавляет Пэншина.

— Что ж, вполне может статься! — произносит виолончелист ворчливо-похоронным голосом, напоминающим мрачные звуки, которые издает четвертая струна его инструмента.

— Нет, друзья мои, нет! — восклицает Калистус Мэнбар. — Зачем же резня!.. Не нужно!.. Обойдемся каким-нибудь происшествием, во время которого Уолтер Танкердон имел бы счастье спасти жизнь мисс Ди Коверли.

— И все это под аккомпанемент музыки Буальдье или Обера! — говорит Пэншина, делая рукой такое движение, словно он крутит ручку шарманки.

— А вы, господин Мэнбар, — спрашивает Фраскolен, — все еще желаете этого брака?

— Желаю ли, дорогой Фрасколен? Я мечтаю о нем и днем и ночью!.. У меня портится настроение!.. (По правде сказать, этого не видно.) Я худею... (Этого тоже не заметно.) Я умру, если брак не состоится!

— Он состоится, господин директор! — возглашает Ивернес, придавая своему голосу пророческую интонацию. — Бог не допустит смерти вашего превосходительства.

— Бог просто проиграл бы от моей смерти! — заключает Калистус Мэнбар.

И они направляются в туземный кабачок, где выпивают за здоровье будущих супругов несколько стаканов кокосового сока, заедая его превосходными бананами.

Для наших парижан смотреть на самоанских жителей, которых они видят на улицах Паго-Паго и в рощах, окружающих порт, — истинное удовольствие. Мужчины выше среднего роста, с желтовато-коричневой кожей, круглой головой, мощной грудью, мускулистыми руками и ногами, приветливым и веселым выражением лица. Пожалуй, на руках, на туловище, даже на бедрах, едва прикрытых чем-то вроде юбки из травы или листьев, слишком уж много татуировки. Их черные волосы, приглаженные или завитые, в зависимости от вкуса туземных щеголей, и густо намазанные белой известью, выглядят париком.

— Дикари в стиле Людовика Пятнадцатого! — замечает Пэншина. — Вполне могли бы красоваться на малых утренних приемах в Версале, им не хватает только камзола, шпаги, коротких панталон, чулок и башмаков с красными каблуками, шляпы с перьями и табакерки!

Что касается самоанок, женщин или девушек, то, одетые столь же скудно, как и мужчины, с татуированными руками и грудью, с венками из гардений на голове, с ожерельем из красного гибискуса на шее, они — во всяком случае молодые — оправдывают восхищение, которым переполнены рассказы первых мореплавателей. Впрочем, держатся они очень скромно, с милой, чуть наигранной стыдливостью, и вызывают восторг музыкантов, когда с улыбкой произносят своим неж-

ным, мелодичным голосом «калофа!» — то есть «здравствуйте».

На следующий день наши туристы решили совершить прогулку или, вернее, паломничество, которое дало им возможность пересечь из конца в конец весь остров. В туземном экипаже проехали они на противоположный его берег, в бухту Франса, чье название вызывает в памяти Францию. Там в 1884 году воздвигнут был монумент из белого коралла с бронзовой доской, на которой выгравированы незабвенные имена майора де Лангля, естествоиспытателя Ламанона и девяти матросов — спутников Лаперуза, — убитых на этом самом месте 11 декабря 1787 года.

Себастьен Цорн и его товарищи возвратились в Паго-Паго через внутреннюю часть острова. Как изумительны густые чащи деревьев, перевитых лианами, — кокосовых пальм, диких бананов, других местных пород, подходящих для производства дорогой мебели! Поля представляют плантации таро, сахарного тростника, кофейного дерева, хлопка, коричника. Повсюду апельсиновые деревья, гуайявы, манго, авокадо, а также вьющиеся растения, орхидеи и древовидные папоротники. Здесь, в теплом и влажном климате, почва порождает изумительно пышную флору. Что касается самоанской фауны, то она сводится к некоторым видам птиц, безобидных пресмыкающихся, а туземным млекопитающим является маленькая крыса, единственный представитель семейства грызунов.

Спустя четыре дня, 18 декабря, Стандарт-Айленд покинул Тутуилу, а «провиденциальный случай», которого жаждал директор, так и не произошел. Однако отношения между двумя враждующими семьями явно улучшаются.

Не более двенадцати лье отделяет Тутуилу от Уполу. На следующий день утром коммодор Симкоо, идя на расстоянии четверти мили от берега, миновал один за другим островки Нунтуа, Самусу и Салуафата, которые прикрывают большой остров, словно три выдвинутых вперед форта. Он маневрирует чрезвычайно умело и уже днем закрепляется на своей стоянке напротив города Апиа.

Уполу с шестнадцатью тысячами жителей — самый значительный из островов архипелага. Германия, Америка и Англия избрали именно его местопребыванием своих резидентов, образующих вместе нечто вроде совета для защиты интересов их соотечественников. Что касается короля архипелага, то он «царствует», окруженный своим двором, в Малинуу, на восточной оконечности мыса Апиа.

Внешний вид Уполу — тот же, что у Тутуилы; это нагромождение гор, над которыми господствует пик хребта Миссии, протянувшегося через весь остров, словно позвоночный столб. Древние потухшие вулканы до самых кратеров поросли густыми лесами. У подножья гор раскинулись равнины и поля, соединяющиеся с полосою аллювиальных наносов побережья, где роскошествует растительность, порожденная буйной фантазией тропической природы.

На следующий день губернатор Сайрес Бикерстаф, оба его помощника, кое-кто из именитых граждан высаживаются в порту Апиа. Надо нанести официальный визит резидентам Германии, Англии и Соединенных Штатов, представляющим собою своего рода смешанный муниципалитет, в чьих руках сосредоточены все административные функции на архипелаге.

Пока Сайрес Бикерстаф и его свита посещают резидентов, Себастьен Цорн, Фрасколен, Ивернес и Пэншина, которые тоже вышли на берег, осматривают на досуге остров.

Прежде всего их поражает контраст между европейскими домами, где нахсдятся лавки купцов, и хижинами старинной канакской деревни, рассеянными по берегам реки Апиа, где упорно продолжают селиться туземцы; их низкие крыши выглядывают из-под изящных зонтов пальм.

Порт не лишен оживления. На всем архипелаге Апиа — наиболее посещаемый порт, и Гамбургское торговое общество содержит в нем флотилию судов каботажного плавания между архипелагом Самоа и близлежащими островами.

Однако, хотя на этом архипелаге преобладает тройное — англо американо-немецкое — влияние, Францию

представляют здесь католические миссионеры. Благодаря своей порядочности и ревностным стараниям заслужить доверие самоанцев они достигли успеха. Наших музыкантов охватило глубочайшее волнение, когда они увидели церковку католической миссии, ничем не напоминающую протестантские храмы с их пуритански-суровым видом, и, немного поодаль, трехцветный флаг Франции, развевающийся над зданием школы.

Туда они и направились, и через несколько минут их принимают в этом французском доме. Приезжим «фалани» — так самоанцы называют чужеземцев — устроили патриотическую встречу. Католическая миссия состоит из трех священников, которые находятся здесь, на Уполу, еще двух — на Савайи, и нескольких монахинь, живущих на различных островах.

Члены квартета имели интересную беседу с настоятелем французской католической миссии, глубоким стариком, который уже много лет проживает на островах Самоа. Он в свою очередь радуется встрече с соотечественниками и к тому же артистами! Приправой к разговору являются напитки, приготовленные миссионером по рецепту, известному ему одному.

— Прежде всего, — говорит старик, — не думайте, что острова нашего архипелага населены дикарями. На Самоа вы не найдете туземцев, приверженных к людоедству...

— Да мы их до сих пор нигде не встречали, — перебивает его Фрасколен.

— К величайшему нашему сожалению! — вставляет Пэншина.

— То есть как это... к сожалению?

— Вы уж простите любопытного парижанина! Это все от пристрастия к местному колориту!

— Ну, — говорит Себастьен Цорн, — путешествие наше еще не кончилось, и, может быть, людоеды, о которых мечтает мой друг, попадутся на нашем пути в гораздо большем количестве, чем нужно...

— Вполне возможно, — отвечает настоятель. — Мореплавателям следует проявлять большую осторожность в районе западных архипелагов, Новых Гебрид и Соломоновых островов. Но на Таити, на Маркизском

архипелаге, на островах Общества и Самоа цивилизация сделала значительные успехи. Я знаю, что из-за истребления спутников Лаперуза самоанцы прослыли свирепыми дикарями, людоедами. Однако с тех пор многое изменилось под воздействием веры Христовой. На остров проникло просвещение, теперь у самоанцев и правительство на европейский лад, и парламент, и даже бывают революции...

— Тоже на европейский лад?.. — спрашивает Ивернес.

— Совершенно верно, сын мой. Самоанскому населению тоже знакомы политические разногласия!

— Говорят, — замечает Пэншина, — что здесь только что происходила династическая распря между представителями двух королевских домов...

— Да, друзья мои, король Тупуа, потомок древних властителей архипелага, которого мы всячески поддерживаем, вел борьбу против короля Малиетоа, ставленника англичан и немцев. Было пролито много крови, особенно в большом сражении в декабре тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года. Обоих монархов поочередно то возводили на престол, то свергали, но в конце концов три великие державы по предложению берлинского двора провозгласили королем Малиетоа. — При слове «Берлин» старый миссионер не мог сдержаться: он судорожно вздрогнул. — Видите ли, до последнего времени на Самоа преобладало влияние немцев. Девять десятых возделываемых земель находится в их руках. Они получили от правительства важную концессию около Апии, в Салуафате, поблизости от порта, который может послужить базой для их военных судов. Они ввезли на остров скорострельное оружие... Самоанцы научились им пользоваться. Но возможно, что в один прекрасный день всему этому наступит конец...

— К выгоде Франции? — спрашивает Фрасколен.

— Нет... к выгоде Соединенного королевства.

— О, — вставляет Ивернес, — Англия или Германия, не все ли равно...

— Нет, сын мой, — отвечает настоятель, — тут имеется существенное различие...

— А как же с королем Малиетоа?

— Короля Малиетоа опять свергли, и знаете, какой претендент имел очень много шансов оказаться его преемником?.. Англичанин, человек, пользующийся на островах большим влиянием, а по профессии — писатель...

— Писатель?

— Да, Роберт Льюис Стивенсон, автор «Острова сокровищ» и «Новых арабских ночей».

— Вот куда может завести литературная деятельность! — восклицает Ивернес.

— Какой пример для наших французских романистов! — вмешивается Пэншина. — Подумайте! Например — Золя Первый, король самоанцев, признан и поддержан британским правительством на троне Тупуа и Малиетоа... династия его сменяет династию туземных монархов!.. Восхитительно!

Настоятель сообщает еще некоторые подробности насчет нравов, характерных для этих островов, и на этом беседа заканчивается. Добавляет он также, что хотя большинство туземцев — протестанты уэслианского толка, католичество, видимо, тоже делает некоторые успехи: церковка миссии уже мала, а к школе скоро придется делать пристройку, что явно радует старика, гости вполне ему сочувствуют.

Стоянка Стандарт-Айленда в Уполу продлилась еще три дня.

Явившись к французским музыкантам с ответным визитом, миссионеры осмотрели Миллиард-Сити и пришли в восторженное изумление. В зале казино Концертный квартет исполнил для гостей кое-что из своего репертуара. Старик настоятель так расчувствовался, что даже всплакнул: он — большой любитель классической музыки, но, к своему великому сожалению, на празднествах на острове Уполу ему не приходится ее слышать.

Накануне отъезда Себастьен Цорн, Фрасколен, Пэншина, Ивернес — на этот раз в сопровождении учителя грации и манер — еще раз посетили миссию. Последовало трогательное прощание друг с другом людей, которые встретились лишь на несколько дней и

никогда больше не увидятся; старик расцеловал соотечественников и дал им свое благословение.

Двадцать третьего декабря на рассвете коммодор Симкоо закончил все приготовления к отплытию, и Стандарт-Айленд тронулся в путь, окруженный целой свитой пирог, которые должны были сопровождать его до соседнего острова Савайи.

Этот остров отделен от Уполу лишь проливом шириной в семь-восемь лье. Но порт Апия расположен на северном берегу, и чтобы добраться до пролива, надо в течение целого дня плыть вдоль этого берега.

Согласно маршруту, выработанному губернатором, предполагается не огибать Савайи, а пройти между ним и Уполу, чтобы свернуть на юго-запад к архипелагу Тонга. Поэтому Стандарт-Айленд движется с очень умеренной скоростью, чтобы не идти в ночной темноте по узкому проливу между двумя островками — Аполима и Маноно.

На утренней заре коммодор Симкоо проводит Стандарт-Айленд между этими островками; на первом из них насчитывается лишь двести пятьдесят жителей, на втором — тысяча. Эти туземцы пользуются заслуженной славой самых храбрых и самых честных самоанцев архипелага. Отсюда можно созерцать Савайи во всем его великолепии. Несокрушимые гранитные утесы защищают остров от ярости морских валов, которые во время зимних ураганов, смерчей и циклонов обрушиваются на него с грозной силой. Он покрыт густым лесом, над которым вздымается древний вулкан высотою в тысячу двести метров. По склонам его разбросаны залитые солнцем селения, осененные гигантскими пальмами, низвергаются шумные водопады, зияют глубокие пещеры, в которых гулко отдаются удары морских валов о прибрежные скалы.

Если верить легендам, Савайи — подлинная колыбель полинезийской расы, тип которой сохраняют во всей чистоте одиннадцать тысяч жителей этого острова. В древности остров назывался Саваики — это был Эдем маорийских богов.

Стандарт-Айленд медленно удаляется от него и вечером 24 декабря теряет из виду его последние вершины.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Концерт на дому у короля-астронома

Проведя несколько времени над тропиком Козерога, солнце 21 декабря возобновляет свое видимое движение к северу, предоставляя эти края зимним непогодам и уводя лето в Северное полушарие.

Стандарт-Айленд сейчас находится на расстоянии едва одного десятка градусов от тропика. Спустившись на юг к островам Тонгатабу, пловучий остров достигнет самой дальней точки своего плавания и затем повернет на север, оставаясь таким образом все время в самых благоприятных климатических условиях. Правда, ему не избежать чрезвычайно знойной погоды, пока раскаленное солнце стоит в зените; но жара будет умеряться морским бризом и спадет с удалением светила, служащего ее источником.

Между архипелагом Самоа и главным островом Тонгатабу насчитывается восемь градусов, то есть около тысячи километров. Поэтому не стóит торопиться. Стандарт-Айленд медленно плывет по безмятежно тихому морю, спокойному, как самый воздух над ним, едва возмущаемый редкими и краткими грозами. Надо прибыть в первых числах января к Тонгатабу, постоять там неделю, затем двинуться к островам Фиджи. Оттуда Стандарт-Айленд вновь поднимется к Новым Гебридам и высадит команду малайцев; потом, повернув на северо-восток, он достигнет широты бухты Магдалены, и второе плаванье будет закончено.

Мирное течение жизни в Миллиард-Сити ничем не нарушается. Это обычная жизнь большого города Америки или Европы — постоянное общение благодаря пароходам и телеграфным кабелям с новым континентом, привычные визиты, которыми обмениваются семьи граждан, явное сближение, происходящее между обеими частями города, прогулки, игры и концерты квартета, неизменно пользующиеся успехом у любителей музыки.

Наступают рождественские дни. «Крисмас» [1], столь дорогой сердцу и протестантов и католиков, с боль-

---

[1] «Крисмас» — английское название праздника рождества.

шой пышностью празднуется во дворцах, в особняках и в домах торгового квартала. По этому торжественному случаю праздничное оживление охватит весь остров на целую неделю, с 25 декабря по 1 января.

Газеты «Стандарт-кроникл» и «Нью-геральд» продолжают угощать своих читателей последними, внутренними и зарубежными, новостями. Одна такая новость, сразу сообщенная обоими листками, дает пищу самым разнообразным комментариям. В самом деле, в номере от 26 декабря газеты напечатали, что король Малекарлии явился в ратушу, где был принят губернатором. Какую цель имел визит его величества?.. Какую причину?.. Различнейшие рассказы ходили по всему городу, и без сомнения возникли бы самые невероятные домыслы, если бы на другой же день газеты не опубликовали точных сведений на этот счет.

Король Малекарлии просил места в обсерватории Стандарт-Айленда, и высшая администрация тотчас же удовлетворила его ходатайство.

— Черт возьми, — воскликнул Пэншина, — надо жить в Миллиард-Сити, чтобы наблюдать подобные вещи!.. Монарх, следящий в телескоп за звездами!

— Земное светило, переговаривающееся со своими небесными собратьями!.. — отвечает Ивернес.

Однако это так, и вот причина, почему его величество вынужден был ходатайствовать о такой должности.

Король Малекарлии был добрым королем, а супруга его — доброй королевой. Они сделали все, что в государстве Центральной Европы могут сделать монархи просвещенные и даже либерально настроенные, не претендующие на божественное происхождение своей династии, хотя она и была одной из старейших в Европе. Король занимался науками, ценил искусства и страстно любил музыку. Будучи ученым и философом, он не закрывал глаза на судьбу, ожидающую европейских монархов. Поэтому он давно приготовился покинуть свое королевство в любое время, как только народ не захочет больше короля. Прямых наследников у него не было, и он не причинил бы никакого ущерба своей семье, если бы счел необходимым отказаться от престола и снять королевский венец.

Для этого пришла пора три года тому назад. Впрочем, в королевстве Малекарлии дело обошлось без революции, во всяком случае без революции кровавой. Договор между его величеством и подданными с общего согласия был расторгнут. Король превратился в простого человека, подданные стали гражданами, и он уехал из своей страны самым обычным способом, как любой путешественник, взяв железнодорожный билет и предоставив новому режиму заменить старый.

В шестьдесят лет король был еще полон сил, но хрупкое здоровье королевы требовало такого климата, который не знал бы резких колебаний температуры. Поскольку переезжать в погоне за хорошей погодой из одних широт в другие было бы слишком утомительно, они избрали своей резиденцией Стандарт-Айленд, — где же было искать ровного климата, как не на Стандарт-Айленде? Наверное пловучий остров предоставлял своим обитателям все преимущества такого рода, если уже самые богатые набобы Соединенных Штатов избрали его своей новой родиной.

Вот почему, как только был построен пловучий остров, король и королева Малекарлии решили поселиться в Миллиард-Сити. Они получили на это разрешение, с условием, что будут жить, как простые граждане, не пользуясь никаким особым вниманием или привилегиями. Впрочем, можно не сомневаться в том, что они и не собирались жить иначе. Им сдали в правобортной части города, на Тридцать девятой авеню, небольшой особняк, окруженный садом, примыкавшим к парку. Там и проживает царственная чета, в стороне от всех, ни в малейшей степени не вмешиваясь в интриги и распри враждующих частей острова и вполне удовлетворяясь своим скромным существованием. Король погрузился в занятия астрономией, к чему он всегда чувствовал сильнейшую склонность. Королева стала вести почти затворнический образ жизни, не имея возможности посвятить себя делам милосердия, поскольку на «жемчужине Тихого океана» нищета неизвестна.

Такова история бывших повелителей королевства Малекарлии, — история, которую г-н директор расска-

зал нашим артистам, добавив, что король и королева милейшие люди, хотя средства у них относительно весьма скромные.

Видя, с каким философским спокойствием принимают свою участь эти лишившиеся престола монархи, квартет преисполнился к ним сочувствия и уважения. Вместо того чтобы поселиться во Франции, этой второй родине всевозможных изгнанных королей, их величества предпочли Стандарт-Айленд, как какие-нибудь богатые люди ради своего здоровья выбирают Ниццу или Корфу. Впрочем, их ведь не изгнали с родины, они могли бы остаться в Малекарлии или возвратиться туда теперь и жить в качестве простых граждан, но они вполне удовлетворены мирным существованием на Стандарт-Айленде и живут здесь, подчиняясь всем правилам и законам пловучего острова.

Действительно, короля и королеву Малекарлии не назвать богатыми, если сравнивать их с большинством миллиардцев и исходить из стоимости жизни в Миллиард-Сити. Что там можно сделать с двумястами тысячами франков дохода, если годовая плата за скромный особняк, который они снимают, равна пятидесяти тысячам? А ведь этот монарх далеко не был богачом среди императоров и королей Европы, которые в свою очередь не выдерживают никакого сравнения с Гульдами, Вандербилтами, Ротшильдами, Асторами, Маккеями и другими божествами финансового мира. Поэтому бывшим монархам, хотя они живут без всякой роскоши и разрешают себе только самое необходимое, все же приходится считать каждую копейку. Между тем жизнь на пловучем острове так полезна для здоровья королевы, что королю и в голову не приходила мысль покинуть его. В конце концов он решил прибавить к своим доходам заработок, и так как в обсерватории нашлось свободное место, и притом очень хорошо оплачиваемое место, он отправился ходатайствовать о нем у губернатора. Запросив каблограммой высшую администрацию в бухте Магдалены, Сайрес Бикерстаф предоставил эту должность бывшему монарху. Вот так случилось, что газеты могли сообщить о назначении короля астрономом Стандарт-Айленда.

В любой другой стране такой случай был бы пищей для бесконечных разговоров! Здесь об этом поговорили дня два, а потом и думать перестали. Кажется вполне естественным, что король стремится работой обеспечить себе возможность мирного существования в Миллиард-Сити. Он ученый, — можно воспользоваться его знаниями. Дело это вполне почетное. Если он откроет какую-нибудь новую планету, комету или звезду, — она получит его имя, и оно будет с честью красоваться среди мифологических наименований, заполняющих официальные астрономические ежегодники.

Проходя по парку, Себастьен Цорн, Пэншина, Ивернес и Фрасколен толкуют об этом деле. Утром они видели, как король шел к себе на службу, и они еще недостаточно американизировались, чтобы счесть это вполне обычным явлением.

— Если бы король не занял места астронома, — говорит Фрасколен, — он, пожалуй, мог бы стать учителем музыки.

— Король, бегающий по урокам! — восклицает Пэншина.

— Вот именно, и получающий за них изрядную плату от своих богатых учеников.

— О нем, и правда, говорят, как об очень хорошем музыканте, — замечает Ивернес.

— Я бы не удивился, услышав, что он увлекается музыкой, — прибавляет Себастьен Цорн. — Разве мы не видели, как он жмется к дверям казино во время наших концертов, не имея возможности купить себе и королеве билеты в кресла партера?

— Ах, дорогие скрипачи, мне пришла в голову одна мысль! — говорит Пэншина.

— Мысль «Его величества»! — подхватывает виолончелист. — Вот, вероятно, забавная мысль!

— Забавная или нет, старина Себастьен, — заявляет Пэншина, — но только она тебе наверное понравится.

— Посмотрим, что там придумал Пэншина, — говорит Фрасколен.

— Я придумал дать королю концерт у него на дому!

— А знаешь, — восклицает Себастьен Цорн, — твоя мысль недурна!

— Черт побери! У меня такими мыслями голова полна, и как только я тряхну головой...

— Она звенит, как бубенчик! — вмешивается Ивернес.

— Ну, дорогой Пэншина, — объявляет Фрасколен, — на этот раз с твоим предложением мы согласны. Я уверен, что мы доставим доброму королю и доброй королеве большое удовольствие.

— Завтра мы напишем им и попросим аудиенции, — говорит Себастьен Цорн.

— Я лучше придумал! — отвечает Пэншина. — Явимся сегодня же к королю с инструментами, как труппа бродячих музыкантов, и пробудим его своей музыкой от сна...

— Да нет же, мы исполним серенаду, — возразил Ивернес, — ведь это будет вечером...

— Пусть так, о строгая, но справедливая первая скрипка! Не надо спорить о словах! Значит, решено?

— Решено!

Мысль, и правда, отличная. Нет сомнения, что король-меломан будет очень тронут вниманием со стороны французских артистов и очень счастлив, что сможет услышать их игру.

И вот под вечер Концертный квартет, нагруженный тремя скрипками и виолончелью, выходит из казино и направляется по Тридцать девятой авеню на самую окраину правобортной части города.

Перед ними совсем скромный дом с зеленым газоном посреди маленького дворика. С одной стороны — службы, с другой — конюшни, которыми явно не пользуются. Домик в два этажа, перед входом — ступени, над вторым этажом — мансарда в одно окно. Направо и налево — два великолепных железных дерева, в тени которых извиваются дорожки, уводящие в сад. Сад небольшой, площадью не более двухсот квадратных метров, в зарослях его зеленеет маленькая лужайка. Этот коттедж и сравнить нельзя с особняками Коверли, Танкердонов и других именитых господ Миллиард-Сити. Это обитель мудреца, живущего в уединении, ученого,

философа, Абдолоним, отказавшись от трона сидонских царей, был бы доволен таким убежищем.

Единственный камергер короля Малекарлии — его лакей, а единственная фрейлина королевы — ее горничная. Если добавить к ним кухарку-американку, то вот вам и весь персонал, обслуживающий этих бывших монархов, которые некогда именовали своими братьями императоров Старого Света.

Фрасколен нажимает кнопку электрического звонка, слуга открывает калитку. Фрасколен говорит, что он и его товарищи, французские музыканты, хотели бы приветствовать его величество и просят аудиенции.

Слуга приглашает их войти, и они останавливаются у крыльца.

Слуга почти тотчас же возвращается и передает, что король с удовольствием примет музыкантов. Их вводят в переднюю, где они оставляют инструменты, а затем в гостиную, куда в то же мгновение входят их величества.

Вот и весь церемониал.

Музыканты почтительно поклонились королю и королеве. Королева в скромном темном платье, голова ее ничем не покрыта; седые завитки густых волос придают особое очарование ее несколько бледному лицу и слегка затуманенным глазам. Она садится в кресло у окна, выходящего в сад, — за окном виднеются деревья парка.

Король, стоя, отвечает на приветствие гостей и спрашивает, что привело их в этот дом, затерянный в одном из дальних кварталов Миллиард-Сити.

Четверо музыкантов с любопытством смотрят на бывшего короля, который держится с таким достоинством. У него почти еще черные брови, живые глаза и внимательный взгляд ученого. Широкая седая шелковистая борода падает на грудь. Серьезное выражение лица, невольно вызывающего симпатию, смягчено ласковой улыбкой.

Фрасколен заговорил немного дрожащим голосом:

— Благодарим, ваше величество, за то, что вы соблаговолили принять музыкантов, которым очень хотелось засвидетельствовать вам свое уважение.

— Мы с королевой благодарим вас, господа, и тронуты вашим посещением, — отвечает король Малекарлии. — На этот остров, где мы надеемся скоротать остаток бурной жизни, вы приносите с собою свежий воздух Франции. Как не знать вас человеку, хотя и погруженному в научные занятия, но страстному любителю музыки — искусства, которому вы обязаны своей славой в артистическом мире Европы и Америки. В рукоплескания, приветствовавшие Концертный квартет на Стандарт-Айленде, и мы вносили свою долю — правда, несколько издалека. И нам жаль, что мы слушали вас не так, как надо вас слушать.

Король просит гостей садиться, и сам занимает место у камина, мраморную доску которого украшает великолепный бюст работы Франкетти, изображающий королеву в дни ее молодости.

Фрасколену достаточно подхватить последнюю фразу короля, чтобы приступить к своему делу.

— Вы правы, ваше величество, — говорит он, — и мысль, выраженная вами, вполне оправдана, поскольку речь идет о том роде искусства, которым мы занимаемся, — камерная музыка, квартеты гениев классической музыки требуют интимной обстановки, которой не найти в многолюдных собраниях. Для камерной музыки нужна особая сосредоточенность.

— Да, господа, — говорит королева, — эту музыку нужно слушать так, как внимают небесным звукам, и ей подобает святилище...

— В таком случае, — вмешивается Ивернес, — да позволено нам будет на один час превратить эту гостиную в храм, где слушателями нашими станут только ваши величества. — Он еще не окончил своих слов, как лица короля и королевы оживились.

— Господа, — говорит король, — вы хотите... вы задумали...

— Это цель нашего посещения...

— Ах, — говорит король, протягивая им руку, — я узнаю в вас французских музыкантов, великодушие которых не меньше их таланта! Ничто... нет, ничто не могло бы доставить нам большего удовольствия!

И пока слуга приносит инструменты в гостиную и приготовляет все для импровизированного концерта, хозяева приглашают гостей прогуляться с ними по саду.

Затевается беседа, говорят о музыке так, как могут говорить о ней музыканты в самом тесном кругу.

Король высказывает свою любовь к этому искусству: он, видимо, чувствует все обаяние и понимает всю красоту музыки. Вызывая удивление слушателей, он обнаруживает хорошее знание композиторов, которых сейчас будет слушать... Он прославляет наивный и в то же время изобретательный гений Гайдна... Он вспоминает слова одного критика о Мендельсоне, выдающемся мастере камерной музыки, который умеет изложить свою мысль языком Бетховена... А Вебер — какая тонкая чувствительность, какой изящный ум!.. Очень своеобразный художник!

Бетховен, конечно, царь инструментальной музыки... В своих симфониях он открывает душу... Его творения не уступают ни в величии, ни в ценности шедеврам поэзии, живописи, скульптуры и архитектуры. Это светоч, который, перед тем как окончательно закатиться, просиял в «Симфонии с хором», где голоса инструментов так тесно сливаются с голосами людей!

— А ведь он никогда не научился танцевать в такт музыке!

Легко представить себе, что это весьма неподходящее замечание принадлежало Пэншина.

— Да, — с улыбкой отвечает король, — вот, господа, доказательство, что орган, необходимый музыканту, отнюдь не ухо. Сердцем, только сердцем он и слышит! И разве не доказывает этого несравненная симфония, о которой я говорил: ведь Бетховен сочинил ее тогда, когда был уже глух и не мог внимать ее звукам.

Затем увлекательное красноречие короля переносится на Моцарта.

— Ах, господа, —говорит король, — я хочу излить перед вами свое восхищение. Уже так давно не имел я возможности поговорить по душам! Ведь вы первые

музыканты, которых я вижу со времени моего переезда на Стандарт-Айленд. Моцарт! Моцарт! Один из ваших музыкальных драматургов, величайший, по моему мнению, композитор конца девятнадцатого века, посвятил Моцарту чудесные страницы. Я их прочел и никогда не забуду! Этот французский композитор пишет о том, с какой легкостью Моцарт предоставляет каждой ноте звучать по-своему, не нарушая хода и характера музыкальной фразы... Он говорит, что патетическую правду Моцарт объединяет с совершенством пластической красоты. Ведь только одному Моцарту удавалось с неизменным успехом находить истинную музыкальную форму для каждого чувства, для каждого оттенка страсти или характера, для всего того, из чего складывается внутренняя драма человека! Моцарт не король, — что такое король в наши дни? — прибавляет его величество, покачивая головой. — Поскольку бога-то еще признают — я бы назвал его божеством, божеством музыки!

Невозможно передать, с какой горячностью король высказывает свое восхищение. Когда все опять переходят в гостиную, он берет со стола небольшую книжку. Эта книжка, которую он, вероятно, много раз перечитывал, носит название «Дон Жуан» Моцарта». Король раскрывает ее и читает вслух несколько строк, слетевших с пера мастера, который глубже всех понимал и больше всех любил Моцарта, — с пера знаменитого Гуно: «О Моцарт, божественный Моцарт! Только тот не обожает тебя, кто плохо понимает! Ты вечная правда! Ты совершенная красота! Ты неисчерпаемая прелесть! Ты глубок и всегда прозрачен! В тебе — полная зрелость и вместе с тем детская простота. Ты все почувствовал и все выразил в музыке, которую никто не превзошел и никогда не превзойдет!»

Теперь Себастьен Цорн и его товарищи берутся за инструменты и при мягком свете, которым заливает гостиную электрическая люстра, играют первую пьесу из отобранных ими для концерта.

Это десятый квартет Мендельсона, ля-минор, соч. 13; он вызывает полный восторг слушающих.

За ним следует третий квартет Гайдна, до-минор, соч. 75, — «Австрийский гимн», исполненный квартетом с несравненным искусством. Никогда еще музыканты не играли с большим совершенством, чем в этом уютном святилище, где их слушают отрекшиеся от власти король и королева.

Закончив этот гимн, великолепно расцвеченный гением композитора, они исполняют шестой квартет Бетховена, си-бемоль, соч. 18, — «Меланхолический», как его называют, грустного характера; он наделен такой проникновенной силой, что вызывает на глаза слезы.

Затем идет изумительная фуга до-минор Моцарта, настолько свободная от всякой схоластической учености, такая совершенная, такая естественная, что кажется, будто это стремится прозрачный поток или будто легкий ветерок пробегает по нежной листве. И наконец они играют один из самых чудесных квартетов божественного композитора — десятый, ре-мажор, соч. 35. Им заканчивается концерт, какого и не слыхивали набобы Миллиард-Сити. Король и королева продолжают жадно слушать, и французы не устали бы исполнять эти изумительные произведения.

Но уже пробило одиннадцать, и король говорит:

— Благодарим вас, господа, и верьте: наша благодарность идет из самой глубины сердца. Ваша совершенная игра доставила нам такое наслаждение, что воспоминания об этом не изгладятся никогда.

— Если вашему величеству угодно, — говорит Ивернес, — мы могли бы...

— Нет, господа. Вы много сделали для нас... Но не будем злоупотреблять вашей любезностью... Уже поздно, а кроме того... этой ночью... я работаю...

Это последнее слово, произнесенное королем, возвращает музыкантов к действительности. Услышав его из уст монарха, они смущаются... опускают глаза...

— Да, господа, — прибавляет король весело, — я ведь астроном обсерватории Стандарт-Айленда и, — договаривает он не без волнения, — я надзираю за звездами... за падучими звездами!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Британский ультиматум

В течение последней недели старого года, посвященной святочным увеселениям, разослано было множество приглашений на обеды, вечера, официальные приемы. Банкет у губернатора для знатных миллиардцев, на котором присутствовали именитые граждане как левобортной, так и правобортной части города, свидетельствовал об известном сближении между ними. Танкердоны и Коверли встречались за общим столом. В первый день нового года между особняком на Девятнадцатой авеню и особняком на Пятнадцатой состоится обмен визитными карточками. Уолтер Танкердон даже получил приглашение на один из концертов, устраиваемых миссис Коверли. Прием, который ему намерена оказать хозяйка дома, дает, повидимому, основания для благоприятных предположений. Но отсюда до установления более тесных связей еще далеко, хотя Калистус Мэнбар, неизменно полный воодушевления, твердит всем, кто согласен его слушать:

— Дело в шляпе, друзья, дело в шляпе!

Тем временем пловучий остров продолжал свое мирное плавание по направлению к архипелагу Тонгатабу. Ничто, казалось, не могло бы его нарушить, но вот в ночь с 30 на 31 декабря неожиданно произошло довольно странное метеорологическое явление.

Между двумя и тремя часами пополуночи раздались отдаленные орудийные выстрелы. Наблюдатели не придали им особого значения. Трудно допустить, чтобы это было морское сражение, разве что — между кораблями каких-нибудь южноамериканских республик, часто воюющих друг с другом. В конце концов почему это должно вызвать беспокойство на Стандарт-Айленде, независимом острове, который находится в мирных отношениях с державами Нового и Старого Света!

Грохотанье, продолжавшееся до самого утра, доносилось из западных областей Тихого океана, но его никак нельзя было принять за отдаленные, производимые

через правильные промежутки времени, артиллерийские залпы.

Коммодор Симкоо, предупрежденный одним из своих офицеров, поднялся на башню обсерватории, чтобы осмотреть горизонт. На морской шири, которая расстилается у него перед глазами, не заметно огней. Однако небо приняло необычный вид. Какое-то зарево охватывает его до самого зенита. Воздух словно затуманен, хотя погода хорошая и никакое внезапное падение барометра не указывает на резкие перемены в воздушных течениях.

Наутро те из жителей Миллиард-Сити, которые привыкли вставать на заре, были удивлены странными явлениями. Грохотанье не только не прекращалось, но в воздухе еще появилась какая-то черновато-красная дымка, какая-то почти неосязаемая пыль, которая осаждалась наподобие дождя. Это напоминало ливень из мельчайших частиц сажи. В несколько мгновений улицы города, крыши домов покрылись каким-то веществом, в окраске которого сочетались оттенки кармина, марены, пурпура ярко-алого цвета вперемешку с чернотою шлака.

Все высыпали на улицу, за исключением Атаназа Доремюса, который никогда не встает раньше одиннадцати часов, несмотря на то, что ложится в восемь. Члены квартета, разумеется, давно уже на ногах. Они направляются в обсерваторию, где коммодор, его офицеры и астрономы, не исключая и нового служащего — короля, пытаются установить природу этого явления.

— Жалко, — говорит Пэншина, — что это красное вещество не жидкость, и не какая-нибудь жидкость, а вино — живительный дождь из помара или шато-лафита лучшей марки.

— Пьянчуга! — бросает Себастьен Цорн.

И правда, в чем причина этого явления? Известны многочисленные случаи таких дождей из красной пыли, состоящей из кремнезема, окиси хрома и окиси железа. В начале XIX века Калабрия и Абруццы были залиты подобными дождями; суеверные люди принимали их за капли крови, а на самом деле это был всего-навсего

хлористый кобальт, как тот дождь, который выпал в 1819 года в Блансенберге. Случается также, что по воздуху переносятся мельчайшие частицы сажи или угля от дальних пожаров. А разве не бывало дождей из сажи в Пернамбуку в 1820 году, желтых дождей — в Орлеане в 1829-м и дождей из пыльцы цветущих сосен в Нижних Пиренеях в 1836 году?

Каково же происхождение этого дождя из пыли, смешанной со шлаком, которой насыщено все пространство и которая покрыла Стандарт-Айленд и окружающую его морскую гладь плотным красноватым слоем?

Король Малекарлии высказал предположение, что это вещество, должно быть, выброшено каким-нибудь вулканом на западных островах. Его коллеги по обсерватории разделяют это мнение. Они подобрали несколько горстей этого шлака, температура которого оказалась выше температуры окружающего воздуха. Значит, шлак не охладился в достаточной мере, даже пройдя через атмосферу. Только извержением вулкана можно было объяснить взрывы, иногда еще доносившиеся через неравные промежутки времени. Ведь эти области Тихого океана усеяны вулканами, одни из которых — действующие, а другие — потухшие, но способные ожить под влиянием подземных сил. Кроме того, порою со дна океана благодаря тектоническим движениям земной коры поднимаются новые вулканы, которые извергаются иногда с необыкновенной силой.

И разве в архипелаге Тонга, куда держит путь Стандарт-Айленд, несколько лет тому назад вулкан Тофуа не покрыл лавой и пеплом стокилометровую площадь вокруг себя? Разве раскаты этого извержения не слышались в течение многих часов на расстоянии двухсот километров? И разве в августе 1883 года извержение Кракатау не наделало бедствий в тех частях Явы и Суматры, которые прилегают к Зондскому проливу? Были разрушены целые деревни, погублено множество человеческих жизней, произошло землетрясение, которое покрыло почву толстым слоем вулканической грязи,

отравило воздух серными парами и подняло на море грозные валы, несущие гибель кораблям.

Невольно возник вопрос, не угрожает ли пловучему острову подобная же опасность.

Коммодор Симкоо испытывал довольно сильное беспокойство, ибо плавание становилось весьма затруднительным. Он отдал приказ сбавить скорость, и Стандарт-Айленд движется вперед совсем медленно.

Население Миллиард-Сити было охвачено тревогой, напугано. Уж не осуществляются ли мрачные предсказания Себастьена Цорна насчет исхода этого путешествия?

Около полудня наступила глубокая темнота. Жители покинули свои дома, которым все равно не устоять, если металлический остов поднимется под напором тектонических сил. Не меньше будет опасность и в том случае, если море, вздыбившись выше металлических креплений побережья, обрушит на город свои водяные смерчи!

Губернатор Сайрес Бикерстаф и коммодор Симкоо отправились на батарею Волнореза, за ними потянулась часть населения. В порты посланы офицеры, которым приказано неотлучно там находиться. Механики приготовились произвести резкий поворот острова, если окажется необходимым плыть в противоположном направлении.

Беда в том, что плыть становится все труднее, так как небо все темнеет и темнеет. К трем часам дня уже ничего не видно и в десяти шагах. Не заметно и признака даже рассеянного света, — тучи пепла полностью поглощают солнечные лучи. Особенно приходится опасаться, чтобы Стандарт-Айленд под тяжестью шлака, которым засыпана его поверхность, не погрузился ниже ватерлинии.

А ведь это не корабль, который можно облегчить, выбросив за борт часть груза или балласта... Делать нечего, остается ждать, доверяясь остойчивости пловучего острова.

Наступает вечер, или, точнее, ночь, но определить это можно только, взглянув на часы. Царит полнейший мрак. Под ливнем шлака нельзя оставлять в воз-

духе электрические луны, и их приходится спустить вниз. Само собой разумеется, что электрическое освещение домов и улиц, которое действовало весь день, не будет выключено, пока продолжается это явление.

С наступлением ночи положение не изменилось. Но взрывы, кажется, стали менее частыми и менее сильными. Ярость извержения как будто ослабевала, и дождь из пепла, относимый к югу довольно сильным ветром, пошел на убыль.

Немного успокоившись, миллиардцы решили разойтись по домам в надежде на то, что завтра Стандарт-Айленд окажется уже в нормальных условиях. Тогда придется заняться основательной и весьма длительной чисткой пловучего острова.

До чего все же печален первый день Нового года для «жемчужины Тихого океана»! Как недалек был Стандарт-Айленд от участи Помпеи или Геркуланума![1] Хоть он и не находится у подножия Везувия, но сколько еще вулканов, которыми усеяно дно Тихого океана, могут встретиться на его пути?

Губернатор, его помощники и совет именитых граждан не покидают здания мэрии. Наблюдатели на башне внимательно следят за всеми изменениями, какие могут произойти на море и на небосводе.

Пловучий остров продолжает продвигаться в юго-западном направлении, но его скорость не превышает двух-трех миль в час. Как только наступит день, или, вернее, когда рассеется мрак, он снова возьмет курс на архипелаг Тонга. Там, наверное, можно будет выяснить, на каком из островов этой части океана произошло такое сильное извержение.

Ночные часы текут, и становится очевидным, что сила извержения все-таки уменьшается, ослабевает.

Около трех часов утра новое происшествие снова повергло в ужас жителей Миллиард-Сити!

Стандарт-Айленд внезапно получил удар, который отдался во всех отсеках его корпуса. Правда, толчок был не настолько силен, чтобы вызвать сотрясение

[1] Помпея и Геркуланум — древние города в Италии, разрушенные и засыпанные пеплом во время извержения Везувия в 79 г.

домов или повреждение машин. Вращение винтов, подгоняющих остров, не прекратилось, но вне всякого сомнения произошло какое-то столкновение.

Что же случилось? Быть может, Стандарт-Айленд наскочил на подводную мель?.. Нет, он продолжает двигаться. Или налетел на риф?.. Или столкнулся с каким-нибудь встречным судном, которое не могло заметить в кромешном мраке его огней? А вдруг столкновение причинило серьезные повреждения, которые если и не угрожают безопасности пловучего острова, то во всяком случае могут потребовать основательного ремонта на ближайшей стоянке?

Сайрес Бикерстаф и коммодор Симкоо не без труда пробираются по толстому слою шлака и пепла к батарее Волнореза.

Там они узнают от таможенной охраны, что действительно произошло столкновение. Волнорезом Стандарт-Айленда был задет пароход крупного тоннажа, следовавший с запада на восток. Для пловучего острова удар оказался не опасным, но, может быть, с пароходом дело обстоит иначе?.. Темную массу его заметили только в момент столкновения... Раздались крики, но почти тут же оборвались. Начальник поста и его люди, сбежавшись к выступу батареи, уже ничего не увидели и не услышали... Может быть, судно тотчас же и затонуло? Увы! такое предположение более чем вероятно.

Самому Стандарт-Айленду столкновение не причинило существенного вреда. Но масса пловучего острова огромна, и ему достаточно на самой малой скорости задеть какое-нибудь судно, будь то даже броненосец первого класса, чтобы это судно со всеми людьми и имуществом постигла почти неминуемая гибель. Повидимому, так и произошло.

Что касается национальности корабля, то начальнику поста как будто послышались приказания, отдававшиеся грубым рыкающим голосом, каким обычно подают команду в английском флоте. Но утверждать это с уверенностью он не решался.

Случай очень неприятный, и его последствия также могут быть весьма неприятны. Что скажет Соединен-

ное королевство? Британское судно — это кусок Англии, а известно, что Англия не позволяет безнаказанно отрезать от себя куски.

Так начался новый год. В этот день до десяти утра коммодор Симкоо не имел возможности предпринять никаких поисков в открытом море. Все кругом было еще затянуто дымом, хотя ветер, свежея, начал отгонять пепел в сторону. Наконец сквозь пелену, окутывавшую горизонт, стало пробиваться солнце.

В каком виде Миллиард-Сити, парк, окрестности, заводы, порты! Какая предстоит чистка! Впрочем, всем этим займется служба благоустройства. Это лишь вопрос времени и денег. За ними дело не станет.

Начинают с неотложного. Прежде всего инженеры направляются на батарею Волнореза, на ту сторону побережья, где произошло столкновение. Здесь повреждения незначительны. Прочный стальной остов пострадал не больше, чем металлический клин, вонзающийся в кусок дерева, — в данном случае в протараненное судно.

На поверхности моря не заметно никаких обломков крушения. С башни обсерватории ничего не видно даже в самые сильные бинокли, хотя после столкновения Стандарт-Айленд не прошел и двух миль.

Однако во имя человечности поиски необходимо продолжать. Губернатор советуется с коммодором Симкоо. Механикам отдается приказ остановить машины, а электрическим катерам — выйти в море.

Поиски в радиусе пяти-шести миль не дают никакого результата. Повидимому, судно, получив пробоину в подводной части, затонуло и не оставило по себе никаких следов.

Тогда коммодор Симкоо отдает распоряжение перейти на обычную скорость. В полдень обсерватория указывает, что Стандарт-Айленд находится в ста пятидесяти милях к юго-западу от Самоа.

Наблюдателям даны указания особенно тщательно следить за всем, происходящим на море.

Около пяти часов вечера на юго-востоке появились густые клубы дыма. Может быть, это последние вспышки извержения, причинившего столько неприят-

ностей? Вряд ли, — ведь карты не отмечают поблизости никаких островов или островков. Может быть, со дна океана поднялся новый кратер? Нет, потому что дым явно приближается к Стандарт-Айленду.

Через час показываются три корабля, идущие рядом на всех парах.

Еще через полчаса выясняется, что корабли — военные, а еще через час не остается никаких сомнений и насчет их национальной принадлежности. Это — то самое подразделение британской эскадры, которое пять недель тому назад не пожелало поднять флаг, поровнявшись со Стандарт-Айлендом.

С наступлением темноты корабли уже меньше чем в четырех милях от батареи Волнореза. Пройдут ли они мимо, продолжая свой путь? Это маловероятно. Судя по их огням, они остановились.

— У этих кораблей несомненно какое-то дело к нам, — говорит коммодор Симкоо губернатору.

— Подождем, — отвечает Сайрес Бикерстаф.

Но что скажет губернатор командующему отрядом, если тот явится с претензией по поводу недавнего столкновения? Действительно, вполне возможно, что у него именно такая цель, — может быть, экипаж погибшего судна был подобран кораблями, может быть, они выслали шлюпки на помощь? Впрочем, еще будет время принять решение, когда станет известно, в чем дело.

Все выяснилось на другой же день рано утром. На бизань-мачте головного крейсера, который стоит под парами в двух милях от Бакборт-Харбора, взвился контр-адмиральский флаг. От крейсера отделилась шлюпка и направилась в порт.

Через четверть часа коммодор Симкоо получил следующую депешу:

«Капитан Тернер с крейсера «Геральд», начальник штаба адмирала сэра Эдуарда Коллинсона, просит немедленной аудиенции у губернатора Стандарт-Айленда».

Получив это сообщение, Сайрес Бикерстаф распорядился, чтобы начальник порта разрешил высадку,

и ответил, что будет ждать капитана Тернера у себя в мэрии.

Через десять минут электрический экипаж, предоставленный в распоряжение начальника штаба и его адъютанта, доставил обоих к зданию мэрии.

Губернатор тотчас же принял их в гостиной, примыкавшей к его кабинету.

Хозяин и посетители с весьма натянутым видом обменялись установленными приветствиями.

Затем, многозначительно подчеркивая отдельные слова и как будто декламируя заученный литературный отрывок, капитан Тернер произносит такую нескончаемую фразу:

— Имею честь довести до сведения его провосходительства губернатора Стандарт-Айленда, находящегося в настоящее время на сто семьдесят седьмом градусе тринадцати минутах восточной долготы по Гринвичскому меридиану и на шестнадцатом градусе пятидесяти четырех минутах южной широты, что в ночь с тридцать первого декабря на первое января пароходу «Глен» из порта Глазго, водоизмещением в три тысячи пятьсот тонн, груженному зерном, рисом, индиго, вином, что представляет груз большой ценности, — Стандарт-Айлендом, принадлежащим обществу «Стандарт-Айленд компани лимитед», с местоприбыванием в бухте Магдалены, Нижняя Калифорния, Соединенные Штаты Америки, был нанесен удар, несмотря на то, что упомянутый пароход «Глен» имел все положенные сигнальные огни — белый на фок-мачте, зеленый на правом и красный на левом борту, и что после столкновения он был встречен на следующий день в тридцати пяти милях от места катастрофы уже полузатонувшим, вследствие пробоины в задней части левого борта, и что он действительно пошел ко дну, после того как его капитан, офицеры и команда были благополучно приняты на борт «Геральда», крейсера первого класса ее величества королевы Великобритании, плавающего под флагом контр-адмирала сэра Эдуарда Коллинсона, который извещает об этом факте его превосходительство губернатора Сайреса Бикерстафа, предлагая ему признать ответственность «Стан-

дарт-Айленд компани лимитед», гарантируемую обитателями названного Стандарт-Айленда перед владельцами упомянутого парохода «Глен», стоимость которого, включая корпус судна, машины и груз, составляет сумму в один миллион двести тысяч фунтов стерлингов, то есть шесть миллионов долларов, каковая сумма должна быть выплачена означенному адмиралу сэру Эдуарду Коллинсону, а в противном случае против упомянутого Стандарт-Айленда будет применена сила.

Одна фраза в двести тридцать шесть слов с запятыми и без единой точки! Но до чего же все решительно сказано, безо всякой возможности каких бы то ни было кривотолков! Да или нет! Примет ли губернатор претензию, заявленную сэром Эдуардом Коллинсоном, и признает ли его правоту в отношении: 1) ответственности со стороны Компании; 2) оценки парохода «Глен» из порта Глазго в один миллион двести тысяч фунтов стерлингов?

Сайрес Бикерстаф приводит аргументы, обычные в случаях столкновения:

Вследствие вулканического извержения, которое, повидимому, произошло где-то в западной части Тихого океана, тьма стояла кромешная. Если на «Глене» были в порядке сигнальные огни, то и на Стандарт-Айленде они были в порядке. И с той и с другой стороны заметить их не представлялось возможным. Следовательно, здесь налицо неблагоприятное стечение обстоятельств. Согласно морским правилам в таких случаях каждая потерпевшая сторона относит свои повреждения за свой счет, и потому здесь не может возникнуть вопроса о претензиях и об ответственности.

Ответ капитана Тернера:

Его превосходительство губернатор был бы, конечно, прав, если бы речь шла о судах, плавающих в обычных условиях. Но если «Глен» этим условием соответствовал, то всем очевидно, что Стандарт-Айленд им не соответствовал; что его нельзя приравнять к кораблю; что он, передвигаясь всей своей огромной массой на морских путях, представляет собою постоянную опасность; что он может быть приравнен только к острову, островку или подводной мели, меняющим свое место-

положение, которое не может быть с точностью обозначено на картах; что Англия всегда протестовала против этой помехи, не поддающейся определению никакими гидрографическими методами, и что таким образом Стандарт-Айленд должен считаться ответственным за все несчастные случаи, происходящие вследствие самой его природы и т. д. и т. д.

Доводы капитана Тернера явно не лишены известной логики. В глубине души Сайрес Бикерстаф понимает их справедливость. Но сам он не вправе принять никакого решения. Дело будет доложено кому следует, а он может только дать сэру Эдуарду Коллинсону расписку в том, что принял его претензию. К большому счастью, дело обошлось без человеческих жертв...

— К большому счастью, — отвечает капитан Тернер, — но корабль погиб, и миллионные ценности поглощены океаном по вине Стандарт-Айленда. Согласен ли губернатор незамедлительно передать адмиралу сэру Эдуарду Коллинсону сумму, соответствующую стоимости «Глена» и его груза?

— Но как губернатор может согласиться на выплату этих денег?.. В конце концов Стандарт-Айленд предлагает достаточные гарантии... Он с готовностью возместит нанесенный ущерб, если после экспертизы, которая установит как причины несчастного случая, так и размеры убытка, суд признает, что Стандарт-Айленд должен нести за них ответственность.

— Это последнее слово вашего превосходительства? — спрашивает капитан Тернер.

— Это мое последнее слово, — отвечает Сайрес Бикерстаф, — я не имею права соглашаться от имени Компании на признание ее ответственности.

Следует новый обмен поклонами, с еще более натянутыми лицами, между губернатором и английским капитаном. Последний возвращается на электрическом экипаже в Бакборт-Харбор, а оттуда на своей шлюпке — на борт крейсера «Геральд».

Когда ответ Сайреса Бикерстафа становится известным совету именитых граждан, тот одобряет его целиком и полностью, а вслед за советом выносят свое одобрение и все жители Стандарт-Айленда. Нельзя

подчиняться требованию представителей ее британского величества, выраженному столь дерзко и высокомерно.

Покончив с этим вопросом, коммодор Симкоо приказывает продолжать путь с максимальной скоростью.

Но в случае если отряд адмирала Коллинсона будет упорствовать, можно ли будет избежать его преследования? Ведь эти корабли гораздо быстроходнее Стандарт-Айленда. А если он подкрепит свои претензии снарядами, начиненными мелинитом, как будет Стандарт-Айленд сопротивляться? Конечно, батареи острова сумеют ответить на выстрелы орудий Армстронга, которыми вооружены крейсера. Но цель для стрельбы у англичан гораздо больше... шире... Что будет с женщинами, с детьми при отсутствии всякого укрытия? Все английские снаряды попадут в цель, в то время как батареи Волнореза и Кормы потеряют даром по меньшей мере половину своих снарядов, стреляя по небольшой и вдобавок подвижной цели.

Придется, следовательно, ждать, какое решение примет адмирал сэр Эдуард Коллинсон.

Ждать пришлось недолго.

В девять часов сорок пять минут средняя башня «Геральда» дает первый холостой выстрел, и в тот же миг на главной мачте взвивается флаг Соединенного королевства.

В зале мэрии собирается совет именитых граждан под председательством губернатора и его помощников. В данном случае Джем Танкердон и Нэт Коверли сходятся во мнении. Американцам, как людям практичным, не приходит в голову оказывать сопротивление, которое может вызвать гибель Стандарт-Айленда со всем его населением и имуществом.

Раздается второй пушечный выстрел, со свистом пролетает снаряд, пущенный на этот раз таким образом, чтобы упасть в море на расстоянии полукабельтова от пловучего острова; он разрывается с ужасающей силой, вздымая огромные массы воды.

По приказу губернатора коммодор Симкоо велит спустить флаг, который был поднят в ответ на поднятие флага «Геральдом». Капитан Тернер снова прибывает в Бакборт-Харбор. Там он получает векселя

на сумму в один миллион двести тысяч фунтов, подписанные Сайресом Бикерстафом и контрассигнованные главными богачами Стандарт-Айленда.

Через три часа последние дымки английских военных кораблей рассеиваются на востоке, а Стандарт-Айленд продолжает свой путь к архипелагу Тонга.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Табу на Тонгатабу

— Значит, — сказал Ивернес, — мы сделаем остановки на главных островах группы Тонга?

— Да, мой любезный и добрый друг! — отвечает Калистус Мэнбар. — Вы будете иметь возможность познакомиться с этим архипелагом, который вы вправе называть еще архипелагом Хаапай, а также архипелагом Дружбы, как назвал его капитан Кук в благодарность за оказанный ему хороший прием.

— Надеюсь, здесь к нам отнесутся лучше, чем на островах Кука? — спрашивает Пэншина.

— Весьма вероятно.

— А что, мы побываем на всех островах этой группы? — интересуется Фрасколен.

— Конечно, нет, ведь их насчитывается не менее ста пятидесяти.

— А потом?

— Потом мы пойдем на Фиджи, далее на Новые Гебриды, а затем, доставив малайцев домой, вернемся в бухту Магдалены, где и закончится наше плавание.

— Будет ли Стандарт-Айленд останавливаться на островах Тонга? — продолжает допытываться Фрасколен.

— Только на Вавау и Тонгатабу, — отвечает господин директор, — но и там вы не встретите таких дикарей, о каких мечтает наш дорогой Пэншина.

— Ничего не поделаешь, их нигде не найти, даже в западной части Тихого океана! — вздыхает «Его высочество».

— Вы ошибаетесь... Они имеются, и в довольно большом количестве, в районе Новых Гебрид и Соломоновых островов. Но на Тонга подданные здешнего короля Георга Первого более или менее цивилизованы, и — добавлю я — подданные женского пола просто очаровательны. Но я не советовал бы вам выбирать себе жену среди этих пленительных тонганок.

— А по какой причине?

— Потому что, говорят, браки между иностранцами и туземцами не бывают счастливыми. Обычно между ними обнаруживается несходство характеров.

— Вот беда! — восклицает Пэншина. — А старый хитрец Цорн собирался жениться на острове Тонгатабу!

— Я? — возмущается виолончелист, пожимая плечами. — Ни на Тонгатабу, ни в каком ином месте, так и знай, бездельник!

— Наш глава — поистине мудрец, — отвечает Пэншина. — Видите ли, дорогой мой Калистус, — впрочем, вы мне так симпатичны, что я хотел бы называть вас Эв-калистус...[1]

— Пожалуйста, Пэншина!

— Так вот, дорогой Эвкалистус, пропиликав на скрипке целых сорок лет, можно стать философом, а философия учит нас, что единственный способ достичь счастья в женитьбе, это — не жениться.

Утром 6 января на горизонте появляются высоты Вавау, самого значительного из северных островов архипелага. По своей вулканической структуре эта группа сильно отличается от двух других — Хаапай и Тонгатабу. Все три группы расположены между 17 и 22° южной широты и 176 и 178° западной долготы и занимают площадь в две тысячи пятьсот квадратных километров. На всех ста пятидесяти островах насчитывается шестьдесят тысяч жителей.

В этих местах плавали корабли Тасмана в 1643 году и корабли Кука в 1773-м, во время его второго путешествия по Тихому океану в поисках новых земель.

---

[1] В древнегреческом языке слово «каллистос» означало «самый лучший», а «эвкаллистос» означало бы «лучший из самых лучших».

Гражданская война, начавшаяся после свержения династии Финаре-Финаре и основания федеративного государства в 1797 году, сильно сократила население архипелага. Затем на островах появились миссионеры методистского толка и установили там господство этой честолюбивой секты англиканской церкви.

В настоящее время архипелагом правит король под протекторатом Англии до тех пор, пока... Многоточие здесь намекает на то будущее, которое слишком часто приносит своим заморским подопечным британское «покровительство».

Не легкое дело пройти по лабиринту узких проливов между обсаженных кокосовыми пальмами островков и островов, но иначе не добраться до Ну-Офа, столицы архипелага Вавау.

Вавау — острова вулканические и, как таковые, подвержены землетрясениям. Местные строители не забывают об этом и умеют воздвигать жилища без единого гвоздя. Стены плетут из тростника с брусьями из кокосовой пальмы; на столбах или цельных стволах той же пальмы покоится овальной формы крыша. Все вместе производит впечатление свежести и чистоты. Архитектура привлекает особенное внимание наших артистов, которые не сходят с батареи Волнореза, пока Стандарт-Айленд плывет по проливам, окаймленным канакскими деревушками. Там и сям виднеется несколько домов европейского типа, над которыми развеваются флаги Германии и Англии.

Но если данная часть архипелага вулканического происхождения, то все же мощное извержение шлака и пепла, обрушившееся на эти места, нельзя приписывать одному из островных вулканов. Тонганцы даже не были погружены в двухсуточный мрак, ибо западные бризы отнесли тучу изверженного вещества к противоположному горизонту. Весьма вероятно, что извергший их кратер находится на каком-либо одиноко расположенном острове в восточном направлении, если это не вновь возникший вулкан между островами Самоа и Тонга.

Стоянка Стандарт-Айленда у Вавау продолжалась всего дней восемь. Этот остров стоит посетить, не-

смотря на то, что несколько лет назад он был опустошен ужасающим циклоном, разрушившим церквушку французских маристов и несколько туземных хижин. Тем не менее общий вид острова и сейчас весьма привлекателен. Многочисленные селения окружены апельсиновыми рощами, плодородными равнинами, плантациями сахарного тростника, зарослями бананов, шелковичных, хлебных и сандаловых деревьев.

Из домашних животных — одни только свиньи и куры. Из птиц — только огромное множество голубей да яркие и болтливые попугаи. Из пресмыкающихся — несколько видов безобидных змей и красивые зеленые ящерицы, которых можно принять за опавшие с деревьев листья.

Калистус Мэнбар не преувеличил, говоря о красоте туземцев, близких по типу к прочим своим собратьям малайской расы, населяющей различные архипелаги центральной части Тихого океана. Мужчины поистине великолепны. Они высокого роста, полноваты, но хорошо сложены, с благородной осанкой и гордым взглядом; цвет кожи разнообразных оттенков — от темнобронзового до оливкового. Женщины грациозны и стройны, с такими тонкими и маленькими руками и ногами, что немки и англичанки из европейской колонии, глядя на них, наверное постоянно впадают в грех зависти. Впрочем, туземки занимаются только плетением цыновок, корзин да тканьем материй, похожих на те, которые вырабатываются на Таити, и от этого рукоделья пальцы их не теряют изящной формы. Кроме того, красота тонганцев не скрыта под европейским платьем: ни отвратительные брюки, ни нелепые платья с волочащимся подолом еще не вошли в моду на этих островах. Мужчины носят только передник или набедренную повязку, женщины — одновременно скромные и кокетливые — карако [1] и короткую юбку, украшенную бахромой из высушенной древесной коры. Представители обоих полов чрезвычайно заботятся о своей прическе, причем у девушек волосы подняты надо лбом

---

[1] Карако — накидка из древесной коры, листьев или растительных волокон.

и закреплены вместо гребня сеткой, сплетенной из кокосовых волокон.

Тем не менее все эти преимущества не могут поколебать предубеждения у строптивого Себастьена Цорна. На Вавау, на Тонгатабу он так же мало склонен к женитьбе, как и в любой другой стране подлунного мира.

И для него и для его товарищей побывать на берегу — всегда большое удовольствие. Конечно, Стандарт-Айленд им нравится, но в конце концов походить немного по настоящей твердой земле тоже приятно. Настоящие горы, настоящие поля, настоящие потоки — их не сравнить с поддельными реками и искусственными морскими побережьями. Нужно быть каким-нибудь Калистусом Мэнбаром, чтобы предпочитать «жемчужину Тихого океана» живым творениям природы.

Хотя Вавау не является обычной резиденцией тонганского короля Георга I, у него имеется в Ну-Офа дворец, или, вернее сказать, красивый коттедж, в котором он временами живет. Но настоящий дворец короля и учреждения английских резидентов находятся на Тонгатабу.

Здесь, почти у пределов тропика Козерога, Стандарт-Айленд сделает последнюю стоянку; это будет крайняя точка Южного полушария, достигнутая им в это плаванье.

Покинув Вавау, миллиардцы наслаждались в течение двух дней самыми разнообразными впечатлениями. Один остров теряется из виду, и тотчас же перед глазами появляется другой. Все они — вулканические по структуре и возникли благодаря действию подземных сил. В этом отношении северная группа не отличается от центральной. Гидрографические карты этих мест, составленные с большой точностью, позволяют коммодору Симкоо безопасно проникать в лабиринт проливов между Хаапай и Тонгатабу. Впрочем, лоцмана, если бы он понадобился, найти нетрудно. Вдоль островов шныряет много судов, — это или шхуны каботажного плаванья под германским флагом, или торговые корабли, которые вывозят хлопок, копру, кофе, маис —

главные продукты архипелага. Не только лоцманы с готовностью явились бы по вызову Этеля Симкоо, но также экипажи туземных двойных пирог с балансиром, соединенных между собой мостком и принимающих до двухсот человек. Да, по первому зову явились бы сотни туземцев! Какой огромный заработок, если плату за лоцманскую проводку исчислять по тоннажу Стандарт-Айленда! Двести пятьдесят девять миллионов тонн! Но коммодор Симкоо, который хорошо знает эти места, не нуждается в услугах лоцмана. Он доверяет только себе самому и рассчитывает на знание своих офицеров, с абсолютной точностью выполняющих его распоряжения.

Тонгатабу был замечен утром 9 января, когда Стандарт-Айленд находился от него в трех-четырех милях. Остров этот очень низменный, он возник не в результате действия тектонических сил, как многие другие острова, которые застыли неподвижно, внезапно выскочив со дна морского на поверхность океана, чтобы вздохнуть полной грудью. Его медленно строили инфузории, нагромождая один над другим коралловые этажи.

И какая это работа! Окружность — сто километров, площадь — от семисот до восьмисот квадратных километров; и на ней проживает двадцать тысяч человек!

Коммодор Симкоо останавливается в виду порта Маофуга. Тотчас же налаживается связь между островом неподвижным и островом пловучим. Но разница между этим архипелагом и островами Общества, Маркизскими и Помоту велика. Здесь преобладает английское влияние, и, подчиняясь ему, король Георг I не торопится оказать особенно любезный прием жителям Миллиард-Сити, американцам по происхождению.

В Маофуге квартет нашел небольшую французскую колонию. Там — резиденция епископа Океании, которого, впрочем, не было дома, — он как раз совершал объезд островов. Там — здание католической миссии, дом, где живут монахи, школы для мальчиков и для девочек. Нужно ли говорить, что соотечественники сердечно встретили наших парижан? Настоятель миссии предложил всем четверым свое гостеприимство, поэтому им не понадобилось останавливаться в «Доме для при-

езжих». Что до прогулок, то друзья намерены посетить только два пункта — Нукуалофу, столицу короля Георга, и селение Муа, где все четыреста жителей — католики.

Когда Тасман открыл Тонгатабу, он дал ему название Амстердам, которое меньше всего оправдали бы здешние хижины из листьев пандануса и кокосового волокна. Правда, сейчас тут уже достаточно построек европейского типа, и все-таки туземное название куда больше подходит этому острову.

Порт Маофуга расположен на северном берегу. Если бы Стандарт-Айленд избрал себе стоянку в нескольких милях к западу, взглядам его обитателей открылась бы Нукуалофа, королевские сады и королевский дворец. Если бы, наоборот, коммодор Симкоо взял несколько восточнее, он обнаружил бы бухту, которая довольно глубоко врезается в побережье и в самом конце которой находится селение Муа. Но сделать это было нельзя, так как пловучий остров рисковал сесть на мель среди сотен островков, пройти между которыми могут только суда незначительного тоннажа. Поэтому пловучему острову на все время стоянки приходится оставаться перед Маофугой.

Посещая порт, мало кто из миллиардцев выражает желание проникнуть в глубь этого очаровательного острова, вполне заслуживающего похвал, которые расточал ему Элизе Реклю. Правда, зной здесь необычайно силен, атмосфера насыщена грозовым электричеством, и часто проносятся ужасные ливни, которые могут сразу охладить пыл экскурсантов. Надо быть совершенно помешанным на туризме, чтобы разгуливать по этой стране. Тем не менее именно так и поступают Фрасколен, Ивернес и Пэншина, и только виолончелиста невозможно заставить покинуть удобную комнату в казино раньше вечера, когда с моря дует прохладный ветерок.

Даже сам господин директор не решается сопровождать трех безумцев.

— Я же просто растаю в дороге! — оправдывается он.

— Ну так мы принесем вас обратно в бутылке! — отвечает «Его высочество».

Хотя эта перспектива весьма заманчива, Калистус Мэнбар предпочитает оставаться в твердом состоянии.

К большому счастью для миллиардцев, солнце уже в течение трех недель передвигается к Северному полушарию, и Стандарт-Айленд сумеет держаться на должном расстоянии от этой пылающей печи, дабы сохранить у себя нормальную температуру.

На рассвете следующего дня трое друзей покидают Маофугу и направляются к столице острова. Погода, разумеется, жаркая; но жара эта вполне переносима под сенью кокосовых пальм, свечных деревьев и кока[1], черные и красные ягоды которого похожи на гроздья сверкающих драгоценных камней.

Около полудня показывается столица во всем своем цветущем великолепии — выражение, которому в данное время года нельзя отказать в справедливости. Дворец короля словно выступает из гигантского букета. Бросается в глаза разительный контраст между хижинами туземцев, утопающими в цветах, и строениями, по виду весьма британскими, например, теми, что принадлежат протестантским миссионерам. Впрочем, методистские пасторы имеют здесь большое влияние, и тонганцы, перебив предварительно изрядное количество своих пастырей, в конце концов приняли их вероучение. Но следует заметить, что туземцы не совсем отказались от обычаев, связанных с их канакскими языческими верованиями. Для них верховный жрец выше короля. В их странных космогонических воззрениях важную роль играют добрые и злые духи. Христианству не так-то легко будет искоренить табу, которое попрежнему в чести, и в случае его нарушения дело не обходится без искупительных церемоний, когда приносят иной раз даже человеческие жертвы.

Основываясь на сообщениях исследователей — особенно г-на Эйли Марена, путешествовавшего там в 1882 году, — следует отметить, что Нукуалофа — центр лишь наполовину цивилизованный.

---

[1] Кока — кустарник, в листьях которого содержится кокаин.

Фрасколен, Ивернес и Пэншина решили не припадать к стопам короля Георга. Это выражение следует понимать отнюдь не метафизически, ибо обычай требует целования ног монарха. И наши парижане радуются своему решению, когда на площади Нукуалофы они замечают «туи» (так зовется его величество), одетого в какую-то белую рубашку и коротенькую юбку из местной ткани. Целование ног, без сомнения, осталось бы одним из самых неприятных воспоминаний об их путешествии...

— Как видно, — говорит Пэншина, — в этой стране мало рек и ручьев.

И действительно, Тонгатабу, Вавау и другие острова архипелага не имеют ни одного ручья, ни одной лагуны. Природа предоставляет туземцам только дождевую воду; ее собирают в водоемы, и подданные Георга I расходуют эту воду так же скупо, как и их властитель.

Трое туристов, до крайности утомленные, вернулись в тот же день в порт Маофуга и с величайшим удовольствием водворились на своей квартире в казино.

Недоверчивого Себастьена Цорна они уверяют, что прогулка была очень интересна. Но поэтические излияния Ивернеса не в состоянии убедить виолончелиста сопровождать их завтра в селение Муа.

Путешествие это должно быть и довольно долгим и очень утомительным. Утомления легко было бы избежать, воспользовавшись электрической шлюпкой, которую Сайрес Бикерстаф охотно предоставил бы в распоряжение экскурсантов. Но исследовать внутренние области этой любопытной страны — тоже перспектива заманчивая, и потому туристы отправились пешком в бухту Муа, идя вдоль кораллового побережья, окаймленного цепью островков, на которых словно назначили себе свидание все кокосовые пальмы Океании.

Добраться до Муа удалось лишь во вторую половину дня. Значит, придется тут заночевать. Для французов нашлось самое подходящее место — дом католических миссионеров. Настоятель встречает соотечественников с трогательным радушием, напомнившим

путникам прием у маристов Самоа. Они провели приятнейший вечер в интересной беседе, причем о Франции говорилось больше, чем о тонганской колонии. Монахи скучали по своей далекой родине. Правда, говорили они, тоска по родной земле смягчается успехами, которых они достигли на этих островах. Утешением для них служит то, что они пользуются уважением всех, кого им удалось обратить в католическую веру и вырвать из-под влияния англиканских пасторов. Методистов это настолько обеспокоило, что им пришлось основать миссионерский пункт в селении Муа, дабы обеспечить возможность успешной пропаганды уэслианства.

Настоятель не без гордости показывает гостям учреждения миссии — дом, безвозмездно построенный туземцами Муа, и красивую церковь, воздвигнутую архитекторами из тонганцев, которые работали не хуже своих французских собратьев.

Вечером — прогулка в окрестностях селения к древнему кладбищу Туи-Тонга, где надмогильные сооружения из сланца и коралла выполнены с восхитительным, хотя и примитивным искусством. Друзья посетили даже старинные насаждения — целую рощу из меа и баньянов, или гигантских смоковниц, с переплетающимися змеевидными корнями: в окружности такое разросшееся дерево бывает больше шестидесяти метров. Фрасколен произвел измерение, а затем, записав цифру в свою книжку, попросил настоятеля заверить ее. Попробуйте-ка после этого усомниться в существовании подобного растительного феномена!

Затем — хороший ужин и отлично проведенная ночь в лучших комнатах миссии. На другой день — превосходный завтрак, сердечное прощание с миссионерами и возвращение на Стандарт-Айленд как раз тогда, когда часы на башне ратуши бьют пять. На этот раз троим экскурсантам не пришлось прибегать к метафорическим преувеличениям, убеждая Себастьена Цорна, что эта прогулка навсегда останется в их памяти.

Наутро к Сайресу Бикерстафу явился капитан Сароль, и вот по какому поводу.

Некоторое количество малайцев — около ста человек — было завербовано на Новых Гебридах и привезено на Тонгатабу для распахивания целины на землях миссионеров. Вербовка эта была необходима ввиду полнейшей беспечности, скажем даже врожденной лености, тонганцев, живущих только сегодняшним днем. Работа эта недавно закончилась, и малайцы ждали только случая вернуться на свои родные острова. Не разрешит ли им губернатор совершить этот переезд на Стандарт-Айленде? Об этом и пришел хлопотать капитан Сароль. Через пять-шесть недель пловучий остров прибудет к Эроманга, и перевозка этих туземцев не слишком обременит муниципальный бюджет. Было бы невеликодушно отказать этим славным парням в такой пустяковой услуге. И губернатор дает свое разрешение, за что получает изъявления благодарности со стороны капитана Сароля, а также миссионеров Тонгатабу, для которых эти малайцы были завербованы.

Кто бы мог заподозрить, что капитан Сароль подбирает таким образом сообщников, что эти новогебридцы окажут ему помощь, когда придет время, и что он мог только радоваться, найдя их в Тонгатабу и водворив на Стандарт-Айленде?

Это последний день, который миллиардцы должны провести среди островов архипелага, ибо отплытие назначено на завтра.

Днем они могут еще присутствовать на одном из тех полугражданских, полурелигиозных празднеств, в которых с таким жаром участвуют туземцы.

Программа праздников, до которых тонганцы такие же охотники, как и их соплеменники на островах Самоа или на Маркизских, состоит из всевозможных плясок. Такого рода зрелища вызывают в наших парижанах величайшее любопытство, и вот, около трех часов дня, они съезжают на берег.

Сопровождает их господин директор, и на этот раз к ним пожелал примкнуть также и Атаназ Доремюс. Для учителя грации и хороших манер подобная церемония — дело самое подходящее. Себастьен Цорн тоже решился сопутствовать своим товарищам. Но его, ко-

нечно, больше интересует тонганская музыка, чем хореографические забавы населения.

Когда туристы явились на площадь, праздник был уже в полном разгаре. Тыквенные бутылки с соком кавы, добытым из корней перечного дерева, передаются по кругу. Напиток этот поглощают сотни плясунов — мужчины и женщины, юноши и девушки; у последних волосы кокетливо распущены по плечам: в таком виде девушки ходят до замужества.

Оркестр самый простой: флейта, издающая гнусавые звуки и именуемая фангу-фангу, и с дюжину нафа, то есть барабанов, в которые бьют по два раза с промежутками, и даже в такт, как подметил Пэншина.

Понятно, что благовоспитанный Атаназ Доремюс не может скрыть своего полнейшего презрения к танцам, совсем не похожим на кадрили, польки, мазурки и вальсы французской школы. Он без всякого стеснения пожимает плечами, в противоположность Ивернесу, которому эти пляски представляются в высшей степени своеобразными.

Это прежде всего танцы, которые исполняются сидя и состоят только из тех или иных поворотов верхней части тела, пантомимных жестов, раскачиваний туловища в такт музыкальному ритму, медленному и грустному, производящему на слушателя необычайное впечатление.

После такого раскачивания следуют пляски, которые исполняют уже стоя: тонганцы и тонганки вкладывают в них весь пыл своего темперамента, то сопровождая танец плавными движениями рук, то воспроизводя движениями ярость воина, стремящегося по тропам войны.

Члены квартета наблюдают это зрелище, как артисты, задавая себе вопрос: до чего дошли бы эти туземцы, если бы их возбуждала завлекательная музыка парижских балов?

И тут Пэншина — только ему и могла прийти в голову подобная мысль — предлагает своим товарищам послать в казино за инструментами и угостить

танцовщиков и танцовщиц самыми бешеными и бравурными плясовыми мелодиями из репертуара Лекока, Одрана, Оффенбаха.

Предложение принято, и Калистус Мэнбар не сомневается, что впечатление будет огромное. Через полчаса инструменты доставлены, и бал тотчас же начинается.

С чрезвычайным изумлением, но и с неменьшим восторгом внимают туземцы звукам виолончели и скрипок, по которым так и летают смычки, наполняя воздух ультрафранцузской музыкой.

Представьте себе, они, эти туземцы, оказываются весьма чувствительны к музыкальным впечатлениям. Ведь давно уже доказано, что характерные танцы парижских народных балов возникают инстинктивно, что им научаются без всяких преподавателей, хотя Атаназ Доремюс и думает иначе. Тонганцы и тонганки соревнуются в прыжках, плавных покачиваниях, быстрых поворотах. И вот Себастьен Цорн, Ивернес, Фрасколен и Пэншина переходят к бесовским ритмам «Орфея в аду» [1].

Тут уж сам господин директор не в силах устоять на месте и присоединяется к неистовой кадрили, исполняемой одними кавалерами, а учитель грации и хороших манер закрывает лицо руками, чтобы не видеть подобного неприличия. В самый разгар этой какафонии, ибо сюда примешиваются также гнусавые флейты и звонкие барабаны, исступление танцоров достигает крайних пределов, и неизвестно, до чего бы оно еще дошло, не случись тут события, положившего конец этой адской хореографии.

Один тонганец, высокий и сильный детина, восхищенный звуками, извлекаемыми виолончелистом из своего инструмента, бросается на виолончель, вырывает ее из рук музыканта и убегает с криком:

— Табу!.. Табу!..

Виолончель стала табу! К ней нельзя прикоснуться, не совершая святотатства! Жрецы, король Георг, вель-

---

[1] «Орфей в аду» — одна из лучших оперетт Оффенбаха.

можи его двора, все население острова восстали бы против нарушения священного обычая...

Но Себастьен Цорн знать ничего не желает. Он очень дорожит своей виолончелью, шедевром Гана и Бенарделя. И он летит по следам похитителя. Тотчас же за ним устремляются его товарищи. В дело вмешиваются туземцы. И все мчатся друг за другом.

Но тонганец бежит так быстро, что настичь его нет никакой возможности. Не прошло и трех минут, как он уже далеко...

Себастьен Цорн и другие, совершенно обессилев, возвращаются к Калистусу Мэнбару, который сам еле переводит дух. Сказать, что виолончелист находится в состоянии неописуемой ярости, было бы недостаточно. Он задыхается, на губах у него пена! Табу или не табу, но он требует возвращения инструмента! Пусть Стандарт-Айленд объявит войну всему Тонга-табу, — разве не бывало войн, возникавших по менее важному поводу?

К великому счастью, власти острова вмешались в дело. Через час туземца удалось схватить, и его заставили принести инструмент обратно. Правда, это удалось нелегко. И могло бы случиться, что ультиматум губернатора Сайреса Бикерстафа возбудил бы в связи с вопросом о табу религиозные страсти целого архипелага.

Впрочем, снятие табу было произведено с соблюдением всех правил церемониала, предусмотренного для подобных случаев. Согласно обычаю, зарезали немало свиней, положили их в яму, наполненную раскаленными камнями, зажарили вместе с бататами, таро и плодами макоре и, наконец, съели к великому удовольствию тонганских обитателей.

Что касается виолончели, то в суматохе она немного расстроилась, но Себастьен Цорн снова настроил ее, предварительно удостоверившись, что все ее качества сохранились, несмотря на произнесенные над нею туземные заклинания.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Нашествие хищников

Распростившись с Тонгатабу, Стандарт-Айленд берет курс на северо-запад, к архипелагу Фиджи. Он начинает удаляться от южного тропика вслед за солнцем, направляющимся к экватору. Всего двести лье отделяют его от фиджийской группы, и коммодор Симкоо придерживается скорости, подходящей для такой морской прогулки.

Ветер переменный, но какое значение может иметь ветер для столь мощного пловучего сооружения? Если порою на двадцать третьей параллели и разражаются сильнейшие грозы, то «жемчужине Тихого океана» они ничуть не вредят. Электричество, насыщающее атмосферу, притягивается многочисленными громоотводами, ими снабжены и общественные здания и жилые дома. Что касается дождей, даже ливней, которые низвергают на остров грозовые тучи, то здесь им только рады. Парк и поля еще ярче зеленеют от таких душей, — впрочем, довольно редких. Жизнь в Миллиард-Сити протекает поэтому вполне счастливо среди празднеств, концертов, приемов. Теперь между обеими частями города установилась тесная связь, и, кажется, отныне уже ничто не может угрожать безопасности Стандарт-Айленда.

Сайресу Бикерстафу не приходится раскаиваться в том, что он принял на остров новогебридцев, за которых ходатайствовал капитан Сароль. Эти туземцы стараются быть полезными. Они работают на полях, как работали на плантациях острова Тонгатабу. Сароль и его малайцы проводят с ними весь день, а вечером они возвращаются в порты, где их расселил муниципалитет.

Они ни у кого не вызывали нареканий. Может быть, тут представлялся случай обратить этих славных людей в христианство. До сих пор они чуждались христианского вероучения, как и большинство новогебридцев, которые упорно остаются язычниками, несмотря на все старания миссионеров — представителей англи-

канской или католической церкви. Духовенство Стандарт-Айленда подумывало было заняться их обращением, но власти пловучего острова воспретили делать какие-либо попытки в этом направлении.

Новогебридцы все в возрасте от двадцати до сорока лет. Рост у них средний, кожа темнее, чем у малайцев, и хотя они не так хороши собой, как туземцы Самоа или Тонга, но зато кажутся в высшей степени выносливыми. Они бережно хранят свои деньги, накопленные на службе у миссионеров Тонгатабу, и даже не помышляют тратить их на спиртные напитки, которые, впрочем, отпускались бы им в весьма умеренном количестве. К тому же они живут здесь на всем готовом и, должно быть, никогда не чувствовали себя так беззаботно на своем диком архипелаге.

И, однако, по вине капитана Сароля, эти туземцы, объединившись со своими новогебридскими соотечественниками, примут участие в преступном деле, час которого приближается. И тогда проявится их врожденная жестокость. Ведь все они — прямые потомки пиратов, из-за которых эта часть Тихого океана пользуется недоброй славой.

Пока же миллиардцы пребывают в полной уверенности, будто ничто не может поставить под угрозу их существование, где все так разумно предусмотрено и так мудро устроено. Квартет пользуется неизменным успехом. Его без устали слушают и награждают аплодисментами. В программе фигурируют произведения Бетховена, Гайдна, Мендельсона, — и притом не в отрывках, а полностью. Кроме обычных концертов в казино, устраиваются также музыкальные вечера у миссис Коверли, и на них всегда бывает много народу. Несколько раз их почтили своим присутствием король и королева Малекарлии. Если Танкердоны еще не являлись с визитом в особняк на Пятнадцатой авеню, то Уолтер во всяком случае стал завсегдатаем таких концертов. Вполне возможно, что в ближайшем будущем состоится его свадьба с мисс Ди... В салонах правобортной и левобортной частей города об этом говорят совершенно открыто... Называют даже свидетелей со стороны будущих жениха и невесты... Недо-

стает только согласия обоих глав семей... Неужели же не случится ничего, что заставило бы Джема Танкердона и Нэта Коверли произнести свое слово?

Событие, которого ожидали с таким нетерпением, в конце концов произошло. Но ценою каких опасностей, какой угрозы для благополучия Стандарт-Айленда!

Днем 16 января, приблизительно в середине той части моря, которая отделяет острова Тонга от островов Фиджи, на юго-востоке было замечено какое-то судно. Похоже, что оно держит направление на Штирборт-Харбор. Повидимому, это пароход водоизмещением в семьсот — восемьсот тонн. На мачте его нет флага, и он не поднял его, даже приблизившись на расстояние мили.

Какой национальности этот пароход? Вахтенные с обсерватории не в состоянии этого определить по его внешнему виду. Поскольку он не почтил салютом Стандарт-Айленд, — весьма возможно, что это англичанин.

Впрочем, означенное судно не собирается входить ни в один из портов пловучего острова. Оно как будто идет мимо и скоро, вероятно, скроется из виду.

Наступает ночь, безлунная и совершенно темная. Небо обложено густыми косматыми тучами, которые не пропускают лучей луны. Ни малейшего ветерка. И в воздухе и на море полный штиль. Молчание царит в этом глубоком мраке.

К одиннадцати часам в атмосфере наступает перемена. Погода становится грозовой. После полуночи молнии начинают бороздить небо и слышны раскаты грома, хотя ни одной дождевой капли не падает на землю.

Возможно, что эти раскаты, отзвуки отдаленной грозы, и помешали таможенникам, дежурившим на батарее Кормы, уловить необъяснимый свист и странное рычание, которые раздавались в этой части побережья пловучего острова. Звуки эти непохожи были на грохот грома и завыванье ветра. Это явление, каковы бы ни были его причины, происходило между двумя и тремя часами ночи.

Наутро из дальних кварталов города пришла тревожная весть. Там видели, как надсмотрщики, охранявшие скот, который пасся на лугах, охваченные внезапной паникой, разбежались в разные стороны — одни к портам, другие к окраинам Миллиард-Сити.

Другой, еще более тревожный факт: ночью было растерзано с полсотни овец, — их окровавленные, недоеденные туши валяются неподалеку от батареи Кормы. Та же участь постигла несколько десятков коров, ланей и оленей в загонах парка и около двадцати лошадей.

Без сомнения, на животных напали хищные звери... Но какие?.. Львы, тигры, пантеры, гиены?.. Возможно ли это? Разве когда-либо хоть один опасный хищник появлялся на Стандарт-Айленде?.. Разве эти животные в состоянии добраться до пловучего острова по морю?.. И, наконец, разве «жемчужина Тихого океана» находится сейчас вблизи Индии, Африки, Малайи, где водятся подобные хищники?

Нет, Стандарт-Айленд так же далек от этих мест, как и от устья Амазонки или дельты Нила, но, оказывается, около семи часов утра за двумя женщинами, которые только что рассказывали это в садике перед мэрией, гнался огромный аллигатор, он повернул затем к берегу Серпентайн-ривер и скрылся под водой. Судя по тому, как колышется трава у берега реки, там, пожалуй, прячется не один такой ящер.

Можно представить, какое впечатление произвели эти невероятные известия! Через час вахтенные обсерватории заметили, что по полям бегают и прыгают парами тигры, львы и пантеры. Несколько баранов, бросившихся в сторону батареи Волнореза, было растерзано двумя громадными тиграми. Со всех сторон бегут домашние животные, напуганные рычанием хищников. Первый утренний электрический поезд, вышедший в Бакборт-Харбор с людьми, работающими на полях, едва успел вернуться. За ним на расстоянии ста шагов бежали три льва и едва не догнали его.

Нет сомнения, что ночью на Стандарт-Айленд каким-то образом вторглась стая диких зверей, и если

немедленно же не будут приняты меры предосторожности, хищники доберутся и до Миллиард-Сити.

Обо всем случившемся нашим артистам сообщил Атаназ Доремюс. Учитель грации и хороших манер, выйдя из дому раньше обычного, не посмел вернуться обратно и укрылся в казино, откуда его никакими человеческими силами теперь не вытащить.

— Бросьте... Ваши львы и тигры — просто газетные утки, — восклицает Пэншина, — а ваши аллигаторы — первоапрельская забава.

Однако с фактами не поспоришь... Муниципалитет отдал распоряжение запереть решетку, окружающую город, а также забаррикадировать входы в оба порта и в пограничные посты побережья. Одновременно было прекращено движение электрических поездов, а населению запретили выходить в парк или в поля, пока там опасно из-за этого необъяснимого нашествия.

И вот, в то мгновение, когда полицейские закрывали решетку в конце Первой авеню, со стороны сквера обсерватории, в пятидесяти шагах от них, появились тигр и тигрица с горящими глазами и окровавленной пастью. Еще несколько секунд — и дикие звери проникли бы за ограду.

Закрыты ворота также у мэрии; теперь Миллиард-Сити может не опасаться нападения.

Какие невероятные события, сколько материала для отдела происшествий в «Старборт-кроникл», «Нью-Геральд» и других газетах Стандарт-Айленда!

И в самом деле, началась невообразимая паника. Особняки и дома забаррикадированы. Магазины торгового квартала закрыты. Все двери заперты. Из окон верхних этажей выглядывают испуганные лица. На улицах — никого, кроме воинских отрядов под командованием полковника Стьюарта и полицейских взводов во главе со своими офицерами.

Сайрес Бикерстаф и его помощники — Бартелеми Рэдж и Хабли Харкур, прибывшие в мэрию с раннего утра, неотлучно находятся в зале административного совета. Муниципалитет получает самые тревожные известия по телефону из обоих портов, с батарей и прибрежных постов. Хищники разбрелись повсюду... Их

по меньшей мере сотни — так утверждают телеграфные сообщения, может быть прибавляя от страха лишний нуль... Во всяком случае, можно с полной уверенностью заявить, что некоторое количество львов, тигров, пантер и крокодилов все-таки разгуливает по окрестностям.

Что же произошло? Уж не попал ли на Стандарт-Айленд какой-нибудь вырвавшийся из своих клеток зверинец?.. Но откуда он взялся?.. Какое судно перевозило его?.. Не тот ли пароход, который встретился накануне?.. Если да, то куда же он девался? Может быть, под покровом ночи он причалил к Стандарт-Айленду? Или же звери каким-то образом бежали с парохода и, пустившись вплавь, выбрались на побережье Стандарт-Айленда в его низменной части, где стекает в море Серпентайн-ривер?.. Наконец, может быть, это судно потом затонуло?.. Однако на поверхности моря, куда только достигает взгляд наблюдателей и бинокль коммодора Симкоо, не заметно никаких обломков, а ведь Стандарт-Айленд со вчерашнего дня почти не сдвинулся с места!.. К тому же, если этот корабль погиб, почему его экипаж не попытался искать спасения на Стандарт-Айленде, раз это удалось сделать хищным зверям?

Мэрия запрашивает по телефону различные прибрежные посты, и все они отвечают, что ночью не было ни столкновения, ни кораблекрушения. Тут уж они не могли ошибиться, несмотря на то, что царил глубокий мрак. Из всех гипотез эта, пожалуй, наименее вероятна.

— Тайна!.. Тайна!.. — твердит Ивернес.

Он и его товарищи сошлись в казино и сидят вместе с Атаназом Доремюсом за утренним завтраком, после которого, если понадобится, будут поданы обед и ужин.

— Честное слово, — подхватывает Пэншина, уплетая свою шоколадную газету, которую он предварительно макает в дымящуюся чашку, — ни черта я не понимаю в этом собачьем, или, вернее, в этом зверином деле... Что бы там ни было, давайте есть, господин Доремюс, пока нас самих не сожрали.

— Как знать?.. — возражает Себастьен Цорн. — Съедят ли нас львы, тигры или людоеды...

— Предпочитаю людоедов! — говорит Пэншина.

— Каждому свое, не правда ли?

И он хохочет, этот неугомонный шутник, но учитель грации и хороших манер не смеется, и остальным жителям Миллиард-Сити, охваченным ужасом, тоже не до смеха.

В восемь часов утра был созван совет именитых граждан, и члены его, не колеблясь, направились в ратушу, где находился и губернатор. На опустевших улицах и проспектах видны были только отряды милиции и полиции, спешившие к постам, которые им приказали охранять. Совет именитых, открывшийся под председательством Сайреса Бикерстафа, незамедлительно приступил к обсуждению создавшегося положения.

— Господа, — говорит губернатор, — вы знаете причину вполне понятной паники, которая охватила население Стандарт-Айленда. Сегодня ночью наш остров подвергся нашествию стаи хищников и ящеров. Прежде всего необходимо заняться уничтожением зверей, что без сомнения будет выполнено. Но наше население должно примениться к мерам, которые мы вынуждены принять. Мы еще разрешаем хождение по улицам в Миллиард-Сити, поскольку все ворота заперты, но по парку и по лугам никакого хождения не должно быть. Поэтому впредь до нового распоряжения сообщение между городом, обоими портами, батареями Кормы и Волнореза прекращается.

Одобрив эту меру, совет переходит к обсуждению способов истребления опасных зверей, проникших на Стандарт-Айленд.

— Наши воинские части и моряки, — продолжает губернатор, — устроят охоту и облавы в разных местах острова. Всех, кто в свое время занимался охотой, мы просим присоединиться к ним, руководить действиями и следить, чтобы люди были поосторожней...

— Когда-то, — говорит Джем Танкердон, — я охотился в Индии и в Америке, и потому не новичок в этом деле. Я иду и со мною пойдет мой старший сын...

— Мы благодарим достопочтенного мистера Джема Танкердона, — отвечает Сайрес Бикерстаф, — а я со своей стороны последую его примеру. Вместе с солдатами полковника Стьюарта будет действовать отряд моряков под началом коммодора Симкоо, и вам, господа, не возбраняется вступить в их ряды.

Нэт Коверли, подобно Джему Танкердону, предлагает свои услуги; наконец все те из именитых граждан, кому только позволяет возраст, с готовностью соглашаются участвовать в охоте. В Миллиард-Сити имеется немало дальнобойных и скорострельных ружей. Можно не сомневаться, что при самоотверженности и храбрости каждого из охотников Стандарт-Айленд будет скоро очищен от страшных тварей. Но, опять повторяет Сайрес Бикерстаф, «самое главное, чтобы при этом не пришлось оплакивать ничьей гибели».

— Однако зверей, количество которых пока еще трудно установить, — добавляет он, — надо истребить как можно скорее. Дать им время акклиматизироваться и расплодиться — значит поставить под угрозу безопасность нашего острова.

— Вероятно, — замечает один из советников, — эта стая не так уж велика...

— Действительно, она могла появиться только с корабля, который перевозил зверинец, — отвечает губернатор, — с корабля, идущего из Индии, Филиппин или Зондских островов и зафрахтованного какой-либо из гамбургских фирм, которые специально торгуют дикими зверьми.

В Гамбурге — основной рынок диких зверей; за слона цены достигают двенадцати тысяч франков, за жирафа — двадцати семи тысяч, за гиппопотама — двадцати пяти тысяч, за льва — пяти тысяч, за тигра — четырех тысяч, за ягуара — двух тысяч, — цены, как видите, довольно высокие и к тому же имеющие тенденцию к повышению, только на змей они снизились.

По этому поводу один из членов совета заметил, что, может быть, в данном зверинце имелись также и змеи, но губернатор ответил, что наличия пресмыкающихся не замечено. К тому же, если львы, тигры и

аллигаторы могли вплавь добраться до устья речки Серпентайн, для змей такая возможность исключена.

— Я поэтому полагаю, — добавляет он, — что нам не приходится опасаться здесь боа, гремучих змей, кобр, гадюк и других представителей этого вида. Тем не менее все будет сделано для того, чтобы успокоить население на этот счет. Однако, господа, не надо терять времени, и, прежде чем задумываться над причиной нашествия хищников, позаботимся о том, чтобы их уничтожить. Пока что они — на нашем острове. Нельзя же допустить, чтобы они так тут и оставались.

Губернатор — следует это признать — совершенно прав, и речь его полна здравого смысла.

Совет именитых граждан намеревался уже разойтись, чтобы приготовиться к облаве с участием лучших охотников Стандарт-Айленда, когда один из помощников губернатора — Хабли Харкур — попросил слова.

Ему предложили высказаться, и вот что уважаемый помощник губернатора счел нужным сообщить совету:

— Господа советники, я не хочу откладывать дела, к которому решено приступить. Самое срочное — начать охоту. Тем не менее разрешите мне поделиться с вами пришедшей мне в голову мыслью. Быть может, в ней мы найдем вполне удовлетворительное объяснение — откуда на Стандарт-Айленде взялись все эти звери.

Хабли Харкур происходит из старинной французской фамилии с Антильских островов, американизировавшейся после переезда в Луизиану, и пользуется в Миллиард-Сити огромным уважением. Это весьма основательный, весьма осторожный ум, никогда не позволяющий себе высказывать какие-либо суждения с налета, человек немногословный, и его мнению придается большое значение. Поэтому губернатор предложил ему объясниться, что он и сделал в нескольких сжатых, логично построенных фразах.

— Господа советники, — сказал он, — близ нашего острова вчера днем был замечен корабль. Он не обнаружил своей национальной принадлежности, желая, по всей видимости, сохранить ее в тайне. Так вот, я

не сомневаюсь, что именно на нем был этот груз хищных зверей.

— Совершенно очевидно, — говорит Нэт Коверли.

— И еще, господа советники: если кто-либо из вас полагает, что нашествие этих тварей на Стандарт-Айленд произошло вследствие несчастного случая на море... то я... я этого не думаю!

— Но тогда выходит, — восклицает Джем Танкердон, который в словах Хабли Харкура начинает прозревать истину, — что это сделано нарочно... с намерением... со злым умыслом...

— О! — вырывается у всех членов совета.

— Я убежден в этом, — заявляет помощник твердым голосом. — Подобная махинация могла быть подстроена только нашим извечным врагом Джоном Булем, для которого в борьбе против Стандарт-Айленда — все средства хороши...

— О! — снова восклицает совет.

— Не имея права требовать уничтожения нашего острова, англичане хотят сделать существование на нем немыслимым. Вот откуда взялись все эти львы, ягуары, тигры, пантеры, аллигаторы, которых перебросили к нам с того парохода под покровом ночи.

— О! — в третий раз вырывается у членов совета.

Но если сперва в этом «О!» выражалось сомнение, то теперь в нем слышится уверенность. Да, это, должно быть, месть озлобившихся англичан, которые ни перед чем не останавливаются, чтобы сохранить свое господство на море! Да, для такой преступной цели и был зафрахтован этот корабль, а когда гнусное дело совершилось, он исчез! Да, правительство Соединенного королевства не пожалело нескольких сот фунтов ради того, чтобы жителям Стандарт-Айленда нельзя было дольше оставаться на острове!

И Хабли Харкур добавляет:

— Если я решился сформулировать таким образом свое мнение, если возникшие у меня подозрения превратились в уверенность, господа, то прежде всего потому, что в моей памяти всплыл точно такой же факт, махинация, проделанная в обстоятельствах более

или менее сходных, причем Англии так и не удалось смыть с себя это позорное пятно...

— А ведь воды-то у нее достаточно! — замечает один из членов совета.

— Соленая вода ничего не отмывает! — говорит другой.

— Даже море не могло бы смыть кровавых пятен с рук леди Макбет! — восклицает третий.

— Господа советники, — продолжает Харкур, — когда Англия вынуждена была возвратить Франции Антильские острова, она решила оставить там след своего кратковременного владычества, и какой след! До того времени ни на Гваделупе, ни на Мартинике не было ни одной змеи, а после удаления англичан оказалось, что колония просто кишит ими. Такова была месть Джона Буля! Прежде чем убраться восвояси, он напустил на землю, переставшую ему принадлежать, сотни гадов, и с тех пор эти ядовитые твари чрезвычайно расплодились и наносят французским колонистам величайший вред!

Разумеется, это старое обвинение, так и не опровергнутое Англией, делает весьма вероятным предположение Хабли Харкура. Но можно ли поверить, что Джон Буль решил сделать невозможным для обитания пловучий остров и что он пытался учинить нечто подобное на одном из Антильских островов, принадлежащих Франции?.. Как тот, так и другой факт не доказаны. Однако население Стандарт-Айленда считает их достоверными.

— Ладно! — восклицает Джем Танкердон. — Если французам не удалось очистить Мартинику от гадов, которых англичане оставили вместо себя...

Громовые крики «ура!» и «гип, гип!» приветствуют это сравнение пылкого американца.

— ...то миллиардцы во всяком случае сумеют избавить Стандарт-Айленд от хищников, которыми его наводнили англичане!

Новый гром аплодисментов, стихающий лишь на мгновение, чтобы разразиться еще громче после слов Джема Танкердона:

— По местам, господа, и не будем забывать, что, охотясь на этих львов, ягуаров, тигров, кайманов, — мы воюем с англичанами!

И члены совета расходятся.

Через час, когда в главных газетах появляется стенографический отчет о заседании, когда становится известно, чьи вражеские руки открыли клетки плавучего зверинца, когда люди узнают, кому они обязаны нашествием легиона диких зверей, в городе раздается вопль негодования и Англию предают проклятию вплоть до седьмого колена, чтобы, наконец, само ненавистное имя ее изгладилось из памяти человечества!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Облава

Необходимо уничтожить всех зверей, вторгшихся на Стандарт-Айленд. Если ускользнет хоть одна пара хищников, то на сколько-нибудь безопасное существование рассчитывать не придется. Эта пара расплодится, и тогда можно будет с таким же успехом селиться в джунглях Индии или Африки. Построить целый остров из стальных листов, пустить его на широкие просторы Тихого океана, чтобы он не имел ни малейшего соприкосновения с подозрительными берегами или архипелагами, принять все меры для того, чтобы он не подвергался никаким эпидемиям или вторжениям, и внезапно, за одну ночь... Немедленно же «Стандарт-Айленд компани» должна подать в Международный суд жалобу на Соединенное королевство и потребовать возмещения огромных убытков! Разве в данном случае не нарушены права человека? Да, нарушены, и если будут найдены доказательства...

Но, как постановил совет именитых граждан, надо начать с самого неотложного.

Притом, невзирая на требования отдельных охваченных ужасом семейств нельзя допустить, чтобы люди искали спасения на пароходах, находящихся

в портах, и бежали со Стандарт-Айленда. Ведь судов просто не хватило бы для всех.

Нет, на этих напущенных англичанами зверей будет устроена охота, их уничтожат, и «жемчужина Тихого океана» вновь обретет свою прежнюю безопасность.

Миллиардцы, не теряя ни минуты, принимаются за дело. Некоторые из них предлагают пойти на самые крайние меры: затопить пловучий остров или поджечь парк, плантации и поля, для того чтобы таким образом утопить или выжечь всю эту нечисть. Но и тот и другой способ не помогут против амфибий, и поэтому лучше всего предпринять хорошо организованную облаву.

Так и поступили.

Следует заметить, что капитан Сароль, малайцы и новогебридцы предложили свои услуги, которые губернатор принял очень охотно. Эти славные люди, казалось, стремились отблагодарить за то, что для них было сделано. В действительности же капитан Сароль больше всего опасался, что это происшествие может прервать плавание, что миллиардцы со своими семьями захотят покинуть Стандарт-Айленд или заставят администрацию повернуть прямо в бухту Магдалены, и тогда из его замыслов ничего не выйдет.

Квартет оказался на высоте положения. Никто не скажет, что четверо французов побоялись пожертвовать собой, когда нависла опасность. Они отдали себя в распоряжение Калистуса Мэнбара, который, по его словам, не то еще видывал и теперь только пожимал плечами в знак презрения ко всем этим львам, тиграм, пантерам и другим безобидным тварям! Может быть, сей потомок Барнума сам был раньше укротителем или по крайней мере директором странствующего зверинца?..

Облава началась рано утром, и дело сразу пошло успешно.

Два крокодила неосмотрительно выползли из Серпентайн-ривер на берег, а известно, что ящеры, очень опасные в водной стихии, менее страшны на суше из-за своей неповоротливости. На них бросился бесстрашный капитан Сароль со своей командой, и хотя один из малайцев был ранен, парк все же очистили от крокодилов.

Но тут обнаружили еще не менее десятка этих животных, причем крупного размера — от четырех до пяти метров — и потому чрезвычайно опасных. Они укрылись в речке, но моряки залегли неподалеку стеречь их, зарядив ружья разрывными пулями, пробивающими самые твердые панцыри.

В то же время отряды охотников разошлись во все стороны по полям. Один лев был убит Джемом Танкердоном, который не без основания говорил, что он в этом деле не новичок. Он, и правда, вновь обрел хладнокровие и ловкость бывалого охотника Дальнего Запада. Зверь был поистине великолепен. Свинец пронзил его сердце в тот момент, когда он бросился на музыкантов, и Пэншина уверяет, что «его так и обдало ветром, когда лев, прыгнув, летел мимо».

После полудня на зверей повели новую атаку, во время которой один солдат получил укус в плечо, а губернатору удалось убить прекрасную львицу. Этим свирепым животным не придется наплодить здесь детенышей, на что, повидимому, рассчитывал Джон Буль.

К концу дня пара тигров погибает под пулями коммодора Симкоо, выступавшего во главе своих моряков, одного из которых, тяжело раненного ударом когтистой лапы, пришлось отправить в Штирборт-Харбор. Среди выпущенных на пловучий остров хищников, повидимому, больше всего было этих страшных тварей кошачьей породы.

На склоне дня звери, которых все время неотступно преследовали, укрылись в зарослях около батареи Волнореза, откуда их решено вытеснить с наступлением утра.

Вплоть до самого утра грозный рев не перестает наводить трепет на женское и детское население Миллиард-Сити. Страх жителей ничуть не уменьшается, да и как от него отделаться? Разве есть уверенность в том, что Стандарт-Айленд покончит с этим авангардом британской армии? Поэтому все жители Миллиард-Сити не перестают осыпать проклятиями коварный Альбион.

Облава возобновляется на рассвете. По приказу губернатора, одобренному коммодором Симкоо, пол-

ковник Стьюарт готовится применить артиллерию, чтобы выбить хищников из укрытий. Из Штирборт-Харбора к батарее Волнореза подвозят две скорострельные пушки, заряжающиеся картечью, как пушки Гочкиса.

В этом месте линию электрической железной дороги, ведущей к обсерватории, перерезают заросли железного дерева. Как раз здесь и укрылись на ночь львы и тигры, — их горящие глаза сверкают среди зарослей. Моряки, солдаты, охотники, возглавляемые Джемом и Уолтером Танкердонами, Нэтом Коверли и Хабли Харкуром, занимают позицию слева от этих зарослей, чтобы встретить свирепых зверей, уцелевших после первых залпов картечи.

По знаку коммодора Симкоо обе пушки стреляют одновременно. В ответ слышится яростный рев. Без сомнения, многие из хищников убиты или ранены. Оставшиеся в живых — их около двадцати — выбегают из зарослей и проносятся мимо членов квартета; дружные выстрелы сваливают двух хищников. В то же самое мгновение на артистов кидается громадный тигр, и Фрасколен, сшибленный мощным прыжком, отлетает шагов на десять в сторону.

Товарищи бросаются к нему на помощь. Его поднимают, он почти без сознания, но, впрочем, довольно скоро приходит в себя. Ему достался только толчок... но какой толчок!

Одновременно принимаются меры для очистки Серпентайн-ривер от кайманов. Но как удостовериться в том, что эти кровожадные животные уничтожены все до единого? К счастью, помощнику губернатора Хабли Харкуру приходит в голову мысль спустить воду, открыв затворы речных шлюзов, чтобы в крокодилов можно было стрелять без промаха.

Единственная жертва — великолепный пес, принадлежавший Нэту Коверли. Бедное животное, схваченное аллигатором, мигом было перекушено пополам. Между тем солдаты убивают одного за другим около дюжины этих гадов, и теперь, возможно, Стандарт-Айленд будет окончательно очищен от амфибий.

В общем, день прошел удачно. Среди убитых зверей насчитывается шесть львов, восемь тигров, пять ягуаров, девять пантер — самцов и самок.

Вечером члены квартета, включая и Фрасколена, оправившегося после сотрясения, усаживаются за столик в ресторане казино.

— Хочется верить, что наши беды приходят к концу, — говорит Ивернес.

— Если только тот пароход не был вторым Ноевым ковчегом, — отвечает Пэншина, — и в нем не находились все земные твари!

Но это мало вероятно, и Атаназ Доремюс настолько осмелел, что решился опять водвориться в своих владениях на Двадцать пятой авеню. Там, в забаррикадированном доме, он нашел старушку служанку, которая в полном отчаянье считала уже, что от ее старого хозяина остались лишь рожки да ножки!

Ночь прошла довольно спокойно. Изредка со стороны Бакборт-Харбора доносилось отдаленное рычание. Можно надеяться, что завтра, после общей облавы по всей равнине, звери будут полностью истреблены.

На рассвете отряды охотников собираются опять. Само собой разумеется, что уже в течение суток Стандарт-Айленд стоит на месте, так как весь персонал машинного отделения занят в общем деле.

Отряды, каждый из двадцати человек, вооруженных скорострельными ружьями, получают приказ «прочесать» весь остров. Теперь, когда звери рассеялись в разных направлениях, полковник Стьюарт не счел нужным применять пушки. Было убито тринадцать хищников, выслеженных в окрестностях батареи Кормы. Но от них не без труда удалось отбить двух таможенных стражников соседнего поста, которые были подмяты — один пантерой, а другой тигром — и получили тяжелые ранения.

В этот день число животных, убитых с начала первой облавы, дошло до пятидесяти трех.

В четыре часа Сайрес Бикерстаф и коммодор Симкоо, Джем Танкердон и его сын, Нэт Коверли и оба помощника губернатора, а также кое-кто из име-

нитых граждан, возвращаются в сопровождении воинского отряда к мэрии, где совет принимает донесения из обоих портов и с батарей.

Приближаясь к городу, уже в каких-нибудь ста шагах от здания мэрии, они вдруг слышат отчаянные крики и видят, что толпа народа, главным образом женщин и детей, охваченных внезапной паникой, бежит вдоль Первой авеню.

Тотчас же губернатор, коммодор Симкоо, их спутники бросаются к скверу, решетка которого должна была быть заперта... Но по чьей-то необъяснимой беспечности она осталась открытой, и нет сомнения, что один из хищников, быть может последний, проник за нее.

Нэт Коверли и Уолтер Танкердон, прибежавшие первыми, устремляются в сквер.

Внезапно Уолтера, в трех шагах от Нэта Коверли, опрокидывает огромный тигр.

У Нэта Коверли нет времени зарядить ружье, он выхватывает из-за пояса охотничий нож и бросается на помощь Уолтеру в тот момент, когда когти хищника уже вонзаются в плечо молодого человека.

Уолтер спасен, но тигр оборачивается и кидается на Нэта Коверли.

Тот ударяет зверя ножом, но, не попав ему в сердце, сам опрокидывается наземь.

Тигр отступает рыча, в разинутой пасти виднеется кроваво-красный язык.

Выстрел...

Это бьет ружье Джема Танкердона.

Второй выстрел...

Пуля разорвалась в теле зверя.

Уолтера поднимают, на плече его — рваная рана.

Нэт Коверли хоть и не ранен, но чувствует, что мгновение тому назад заглянул в глаза смерти.

Он встает и, подойдя к Джему Танкердону, говорит торжественно:

— Вы спасли меня... благодарю вас!

— Вы спасли мне сына... благодарю вас! — отвечает Джем Танкердон.

И оба подают друг другу руки в знак признательности, которая может стать искренней дружбой...

Уолтера тотчас же переносят в особняк на Девятнадцатой авеню, где укрылись его родные, а Нэт Коверли возвращается к себе, опираясь на руку Сайреса Бикерстафа.

Что касается тигра, то г-н директор позаботится, чтобы не пропала его роскошная шкура. Из этого великолепного зверя сделают отличное чучело, и оно будет красоваться в естественно-историческом музее Миллиард-Сити со следующей надписью:

«Дар Соединенного королевства Великобритании и Ирландии бесконечно признательному Стандарт-Айленду».

Если преступное покушение следует приписать Англии, трудно придумать более остроумное мщение. Во всяком случае так полагает «Его высочество» Пэншина, отличный знаток в делах такого рода.

Не приходится удивляться тому, что на следующий же день миссис Танкердон приехала с визитом к миссис Коверли, чтобы поблагодарить за услугу, оказанную Уолтеру, и что миссис Коверли отдала визит миссис Танкердон, чтобы поблагодарить за услугу, оказанную ее мужу. Добавим также, что мисс Ди пожелала сопровождать свою мать, и, разумеется, обе они справлялись у миссис Танкердон о здоровье дорогого раненого.

Словом, все теперь обстоит как нельзя лучше, и, избавившись от страшных гостей, Стандарт-Айленд может спокойно продолжать свой путь к архипелагу Фиджи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Фиджи и фиджийцы

— Сколько ты сказал?.. — спрашивает Пэншина.

— Двести пятьдесят пять, друзья мои, — отвечает Фрасколен. — Да... в архипелаге Фиджи насчитывается двести пятьдесят пять островов и островков.

— А какое нам до этого дело, — говорит Пэншина, — раз «жемчужина Тихого океана» не собирается делать двухсот пятидесяти пяти стоянок?

— Ты никогда не будешь знать географии! — провозглашает Фрасколен.

— А ты... ты знаешь ее даже слишком хорошо! — возражает «Его высочество».

Вторая скрипка всегда получает такой отпор, когда пытается просвещать своих неподатливых товарищей.

Однако Себастьен Цорн, будучи покладистей других, позволяет подвести себя к карте, вывешенной у казино, где каждый день отмечаются координаты пловучего острова. По этой карте легко проследить весь путь, пройденный Стандарт-Айлендом с момента его выхода из бухты Магдалены. Этот путь образует на карте нечто вроде большого S, нижний завиток которого изгибается в направлении к архипелагу Фиджи.

Тут же Фрасколен показывает виолончелисту скопление островов, открытых Тасманом в 1643 году, — архипелаг, расположенный между 16 и 20° южной широты и 174° западной и 179° восточной долготы.

— И наша махина будет пробираться среди сотни, а то и двух сотен таких камешков, разбросанных по дороге? — интересуется Себастьен Цорн.

— Да, старый товарищ по струнному ремеслу, — отвечает Фрасколен, — и если ты поглядишь хоть сколько-нибудь внимательно...

— И притом закрыв рот...— добавляет Пэншина.

— Почему?

— Потому что пословица недаром говорит: в закрытый рот мухе не влететь!

— Какой такой мухе?

— А той самой, что кусает тебя, когда ты начинаешь разглагольствовать против Стандарт-Айленда.

Себастьен Цорн, презрительно пожав плечами, вновь обращается к Фрасколену:

— Что ты говорил?

— Я говорил, что к двум крупным островам Вити-Леву и Вануа-Леву можно добраться по одному из трех проливов, пересекающих восточную группу архи-

пелага: по проливу Нануку, проливу Лакемба и проливу Онеата...

— Или по проливу, где разбиваются на тысячу кусков! — восклицает Себастьен Цорн. — В конце концов с нами это обязательно случится!.. Как можно плавать в подобных морях целому городу с таким населением? Нет, это противоречит всем законам природы!

— Муха!.. — восклицает Пэншина. — Вот она, вот она, цорнова муха!

И правда, опять начинаются мрачные предсказания, от которых упрямый виолончелист никак не может отвыкнуть.

В этой части Тихого океана первая группа островов Фиджийского архипелага действительно является как бы прегра́дой для проходящих с востока кораблей. Но тревожиться нечего, проливы здесь достаточно широки, и коммодор Симкоо решился направить туда Стандарт-Айленд. Самыми значительными среди островов этого архипелага, помимо Вити-Леву и Вануа-Леву, расположенных в западной части, являются Оно-Илау, Нгау, Кандаву и другие.

Между горными вершинами, выступающими на поверхность океана, расстилается целое море, море Коро, но этот архипелаг, замеченный еще Куком, посещенный Блайем в 1789 и Вильсоном в 1792 годах, стал известен во всех подробностях благодаря замечательным путешествиям Дюмон-Дюрвиля в 1828 и 1833 годах, затем американца Уилкса в 1839 году, англичанина Эрскина в 1853 году и, наконец, экспедиции «Геральда» во главе с капитаном британского флота Даремом. После всех этих экспедиций карты составляются с точностью, которая делает честь инженерам-гидрографам.

Поэтому у коммодора Симкоо не возникает никаких колебаний. Идя с юго-востока, он входит в пролив Фуланга, оставив с левого борта остров того же названия, похожий на надкушенную лепешку, которую вам подают на коралловом блюде. А на следующий день Стандарт-Айленд входит во внутреннее море, защищенное от океанской волны мощными подводными хребтами.

Разумеется, страх, который звери, явившиеся под британским флагом, нагнали на миллиардцев, еще и сейчас не совсем рассеялся. Жители города все время начеку. На разведку высылаются отряды, которые обследуют рощи, поля и воды. Но никаких следов животных больше не замечено. Ни днем, ни ночью не слышно рычания. Вначале робкие люди не решались выходить из города на прогулку в парк или в поля. Ведь, может быть, с английского парохода сюда напустили еще и змей, как на Мартинике! Поэтому каждому, кто раздобудет змею, обещана денежная премия, которую уплатят чистым золотом, в зависимости от длины пресмыкающегося. Если змея окажется размером с большого удава, сумма получится немалая! Но поиски ни к чему не привели, и теперь, пожалуй, можно успокоиться. Стандарт-Айленд снова в полнейшей безопасности. Кто бы ни были люди, учинившие эту гнусную махинацию, они только даром потратились на зверей.

Положительным результатом всего этого явилось полное примирение между обеими частями города. После того как Коверли выручил Уолтера, а Танкердон спас Коверли, семьи правого и левого борта посещают, приглашают и принимают друг друга. Прием следует за приемом, празднество за празднеством. Каждый вечер у наиболее именитых господ устраивается какой-нибудь бал или концерт, чаще всего в особняке на Девятнадцатой авеню и в особняке на Пятнадцатой. Концертному квартету приходится чуть ли не разрываться. Впрочем, восторги, которые он вызывает, не только не уменьшаются, а еще больше растут.

Наконец, в одно прекрасное утро, когда Стандарт-Айленд уж бороздил своими винтами тихие воды моря Коро, распространилась великая новость. Мистер Джем Танкердон явился с официальным визитом в особняк мистера Нэта Коверли, чтобы просить руки его дочери, мисс Ди Коверли, для своего сына Уолтера Танкердона. И мистер Нэт Коверли дал согласие. Вопрос о приданом не вызвал никаких затруднений. Каждый из молодоженов получит по двести миллионов.

— Им уж как-нибудь хватит на жизнь... даже и в Европе! — справедливо заметил Пэншина.

Со всех сторон несутся поздравления и той и другой семье. Сайрес Бикерстаф не считает нужным скрывать свою радость. Благодаря этой свадьбе исчезнет всякий повод для вражды, угрожавшей безопасности Стандарт-Айленда.

Одними из первых посылают свои поздравления и пожелания жениху и невесте король и королева Малекарлии. Визитные карточки из алюминия с золотым текстом сыплются дождем в почтовые ящики особняков. Газеты беспрестанно помещают заметки о подготовляющихся великолепных празднествах, таких великолепных, каких никогда еще не видывали ни в Миллиард-Сити, ни в любом другом месте на земном шаре. Во Францию посланы каблограммы с заказами на свадебные подарки невесте. Магазины мод, мастерские знаменитейших портных, поставщики ювелирных изделий и предметов роскоши получают баснословные заказы. Специальный пароход, который отправится из Марселя через Суэц и Индийский океан, доставит на Стандарт-Айленд все эти чудеса французской промышленности. Свадьба назначена через пять недель, на 27 февраля. Впрочем, надо заметить, что и торговцы Миллиард-Сити получат свою долю в этом прибыльном деле: им тоже все время делают заказы на свадебные подарки для невесты, и, принимая во внимание, на какие траты идут обычно набобы Миллиард-Сити, — надо полагать, что тут можно составить целое состояние.

Устроителем празднеств самой судьбой предназначен господин директор управления искусств, Калистус Мэнбар. Невозможно описать его душевное состояние, после того как было официально объявлено о предстоящем бракосочетании Уолтера Танкердона и мисс Ди Коверли. Все знают, как он желал этого брака, как он старался ему содействовать. Сейчас его заветное желание воплощается в жизнь, и, поскольку муниципалитет намерен предоставить директору полную свободу действий, не приходится сомневаться, что он ока-

жется на высоте положения и устроит ультрароскошное празднество.

Через газеты коммодор Симкоо доводит до всеобщего сведения, что в день, назначенный для свадебной церемонии, пловучий остров будет находиться в той части моря, которая простирается между островами Фиджи и Новыми Гебридами. Но сначала он подойдет к Вити-Леву, где стоянка продлится дней десять, — единственная стоянка, которую предполагается сделать в этом обширном архипелаге.

Какое восхитительное плаванье! На поверхности моря играет множество китов. Когда они выбрасывают тысячи высоко взметающихся фонтанов, море кажется гигантским бассейном Нептуна, «по сравнению с которым тот, что находится в Версале, — просто детская игрушка», — замечает Ивернес. Но зато появляются и сотни громадных акул, которые сопровождают Стандарт-Айленд, как они сопровождали бы плывущий корабль.

Эта часть Тихого океана является границей Полинезии; дальше начинается Меланезия, к которой и относится группа Ново-Гебридских островов[1]. Тут проходит сто восьмидесятый градус долготы, условная меридиональная линия, разделяющая огромный океан на две половины. Пересекая этот меридиан, моряки, плывущие с востока, вычеркивают один день из календаря, а моряки, плывущие с запада, прибавляют один день. Без такой предосторожности даты их записей не совпадали бы. В прошлом году Стандарт-Айленду не приходилось делать в календаре этого изменения, так как он не пересекал означенного меридиана. Но на сей раз надо подчиниться правилу, и, поскольку остров плывет с востока, 22 января превращается в 23 января.

Из двухсот пятидесяти пяти островов, составляющих архипелаг Фиджи, населено лишь около сотни. Общее количество обитателей не превышает ста двадцати восьми тысяч — плотность населения незначи-

[1] Все это по французским картам, на которых нулевой меридиан проходил через Париж. В эпоху, когда происходит действие романа, меридиан этот являлся общепринятым. *(Прим. автора.)*

тельная для пространства в двадцать одну тысячу квадратных километров.

Эти островки представляют собой атолловые образования или просто вершины подводных гор, опоясанные коралловой каймой. Среди атоллов нет ни одного, который занимал бы площадь обширней ста пятидесяти квадратных километров. В отношении политическом острова являются частью Британской Австралазии и с 1874 года зависят от короны, — иначе говоря, Англия преспокойно присоединила их к своим колониальным владениям. Если фиджийцы решились в конце концов подчиниться британскому протекторату, то лишь потому, что в 1859 году им угрожало нашествие тонганцев, которому Соединенное королевство воспрепятствовало, послав сюда пресловутого Притчарда, того самого Притчарда, который действовал на Таити. В настоящее время архипелаг разделен на семнадцать округов, управляемых мелкими туземными вождями, более или менее связанными узами родства с семьей последнего короля Такумбау.

— Является ли это неизбежным следствием английской колониальной системы, — рассуждает коммодор Симкоо, беседуя на эту тему с Фрасколеном, — и произойдет ли с Фиджи то же, что произошло с Тасманией, я не знаю! Но факт остается фактом: туземцы постепенно вымирают. Колония отнюдь не процветает, а население не увеличивается, доказательством чего служит меньшая численность женского населения по сравнению с мужским.

— Да, это действительно признак того, что данная раса в ближайшем будущем исчезнет, — отвечает Фрасколен, — и в Европе есть несколько государств, где соотношение обеих частей населения вскоре станет таким же.

— Вдобавок, — продолжает коммодор, — здешние туземцы — настоящие крепостные, как и жители соседних островов, которых плантаторы вербуют для распахивания невозделанных земель. Да и болезни производят среди них сильные опустошения; например, в тысяча восемьсот семьдесят пятом году только от оспы погибло более тридцати тысяч человек. А ведь архипе-

лаг Фиджи — благодатная страна, как вы сами можете судить! Если во внутренних частях островов средняя температура очень высока, то она довольно умерена на побережье, где прекрасно произрастают фрукты, овощи, всевозможные деревья, кокосовые пальмы, бананы и т. д. Только и труда, что собирать клубни ямса, таро[1] и добывать из стволов саговой пальмы питательное вещество.

— Саго! — восклицает Фрасколен. — Невольно вспоминается наш «Швейцарский Робинзон!»

— Что касается свиней и кур, — продолжает коммодор Симкоо, — то эти животные чрезвычайно размножились, с тех пор как их завезли на остров. Поэтому здесь совсем не трудно удовлетворять все жизненные потребности. К сожалению, туземцы склонны к лености, к far niente[2], несмотря на то, что отличаются живым умом, остроумны...

— Известно, что когда дети слишком развиты... — говорит Фрасколен.

— Они недолговечны! — отвечает коммодор Симкоо.

И правда, разве все эти туземцы — полинезийцы, меланезийцы и прочие — сильно отличаются от детей?

Направляясь к Вити-Леву, Стандарт-Айленд встречает на пути множество островов, например Вануа-Вату, Моала, Нгау, но остановок там не делают.

Со всех сторон к пловучему острову устремляются, огибая его берега, целые флотилии длинных пирог с балансирами из скрещенных бамбуковых палок, которые поддерживают лодку в равновесии. Пироги снуют взад и вперед, изящно маневрируют, но даже не пытаются зайти ни в Штирборт-Харбор, ни в Бакборт-Харбор. Да, вероятно, их туда и не допустили бы, принимая во внимание довольно скверную репутацию фиджийцев. Правда, с тех пор как европейские миссионеры в 1835 году обосновались на Лакембе, почти все туземцы приняли христианство уэслианского толка, хотя среди них и есть несколько тысяч католиков. Но предки их были привержены к людоедству, и, возможно, что они

[1] Растение из семейства ароидных; широко используется для питания жителями островов Тихого океана. *(Прим. автора.)*

[2] Безделью *(итал.)*.

и теперь не окончательно еще потеряли вкус к человечине. Вдобавок тут замешана и религия. Их боги любили кровь. Эти племена расценивали добрые чувства как слабость и даже как грех. Съесть врага значило оказать ему честь. Человека презираемого, правда, тоже варили, но не съедали. На пирах главным лакомством было мясо детей, и не столь уж много времени прошло с той поры, когда король Такумбау с удовольствием усаживался под деревом, на каждой ветви которого торчала какая-нибудь часть человеческого тела, предназначенная для королевского стола. Иногда случалось, что целое племя, — так произошло с племенем нулока на Вити-Леву, недалеко от Намози, бывало съедено все целиком, за исключением нескольких женщин: одна из них дожила до 1880 года.

Уж если Пэншина не обнаружит на каком-либо здешнем островке внуков людоедов, еще соблюдающих древние обычаи, то ему придется окончательно распроститься с надеждой найти хотя бы след «местного колорита» на архипелагах Тихого океана.

Западная группа Фиджи состоит из двух больших островов, Вити-Леву и Вануа-Леву, и двух меньшего размера, Кандаву и Тавеуни. Северо-западнее находятся острова Ясава, и там же открывается проход Раунд-Айленд. Коммодору Симкоо надо будет пройти через него, чтобы взять курс на Новые Гебриды.

После полудня 25 января на горизонте появляются высоты Вити-Леву. Этот гористый остров — самый значительный в архипелаге, он на треть больше Корсики, то есть занимает площадь в десять тысяч шестьсот сорок пять квадратных километров.

Его вершины поднимаются на тысячу двести — тысячу пятьсот метров над уровнем моря. Это — потухшие или по крайней мере временно уснувшие вулканы, которые обычно пробуждаются в очень скверном настроении.

Вити-Леву соединен со своим северным соседом, Вануа-Леву, подводным скалистым барьером, который наверно выступал на поверхность в эпоху формирования этой части нашей планеты. Теперь Стандарт-Айленд мог безопасно плыть над ним. С другой стороны,

к северу от Вити-Леву, глубина моря — от четырехсот до пятисот метров, а к югу — от пятисот до двух тысяч метров.

Прежде столицей архипелага была Левука на острове Овалау, к востоку от Вити-Леву. Может быть, фактории, основанные там английскими фирмами, и теперь важнее, чем фактории Сувы, нынешней столицы, на острове Вити-Леву. Но этот порт очень удобен для навигации, ибо расположен на юго-восточной оконечности острова, между двумя речными дельтами, чьи воды обильно орошают побережье. Что касается порта, где швартуются пароходы, совершающие рейсы на Фиджи, то он располагается в глубине бухты Нгалао, на юге острова Кандаву, в пункте наиболее близком к Новой Каледонии, к Австралии, к французским островам Новой Зеландии и Лоялти.

Стандарт-Айленд останавливается у входа в порт Сува. Формальности выполнены, и свободный доступ на остров разрешен в тот же день. Так как посещения острова гражданами Миллиард-Сити только выгодны для колонистов и для туземцев, миллиардцы могут быть уверены в отличном приеме, хотя тут, вероятно, больше расчета, чем чувства. Но не надо забывать все-таки, что Фиджи — колония британской короны, а отношения между Форин Оффис [1] и «Стандарт-Айленд компани», ревниво блюдущей свою независимость, остаются попрежнему натянутыми.

На следующий день, 26 января, торговцы Стандарт-Айленда рано утром съезжают на берег, чтобы закупить нужные им товары или продать свои. Туристы, и между ними наши парижане, тоже не заставляют себя ждать. Хотя Пэншина и Ивернес любят подшучивать над Фрасколеном — прилежным учеником коммодора Симкоо — по поводу его «этно-нудно-географических штудий», как выражается «Его высочество», они тем не менее пользуются его познаниями. У второй скрипки всегда найдется какой-нибудь поучительный ответ на вопросы товарищей о жителях Вити-Леву, их обычаях

---

[1] Форин Оффис — министерство иностранных дел Великобритании.

и нравах. Сам Себастьен Цорн при случае удостаивает его расспросами, и тот же Пэншина, узнав, что эти места были главной ареной людоедства, не может удержаться от вздоха.

— Да... но мы явились слишком поздно, и вы увидите, что эти изнеженные цивилизацией фиджийцы опустились до жареных цыплят и вареной ветчины с горошком!

— Людоед! — кричит ему Фрасколен. — Тебя бы следовало подать к столу короля Такумбау.

— Хэ, хэ! Антрекот Пэншина по-бордосски...

— Ну, ладно, — вмешивается Себастьен Цорн. — Если мы будем терять время в праздных спорах...

— То не сможем идти вперед, к прогрессу! — восклицает Пэншина. — Вот фразочка по твоему вкусу, не так ли, мой старый виолончеллулоидист! Ну, что ж — шагом марш вперед!

Дома города Сува, расположенного на правой стороне небольшой бухты, рассыпались по склону зеленеющего холма. В городе имеются набережные, приспособленные для причала кораблей, улицы с дощатыми тротуарами, совсем такие, как на пляжах крупных морских курортов. Деревянные одноэтажные дома, изредка и со вторым этажом, имеют веселый и чистый вид. В окрестностях города — туземные хижины с крышами, заостренными в виде рогов и украшенными раковинами. Крыши эти очень прочны и хорошо выдерживают зимние дожди, ливмя льющие с мая по октябрь.

И действительно, в марте 1871 года, если верить Фрасколену, хорошо подкованному по части статистики, Мбуа, расположенная в восточной части острова, получила за одни сутки тридцать восемь сантиметров воды.

Вити-Леву подвержен причудам климата не в меньшей степени, чем другие острова, и растительность на одном берегу сильно отличается от растительности на другом. На одной стороне, овеваемой юго-восточными пассатными ветрами, атмосфера влажная, и там произрастают роскошные леса. На другой — простираются огромные саванны, которые отлично можно воз-

делывать и засевать. Замечено, что некоторые деревья на архипелаге начинают пропадать, между прочим сандаловое, почти совсем исчезнувшее, а также фиджийская сосна — «дакуа».

Все же, гуляя по острову, квартет убеждается, что флора его осталась тропически роскошной. Повсюду леса кокосовых и всяких других пальм, со стволами, облепленными паразитирующими орхидеями, заросли казуарин, панданусов, акаций, древовидных папоротников, а в заболоченных местах много мангровых деревьев с воздушными корнями. Однако возделывание хлопка и чая не дало тех результатов, какие обещает теплый и влажный климат. И в самом деле, почва на Вити-Леву та же, что и на всех других островах архипелага — глинистая, желтоватого цвета, состоящая из одного вулканического пепла, которому перегной придает плодородные свойства.

Фауна здесь не разнообразнее, чем на других островах Тихого океана: до сорока пород птиц — акклиматизировавшиеся попугаи и канарейки, летучие мыши, легионы крыс, неядовитые пресмыкающиеся, которых туземцы очень охотно употребляют в пищу, ящерицы в таком количестве, что неизвестно, куда от них деваться, и отвратительные тараканы, прожорливые, как людоеды. Зато хищных зверей совсем нет, и поэтому Пэншина не может не пошутить:

— Нашему губернатору, Сайресу Бикерстафу, следовало бы сохранить несколько пар львов, тигров, пантер и крокодилов и высадить их на Фиджи... Тем самым он только вернул бы полученное, — острова-то ведь принадлежат Англии.

Туземцы — смешение полинезийской и меланезийской рас — довольно красивы, хотя и не так, как на Самоа или Маркизских островах. Мужчины — с бронзовым, почти черным цветом кожи, с пышными вьющимися волосами, — отличаются высоким ростом и крепким сложением; среди них много метисов. Одежда их примитивна, часто на них только набедренная повязка или плащ из туземной ткани, так называемой «маси», вырабатывающейся из волокна особой шелковицы, которое идет только на изготовление бумаги. Ткань

сначала получается чисто белая, но фиджийцы умеют красить ее и покрывать пестрым узором; она пользуется большим спросом на всех архипелагах восточной части Тихого океана. Следует добавить, что туземцы не брезгуют при случае одеваться в старые европейские обноски, попавшие сюда через старьевщиков Соединенного королевства или Германии. Парижанину не удержаться от веселых замечаний при виде фиджийцев, обезображенных потерявшими свою первоначальную форму брюками, истрепанными пальто или даже фраком, который, пережив разнообразные стадии упадка, заканчивает свое существование на плечах уроженца Вити-Леву.

— О таком фраке можно написать целый роман... — говорит Ивернес.

— Роман о фраке, который в конце концов так обкорнали! — добавляет Пэншина.

Что касается женщин, то они, несмотря на уэслианские проповеди, более или менее пристойно одеты в юбку и кофточку из той же маси. Они отлично сложены, и, обладая привлекательностью юного возраста, некоторые из них могут сойти за хорошеньких. Но какая отвратительная и у них и у мужчин привычка пропитывать известковым раствором свои черные волосы, превращая их таким образом в своего рода твердый головной убор, предохраняющий от солнечного удара!

Так же как их мужья и братья, они курят местный табак, пахнущий паленым сеном, и если папироса не торчит у них в зубах, то она воткнута в мочку уха, где у европейских женщин мы привыкли видеть бриллиантовые или жемчужные серьги.

Женщины большей частью находятся на положении рабынь, выполняющих самые тяжелые домашние работы, и еще не так давно их удавливали на могиле мужа, — это после того как они столько лет трудились, давая ему возможность бездельничать!

Много раз во время экскурсий по окрестностям Сувы, которым были посвящены целых три дня, наши туристы пытались войти в туземную хижину. Однако

их неизменно отталкивал отнюдь не недостаток гостеприимства со стороны хозяев, но царящий там ужасный запах. Кокосовое масло, которым натерты тела туземцев, близкое соседство свиней, кур, собак, кошек в зловонных соломенных хижинах, удушливый дым горящей смолы «даммàра», которой они освещаются... нет! Вынести все это невозможно. К тому же, подсев к фиджийскому очагу, пришлось бы для соблюдения вежливости омочить губы в чашке с «кавой», обычным фиджийским напитком. Не говоря уже о том, что эта жгучая кава из сушеного корня перечного дерева совершенно непереносима для европейской глотки, надо принять во внимание также способ ее приготовления. Разве не вызывает он непреодолимого отвращения? Ведь перец не размалывают, его разжевывают, растирают между зубами, а затем выплевывают в сосуд с водой и угощают вас с дикарской настойчивостью, да так, что не откажешься. А дальше остается только выразить благодарность ходячим на всем архипелаге выражением: «Э мана ндина», — иначе говоря: «Аминь».

Тут мы еще раз упомянем о тараканах, которыми кишат соломенные подстилки, о белых муравьях, которые грызут эту солому, и москитах, целых сонмах москитов, которые сомкнутыми рядами покрывают стены, пол и одежду туземцев.

Нечего удивляться поэтому, что «Его высочество», увидев ужасных насекомых, восклицал с тем нарочито комическим акцентом, к которому прибегают английские клоуны:

— Мьюстик!.. Мьюстик!..[1]

Словом, ни у его товарищей, ни у него самого не хватило мужества зайти в фиджийские хижины. Таким образом этнографические штудии остаются незавершенными, даже ученый муж Фрасколен отступился, почему здесь в его воспоминаниях о путешествии остается белая страница.

---

[1] Moustiques *(франц.)* — москиты.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Casus belli[1]

Пока наши артисты увлекались прогулками и изучали нравы архипелага, некоторые из именитых граждан Стандарт-Айленда все же решили завязать отношения с местными властями. «Папаланги» — так называют на этих островах чужеземцев — могли не опасаться дурного приема.

Европейские власти представлены прежде всего генерал-губернатором, являющимся одновременно английским генеральным консулом для всей западной группы островов, которая находится под протекторатом Соединенного королевства. Сайрес Бикерстаф не счел необходимым нанести официальный визит консулу. Встретившись, они посмотрели друг на друга сердито, как две фаянсовые собачки, но дальше этого отношения между ними не пошли.

Что касается германского консула, одного из крупнейших коммерсантов страны, то тут дело ограничилось обменом визитными карточками.

Во время стоянки семейства Коверли и Танкердонов устраивали экскурсии в окрестности Сувы и в леса, покрывающие горы до самых вершин.

По этому поводу господин директор высказывает в беседе со своими друзьями-музыкантами весьма справедливое замечание:

— Наши миллиардцы потому и падки до прогулок в горы, что местность на Стандарт-Айленде слишком ровная... Слишком все плоско, однообразно... Но я уверен, что со временем на нем соорудят искусственную гору, которая поспорит с самыми высокими вершинами Океании. А пока что наши граждане, всякий раз как только представляется возможность, стараются забраться на высоту нескольких сот футов и подышать чистым и живительным воздухом... Видимо, этого требует человеческая природа.

— Отлично, — отвечает Пэншина. — Но разрешите дать вам один совет! Когда вы будете воздвигать вашу

[1] Повод для войны (*лат.*).

гору из стальных листов или алюминия, не забудьте устроить внутри небольшой вулкан... вулкан с бенгальскими огнями и фейерверком...

— А почему бы и нет, господин насмешник?.. — отвечает Калистус Мэнбар.

— Да я же как раз и говорю: почему бы и нет?..

Само собой разумеется, Уолтер Танкердон и мисс Ди Коверли принимают участие в экскурсиях и при этом идут всегда под руку.

На Вити-Леву туристы осмотрели достопримечательности столицы, например «мбуре-калу», — то есть храмы духов, а заодно и постоянное место политических собраний. Эти постройки, воздвигнутые на упорах сухой каменной кладки, сделаны из бамбуковой плетенки, балки украшены растительным орнаментом, а искусно размещенные брусья поддерживают соломенную кровлю. Туристы посетили также больницу, где прекрасно соблюдаются все правила гигиены, и ботанический сад, амфитеатром расположенный на высотах за городом. Часто прогулки эти продолжаются до темноты, и тогда обратно приходится идти с фонарем в руках, как в доброе старое время. На островах Фиджи городские власти еще не дошли до газометра, рожков Ауэра, дуговых фонарей, ацетилена, но все это не замедлит появиться — «под просвещенной опекой Великобритании!» — саркастически замечает Калистус Мэнбар.

А что во время этой стоянки поделывают капитан Сароль, его малайцы и новогебридцы, принятые на Самоа? Ничего особенного. Они не съезжают на берег, так как им хорошо знаком Вити-Леву: они уже бывали на нем во время каботажных плаваний либо работали там на плантациях. Они предпочитают оставаться на Стандарт-Айленде и всё обследуют его, усердно посещая город, порты, парк, поля, батареи Кормы и Волнореза. Еще несколько недель, и благодаря доброжелательному отношению Компании, благодаря губернатору Сайресу Бикерстафу эти славные люди, после пятимесячного пребывания на пловучем острове, высадятся на родном берегу.

Иногда наши артисты беседуют с Саролем, который отличается недюжинным умом и бегло говорит по-английски. Сароль с восторгом рассказывает им о Новых Гебридах, о туземцах этих островов, о том, что они едят, какова их кухня. Последнее особенно занимает «Его высочество». Тайная мечта Пэншина — открыть какое-нибудь новое кушанье, рецептом которого он мог бы одарить гастрономические клубы старушки Европы.

Тридцатого января Себастьен Цорн и его товарищи, в распоряжение которых губернатор предоставил одну из электроходных лодок Штирборт-Харбора, покидают Стандарт-Айленд с намерением подняться вверх по течению Ревы, одной из главных рек острова. Кроме них, в лодке находятся командир, механик и два матроса с туземным лоцманом. Тщетно предлагали Атаназу Доремюсу присоединиться к экскурсантам. Учитель грации и изящных манер совершенно лишился чувства любознательности. Кроме того, в его отсутствие к нему может прийти ученик, и потому он предпочитает не покидать танцевального зала казино.

Лодка хорошо снаряжена и снабжена провиантом, так как в Штирборт-Харбор раньше вечера ей не вернуться. Около шести часов утра она выходит из бухты Сува и плывет вдоль побережья до бухты Рева.

В этих местах не только много рифов, но имеются также в большом количестве акулы, и надо остерегаться как тех, так и других.

— Эх, — говорит Пэншина, — ваших акул не назовешь людоедами соленых вод!.. Английские миссионеры, наверно, обратили их в христианство, как они обратили фиджийцев!.. Держу пари, что эти чудовища потеряли вкус к человечине.

— Не полагайтесь на это, — отвечает лоцман, — а кстати не доверяйте и фиджийцам из дальних районов острова.

Пэншина только пожимает плечами. Пусть ему не рассказывают сказок о так называемых людоедах, которые не людоедствуют теперь даже по праздникам!

Что касается лоцмана, он превосходно знает бухту и течение Ревы. На этой довольно большой реке, называемой также Ваи-Леву, прилив ощущается на рас-

стоянии сорока пяти километров, и лодки могут по ней подниматься километров на восемьдесят.

Вблизи устья ширина Ревы превышает сто туазов[1]. Она течет среди песчаных берегов, низких слева и крутых справа, где бананы и кокосовые пальмы резко выделяются на фоне всей прочей зелени. Ее настоящее название Рева-Рева, сообразно тому удвоению слов, которое распространено почти повсеместно среди народностей Океании.

И разве, как замечает Ивернес, это не подражание детскому произношению, которое мы находим во всех этих «па-па», «ма-ма» ,«бай-бай», «ням-ням» и т. п.? Ведь и вправду, туземцы едва-едва вышли из младенческого возраста!

Выйдя из устья реки, лодка проплывает мимо деревни Камба, утопающей в зелени и цветах. Чтобы иметь возможность использовать всю силу приливной воды, остановки не делают ни там, ни в деревне Найтасири. К тому же как раз теперь деревня со всеми ее домами, жителями и даже омывающими ее водами Ревы объявлена на положении табу. Туземцы никому не дали бы высадиться здесь. Табу — обычай, если и не слишком достойный уважения, то во всяком случае весьма уважаемый (Себастьен Цорн кое-что об этом знает), и поэтому к данному табу относятся с должным уважением.

Когда экскурсанты проезжают мимо Найтасири, лоцман обращает их внимание на высокое дерево, отдельно стоящее на побережье.

— А что в нем примечательного, в этом дереве?.. — спрашивает Фрасколен.

— Ничего, — отвечает лоцман, — кроме того, что его кора от корней до кроны испещрена насечками. А насечки обозначают количество человеческих тел, сваренных в этом месте, а затем съеденных...

— Так булочник зарубками на палке отмечает количество выпеченных булок, — говорит Пэншина и пожимает плечами в знак недоверия.

---

[1] Туаз — старинная французская мера длины (около двух метров).

Но он не прав. На островах Фиджи людоедство было особенно распространено, и следует заметить, оно и сейчас не окончательно исчезло. В глубине острова оно удержится еще долго у племен, любящих «полакомиться». Именно «полакомиться», ведь по мнению фиджийцев с человечиной ничто не может сравниться по вкусу и нежности; говядине до нее далеко. Если верить лоцману, некий вождь по имени Ра-Ундренуду, ставил в своих владениях высокие камни, и когда он умер, их оказалось восемьсот двадцать два.

— И знаете, что обозначали эти камни?..

— При всех своих исполнительских способностях мы не можем догадаться, — отвечает Ивернес.

— Они означали количество людей, которых сожрал этот вождь.

— Сам?..

— Сам!

— Хороший был едок! — только и отвечает Пэншина, у которого составилось свое собственное мнение насчет этих «фиджийских россказней».

Около одиннадцати часов на правом берегу раздается звон колокола. Среди зелени, в тени кокосовых пальм и бананов, возникает деревня Наилилли, состоящая из нескольких соломенных хижин. В ней находится католическая миссия. Туристы высказывают пожелание задержаться тут на часок, пожать руку миссионеру, своему соотечественнику. Механик не возражает, и лодку пришвартовывают к древесному пню.

Себастьен Цорн с товарищами сходят на берег и, пройдя не более двух минут, встречают настоятеля миссии.

Это человек лет пятидесяти, с открытым лицом и энергичной внешностью. Радуясь тому, что может приветствовать французов, он уводит их в свою хижину в центре деревни, имеющей около сотни жителей фиджийцев, и настаивает на том, чтобы прибывшие согласились отведать туземного угощения. Пусть они успокоятся — речь идет не об отвратительной каве, а о напитке или, вернее, бульоне, довольно приятном на вкус, из цирей — ракушек, в большом количестве попадающихся на берегах Ревы.

Миссионер все свои силы отдает пропаганде католичества, однако это не обходится без трудностей, ибо серьезным конкурентом для него является обосновавшийся неподалеку уэслианский пастор. В общем, он доволен достигнутым, но признает, что очень и очень нелегко ему отучить новообращенных христиан от приверженности к «букало», то есть человеческому мясу.

— Раз уж вы поднимаетесь вверх по течению, дорогие гости, — добавляет он, — будьте поосторожнее и не ослабляйте бдительности.

— Слышишь, Пэншина! — говорит Себастьен Цорн.

Отъезд совершается еще до того, как на колокольне церквушки благовестят к обедне.

На своем пути электроходная лодка встречает несколько пирог с балансиром, груженных бананами. Бананы — ходячая монета, которой местное население расплачивается со сборщиками податей. Берега везде поросли лаврами, акациями, лимонными деревьями, кактусами с кроваво-красными цветами. Бананы и кокосовые пальмы высоко вздымают над ними гроздья своих тяжелых плодов, и все это зеленое царство простирается до самых гор, замыкающих задний план, где возвышается пик Мбугге-Леву.

Среди зарослей виднеются одна-две фабрики европейского типа, имеющие весьма мало общего с дикой природой страны. Это сахарные заводы, снабженные самыми современными машинами. Здешняя продукция, по словам путешественника Фершнура, «может с честью выдержать сравнение с сахаром Антильских островов и других колоний».

К часу дня лодка достигает цели своего путешествия в верховьях реки Рева. Через два часа начнется отлив, и надо будет воспользоваться им, чтобы спуститься вниз по течению. Обратный путь будет недолог, и около десяти вечера экскурсанты вернутся в Штирборт-Харбор.

Артисты решают употребить свое время на осмотр деревни Тампоо, хижины которой виднеются на расстоянии полумили. Условились, что механик и двое матросов останутся при лодке, а лоцман проведет своих пассажиров в селение, где древние обычаи

сохранились во всей своей фиджийской неприкосновенности. В этой части острова миссионеры даром тратили свои труды, и все их проповеди оказались тщетны. Тут еще господствуют колдуны; тут еще в ходу волшебство, особенно то, которое носит сложное название «Вака-Ндран-ни-Кан-Така», то есть «чарование посредством листьев». Тут поклоняются катоаву, богам, которые «были до начала времен и пребудут вечно» и которые не брезгуют принимать человеческие жертвы; правительство же бессильно не только предупреждать, но и карать подобные деяния.

Конечно, было бы благоразумнее не забираться к таким подозрительным племенам. Но наши артисты, любопытные, как все парижане, настаивают, и лоцман соглашается сопровождать их, советуя не отходить друг от друга.

Едва они входят в деревню Тампоо, состоящую из сотни соломенных хижин, как на глаза попадаются настоящие дикарки. Вместо одежды у них одна только тряпка вокруг бедер. Они не испытывают никакого удивления при виде чужестранцев, наблюдающих за их работой: с тех пор как архипелаг находится под протекторатом Англии, подобные посещения их не смущают.

Женщины заняты приготовлением куркумы. Куркума — это корни одного растения; их хранят в ямах, устланных травой и листьями банана; корни извлекают оттуда, поджаривают, скоблят, отжимают в корзинах, выложенных папоротником, и сок собирают в стаканы из полых стволов бамбука. Куркума идет в пищу, а также употребляется для умащения кожи. Она имеет самое широкое распространение и в качестве продукта питания и в качестве помады.

Маленький отряд европейцев проходит по деревне. Никто их не приветствует, туземцы не проявляют никакого радушия, ни малейшего желания оказать гостеприимство своим посетителям. Внешний вид хижин весьма непривлекателен. Принимая во внимание исходящий оттуда запах — больше всего несет прогорклым кокосовым маслом, — музыканты квартета даже раду-

ются тому, что законы гостеприимства здесь не слишком в чести.

Однако, когда они подходят к жилищу вождя, он выходит к ним навстречу в сопровождении целой свиты туземцев. Это высокий мрачный фиджиец со свирепой физиономией. У него жесткие, курчавые, выбеленные известью волосы. На нем парадная одежда — полосатая, стянутая поясом, рубаха, на левой ноге старая ковровая туфля и — Пэншина едва удержался от смеха! — синий с золотыми пуговицами фрак, кое-где заплатанный, с разными фалдами, одна из которых доходит ему до колена, а другая до лодыжки.

И вот, приближаясь к явившимся в его селение «папаланги», вождь этот спотыкается о пень, теряет равновесие и валится на землю.

Тут же, согласно этикету «бале мури», вся его свита в свою очередь спотыкается и почтительно растягивается на земле, «чтобы оказаться в том же смешном положении, что и вождь».

Такое объяснение дал лоцман, и Пэншина вполне одобряет это правило, не более смешное, чем столько других, которые в ходу при европейских дворах.

Все поднялись на ноги. Вождь перекидывается с лоцманом несколькими фразами по-фиджийски. Квартет не понимает ни слова, лоцман переводит. Это все вопросы о том, с какой целью чужестранцы явились в деревню Тампоо. Следуют ответы, что они, мол, желают только осмотреть деревню и погулять по окрестностям; затем еще несколько вопросов и ответов, и, наконец, дается милостивое разрешение на осмотр селения и прогулку.

Впрочем, вождь не обнаруживает по поводу появления туристов в Тампоо ни удовольствия, ни досады и дает туземцам знак расходиться по домам.

— В конце концов с виду они не очень злы! — замечает Пэншина.

— Все равно, будем осторожны, — отвечает Фрасколен.

В течение целого часа артисты разгуливают по деревне, и никто их не трогает. Вождь в синем

фраке удалился к себе в хижину, и, как видно, туземцы относятся к пришельцам с полнейшим равнодушием.

Ни одна соломенная дверь так и не открылась перед ними, и, побродив по улицам Тампоо, Себастьен Цорн, Ивернес, Пэншина, Фрасколен и лоцман направляются к развалинам храмов, похожих на заброшенные лачуги. Неподалеку от них стоит дом, в котором обитает один из местных колдунов.

Колдун этот, стоя в дверях своего жилья, бросает на пришельцев не слишком дружелюбные взгляды, и, судя по его странным жестам, можно подумать, что он насылает на них злые чары.

Фрасколен пытается при помощи лоцмана завязать с ним разговор. Но тут у колдуна делается такое свирепое выражение лица, он принимает столь угрожающий вид, что приходится распроститься с надеждой вытянуть из этого фиджийского дикообраза хоть одно слово.

Тем временем, несмотря на все предостережения, Пэншина отделился от своих друзей и углубился в густую чащу бананов, покрывающую сверху донизу склон холма.

Когда Себастьен Цорн, Ивернес и Фрасколен, раздосадованные неприветливостью колдуна, собрались уходить из Тампоо, оказалось, что их товарища нигде не видно.

Между тем пора возвратиться к лодке. На море скоро начнется отлив, который продолжится несколько часов; необходимо использовать оставшееся время, чтобы спуститься вниз по течению Ревы.

Фрасколен, обеспокоенный отсутствием Пэншина, начинает громко звать его.

Никакого ответа.

— Да где же он?.. — спрашивает Себастьен Цорн.

— Не знаю... — отвечает Ивернес.

— А кто-нибудь из вас видел, как отошел в сторону ваш друг? — спрашивает лоцман.

Нет, никто не видел!

— Наверно, он пошел к лодке по тропинке, которая ведет от деревни... — замечает Фрасколен.

— Напрасно он это сделал, — отвечает лоцман, — но не будем зря терять времени, пойдем за ним.

Все отправляются, испытывая довольно сильное беспокойство. Этот Пэншина вечно выкидывает какие-то штуки, а между тем, если даже считать свирепость туземцев, столь упорно пребывающих в диком состоянии, плодом вымысла, все-таки их друг может подвергнуться весьма реальной опасности.

Проходя через Тампоо, лоцман с тревогой замечает, что нигде не видно ни одного фиджийца. Двери соломенных хижин закрыты. Перед хижиной вождя никого нет. Женщины, занимавшиеся приготовлением куркумы, тоже исчезли. Впечатление такое, будто жители ушли уже давно.

Тогда маленький отряд ускоряет шаг. Несколько раз музыканты принимаются звать товарища, но тот не отвечает. Неужели его не окажется и на берегу, в месте причала лодки? Или, может быть, лодка, оставленная на попечении механика и двух матросов, тоже исчезла?

До условленного места остается несколько сот шагов. Друзья торопятся и, выйдя на опушку леса, замечают лодку и трех моряков, которые остались сторожить ее.

— А наш товарищ?.. — кричит Фрасколен.

— Разве он не с вами? — в свою очередь интересуется механик.

— Нет... уже с полчаса, как его нет...

— А он сюда не приходил? — спрашивает Ивернес.

— Нет.

Что же случилось с этим беспечным человеком? Лоцман уже не скрывает своей тревоги.

— Надо вернуться в деревню, — говорит Себастьен Цорн. — Не можем же мы бросить Пэншина на произвол судьбы...

Лодку оставляют под охраной лишь одного из матросов, хотя, может быть, это и небезопасно. Но не лучше ли на этот раз возвратиться в Тампоо, взяв с собой побольше вооруженных людей?

Если бы даже пришлось обыскать все селение, они не уйдут из деревни и не вернутся на Стандарт-Айленд, пока не найдут Пэншина.

Пускаются в обратный путь. В деревне и кругом нее все та же тишина. Куда девалось население? Улицы — словно вымерли, соломенные хижины пусты.

Увы, не может быть никакого сомнения... Пэншина забрел в банановую рощу... его схватили и поволокли... Но куда?.. Легко представить, какую участь уготовили ему эти каннибалы, над которыми он потешался. Искать его в окрестности Тампоо совершенно бесполезно... Как обнаружить хоть какой-нибудь след в лесу, среди чащи, которую знают одни фиджийцы? К тому же есть все основания опасаться, что они попытаются захватить и лодку, оставшуюся под охраной одного матроса... Если случится такая беда, — исчезнет всякая надежда спасти Пэншина, да и сами товарищи его окажутся в опасности.

Невозможно передать отчаянье, охватившее Фрасколена, Ивернеса и Себастьена Цорна. Что делать? Рулевой и механик тоже не знают, на что решиться.

Тогда Фрасколен, сохранивший присутствие духа, говорит:

— Возвратимся на Стандарт-Айленд.

— Без нашего товарища?! — восклицает Ивернес.

— Мыслимое ли это дело? — добавляет Себастьен Цорн.

— Другого выхода я не вижу, — отвечает Фрасколен. — Надо сообщить обо всем губернатору Стандарт-Айленда... и властям Вити-Леву, чтобы они приняли меры...

— Да... поедем, — советует лоцман, — нельзя тратить ни минуты, если мы хотим воспользоваться отливом!

— Это единственный способ спасти Пэншина, — восклицает Фрасколен, — если еще не поздно!

Да, единственный способ.

Охваченные страхом за судьбу лодки, они выходят из Тампоо. Тщетно они выкрикивают имя Пэншина! Если бы лоцман и его товарищи не были так взволнованы, они, возможно, заметили бы, что несколько дикарей следят за ними из-за кустов.

Лодка в целости и сохранности. Матрос не видел, чтобы кто-нибудь шнырял по берегу Ревы.

У Себастьена Цорна, Фрасколена и Ивернеса мучительно сжимается сердце, когда они, наконец, решаются сесть в лодку... Они еще колеблются... зовут... Но Фрасколен торопит с отъездом... И он совершенно прав.

Механик пускает в ход динамо, и лодка, уносимая отливом, с необычайной быстротой летит вниз по течению Ревы.

В шесть часов они выходят из восточного рукава дельты.

В половине седьмого лодка уже у дамбы Штирборт-Харбора.

За четверть часа Фрасколен и двое его товарищей добираются в электрическом поезде до Миллиард-Сити и являются в мэрию.

Узнав о случившемся, Сайрес Бикерстаф тотчас же отправляется в Суву, требует там свидания с генерал-губернатором архипелага и добивается его.

Этот представитель английской королевы, узнав обо всем, происшедшем в Тампоо, не скрывает, что дело очень серьезно... Француз попал в руки одного из племен внутренней части острова, не подчиняющихся никаким властям...

— К несчастью, до завтра мы не в состоянии ничего предпринять, — добавляет он. — Наши лодки не могут подняться к Тампоо против течения Ревы. Кроме того, надо выступить крупным отрядом. Самое верное — двигаться через лес.

— Хорошо, — говорит Сайрес Бикерстаф, — но только идти надо не завтра, а сегодня, сейчас...

— В моем распоряжении нет сейчас необходимого количества людей, — отвечает губернатор.

— У нас они есть, милостивый государь, — отвечает Сайрес Бикерстаф. — Примите меры, чтобы присоединить к ним солдат вашей охраны под командой одного из ваших же офицеров, знающих местность...

— Простите, сударь, — сухо возражает его превосходительство, — но я не привык...

— Простите, — в свою очередь отвечает Сайрес Бикерстаф, — но я предупреждаю вас, что если вы не начнете действовать немедленно, если наш друг, наш гость, не будет нам возвращен, ответственность падет на вас и...

— И?.. — высокомерным тоном переспрашивает губернатор.

— Батареи Стандарт-Айленда разрушат до основания вашу столицу Суву и все, чем владеют здесь иностранцы, — будь то англичане или немцы!

Ультиматум предъявлен, и приходится ему подчиниться. Несколько пушек, имеющихся на острове, ничего не поделают против артиллерии Стандарт-Айленда. Поэтому губернатор подчиняется, хотя, надо признать, ему следовало бы во имя гуманности решиться на это по доброй воле.

Через полчаса в Суве высаживаются сто человек моряков и солдат вместе с коммодором Симкоо, который сам пожелал возглавить эту операцию. Господин директор, Себастьен Цорн, Ивернес и Фрасколен находятся при нем. В помощь им придан полицейский отряд с Вити-Леву.

Экспедиция в сопровождении лоцмана, который хорошо знает малоисследованные внутренние части острова, сразу же углубляется в чащу леса, обходя бухту Ревы. Выбрав кратчайший путь, идут быстрым шагом, чтобы как можно скорее добраться до Тампоо.

До деревни идти не пришлось. Около часу пополуночи колонне дана была команда остановиться.

В самой глубине почти непроходимой чащи замечен был свет костра. Нет сомнения, что здесь собрались жители Тампоо, — ведь деревня всего в получасе ходьбы к востоку.

Коммодор Симкоо, лоцман, Калистус Мэнбар и трое парижан идут впереди...

Пройдя какую-нибудь сотню шагов, они останавливаются как вкопанные...

У ярко горящего костра, окруженного шумящей толпой мужчин и женщин, стоит привязанный к дереву, обнаженный до пояса Пэншина... и фиджийский вождь уже направляется к нему с поднятым топором...

— Вперед... вперед! — кричит коммодор Симкоо своим морякам и солдатам.

Среди изумленных туземцев возникает внезапная паника, потому что отряд не скупится ни на выстрелы, ни

на удары прикладом. Полянка мгновенно опустела, вся толпа разбежалась по лесу...

Пэншина, отвязанный от дерева, падает в объятия своего друга Фрасколена.

Как передать счастье артистов, слезы радости, а также их вполне справедливые упреки!

— Сумасшедший ты этакий, — говорит виолончелист. — С чего это тебе вздумалось отойти в сторону?..

— Пусть я хоть сто раз сумасшедший, старина Себастьен, — отвечает Пэншина, — но подожди ругаться, пока я оденусь. Передай-ка мне лучше рубашку, чтобы я поприличнее выглядел перед представителями власти!

Одежду обнаруживают под деревом, и он принимает ее с самым невозмутимым хладнокровием. Затем, вновь обретя пристойный вид, он подходит к коммодору Симкоо и господину директору и пожимает им руки.

— Ну, — говорит ему Калистус Мэнбар, — теперь вы поверили в людоедство фиджийцев?

— Не такие уж они людоеды, эти собачьи дети, — отвечает «Его высочество», — ведь я цел и невредим!

— Тебя не исправить, проклятый сумасброд! — кричит на него Фрасколен.

— А знаете, чем я особенно терзался, находясь в положении человеческой дичины, которую вот-вот насадят на вертел?.. — спрашивает Пэншина.

— Пусть меня повесят, если я догадаюсь! — отвечает Ивернес.

— Совсем не тем, что я попаду на закуску туземцам!.. Нет! Обиднее всего было знать, что тебя сожрет дикарь во фраке, в синем фраке с золотыми пуговицами... с зонтиком под мышкой... с безобразным британским зонтиком!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Смена владельцев

Отплытие Стандарт-Айленда назначено на 2 февраля. Накануне, закончив свои экскурсии, все туристы вернулись в Миллиард-Сити. История с Пэншина наделала много шуму. Концертный квартет вызывает у

всех такую симпатию, что все население «жемчужины Тихого океана» собиралось броситься на выручку Пэншина. Совет именитых граждан полностью одобрил энергичные действия Сайреса Бикерстафа. Газеты расточали ему хвалы. И Пэншина нежданно-негаданно стал героем дня. Подумать только, — альт, едва не закончивший своей артистической карьеры в желудке фиджийского вождя!.. Теперь он охотно соглашается с тем, что туземцы Вити-Леву не совсем отреклись от своих людоедских вкусов. Ведь, по их мнению, человечина — блюдо превкусное, а проклятый Пэншина на вид очень аппетитен!

На заре Стандарт-Айленд трогается с места и берет курс на Новые Гебриды. Делая такой крюк, он отклоняется от своего обычного пути на десять градусов, то есть на двести миль к западу. Но это неизбежно, поскольку предполагается высадить на Новых Гебридах капитана Сароля и его товарищей. Впрочем, жалеть об этом не приходится. Все рады помочь молодцам, проявившим такую храбрость во время облавы на зверей. И как они счастливы, что, наконец, попадут к себе на родину после столь продолжительного отсутствия! Для миллиардцев же это будет предлогом посетить острова, которых они еще не знают.

Стандарт-Айленд нарочно плывет очень медленно в расчете на то, чтобы именно здесь, между Фиджи и Новыми Гебридами, на 170°35′ восточной долготы и 19°13′ южной широты, встретить пароход из Марселя, зафрахтованный Танкердоном и Коверли.

Разумеется, сейчас все только и заняты предстоящей свадьбой Уолтера и мисс Ди. Да и можно ли думать о чем-нибудь другом? У Калистуса Мэнбара нет ни одной свободной минуты. Он подготовляет и обдумывает различные подробности такого празднества, какого еще не бывало на пловучем острове. Никто не удивится, если от подобной работы он похудеет.

В среднем Стандарт-Айленд проходит не более двадцати — двадцати пяти километров в сутки. В пути он еще раз приближается к Вити-Леву, чудесные берега которого окаймлены роскошными темнозелеными лесами. Три дня уходит на плавание по спокойным водам

от острова Ванара до Круглого острова. Пролив, носящий на картах название этого последнего, открывает «жемчужине Тихого океана» широкий проход, куда она и проникает без малейших затруднений. Множество потревоженных китов в испуге налетают на стальной корпус Стандарт-Айленда, содрогающийся от этих ударов. Но беспокоиться нечего: стальные стенки отсеков прочны и аварии можно не опасаться.

Наконец, 6-го в середине дня за горизонтом скрываются последние высоты Фиджи. В этот миг пловучий остров покидает полинезийскую и входит в меланезийскую область Тихого океана.

В течение последующих трех дней Стандарт-Айленд, достигнув девятнадцатого градуса южной широты, продолжает плыть на запад. 10 февраля он уже в тех местах, где к нему должен подойти пароход из Европы. Место встречи обозначено на картах, вывешенных в Миллиард-Сити, и известно всем его жителям. Наблюдатели обсерватории бдительно следят за горизонтом. Его обшаривают сотни подзорных труб и биноклей, и как только корабль будет замечен... Весь город в ожидании... Это совсем как пролог пьесы, в развязке которой, к великому удовольствию публики, состоится свадьба мисс Ди Коверли с Уолтером Танкердоном!

Теперь Стандарт-Айленду надо только удерживаться на месте, наперекор течениям этих морей, зажатых между архипелагами. Коммодор Симкоо отдает соответствующие распоряжения, и его офицеры следят за их выполнением.

— Ситуация и в самом деле очень занятна, — заявил в тот день Ивернес.

Это было во время двух часов far niente, которые он и его товарищи разрешают себе после полуденного завтрака.

— Да, — отвечает Фрасколен, — и нам не придется пожалеть о плаванье на борту Стандарт-Айленда... что бы ни думал на этот счет наш друг Цорн...

— С его вечным пиликаньем... в минорном тоне! — добавляет Пэншина.

— Да... особенно когда плаванье это, наконец, окончится, — отвечает виолончелист, — и мы положим

в карман последнюю четверть своего гонорара, который честно заработали...

— Да, — говорит Ивернес, — со дня отъезда Компания выплатила нам уже три четверти, и я очень одобряю нашего драгоценного казначея Фрасколена за то, что эту круглую сумму он отослал в Нью-Йоркский банк.

Действительно, драгоценный казначей счел благоразумным поместить эти деньги через посредство банкиров Миллиард-Сити в одну из наиболее солидных касс Союза. Не то, чтобы он чего-либо опасался, а просто касса, постоянно пребывающая на одном месте, как-то надежнее кассы, плавающей над обычными для Тихого океана глубинами в пять-шесть тысяч метров.

Именно во время этой беседы, среди благоухания вьющихся дымков от сигар и трубок, Ивернесу пришло в голову следующее соображение:

— Свадебные празднества, друзья мои, будут, по всей видимости, великолепны. Известно, что наш директор не щадит ни своего воображения, ни трудов. Хлынет долларовый дождь, и я не сомневаюсь, что из фонтанов Миллиард-Сити потекут самые лучшие вина. Но знаете, чего на этой церемонии будет не хватать?

— Золотого водопада, стекающего с бриллиантовых скал! — восклицает Пэншина.

— Нет, — отвечает Ивернес, — кантаты...

— Кантаты?.. — переспрашивает Фрасколен.

— Конечно, — говорит Ивернес. — Музыка будет, мы исполним самые подходящие к случаю номера своего репертуара... но если не будет кантаты, свадебной песни, эпиталамы в честь новобрачных...

— Почему же нет, Ивернес? — говорит Фрасколен. — Если ты возьмешь на себя труд рифмовать «пламень» и «камень», «любовь» и «вновь» на концах двенадцати строчек разной длины, то Себастьен Цорн, который уже проявил себя в качестве композитора, охотно положит твои стихи на музыку.

— Прекрасная идея! — восклицает Пэншина. — Тебе это подходит, старый брюзга?.. Что-нибудь этакое очень свадебное, с большим количеством

spiccato, allegro, molto agitato[1] и исступленной кодой... по пять долларов за ноту...

— Нет... на этот раз... даром... — отвечает Фрасколен. — Это будет лепта Концертного квартета богатеям Стандарт-Айленда.

Вопрос решен, и виолончелист заявляет, что он готов молить о вдохновении бога музыки, если божество поэзии прольет вдохновение в сердце Ивернеса.

Это благородное сотрудничество и должно породить кантату кантат в подражание библейской «Песне песней» и в честь брачного союза между Танкердонами и Коверли.

После полудня, 10 февраля, распространился слух, что на горизонте показался большой пароход, идущий с северо-востока. Национальной принадлежности его распознать пока нельзя, так как он находится на расстоянии десяти миль, а на море начинают как раз спускаться сумерки.

Похоже на то, что пароход набирает скорость, и уже можно с уверенностью сказать, что он направляется к Стандарт-Айленду. Вероятно, он причалит только завтра на заре.

Новость производит неописуемое впечатление. Особенно возбуждают воображение женщин мысли о чудесных произведениях ювелиров, портных, модисток и художников, которые везет этот корабль, ставший огромной свадебной корзиной... в пятьсот — шестьсот лошадиных сил.

Ошибки быть не может. Корабль действительно направляется к Стандарт-Айленду. И наутро, обогнув мол Штирборт-Харбора, он выкинул флаг «Стандарт-Айленд компани».

И вдруг — вторая новость, сообщенная по телефону в Миллиард-Сити: флаг парохода приспущен.

Что случилось?.. Какое-нибудь несчастье... кто-нибудь умер в пути?.. Это послужило бы дурным предзнаменованием для свадьбы, которая должна упрочить будущее Стандарт-Айленда.

Но это еще не все: судно, о котором идет речь, не

[1] Музыкальные термины, означающие: отрывисто, весело, очень взволнованно.

то, которое ожидали, и прибыло оно не из Европы, а от берегов Америки, из бухты Магдалены. Впрочем, пароход со свадебными подарками еще не запаздывает. Ведь свадьба назначена на 27-е, а сейчас только 11 февраля, — он еще успеет прийти.

Но что же означает появление этого корабля?.. Какие новости он привез?.. Почему флаг приспущен? Зачем Компания направила корабль в район Новых Гебрид навстречу Стандарт-Айленду?

Может быть, он привез миллиардцам какое-то срочное сообщение исключительной важности?..

Так оно и есть. Скоро все выяснится.

Едва пароход успел причалить к пристани, как с него сходит пассажир.

Это один из главных агентов Компании. Он отказывается отвечать на нетерпеливые расспросы множества любопытных, собравшихся на дамбе Штирборт-Харбора.

Электрический поезд вот-вот отойдет, и, не теряя времени, агент вскакивает в один из вагонов.

Через десять минут агент прибывает в мэрию, просит аудиенции у губернатора «по неотложному делу» и сразу же получает ее.

Сайрес Бикерстаф принимает его в своем кабинете, за плотно запертой дверью.

Не проходит и четверти часа, как все тридцать членов совета именитых граждан извещены по телефону о необходимости срочно прибыть на заседание.

Между тем у людей, и в портах и в городе, тревога, сменившая любопытство, разыгралась не на шутку и достигла крайних пределов.

Без двадцати восемь под председательством губернатора, при котором находятся оба его помощника, собирается совет, и агент делает следующее сообщение:

— Двадцать третьего января «Стандарт-Айленд компани лимитед» потерпела финансовый крах, и мистер Уильям Т. Померинг облечен всеми полномочиями для ликвидации ее дел в целях соблюдения интересов означенной Компании.

Прибывший агент и есть мистер Уильям Т. Померинг, на которого возложены все эти функции.

Новость быстро распространяется, но, по правде сказать, она не производит того впечатления, какое произвела бы в Европе. Подумаешь! Ведь Стандарт-Айленд — по выражению Пэншина — это кусок от одного из листов партитуры Американских Соединенных Штатов! Финансовый крах не такая вещь, которая может удивить американцев и тем более застать их врасплох... Ведь это одна из естественных фаз деловой жизни... Случай вполне допустимый, с которым все мирятся. И миллиардцы смотрят на дело со свойственным им хладнокровием. Так, значит, Компания лопнула... Ну что ж, это бывает и с самыми солидными фирмами. Пассив значителен?.. Весьма значителен, как видно из баланса, предъявленного агентом по ликвидации: пятьсот миллионов долларов... или два миллиарда пятьсот миллионов франков... А что привело к краху?.. Спекуляция, — безрассудная, пожалуй, раз она так плохо кончилась, а ведь она могла и удаться... Громадное дело... постройка нового города в штате Арканзас... Но внезапно произошло геологическое смещение, которое невозможно было предусмотреть... В конце концов Компания здесь ни при чем, и если почва уходит из-под ног, то следует ли удивляться, что акционеры проваливаются вместе с ней?.. Уж на что Европа кажется прочной, а и с ней может когда-нибудь приключиться такое... Но со Стандарт-Айлендом ничего подобного произойти не может, — и разве это не победоносное свидетельство его преимуществ над материками и островами, прикованными к земной поверхности?

Самое главное — действовать. Актив Компании состоит hic et nunc[1] из стоимости пловучего острова, его остова, заводов, особняков, зданий, плантаций, флотилии, — словом, из всего, что, вместе взятое, составляет самоходную конструкцию инженера Уильяма Терсена, и, кроме того, из учреждений, находящихся в бухте Магдалены. А что, если образуется новое общество, которое откупит его, так сказать, оптом, в ре-

[1] Hic et nunc *(лат.)* — «здесь и в настоящее время»; правовая формулировка, обозначающая фактическое на данный момент положение вещей.

зультате полюбовного соглашения или с аукциона?.. Да... так и будет сделано, и все полученное от этой продажи пойдет на ликвидацию долгов Компании. Но вызывает ли создание нового Общества необходимость прибегнуть к помощи чужих капиталов?.. Разве миллиардцы недостаточно богаты, чтобы приобрести Стандарт-Айленд на свои собственные средства?.. Не лучше ли из простых жильцов превратиться во владельцев «жемчужины Тихого океана»?.. Неужели они станут управлять своим имуществом хуже, чем Компания, только что потерпевшая крах?

Сколько миллиардов имеется в бумажниках членов совета, всем хорошо известно. Сходятся на том, что надо купить Стандарт-Айленд и притом незамедлительно. Имеет ли агент по ликвидации соответствующие полномочия?.. О да, имеет. Впрочем, если уж Компания и надеется немедля найти где-нибудь суммы, нужные ей для своей ликвидации, так именно в карманах именитых особ Миллиард-Сити, многие из которых уже состоят в числе самых богатых акционеров. Теперь, когда соперничество между двумя главными семьями и двумя частями города прекратилось, все пойдет как по маслу. В Соединенных Штатах сделки заключаются быстро. Средства для покупки собираются тут же, на месте. По мнению совета именитых граждан, незачем прибегать к подписке. Джем Танкердон, Нэт Коверли и еще кое-кто, сложившись, предлагают четыреста миллионов долларов. Впрочем, торговаться насчет цены не приходится... Хочешь — бери, не хочешь — не надо... и агент по ликвидации берет.

Совет собрался в зале мэрии в восемь тринадцать. В девять сорок семь заседание закончилось, и Стандарт-Айленд перешел в руки двух «сверхбогачей» Миллиард-Сити и их присных под фамилией «Джем Танкердон, Нэт Коверли и К°».

Подобно тому как сообщение о крахе Компании, можно сказать, ничуть не смутило население пловучего острова, точно так же не произвело особого впечатления известие о приобретении Стандарт-Айленда главнейшими из именитых граждан. Все находят, что это

в порядке вещей, и если бы пришлось собрать еще более значительную сумму, за деньгами дело не стало бы. Миллиардцы вполне довольны тем, что теперь, наконец, они «дома» и что во всяком случае они не зависят ни от какой посторонней компании.

В тот же день в парке устраивается общее собрание; по этому вопросу вносится предложение, встреченное многократными криками «ура!» и «гип-гип!». Тут же называют делегатов, и к Танкердону и Коверли направляется депутация.

Она принята вполне милостиво и получает обещание, что в правилах, порядках и обычаях Стандарт-Айленда не последует никаких изменений. Администрация будет та же! Все служащие останутся на своих местах, все рабочие на своей работе.

Да и могло ли быть иначе?

Следовательно, в ведении коммодора Этеля Симкоо остаются все навигационные функции, то есть верховное руководство перемещением Стандарт-Айленда, согласно маршрутам, установленным советом именитых граждан. Не произойдет никаких перемен и в командовании милицией, которое остается за полковником Стьюартом; в обслуживании обсерватории тоже не предполагается никаких изменений. Королю Малекарлии не угрожает потеря должности астронома. Ни в обоих портах, ни на энергетических установках, ни в управлении городским хозяйством никого не сместят с занимаемой им должности. Даже Атаназ Доремюс, несмотря на всю свою бесполезность, не получает расчета, хотя у г-на учителя грации и хороших манер попрежнему нет учеников.

Само собой разумеется, что ничто не изменяется и в договоре, заключенном с Концертным квартетом, который до конца плавания будет получать неслыханное вознаграждение, назначенное ему при найме.

— Эти люди просто необыкновенны! — говорит Фрасколен, узнав, что дело улажено ко всеобщему удовольствию.

— Все потому, что миллиард у них — разменная монета! — отвечает Пэншина.

— Может быть, нам следовало бы воспользоваться

переменой владельцев, чтобы отказаться от договора... — предлагает Себастьен Цорн, который упорно сохраняет свое предубеждение против Стандарт-Айленда.

— Отказаться! — восклицает «Его высочество». — А ну-ка, попробуй только!

И сжав левую руку так, точно в кулаке у него гриф инструмента, он угрожает нанести виолончелисту добрый удар со скоростью не меньше восьми метров пятидесяти сантиметров в секунду.

Однако в положении губернатора все же последуют известные изменения. Сайрес Бикерстаф, как прямой представитель «Стандарт-Айленд компани», считает необходимым отказаться от своего поста. При настоящем положении вещей это решение представляется, в общем, довольно логичным. Поэтому отставка его принята, но с соблюдением самых почетных для губернатора условий. Что касается двух его помощников, Бартелеми Рэджа и Хабли Харкура, которые, будучи крупными акционерами Компании, почти разорены ее банкротством, то они намерены покинуть п овучий остров с одним из ближайших пароходов.

Все же Сайрес Бикерстаф соглашается остаться во главе муниципального управления до конца плавания.

Так свершилась без шума, без споров, без волнений, без борьбы важнейшая операция — переход Стандарт-Айленда из одних рук в другие. Все было проделано так разумно и так быстро, что агент по ликвидации в тот же день снова сел на пароход, забрав с собою подписи главных покупателей и гарантию совета именитых граждан.

Что касается необычайно важной личности, именуемой «Калистус Мэнбар, директор управления искусств и развлечений», то он попросту утвержден в своих прежних функциях, с тем же жалованьем и привилегиями. Да, по правде сказать, можно ли найти заместителя такому незаменимому человеку?

— Ну, — говорит Фрасколен, — все идет к лучшему, будущее Стандарт-Айленда обеспечено, ему ничего больше не грозит.

— Поживем — увидим, — бормочет упрямый виолончелист.

Вот при каких новых обстоятельствах совершится бракосочетание Уолтера Танкердона с мисс Ди Коверли. Обе семьи будут соединены денежными интересами, которые в Америке, как, впрочем, повсюду, образуют самые прочные социальные связи. Теперь граждане Стандарт-Айленда обретут полную уверенность в своем благополучии! С той минуты, как остров перешел во владение виднейших граждан Миллиард-Сити, он как бы обрел еще большую независимость, стал в еще большей мере хозяином своей судьбы! Если раньше некий причальный канат привязывал его к бухте Магдалены в Соединенных Штатах, то теперь этот канат разорван!

И вот начинаются сплошные празднества!

Нужно ли еще говорить о радости жениха и невесты, пытаться выразить невыразимое? Как рассказать о том сиянии счастья, которое их окружает? Они не расстаются друг с другом. То, что представлялось во всех отношениях подходящим браком и для Уолтера Танкердона и для мисс Ди Коверли, в действительности оказалось браком по любви. Оба испытывали друг к другу чувство — да не усомнится в этом никто, — в котором расчет не играет ни малейшей роли. И у молодого человека и у девушки — все те качества, которые должны обеспечить им блаженнейшее существование. Уолтер — золотая душа, и, поверьте, что душа мисс Ди сделана из того же металла, — разумеется, в метафорическом смысле, а не в материальном, что при их миллионах было бы тоже вполне уместно. Они созданы друг для друга, и никогда еще это избитое выражение не было так кстати. Они считают дни, они считают часы, отделяющие их от вожделенной даты — 27 февраля. Они жалеют лишь об одном, — что Стандарт-Айленд не направляется к сто восьмидесятому градусу долготы, ибо если бы он шел теперь с запада, то в календаре пришлось бы зачеркнуть одни сутки. Счастье молодоженов стало бы на один день ближе. Но нет! Церемония совершится только у Новых Гебрид, и с этим надо примириться.

Заметим, кстати, что корабль, груженный всеми чудесами Европы, «корабль — свадебная корзина», еще

не пришел. Правда, жених и невеста охотно обошлись бы безо всех этих великолепных вещей: зачем им такая почти царская роскошь? Они одаряют друг друга любовью, и чего им больше желать?

Но семьи, друзья, все население Стандарт-Айленда хотят, чтобы свадебная церемония была обставлена с наивозможной пышностью. Поэтому бинокли упорно вперяются в восточный горизонт. Джем Танкердон и Нэт Коверли даже обещали большое вознаграждение тому, кто первым увидит этот пароход, гребной винт которого, по мненнию нетерпеливой публики, вращается недостаточно быстро.

Тем временем разрабатывается со всей тщательностью программа празднества. В ней предусмотрены игры, приемы, двойная религиозная церемония — в протестантском храме и в католическом соборе, званый вечер в мэрии, фестиваль в парке. Калистус Мэнбар хозяйским глазом наблюдает за всем, он старается изо всех сил, он не щадит себя, можно сказать — он просто губит свое здоровье. Но что поделаешь! Его увлекает темперамент, и остановить его теперь так же трудно, как поезд, мчащийся на всех парах.

Готова и предназначенная для этого события кантата. Ивернес в качестве поэта и Себастьен Цорн в качестве композитора показали себя достойными друг друга. Ее исполнит специально основанная хоровая капелла. Впечатление будет тем сильнее, что кантата грянет вечером, в сквере обсерватории, ярко освещенном электричеством. Затем молодожены предстанут перед чиновником, ведающим регистрацией браков, а религиозный обряд будет совершен в полночь среди волшебных огней, которые заблистают над Миллиард-Сити.

Наконец ожидаемый корабль появился на горизонте. Один из наблюдателей Штирборт-Харбора по праву получает в награду солидное количество долларов.

Девятнадцатого февраля в девять утра пароход подходит к молу, и тотчас же начинается разгрузка.

Не стоит подробно перечислять все предметы, драгоценности, платья, модные вещи, произведения

искусства, словом, все то, из чего состоит свадебный груз. Достаточно сказать, что выставка всего этого, устроенная в просторных гостиных особняка Коверли, имеет неслыханный успех. Все население Миллиард-Сити изъявило желание продефилировать перед такими чудесными вещами. Понятно, что только люди, обладающие несметными богатствами, могут, не посчитавшись с затратами, приобрести все это великолепие. Но надо еще принять во внимание проявленный здесь тонкий вкус, художественное чутье, сказавшееся при выборе вещей, и они-то заслуживают всяческого восхищения. Впрочем, иностранки, которые пожелали бы ознакомиться с описью означенных предметов, могут посмотреть номера «Стандарт-кроникл» и «Нью-геральд» от 21 и 22 февраля. Если этого им покажется мало — пусть вспомнят, что полного счастья на свете не бывает.

— Черт побери! — только и произносит Ивернес, выходя со своими тремя друзьями из гостиной особняка на Пятнадцатой авеню.

— Тут, пожалуй, ничего другого и не скажешь, кроме «черт побери»! — заявляет Пэншина. — Хочется жениться на мисс Ди и без приданого... ради нее самой!..

Что касается жениха и невесты, то, по правде сказать, они весьма рассеянно оглядели весь этот склад шедевров искусства и моды.

Между тем после прибытия парохода Стандарт-Айленд снова взял курс на запад к Новым Гебридам. Если до 27-го он окажется в виду какого-либо из островов этого архипелага, капитан Сароль и его спутники сойдут на берег, а пловучий остров пустится восвояси.

Плавание в этой области Тихого океана чрезвычайно облегчается благодаря тому, что она очень хорошо известна капитану-малайцу. По просьбе коммодора Симкоо, который обратился к помощи капитана, тот все время находится на башне обсерватории. Как только на горизонте появятся первые высоты, можно будет сразу подойти к Эроманга, одному из самых восточных островов группы, и таким образом избежать

подводных камней и мелей, которыми изобилуют Новые Гебриды.

Случайно ли, или желая присутствовать на свадебных празднествах, но капитан Сароль маневрировал с такой нарочитой медленностью, что первые острова показались только утром 27 февраля — как раз в день, на который намечена была брачная церемония.

Впрочем, это несущественно. Брак Уолтера Танкердона с мисс Ди Коверли не будет менее счастливым от того, что свадьбу отпразднуют в виду Новых Гебрид, и если это доставит славным малайцам такое большое удовольствие — чего они и не скрывают, — пусть себе принимают участие в празднествах на Стандарт-Айленде.

Повстречав сперва несколько островков и миновав их, согласно точнейшим указаниям капитана Сароля, пловучий остров направляется к Эроманга, оставляя к югу высоты острова Танна.

Себастьен Цорн, Фрасколен, Ивернес и Пэншина сейчас совсем неподалеку, всего в каких-нибудь трехстах милях, от французских владений западной части Тихого океана; здесь, у антиподов Франции, находятся острова Лоялти и Новой Каледонии, служащие местом ссылки.

Эроманга, заросший в глубине густыми лесами, покрыт множеством холмов, у подножия которых расстилаются широкие плато, вполне пригодные для земледелия. Коммодор Симкоо останавливается в одной миле от бухты Кука, на восточном берегу острова. Подходить ближе было бы неосторожно, ибо коралловые рифы, только-только не выступающие на поверхность моря, простираются на расстоянии полумили от берега. К тому же губернатор Сайрес Бикерстаф не намерен ни задерживаться у острова, ни устраивать стоянки где-либо в архипелаге. После празднества малайцы будут высажены, и Стандарт-Айленд пойдет к экватору и дальше в бухту Магдалены.

В час пополудни Стандарт-Айленд останавливается.

По распоряжению властей все освобождаются от работы, служащие и рабочие, моряки и солдаты, за

исключением таможенной охраны на береговых постах, которая никогда не должна отвлекаться от своего дела.

Нечего и говорить, что погода прекрасная, веет свежий морской ветерок. По ходячему выражению, «и само солнце принимает участие в празднестве».

— И это гордое светило, повидимому, тоже служит богатым рантье! — восклицает Пэншина. — Если они прикажут ему, как Иисус Навин в библейской легенде, не заходить, оно послушается!.. О, могущество золота!

Не стоит перечислять все номера потрясающей программы, составленной г-ном управляющим развлечениями в Миллиард-Сити. С трех часов дня все жители города, окрестностей и портов стекаются в парк к берегам Серпентайн-ривер. Именитые граждане благодушно смешиваются с простыми людьми. Все увлечены играми, чему, возможно, способствует стремление получить объявленные призы. Начинаются танцы под открытым небом. Самый блестящий бал дается в одном из больших залов казино, где молодые люди, молодые женщины и девушки соревнуются в изяществе и веселости. Ивернес и Пэншина принимают участие в танцах и никому не уступают первенства, если надо танцевать с какой-нибудь хорошенькой миллиардкой. Никогда «Его высочество» не был так любезен, так остроумен, никогда еще не имел такого успеха, поэтому нечего удивляться, что на восклицание своей дамы после бурного вальса: «Ах, сударь, я вся мокрая!», он осмелился ответить: «Это воды Вальса, мисс, это воды Вальса!» [1]

Фрасколен, подслушавший этот разговор, краснеет до ушей, а Ивернес, до которого он тоже дошел, призывает все громы небесные на голову нечестивца.

Добавим, что семейства Танкердонов и Коверли присутствуют в полном составе, и прелестные сестры невесты, повидимому, искренне радуются ее счастью. Мисс Ди прогуливается под руку с Уолтером, что отнюдь не является нарушением приличий, поскольку в Америке так принято. Все приветствуют милую

[1] Вальс — курорт с минеральными водами в департаменте Ардеш (Франция).

парочку, подносят цветы и говорят любезности, которые жених с невестой весьма приветливо принимают.

Часы идут, и подаваемые в изобилии яства только подогревают хорошее настроение у публики.

С наступлением вечера парк засиял электрическими лучами, которые ослепительными потоками изливают алюминиевые луны. Солнце правильно поступило, скрывшись за горизонтом! Оно почувствовало бы себя униженным перед этим искусственным освещением, превращающим ночь в день.

Между девятью и десятью часами исполняется кантата. Успех необыкновенный, но ни поэту, ни музыканту не пристало им хвастаться. Даже виолончелист в этот миг, может быть, почувствовал, что его предубеждение против «жемчужины Тихого океана» исчезает...

Бьет одиннадцать часов, и к мэрии направляется торжественное шествие. Уолтер Танкердон и мисс Ди выступают, окруженные каждый своей семьей. Все население провожает их по Первой авеню.

Губернатор Сайрес Бикерстаф ждет их в парадной гостиной мэрии. Самая прекрасная из свадеб, которые ему приходилось справлять за все время его административной деятельности, вот-вот будет завершена.

Внезапно из дальнего квартала левобортной части доносятся громкие крики.

Шествие останавливается на полпути.

Почти одновременно раздаются отдаленные выстрелы, а крики все усиливаются и усиливаются.

Еще мгновение, и несколько таможенников — среди них есть раненые — выбегают из сквера перед мэрией.

Тревога достигла предела. Толпу охватывает панический ужас, порождаемый неизвестной опасностью...

У подъезда мэрии появляется Сайрес Бикерстаф, за которым следуют коммодор Симкоо, полковник Стьюарт и присоединившиеся к ним именитые граждане.

В ответ на град вопросов таможенники объявляют, что на Стандарт-Айленд вторглась банда новогебридцев — три-четыре тысячи человек — и что предводительствует ими капитан Сароль.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Нападение и оборона

Так началось ужасное дело, затеянное капитаном Саролем с помощью малайцев, спасенных вместе с ним, новогебридцев, взятых на борт Стандарт-Айленда с островов Самоа, туземцев Эроманга и соседних островков. Каков будет исход? Это невозможно предвидеть, принимая во внимание условия, при которых произошло столь внезапное и грозное нападение.

Ново-Гебридский архипелаг состоит по крайней мере из ста пятидесяти островов, которые, находясь под протекторатом Англии, географически представляют собой часть Австралии. Однако здесь, как и на Соломоновых островах, расположенных к северо-западу в тех же широтах, вопрос о протекторате является яблоком раздора между Францией и Соединенным королевством. К тому же и Соединенным Штатам совершенно не нравится возникновение европейских колоний в океане, которым они хотели бы распоряжаться безраздельно. А Великобритания, поднимая свой флаг на различных архипелагах, пытается создать себе здесь базы снабжения, которые понадобятся ей, в случае если австралийские колонии ускользнут из-под власти Форин Оффис.

Население Новых Гебрид состоит из негроидов и малайцев канакского происхождения. Но в характере этих туземцев, их темпераменте, склонностях имеются существенные различия в зависимости от того, обитают ли они в северной или южной части архипелага, что позволяет разделить его на две группы островов.

В северной группе, на острове Эспириту-Санто, в бухте святого Филиппа, жители принадлежат к более благородному типу, цвет лица у них не такой темный, волосы не так сильно курчавятся. Они коренасты, сильны, но уступчивы, миролюбивы и никогда не нападали на европейские фактории или корабли. То же самое относится к острову Эфате, или Сандвич, где имеется несколько процветающих поселений, например, Порт-Вила, столица архипелага, носящая также

название Франсвиль. Французские колонисты используют там плодородие замечательной почвы, пышные пастбища, поля, подходящие для земледелия, удобные для посадки кофейных деревьев, бананов, кокосовых пальм, а также с успехом выступают в качестве «копрамекеров»[1]. Здесь нравы туземцев с приходом европейцев изменились коренным образом. Поднялся их нравственный и умственный уровень. Благодаря заботам миссионеров случаи людоедства, когда-то очень распространенного, не повторяются вновь. К сожалению, канакская раса начинает вымирать и, очевидно, скоро окончательно исчезнет, что будет весьма печально для северной группы островов, где жители так изменились от соприкосновения с европейской цивилизацией.

Совсем иначе обстоит дело на южных островах архипелага. И капитан Сароль, замыслив преступный заговор против Стандарт-Айленда, не без основания искал помощи у населения южной группы. На этих островах, на острове Танна и особенно на Эроманга туземцы остались настоящими папуасами и находятся на самой низкой ступени развития. Именно на Эроманга некий бывший торговец сандаловым деревом сказал доктору Гойену: «Если бы этот остров мог говорить, он рассказал бы такое, что волосы на голове стали бы дыбом».

И в самом деле, у этих южных канаков, происходящих от наименее развитых племен, почти нет полинезийской крови, облагородившей население северных островов. На Эроманга англиканским миссионерам, из которых пятеро, начиная с 1839 года, были убиты, удалось обратить в христианство лишь половину населения, состоящего из двух тысяч пятисот человек. Другая так и осталась преданной язычеству. Впрочем, и христиане и язычники в равной степени относятся к тем свирепым дикарям, которые вполне оправдывают свою печальную репутацию, хотя они и ниже ростом и сла-

---

[1] Торговцев копрой, то есть мякотью кокосового ореха, высушенной на солнце или в печи и применяемой при изготовлении марсельского мыла. *(Прим. автора.)*

бее туземцев острова Эспириту-Санто или острова Сандвич. Поэтому туристы, посещающие острова южной группы, должны, конечно, учитывать, что они подвергаются здесь весьма серьезной опасности.

Приведем несколько примеров. Лет пятьдесят назад имели место пиратские нападения на бриг «Аврора», и Франции пришлось принять репрессивные меры. В 1869 году кастетом был убит миссионер Гордон. В 1875 году предательскому нападению подвергся английский корабль — члены его экипажа были перебиты, а затем съедены каннибалами. В 1894 году жертвой людоедов с архипелагов, находящихся по соседству с Луизиадой, на острове Россел, пали французский негоциант и его рабочие, капитан китайского корабля и его экипаж. Наконец английский крейсер «Роялист» вынужден был предпринять карательную экспедицию против дикарей, истребивших большое количество европейцев. Теперь-то, слыша все эти рассказы, Пэншина, только что вырванный из фиджийских зубов, уже не пожимает плечами.

Среди дикарей южных островов капитан Сароль и набрал себе сообщников. Он обещал отдать им на разграбление богатейшую «жемчужину Тихого океана», жителей которой он собирался истребить всех до единого. В числе дикарей, ожидавших его появления у Эроманга, были обитатели и соседних островов, отделенных друг от друга узкими морскими проливами, — главным образом, обитатели Танны, расположенного лишь в тридцати пяти милях к югу. Этот остров послал Саролю сильных бойцов, уроженцев округа Ванисси, свирепых поклонников бога Теаполо, которые ходят почти совершенно голыми. Прибыли также туземцы с Черного берега и Сангалли — из самых опасных районов.

Но из того, что северная группа относительно менее дикая, не следует делать вывода, будто она не вложила своей доли в дело капитана Сароля. К северу от острова Сандвич находится остров Эпи с восемнадцатью тысячами жителей. Там пленников съедают: туловище предоставляется юношам, руки и ноги людям зрелого возраста, а внутренности отдают собакам и свиньям. Есть и остров Паама, населенный свирепыми

племенами, ни в чем не уступающими туземцам Эпи, и остров Малекула с его канаками-людоедами. Наконец имеется остров Аврора, один из опаснейших, где белые вовсе не селятся: несколько лет назад здесь был перебит экипаж французского катера.

Со всех этих островов капитан Сароль тоже получил подкрепление.

Когда Стандарт-Айленд прибыл и оказался в нескольких кабельтовых от Эроманга, капитан Сароль дал сигнал, которого ожидали туземцы.

В течение нескольких минут по скалам, чуть видным из воды, три-четыре тысячи дикарей перебрались на пловучий остров.

Опасность очень велика, так как новогебридцы, напавшие на Миллиард-Сити, способны на всякое насилие, на любую жестокость. Им помогает внезапность нападения, и вооружены они не только длинными ассагаями — копьями с костяными наконечниками, наносящими опасные раны, не только стрелами, отравленными растительным ядом, но также ружьями Снайдерса, которые в ходу на всем архипелаге.

Как только начался этот приступ, так хорошо подготовленный Саролем, пришлось поставить на ноги солдат, моряков, служащих, всех здоровых и боеспособных мужчин Стандарт-Айленда.

Сайрес Бикерстаф, коммодор Симкоо, полковник Стьюарт сохранили полное хладнокровие. Король Малекарлии тоже предложил свои услуги, ибо, утратив с молодостью свою силу, он не утратил храбрости. Туземцы находятся еще довольно далеко, у Бакборт-Харбора, где начальник порта пытается организовать сопротивление. Но, без сомнения, нападающие скоро ринутся к городу.

Немедленно отдается приказ закрыть ворота в ограде Миллиард-Сити, где собралось на свадебное торжество почти все население. Следует ожидать, что поля и парк подвергнутся опустошению. Приходится опасаться, что оба порта и энергетические установки могут быть разгромлены и что батареи Волнореза и Кормы будут уничтожены, — но предотвратить этого нет возможности. Если противник обратит против города

пушки Стандарт-Айленда, это будет величайшим несчастьем, какое только может произойти, а ведь вполне вероятно, что малайцы умеют с ними обращаться.

Прежде всего по предложению короля Малекарлии в мэрию переводят большую часть женщин и детей.

Огромное здание муниципалитета погружено в глубокий мрак, как, впрочем, и весь остров: электрические установки перестали работать, так как механикам пришлось спасаться от нападающих.

Однако благодаря предусмотрительности коммодора Симкоо оружие, хранившееся в мэрии, роздано солдатам и морякам. В боеприпасах у них не будет недостатка. Оставив мисс Ди с миссис Танкердон и миссис Коверли, Уолтер присоединился к группе, в которой находятся Джем Танкердон, Нэт Коверли, Калистус Мэнбар, Пэншина, Ивернес, Фрасколен и Себастьен Цорн.

— Ну вот, я же говорил, что все это кончится таким образом!.. — бормочет виолончелист.

— Но ведь еще ничего не кончилось! — восклицает г-н директор. — Нет, не кончилось, и наш дорогой Стандарт-Айленд не попадет в руки шайки пиратов!

Хорошо сказано, Калистус Мэнбар! Вполне понятно, что ты пылаешь гневом, — ведь эти негодяи новогебридцы прервали столь замечательное празднество! Да, надо надеяться, что они получат отпор: они обладают численным превосходством и в то же время имеют все преимущества нападающей стороны.

Выстрелы попрежнему раздаются далеко в районе портов. Капитан Сароль начал с того, что остановил вращение винтов, чтобы Стандарт-Айленд не мог далеко отойти от острова Эроманга, где находится операционная база туземцев.

Губернатор, король Малекарлии, коммодор Симкоо, полковник Стьюарт, образовавшие комитет обороны, сперва предлагали сделать вылазку. Но тогда пришлось бы пожертвовать слишком большим количеством защитников, а сейчас каждый человек на счету. Ждать пощады от этих дикарей нельзя, — так же как нельзя было ждать ее от хищников, заполонивших Стандарт-Айленд две недели назад. Вдобавок, чтобы легче было

разграбить пловучий остров, туземцы могут попытаться посадить его на скалы Эроманга...

Через час нападающие находятся уже у решетки Миллиард-Сити. Они пробуют проломить ее, но она не поддается. Они пытаются перелезть через нее, но их отгоняют выстрелы защитников.

Поскольку не удалось застигнуть Миллиард-Сити врасплох, в ночном мраке оказывается не так-то просто прорвать линию обороны. Поэтому капитан Сароль отзывает туземцев на поля и в парк, где они будут дожидаться рассвета.

Между четырьмя и пятью утра горизонт на востоке начинает светлеть. Солдаты и моряки под начальством коммодора Симкоо и полковника Стьюарта разделились на две половины — одна остается в мэрии, другая сосредоточивается в сквере обсерватории, ибо можно предполагать, что капитан Сароль попытается в этом месте прорваться через ограду. А так как ни на какую помощь извне рассчитывать не приходится, надо любой ценой воспрепятствовать туземцам проникнуть в город.

Члены квартета присоединились к защитникам, которые идут за своими офицерами к самому концу Пятой авеню.

— Спастись от фиджийских каннибалов, — восклицает Пэншина, — и быть вынужденным защищаться от каннибалов новогебридских!..

— Ни черта, целиком-то они нас не слопают! — возражает Ивернес.

— О, я буду защищать себя до последнего кусочка! — вторит ему Фрасколен.

Себастьян Цорн молчит. Известно, что он думает обо всей этой истории, однако ничто не помешает ему выполнить свой долг.

Едва рассвело, как через решетку сквера начинается обмен выстрелами. Храбро отбиваются и защитники обсерватории. С обеих сторон уже есть жертвы. Из миллиардцев ранен в плечо Джем Танкердон, — рана легкая, и он не хочет покидать своего поста. Нэт Коверли и Уолтер сражаются в первых рядах, король Малекарлии, не обращая внимания на пули

снайдерсов, старается взять на мушку Саролю, который все время в первых рядах туземцев.

По правде говоря, нападающих чересчур много! Все бойцы, которые имелись на Эроманга, Танна и соседних островах, вторглись в Миллиард-Сити. Впрочем, коммодору Симкоо удалось подметить одно благоприятное обстоятельство: Стандарт-Айленд не стоит на месте возле Эроманга, но под воздействием слабого течения движется к северной группе островов; было бы еще лучше, если б его уносило в открытое море.

Но время идет, туземцы удваивают усилия, и защитникам, несмотря на героическое сопротивление, уже не удается сдерживать их. К десяти часам решетка сорвана. Коммодор Симкоо вынужден отступить перед воющей толпой, ворвавшейся в сквер, и отойти к мэрии, где придется обороняться, как в крепости.

Отступая, солдаты и моряки защищают каждую пядь. Может быть, теперь, прорвавшись за ограду, новогебридцы, увлеченные своими грабительскими инстинктами, рассеются по кварталам, что позволило бы миллиардцам получить хоть какое-нибудь преимущество...

Тщетная надежда! Капитан Сароль не позволяет туземцам бросаться в стороны. Продвигаясь по Первой авеню, они достигнут мэрии, и сопротивление осажденных будет окончательно сломлено. Когда капитан Сароль захватит мэрию, победа будет полная. Настанет час грабежа и убийств.

— Да... их слишком много! — повторяет Фрасколен, плечо которого задето ассагаем.

Стрелы сыплются дождем, пули тоже, отступление все продолжается.

К двум часам дня защитники отброшены к муниципальному скверу. С обеих сторон насчитывается до пятидесяти убитых, раненых вдвое или втрое больше. Здание муниципалитета пока еще не захвачено туземцами, защитники успели забаррикадироваться, отправив женщин и детей во внутренние помещения, где они будут в безопасности от стрел и пуль. Затем Сайрес Бикерстаф, король Малекарлии, коммодор Симкоо, полковник Стьюарт, Джем Танкердон,

Нэт Коверли, их друзья, солдаты и моряки становятся у окон и с новой силой открывают огонь.

— Здесь надо держаться до конца, — говорит губернатор. — Это наш последний шанс... Теперь нас может спасти только чудо!

Капитан Сароль отдает приказ идти на приступ, считая, что успех обеспечен, хотя задача предстоит нелегкая. Действительно, двери очень прочны и без помощи артиллерии пробить их трудно. Туземцы бросаются на них с топорами, но огонь из окон не прекращается и наносит нападающим большие потери. Это не останавливает их предводителя. Если бы он был убит, может быть, его смерть изменила бы положение...

Проходит два часа. Мэрия продолжает сопротивляться. Ружейный огонь опустошает ряды осаждающих, но на месте убитых появляются все новые и новые. Тщетно самые умелые стрелки — Джем Танкердон и полковник Стьюарт — стараются попасть в капитана Сароля. Вокруг него падают люди, а он как будто неуязвим.

И не его настигает пуля снайдерса в разгар ожесточенной перестрелки, а Сайреса Бикерстафа. Сраженный выстрелом в самое сердце, он упал, успев произнести лишь несколько невнятных слов. Его отнесли в заднюю гостиную, где он вскоре испустил последний вздох. Так умер тот, кто был первым губернатором Стандарт-Айленда, умелым администратором, человеком большого и благородного сердца.

Приступ продолжается с удвоенной яростью. Под ударами топоров двери вот-вот поддадутся. Как предотвратить захват этого последнего оплота? Как спасти от ужасного избиения женщин, детей и всех остальных, укрывшихся там?

Король Малекарлии, Этель Симкоо, полковник Стьюарт советуются, не имеет ли смысла бежать через задние выходы. Но где искать прибежища?.. На батарее Кормы? Удастся ли до нее добраться?.. В одном из портов?... Но ведь их захватили туземцы... А раненые, которых уж много, как оставить их?

В этот момент происходит счастливый случай, который может изменить положение.

Король Малекарлии вышел на балкон, не обращая внимания на пули и стрелы, которые дождем падают вокруг. Он вскидывает ружье и целится в капитана Сароля как раз в то мгновение, когда одна из дверей начинает поддаваться...

Капитан Сароль падает, убитый наповал.

Малайцы внезапно останавливаются, затем пятятся назад, унося с собою труп предводителя, и вся масса туземцев откатывается к решетке сквера.

Почти в то же самое время на другом конце Первой авеню раздаются громкие крики, и стрельба возобновляется там с удвоенной силой.

Что же случилось?.. Может быть, пиратов одолели защитники портов и батарей?.. Может быть, они устремились к городу и пытаются, несмотря на свою малочисленность, атаковать туземцев с тыла?..

— Кажется, стрельба у обсерватории усилилась!.. — замечает полковник Стьюарт.

— Эти негодяи получили какое-то подкрепление!.. — говорит коммодор Симкоо.

— Не думаю, — высказывает свое мнение король Малекарлии. — Кто же это стреляет?

— Да, там что-то новое! — восклицает Пэншина. — И притом новое в нашу пользу!..

— Смотрите, смотрите! — подхватывает Калистус Мэнбар. — Они начинают удирать...

— Ну, друзья мои, — восклицает король Малекарлии, — выгоним-ка этих негодяев из города... Вперед!..

Офицеры, солдаты, моряки спускаются в первый этаж и выбегают из парадных дверей...

Толпа дикарей уже очистила сквер, и они убегают, одни вдоль Первой авеню, другие по соседним улицам.

В чем же истинная причина столь быстрого и неожиданного поворота событий?.. Приписать ли ее гибели капитана Сароля?.. Потере ли руководства, происшедшей из-за его гибели?.. Неужели нападающие, имевшие такое количественное превосходство, могли настолько растеряться после смерти своего главаря, как раз в тот момент, когда, казалось, они уже захватили мэрию?

Почти двести моряков и солдат, возглавляемых коммодором Симкоо и полковником Стьюартом, а также Джем и Уолтер Танкердоны, Нэт Коверли, Фрасколен и его товарищи ведут наступление по Первой авеню, преследуя беглецов, которые даже не оборачиваются, чтобы выпустить последнюю стрелу, последнюю пулю, и бросают свои снайдерсы, луки, ассагаи.

— Вперед!.. Вперед!.. — громовым голосом кричит коммодор Симкоо.

На подступах к обсерватории выстрелы учащаются... Ясно, что там дерутся с ужасающим ожесточением.

Неужели Стандарт-Айленд получил помощь?.. Но какую?.. И откуда она могла прийти?..

Как бы там ни было, но нападавшие, охваченные необъяснимой паникой, повсюду обратились в бегство. Может быть, их атаковали подкрепления из Бакборт-Харбора?..

Да... около тысячи новогебридцев с острова Сандвич проникли на Стандарт-Айленд вместе с французскими колонистами.

Нечего удивляться тому, что членов квартета приветствовали на их родном языке, когда они встретились со своими мужественными соплеменниками!

Вот при каких обстоятельствах произошло это неожиданное и, можно сказать, почти чудесное вмешательство.

В течение всей предшествующей ночи и утра Стандарт-Айленд продолжал дрейфовать к острову Сандвич, где, как помнит читатель, находится процветающая французская колония. И вот, прослышав о нападении капитана Сароля на Стандарт-Айленд, колонисты сразу же решили с помощью тысячи туземцев, находившихся под их влиянием, поддержать защитников пловучего острова. Но переправиться на Стандарт-Айленд было невозможно из-за недостатка транспортных средств.

Можно представить себе радость честных колонистов, когда утром Стандарт-Айленд, уносимый течением, оказался в виду острова Сандвич! Колонисты тотчас же бросились к рыбачьим лодкам и перепра-

вились в Бакборт-Харбор, вслед за ними — туземцы, многие просто вплавь. К ним сразу присоединилась прислуга батарей Волнореза и Кормы, а также все, оставшиеся в портах. Через поля и парк устремились они к Миллиард-Сити, и благодаря их атаке мэрия не попала в руки нападающих, которые и так уже дрогнули из-за смерти капитана Сароля.

Еще через два часа банды новогебридцев, преследуемые со всех сторон, искали спасения уже только в море, куда они бросались, чтобы добраться вплавь до острова Сандвич. Большая часть при этом погибала под пулями милиции.

Теперь Стандарт-Айленду нечего опасаться: он спасся от грабежа, убийств, истребления.

Казалось бы, исход этого страшного дела должен был вызвать публичные проявления радости и благодарности. Но нет! О, эти странные американцы! Можно подумать, что конечный результат их нисколько не удивил... что они его предвидели... А ведь покушение капитана Сароля едва-едва не привело к ужасающей катастрофе!

Все же, можно полагать, главные владельцы Стандарт-Айленда молчаливо поздравляли себя с тем, что сохранили свою собственность стоимостью в два миллиарда, да еще теперь, когда брак Уолтера Танкердона с Ди Коверли вполне упрочивал будущее этого владения.

Отметим, что, когда жених и невеста свиделись вновь, они упали друг другу в объятия. Впрочем, никому не пришло в голову усмотреть здесь нарушение приличий: ведь они должны были стать мужем и женой еще двадцать четыре часа тому назад.

Но уж в том, как встречаются наши парижские музыканты и французские колонисты с острова Сандвич, не найти ничего похожего на ультраамериканскую сдержанность. Какие рукопожатия! Какие поздравления получает Концертный квартет от своих соплеменников! Правда, пули помиловали артистов, но эти две скрипки, альт и виолончель храбро выполняли свой долг. Что касается добрейшего Атаназа Доремюса, спокойно остававшегося в зале казино, то ведь он ждал

там учеников, которые упорно не появляются... И кто его за это упрекнет?..

Единственное исключение — господин директор. Хоть он и сверхъянки, а радуется просто исступленно. Что же тут странного? В его жилах течет кровь знаменитого Барнума, и, разумеется, потомок такого предка не обладает хладнокровием своих североамериканских сограждан!

Когда все кончилось, король Малекарлии вместе с королевой вернулся в свой дом на Тридцать седьмой авеню; там совет именитых граждан выскажет ему свою благодарность, которой вполне заслуживает его мужество и преданность общему делу.

Итак, Стандарт-Айленд цел и невредим. Спасение стоило ему дорого: Сайрес Бикерстаф пал в разгаре битвы, среди моряков и солдат — около шестидесяти убитых или раненных пулями и стрелами, почти столько же жертв среди храбро сражавшихся служащих, рабочих и торговцев. Все население оплакивает убитых, и на «жемчужине Тихого океана» сохранят о них долгую память...

Впрочем, со свойственной им быстротой в выполнении раз принятого решения, миллиардцы быстро приведут все в порядок. Придется задержаться на несколько дней у острова Сандвич, и все следы этой кровавой битвы будут стерты.

Пока же установлено полное согласие в вопросе о военном руководстве, которое остается за коммодором Симкоо. Здесь не возникает никаких трудностей, не может быть никакого соперничества. Ни мистер Джем Танкердон, ни мистер Нэт Коверли в данном случае ни на что не притязают. Позже последуют выборы, которые и решат важный вопрос о губернаторе Стандарт-Айленда.

На следующий день к набережной Штирборт-Харбора стеклось все население на торжественную церемонию.

Трупы малайцев и туземцев просто бросают в море, но с останками граждан, погибших при защите плавучего острова, так поступить нельзя. Их тела разысканы, перенесены в католический или протестантский

храм, и там произведены подобающие церемонии. И губернатор Сайрес Бикерстаф и самые скромные из граждан почтены теми же молитвами и той же скорбью.

Затем погребальный груз поручается одному из быстроходных судов Стандарт-Айленда, и корабль отплывает, увозя драгоценные останки в бухту Магдалены, где они будут похоронены в христианской земле.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Штирборт и Бакборт на ножах

Третьего марта Стандарт-Айленд покинул остров Сандвич. Перед отплытием миллиардцы говорили слова горячей благодарности французским колонистам и их туземным союзникам: друзьями они встретятся вновь; с братьями прощаются Себастьен Цорн и его товарищи на этом острове Ново-Гебридской группы, который отныне войдет в число островов, ежегодно посещаемых Стандарт-Айлендом.

Под наблюдением коммодора Симкоо быстро сделаны все необходимые исправления. Впрочем, повреждения оказались незначительными. Машины энергетических установок в полном порядке. Наличный запас нефти обеспечивает работу динамо еще на много недель. К тому же пловучий остров скоро попадет в ту часть Тихого океана, откуда по подводным кабелям можно связаться с бухтой Магдалены. Поэтому можно сказать с уверенностью, что плавание закончится благополучно. Не пройдет и четырех месяцев, как Стандарт-Айленд прибудет к берегам Америки.

— Будем надеяться...— произносит Себастьен Цорн, слушая, как г-н директор расточает свое обычное красноречие насчет блестящего будущего, которое предстоит прославленному пловучему сооружению.

— Но, — замечает при этом Калистус Мэнбар, — какой мы получили урок!.. Эти малайцы, такие услужливые, и этот капитан Сароль — кто бы их запо-

дозрил!.. Нет, Стандарт-Айленд предоставил убежище иностранцам в последний раз.

— А если встретятся потерпевшие кораблекрушение?.. — спрашивает Пэншина.

— Друг мой, я теперь не верю ни в потерпевших кораблекрушение, ни даже в самые кораблекрушения!

Однако из того, что коммодору Симкоо, как и прежде, поручено управлять машинами плавучего острова, вовсе не следует, что в его руках находится и гражданское управление. После смерти Сайреса Бикерстафа в Миллиард-Сити нет больше мэра, и, как известно, прежние помощники не сохранили своих полномочий. Следовательно, придется назначить нового губернатора.

Кроме того, раз некому совершать гражданские акты, то нельзя заключить брак между Уолтером Танкердоном и мисс Ди Коверли. Вот еще одна трудность, возникшая из-за махинаций негодяя Сароля! А ведь не только будущие молодожены, но и все именитые граждане Миллиард-Сити и все население заинтересовано в скорейшем завершении этого дела. В нем — одна из важнейших гарантий будущего. Медлить нельзя, ибо Уолтер Танкердон уже поговаривает о том, чтобы сесть на один из пароходов Штирборт-Харбора и доплыть вместе с членами обоих семейств до ближайшего архипелага, где любой мэр совершит брачную церемонию!.. Черт побери! Да их сколько угодно и на Самоа, и на Тонга, и на Маркизских островах, а плыть туда меньше недели, если идти на всех парах...

Люди умудренные стараются образумить нетерпеливого молодого человека. Сейчас идет подготовка к выборам... Через несколько дней Стандарт-Айлендом начнет управлять новый губернатор... Первым его актом в должности мэра будет торжественное совершение долгожданного брака... Возобновятся празднества по прежней программе... Мэра!.. Мэра!.. Единый крик рвется из всех уст!..

— Только бы избрание мэра не разбудило былых распрей... они, может быть, не совсем затухли!.. — говорит Фрасколен.

Нет, этого не может быть, и Калистус Мэнбар готов, как говорится, «в лепешку расшибиться», чтобы довести дело до благополучного окончания.

— Да в конце концов, — восклицает он, — наши влюбленные-то на что?.. Надеюсь, вы не сомневаетесь, что любовь окажется сильнее борьбы самолюбий?

Стандарт-Айленд продолжает идти в северо-восточном направлении, к пункту, в котором перекрещиваются двенадцатая южная параллель и сто семьдесят пятый западный меридиан. К этому именно месту были вызваны последними каблограммами, отправленными еще до стоянки на Новых Гебридах, корабли из бухты Магдалены с новым запасом горючего и продовольствия. Впрочем, вопрос о запасах не слишком заботит коммодора Симкоо. Их хватит больше чем на месяц, и на этот счет беспокоиться нечего. Правда, давно уже не поступает известий из-за границы. Газетам нечем заполнять отдел внешней политики. «Старборд-кроникл» жалуется, и «Нью-геральд» горюет... Ничего не поделаешь! Разве Стандарт-Айленд сам по себе не целый мирок, — какое ему дело до того, что происходит в других частях земного шара? Быть может, ему внушают зависть политические страсти?.. Ну, скоро их и здесь будет достаточно... возможно даже, сверх всякой меры!

И правда, начинается избирательная кампания. Усиленной обработке подвергаются все тридцать членов совета именитых граждан, где левобортники и правобортники насчитывают равное число представителей. Сейчас уже совершенно ясно, что выборы нового губернатора приведут к большим разногласиям, ибо соперниками опять будут Джем Танкердон и Нэт Коверли.

В течение нескольких дней происходят подготовительные совещания. С самого начала выясняется, что самолюбие обоих кандидатов не даст возможности договориться. Глухое волнение царит в Миллиард-Сити и в портах. Агенты обеих частей города стараются возбудить население, чтобы оказать давление на именитых граждан. Время идет, но не похоже, чтобы дело кончилось миром. А вдруг Джем Танкердон и наибо-

лее влиятельные левобортники попытаются теперь навязать свои идеи, отвергнутые главными правобортниками и провести свой злополучный проект — превратить Стандарт-Айленд в промышленное и торговое предприятие?.. Другая часть острова с этим никогда не согласится! Короче говоря, — иногда кажется, что одолевает партия Коверли, иногда представляется, что перевес на стороне партии Танкердона. Отсюда брань и взаимные упреки, взаимное раздражение в обоих лагерях, заметное охлаждение между двумя семьями, — охлаждение, которого Уолтер и мисс Ди не желают даже замечать. Какое им дело до всей этой политической возни?..

Есть, однако, очень простой способ устроить все к общему удовольствию и по крайней мере разрешить вопрос о власти; надо объявить, что оба соперника будут выполнять губернаторские функции по очереди — полгода один, полгода другой; пусть даже по целому году, если так покажется лучше. Зато никакого соперничества уже не будет, оно уступит место договоренности, которая вполне удовлетворит обе партии. Но решения, внушаемые здравым смыслом, никогда не пользуются успехом в нашем грешном мире, и хотя Стандарт-Айленд независим от земных материков, он тем не менее подвержен всем страстям, присущим человеческому роду.

— Вот, — сказал однажды Фрасколен своим товарищам, — вот они, те осложнения, которых я опасался.

— А какое нам дело до всех этих споров! — ответил Пэншина. — Мы-то какой ущерб от них потерпим?... Через несколько месяцев мы будем уже в бухте Магдалены, наш ангажемент окончится, и каждый из нас благополучно ступит на твердую землю... с миллиончиком в кармане.

— Если не произойдет какая-нибудь катастрофа! — вставляет неукротимый Себастьен Цорн. — Разве на такой пловучей штуковине можно быть уверенным в завтрашнем дне?.. После столкновения с английским кораблем — нападение хищных зверей, после зверей — нашествие новогебридцев, после туземцев...

— Да когда же ты перестанешь каркать? — восклицает Ивернес. — Замолчи, или мы заткнем тебе рот.

Тем не менее приходится пожалеть о том, что свадьба Танкердон — Коверли не была отпразднована в назначенный день. Семьи объединила бы новая связь, и, вероятно, атмосфера легко разрядилась бы... Вмешательство молодоженов помогло бы еще больше... Но все равно общественное возбуждение скоро придет к концу: выборы должны состояться 15 марта.

Коммодор Симкоо со своей стороны хлопочет о сближении между двумя частями города. Но коммодора просят не вмешиваться в то, что его не касается. Ему надо вести по морям этот пловучий остров, пусть он его и ведет!.. Ему надо избегать подводных камней и мелей, пусть он их избегает!.. Политика — вовсе не его дело.

Коммодору Симкоо остается только подчиниться.

Религиозные распри тоже начали играть свою роль, и духовенство вмешивается теперь в политику больше, чем ему пристало бы. А ведь протестантская церковь и католический собор, пастор и епископ жили доселе в таком добром согласии!

Само собою разумеется, что газеты тоже вступили в бой: «Нью-геральд» сражается за Танкердонов, «Старборд-кроникл» — за Коверли. Чернила текут рекой, и к ним, пожалуй, еще примешается кровь!.. Разве мало ее пролилось на девственную почву Стандарт-Айленда во время борьбы с новогебридскими дикарями?..

В общем же, население больше интересуется женихом и невестой, чей роман прервался на первой главе. Но что можно сделать для того, чтобы упрочить их счастье? Отношения между обеими частями Миллиард-Сити уже прекратились. Ни приемов, ни приглашений, ни музыкальных вечеров. Если так будет продолжаться, инструменты Концертного квартета заплесневеют в футлярах и наши артисты будут получать свои огромные гонорары, не пошевелив пальцем.

Господина директора грызет смертельная тревога, хотя он не желает в этом сознаться. Положение его ложное, он и сам это чувствует. Все свои способности

он употребляет на то, чтобы не оказаться в плохих отношениях ни с теми, ни с другими, — а ведь это верный способ оказаться в плохих отношениях со всеми.

К 12 марта Стандарт-Айленд уже основательно приблизился к экватору, но все еще не достиг широты, где может сойтись с кораблями, посланными из бухты Магдалены. Выборы назначены на 15-е. Хотелось бы, чтобы корабли подоспели до наступления этой даты.

Тем временем и правобортники и левобортники подсчитывают и прикидывают возможное число голосов. И все указывает, что голоса разделятся поровну. Ни один кандидат не соберет большинства, если та или другая сторона не потеряет хотя бы несколько голосов. И дело как раз в том, что голоса эти держатся на своей стороне так же крепко, как зубы у тигра в челюсти.

Тут вдруг возникает гениальная мысль. Она как будто сразу зародилась у всех тех, с которыми не предполагалось советоваться. Мысль эта проста, благоразумна, она положит конец распрям соперников. Сами кандидаты наверняка согласятся на этот столь справедливый исход.

Почему бы не предложить управление Стандарт-Айлендом королю Малекарлии? Он мудрец, человек большого и широкого ума. Его терпимость и его философия окажутся лучшей защитой при любых неожиданностях в будущем. Он знает людей, потому что близко сталкивался с ними. Он понимает, что надо считаться с их слабостями и с их неблагодарностью. Он не честолюбец, и ему никогда не придет в голову подменить личной властью демократические учреждения общественного строя на плавучем острове. Он будет просто председателем административного совета нового акционерного общества «Танкердон, Коверли и К°».

Большая группа купцов и должностных лиц Миллиард-Сити, к которой присоединяются несколько офицеров и портовых моряков, решает пойти к королю-согражданину и обратиться к нему с этим предложением. Их величества принимают депутацию в нижней гостиной своего дома на Тридцать девятой авеню. Депутация выслушана благосклонно и тут же полу-

чает решительный отказ. Свергнутые властители припоминают прошлое, и это решает дело.

— Благодарю вас, господа, — говорит король. — Ваша просьба тронула нас обоих, но мы счастливы сейчас и надеемся, что и в будущем наше счастье не будет нарушено. Подумайте только! Ведь мы покончили с иллюзиями, с которыми связана любая власть. Теперь я простой астроном и не хочу быть ничем иным.

После такого твердого ответа настаивать больше не имеет смысла, и депутация удаляется.

Перед самым голосованием возбуждение умов еще усиливается. Ни о какой договоренности не может быть и речи. Сторонники Джема Танкердона и Нэта Коверли избегают встречаться друг с другом даже на улице. Из одной части города в другую просто перестали ходить. Правобортники и левобортники не переступают Первой авеню. Миллиард-Сити разделился на два враждебных стана. Единственный человек, который бегает и туда и сюда, расстроенный, изнуренный, подавленный, получая щелчки и справа и слева, это охваченный отчаянием директор управления искусств и развлечений Калистус Мэнбар. И три-четыре раза в день он появляется, как потрепанный бурей корабль, в гостиных казино, где квартет донимает его своими тщетными утешениями.

Что касается коммодора Симкоо, то он ограничивается порученной ему деятельностью. Он ведет плавучий остров по установленному маршруту. Испытывая величайшее отвращение к политике, он согласится на любого губернатора. Его офицеры, так же как и офицеры полковника Стьюарта, проявляют, подобно ему, полнейшую незаинтересованность в вопросе, вокруг которого кипят такие страсти. Стандарт-Айленду нечего опасаться военных переворотов.

Тем временем члены совета именитых беспрерывно заседают в мэрии, обсуждают кандидатуры и ссорятся между собою. Дело доходит до личных выпадов. Полиции приходится принимать кое-какие меры, ибо с утра до вечера перед зданием муниципалитета толпятся люди и подчас слышны угрожающие выкрики.

Кроме того, повсюду разнеслась весьма печальная новость: вчера Уолтер Танкердон явился в особняк Коверли, и его не приняли. Жениху и невесте запрещено видеться друг с другом, и уж если брак не совершился до нападения новогебридских банд, кто осмелится утверждать, что он вообще когда-либо совершится?..

Наконец наступает 15 марта. В большом зале мэрии начинаются выборы. Взволнованная толпа собирается в сквере, как некогда население Рима собиралось перед Квиринальским дворцом, где конклав кардиналов[1] выбирал нового папу.

К чему приведет последнее обсуждение кандидатур? Предварительные наметки возможного распределения голосов попрежнему указывают на то, что голоса распределятся поровну. Что же произойдет, если правобортники останутся верны Нэту Коверли, а левобортники будут, как и прежде, стоять за Джема Танкердона?

Великий день настал. Между часом и тремя нормальная жизнь на Стандарт-Айленде приостанавливается. Толпа, состоящая из пяти-шести тысяч человек, взволнованно шумит под окнами муниципалитета. Ожидают результатов голосования в совете именитых, — результатов, которые будут немедленно сообщены по телефону в обе части города и в оба порта.

Первый тур голосования происходит в час тридцать пять.

Кандидаты получают равное число голосов.

Через час — второй тур.

Он ни в малейшей степени не изменяет результатов первого тура.

В три часа тридцать пять — третий и последний тур.

И на этот раз ни один из кандидатов сверх своей половины голосов не получает ни одного лишнего голоса.

Тогда члены совета расходятся, и правильно делают. Если бы они продолжали заседать, то при

---

[1] Квиринальский дворец, или Квиринал, — до 1870 г. служил летней резиденцией папы римского. Конклав — совет кардиналов, собирающийся для избрания папы.

охватившем их возбуждении они могли бы сцепиться друг с другом.

Когда они проходят через сквер, направляясь, кто в особняк Танкердона, кто в особняк Коверли, толпа встречает их крайне неодобрительным ропотом.

Надо же, однако, как-то выйти из этого положения, которое не может длиться долее. Оно причиняет слишком большой ущерб интересам Стандарт-Айленда.

— Между нами, — говорит Пэншина товарищам, узнав от г-на директора результаты трех туров голосования, — мне кажется, есть очень простой способ разрешить этот вопрос.

— Какой же?.. — спрашивает Калистус Мэнбар, в отчаянии воздевая руки к небу. — Какой?..

— Разрезать остров посередине... разделить его на две равные половины, как лепешку, и обе половины поплывут каждая в свою сторону с избранным ею губернатором.

— Разрезать наш остров!.. — восклицает г-н директор так, словно Пэншина предложил ампутировать одну из его конечностей.

— С помощью молотка и клещей-кусачек, — объясняет «Его высочество», — лишние болты будут вынуты, и вопрос разрешится очень просто, а на поверхности Тихого океана вместо одного пловучего острова окажется два.

Даже в таких тревожных обстоятельствах этот Пэншина, видимо, не способен проявить серьезность!

Если его совету нельзя последовать в материальном смысле, если нельзя пустить в ход молоток и клещи-кусачки и разъединить кессоны пловучего острова вдоль оси по Первой авеню — от батареи Волнореза до батареи Кормы, — то все-таки надо признать, что в моральном смысле разделение острова уже произошло. Левобортники и правобортники стали так же чужды друг другу, как если бы их разъединяли сотни морских миль. Тридцать именитых и в самом деле решили голосовать порознь, раз уж им никак не столковаться. Джем Танкердон избран губернатором своей стороны, которой он и будет управлять, как ему вздумается. Нэт Коверли избран губернатором своей, и он станет управлять ею,

как ему заблагорассудится. Каждая сторона сохранит свой порт, свои корабли, своих офицеров, своих солдат, своих служащих, своих торговцев, свою энергетическую установку, свои машины, свои двигатели, своих механиков, своих монтеров. Каждый кусок будет сам себе владыка.

Все это допустимо, но как раздвоиться коммодору Симкоо и г-ну директору Калистусу Мэнбару, которые должны выполнять свои функции так, чтобы все были довольны?

Правда, последнему не стоит беспокоиться. Его должность будет отныне только синекурой. Может ли подниматься вопрос о празднествах и развлечениях, когда над Стандарт-Айлендом нависает угроза гражданской войны, ибо примирение стало невозможным?

Это подтверждается и таким признаком: 17 марта газеты сообщили об окончательном разрыве помолвки между Уолтером Танкердоном и мисс Ди Коверли.

Да, разрыв — несмотря на их просьбы, несмотря на их мольбы! Вопреки утверждению, высказанному однажды Калистусом Мэнбаром, — любовь побеждена! Так нет же! Уолтер и мисс Ди не разлучатся... Они убегут прочь из дома... Они уедут венчаться за границу... Они в конце концов найдут в мире такой уголок, где можно быть счастливыми без всех этих тягостных миллионов!

Однако после избрания губернаторами Джема Танкердона и Нэта Коверли маршрут Стандарт-Айленда не изменился. Коммодор Симкоо продолжает держать направление на северо-восток. Когда Стандарт-Айленд прибудет в бухту Магдалены, весьма вероятно, многие миллиардцы предпочтут вернуться на материк искать спокойствия, которого уже не может дать им «жемчужина Тихого океана». Может быть, пловучий остров и вовсе будет покинут всем своим населением?.. И тогда с ним совсем покончат, его пустят с молотка, его продадут на вес, как старый, никому не нужный железный лом, и отправят в переплавку!

Пожалуй, так и случится, но пока осталось пройти еще пять тысяч миль, что означает около пяти месяцев плавания. А вдруг за это время маршрут будет изменен

по прихоти или упрямству вожаков? К тому же население заражено духом мятежа. Что, если дело дойдет до рукопашных схваток между левобортниками и правобортниками, до ружейной стрельбы, которая зальет человеческой кровью металлические мостовые Миллиард-Сити?

Нет, без сомнения, так далеко партии не пойдут! Новой гражданской войны, пусть даже не между Севером и Югом, а всего лишь между правым и левым бортом Стандарт-Айленда, не будет... И тем не менее роковой час пробил и нависает угроза самой настоящей катастрофы.

Утром 19 марта коммодор Симкоо ждет в своем кабинете в обсерватории, чтобы ему сообщили первые сведения о местонахождении Стандарт-Айленда, который, по его мнению, подошел уже близко к тем местам, где должны встретиться корабли с припасами. Наблюдатели с верхушки башни, следящие за горизонтом по всей окружности, сообщат об этих пароходах, как только они появятся. Вместе с коммодором в обсерватории сейчас король Малекарлии, полковник Стьюарт, Себастьен Цорн, Пэншина, Фрасколен, Ивернес, несколько офицеров и служащих, из числа тех, кого можно назвать нейтральными, так как они не принимают участия во внутренних распрях. Для них самое главное — поскорее добраться до бухты Магдалены, где, наконец, прекратится это неприятное состояние.

Вдруг раздаются два телефонных звонка, и коммодору передают два приказа. Они исходят из мэрии, где Джем Танкердон со своими главными сторонниками распоряжается в правой половине, а Нэт Коверли со своими — в левой. Оттуда они и управляют Стандарт-Айлендом, причем распоряжения их — что не удивительно — во всем противоречат друг другу.

В это самое утро вопрос о маршруте, который, казалось бы, не должен был вызывать разногласий между двумя губернаторами, так и не удалось разрешить. Один — Нэт Коверли — решил, что Стандарт-Айленд должен держать направление на северо-восток, к архипелагу Гилберта. Другой — Джем Танкердон, — упорствуя в своем стремлении завязывать торговые

отношения, захотел идти на юго-запад, в район Австралии.

Вот до чего дошли оба соперника, а их друзья клянутся оказывать им поддержку во всем.

Получив два приказа, одновременно посланных в обсерваторию, коммодор говорит:

— Произошло то, чего я так боялся.

— И чего нельзя допускать в интересах всего населения, — добавляет король Малекарлии.

— Как же вы поступите?.. — спрашивает Фраско-лен.

— Черт побери, — восклицает Пэншина, — ужасно любопытно знать, как вы сманеврируете, господин Симкоо!

— Дело дрянь, — замечает Себастьен Цорн.

— Сперва сообщим Джему Танкердону и Нэту Коверли, — отвечает коммодор, — что приказы невыполнимы, так как они противоречат один другому. Впрочем, лучше будет, чтобы Стандарт-Айленд стоял на месте в ожидании кораблей, которым здесь назначена встреча!

Этот весьма мудрый ответ немедленно передан по телефону в мэрию.

Проходит час, и никаких других сообщений обсерватория не получает. Весьма вероятно, что оба губернатора отказались от намерения повернуть остров по-своему...

И вдруг весь корпус Стандарт-Айленда начинает как-то странно дрожать... Чем это вызвано?.. Тем, что Джем Танкердон и Нэт Коверли дошли в своем упрямстве до последней черты.

Все собравшиеся в кабинете коммодора переглядываются, превратившись в вопросительные знаки.

— Что случилось?.. Что случилось?..

— Что случилось?.. — говорит коммодор Симкоо, пожимая плечами. — Случилось то, что Джем Танкердон послал свой приказ непосредственно мистеру Уотсону, главному механику Бакборт-Харбора, а Нэт Коверли — другой приказ, совершенно противоположный, мистеру Сомуа, главному механику Штирборт-Харбора. Один велел идти вперед, на северо-восток,

другой приказал дать задний ход, чтобы двинуться на юго-запад. В результате же Стандарт-Айленд вертится на месте, и верчение будет продолжаться до тех пор, пока не прекратятся причуды двух упрямцев.

— Замечательно! — восклицает Пэншина. — Все и должно было кончиться вальсом!.. Вальс твердолобых!.. Атаназ Доремюс может подать в отставку!.. Миллиардцам его уроки больше не нужны!..

Быть может, такое нелепое, в какой-то степени даже комическое положение и могло вызвать смех. Но, к сожалению, утверждает коммодор, этот двойной маневр крайне опасен. Десять миллионов лошадиных сил тянут Стандарт-Айленд в противоположные стороны, с риском разорвать его на части.

Действительно, машины работают во всю свою мощь, винты крутятся с максимальной скоростью, и это чувствуется по дрожанию стальной подпочвы. Если вообразить себе запряжку, где одна из лошадей мчится вперед по крику «но! но!», а другая пятится назад по окрику «тпру! тпру!», то легко можно представить, что происходит с островом!

Между тем движение ускоряется. Стандарт-Айленд продолжает вращаться вокруг своей оси. Парк и поля описывают концентрические круги; пункты, расположенные на побережье, по окружности острова, перемещаются со скоростью от десяти до двенадцати миль в час.

Не стоит пытаться пробудить здравый смысл в механиках, которые своим управлением вызывают это вращение. Коммодор Симкоо не имеет над ними никакой власти. Они повинуются голосу тех же страстей, что и все прочие правобортники и левобортники. Верные слуги своих хозяев, мистер Уотсон и мистер Сомуа будут держаться до конца, машина против машины, динамо против динамо.

И вот начинается неприятное явление, которое могло бы прояснить головы уже одним тем, что от него становится мутно на сердце.

Вследствие вращения Стандарт-Айленда многие миллиардцы, в особенности миллиардки, начинают испытывать во всем своем существе некое непонятное

смятение. У людей обнаруживаются мучительные приступы тошноты и рвоты; особенно это чувствуется в тех домах, которые удалены от центра и где, следовательно, сильнее сказывается вращательное движение.

Надо признаться, что такие архикомические последствия заставляют Ивернеса, Пэншина и Фрасколена хохотать до упаду, несмотря на то, что общее положение становится все более и более критическим. И действительно, «жемчужине Тихого океана» угрожает теперь физический распад, который может оказаться пострашнее морального разрыва.

Что касается Себастьена Цорна, то под влиянием непрекращающегося вращения он все бледнеет... бледнеет... «С него сходит краска», по выражению Пэншина, а к горлу подступает тошнота. Да неужели же этой подлой шутке так и не будет конца?.. Чувствовать себя пленником на огромном вертящемся столе, который, не в пример вертящимся столикам спиритов, даже не обладает даром предсказывать будущее...

В течение целой бесконечной недели Стандарт-Айленд не переставал вращаться вокруг центра, а центр его — Миллиард-Сити. Поэтому город всегда полон народа, который ищет в нем спасения от тошноты — ведь в средней части острова вращение ощущается меньше всего. Тщетно коммодор Симкоо и полковник Стьюарт пытались вмешаться в распрю между двумя мэрами, засевшими в одном муниципалитете. Ни один не пожелал спустить флага... Воскресни сам Сайрес Бикерстаф, — и его усилий оказалось бы недостаточно, чтобы поколебать это ультраамериканское упрямство.

А в довершение всех бед, в течение последних восьми дней небо все время затянуто облаками и поэтому нельзя определить широту и долготу... Коммодор Симкоо не знает теперь точного местоположения Стандарт-Айленда. Мощные гребные винты тянут его в противоположные стороны, слышно, как дрожат самые стенки кессонов. Жители не решаются расходиться по домам. Они переселились под открытое небо. Парк переполнен людьми. С одной стороны раздаются крики: «Ура Танкердону!», с другой: «Ура Коверли!» Глаза мечут искры, кулаки сжимаются. Неужели среди

окончательно обезумевшего населения начнется гражданская война со всеми ее ужасами?

Как бы там ни было, ни те, ни другие не желают видеть близкой опасности. Никто не уступит, пусть даже «жемчужина Тихого океана» разлетится на тысячу кусков! Она будет вертеться и вертеться, пока динамо из-за отсутствия тока не перестанут вращать винты...

Среди всеобщего возбуждения, не принимая в нем никакого участия, Уолтер Танкердон терзается ужасной тревогой. Не из-за себя, а из-за мисс Ди Коверли страшится он внезапного взрыва, который может уничтожить Миллиард-Сити. Уже неделю он не виделся с той, которая была его невестой и должна была стать его женой. Сколько раз в полном отчаянии умолял он отца не упорствовать и отменить свое злосчастное распоряжение. Но Джем Танкердон прогнал его, не желая ничего слышать.

В ночь с 27 на 28 марта, воспользовавшись темнотой, Уолтер пытается пробраться к молодой девушке. Он хочет быть рядом с ней, если произойдет катастрофа. Проскользнув через толпу, заполняющую Первую авеню, он проникает во вражескую часть города, чтобы добраться до особняка Коверли...

Перед самым рассветом взрыв чудовищной силы сотрясает атмосферу до самых высоких ее слоев. Не выдержав непосильной нагрузки, котлы левого борта взлетели на воздух вместе со всеми машинными зданиями. И так как источник электрической энергии с этой стороны внезапно иссяк, половина Стандарт-Айленда погрузилась в глубочайший мрак...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Как Пэншина определил положение

Если машины Бакборт-Харбора вышли теперь из строя вследствие взрыва котлов, то машины Штирборт-Харбора в целости и ничуть не повреждены. Правда,

это все равно что остаться вовсе без двигателей. Имея винты только с правого борта, Стандарт-Айленд будет попрежнему кружиться на месте, не продвигаясь вперед.

Несчастный случай в Бакборт-Харборе еще ухудшил дело. Ведь если бы обе машины Стандарт-Айленда могли работать одновременно, достаточно было бы соглашения между партией Танкердона и партией Коверли, чтобы покончить с таким положением вещей. Двигатели вновь обрели бы добрую привычку работать в лад, и пловучий остров, потеряв всего несколько дней, снова взял бы направление на бухту Магдалены.

Теперь же совсем другое дело. Даже если бы соглашение и состоялось, плавание становится невозможным, так как коммодор Симкоо не располагает двигателем достаточно мощным, чтобы вывести остров из этих далеких морей.

И если бы еще Стандарт-Айленд в течение последней недели действительно оставался неподвижным, если бы ему удалось встретиться с долгожданными пароходами, тогда, возможно, он достиг бы Северного полушария...

Но это не так. Сегодня астрономические наблюдения показали, что за время длительного вращения вокруг своей оси Стандарт-Айленд переместился в южном направлении. От двенадцатой параллели он продрейфовал к семнадцатой.

Действительно, между Ново-Гебридским и Фиджийским архипелагами существуют течения, возникающие благодаря близости обоих архипелагов друг к другу и распространяющиеся к юго-востоку. Пока машины работали согласно, Стандарт-Айленд без труда преодолевал эти течения. Но с момента, когда началось вращение, пловучий остров стало неодолимо относить к тропику Козерога.

Узнав это, коммодор Симкоо не стал скрывать серьезности положения от всех честных людей, которых мы назвали нейтральными. И вот что он им сказал:

— Нас отнесло на пять градусов к югу. Между тем здесь, на Стандарт-Айленде, я не в состоянии сделать того, что может сделать моряк на пароходе, если его машины остановились. Наш остров не имеет парусного

оснащения, которое позволило бы использовать силу ветра, и мы сейчас во власти течения. Куда оно нас занесет? Не знаю. И пока пароходы, посланные из бухты Магдалены, тщетно ищут нас в условленном месте, мы со скоростью восьми или десяти миль в час дрейфуем в сторону самых пустынных и отдаленных областей Тихого океана.

Так в нескольких фразах Этель Симкоо определил обстоятельства, которые он бессилен изменить. Плавучий остров подобен теперь гигантскому обломку кораблекрушения, отданному на произвол течений. Если течение направляется на север, его отнесет к северу, если оно распространяется к югу, он попадет на юг, — и может даже оказаться у крайних пределов Южного полярного моря. И тогда...

Положение вещей скоро становится известно населению — и в Миллиард-Сити и в обоих портах. Все остро ощущают, чем оно грозит. Страх перед новой опасностью производит — что весьма свойственно человеческой природе — некоторое умиротворение в умах. Теперь уже никто не помышляет о кровавых братоубийственных схватках, и если ненависть между противниками не угасла, она все же не выльется в насильственные действия. Мало-помалу жители возвращаются к себе — в свою часть города, в свой квартал, в свой дом, а Джем Танкердон и Нэт Коверли отказываются от борьбы за первенство. Поэтому по предложению самих губернаторов совет именитых принимает единственно разумное решение, которое подсказывают обстоятельства: он передает бразды правления коммодору Симкоо, и этому одному руководителю отныне доверяется спасение Стандарт-Айленда от гибели.

Этель Симкоо без колебаний принимает на себя эту обязанность. Он рассчитывает на самоотверженность своих друзей, своих офицеров, всего своего персонала. Но что может он предпринять на огромном плавучем сооружении площадью в двадцать семь квадратных километров, которое потеряло управление, лишившись двигательной силы?..

И, в общем, не есть ли все это окончательный приговор Стандарт-Айленду, который считался до послед-

него времени шедевром кораблестроительного искусства, а теперь стал игрушкой ветра и волн?

Правда, в происшествии повинны не силы природы, ибо с первых же своих дней «жемчужина Тихого океана» всегда победоносно противостояла ураганам, бурям и циклонам. Причиной всему — внутренние разногласия, борьба миллиардеров за власть, исступленное упрямство, с которым одни рвались на юг, а другие на север! Только их ни с чем не соизмеримая глупость привела к взрыву котлов!

Но что толку в упреках? Прежде всего надо отдать себе отчет в размере аварии, которая произошла в Бакборт-Харборе. Коммодор Симкоо собирает своих офицеров и инженеров. К ним присоединяется король Малекарлии. Король-философ ничуть не удивлен, что людские страсти привели к такой катастрофе!

Комиссия направляется туда, где возвышались энергетическая установка и машинное помещение. Взрыв выпаривательных аппаратов, подвергшихся крайнему перегреву, все уничтожил, явившись к тому же причиной гибели двух механиков и шести кочегаров. Столь же безнадежно вышла из строя установка, вырабатывавшая электрическую энергию для самых различных потребностей этой половины Стандарт-Айленда. К счастью, динамо правого борта продолжают еще работать, и, по словам Пэншина, Стандарт-Айленд «отделался потерей одного глаза»!

— Это так, — добавляет Фрасколен, — но мы потеряли также одну ногу, а на той, что осталась, далеко не уйдешь.

Сразу окриветь и охрометь — это уж слишком.

Из обследования приходится сделать вывод, что так как повреждения исправить невозможно, то и дрейфу к югу нельзя положить конец. Остается ждать, чтобы Стандарт-Айленд выбрался сам из этого течения, уносящего его за пределы тропической зоны.

Определив повреждения, Этель Симкоо решил проверить и состояние металлического остова. Не пострадали ли кессоны от вращательного движения, которое сотрясало их в течение последней недели? Не рассе-

лись ли в пазах стальные листы, не выскочили ли стальные заклепки?.. Если где-нибудь появилась течь, то надо по возможности заткнуть щели...

Инженеры приступают ко второму обследованию. Их доклады коммодору Симкоо малоутешительны. В ряде мест от растяжения треснули пластины и разошлись швы. Вывалились тысячи болтов, образовались разрывы. Некоторые отсеки уже наполнились водой. Но так как ватерлиния не понизилась, то устойчивости металлической почвы серьезная опасность не грозит и новые владельцы Стандарт-Айленда могут быть спокойны за свое владение. Больше всего щелей у батареи Кормы. Что касается Бакборт-Харбора, то один из его молов поглощен океаном при взрыве... Но Штирборт-Харбор невредим и может предоставить кораблям надежное убежище от океанских волн.

Отданы распоряжения в кратчайший срок привести в порядок все, что можно исправить. Необходимо успокоить население относительно устойчивости Стандарт-Айленда. Достаточно, даже более чем достаточно, и того, что за отсутствием двигателей левого борта Стандарт-Айленд не может направиться к ближнему берегу. Но тут уж ничего не поделаешь.

Остается самый важный вопрос — как спастись от голода и жажды?.. Надолго ли хватит запасов — на месяц?.. на два?

Вот что установил коммодор Симкоо.

Недостатка воды опасаться нечего. Хотя одна из опреснительных установок уничтожена взрывом, другая продолжает работать и может удовлетворить все потребности.

Что касается съестных припасов, то здесь положение менее утешительно. После подсчетов выясняется, что хватит их не более чем на месяц, если посадить все десятитысячное население на строгий рацион. За исключением фруктов и овощей, все, как известно, получается извне... А где этот внешний мир?.. На каком расстоянии находится ближайшая земля и как до нее добраться?..

Поэтому, как ни прискорбно применять такую меру, но коммодор Симкоо вынужден отдать приказ об ограничении потребления. В тот же вечер по телефону и

телеавтографу повсюду передается эта печальная новость.

В Миллиард-Сити и в обоих портах она вызвала всеобщий ужас и предчувствие еще худших бедствий. Может быть, в скором времени на горизонте появится призрак голода — если позволено прибегнуть к столь затасканному, но впечатляющему образу, — ведь пополнить запасы продуктов неоткуда... Действительно, у коммодора Симкоо нет ни одного корабля, который можно было бы послать на американский материк... По воле рока последний из них вышел в море три недели тому назад, увозя останки Сайреса Бикерстафа и других защитников Миллиард-Сити, павших в битве с дикарями Эроманга. Никому тогда и в голову не могло прийти, что из-за борьбы самолюбий Стандарт-Айленд окажется в еще худшем положении, чем в момент, когда его захватили банды новогебридцев!

И правда, для чего обладать миллиардами, быть богатым, как Ротшильд, Маккей, Астор, Вандербилт, Гульд, если богатство не может спасти от голода! Правда, бóльшая часть состояния набобов лежит в полной сохранности в банках Нового и Старого Света! Но, как знать, может быть близок день, когда даже за миллион долларов им не купить на пловучем острове фунта мяса или фунта хлеба.

В конце концов всему виною их нелепые раздоры, глупейшее соперничество, стремление захватить власть! Они во всем виноваты, они — Танкердоны и Коверли — причина всех бед! Так пусть же они остерегаются возмездия, страшатся гнева служащих, рабочих, офицеров, торговцев, всего населения, которое они подвергли смертельной опасности! Кто знает, до каких крайностей люди способны дойти, когда их начнут терзать муки голода!

Оговоримся все же, что упреки эти не относятся к Уолтеру Танкердону и мисс Ди Коверли, которых не может коснуться осуждение, заслуженное их семьями! Нет, молодой человек и его невеста ни в чем не повинны. Они были той связью, которая должна была упрочить будущее благополучие обеих частей города, и не они разорвали эту связь!

Состояние неба таково, что уже двое суток не производилось измерений, и местоположение Стандарт-Айленда нельзя определить даже с приблизительной точностью.

Тридцать первого марта небосвод расчистился и туман в море рассеялся. Можно надеяться, что теперь удастся определить широту и долготу.

Результатов наблюдений ожидают с лихорадочным нетерпением. Несколько сот жителей собралось у батареи Волнореза. К ним присоединился Уолтер Танкердон. Но ни его отец, ни Нэт Коверли, ни один из тех именитых, которых можно с полным правом обвинять в создавшемся положении вещей, не вышли из своих особняков, где они сидят, словно замурованные негодованием народа.

В полдень наблюдатели готовятся уловить момент кульминации солнечного диска. Два секстанта — один в руках короля Малекарлии, другой в руках коммодора Симкоо — наведены на горизонт.

Определив высоту солнца, приступают к вычислениям со всеми надлежащими поправками, и вот результат: 29°17′ южной широты.

Около двух часов второе наблюдение, проведенное в столь же благоприятных условиях, заканчивается следующим выводом: 179° 32′ восточной долготы.

Итак, с тех пор как Стандарт-Айленд начал свое безумное вращение, его отнесло течением приблизительно на тысячу миль к юго-востоку.

Отметив на карте местоположение Стандарт-Айленда, можно установить следующее.

Ближайшие острова — на расстоянии по меньшей мере ста миль, — это архипелаг Кермадек, на его бесплодных, почти необитаемых скалах не найти ничего; и к тому же — как до них добраться? В трехстах милях к югу находится Новая Зеландия, но как туда попасть, если течение уносит миллиардцев в просторы океана? В тысяче пятистах милях к западу — Австралия. В нескольких тысячах миль на восток — Южная Америка на широте Чили. Южнее Новой Зеландии —

полярный океан с антарктической пустыней. Неужели Стандарт-Айленду суждено разбиться о земли Южного полюса?.. Неужели мореплаватели найдут там когда-нибудь останки множества людей, погибших от голода и холода?..

Что касается течений в этих морях, то коммодор Симкоо изучит их с величайшей тщательностью. А если они не изменятся, если Стандарт-Айленд не встретит обратных течений, если разразится одна из тех бурь, которые так часто свирепствуют в этих приполярных областях?..

Новости вызывают всеобщий ужас. Люди все больше негодуют против виновников бедствия, зловредных набобов Миллиард-Сити, которые в ответе за создавшееся положение. Требуется все влияние короля Малекарлии, энергия коммодора Симкоо и полковника Стьюарта, вся преданность их офицеров, весь авторитет, которым они пользуются у солдат и моряков, чтобы предотвратить восстание.

День прошел безо всяких изменений. Каждый вынужден был согласиться на урезанное снабжение пищевыми продуктами и ограничиться только насущно необходимым — и самый богатый и тот, кто победнее.

Тем временем службе наблюдения уделяется величайшее внимание, горизонт обследуется непрерывно и строжайшим образом. Только бы появился какой-нибудь корабль; ему тотчас же сигнализируют, и, может быть, с его помощью удастся восстановить прерванную связь с внешним миром. Но, к несчастью, пловучий остров отнесло к областям, лежащим в стороне от обычных морских путей, к областям, расположенным в близком соседстве с антарктическим морем и мало посещаемым судами. И воображению обезумевших от страха людей рисуется — там, далеко на юге, — призрак полюса, озаренный вулканическим пламенем Эребуса и Террора[1].

---

[1] Эребус и Террор — вулканы, находящиеся в Антарктиде, на острове Росса (у берегов Земли Виктории). Эребус — действующий вулкан, Террор — потухший.

Однако в ночь с 3 на 4 апреля произошла перемена к лучшему. Ветер, в течение нескольких дней изо всех сил дувший с севера, внезапно стих. Наступил полный штиль, а затем начал дуть легкий юго-восточный ветер: подобные атмосферные причуды часто наблюдаются в период равноденствия.

К коммодору Симкоо возвращается некоторая надежда. Если Стандарт-Айленд будет отброшен на несколько сот миль к западу, то этого окажется достаточным, чтобы противное течение подхватило его и приблизило к Австралии или к Новой Зеландии. Во всяком случае, его дрейф к полюсу, повидимому, прекратился, и возможно, что на подступах к австралийским землям он повстречает какие-нибудь корабли.

С восходом солнца юго-восточный ветер сильно свежеет. Стандарт-Айленд заметно ощущает его воздействие. Высокие здания острова, обсерватория, мэрия, храм, собор до известной степени перенимают ветер. Они выполняют роль парусов на огромном судне водоизмещением в четыреста тридцать два миллиона тонн.

Хотя по небу быстро бегут облака, солнечный диск от времени до времени появляется между ними, и наверное это позволит хорошо провести наблюдения.

Действительно, дважды удалось уловить солнце, вынырнувшее из облаков.

Вычисления показывают, что со вчерашнего дня Стандарт-Айленд переместился на два градуса к северо-западу.

Однако трудно допустить, чтобы пловучий остров подчинялся в данном случае одной лишь силе ветра. Приходится поэтому прийти к заключению, что он уже попал в одно из тех противотечений, которые отделяют великие течения Тихого океана одно от другого. Выпади ему счастье попасть в то, которое идет в северо-западном направлении, и шансы на спасение станут вполне реальными. Но только бы это случилось поскорей, так как выдачу пищи снова пришлось урезать, запасы уменьшаются с угрожающей быстротой, а ведь надо прокормить десять тысяч человек!

Когда последние астрономические данные были сообщены населению обоих портов и города, в умах

наступило некоторое успокоение. Известно, как быстро переходит толпа от одного чувства к другому, от отчаяния к надежде. Так случилось и сейчас. Понятно, что население Стандарт-Айленда, столь не похожее на несчастные людские массы, скученные в больших городах материка, менее подвержено панике, более рассудительно, более терпеливо. Но чего только не приходится опасаться, когда возникает угроза голода?

В течение первой половины дня ветер продолжает крепчать. Барометр медленно понижается. Море набухает длинными и мощными волнами — следовательно где-то на юго-востоке поднимается буря. Раньше для Стандарт-Айленда все это было нипочем. Однако сейчас ему уже не легко переносить такую сильную качку. Некоторые дома страшно сотрясаются сверху донизу, вещи сдвигаются с места, как при землетрясении. Для миллиардцев такие ощущения внове и вызывают у них большую тревогу.

Коммодор Симкоо и весь его персонал не покидают обсерватории, где теперь сосредоточены все отрасли управления. Здание время от времени дрожит, и это очень беспокоит собравшихся, которые вынуждены признать, что дело — очень серьезно.

— Очевидно, — говорит коммодор, — поврежден самый кузов Стандарт-Айленда... Скрепления между отсеками ослабли... Остов уже не имеет той прочности, которая делала его устойчивым. Только бы не встретиться ему с сильной бурей: теперь уже не удастся противостоять ей так, как раньше.

Да, и население больше не доверяет этой искусственной почве... Все чувствуют, что точка опоры может ускользнуть из-под ног... Во сто крат лучше было бы разбиться о скалы антарктического материка!.. Ежесекундный страх, что Стандарт-Айленд может расколоться надвое и затонуть в безднах Тихого океана, которых не измерил еще ни один зонд, заставляет сжиматься даже самые смелые сердца.

К тому же не приходится уже сомневаться, что в некоторых отсеках произошли новые повреждения. Кое-где не выдержали переборки, появились щели и повыскакивали заклепки, скрепляющие стальные листы.

В парке, вдоль берегов Серпентайн-ривер, на дальних улицах города от разрывов в металлической подпочве причудливо вспучивается поверхность земли. Многие здания уже наклоняются и, обваливаясь, могут пробить основание, на котором держится город. Имеются течи, но и думать нечего их заделывать. В то же время совершенно ясно, что в некоторые отсеки подпочвы уже проникла вода, потому что изменилась ватерлиния. Почти по всей окружности острова, в обоих портах, у батарей Волнореза и Кормы она понизилась на один фут, и если понижение будет продолжаться, волны начнут захлестывать побережье. Если же Стандарт-Айленд потеряет остойчивость, он затонет через несколько часов.

Коммодор Симкоо хотел бы скрыть эти обстоятельства, чтобы не вызвать паники, а то и еще чего-нибудь похуже. На какую только расправу с виновниками всех этих бедствий не окажутся способны жители острова! Ведь они не могут искать спасения в бегстве, как пассажиры гибнущего корабля, не могут броситься в шлюпки, построить плот, на котором спасается экипаж в надежде, что его подберет какой-нибудь корабль... Нет, сейчас сам Стандарт-Айленд стал таким плотом, которому уже грозит гибель!..

Ежечасно в течение дня по распоряжению коммодора Симкоо отмечается положение ватерлинии. Она продолжает понижаться. Следовательно, вода продолжает просачиваться в отсеки, медленно, но непрерывно и неодолимо.

Вместе с тем портится и погода. Небо принимает оттенок свинцовый, медный, красноватый. Барометр падает все быстрее. В атмосфере все предвещает близкую бурю. Воздух так насыщен парами, что дальше побережья Стандарт-Айленда ничего не видно.

К вечеру поднимается ужасный ветер. Под ударами волн, бьющими по основанию острова, отсеки распадаются, болты лопаются, стальные листы разрываются. Улицы города, лужайки парка вот-вот провалятся... Поэтому с приближением ночи все покидают Миллиард-Сити и уходят за город, где безопаснее, так как там меньше тяжелых сооружений. Все население раз-

брелось по полям между обоими портами и батареями Волнореза и Кормы.

Около девяти часов Стандарт-Айленд вдруг сотрясается до самого основания. Энергетическая установка Штирборт-Харбора, дававшая электрический свет, поглощена морской пучиной. Воцаряется полнейший мрак, не видно ни неба, ни моря.

Вскоре новые сотрясения почвы указывают на то, что здания начинают валиться, словно карточные домики. Не пройдет и нескольких часов, и на Стандарт-Айленде не останется ни одной постройки!

— Господа, — говорит коммодор Симкоо, — нам больше нельзя оставаться в обсерватории: она может обрушиться... Идем в поле и переждем там бурю...

— Это циклон, — добавляет король Малекарлии, указывая на барометр, упавший до 713 миллиметров.

Действительно, пловучий остров попал в один из тех циклонов, которые действуют, как мощные конденсаторы. Круговое движение урагана поднимает массы воды, бушующей вокруг почти вертикальной оси, и распространяется с запада на восток, отклоняясь в Южном полушарии к югу. Циклон — атмосферное явление огромной разрушительной силы, и чтобы выбраться из него, надо достичь его относительно спокойного центра или хотя бы правой части траектории, «полукруга, в котором возможно управление», где волны не так свирепствуют... Но за неимением двигателей Стандарт-Айленд не в состоянии маневрировать. На этот раз его увлекает к гибели не людская глупость, не дурацкое упрямство обоих владельцев, а ужасное явление природы, которое и довершит уничтожение острова.

Коммодор Симкоо, полковник Стюарт, Себастьен Цорн и его товарищи, астрономы и офицеры покидают обсерваторию, где становится небезопасно. Как раз во-время! Не успели они пройти и двухсот шагов, как огромная башня с ужасным грохотом рухнула, пробила почву сквера и исчезла в пучине. Через мгновение от всего здания осталась лишь груда обломков.

Тем временем членам квартета пришла в голову мысль добежать вдоль Первой авеню до казино, где находятся их инструменты, которые они все-таки хотели

бы спасти. Казино пока что стоит на месте, они добираются до него, поднимаются в свои комнаты, хватают обе скрипки, альт и виолончель и бегут с ними в парк, ища спасения.

Там уже собралось несколько тысяч человек из обеих частей города. В их числе — семьи Танкердона и Коверли, и, вероятно, хорошо, что в такой темноте им нельзя ни увидеть, ни узнать друг друга.

Уолтеру удалось все же пробраться к мисс Ди Коверли. Он попытается спасти ее, когда наступит окончательная катастрофа... Он постарается уцепиться вместе с нею за какой-нибудь обломок...

Девушка угадала, что молодой человек подле нее, и у нее вырывается крик:

— Ах, Уолтер!..

— Ди, дорогая Ди... я здесь!.. Я вас больше не оставлю...

Наши парижане тоже не хотят разлучаться... Они держатся вместе. Фрасколен не утратил привычного хладнокровия. Ивернес нервничает. Пэншина полон иронической покорности. А Себастьен Цорн повторяет Атаназу Доремюсу, который наконец-то отважился присоединиться к своим соотечественникам:

— Я все время говорил, что это плохо кончится!.. Я это предсказывал!

— Прекрати свои тремоло в миноре, старый Исайя, — кричит «Его высочество», — довольно с нас твоих нудных покаянных псалмов!

Около полуночи сила циклона удваивается. Ветры, сходясь в одной точке, поднимают чудовищные валы и бросают их на Стандарт-Айленд. Куда увлечет его борьба стихий?.. Разобьется ли он о подводные скалы? Распадется ли на части в открытом море?

Теперь его корпус пробит во многих местах. Со всех сторон раздается треск ломающихся болтов и заклепок. Здания, церковь, храм, мэрия — все провалилось в разверзшиеся щели, и через них бурно врываются морские волны. Ни следа не осталось от великолепных сооружений. Сколько богатств, сколько сокровищ, картин, статуй, произведений искусства исчезло навеки! На рассвете миллиардцы не увидят своего роскошного Мил-

лиард-Сити, если рассвет для них наступит, если они не погибнут в пучине вод вместе со Стандарт-Айлендом.

И действительно, вода начинает проникать в парк, на поля, где подпочва все еще держалась. Ватерлиния еще больше опустилась. Уровень пловучего острова сравнялся с уровнем моря, и циклон обрушивает на него волны океана.

Нигде не найти ни прибежища, ни укрытия. Батарея Волнореза, находящаяся на самом ветру, не может защитить ни от морских волн, ни от порывов ветра, которые бьют, словно картечь. Отсеки разверзаются, и вдоль и поперек всего острова с грохотом, который заглушил бы самые сильные громовые раскаты, возникают трещины... Гибель близка...

Около трех часов утра парк вдоль течения Серпентайн-ривер прорезает трещина длиной в два километра, вода выступает из нее широкой волной. Надо скорее бежать, и все население рассеивается по полям. Одни бегут к портам, другие к батареям. Семьи разлучаются, матери напрасно ищут детей, а неистовствующие волны гигантским приливом захлестывают поверхность Стандарт-Айленда.

Уолтер Танкердон не покидает мисс Ди Коверли и пытается увлечь ее в сторону Штирборт-Харбора. У нее нет сил идти за ним. Он поднимает ее, почти бездыханную, несет на руках в ужасающем мраке, среди воплей обезумевшей от ужаса толпы...

В пять утра в восточном направлении снова раздается треск разрывающегося металла.

Обломок, величиною около половины квадратной мили, отделяется от Стандарт-Айленда.

Это Штирбор-Харбор, со своими заводами, машинами, складами, уносится куда-то по воле ветра...

Циклон достигает наивысшей силы, и под его непрестанными ударами Стандарт-Айленд несется по волнам, как обломок разбитого судна... Его остов разваливается окончательно. Отсеки отделяются друг от друга, иные исчезают в морской пучине.

. . . .

— После краха Компании — крах пловучего острова! — восклицает Пэншина.

И эта шутка верно определяет положение.

Теперь от чудесного Стандарт-Айленда остались только разметанные в разные стороны обломки, подобные случайным осколкам раздробленной кометы, плавающие, правда, не в воздушном пространстве, а на поверхности безбрежного Тихого океана.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Развязка

Вот что увидел бы на рассвете наблюдатель, который обозревал бы эти места с высоты нескольких сот футов: на волнах колышутся три обломка Стандарт-Айленда, каждый площадью от двух до трех гектаров, и приблизительно в десяти кабельтовых от них еще несколько обломков меньших размеров.

Циклон начинает стихать с первыми проблесками дня. С быстротой, свойственной этим мощным атмосферным явлениям, центр его переместился миль на тридцать к востоку. По взбаламученному морю все еще катятся чудовищные валы, и обломки, крупные и мелкие, качает и бросает, как корабли в бушующем океане.

Больше всего пострадала та часть Стандарт-Айленда, на которой находился Миллиард-Сити. В сущности она целиком затонула под тяжестью возвышавшихся на ней сооружений. Тщетно было бы искать хоть каких-нибудь следов зданий, особняков, окаймлявших главные авеню обеих частей города! Никогда еще левобортники и правобортники не были столь основательным образом разъединены, и уж, конечно, не так представляли они себе это разъединение.

Велико ли количество жертв?.. Можно опасаться, что очень велико, хотя население во-время разбежалось по полям, где почва оказывала большее сопротивление разрывам.

Ну что, довольны теперь все эти Коверли и Танкердоны последствиями своей преступной распри?.. Ни один

из них не будет управлять, одолев другого!.. Миллиард-Сити пошел на дно и вместе с ним — огромные деньги, которые они за него заплатили!.. Но нечего их жалеть! В сундуках американских и европейских банков у них осталось еще достаточно миллионов, чтобы на старости лет им не пришлось заботиться о куске хлеба насущного!

Самый большой обломок представляет собою та часть острова, которая простиралась между обсерваторией и батареей Волнореза. Поверхность его — около трех гектаров, на которых столпилось не менее трех тысяч потерпевших кораблекрушение,— как иначе назвать этих людей?

На втором обломке, несколько меньших размеров, еще сохранились некоторые строения, находившиеся вблизи от Бакборт-Харбора, порт с несколькими продовольственными складами и одна из цистерн с пресной водой. Что касается энергетической установки и строений, в которых помещались машины и двигатели, — все это исчезло при взрыве котлов. На этом втором обломке нашли приют две тысячи человек. Может быть, если не все лодки Бакборт-Харбора погибли, удастся установить какую-нибудь связь с первым обломком.

Что же до Штирборт-Харбора, то известно, что эта часть Стандарт-Айленда оторвалась от него около трех часов утра. Вероятно, она затонула, ибо, насколько хватает глаз, никаких следов ее не видно.

Помимо этих двух обломков, на воде плавает еще и третий, размерами в четыре-пять квадратных километров; это та часть острова, которая примыкала к батарее Кормы, на ней находится сейчас около четырех тысяч человек.

Наконец еще на десятке обломков, каждый размером в несколько сот квадратных метров, приютилось прочее население, спасшееся от гибели.

Вот и все, что уцелело от бывшей «жемчужины Тихого океана». Жертв катастрофы, очевидно, не менее нескольких сот. И хорошо еще, что не весь Стандарт-Айленд затонул в водах Тихого океана.

Но, оказавшись так далеко от всякой суши, как достигнут эти обломки берега?.. Не грозит ли потерпевшим кораблекрушение голодная смерть? И останется ли в живых хоть один свидетель этого бедствия, не имеющего себе равных в истории морских катастроф?

Нет, отчаиваться не следует. Даже отданные на волю ветров и течений, эти деятельные люди сделают все, что только можно, для общего спасения.

На обломке, примыкавшем к батарее Волнореза, собрались коммодор Этель Симкоо, король и королева Малекарлии, служащие обсерватории, полковник Стьюарт, кое-кто из его офицеров, несколько именитых граждан Миллиард-Сити, духовенство, — словом, значительная часть населения.

Тут же семьи Коверли и Танкердонов, подавленные тяжким бременем ужасной ответственности, лежащей на их главах. Их самих уже поразило несчастье — они потеряли тех, кто им всего дороже, — ведь Уолтер и мисс Ди исчезли!.. Может быть, они на другом обломке? Есть ли надежда свидеться с ними когда-нибудь?

Концертный квартет здесь в полном составе вместе со своими замечательными инструментами. Вспомним избитую формулу — «только смерть могла бы их разлучить»!

Фрасколен хладнокровно оценивает положение; он не совсем потерял надежду. Ивернес, которого всегда привлекает необычное, восклицает, глядя на это бедствие:

— Нельзя представить себе более грандиозного финала!

Что касается Себастьена Цорна, то он вне себя от ярости. Его нисколько не утешает, что он так же верно предсказал несчастье Стандарт-Айленда, как пророк Иеремия беды, постигшие Сион. Он голоден, зябнет, он простудился, его мучат отчаянные приступы кашля, не дающие никакой передышки. А неисправимый Пэншина говорит ему:

— Нельзя, старина Цорн, нельзя так повторяться... правила гармонии этого не допускают.

Виолончелист охотно придушил бы «Его высочество», если бы хватило сил, но их-то у него и нет.

А Калистус Мэнбар?.. Ну, г-н директор попросту герой... да, герой! Он не желает отчаиваться ни в спасении потерпевших, ни даже в спасении Стандарт-Айленда... Все вернутся на родину... Пловучий остров отремонтируют... обломки его прочны... и никто не посмеет сказать, что стихии одолели такой шедевр кораблестроительной техники!

Несомненно одно: непосредственная опасность уже миновала. Все, что во время циклона было под угрозой гибели, погибло: Миллиард-Сити, его сооружения, особняки, дома, фабрики, батареи, все тяжеловесные постройки. Сейчас обломки острова находятся в хорошем состоянии: ватерлиния сильно повысилась, и волны уже не захлестывают их.

Это все-таки заметное улучшение, — люди могут перевести дух, а так как непосредственная опасность миновала, общее состояние потерпевших кораблекрушение тоже стало лучше. Понемногу все начинают успокаиваться. Только женщины да дети, не способные рассуждать, не могут совладать с терзающим их страхом.

А что случилось с Атаназом Доремюсом?.. Когда начался распад Стандарт-Айленда, учителя грации и хороших манер вместе с его старушкой служанкой сразу отнесло в сторону на одном из обломков. Но потом течение опять прибило их к тому куску, где находились музыканты.

Между тем коммодор Симкоо, как настоящий капитан пострадавшего от бури судна, принялся, с помощью самоотверженных подчиненных, за работу. Самое главное сейчас — как-нибудь соединить эти разрозненные обломки. Если это невозможно, то нельзя ли установить между ними связь? Этот вопрос вскоре получает положительное решение, потому что в Бакборт-Харборе обнаруживают много исправных лодок. Объехав на лодке отдельные куски пловучего острова, коммодор Симкоо будет знать, какие имеются ресурсы, сколько осталось пресной воды, сколько съестных припасов.

Но есть ли возможность установить, на какой широте и долготе находится эта флотилия обломков?

Нет, за отсутствием инструментов для измерения высоты солнца над горизонтом этого установить нельзя, и потому невозможно получить представление о том, находится ли означенная флотилия поблизости от какого-нибудь острова или материка.

В девять часов утра коммодор Симкоо садится с двумя своими офицерами в шлюпку, присланную из Бакборт-Харбора. На этой лодке он посещает прочие обломки. Вот что выяснилось во время обследования: опреснительные аппараты Бакборт-Харбора уничтожены, но в водохранилище хватит еще недели на две питьевой воды, если расходование ее будет строго ограничено. Что касается запасов портового склада, то они могут обеспечить спасшихся пропитанием примерно на такой же срок.

Значит, потерпевшим кораблекрушение необходимо не позже чем через две недели высадиться в каком-либо пункте Океании.

Сведения эти могут считаться до известной степени успокоительными. Все же коммодору Симкоо приходится с огорчением признать, что ужасная ночь стоила многих сотен жизней. Страдания семейств Танкердонов и Коверли нельзя описать. Ни Уолтер, ни мисс Ди не были обнаружены на обломках, которые объездил коммодор. В момент катастрофы молодой человек, неся на руках свою потерявшую сознание невесту, направлялся к Штирборт-Харбору, а от этой части Стандарт-Айленда на поверхности Тихого океана не осталось ничего.

После полудня ветер постепенно начинает спадать, море успокаивается и куски острова только чуть покачиваются на волнах. Благодаря быстрым шлюпкам Бакборт-Харбора коммодор Симкоо может заняться распределением продовольствия, причем каждый потерпевший получит ровно столько, чтобы лишь не умереть с голоду.

Впрочем, людям теперь стало легче общаться друг с другом. Отдельные обломки острова, повинуясь закону взаимного притяжения, подобно кусочкам

пробки на поверхности налитой в таз воды, понемногу сближаются друг с другом. И это кажется хорошим предзнаменованием доверчивому Калистусу Мэнбару, который уже предвидит возрождение своей «жемчужины Тихого океана».

Ночь проходит в полнейшем мраке. Как далеко то время, когда авеню Миллиард-Сити, улицы его торговых кварталов, лужайки парка, поля и луга сияли электрическими огнями, когда алюминиевые луны щедро заливали своим ослепительным светом весь плавучий остров!

В темноте произошло несколько столкновений между отдельными обломками. Ударов избежать было нельзя, но, к счастью, они не были сильны и не причинили беды.

На рассвете все убедились, что обломки сильно сблизились между собою и плывут вместе по спокойному морю, не задевая друг друга. Чтобы перебраться с одного на другой, достаточно нескольких взмахов весла. Коммодору Симкоо не стоит никакого труда упорядочить снабжение водой и продовольствием. Потерпевшие сами понимают, что это сейчас главное, и спокойно мирятся с лишениями.

Лодки перевозят целые семьи. Люди разыскивают потерянных родных. Какая радость обрести своих близких, не помышляя о грядущих опасностях! Какое горе — тщетно взывать к отсутствующим!

Штиль, установившийся на море, — обстоятельство весьма радостное. Все же, может быть, надо пожалеть о том, что юго-восточный ветер спал. Он помог бы течению, которое в этой части Тихого океана направляется к австралийским землям.

По приказу коммодора Симкоо повсюду расставлены наблюдатели, тщательно обозревающие горизонт по всей его окружности. Если появится какой-нибудь корабль, ему тотчас же станут подавать знаки. Но в этих отдаленных областях океана корабли редки, особенно же теперь, когда начинаются равноденственные бури.

Надежда заметить дымок, расстилающийся над линией, которая отделяет небо от воды, или увидеть

парус, вырисовывающийся на горизонте, следовательно, очень мала... И, однако, около двух часов пополудни коммодор Симкоо получает от одного из наблюдателей следующее донесение:

«В северо-восточном направлении заметна перемещающаяся точка, и, хотя нельзя различить самый корпус, мимо Стандарт-Айленда, очевидно, проходит какое-то судно».

Эта новость вызывает необычайное волнение. Король Малекарлии, коммодор Симкоо, офицеры, инженеры, все устремляются на ту сторону, откуда замечен корабль. Отдан приказ привлечь внимание взмахами флагов, укрепленных на длинных шестах, и залпами из имеющихся в наличии ружей. Если наступит ночь, а сигналы не будут замечены, на головном обломке зажгут костер, в темноте он будет виден на большом расстоянии, его обязательно приметят.

Но до вечера ждать не пришлось. Судно, о котором идет речь, явно приближается. Над ним расстилается густой дым, и нет сомнения, что оно идет к останкам Стандарт-Айленда. Поэтому бинокли не теряют его из виду, хотя корпус судна лишь незначительно приподнят над уровнем моря, и оно не имеет ни мачт, ни парусов.

— Друзья мои, — раздается вскоре восклицание коммодора Симкоо, — теперь можно сказать с уверенностью: это обломок нашего острова... и это может быть только Штирборт-Харбор, который течением отнесло далеко в море!.. По всей вероятности, мистеру Сомуа удалось исправить машину и он направляется к нам!

Новость эта встречена с безумным восторгом. Всем кажется, что теперь спасение обеспечено! С этим обломком Штирборт-Харбора к Стандарт-Айленду словно возвращается жизненно необходимый орган.

Все действительно произошло так, как предположил коммодор Симкоо. Оторвавшись от Стандарт-Айленда, Штирборт-Харбор, подхваченный противотечением, был отнесен к северо-востоку. С наступлением утра мистер Сомуа, произведя кое-какую починку

слегка поврежденных машин, вернулся к месту крушения, везя еще несколько сот оставшихся в живых.

Через три часа Штирборт-Харбор находится на расстоянии одного кабельтова от флотилии... И с какой радостью, какими восторженными криками его встречают! Уолтер Танкердон и мисс Ди Коверли, которым удалось обрести на нем прибежище перед катастрофой, находятся тут же, друг подле друга...

С прибытием Штирборт-Харбора возникают кое-какие шансы на спасение. На складах порта достаточно горючего, чтобы в течение нескольких дней приводить в движение машины, поддерживать работу динамо и вращение винтов. Пять миллионов лошадиных сил, которыми он располагает, помогут добраться до ближайшей земли. Согласно наблюдениям, проделанным коммодором Симкоо, такой землей является Новая Зеландия.

Но трудность состоит в том, что на Штирборт-Харборе надо разместить несколько тысяч человек, а поверхность его — всего шесть-семь тысяч квадратных метров. Не послать ли его искать подмоги за пятьдесят миль?

Но это потребовало бы слишком много времени, а часы остаются считанные. Ведь чтобы уберечь потерпевших кораблекрушение от мучений голода, нельзя терять ни одного дня.

— Есть выход гораздо лучше, — говорит король Малекарлии. — На обломках Штирборт-Харбора, батареи Волнореза и батареи Кормы можно разместить всех оставшихся в живых. Соединим эти три обломка крепкими цепями и расположим их гуськом, как баржи, которые тянет буксир. Затем Штирборт-Харбор встанет во главе каравана и при помощи своих пяти миллионов лошадиных сил приведет нас в Новую Зеландию!

Совет отличный, практически осуществимый и имеет все шансы на успех, раз Штирборт-Харбор обладает столь мощной двигательной силой. В сердца людей снова возвращается уверенность в спасении, как будто они уже видят желанную гавань.

Остаток дня все трудятся, спеша пришвартовать це-

пями друг к другу осколки Стандарт-Айленда. Коммодор Симкоо полагает, что такое пловучее ожерелье может делать от восьми до десяти миль в сутки. Следовательно, с помощью течения оно в пять суток пройдет расстояние, отделяющее его от Новой Зеландии. На это время съестных припасов наверняка хватит. Однако, осторожности ради и в предвидении возможных задержек, ограничения в пище будут строжайше соблюдаться.

Около семи часов вечера, когда все было готово, Штирборт-Харбор занял свое место во главе каравана. Его винты вращаются, и, ведя на буксире два других обломка, он начинает медленно двигаться по морю, на котором царит полный штиль.

На рассвете следующего дня наблюдатели потеряли из виду последние остатки Стандарт-Айленда.

Никаких происшествий не случилось 4, 5, 6, 7 и 8 апреля. Погода благоприятная, зыбь едва ощущается, и плавание проходит в отличных условиях.

Девятого апреля около восьми часов утра с левого борта замечена земля — высокий берег, видный издалека.

При помощи инструментов, сохранившихся в Штирборт-Харборе, сделаны измерения, и уже не остается никаких сомнений, что это оконечность И-ка-на-мауи, большой северный остров Новой Зеландии.

Проходит еще один день, еще одна ночь, и назавтра, 10 апреля утром, Штирборт-Харбор останавливается на расстоянии одного кабельтова от берега бухты Равараки.

Какое успокоение, какое чувство безопасности охватывает людей, когда они ощущают под ногами настоящую землю вместо искусственной почвы Стандарт-Айленда!

И, однако, прочно построенное самоходное судно существовало бы еще очень долго, если бы страсти человеческие, оказавшиеся сильнее ветров и волн, не способствовали его разрушению!

Потерпевшие гостеприимно приняты новозеландцами, которые немедленно снабжают их всем, в чем они нуждаются.

По прибытии в Окленд, столицу острова И-ка-на-мауи, со всей торжественностью, которой требуют обстоятельства, справляют свадьбу Уолтера Танкердона и мисс Ди Коверли. Добавим, что Концертный квартет в последний раз выступал перед публикой Стандарт-Айленда при совершении этой церемонии, на которой пожелали присутствовать все миллиардцы. Это будет счастливый брачный союз, и как жаль, что в интересах общественного благополучия он не был заключен раньше! Каждый из молодоженов имеет сейчас ежегодный доход размером не более одного жалкого миллиона...

— Но, — как выразился по этому поводу Пэншина, — надо полагать, что и при этих скудных средствах они все же обретут счастье!

Что касается Танкердонов, Коверли и прочих именитых семей, то они намерены возвратиться в Америку, где им не придется оспаривать друг у друга власти губернатора пловучего острова.

То же решение принимают коммодор Этель Симкоо, полковник Стьюарт и их офицеры, служащие обсерватории и даже г-н директор Калистус Мэнбар, который ни в какой мере не склонен отказываться от мысли построить новый искусственный остров.

Король и королева Малекарлии не скрывают, что они сожалеют о Стандарт-Айленде, на котором они думали мирно закончить свои дни... Будем надеяться, что бывшие венценосцы найдут на земле такой уголок, где их жизнь пойдет в стороне от политических схваток!

А Концертный квартет?

Ну, для Концертного квартета, что бы там ни говорил Себастьен Цорн, дело получилось выгодное, и если бы виолончелист и сейчас сердился бы на Калистуса Мэнбара за то, что тот поселил его на острове против воли, то это было бы чистейшей неблагодарностью.

И правда, с 25 мая прошлого года до 10 апреля текущего прошло немногим менее одиннадцати месяцев, в течение которых наши артисты вели, как известно, жизнь подлинно роскошную. Они получили

гонорар за весь год, причем три четверти этих денег уже лежат в банках Сан-Франциско и Нью-Йорка, откуда их можно взять в любой момент.

После свадебной церемонии в Окленде Себастьен Цорн, Ивернес, Фрасколен и Пэншина распрощались со своими друзьями, в том числе и с Атаназом Доремюсом. Затем они сели на пароход и отплыли в Сан-Диего.

Прибыв 3 мая в столицу Нижней Калифорнии, они прежде всего через местные газеты принесли свои извинения в том, что не сдержали слова одиннадцать месяцев назад, и теперь выражали живейшее сожаление, что заставили себя ждать.

— Господа, мы ждали бы вас хоть двадцать лет!

Таков приветливый ответ, который они получают от распорядителя музыкальных вечеров Сан-Диего.

Можно ли рассчитывать на бо́льшую снисходительность и любезность? Единственный способ выказать свою благодарность — дать, наконец, давно объявленный концерт!

И когда они исполняют перед многочисленной и восторженно настроенной публикой квартет Моцарта фа-мажор, соч. 9, на долю виртуозов, спасшихся при крушении Стандарт-Айленда, выпадает чуть ли не наибольший успех за всю их артистическую деятельность.

Вот как кончилась история «девятого чуда света», несравненной «жемчужины Тихого океана». Говорят — все хорошо, что хорошо кончается... но все плохо, что кончается плохо. Ну, а каков же конец Стандарт-Айленда?

Конец? Ну, нет! Рано или поздно, а его построят заново — так по крайней мере утверждает Калистус Мэнбар.

И все-таки — повторим мы опять — построить искусственный остров, остров, плавающий по морям, не значит ли это перейти границы, определенные человеческому гению? И разве дозволено человеку, который не властен над ветрами и течениями, так необдуманно посягать на права творца?..

1895 г.

ФЛАГ РОДИНЫ

Перевод О. Моисеенко
Под редакцией Е. Шишмаревой

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хелтфул-Хаус

На визитной карточке, которую получил в тот день — 15 июня 189 . года — директор лечебницы Хелтфул-Хаус, не было ни герба, ни короны и стояла одна только фамилия

«Граф д'Артигас»

Под фамилией, в нижнем углу карточки, был написан карандашом следующий адрес:

«На борту шкуны «Эбба», якорная стоянка Нью-Берна, залив Памлико».

Столица Северной Каролины, одного из сорока четырех штатов Америки, довольно крупный город Роли, расположена в глубине страны, на расстоянии около ста пятидесяти миль от побережья. Этот город стал административным центром именно благодаря своему местоположению, так как в промышленном и торговом отношении другие города ему не уступали или даже превосходили его; таковы, например, Уилмингтон, Шарлотт, Фейетвилл, Идентон, Вашингтон, Солсбери, Тарборо, Галифакс, Нью-Берн. Этот последний город расположен в низовьях реки Ньюс, впадающей в залив Памлико, обширную морскую лагуну, защищенную как бы естественным молом — грядой островов и островков у каролинского побережья.

Директор Хелтфул-Хауса никогда не угадал бы, зачем ему вручили визитную карточку, если бы не приложенная записка, в которой граф д'Артигас просил разрешения посетить его лечебницу. Знатный гость, выражая надежду, что директор любезно согласится принять его, собирался прибыть после полудня в сопровождении капитана Спаде, командира шкуны «Эбба».

Желание проникнуть за ограду столь знаменитого в те годы лечебного заведения, весьма модного среди богатых американцев, казалось совершенно естественным со стороны иностранца. Там побывало немало посетителей с менее громким именем, чем граф д'Артигас, и никто не скупился на похвалы директору Хелтфул-Хауса. Поэтому директор поспешил дать просимое разрешение, ответив, что почтет за честь принять графа д'Артигаса в стенах своей лечебницы.

Хелтфул-Хаус обслуживался первоклассным персоналом и привлекал для консультаций самых знаменитых врачей. Это было частное лечебное заведение, независимое от других госпиталей и больниц, подчиненное лишь общему государственному надзору. Там был комфорт, образцовый порядок и в сочетании со здоровым климатом создавались все условия, которые требуются в санаториях подобного рода, предназначенных для богатой клиентуры.

В самом деле, трудно было найти более приятное местоположение для санатория, чем в Хелтфул-Хаусе. На склоне холма расстилался парк площадью в двести акров с роскошной растительностью, которой изобилует Северная Америка на широтах, соответствующих Канарским островам и Мадейре. Нижняя часть парка спускалась к широкому устью реки Ньюс, где постоянно веяли свежие ветерки с залива Памлико и морские бризы, перелетавшие через узкую береговую косу.

Хелтфул-Хаус, предоставлявший богатым пациентам идеальный уход и прекрасные гигиенические условия, предназначался главным образом для лечения хронических болезней; однако администрация не отказывалась принимать и больных с умственным расстройством, если только заболевание их не было неизлечимым.

Как раз теперь, вот уже полтора года, там содержался под особым наблюдением весьма знаменитый пациент; это обстоятельство привлекало к Хелтфул-Хаусу всеобщее внимание и, возможно, объясняло также и визит графа д'Артигаса.

Человек, о котором идет речь, был француз лет сорока пяти, по имени Тома Рок. В том, что он душевнобольной, не могло быть никаких сомнений. Однако врачи-психиатры пока еще не констатировали у него полной потери умственных способностей. В обыденной жизни он вел себя как человек ненормальный, — это было совершенно очевидно. Но Тома Рок вновь становился разумным, проницательным, логичным, когда обращались к его научной мысли, к его гению, — а, как известно, гениальность часто граничит с безумием. Несомненно, его психика и нервная система были сильно расстроены. Любое раздражение приводило его к неистовым и буйным припадкам. Больной страдал потерей памяти, болезненной рассеянностью, неспособностью сосредоточить внимание на окружающем. Тома Рок превращался мало-помалу в жалкое существо, лишенное разума, не умеющее обходиться без посторонней помощи, утратившее природный инстинкт, которым обладают даже животные, — инстинкт самосохранения, и его нельзя было спускать с глаз, как малого ребенка. Поэтому служителю флигеля № 17 в нижней части парка Хелтфул-Хаус, где помещался больной, поручено было присматривать за ним днем и ночью.

Обычно сумасшествие, если оно не безнадежно, лечат посредством морального воздействия. Медицина здесь бессильна, ее беспомощность давно уже признана специалистами. Можно ли было с успехом применить моральное воздействие к болезни Тома Рока? В этом позволительно усомниться, даже если больной находится в спокойных и благотворных условиях Хелтфул-Хауса. В самом деле, вечное беспокойство, резкая смена настроений, раздражительность, нелепые причуды, уныние, апатия, отвращение и к серьезным занятиям и к развлечениям — все эти симптомы болезни были налицо. Ни один врач не мог

бы здесь ошибиться, и, казалось, никакие лекарства не способны были исцелить больного или улучшить его состояние.

Правильно сказано, что безумие — это чрезмерная субъективность, то есть такое душевное состояние, когда человек всецело поглощен внутренней работой и не интересуется внешними впечатлениями.

У Тома Рока это безразличие ко всему доходило до крайности. Углубленный в самого себя, он жил весь во власти навязчивой идеи, которая и довела его до помешательства. Способно ли какое-нибудь событие, какой-нибудь внешний толчок снова вернуть его к жизни? Это казалось маловероятным, хотя и не невозможным.

Теперь следует объяснить, при каких обстоятельствах француз Рок покинул Францию, зачем приехал в Соединенные Штаты и почему американское правительство сочло необходимым и благоразумным заключить его в эту лечебницу, где за ним должны были наблюдать и тщательно записывать все, что могло вырваться у него во время припадков безумия.

Полтора года тому назад морскому министру в Вашингтоне вручили просьбу об аудиенции от лица Тома Рока, который желал сделать ему важное сообщение.

Едва услышав это имя, министр сразу понял, в чем дело. Хотя он и знал, какого рода будет сообщение и какие требования за ним последуют, он ни минуты не раздумывал и немедленно согласился дать аудиенцию.

В самом деле, Рок был настолько известен, что в интересах вверенного ему дела министр обязан был, не колеблясь, принять посетителя и ознакомиться с предложениями, которые тот хотел сделать ему лично.

Тома Рок был изобретателем, гениальным изобретателем. Несколько важных открытий уже доставили ему громкую известность. Благодаря ему проблемы, считавшиеся до того времени чисто теоретическими, получили практическое применение. Его имя прославилось в науке. В ученом мире он занимал одно из первых мест. Мы увидим дальше, как неудачи, разочарования, даже оскорбления со стороны газетных писак довели его до

помешательства и чем была вызвана необходимость поместить его в лечебницу Хелтфул-Хаус.

Последнее его изобретение, военный снаряд, носило название «фульгуратор Рок». Это мощное оружие, по его словам, настолько превосходило все созданные прежде, что государство, обладающее им, стало бы неограниченным властелином всех континентов и морей.

Мы, к сожалению, хорошо знаем, с какими неодолимыми препятствиями сталкиваются изобретатели, когда хотят продвинуть свое изобретение, в особенности если они пытаются предложить его министерским комиссиям. Множество широко известных примеров еще свежо в нашей памяти. Бесполезно распространяться на эту тему, ибо в делах такого рода много закулисных тайн, много темного и труднообъяснимого. Что же касается Тома Рока, следует признать, что, подобно большинству своих предшественников, он предъявлял столь чрезмерные требования, назначал за свое новое оружие столь неслыханную цену, что с ним просто невозможно было вести переговоры.

Его упорство объяснялось тем, — и мы должны это отметить, — что при распространении прежних изобретений, давших плодотворные результаты, его уже не раз бессовестно обманывали. Ему никогда не удавалось получить вознаграждение, на которое он по справедливости мог рассчитывать, и характер его мало-помалу ожесточился. Тома Рок сделался подозрительным, никому не доверял, ставил невыполнимые условия, настаивал, чтобы ему поверили на слово, и заранее, до всяких испытаний, запрашивал такую огромную сумму, что его требования казались всем неприемлемыми.

В первую очередь француз предложил «фульгуратор Рок» Франции. Комиссии, которой было поручено ознакомиться с его предложением, он объяснил в общих чертах, в чем оно состояло. Дело шло об особом самодвижущемся снаряде, снабженном новым взрывчатым веществом, который приводился в действие с помощью воспламенителя также совершенно новой системы.

Когда этот снаряд, пущенный из некоего неведомого орудия, разорвется хотя бы на расстоянии нескольких сот метров от намеченной цели, то получится такое сильное сотрясение воздушных слоев, что любое сооружение в зоне десяти тысяч квадратных метров — крепостной форт или военный корабль — будет совершенно уничтожено. Изобретение Рока было основано на том же принципе, что и ядро пневматической пушки Залинского, уже испытанной в ту пору, но результаты, полученные Роком, превосходили ее по крайней мере во сто раз.

Если орудие Тома Рока действительно обладало такой мощью, оно могло бы обеспечить его родине полное военное превосходство как в наступлении, так и в обороне. Однако не преувеличивал ли он эту мощь, хотя и прекрасно зарекомендовал себя прежними изобретениями? Этот вопрос могли разрешить только пробные испытания. Но Рок наотрез отказывался проводить испытания, пока не получит миллионов, которые требовал за свой фульгуратор.

Очевидно, еще в ту пору умственные способности Тома Рока пришли в расстройство. Он уже не обладал ясным сознанием и здравым рассудком. Чувствовалось, что он ступил на путь, который постепенно приведет его к настоящему безумию. Согласиться на предложенные им условия было немыслимо, на это не пошло бы ни одно правительство.

Французская министерская комиссия прервала переговоры, и все газеты, даже самые оппозиционные, должны были признать, что это решение правильно. Правительство окончательно отвергло предложения Рока, не опасаясь, что какое-либо другое государство согласится их принять.

Нечего удивляться, что в глубоко потрясенной душе изобретателя, при его все возраставшей болезненной замкнутости, чувство патриотизма мало-помалу ослабело и, наконец, совсем заглохло. К чести человеческой природы следует еще раз повторить, что в то время Рок был уже душевнобольным. Он сохранил ясность мысли во всем, что непосредственно касалось его изобретения. Тут он нисколько не утратил своего гениаль-

ного дарования. Зато в самых обыденных жизненных мелочах его психическое расстройство усиливалось с каждым днем, и он становился почти невменяемым.

Итак, Тома Рок получил отказ. Может быть, следовало принять меры, чтобы он не предложил своего изобретения другим... Об этом во-время не подумали, и напрасно.

Случилось то, что должно было случиться. Под влиянием болезненной раздражительности патриотическое чувство, присущее каждому гражданину, который ставит интересы своей родины выше своих собственных, угасло бесследно в душе оскорбленного изобретателя. Он вспомнил о других государствах, пересек границу, забыл незабвенное прошлое и предложил свой фульгуратор Германии.

Германское правительство, ознакомившись с неслыханными требованиями Тома Рока, тоже отказалось принять его предложение. В довершение всего военное министерство только что провело испытания нового баллистического снаряда и решило пренебречь изобретением французского ученого.

Тогда гнев изобретателя обратился в ненависть, лютую ненависть против всего человеческого рода, — в особенности после новой неудачной попытки договориться с советом адмиралтейства Великобритании. Англичане, как люди практические, не сразу оттолкнули Рока, они пытались прощупать его и сторговаться с ним. Но Рок и слышать ничего не хотел. Его секрет стоит миллионы, он должен получить эти миллионы, или же секрет останется при нем. В конце концов адмиралтейство прервало с ним всякие переговоры.

Вот при каких обстоятельствах, в то время как его умственное расстройство усиливалось с каждым днем, Рок сделал последнюю попытку и обратился к правительству Соединенных Штатов, — это произошло года за полтора до начала нашего повествования.

Американцы, еще более практичные, чем англичане, не стали торговаться, ибо, полагаясь на славную репутацию французского химика, верили в исключительную мощность «фульгуратора Рок». Справедливо считая Рока гениальным ученым и объясняя его странности

болезненным состоянием, они приняли особые меры, рассчитывая расплатиться с ним позднее по умеренной цене.

Так как Тома Рок обнаруживал явные признаки помешательства, власти сочли благоразумным, в интересах самого изобретателя, запереть ученого в больницу.

Как известно, Рока поместили не в сумасшедший дом, а в лечебницу Хелтфул-Хаус, где имелись все необходимые условия для излечения его болезни. И тем не менее, несмотря на самый заботливый и внимательный уход, цель до сих пор не была достигнута.

Повторим еще раз, — здесь важно подчеркнуть эту особенность, — Тома Рок, несмотря на свою невменяемость, приходил в сознание всякий раз, как речь заходила о его изобретениях. Он оживлялся, говорил твердо и авторитетно, как человек, уверенный в себе, и невольно внушал уважение. В порыве красноречия ученый описывал изумительные качества своего фульгуратора, его поистине необычайную разрушительную силу. Что же касается взрывчатого вещества и воспламенителя, входящих в их состав элементов, секрета их изготовления, — об этом он хранил молчание, и ничто не могло заставить его проговориться. Раз или два, во время буйного припадка, тайна, казалось, готова была сорваться у него с языка, и врачи уже приняли меры предосторожности... Но напрасно. Хотя Рок и утратил инстинкт самосохранения, он все также бдительно охранял свое открытие.

Флигель № 17 в парке Хелтфул-Хауса находился в саду, окруженном живой изгородью, где Тома Рок мог прогуливаться под наблюдением своего смотрителя. Последний жил в том же флигеле, спал в одной комнате с пациентом и охранял его днем и ночью, не отлучаясь ни на час. Во время галлюцинаций, которыми обычно страдал больной, при переходе от бдения ко сну, смотритель подстерегал его бессвязные слова, прислушиваясь даже к бреду спящего. Этого человека звали Гэйдон. Узнав вскоре после заточения Тома Рока, что в Хелтфул-Хаусе требуется служитель, хорошо знающий французский язык, он предложил

свои услуги и был приставлен к новому пациенту в качестве смотрителя.

В действительности же Гэйдон был французским инженером по имени Симон Харт, уже несколько лет состоявшим на службе в одной из химических фирм в Нью-Джерси. Это был человек лет сорока, с широким лбом, с суровым и решительным лицом; во всем его облике чувствовалась энергия и вместе с тем сдержанность. Весьма сведущий в различных вопросах, касающихся современного вооружения, а также изобретений и усовершенствований, способных увеличить его мощь, Симон Харт был знаком со всеми открытиями в области взрывчатых веществ, количество которых достигало в ту пору более тысячи ста, и потому не мог не оценить по достоинству такого человека, как Тома Рок. Веря в силу и значение фульгуратора, он не сомневался в том, что изобретатель владел секретом снаряда, способного совершенно изменить условия как оборонительной, так и наступательной войны на суше и на море. Он знал, что безумие пощадило научные идеи больного, что в частично расстроенном мозгу еще брезжило сознание, еще горело пламя, пламя гения. Тогда Симон Харт подумал: если во время припадка ученый выдаст свой секрет, то изобретением француза может воспользоваться не Франция, а чужая страна. И он тут же принял решение наняться служителем к Тома Року, выдав себя за американца, в совершенстве владеющего французским языком. Под предлогом неотложной поездки в Европу он уволился со службы и переменил имя. Короче говоря, благодаря удачному стечению обстоятельств его предложение было принято, — и вот уже пятнадцать месяцев Симон Харт состоял смотрителем при пациенте Хелтфул-Хауса.

Его решение свидетельствовало о редкой самоотверженности, о высоком патриотизме, ибо работа больничного сторожа весьма тягостна для такого интеллигентного и образованного человека, как Симон Харт. Не надо забывать, что инженер никоим образом не собирался присвоить открытие Тома Рока в случае, если бы удалось его выведать, и вовсе не претендовал на причитающееся ученому денежное вознаграждение.

Итак, Симон Харт, или, вернее, Гэйдон, уже пятнадцать месяцев жил бок о бок с сумасшедшим, наблюдая за ним, подслушивая и даже пытаясь задавать вопросы, но так ничего и не добился. Впрочем, теперь он более чем когда-либо был убежден в важности открытия Рока, а потому больше всего боялся, как бы психическое расстройство его подопечного не перешло в полное безумие и как бы после буйного припадка помешательства тот не унес с собой в могилу секрет фульгуратора.

Таково было положение Симона Харта, такова была задача, которой в интересах своей родины он посвятил себя целиком.

Между тем даже после стольких огорчений и разочарований, благодаря могучей натуре Тома Рока, его физическое здоровье не было подорвано. Нервный горячий темперамент помог ему устоять против всевозможных сокрушительных ударов. Средний рост, большая голова, широкий выпуклый лоб, волосы с проседью, взгляд то блуждающий, то живой, внимательный и властный, когда он увлекался любимыми идеями, густые усы, нос с трепещущими ноздрями, крепко сжатые губы, словно боявшиеся, что с них сорвется запретная тайна, сосредоточенное выражение, как у человека, который долго боролся и полон решимости продолжать борьбу, — таков был изобретатель Тома Рок, заточенный в одном из флигелей Хелтфул-Хауса, не сознающий, быть может, что он стал узником, и находившийся под надзором инженера Симона Харта, принявшего имя смотрителя Гэйдона.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Граф д'Артигас

Кем же был в сущности граф д'Артигас? Испанцем?.. Его фамилия как будто указывала на это. Однако на корме его шкуны золотыми буквами было написано слово «Эбба», чисто норвежского происхождения.

А если бы графа спросили, как имя капитана «Эббы» и его помощников, он ответил бы, что капитана зовут Спаде, боцмана — Эфрондат, а кока — Хелим, — удивительно несхожие имена, указывающие на различную национальность членов экипажа.

Можно ли было вывести какое-либо заключение, судя по внешнему виду графа д'Артигаса?.. Вряд ли. Хотя смуглая кожа, черные, как смоль, волосы, изящество осанки и указывали как будто на испанское происхождение, но в общем его облике не хватало многих характерных национальных черт, присущих уроженцам Пиренейского полуострова.

Это был человек выше среднего роста, могучего сложения, не старше сорока пяти лет от роду. Сдержанный и высокомерный, он напоминал знатного индусского раджу с примесью малайской крови. Если он и не был хладнокровным от природы, то во всяком случае старался таким казаться; жесты его были повелительны и речь немногословна. Со своим экипажем он объяснялся обычно на своеобразном смешанном наречии, распространенном на островах Индийского океана и прилегающих морей. Когда же во время морских путешествий ему случалось посещать берега Старого и Нового Света, он совершенно свободно говорил по-английски, и лишь легкий акцент выдавал его иностранное происхождение.

Каково было прошлое графа д'Артигаса, полное загадочных приключений, каково было настоящее, откуда взялось его состояние, повидимому огромное, позволявшее ему вести роскошную жизнь богатого джентльмена, где находилась его постоянная резиденция или по крайней мере обычная стоянка шкуны, — этого никто не мог сказать, да никто и не решился бы спросить у графа, настолько он держался замкнуто и гордо. Он не походил на человека, способного выдать себя во время интервью даже ловким американским репортерам.

О графе д'Артигасе знали только то, что говорили о нем газеты, сообщая о прибытии «Эббы» в какой-нибудь порт, чаще всего на восточном побережье Соединенных Штатов. Действительно, шкуна заходила

туда почти регулярно, в определенные сроки, чтобы запастись всем необходимым для дальнего плавания. Экипаж «Эббы» не только возобновлял там запасы продовольствия — муки, сухарей, консервов, свежего и сушеного мяса, телятины и баранины, вина, пива, спиртных напитков, но закупал также одежду, разные инструменты, необходимое снаряжение, предметы роскоши, платя за все щедро, по высоким ценам, долларами, гинеями или любой другой монетой.

Из этого следует, что хотя о частной жизни графа д'Артигаса никто ничего не знал, сам он был хорошо известен во многих портах американского побережья, от Флориды до Нью-Ингленда.

Поэтому нечего удивляться, что директор Хелтфул-Хауса был весьма польщен визитом графа д'Артигаса и принял его чрезвычайно любезно.

В порт Нью-Берна шкуна «Эбба» зашла впервые. И, вероятно, только каприз ее владельца привел «Эббу» к устью реки Ньюс. Что могло ему понадобиться в этих местах? Запастись провиантом?.. Нет, ибо берега залива Памлико не могли снабдить шкуну такими обильными запасами, как портовые города — Бостон, Нью-Йорк, Довер, Саванна, Уилмингтон — в Северной Каролине и Чарлстон — в Южной Каролине. В лиманах реки Ньюс и на жалком рынке Нью-Берна не нашлось бы товаров, на которые граф д'Артигас мог обменять свои пиастры и банковые билеты. Административный центр округа Кроуен насчитывал не более пяти-шести тысяч жителей. Торговля там сводилась к вывозу зерна, свинины, мебели и морского снаряжения. Кроме того, несколько недель тому назад, во время десятидневной стоянки в порту Чарлстона, шкуна уже взяла полный груз, готовясь к рейсу в неизвестном направлении.

Неужели таинственный путешественник прибыл сюда с единственной целью посетить Хелтфул-Хаус?.. Что ж, вполне возможно и даже не удивительно, — ведь лечебница пользовалась громкой и вполне заслуженной славой.

Возможно также, что графу д'Артигасу захотелось встретиться с Тома Роком. Широкая известность французского изобретателя оправдывала подобное любопыт-

ство. Еще бы! Гениальный безумец, чьи изобретения грозили совершить полный переворот в методах современной военной науки!

И вот после полудня, как указывалось в записке, граф д'Артигас в сопровождении капитана Спаде, командира «Эббы», появился у ворот Хелтфул-Хауса.

Согласно данным распоряжениям оба посетителя были тотчас приняты и проведены в кабинет директора.

Директор оказал графу д'Артигасу самый любезный прием и вызвался лично сопровождать его, не желая никому уступать чести быть чичероне высокого гостя, за что тот выразил ему горячую благодарность. Во время посещения общих зал и отдельных палат лечебницы директор без устали расхваливал замечательный уход за больными, режим, как он уверял, совершенно недостижимый в домашней обстановке, великолепные условия и блестящие результаты лечения, которые и доставили, по его словам, заслуженную славу Хелтфул-Хаусу.

Граф д'Артигас осматривал все со своим обычным хладнокровием, делая вид, будто с интересом слушает эту неиссякаемую болтовню, вероятно, чтобы лучше скрыть истинную цель своего посещения. Однако, посвятив целый час осмотру лечебницы, он счел уместным прервать хозяина следующим вопросом:

— Не находится ли, сэр, у вас на излечении тот больной, о ком так много говорили в последнее время и который привлекает особое внимание к Хелтфул-Хаусу?

— Вероятно, граф, вы хотите узнать о Тома Роке? — спросил директор.

— Именно... о том французе... об изобретателе, который страдает умственным расстройством...

— Тяжелым умственным расстройством, граф, и, может быть, хорошо, что это так! По моему мнению, человечество ничего не выиграло бы от его открытий, которые только умножают способы истребления, а их у нас и так более чем достаточно...

— Совершенно справедливо, господин директор, я держусь на этот счет того же мнения. Истинный прогресс не в разрушении, и тех, кто идет по этому пути,

я считаю злыми гениями науки... А что, ваш изобретатель окончательно лишился рассудка?

— Окончательно?.. О нет, граф, это сказывается только в обыденных житейских делах. Тут он уже ничего не соображает и не отвечает за свои поступки. Однако гений ученого остался невредим, мозговое расстройство его не коснулось, и если бы кто-нибудь согласился на неслыханные требования Рока, я не сомневаюсь, что он выпустил бы в свет новое боевое орудие... в котором нет решительно никакой надобности...

— Решительно никакой, господин директор, — подтвердил граф д'Артигас при молчаливом одобрении капитана Спаде.

— Впрочем, граф, вы можете судить об этом сами. Мы как раз подошли к флигелю, где помещается Тома Рок. Его заточение вполне оправдано с точки зрения общественной безопасности, тем не менее он пользуется здесь самым внимательным уходом и всеми заботами, каких требует его состояние. Кроме того, в Хелтфул-Хаусе он огражден от нескромных посетителей, которые могли бы попытаться...

Директор закончил фразу выразительным кивком головы; при этом на губах иностранного гостя мелькнула неуловимая усмешка.

— Скажите, — спросил граф д'Артигас, — разве Тома Рока никогда не оставляют одного?..

— Никогда, граф, никогда. Он постоянно находится под наблюдением смотрителя, вполне надежного человека, который свободно владеет французским языком. В случае если у больного вырвется невзначай какая-нибудь фраза, относящаяся к его открытию, эти сведения будут тут же записаны, и мы увидим, как надлежит ими воспользоваться.

В этот момент граф д'Артигас бросил быстрый взгляд на капитана Спаде, который кивнул в ответ, как бы говоря: «Понимаю!» И действительно, легко было заметить, наблюдая за капитаном, что он с особым вниманием рассматривал часть парка вокруг флигеля № 17, все подступы, входы и выходы, — вероятно, с заранее намеченной целью.

Сад, прилегающий к флигелю, тянулся до самой ограды Хелтфул-Хауса, которая опоясывала холм, отлого спускающийся к правому берегу реки Ньюс.

Это был одноэтажный флигель с итальянской террасой наверху. Он состоял из двух комнат и прихожей, окна были забраны железной решеткой. Со всех сторон домик окружали деревья с густой, пышной листвой. Перед фасадом зеленели бархатистые лужайки, украшенные кустами и клумбами пестрых цветов. Весь сад, площадью почти в пол-акра, был в исключительном пользовании Тома Рока, который мог прогуливаться там под надзором своего смотрителя.

Первым, кого увидели, войдя в сад, граф д'Артигас, капитан Спаде и директор, был служитель Гэйдон, стоявший на пороге флигеля.

Заметив служителя, граф д'Артигас начал необычайно пристально его рассматривать, на что директор не обратил никакого внимания.

Уже не в первый раз иностранцы приходили навещать больного из флигеля № 17, так как французский изобретатель по справедливости считался любопытнейшим пациентом Хелтфул-Хауса. Однако эти два посетителя неизвестной национальности привлекли особое внимание Гэйдона своим необычным видом. Хотя имя графа д'Артигаса и было ему знакомо, он никогда еще не встречался с этим богатым джентльменом, частым гостем восточного побережья, и не знал, что шкуна «Эбба» бросила якорь в устье реки Ньюс, у подножья холма Хелтфул-Хауса.

— Гэйдон, — обратился к нему директор, — где сейчас Тома Рок?

— Вот он, — ответил смотритель, указывая на человека, который с задумчивым видом прогуливался под деревьями позади флигеля.

— Я разрешил графу д'Артигасу осмотреть Хелтфул-Хаус, и он выразил желание видеть Тома Рока, о котором в последнее время так много говорили...

— И говорили бы гораздо больше, — добавил граф д'Артигас, — если бы американское правительство из предосторожности не заперло его в вашем заведении...

— Необходимая предосторожность, граф.

— Совершенно необходимая, господин директор. Пусть лучше секрет изобретателя угаснет вместе с ним, это будет спокойнее для человечества.

Бросив взгляд на графа д'Артигаса, Гэйдон, не говоря ни слова, направился в глубину аллеи; оба иностранца последовали за ним.

Пройдя всего несколько шагов, посетители оказались лицом к лицу с Тома Роком.

Больной не заметил их приближения и, даже когда они подошли вплотную, не обратил на них внимания.

Между тем капитан Спаде, не возбуждая ни в ком подозрений, тщательно обозревал окрестности и нижнюю часть парка Хелтфул-Хауса, где был расположен флигель № 17. Поднимаясь по аллее, он заметил верхушки мачт, видневшиеся над оградой. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы узнать мачты «Эббы» и убедиться, что с этой стороны наружная стена огибала правый берег реки Ньюс.

Тем временем граф д'Артигас внимательно разглядывал французского изобретателя. Здоровье этого человека, еще полного сил, повидимому, нисколько не пострадало от заключения, длящегося уже полтора года. Но его странная поза, бессмысленные жесты, блуждающий взгляд, безразличие ко всему окружающему слишком явно указывали на полное расстройство умственных способностей.

Присев на скамью, Тома Рок кончиком трости нарисовал на песке аллеи чертеж крепости. Затем, встав на колени, насыпал по краям кучки песку, очевидно, изображавшие бастионы. После этого, сорвав несколько листьев с ближайшего деревца, он воткнул их по очереди в каждую кучку наподобие крошечных флажков; все это он проделал с самым серьезным видом, не обращая ни малейшего внимания на присутствующих.

Рок играл в детскую игру, но с серьезностью и важностью, не свойственной ребенку.

— Неужели он совсем сошел с ума? — спросил граф д'Артигас, в тоне которого, несмотря на обычную невозмутимость, послышалось разочарование.

— Я предупреждал вас, граф, что от него ничего нельзя добиться, — ответил директор.

— Нельзя ли сделать так, чтобы он обратил на нас внимание?

— Это довольно трудно, — возразил директор, обернувшись к смотрителю. — Попробуйте заговорить с ним, Гэйдон, может быть, на ваш голос он откликнется?

— Мне он ответит, господин директор, будьте покойны, — сказал Гэйдон.

Затем, тронув за плечо своего подопечного, он ласково позвал:

— Тома Рок!

Помешанный поднял голову и взглянул на смотрителя; ясно было, что из всех присутствующих он видел только его, хотя граф д'Артигас, директор и подошедший капитан Спаде стояли тут же, рядом.

— Тома Рок! — повторил Гэйдон по-английски. — Вот два иностранца, которые хотели вас повидать... Они интересуются вашим здоровьем... вашими работами...

Последние слова как будто заставили изобретателя выйти из состояния вялого безразличия.

— Моими работами?.. — переспросил он на английском языке, который знал, как родной.

Схватив камешек и зажав между большим и указательным пальцами, он швырнул его, как мальчишка, в одну из кучек песку и сбил ее. У него вырвался радостный крик.

— Разрушен!.. Бастион разрушен!.. Мое взрывчатое вещество с одного выстрела уничтожило все!

Тома Рок выпрямился, его глаза сверкали торжеством.

— Вы видите, — заметил директор, обращаясь к графу, — его никогда не покидает мысль об изобретении...

— И она умрет вместе с ним, — добавил смотритель.

— Вы не могли бы, Гэйдон, навести его на разговор о фульгураторе?

— Если прикажете, господин директор... я попытаюсь...

— Попробуйте, я думаю, что это заинтересует графа д'Артигаса...

— Разумеется, — подтвердил граф, сохраняя холодное непроницаемое выражение лица и ничем не выдавая волновавших его чувств.

— Должен вас предупредить, что это может вызвать новый припадок, — возразил смотритель.

— Вы оборвете разговор, как только сочтете нужным. Скажите Року, что иностранный гость желает побеседовать о покупке фульгуратора.

— А вы не опасаетесь, что он выдаст свой секрет?.. — вмешался граф д'Артигас.

Он спросил это с такой живостью, что Гэйдон недоверчиво взглянул на него, что как будто нимало не обеспокоило загадочного незнакомца.

— Этого нечего бояться, — ответил смотритель. — У Тома Рока не вырвать его тайны никакими обещаниями! Пока он не получит из рук в руки требуемые миллионы...

— У меня их нет при себе, — спокойно возразил граф д'Артигас.

Гэйдон подошел к больному и снова, как в первый раз, тронул его за плечо.

— Тома Рок, — сказал он, — эти иностранцы хотели бы купить ваше изобретение.

Рок выпрямился.

— Мое открытие?.. — вскричал он. — Мое взрывчатое вещество... мой воспламенитель?

Его нарастающее возбуждение, как и предупреждал Гэйдон, угрожало неминуемым припадком, к которому обычно приводили подобные разговоры.

— Сколько вы за него дадите... сколько? — спросил Рок.

Можно было обещать ему наугад любую сумму, как бы огромна она ни была.

— Сколько... сколько? — настаивал больной.

— Десять миллионов долларов, — отвечал Гэйдон.

— Десять миллионов? — воскликнул Рок. — Только десять миллионов... за фульгуратор, мощность которого в десять миллионов раз превосходит все известные до сих пор снаряды... Десять миллионов... за самодви-

жущийся снаряд, который при взрыве может разрушить все вокруг на площади в десять тысяч квадратных метров!.. Десять миллионов... за единственный в мире воспламенитель, способный вызвать взрыв невиданной силы!.. Да всех сокровищ земного шара не хватило бы, чтобы оплатить секрет моего снаряда! Скорее я сам откушу себе язык, чем продам фульгуратор за такую цену!.. Десять миллионов, когда он стоит миллиард... миллиард... миллиард!..

Ясно было, что Тома Рок терял всякое представление о реальности, когда с ним начинали вести переговоры. И если бы Гэйдон предложил ему даже десять миллиардов, безумец все равно потребовал бы больше.

Граф д'Артигас и капитан Спаде с самого начала припадка внимательно наблюдали за больным; граф стоял, нахмурив лоб, попрежнему невозмутимый, капитан покачивал головой, как бы говоря: право, этот бедняга уже ни на что не годен!

Тома Рок вдруг сорвался с места и начал бегать по саду, крича сдавленным от гнева голосом:

— Миллиарды!.. Миллиарды!

— Я вас предупреждал! — сказал Гэйдон, с упреком обращаясь к директору.

Затем он пустился в погоню за сумасшедшим, догнал его, схватил за руку и, не встретив никакого сопротивления, увел во флигель и тотчас запер за собой дверь.

Граф д'Артигас задержался у флигеля, беседуя с директором, между тем как капитан Спаде в последний раз обходил сад вдоль наружной ограды.

— Вот видите, граф, я не преувеличивал, — заметил директор. — Нет сомнений, что болезнь Тома Рока с каждым днем прогрессирует. По-моему, его безумие уже неизлечимо. Пусть даже ему дадут деньги, которые он требует, все равно из него ничего не вытянешь...

— Возможно, — согласился граф д'Артигас, — однако, хотя его денежные претензии и доходят до абсурда, ведь он действительно изобрел снаряд, мощность которого, кажется, безгранична.

— Таково мнение специалистов, граф, но его открытие вскоре погибнет вместе с ним, ибо припадки ста-

новятся все тяжелее и повторяются все чаще. Скоро в его душе заглохнет и последнее еще живое чувство — жажда обогащения.

— Зато останется, быть может, жажда мести! — пробормотал про себя граф д'Артигас в ту минуту, когда капитан Спаде догнал его у ворот.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Двойное похищение

Полчаса спустя граф д'Артигас и капитан Спаде шли по обсаженной вековыми буками дороге, которая тянулась вдоль ограды Хелтфул-Хауса над правым берегом реки Ньюс. Они сердечно распростились с директором, заявившим, что он был весьма польщен их визитом, и поблагодарили его за любезный прием. Сотня долларов, оставленная на прощанье в пользу служащих лечебницы, свидетельствовала о великодушии графа д'Артигаса. Если благородство измеряется щедростью, то этот чужеземец был благороднейший человек, — кто мог в этом сомневаться?

Выйдя за железные ворота Хелтфул-Хауса и очутившись на склоне холма, граф д'Артигас и капитан Спаде обогнули ограду парка, такую высокую, что перелезть через нее нечего было и пытаться. Граф погрузился в раздумье, а его спутник, привыкший ожидать, пока хозяин не обратится к нему первый, хранил молчание.

Граф д'Артигас, остановившись посреди дороги, смерил взглядом высокую стену, за которой виднелся флигель № 17.

— Ты успел за это время обследовать местность? — спросил он.

— Конечно, успел, ваше сиятельство, — отвечал капитан Спаде, делая ударение на титуле.

— Ничего не упустил?

— Ничего из того, что нам нужно. До флигеля легко добраться, ведь он стоит недалеко от ограды, и если вы настаиваете на своем плане...

— Настаиваю, Спаде...

— Несмотря на психическое расстройство Тома Рока?..

— Несмотря ни на что, и если нам удастся его похитить...

— Это уж мое дело. Ручаюсь, что, как только стемнеет, я проникну за ограду парка Хелтфул-Хауса, а затем в сад павильона номер семнадцать, и никто меня не заметит...

— Через решетку главного входа?

— Нет, с этой стороны.

— Но ведь с этой стороны высокая стена, и если даже ты перелезешь через нее, как ты перенесешь Тома Рока? А вдруг сумасшедший позовет на помощь... или окажет сопротивление... или сторож подымет тревогу?

— Не беспокойтесь ни о чем. Мы просто войдем и выйдем через эту дверь.

И капитан Спаде показал на узкую дверь в стене в нескольких шагах от них; вероятно, этот выход предназначался для слуг, когда им надо было зачем-нибудь спускаться к берегу Ньюса.

— Отсюда мы проникнем в парк, — продолжал капитан Спаде, — и нам не придется тащить за собой лестницу.

— Но дверь заперта...

— Ее можно отпереть.

— Разве внутри нет засовов?

— Я успел их отодвинуть, когда гулял по саду, а директор ничего не заметил.

Приблизившись к двери, граф д'Артигас спросил:

— Как же ты ее отопрешь?

— А вот ключ, — ответил капитан Спаде.

И показал ключ, который успел вытащить из замка, после того как отодвинул засовы.

— Лучше не придумаешь, Спаде, — сказал граф д'Артигас, — теперь устроить похищение, вероятно, будет не слишком трудно. Вернемся на шкуну. Около восьми часов, когда стемнеет, ты сядешь в шлюпку и возьмешь с собой пятерых матросов...

— Да... пять человек, — ответил капитан Спаде. — Этого довольно, даже если проснется сторож и нам придется его прикончить...

— Прикончить? — переспросил граф д'Артигас. — Пожалуй, если это будет необходимо. Но я предпочел бы захватить его тоже и доставить на борт «Эббы». Кто знает, не выведал ли он у Рока часть его тайны?

— Это верно.

— Кроме того, Рок привык к нему, а я не хочу ни в чем нарушать его привычек.

При этих словах граф д'Артигас усмехнулся так выразительно, что капитан Спаде сразу понял, какая роль предназначена смотрителю Хелтфул-Хауса.

Итак, план двойного похищения был разработан и, повидимому, имел все шансы на успех. Если только за остающиеся до сумерек два часа никто не заметит, что из двери вытащен ключ и засовы отодвинуты, — капитану Спаде с матросами легко удастся проникнуть за ограду парка Хелтфул-Хауса.

Следует отметить, что за исключением Тома Рока, находившегося под особым наблюдением, остальные пациенты лечебницы не требовали специального надзора. Они размещались в палатах главного здания или во флигелях, расположенных в верхней части парка. Все складывалось так, что Тома Рок и смотритель Гэйдон, захваченные поодиночке, не смогут ни оказать серьезного сопротивления, ни даже позвать на помощь и станут жертвами похищения, которое подготовил капитан Спаде по приказу графа д'Артигаса.

Иностранец и его спутник направились к маленькой бухте, где их ожидала шлюпка с «Эббы». Шкуна стояла на якоре в двух кабельтовых от берега со свернутыми парусами в желтоватых чехлах, аккуратно принайтованными к реям, как это делается на яхтах. На кормовом флагштоке не было никакого флага. Только на гафеле грот-мачты алел красный вымпел, слегка колеблясь от дуновения стихающего восточного бриза.

Граф д'Артигас и капитан Спаде сели в шлюпку. Две пары весел в несколько минут доставили их на шкуну, и они по трапу поднялись на борт.

Граф д'Артигас тут же спустился в свою каюту на корме, а капитан Спаде направился к носу судна, чтобы отдать последние распоряжения.

Дойдя до бака, он перегнулся через фальшборт, ища глазами какой-то предмет, плавающий на поверхности в нескольких саженях от шкуны.

Это был небольшой буек, который покачивался на легких волнах, вызванных морским отливом.

Мало-помалу начинало смеркаться. Неясные очертания Нью-Берна постепенно таяли на левом берегу излучины реки. Лишь черные силуэты домов вырисовывались на горизонте, еще озаренном длинной огненной полосой закатных облаков. На противоположной стороне небо заволакивали тучи, но они стояли высоко, и казалось, нечего было опасаться дождя.

К семи часам в Нью-Берне там и сям засветились окна в разных этажах домов; мерцающие огоньки нижних кварталов города отражались в реке длинными зигзагами, едва колеблясь от стихающего к вечеру бриза. Рыбачьи лодки медленно возвращались в бухточки залива; одни, растянув паруса, ожидали последнего дуновения ветра, другие шли на веслах, рассекавших воду четкими мерными ударами, гулко разносившимися далеко вокруг. Проплыли два парохода, выбрасывая из труб снопы искр и клубы черного дыма, взбивая воду могучими лопастями колес, между тем как балансир паровой машины подымался и опускался над спардеком, ревя, как морское чудовище.

В восемь часов вечера граф д'Артигас появился на палубе шкуны в сопровождении пожилого господина лет пятидесяти.

— Пора, Серкё, — сказал он.

— Я скажу Спаде, — ответил Серкё.

В эту минуту к ним подошел капитан.

— Готовься к отплытию, — обратился к нему граф д'Артигас.

— Все готово.

— Постарайся, чтобы в Хелтфул-Хаусе не подняли тревоги и никто не мог заподозрить, что Тома Рока и его сторожа перевезли на борт «Эббы»...

— Где их, кстати, и не найдут, если придут искать, — вставил Серкё.

При этих словах он пожал плечами и весело расхохотался.

— Все равно, лучше не возбуждать подозрений, — возразил граф д'Артигас.

Шлюпку снарядили. Капитан Спаде с пятью матросами спустился в нее. Четверо гребцов взялись за весла. Пятый, боцман Эфрондат, которому было поручено сторожить шлюпку, занял место у руля, рядом с капитаном Спаде.

— Желаю успеха, Спаде, — с улыбкой крикнул Серкё, — действуй без шума, как влюбленный, который похищает свою красавицу...

— Есть... лишь бы только Гэйдон...

— Нам нужны и Рок и Гэйдон, — приказал граф д'Артигас.

— Будет сделано! — крикнул в ответ капитан Спаде.

Шлюпка отвалила от шкуны; моряки провожали ее взглядом, пока она не исчезла в темноте.

Следует отметить, что, ожидая ее возвращения, на «Эббе» не делали никаких приготовлений к отплытию. Повидимому, и после похищения ее владелец не собирался покинуть якорную стоянку Нью-Берна. Впрочем, как могла шкуна выйти в открытое море? В воздухе не ощущалось ни малейшего ветерка, к тому же через полчаса должен был начаться прилив и погнать волны на много миль вверх по течению реки Ньюс. Поэтому шкуне незачем было сниматься с якоря.

«Эбба» находилась в двух кабельтовых от берега, но в сущности могла бы подойти поближе, так как глубина моря была здесь не менее пятнадцати — двадцати футов, что облегчило бы погрузку на борт по возвращении шлюпки. Если этого не сделали, значит у графа д'Артигаса были причины не отдавать такого приказа.

Шлюпка прошла расстояние до берега за несколько минут, никем не замеченная.

Берег был безлюден, пустынна была и затененная огромными буками дорога, огибавшая парк Хелтфул-Хауса.

Закинув на берег дрек, шлюпку прочно ошвартовали. Капитан Спаде и четыре матроса высадились, оставив боцмана на корме, и быстро исчезли в густой тени деревьев.

Добравшись до ограды парка, капитан Спаде остановился, а матросы выстроились по обе стороны двери.

После приготовлений, сделанных во время дневного визита, капитану Спаде оставалось лишь вставить ключ в замочную скважину и толкнуть дверь, — если только за это время кто-нибудь из слуг не заметил, что засовы отодвинуты, и не запер их снова.

В этом случае похищение было бы трудно совершить, даже если бы удалось перебраться через стену.

Первым делом капитан Спаде приложил ухо к створке двери.

Не слышно было ни шума шагов, ни движения возле флигеля № 17. Ни один листок не шелестел на ветвях буков, окаймлявших дорогу. Стояла мертвая тишина, словно в открытом поле в безветренную ночь.

Вынув ключ из кармана, капитан Спаде осторожно вставил его в замочную скважину. Ключ повернулся, и от слабого толчка дверь отворилась.

Значит, ничто не изменилось с тех пор, как они покинули Хелтфул-Хаус.

Удостоверившись, что около флигеля никого нет, капитан Спаде проскользнул в сад; матросы вошли вслед за ним.

Дверь только притворили, чтобы на обратном пути капитан и его спутники могли сразу выбежать из парка.

В саду, затемненном высокими деревьями и густым кустарником, стоял такой мрак, что, если бы не ярко освещенное окно, было бы трудно разглядеть флигель.

Это окно, без сомнения, выходило из комнаты, которую занимали Тома Рок и служитель Гэйдон, ни днем, ни ночью не покидавший вверенного ему пациента. Капитан Спаде был убежден, что оба они находятся там.

Капитан и его четыре спутника осторожно двинулись вперед, стараясь не споткнуться о камень, не

наступить на ветку, чтобы шум не выдал их присутствия. Приблизившись к флигелю, они подошли к боковой двери, как раз возле окна, сквозь занавески которого пробивался свет.

Но как же проникнуть в спальню Тома Рока, если дверь заперта? Вот о чем размышлял капитан Спаде. Раз у него нет ключа от двери, пожалуй, придется разбить стекло в окне, повернуть рукой шпингалет, прыгнуть в комнату и, внезапно набросившись на Гэйдона, лишить его возможности позвать на помощь. В самом деле, иного способа нет.

Правда, такое дерзкое нападение представляло известную опасность. Капитан Спаде ясно отдавал себе в этом отчет; он предпочитал действовать хитростью, а не силой.

Но у него не было выбора. Граф д'Артигас велел похитить Тома Рока вместе с Гэйдоном, и надо выполнить его приказ любой ценой.

Подкравшись к окну, капитан Спаде поднялся на цыпочки и сквозь щель в занавеске окинул взглядом комнату.

Гэйдон находился там, у изголовья Тома Рока; у больного, повидимому, все еще продолжался припадок. Смотритель ухаживал за ним под наблюдением какого-то третьего лица.

Это был один из врачей Хелтфул-Хауса, которого директор срочно послал во флигель № 17.

Присутствие врача могло, разумеется, только усложнить задачу и затруднить похищение.

Тома Рок, совсем одетый, полулежал в кресле. В эту минуту он казался спокойным. После припадка, постепенно утихавшего, должно было, как всегда, наступить длительное оцепенение и забытье.

В ту минуту, когда капитан Спаде, приподнявшись на носках, заглянул в окно, врач как раз собирался уходить. Капитан расслышал, как он уверял Гэйдона, что ночь пройдет спокойно и его помощь больше не потребуется.

С этими словами доктор направился к двери, находившейся, как мы помним, рядом с окном, у которого притаились капитан Спаде и его подручные. Если не

спрятаться, не укрыться в ближайших зарослях, то пришельцев может заметить не только врач, но и смотритель, собиравшийся его проводить.

Прежде чем оба появились на крыльце, матросы по знаку капитана Спаде рассеялись в темноте, а сам он распластался у стены. Лампа, по счастью, осталась в комнате, и его не было видно.

Прощаясь с Гэйдоном, врач сказал, остановившись на верхней ступеньке крыльца:

— Это был один из самых тяжелых припадков, которые перенес наш больной!.. Еще два или три в таком роде, и он потеряет последние остатки разума!

— Право, не понимаю, почему директор не запретит посетителям доступ во флигель? — заметил Гэйдон. — Ведь это некий граф д'Артигас своими разговорами довел нашего пациента до такого состояния.

— Я обращу на это внимание директора, — обещал доктор.

Он спустился по ступенькам крыльца, и Гэйдон пошел проводить его вверх по аллее, оставив дверь флигеля полуоткрытой.

Когда оба удалились шагов на двадцать, капитан Спаде поднялся с земли, и матросы подбежали к нему.

Не следовало ли воспользоваться этим случайным стечением обстоятельств, чтобы проникнуть в спальню, схватить Тома Рока, погруженного в забытье, и затем дождаться возвращения Гэйдона?

Однако, обнаружив исчезновение Рока, смотритель бросится его искать, позовет на помощь, подымет тревогу... Прибежит врач, проснутся служащие Хелтфул-Хауса... капитан Спаде не успеет добраться до ограды, выбежать из двери и запереть ее за собой...

Впрочем, ему некогда было раздумывать. Шум шагов по песку аллеи указывал, что Гэйдон возвращается обратно к флигелю. Самое лучшее теперь напасть на него врасплох, заглушить его крики прежде, чем он успеет поднять тревогу, лишить его возможности защищаться. Вчетвером-впятером легко будет справиться с ним и вытащить за ограду парка. Похитить же Тома Рока будет совсем не трудно, ибо

несчастный безумец даже не поймет, что с ним произошло.

Между тем Гэйдон, обогнув кустарник, подходил к крыльцу. Но не успел он поставить ногу на ступеньку, как на него набросились четыре матроса, повалили на землю, заткнули рот, чтобы заглушить его крики, наложили повязку на глаза и так туго скрутили по рукам и ногам, что он не мог пошевелиться.

Двое матросов остались сторожить его, а капитан Спаде и двое других ворвались в комнату.

Тома Рок, как и предполагал капитан, находился в таком состоянии, что шум борьбы даже не вывел его из забытья. Он полулежал в кресле с закрытыми глазами, и, если бы не прерывистое дыхание, его можно было бы принять за мертвого. Связывать его и затыкать ему рот не было никакой необходимости. Два матроса подняли больного, один за плечи, другой за ноги, и донесли до шлюпки, которую остался сторожить боцман.

Все было проделано в несколько минут.

Капитан Спаде покинул комнату последним, предусмотрительно потушив лампу и плотно затворив за собой дверь. Теперь можно было надеяться, что похищение обнаружат не раньше завтрашнего утра.

Тем же способом и без всяких затруднений перенесли Гэйдона. Двое матросов подняли его на руки, прошли через сад, огибая кустарники, и донесли до наружной стены.

В этой части парка, всегда пустынной, царил еще бо́льший мрак. На склоне холма даже не было видно освещенных окон верхних строений и флигелей Хелтфул-Хауса.

Подойдя к двери, капитан Спаде без всякого труда отворил ее.

Первыми вышли за ограду те двое, что тащили связанного смотрителя. Вслед за ними двое других вынесли на руках Тома Рока. Капитан Спаде вышел последним и запер дверь на ключ, решив бросить его в реку, как только сядет в шлюпку.

Никто не попался им по дороге, никто не встретился на берегу.

В двадцати шагах от ограды они нашли боцмана Эфрондата, который поджидал их, сидя на откосе.

Положив Тома Рока и Гэйдона на корму, капитан Спаде с матросами уселись в шлюпку.

— Выбирай дрек и отваливай! Живо! — скомандовал капитан Спаде.

Боцман повиновался и, оттолкнув шлюпку от берега, вскочил в нее последним. Две пары весел опустились в воду, и лодка понеслась к «Эббе». Сигнальный огонь на фок-мачте указывал место стоянки шкуны, которая за двадцать минут перед этим развернулась на якоре под влиянием морского прилива.

Через две минуты шлюпка пристала к борту «Эббы».

Граф д'Артигас стоял, опершись на фальшборт около трапа.

— Готово, Спаде? — спросил он.

— Готово.

— Обоих?

— Обоих... и сторожа и охраняемого.

— В Хелтфул-Хаусе ничего не подозревают?

— Ничего.

Трудно предположить, что Гэйдон, у которого были завязаны глаза и уши, мог узнать голос графа д'Артигаса и капитана Спаде.

Следует заметить, кроме того, что ни его, ни Тома Рока не подняли сразу на палубу шкуны. Шлюпка долго покачивалась и терлась бортом о корпус судна. Прошло добрых полчаса, прежде чем Гэйдон, сохранивший все свое хладнокровие, почувствовал, наконец, что его поднимают и затем опускают куда-то в трюм.

Казалось бы, совершив это дерзкое преступление, «Эбба» должна была поскорее сняться с якоря, выйти из устья, пересечь залив Памлико и устремиться в открытое море. Тем не менее на борту судна не делалось никаких приготовлений к отплытию.

Однако разве не опасно было оставаться на месте после двойного похищения, совершенного этим вечером? Неужели граф д'Артигас так ловко спрятал своих пленников, что их не смогут обнаружить при обыске полицейские агенты Нью-Берна, если им покажется

подозрительной стоянка «Эббы» по соседству с Хелтфул-Хаусом?

Как бы там ни было, но час спустя после возвращения шлюпки матросы в кубрике, граф д'Артигас, Серкё и капитан Спаде в своих каютах, — словом, все, кроме вахтенных на баке, спали глубоким сном на борту шкуны, неподвижно стоявшей в тихих водах устья Ньюса.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Шкуна «Эбба»

Лишь на следующий день «Эбба» не спеша начала приготовления к отплытию. С набережной Нью-Берна можно было видеть, как матросы под командой Эфрондата мыли палубу, освобождали паруса от чехлов, разбирали фалы и поднимали шлюпки, собираясь сняться с якоря.

В восемь часов утра граф д'Артигас еще не показывался на палубе. Его приятель, инженер Серкё, как называли его на шкуне, тоже не выходил из своей каюты. Что же до капитана Спаде, то он давал команде различные распоряжения, свидетельствующие о скором отплытии.

«Эбба» была замечательно построенным быстроходным судном, хотя ни разу не участвовала в гонках яхт ни в Северной Америке, ни в Великобритании. Высокие мачты, большая парусность, длинные реи, глубокая осадка, обеспечивавшая высокую остойчивость даже при поднятых парусах, устремленный вперед нос, узкая корма, прекрасно обрисованные ватерлинии — все указывало на ходкость и отличные мореходные качества судна, способного выдержать любую штормовую погоду.

И действительно, даже при свежем ветре шкуна «Эбба» легко шла в бейдевинд со скоростью до двенадцати миль в час.

Правда, парусники всегда зависят от капризов погоды. Когда наступает штиль, им поневоле прихо-

дится стоять на месте. Хотя они и превосходят паровые яхты своими мореходными качествами, зато не имеют двигателя, обеспечивающего им безостановочное движение.

Казалось бы, это доказывает явное превосходство тех судов, которые одновременно соединяют в себе преимущества парусности и гребного винта. Но, очевидно, граф д'Артигас не разделял этого мнения, предпочитая для своих морских путешествий парусную шкуну, даже когда плавал за пределами Атлантического океана.

В это утро дул легкий западный бриз. Таким образом, пользуясь попутным ветром, «Эбба» легко могла выйти из устья Ньюса, пересечь лагуну Памлико и достичь одного из узких протоков, соединяющих залив с открытым морем.

Между тем прошло два часа, а «Эбба» все еще покачивалась на якоре; начавшийся отлив натягивал ее якорную цепь. Развернувшись из-за сильного течения, шкуна стояла теперь носом к устью Ньюса. Небольшой буек, который накануне колыхался у левого борта, должно быть, за ночь убрали, так как его не было видно среди плещущихся волн.

Внезапно на расстоянии мили раздался пушечный выстрел. Над береговой батареей взвился легкий дымок. В ответ послышалось несколько залпов из орудий, установленных на длинной цепи островов, со стороны открытого моря.

В эту минуту на палубе появился граф д'Артигас и инженер Серкё.

Капитан Спаде подошел к ним.

— Пушечный выстрел... — сказал он.

— Мы этого ожидали, — отвечал инженер Серкё, пожимая плечами.

— Это значит, что служащие Хелтфул-Хауса заметили пропажу, — продолжал капитан Спаде.

— Без сомнения, и эти выстрелы означают приказ закрыть все выходы в море.

— Какое нам до этого дело? — спросил граф д'Артигас самым спокойным тоном.

— Решительно никакого, — отвечал инженер Серкё.

Капитан Спаде был прав, говоря, что к этому времени исчезновение Тома Рока и его смотрителя было обнаружено.

Действительно, дежурный врач, совершая ранним утром обычный обход, вошел во флигель № 17 и нашел комнату пустой. Он тотчас же доложил об этом директору, который распорядился обыскать весь парк. После тщательного осмотра выяснилось, что хотя дверь в наружной стене у подножия холма и была заперта, но ключа в замочной скважине не оказалось и вдобавок засовы были отодвинуты изнутри.

Несомненно, именно через эту дверь, вечером или ночью, и было совершено похищение. Но кто его совершил? Все терялись в догадках; ни на кого не падало ни малейшего подозрения. Знали только, что накануне вечером, между семью и половиной восьмого, один из врачей лечебницы посетил Тома Рока, у которого был сильнейший нервный припадок. Оказав ему помощь и оставив больного в бессознательном состоянии, врач вышел из флигеля, а служитель Гэйдон проводил его до конца боковой аллеи.

Что произошло потом?.. Никто не знал.

Об этом двойном похищении сообщили по телеграфу в Нью-Берн, а оттуда в Роли. Губернатор Северной Каролины послал депешу с приказом не выпускать из залива Памлико ни одного корабля, не произведя на нем самого тщательного обыска. Другая депеша предписывала крейсеру береговой охраны «Фалькону» принять на себя выполнение этого задания. В то же время было приказано взять под строгое наблюдение города и деревни во всем штате.

Поэтому, как увидел граф д'Артигас со шкуны, в двух милях к востоку от устья реки «Фалькон», выполняя приказ, начал приготовления к отплытию. Однако за час с лишним, нужный ему, чтобы развести пары, шкуна успела бы, не опасаясь преследования, уйти на большое расстояние.

— Поднять якорь? — спросил капитан Спаде.

— Конечно, раз ветер попутный, но спешить незачем, — ответил граф д'Артигас.

— Это верно, — подтвердил инженер Серкё, — все равно все выходы из залива Памлико уже взяты под наблюдение, и ни одному кораблю не удастся избежать визита этих джентльменов, столь же любопытных, сколь и бесцеремонных...

— Не беда, снимайся с якоря, —приказал граф д'Артигас. — После того как офицеры крейсера или таможенные чиновники произведут обыск на борту «Эббы», запрет будет снят, и меня крайне удивит, если мы не получим пропуска на выход.

— И притом с бесчисленными извинениями, с пожеланиями счастливого плаванья и скорейшего возвращения! — добавил инженер Серкё, закончив фразу раскатистым смехом.

Когда новость об исчезновении Тома Рока дошла до Нью-Берна, тамошние власти прежде всего задались вопросом, что это такое — побег или похищение? Но так как побег был невозможен без содействия Гэйдона, то первое предположение отвергли. По отзывам директора и администрации смотритель Гэйдон не вызывал ни малейшего подозрения.

Итак, это было похищение, и легко себе представить, какое волнение происшествие вызвало в городе. Как? Исчез французский изобретатель, находившийся под строгой охраной, и вместе с ним исчез секрет фульгуратора, которым никто еще не сумел овладеть?! Не вызовет ли это весьма серьезных последствий?.. Неужели для Америки безвозвратно потеряна тайна нового снаряда? Если предположить, что похищение совершено в пользу другого государства, не удастся ли этому государству, захватив в свои руки Тома Рока, добиться от него тех сведений, которых не смогли получить Соединенные Штаты?.. А разве можно предположить, что похитители действовали в пользу какого-нибудь частного лица?..

Поэтому розыски производились во всех округах Северной Каролины. Было установлено особое наблюдение на дорогах, железнодорожных линиях, во всех городах и поселках страны. Что касается моря, то все гавани на побережье были закрыты, от Уилмингтона до Норфокла. Ни одно судно не было избавлено от

осмотра офицерами или чиновниками таможни и при малейшем подозрении его следовало тотчас задержать. Не только «Фалькон» разводил пары, но еще несколько катеров, крейсирующих в водах лагуны Памлико, готовились согласно предписанию обследовать залив и обыскать от рубки до трюма все торговые суда, парусные яхты, рыболовные баркасы, как стоявшие на якоре, так и те, что готовились выйти в море.

Тем не менее шкуна «Эбба» явно собиралась сняться с якоря. По всей видимости, графа д'Артигаса нисколько не беспокоили ни строгие предписания властей, ни грозившие ему неприятности, в случае если бы на борту шкуны обнаружили Тома Рока и смотрителя Гэйдона.

К девяти часам последние приготовления были закончены. Команда вращала брашпиль, выбирая якорную цепь через бортовой клюз, и как только якорь отделился от грунта, матросы быстро подняли паруса.

Несколько минут спустя, поставив два кливера, стаксель, фок и грот, «Эбба» взяла курс на восток, огибая левый берег реки Ньюс.

В двадцати пяти километрах от Нью-Берна русло реки делает крутой изгиб и почти на таком же расстоянии, расширяясь, поворачивает к северо-западу. Миновав Кротон и Хавлок, шкуна достигла этой излучины и направилась к северу, держась у левого берега. В одиннадцать часов утра, при попутном ветре, не встретив по пути ни крейсера, ни парового катера, «Эбба» прошла стрелку острова Сидар, за которым открывается лагуна Памлико.

Это обширное водное пространство раскинулось на сотню километров между островами Сидар и Роудок. Со стороны моря оно ограничено естественным молом в виде цепочки длинных узких островов, которые тянутся с юга на север от мыса Лукаут до мыса Гаттерас и далее до мыса Генри, лежащего на широте Норфолка — одного из городов штата Виргиния, граничащего с Северной Каролиной.

Лагуну Памлико освещает множество маяков, установленных на островах и островках; они

облегчают судоходство в ночное время. Это надежное убежище для судов, стремящихся укрыться от бурь Атлантического океана, и прекрасная якорная стоянка.

Лагуна Памлико сообщается с океаном несколькими проливами. Немного дальше маяка на острове Сидар открывается пролив Окракок, за ним пролив Гаттерас, несколько севернее еще три пролива, носящие названия Лоджер-Хед, Нью-Инлет и Орегон.

Из этого описания ясно, что шкуне удобнее всего было пройти через пролив Окракок, и, чтобы не менять галса, она, надо полагать, направлялась именно туда.

Правда, эту часть залива контролировал крейсер «Фалькон», который осматривал торговые суда и рыбачьи баркасы, лавирующие у выхода из лагуны. Но все равно теперь все уже были оповещены о приказе властей и каждый проток находился под наблюдением сторожевых кораблей, не говоря о батареях, установленных у выхода в море.

Находясь на траверсе Окракова, «Эбба», однако, не приближалась к нему, повидимому, нисколько не избегая паровых катеров, крейсирующих по заливу Памлико. Казалось, красавица яхта просто вышла на утреннюю прогулку и беззаботно плывет вдоль берега, направляясь к проливу Гаттерас.

Должно быть, граф д'Артигас по причинам, известным ему одному, намеревался выйти в море именно через этот пролив, так как шкуна, сделав поворот в четверть румба, направилась к нему.

До этой минуты к «Эббе» не приближались ни офицеры с крейсера, ни агенты из таможни, хотя шкуна вовсе не старалась скрыться. Впрочем, ей все равно не удалось бы обмануть их бдительность.

Может быть, власти признали за «Эббой» особые привилегии и решили избавить ее от обыска? Может быть, графа д'Артигаса считали слишком высокой особой, чтобы задержать его шкуну хотя бы на час?.. Нет, вряд ли. Ведь об этом иностранце, ведущем роскошную жизнь баловня судьбы, в сущности ничего

не было известно: ни кто он такой, ни откуда прибыл, ни куда направляется.

Шкуна легким и быстрым ходом продолжала свой путь, скользя по спокойной глади залива Памлико. Утренний бриз развевал поднятый на гафеле флаг, — красное полотнище с золотым полумесяцем в углу.

Граф д'Артигас сидел на корме в плетеном кресле, какие обычно встречаются на частных яхтах. Он беседовал с инженером Серкё и капитаном Спаде.

— Что-то господа офицеры американского морского флота не торопятся почтить нас своим визитом, — заметил инженер Серкё.

— Пусть приезжают, когда захотят, — отозвался граф д'Артигас тоном полнейшего безразличия.

— Они, вероятно, поджидают «Эббу» у входа в пролив Гаттерас, — сказал капитан Спаде.

— Пусть подождут, — заявил богатый яхтсмен со своим обычным невозмутимым и высокомерным видом.

Предположение капитана Спаде, по всей вероятности, было правильным, так как «Эбба» явно направлялась к указанному проливу. Если «Фалькон» до сих пор не двинулся ей наперерез, значит он собирается перехватить ее у самого входа в пролив. Там, перед выходом из лагуны Памлико в открытый океан, шкуна не могла бы воспротивиться осмотру.

Как ни странно, ничто не указывало, что граф д'Артигас стремится избежать подобного осмотра. Неужели Тома Рока и Гэйдона так ловко спрятали на борту шкуны, что агенты не смогут их обнаружить?..

Однако граф д'Артигас, возможно, чувствовал бы себя не так уверенно, если бы знал, что крейсеру и таможенным катерам приказано подвергнуть «Эббу» особенно тщательному обыску.

В самом деле, приезд в Хелтфул-Хаус иностранного гостя привлек к нему внимание. Вначале у директора не было никакого повода заподозрить истинную цель его визита. Однако пациент и смотритель исчезли через несколько часов после отъезда графа, а с тех пор никто не посещал флигеля № 17 и никто не общался с Роком. Все это казалось подозрительным, и администрация лечебницы склонялась к мысли, что иностран-

ный посетитель несомненно замешан в этом деле. Разве не мог спутник графа д'Артигаса, осмотрев местоположение и дорогу к флигелю, отодвинуть засовы, вынуть ключ из двери, вернуться с наступлением темноты, проникнуть за ограду парка и совершить похищение, даже без особого труда, так как шкуна «Эбба» стояла на якоре всего в двух или трех кабельтовых от берега?..

Все эти подозрения, в начале расследования зародившиеся у директора и служащих лечебницы, еще усилились, когда шкуна снялась с якоря, вышла из устья Ньюса и устремилась к выходу из залива Памлико.

Поэтому, по приказу властей Нью-Берна, крейсеру «Фалькон» и таможенным паровым катерам было предписано следить за шкуной «Эббой», задержать ее прежде, чем она проникнет в пролив и подвергнуть самому тщательному осмотру, обыскав все каюты, рубку, камбуз и трюмы до последнего уголка. Шкуну нельзя выпускать из бухты, пока офицеры не удостоверятся лично, что ни Тома Рока, ни Гэйдона действительно нет на борту.

Граф д'Артигас, конечно, не мог предполагать, что подозрения падали именно на него и что за его яхтой приказано установить особое наблюдение. Впрочем, если бы даже он об этом и знал, разве такого властного надменного человека могли обеспокоить подобные пустяки?

Около трех часов пополудни шкуна, находившаяся на расстоянии менее мили от пролива Гаттерас, начала лавировать, держа курс на середину пролива.

Обыскав несколько рыболовных баркасов, собиравшихся выйти в море, «Фалькон» стал на страже у входа в пролив. «Эбба» отнюдь не пыталась пройти незамеченной или ускорить ход, чтобы уклониться от осмотра, обязательного в тот день для всех судов в заливе Памлико. Простому паруснику все равно не уйти от преследования военного корабля, и если бы шкуна не подчинилась приказу лечь в дрейф, ее скоро принудили бы к этому двумя-тремя выстрелами береговых батарей.

В эту минуту от крейсера отвалила шлюпка с десятью матросами и двумя офицерами; налегая на весла, они помчались наперерез «Эббе».

Со своего кресла на корме граф д'Артигас спокойно наблюдал за этим маневром, покуривая отличную гаванскую сигару.

Когда шлюпка приблизилась на расстояние полкабельтова, один из матросов встал и начал махать сигнальным флажком.

— Приказ остановиться, — сказал инженер Серкё.

— Да, в самом деле, — кивнул граф д'Артигас.

— Приказ подождать...

— Что ж, подождем.

Капитан Спаде немедленно отдал распоряжение лечь в дрейф. Кливер, стаксель и грот были вынесены на ветер, тогда как над фоком был поднят фор-марсель.

Шкуна убавила скорость и стала на месте, лишь отлив слегка сносил ее по течению.

Гребцы налегли на весла, и шлюпка с «Фалькона» сошлась борт о борт с «Эббой», зацепившись багром за ванты грот-мачты. Со шкуны тут же спустили штормтрап; два офицера и восемь матросов поднялись на борт, оставив двоих гребцов сторожить шлюпку.

Команда шкуны выстроилась на баке судна.

Старший по чину офицер — лейтенант морской службы — подошел к владельцу «Эббы», который поднялся с кресла ему навстречу; вот какими вопросами и ответами они обменялись:

— Я имею честь говорить с графом д'Артигасом, владельцем шкуны?

— Да, сэр.

— Ее название?

— «Эбба».

— Кто ею командует?

— Капитан Спаде.

— Ее национальная принадлежность?

— Индо-малайская.

Офицер поднял глаза на флаг шкуны; тут граф д'Артигас в свою очередь задал ему вопрос:

— Могу ли я узнать, сэр, чему я обязан удовольствием видеть вас у себя на борту?

— Мы получили приказ осмотреть все корабли, которые стоят на якоре в лагуне Памлико или собираются выйти в море, — ответил лейтенант.

Он не счел нужным сообщать, что «Эббу» было приказано обыскать более тщательно, чем какое-либо другое судно.

— Надеюсь, граф, что вы не намереваетесь противиться...

— Конечно нет, сэр, — ответил граф д'Артигас. — Моя шкуна в вашем полном распоряжении от верхушки мачты до трюма. Я хотел бы только спросить, почему корабли, находящиеся сегодня в заливе Памлико, подлежат такой строгой проверке?

— Не вижу причин оставлять вас в неизвестности, граф, — ответил офицер. — Губернатору Северной Каролины сообщили о злостном похищении, совершенном в Хелтфул-Хаусе, и власти желают удостовериться, что похищенных не привезли ночью на какое-нибудь судно...

— Да что вы! — воскликнул граф д'Артигас, разыгрывая удивление. — А кого же это похитили из Хелтфул-Хауса?

— Одного изобретателя, сумасшедшего, который стал жертвой преступников вместе со своим сторожем...

— Сумашедшего, говорите вы?.. Уж не о французе ли Тома Роке идет речь?

— Именно о нем.

— Тот самый Тома Рок, кого мы с капитаном Спаде видели вчера при посещении лечебницы?.. с кем я беседовал в присутствии директора?.. с ним еще случился сильнейший припадок перед нашим уходом?..

Офицер внимательно наблюдал за иностранцем, стараясь уловить что-либо подозрительное в его поведении или в словах.

— Это просто невероятно! — прибавил граф д'Артигас таким тоном, словно в первый раз слышал о похищении из Хелтфул-Хауса. — Сэр, — продолжал он, — мне понятно, насколько обеспокоены власти исчезновением такого человека, как Тома Рок, и я одобряю принятые меры предосторожности. Мне незачем уверять вас, что на борту «Эббы» нет ни французского изобре-

тателя, ни его сторожа. Впрочем, вы сами можете в этом убедиться, произведя на шкуне самый тщательный обыск. Капитан Спаде, будьте любезны проводить господ офицеров.

С этими словами, холодно поклонившись лейтенанту «Фалькона», граф д'Артигас снова уселся в кресло и вновь закурил свою сигару.

Оба офицера и восемь матросов в сопровождении капитана Спаде тут же приступили к обыску.

Первым делом они спустились через люк в кормовую каюту — роскошно обставленный салон с панелями из дорогих сортов дерева, богатой мебелью, изящными безделушками, коврами и дорогими штофными обоями.

Нечего и говорить, что салон, прилегающие каюты и спальня графа д'Артигаса были обысканы со всем старанием, на какое только способны опытнейшие полицейские агенты. К тому же капитан Спаде ревностно помогал офицерам в их поисках, не желая допустить, чтобы на владельца «Эббы» падало хоть малейшее подозрение.

Из салона и кормовых кают офицеры перешли в комфортабельно устроенную столовую. Они обыскали кладовые, камбуз, каюты капитана Спаде и боцмана на носу судна, затем кубрик команды, но нигде не нашли и следов Тома Рока и Гэйдона.

Оставался трюм и подпалубные помещения, требующие особенно внимательного осмотра. Открыв люки, капитан Спаде зажег два фонаря, чтобы облегчить розыски.

В трюме были обнаружены цистерны с водой, всевозможная провизия, ящики вина, бочонки спирта, джина, водки и виски, пивные бочки, запасы угля, — всего в изобилии, как будто шкуна готовилась к дальнему плаванью. Пробираясь среди грузов, пролезая в щели между тюками и ящиками, американские моряки спустились до внутренней обшивки, до самого днища... Но их труды пропали даром.

Не оставалось сомнений, что графа д'Артигаса напрасно заподозрили как соучастника в похищении пациента Хелтфул-Хауса и его сторожа.

Обыск, длившийся около двух часов, не дал никаких результатов.

В половине шестого, добросовестно обследовав все внутренние помещения и получив полную уверенность, что там не спрятаны ни Тома Рок, ни Гэйдон, матросы и офицеры «Фалькона» поднялись на палубу. Снаружи они осмотрели переднюю палубу, шлюпки и, никого не найдя, пришли к убеждению, что «Эббу» заподозрили напрасно.

Офицерам ничего не оставалось, как распрощаться с графом д'Артигасом, и они направились к нему.

— Простите за беспокойство, граф, — сказал лейтенант.

— Помилуйте! Вы обязаны были повиноваться приказу и исполнить данное вам поручение, господа...

— К тому же это простая формальность, — любезно добавил офицер.

Легким кивком головы граф д'Артигас выразил согласие с этим объяснением.

— Я уже говорил вам, господа, что не принимал никакого участия в этом похищении.

— Мы вполне убедились в этом, граф. Нам пора возвратиться на крейсер.

— Как вам угодно. Имеет ли теперь право моя шкуна свободно выйти в море?

— Разумеется.

— До свиданья, господа офицеры, до свиданья, — ведь я частый гость в здешних местах и не замедлю сюда вернуться. Надеюсь, что к моему возвращению вы найдете преступных похитителей и водворите Тома Рока обратно в Хелтфул-Хаус. Это весьма желательно в интересах Соединенных Штатов и, думаю, в интересах всего человечества.

После этих слов офицеры вежливо откланялись графу д'Артигасу, который небрежно кивнул им в ответ.

Капитан Спаде проводил незваных гостей до штормтрапа, и они, спустившись в шлюпку вместе с матросами, вернулись на крейсер, поджидавший их в двух кабельтовых.

По знаку графа д'Артигаса капитан Спаде приказал снова поднять паруса. Ветер свежел, и «Эбба» быстрым ходом направилась к проливу Гаттерас.

Полчаса спустя, миновав пролив, шкуна вышла в открытый океан.

В течение часа она держала курс на ост-норд-ост. Но в нескольких милях от берега, как это обычно бывает, бриз, дующий с суши, затих. Паруса заполоскались на мачтах, руль перестал слушаться рулевого, и «Эбба» замерла неподвижно на гладкой поверхности моря при полном штиле.

Казалось, шкуна на всю ночь потеряла возможность продолжать свой путь.

Капитан Спаде не покидал наблюдательного поста на носу судна. Со времени выхода в море он беспрестанно переводил взгляд с левого борта на правый, словно стараясь разглядеть какой-то предмет, плавающий на поверхности.

Внезапно он крикнул громким голосом:

— Убрать паруса!

Выполняя команду, матросы поспешили взять на гитовы и подтянули спущенные паруса к реям, даже не закрыв их чехлами.

Не собирался ли граф д'Артигас дожидаться здесь рассвета и заодно утреннего бриза? Однако в таких случаях суда обычно остаются под парусами, чтобы воспользоваться первым дуновением попутного ветра.

В море спустили шлюпку, и в нее сел капитан Спаде с матросом, который, гребя кормовым веслом, направил ее к некоему предмету, выплывшему на поверхность саженях в десяти от левого борта.

Это был небольшой буек вроде того, что покачивался на волнах реки Ньюс, когда «Эбба» стояла на якоре у берега Хелтфул-Хауса.

Подтянув буек вместе с прикрепленным к нему швартовым, шлюпка подплыла с ним к носу шкуны.

Спущенный с борта по команде боцмана буксирный конец прикрепили к швартовым. Затем капитан Спаде с матросом вернулись на палубу шкуны, и шлюпку подняли на борт.

Почти тотчас же буксирный конец натянулся, и «Эбба» со свернутыми парусами помчалась на восток со скоростью не менее десяти миль в час.

Спустилась ночь, и огни американского побережья вскоре погасли на туманном горизонте.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Где я?

(Записки инженера Симона Харта)

Где я?.. Что произошло со мной после внезапного нападения у входа во флигель?

Проводив врача, я собирался подняться на крыльцо, вернуться в комнату, запереть дверь и снова дежурить у изголовья Тома Рока, как вдруг на меня набросились какие-то люди и сбили меня с ног... Кто они такие? Я не мог их видеть — мне завязали глаза. Я не мог позвать на помощь — мне заткнули рот кляпом. Я не мог сопротивляться — меня связали по рукам и ногам... Вскоре я почувствовал, что меня схватили, пронесли около сотни шагов... подняли вверх, опустили... положили куда-то...

Но куда? Куда?

А Тома Рок, что случилось с ним? Не на него ли покушались неизвестные вместо меня? Вполне правдоподобная гипотеза. Ведь для всех я только служитель Гэйдон, а не инженер Симон Харт; о моей истинной профессии, о моей истинной национальности никто не подозревает, а кому мог понадобиться простой больничный служитель?

Очевидно, покушение было совершено на французского изобретателя. Вероятно, его похитили из Хелтфул-Хауса, надеясь вырвать у него тайну фульгуратора.

Однако я строю предположения в уверенности, что Тома Рок исчез вместе со мной... Так ли это... Да... Конечно, так... На этот счет не может быть сомнений. Не похоже, что я попал в руки грабителей, хотевших совершить только кражу... Те поступили бы совсем иначе.

Лишив меня возможности позвать на помощь и похитив Тома Рока, они просто бросили бы меня где-нибудь в углу сада и не стали бы запирать... туда, где я нахожусь.

Но где? Все тот же неразрешимый вопрос, — вот уже несколько часов как я бьюсь над ним!

Как бы то ни было, со мной случилось необычайное приключение. Чем оно окончится, к чему может привести, — не знаю, даже гадать не смею. Во всяком случае, я постараюсь запомнить минута за минутой все мельчайшие подробности этого темного дела, а потом, если будет возможность, стану ежедневно записывать свои наблюдения... Как знать, что сулит мне будущее и не удастся ли мне в новых условиях раскрыть, наконец, секрет фульгуратора Рока? Если в один прекрасный день я окажусь на свободе, необходимо, чтобы люди узнали эту тайну, а также обнаружили, кто виновник или виновники преступного покушения, грозящего такими страшными последствиями!

Я беспрестанно возвращаюсь к тому же вопросу, надеясь, что какая-нибудь случайность поможет мне разрешить его.

Где я нахожусь?..

Припомним все по порядку.

Когда меня вынесли за ограду Хелтфул-Хауса, я почувствовал, что меня осторожно кладут на скамью какой-то лодки, накренившейся на бок, должно быть, шлюпки небольших размеров...

Почти сейчас же лодку снова качнуло, как будто в нее внесли еще одного человека. Можно ли сомневаться, что это был Тома Рок? Ему-то не стоило затыкать рот, завязывать глаза, спутывать его по рукам и ногам. Он, вероятно, был схвачен еще в состоянии прострации, не способный сопротивляться, не в силах даже понять, что он стал жертвой нападения. Доказательством того, что я не ошибся, служит характерный запах эфира, который я почувствовал, несмотря на повязку. Ведь вчера, перед уходом, доктор дал больному несколько капель эфира и, — я отлично помню, — когда Рок метался в припадке, немного этой быстро испаряющейся жидкости пролилось ему на платье. Значит, нет

ничего удивительного, что запах сохранился, и я ощутил его. Да... в шлюпке, рядом со мной лежал Тома Рок. А вернись я во флигель на несколько минут позже, я бы уже не нашел там больного...

Меня мучает мысль... почему это графу д'Артигасу пришла злополучная фантазия посетить Хелтфул-Хаус? Если бы мой пациент не встретился с ним, ничего бы не случилось. Разговор об изобретении и довел Рока до этого на редкость тяжелого припадка. Главная вина лежит на директоре, который не внял моим предостережениям. Если б он послушался меня, к больному не пришлось бы вызывать врача, я бы запер дверь во флигель и покушение бы сорвалось...

О том, какую выгоду может принести похищение Тома Рока частному лицу или одному из государств Старого Света, не стоит и говорить. На этот счет, мне кажется, я могу быть совершенно спокоен. Никому не удастся добиться того, чего я не мог добиться за эти полтора года. На той стадии умственного расстройства, на какой находится мой соотечественник, всякая попытка выведать его секрет обречена на неудачу. В самом деле, его состояние с каждым днем ухудшается, безумие прогрессирует, скоро будут поражены даже те области мозга, которые до сих пор оставались нетронутыми.

Впрочем, сейчас речь идет не о Роке, а обо мне самом; вот что со мной произошло дальше.

Качнувшись несколько раз с боку на бок, лодка пошла на веслах. Переезд длился не более минуты. Затем я почувствовал легкий толчок. Очевидно, стукнувшись носом о корпус судна, шлюпка стала с ним рядом. После этого послышался шум и движение. Кто-то ходил, разговаривал, отдавал команду. Я не мог разобрать слов сквозь плотную повязку, но смутно слышал гул голосов, длившийся минут пять-шесть.

Прежде всего мне пришла в голову мысль, что меня перенесут со шлюпки на борт корабля и запрут в глубине трюма до тех пор, пока корабль не выйдет в открытое море. Разумеется, пока судно плывет в водах лагуны Памлико, ни Тома Рока, ни его смотрителя не могут выпустить на палубу.

И в самом деле, меня, все еще связанного, схватили за ноги и за плечи. Как ни странно, судя по ощущению, меня не подымают через борт на палубу, но напротив, опускают вниз. Уж не хотят ли бросить меня в море, утопить, чтобы избавиться от неугодного свидетеля?.. На миг меня пронзила эта мысль, и я содрогнулся с головы до ног. Невольно я глубоко вздохнул, вобрав в легкие побольше воздуха, которого мне скоро не будет хватать...

Но нет! Меня бережно опустили на пол, показавшийся мне холодным, как металл. Затем положили навзничь и, к моему величайшему удивлению, развязали стягивавшие меня веревки. Шум шагов вокруг меня стих. Через минуту я услышал стук захлопнувшейся двери.

Где же я? где? и есть ли тут еще кто-нибудь? Я срываю повязку с глаз и вытаскиваю кляп изо рта...

Вокруг темнота, полная темнота. Ни щелочки, ни малейшего проблеска света, как бывает даже в наглухо запертых комнатах.

Я зову... кричу долго и настойчиво... Никакого ответа. Голос мой звучит глухо, словно теряется в звуконепроницаемой среде.

Кроме того, мои легкие вдыхают горячий, тяжелый, душный воздух, мне скоро станет трудно, невозможно дышать, если в помещение не откроют доступ свежему воздуху.

Тогда я протягиваю руки и стараюсь определить на ощупь, где я нахожусь.

Я заперт в каком-то чулане величиной не больше трех-четырех кубических метров, обитом листовым железом. Проводя рукой по стенам, я определяю, что они скреплены заклепками, как водонепроницаемые переборки на кораблях.

Ища выхода, я нащупываю на одной из стен что-то вроде дверной рамы, петли которой выдаются на несколько сантиметров. Дверь отворяется, должно быть, вовнутрь, и, вероятно, меня внесли в это тесное помещение именно через нее.

Приложив ухо к двери, я ничего не слышу. Полный мрак и мертвая тишина, странная тишина, нарушае-

мая лишь гулом металлического пола, когда я по нему ступаю. Не доносится никаких привычных на море звуков, ни журчания воды вдоль корпуса корабля, ни плеска волн, струящихся за кормой. Не чувствуется даже легкого покачиванья, хотя в устье Ньюса прилив всегда вызывает заметное волнение.

Но почему в сущности я решил, что это тесное помещение находится на корабле? Правда, меня доставили сюда на лодке, и переезд длился не более минуты, однако действительно ли я плыву сейчас по водам Ньюса? В самом деле, разве не могла шлюпка, вместо того чтобы отвезти меня на судно, ожидавшее ее на реке у подошвы холма Хелтфул-Хауса, пристать к берегу в другом месте? В таком случае меня, может быть, высадили на сушу и заперли в каком-нибудь подземелье? Это объяснило бы полную неподвижность моей темницы. С другой стороны, откуда здесь эти металлические переборки, скрепленные заклепками, откуда легкий запах соленой воды, своеобразный запах, присущий всем морским судам, в природе которого я не могу ошибиться?..

Со времени моего заточения прошло, как мне кажется, часа четыре. Значит, сейчас должно быть около полуночи. Неужели я останусь здесь до утра? Хорошо, что я пообедал в шесть часов, как это принято в Хелтфул-Хаусе. Голода я не чувствую, но меня сильно клонит ко сну. Надеюсь, однако, у меня хватит силы воли не заснуть... Я не поддамся сну... Надо отвлечься каким-нибудь внешним впечатлением! Но чем же? Ни один звук, ни один луч света не проникает в этот железный гроб... Терпение! Может быть, мое ухо уловит хоть какой-нибудь шум, пусть еле слышный. Я напряженно прислушиваюсь, я весь обращаюсь в слух. Затем стараюсь поймать хоть какое-нибудь движение, колебание, покачиванье — я должен его ощутить, если только я не на твердой земле. Допустим, что судно еще стоит на якоре, должно же оно отплыть... или... иначе я не могу понять, зачем же нас похитили, Тома Рока и меня?..

Наконец... нет это не ошибка... Я чувствую легкую бортовую качку и убеждаюсь, что я не на суше... еле

заметное колебание без толчков и перебоев. Скорее скольжение по водной поверхности.

Будем рассуждать хладнокровно. Я нахожусь на борту какого-то корабля, парусника или парохода, который стоял на якоре в устье Ньюса, ожидая исхода дерзкого нападения. Меня перевезли сюда на шлюпке; однако, повторяю, у меня не было ощущения, будто меня подняли через борт на палубу. Может быть, меня внесли через боковой люк в корпусе корабля? Не все ли равно в конце концов! Спустили меня в трюм или нет, — во всяком случае я на судне, которое покачивается на волнах.

Вероятно, мне скоро вернут свободу и Тома Року тоже, если его упрятали так же старательно, как и меня. Под свободой я разумею возможность выходить на палубу, когда мне вздумается. Однако это произойдет не раньше, чем через несколько часов, так как нас не выпустят наружу, пока судно не выйдет в открытое море. Если это парусник, ему придется ждать бриза, попутного бриза, дующего с суши ранним утром, когда оживают все парусники в заливе Памлико. Правда, если это паровое судно...

Нет! На борту парохода я неизбежно почувствовал бы запах угля, смазочного масла, дым из кочегарки. И затем я ощущал бы работу винта, вращение лопастей, сотрясение машины, толчки поршней...

Так или иначе, самое лучшее — запастись терпением. Ведь только завтра меня выпустят из этой дыры. К тому же, если мне и не вернут свободы, то хоть принесут поесть! Право, непохоже на то, что меня решили уморить голодом. Тогда уж гораздо проще было бы утопить меня в реке, чем переносить на корабль. Да и чем я опасен для них в открытом океане? Моих криков о помощи никто не услышит. Мои протесты будут бесполезны, мои упреки и обвинения — еще бесполезнее!

И потом, зачем я мог понадобиться этим преступникам? Для них я просто Гэйдон, больничный служитель — ничтожество. Им надо было похитить из Хелтфул-Хауса именно Тома Рока. А меня... меня прихватили впридачу просто потому, что в эту минуту я входил во флигель...

Во всяком случае, что бы ни случилось, кто бы ни были виновники этого темного дела, куда бы они меня ни везли, я твердо решил одно: попрежнему играть роль служителя. Никто, решительно никто, не должен подозревать, что под личиной Гэйдона скрывается инженер Симон Харт. Это сулит два преимущества: во-первых, беднягу сторожа никто не станет остерегаться, а во-вторых, так будет легче раскрыть этот тайный заговор и расстроить планы преступников, если мне удастся спастись.

Но что за мысли! Прежде чем бежать, надо сначала прибыть на место назначения. О побеге я успею еще подумать потом, когда представится подходящий случай. До тех пор самое главное, чтобы никто не знал, кто я такой, и клянусь, никто этого не узнает.

Вот теперь уж нет никаких сомнений — мы отплываем! Итак, первое мое предположение было правильным. Однако если корабль, на котором мы плывем, не пароход, то это и не парусное судно. Его несомненно приводит в движение какой-то мощный механизм. Правда, я не слышу характерного стука паровой машины, заставляющей работать колеса или гребной винт, должен признать также, что судно не сотрясается от толчков поршней в цилиндрах. Скорее это непрерывное равномерное вращательное движение, которое производит двигатель неизвестной системы. Ошибиться невозможно: судно обладает особым двигателем. Но каким?

Не работает ли здесь одна из появившихся в последнее время турбин, которые, действуя внутри подводной трубы, призваны вскоре заменить гребной винт, так как лучше преодолевают сопротивление воды и сообщают бо́льшую скорость судну?

Через несколько часов я получу представление об этом новом способе судоходства и о непонятном, таинственном двигателе.

Не менее удивительно и то, что здесь совершенно не ощущается ни бортовая, ни килевая качка. Залив Памлико обычно не бывает таким спокойным. Достаточно одних приливов и отливов, чтобы вызвать постоянное волнение на его поверхности.

Правда, в эти часы мог наступить штиль, — ведь береговой бриз, помнится, стих с наступлением вечера. Нет! Все равно это кажется мне необъяснимым, так как на любом судне, приводимом в действие двигателем, независимо от скорости движения, всегда ощущается легкое дрожание корпуса, а я этого совершенно не чувствую.

Все эти мысли неотступно преследуют меня. Несмотря на неодолимое желание заснуть, несмотря на гнетущее оцепенение, охватившее меня в этом спертом воздухе, я твердо решил не поддаваться сну. Я буду бодрствовать до утра, хотя бы утро настало для меня не раньше, чем в мою камеру проникнет дневной свет. Мне мало отворенной двери, я буду ждать пока меня освободят из этой дыры и выведут на палубу...

Я сажусь на пол в углу и прислоняюсь к стене, — ведь здесь нет даже скамьи. Но почувствовав, что веки слипаются и меня одолевает дремота, — тут же вскакиваю на ноги. В ярости начинаю бить в стену кулаками, звать на помощь... Напрасно я расшибаю руки о стальные заклепки обшивки: на мои крики никто не приходит.

Нет!.. Это недостойно. Я же дал слово держать себя в руках, и вот с самого начала теряю самообладание и веду себя глупо, как ребенок...

Отсутствие килевой и бортовой качки несомненно доказывает, что корабль еще не вышел в открытое море. Быть может, вместо того чтобы пересечь залив Памлико, он пошел вверх по течению Ньюса?.. Нет!.. Зачем ему забираться в глубь страны? Выкрав Тома Рока из Хелтфул-Хауса, похитители без сомнения намеревались увезти его из Соединенных Штатов, — вероятно, на один из далеких островов Атлантического океана или в какой-нибудь порт Старого Света. Значит, наш корабль не идет вверх по короткому руслу реки Ньюс. Мы находимся в водах лагуны Памлико во время мертвого штиля.

Пусть так! Но, выйдя в открытое море, корабль не может избежать качки, всегда ощутимой даже при полном безветрии на судах средних размеров. Разве

только я нахожусь на борту крейсера или броненосца... а это совершенно невероятно!

Вдруг мне почудилось... В самом деле, я не ошибаюсь... Снаружи слышится шум... шум шагов. Шаги приближаются к железной переборке, к той стене, где находится дверь моей камеры... Вероятно, это кто-нибудь из команды. Отопрут ли мне дверь наконец! Я прислушиваюсь... Люди разговаривают, я слышу голоса, но не могу разобрать ни слова. Они говорят на совершенно непонятном языке... Я зову, я кричу... Никакого ответа!

Мне остается только ждать, ждать, ждать! Я твержу это слово, и оно отдается в моей больной голове, словно удары колокола!

Попробуем высчитать, сколько прошло времени.

Судно снялось с якоря не меньше четырех-пяти часов тому назад. По-моему, сейчас уже далеко за полночь. К несчастью, в этой кромешной тьме мои карманные часы не могут мне помочь.

Итак, если мы плывем около пяти часов, корабль должен был уже выйти из залива Памлико, через проток Окракок или Гаттерас — безразлично. Стало быть, он уже ушел на добрую милю в открытое море. И, однако, я не ощущаю никакой качки.

Вот что необъяснимо, вот что невероятно!.. Полно... Неужели я ошибся? Неужели я поддался обману чувств? Разве я не заперт в глубине трюма на некоем неведомом корабле?

Проходит еще час, и вдруг судовые машины прекращают работу. Я совершенно убежден, что теперь судно стоит неподвижно. Неужели оно прибыло на место назначения? В таком случае мы зашли в какой-нибудь порт на побережье, к северу или к югу от залива Памлико. Однако мало вероятно, что, похитив Тома Рока из Хелтфул-Хауса, преступники собираются тут же высадить его на берег. Тогда похищение неизбежно обнаружится, и виновники рискуют попасть в руки американской полиции.

Впрочем, если корабль прибыл на стоянку, я вскоре услышу лязг якорной цепи, пропускаемой через клюз, а когда отданный якорь коснется грунта, последует

толчок... Я жду этого толчка, я его почувствую... Это должно случиться скоро... всего через несколько минут.

Я жду... я напрягаю слух.

На судне царит томительная, тревожная тишина. Невольно задаю себе вопрос, есть ли здесь живые существа, кроме меня?

Я чувствую, как мною овладевает странное оцепенение... Воздух отравлен... Мне не хватает дыхания... Грудь давит какая-то тяжесть, и я не в силах сбросить ее.

Пытаюсь бороться... Невозможно... Воздух накалился до того, что я принужден растянуться на полу и скинуть с себя верхнюю одежду. Веки мои тяжелеют, смыкаются, я чувствую полный упадок сил и, наконец, забываюсь глубоким тяжелым сном...

Сколько времени я спал? Не знаю. Ночь теперь или день? Понятия не имею. Прежде всего я замечаю, что мне стало легче дышать. Воздух, наполняющий легкие, уже не отравлен углекислотой.

Значит ли это, что помещение проветрили, пока я спал? Неужели дверь отпирали? Неужели кто-то входил в эту тесную камеру?

Да, и тому есть доказательство.

Моя рука случайно натыкается в темноте на какой-то предмет — сосуд с жидкостью, распространяющей приятный аромат. Я подношу его к пересохшим губам; меня так мучит жажда, что я готов выпить даже соленой морской воды.

Это эль, превосходный эль, — я выпиваю залпом целую пинту — он освежает меня, подкрепляет мои силы.

Однако если тюремщики не дали мне умереть от жажды, не обрекли же они меня, надеюсь, на голодную смерть.

Нет... в углу оставлена корзинка, а в ней круглый хлеб и кусок холодного мяса.

Я принимаюсь за еду, ем с жадностью, и силы мои постепенно восстанавливаются.

Значит, меня не бросили на произвол судьбы, как я боялся. Какие-то люди входили в мою темную конуру и впустили в дверь свежего воздуха, кислорода,

без которого я бы задохнулся. Кто-то позаботился о том, чтобы я мог утолять голод и жажду до тех пор, пока меня не освободят.

Как долго продлится мое заточение? Несколько дней? или месяцев?

Впрочем, я не могу ни сосчитать, сколько времени я спал, ни определить, хотя бы приблизительно, который теперь час. Правда, я позаботился завести свои карманные часы, но это часы без боя. Попробую нащупать стрелки... Да, мне кажется, часовая стрелка стала на цифре восемь... вероятно, сейчас восемь часов утра.

В чем я действительно уверен, так это в том, что судно стоит на месте. Внутри не ощущается ни малейшего сотрясения, — повидимому, двигатель бездействует. Между тем время идет, тянется, проходят бесконечные томительные часы, и я спрашиваю себя, неужели мои тюремщики дожидаются ночи, чтобы снова войти в камеру, проветрить ее, оставить провизию, пока я сплю... Да, они хотят воспользоваться моим сном.

На этот раз я твердо решил бороться с дремотой. Я даже притворюсь спящим... и кто бы ни вошел, я заставлю его ответить на мои вопросы!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На палубе

Наконец-то я на свежем воздухе и могу дышать полной грудью. Наконец-то меня выпустили из душной каморки и вывели на палубу корабля... Окинув взглядом морскую даль, я нигде не вижу земли. Ничего, кроме круговой линии горизонта, ничего, кроме моря и неба! Нет! Не видно даже смутных очертаний материка на западе, с той стороны, где тянется на тысячи миль побережье Северной Америки.

Заходящее солнце озаряет косыми лучами водную гладь океана... Сейчас, должно быть, около шести часов вечера... Я смотрю на циферблат... Да, шесть часов тринадцать минут.

Вот что произошло за эту ночь, ночь на 17 июня.

Как уже было сказано, я ждал, чтобы отперли дверь моей камеры, твердо решив не поддаваться сну. Я не сомневался, что день уже наступил, но время тянулось, и никто не приходил. От провизии, которую мне принесли, не осталось ни крошки. Я начал страдать от голода, но не от жажды, так как сохранил немного эля.

Вскоре я почувствовал легкое покачивание корпуса судна. Очевидно, шкуна снова вышла в море, проведя ночь на стоянке, должно быть в какой-нибудь пустынной бухте у берега, так как раньше я не ощущал характерных толчков, обычных при бросании якоря.

Было шесть часов, когда за металлической переборкой раздались шаги. Войдет ли кто-нибудь ко мне? Да. Ключ щелкнул в замке, и дверь отворилась. Свет фонаря рассеял глубокий мрак камеры, в которой я провел долгие часы заточения.

Вошли два человека, но я не успел рассмотреть их лица. Схватив меня за руки, они завязали мне глаза плотной тряпкой, так что я ничего не мог видеть.

Что означала эта мера предосторожности? Что со мной собирались делать? Я попробовал вырваться. Меня крепко держали. Я задавал вопросы. Никакого ответа. Двое неизвестных обменялись несколькими словами на незнакомом мне языке, — на каком, я не мог определить.

Положительно, со мной обращаются слишком уж бесцеремонно! Правда, в их глазах я просто служитель сумасшедшего дома, стоит ли считаться с таким ничтожеством! Однако я далеко не уверен, что с инженером Симоном Хартом обращались бы более почтительно.

На этот раз мне все же не заткнули рот кляпом и не связали по рукам и ногам. Меня просто крепко держат, чтобы я не мог убежать.

Минуту спустя меня выводят из камеры и вталкивают в тесный коридор. Под ногами гулко звенят ступени железного трапа. Затем мне в лицо ударяет свежий ветер, и я жадно вдыхаю его сквозь повязку.

Тут меня подымают и ставят на пол, на этот раз не металлический, а деревянный; должно быть, это палуба корабля.

Наконец матросы отпускают меня. Я свободен. Прежде всего я срываю повязку с головы и оглядываюсь вокруг.

Я стою на палубе шкуны, которая идет полным ходом, оставляя за кормой длинный пенистый след.

Я принужден ухватиться за бакштаг, чтобы не упасть, так солнечный свет ослепляет меня после двухдневного заточения в полной темноте.

По палубе ходят человек десять матросов с грубыми, суровыми лицами самого разнообразного типа; мне трудно определить их национальность. Впрочем, они почти не обращают на меня внимания.

Что до шкуны, то, мне кажется, ее водоизмещение не более двухсот пятидесяти — трехсот тонн. Широкий корпус, высокие мачты и большая площадь парусности должны обеспечить ей быстрый ход при попутном ветре.

На корме за рулем стоит матрос с загорелым обветренным лицом. Держась за ручки штурвального колеса, он правит шкуной, делая резкие повороты.

Мне хотелось бы узнать название этого судна, напоминающего своим видом яхту. Написано ли оно на корме, или на носу судна?

Обратившись к одному из матросов, я спрашиваю:

— Что это за корабль?

Никакого ответа, — можно подумать, что он даже не понимает меня.

— Где капитан?

Матрос не отвечает и на этот вопрос.

Я направляюсь к носу судна. На баке подвешен судовой колокол. Может быть, на медной стенке колокола высечено название шкуны?

Нет, ничего.

Вернувшись на корму, я задаю тот же вопрос рулевому.

Бросив на меня угрюмый взгляд, он пожимает плечами и, расставив ноги, выравнивает шкуну, сильно накренившуюся на левый борт.

Я оглядываюсь, чтобы узнать, нет ли здесь Тома Рока. Его нигде не видно... Неужели его нет на борту? Это очень странно. Зачем было похищать из Хелтфул-Хауса одного служителя Гэйдона? Никто ни разу не

заподозрил, что на самом деле я инженер Симон Харт, да если бы даже это стало известно, зачем я мог понадобиться похитителям и чего они от меня хотят?

Раз Тома Рока нет на палубе, значит его заперли в одной из кают; лишь бы только с ним обращались повежливее, чем с его бывшим смотрителем!

Что такое? Как это я сразу не заметил! Каким же образом движется эта шкуна? Паруса убраны все до последнего, бриз стих... редкие порывы ветра, дующего с востока прямо в лоб, только препятствуют ходу судна... И тем не менее шкуна быстро несется вперед, слегка зарываясь носом и рассекая форштевнем волны, струящиеся белой пеной вдоль ватерлинии. Длинный волнистый след тянется далеко за кормой.

Значит, это паровая яхта? Нет! Между грот- и фок-мачтой не видно никакой трубы. Может быть, это судно с электрическим двигателем, снабженное аккумуляторами или гальванической батареей большой мощности; они-то и приводят в движение гребной винт и сообщают кораблю подобную скорость?

Право же, нельзя иначе объяснить его движение. Во всяком случае, судно несомненно движется при помощи гребного винта, и я смогу в этом удостовериться, наклонившись над гакабортом; тогда мне останется только выяснить, какая же механическая сила приводит его в действие.

Рулевой не мешает мне приблизиться, смерив меня насмешливым взглядом.

Перегнувшись через борт, я смотрю...

Никаких признаков бурлящей клокочущей струи, которую обычно вызывает вращение винта... Ничего, кроме ровного следа за кормой, тянущегося на три-четыре кабельтовых, как за простым парусным судном.

Какой же двигатель придает шкуне такую удивительную скорость? Как я уже говорил, ветер скорее встречный, и море лишь слабо колышется.

А все-таки я узнàю, в чем дело! Во что бы то ни стало! И, пользуясь тем, что команда не обращает на меня никакого внимания, я возвращаюсь на нос.

Около носового люка я встречаю человека, лицо которого кажется мне знакомым. Облокотившись на

борт, он смотрит на меня и дает мне подойти... Он как будто ждет, что я с ним заговорю.

Я припоминаю... Это он сопровождал графа д'Артигаса во время его посещения Хелтфул-Хауса. Да, конечно, я не ошибся.

Значит Тома Рока похитил этот богатый иностранец, значит я нахожусь на борту его яхты «Эбба», хорошо известной в восточных портах Северной Америки... Ну, что ж! Человек у люка должен объяснить мне то, что я имею право знать. Насколько помню, они с графом д'Артигасом говорили по-английски. Он поймет меня и не сможет уклониться от ответа на мои вопросы.

Я полагаю, что это капитан «Эббы».

— Капитан, я вас видел в Хелтфул-Хаусе, — говорю я. — Вы меня узнаете?

Он оглядывает меня с ног до головы, не удостаивая ответом.

— Я смотритель Гэйдон, сторож Тома Рока, — продолжаю я, — и хочу знать, зачем вы меня похитили и привезли на шкуну?

Капитан прерывает меня жестом; вместо ответа он подает знак стоящим на баке матросам.

Те подбегают, хватают меня за руки и, не обращая внимания на мои протесты, насильно тащат вниз по лестнице в люк.

В сущности это не лестница, а вертикальный трап со ступенями из железных прутьев, вделанных в переборку. Я спускаюсь на площадку, откуда несколько дверей ведут в кубрик, капитанскую каюту и прилегающие помещения.

Неужели меня снова запрут в ту же темную камеру в глубине трюма?..

Повернув налево, меня вводят в каюту, освещенную иллюминатором; он открыт, и в него врывается свежий ветер. Мебель каюты состоит из койки с застланной постелью, стола, кресла, умывальника и шкафа.

Стол накрыт на один прибор. Мне остается только сесть за стол, после чего я обращаюсь с вопросом к поваренку, который, поставив передо мной кушанья, собирается уходить.

Еще один глухонемой! Или этот негритенок просто не понимает английского языка?

Когда дверь за ним затворилась, я с аппетитом принялся за еду, отложив все вопросы на будущее в надежде, что когда-нибудь все же получу на них ответ.

Правда, я опять взаперти, но на этот раз в несравненно лучших условиях, которых меня, надеюсь, не лишат до прибытия в гавань.

Мои мысли вертятся вокруг одного: совершенно ясно, что именно граф д'Артигас подготовил похищение, что он его зачинщик, и французский изобретатель несомненно находится на борту «Эббы» в какой-нибудь не менее комфортабельной каюте.

Кто он такой, этот граф, собственно говоря? Откуда взялся этот иностранец? Захватив Рока в свои руки, он, видимо, хочет любой ценой завладеть секретом фульгуратора? Это весьма правдоподобно. В таком случае надо быть начеку и не выдать себя; если обо мне узнают правду, я потеряю всякую надежду получить свободу.

Сколько мне нужно решить загадок, сколько раскрыть тайн — происхождение графа д'Артигаса, его планы на будущее, курс, которым следует шкуна, место ее обычной стоянки... и, наконец, необходимо понять, почему судно без парусов и без винта плывет со скоростью не менее десяти миль в час!..

С наступлением вечера холодный ветер дует в иллюминатор каюты, и я прикрываю его. Так как дверь заперта снаружи, я почитаю за лучшее растянуться на койке и заснуть под легкое покачиванье таинственной шкуны, плывущей по волнам Атлантического океана.

На следующее утро я просыпаюсь с зарей, одеваюсь, привожу себя в порядок и жду.

Мне приходит в голову проверить, заперта ли дверь каюты.

Нет, не заперта. Толкнув ее, я взбираюсь по трапу и выхожу из люка.

Матросы моют палубу; на корме стоит капитан с каким-то незнакомцем. Мое появление нисколько не удивляет его, и он кивком головы указывает на меня своему собеседнику.

Этого человека я еще никогда не встречал. На вид ему лет пятьдесят; у него черная борода и волосы с проседью, тонкое насмешливое лицо, живые умные глаза. По типу он напоминает эллина, и я убеждаюсь в его греческом происхождении, когда капитан «Эббы» называет его Серкё, — инженер Серкё.

Что касается самого капитана, его зовут Спаде — имя, повидимому, итальянское. Грек, итальянец — разноплеменная команда, набранная со всего света на шкуну с норвежским названием, — все это, право же, кажется мне подозрительным.

А сам граф д'Артигас с его азиатским типом и испанской фамилией — откуда он взялся?

Капитан Спаде вполголоса разговаривает с инженером Серкё, наблюдая за рулевым, который правит, как будто вовсе не сверяясь с показаниями компаса, установленного в нактоузе у него перед глазами. Скорее он следит за сигналами матроса на носу судна, который жестами указывает ему то лево руля, то право руля.

Там, возле носовой рубки, я вижу Тома Рока. Он смотрит на необозримый пустынный океан, без единой полоски земли на горизонте. Двое матросов, стоя рядом, не спускают с него глаз. Ведь от помешанного можно всего ожидать, — он способен даже выброситься за борт.

Я еще не знаю, разрешат ли мне общаться с моим бывшим пациентом.

Я направляюсь к нему; капитан Спаде и инженер Серкё зорко следят за мной.

Приблизившись к Тома Року, который меня не замечает, я становлюсь рядом с ним.

Тома Рок не трогается с места и, кажется, не узнает меня. Оживленный, с горящими глазами, он смотрит в морскую даль, с наслаждением, полной грудью вдыхая живительный соленый воздух. Он радуется атмосфере, насыщенной кислородом, и яркому солнечному свету, льющемуся с безоблачного неба, он купается в его лучах. Сознает ли он перемену в своем положении? Не успел ли уже позабыть и Хелтфул Хаус, и флигель, где его держали под надзором, и смотрителя Гэйдона? Вполне возможно. Прошлое изгладилось из его памяти, он весь в настоящем.

Повидимому, Тома Рок и здесь, на палубе «Эббы», среди океана, остается все тем же помешанным, за которым я ухаживал полтора года. Его психическое состояние не улучшилось, рассудок вернется к нему только, когда речь зайдет о его изобретениях. Графу д'Артигасу известна это особенность по опыту, и, очевидно, он именно на нее и рассчитывает, надеясь рано или поздно выведать у изобретателя его тайну. Но как он думает воспользоваться этой тайной?

— Тома Рок! — зову я.

Услышав мой голос, он вздрагивает, но, мельком взглянув на меня, отворачивается.

Я беру его за руку, пожимаю ее. Он быстро выдергивает руку, так и не узнав меня, отходит в сторону и направляется на корму, где стоят инженер Серкё и капитан Спаде.

Любопытно, заговорит ли Тома Рок с кем-нибудь из них и станет ли отвечать на вопросы, после того как не откликнулся на мой зов?

В эту минуту на его лице мелькнул проблеск мысли; его внимание несомненно привлек необъяснимый ход шкуны.

Действительно, он переводит взгляд на мачты и свернутые паруса «Эббы», которая быстро несется по гладкой поверхности моря.

Повернув назад, вдоль правого борта, Тома Рок останавливается там, где должна бы находиться труба судна, будь «Эбба» паровой яхтой, — труба, изрыгающая клубы черного дыма.

То, что поразило меня, озадачило и его... Так же как и я, он не может найти объяснения и тоже спешит на корму, чтобы увидеть работу винта.

За бортом шкуны резвится стая дельфинов. Несмотря на быстрый ход «Эббы», эти проворные животные без труда обгоняют ее, прыгая, кувыркаясь, играя в родной стихии с изумительной легкостью.

Не обращая на них внимания, Тома Рок наклоняется над фальшбортом.

Инженер Серкё и капитан Спаде, боясь, что он свалится в море, спешат к нему и, крепко схватив за руки, уводят обратно на палубу.

Мой опытный глаз замечает, что Тома Рок находится в состоянии сильнейшего возбуждения. Он кружится на месте, жестикулирует и, ни к кому не обращаясь, выкрикивает бессвязные слова...

Совершенно ясно, что у него скоро начнется припадок, как в последний вечер во флигеле Хелтфул-Хауса, припадок, имевший тогда роковые последствия. Надо бы подойти к нему и увести его в каюту; быть может, скоро и меня позовут туда для ухода за больным.

Инженер Серкё и капитан Спаде не спускают с него глаз, вероятно желая посмотреть, что будет дальше. Вот что делает Тома Рок.

Подойдя к грот-мачте и убедившись, что на ней нет парусов, помешанный толкает ее, обхватывает обеими руками и трясет, точно хочет свалить. Затем, видя, что его усилия напрасны, он перебегает к фок-мачте и также пытается сломать ее. Его нервное возбуждение все возрастает. Непонятное бормотанье сменяется нечленораздельными криками...

Внезапно бросившись к вантам левого борта, он хватается за них. Боюсь, что он взберется сейчас по веревочной лестнице и поднимется на марс фок-мачты... Если его не остановить, он может упасть на палубу, а если судно накренится, — сорваться в море.

По знаку капитана Спаде подбежавшие матросы хватают Рока, напрасно пытаясь оттащить его от вантов, в которые он вцепился изо всех сил. Во время припадков силы больного удесятеряются, — мне это хорошо известно: чтобы справиться с ним, мне часто приходилось звать на помощь санитаров.

На этот раз матросам шкуны — крепким, здоровым ребятам — удается быстро укротить несчастного безумца. Его сбивают с ног и кладут на палубу, крепко держа за руки, несмотря на яростное сопротивление.

Теперь нужно только унести его в каюту, уложить на койку и оставить в покое, пока не кончится припадок. Так и поступают по приказанию какого-то нового лица, появившегося на палубе.

Услышав голос этого человека, я оборачиваюсь и узнаю его.

На палубе стоит граф д'Артигас с суровым лицом и высокомерной осанкой, такой же, каким я видел его в Хелтфул-Хаусе.

Я тотчас же подхожу к нему. Я непременно должен добиться объяснения, и я его потребую!

— По какому праву, сударь?.. — спрашиваю я.

— По праву сильного! — отвечает граф д'Артигас.

И удаляется на корму, в то время как Тома Рока уносят в каюту.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Два дня плаванья

Возможно, если потребуют обстоятельства, мне придется открыть графу д'Артигасу, что на самом деле я инженер Симон Харт. Как знать, не станут ли со мной лучше обращаться, чем обращались со служителем Гэйдоном? Во всяком случае, это надо хорошенько обдумать. Я твердо убежден, чте владелец «Эббы» велел похитить французского изобретателя в надежде захватить в свои руки «фульгуратор Рок», которого ни в Старом ни в Новом Свете не пожелали купить за баснословную цену, запрошенную автором. Поэтому, если Тома Рок откроет свой секрет, пожалуй, мне лучше попрежнему иметь к нему доступ, оставаться при больном в качестве санитара и выполнять свои прежние обязанности. Да, я не должен упускать возможности все видеть, все слышать... и, кто знает? узнать, наконец, то, что мне не удалось открыть в Хелтфул-Хаусе!

Куда же теперь идет шкуна «Эбба»? Вот первый вопрос.

Кто такой граф д'Артигас? Вот второй вопрос.

Первый несомненно разрешится через несколько дней, принимая во внимание необычайную скорость этой фантастической яхты с таинственным двигателем, систему которого я в конце концов непременно разгадаю.

Насчет второго вопроса я не уверен что его удастся когда-либо разрешить.

Действительно, этот загадочный незнакомец, по-моему, имеет особо веские причины скрывать свое происхождение, и, боюсь, никакие приметы не помогут мне определить его национальность. Хотя граф д'Артигас свободно говорит по-английски, как я убедился во время посещения им Хелтфул-Хауса, все же в его говоре слышится жесткий вибрирующий акцент, несвойственный северным народам. За время моих странствий в обоих полушариях я не слышал ничего похожего на этот акцент, кроме разве особой жесткости произношения, характерной для малайских наречий. И в самом деле, судя по его смуглой, почти оливковой коже с медным отливом, черным, как смоль, вьющимся волосам, глубоко запавшим глазам, жгучему взгляду неподвижных зрачков, высокому росту, широким плечам, крепким мускулам, свидетельствующим о большой физической силе, вполне возможно, что граф д'Артигас принадлежит к одной из рас Дальнего Востока.

Я подозреваю, что д'Артигас — фамилия вымышленная, так же как и графский титул. Хотя его шкуна носит норвежское название, сам хозяин отнюдь не скандинавского происхождения. Он нисколько не похож на уроженцев северных стран, спокойных, белокурых, с добродушными лицами и светлоголубыми глазами.

В конце концов кто бы он ни был, этот человек велел похитить Тома Рока и меня вместе с ним, причем несомненно с какой-то преступной целью.

Далее, действовал ли он в пользу иностранной державы, или в своих собственных интересах? Намерен ли он один использовать новое изобретение и имеет ли возможность и средства это осуществить? Вот третий вопрос, на который я еще не могу ответить. Из того, что я увижу и услышу в дальнейшем, мне, может быть, удастся разрешить эту задачу, перед тем как я убегу отсюда, если только побег будет возможен.

«Эбба» продолжает идти прежним ходом, приводимая в движение своим таинственным двигателем. Я могу свободно разгуливать по палубе, не заходя, однако, дальше носового люка перед фок-мачтой.

Один раз я попытался было подойти к бушприту и посмотреть, перегнувшись через борт, как форштевень

рассекает волны. Но вахтенные матросы, очевидно выполняя заранее отданный приказ, не пропустили меня, и один из них крикнул хриплым голосом на ломаном английском языке:

— Назад! Назад! Вы мешаете маневрам!

Однако никаких маневров не производилось.

Поняли ли они, что я старался разгадать, какого рода механизм приводит в движение шкуну? Вероятно, поняли, и капитан Спаде, присутствовавший при этом, несомненно догадался, что я пытаюсь проникнуть в тайну нашего странного плавания. Даже простого больничного сторожа должно удивить, что судно без парусов, без гребного винта развивает такую скорость. Словом, по той или иной причине, мне запрещен вход на носовую палубу «Эббы».

К десяти часам попутный северо-западный ветер свежеет, — и капитан Спаде дает команду боцману.

Боцман, со свистком в зубах, тотчас же приказывает поднять грот, фок, кливер и стаксель. Матросы выполняют команду с неменьшей расторопностью и дисциплиной, чем на любом военном корабле.

«Эбба» слегка накреняется на левый борт, и ход ее заметно ускоряется. Мотор, однакоже, не перестает работать, ибо даже при таком положении парусов шкуна не могла бы идти с подобной быстротой. Тем не менее паруса увеличивают ее скорость благодаря свежему ровному ветру, дующему в одном направлении.

Небо ясно, облака на западе, поднимаясь все выше, постепенно рассеиваются, и море сверкает в потоках солнечных лучей.

Теперь моя основная задача выяснить, куда направляется корабль. Я немало плавал по морям и умею определять скорость судна. По моим расчетам «Эбба» делает десять — одиннадцать миль в час. Курс ее остается прежним, что легко проверить, взглянув на компас, установленный в нактоузе перед рулевым. Смотрителю Гэйдону запрещено ходить только на носовую часть судна, но не на корму. Мне не раз удавалось бросить быстрый взгляд на компас, стрелка которого неизменно указывает на восток, или, говоря точнее, на ост-зюйд-ост.

Таким образом мы пересекаем Атлантический океан, оставив далеко на западе побережье Северной Америки.

Я стараюсь припомнить, какие острова или группы островов встретятся нам в этом направлении, на пути к берегам Старого Света.

Северная Каролина, оставленная нами двое суток тому назад, лежит на тридцать пятой параллели; если продолжить эту параллель к востоку, она, насколько помню, пересекает африканский берег приблизительно на уровне Марокко. На той же широте в трех тысячах миль от Америки расположены Азорские острова. Неужели «Эбба» направляется туда и ее обычная стоянка находится у одного из островов этого архипелага, принадлежащего Португалии? Нет, я не могу принять подобную гипотезу.

Впрочем, на той же тридцать пятой параллели, гораздо ближе Азорских островов, всего в тысяче двухстах километрах от побережья, расположена группа Бермудских островов, принадлежащих Англии. Если граф д'Артигас взялся похитить Тома Рока для какой-либо европейской державы, то, вероятнее всего, эта держава — Соединенное королевство Великобритании и Ирландии. Хотя, по правде говоря, не исключена возможность, что он затеял дело в своих собственных интересах.

Три или четыре раза за этот день граф д'Артигас выходит на палубу; стоя на корме, он внимательно изучает горизонт. Как только в море появляется парус или дымок парового судна, он долго смотрит на него в сильную подзорную трубу. Надо добавить, что он не удостаивает замечать мое присутствие на палубе.

Время от времени к нему подходит капитан Спаде, и они обмениваются короткими фразами на языке, которого я не могу ни понять, ни определить.

Охотнее всего владелец «Эббы» беседует с инженером Серкё, который, повидимому, пользуется его особым расположением. Этот инженер довольно словоохотлив, менее угрюм и замкнут, чем его спутники; любопытно, какое положение он занимает на шкуне? Может быть, это личный друг графа д'Артигаса, друг,

который сопутствует графу в морских путешествиях, деля с ним завидную жизнь богатого яхтсмена?.. Так или иначе, это единственный человек, относящийся ко мне если не с симпатией, то хотя бы с некоторым интересом.

Что касается Тома Рока, то его не видно с самого утра, и он, должно быть, лежит взаперти у себя в каюте, еще не оправившись от вчерашнего припадка.

Я убедился в этом, когда около трех часов пополудни, задержавшись у входа в люк, граф д'Артигас знаком подозвал меня к себе.

Не знаю, чего он от меня хочет, но отлично знаю, что я ему скажу.

— Долго ли продолжаются припадки Тома Рока? — спросил он по-английски.

— Иной раз по двое суток, — ответил я.

— Что нужно с ним делать?

— Оставить его в покое, пока он не заснет. После крепкого ночного сна приступ кончается, и Тома Рок возвращается к своему обычному состоянию.

— Хорошо, смотритель Гэйдон, если потребуется, вы будете попрежнему ухаживать за больным, как в Хелтфул-Хаусе.

— Ухаживать за больным?

— Да... на борту шкуны, до тех пор пока мы не приедем.

— Куда?

— Туда, куда мы прибудем завтра после полудня, — ответил граф д'Артигас.

«Завтра... — подумал я. — Значит, мы держим путь не к африканскому берегу и даже не к Азорским островам. Остается предположить, что «Эбба» бросит якорь у Бермудских островов».

Граф д'Артигас уже поставил ногу на верхнюю ступеньку трапа, когда я в свою очередь задал ему вопрос.

— Сударь, я хочу знать, я имею право знать, куда мы едем и...

— Здесь у вас нет никаких прав, смотритель Гэйдон. Ваше дело — отвечать, когда вас спрашивают.

— Я протестую!

— Протестуйте, — холодно ответил надменный иностранец, бросив на меня недобрый взгляд.

С этими словами он спустился в люк, оставив меня вдвоем с инженером Серкё.

— На вашем месте я бы смирился, смотритель Гэйдон, — сказал тот, насмешливо улыбаясь. — Когда человека захватили в тиски ..

— Он имеет право кричать, я полагаю...

— Какой смысл, раз никто не может вас услышать?

— Меня услышат позже...

— Позже... этого долго ждать! Ну что же, кричите сколько угодно!

После этого иронического совета инженер Серкё удалился, оставив меня одного с моими мыслями.

Около четырех часов дня в шести милях к востоку показался большой корабль, идущий нам навстречу. Он быстро приближается и растет у нас на глазах. Из двух его труб вырываются клубы черного дыма. Несомненно это военный корабль, так как на грот-мачте развевается узкий вымпел, и хотя на гафеле не видно флага, я как будто узнаю крейсер американского флота.

Интересно, будет ли «Эбба» согласно обычаю салютовать крейсеру, когда мы поровняемся с ним.

Очевидно, нет, ибо в ту же минуту шкуна меняет курс с явным намерением избежать встречи.

Подобный маневр со стороны подозрительной яхты ничуть не удивляет меня. Но я крайне поражен тем, как капитан Спаде производит этот маневр.

В самом деле, подойдя к брашпилю на баке, капитан останавливается у небольшого сигнального аппарата, вроде пульта, передающего на пароходах команду в машинное отделение Лишь только он нажимает одну из кнопок аппарата, «Эбба» делает поворот в четверть румба к юго-востоку, а матросы ослабляют шкоты парусов.

Очевидно, был отдан некий приказ механику неведомой машины, управляющей движением шкуны при помощи неведомого двигателя, система которого мне пока еще неизвестна.

В результате этого маневра «Эбба» уклоняется в сторону от крейсера, который продолжает идти, не изменяя курса. Да и ради чего стал бы военный корабль преследовать парусную яхту, не вызывающую никаких подозрений?

Однако «Эбба» поступает совершенно иначе, когда около шести часов вечера с левого борта появляется второй корабль. На этот раз капитан Спаде, подав команду в аппарат, ложится на прежний курс и, вместо того чтобы избежать встречи с судном, идет на восток, прямо ему наперерез.

Час спустя оба корабля находятся всего на расстоянии трех-четырех миль друг от друга.

Ветер к тому времени совершенно стихает; команда встречного корабля, трехмачтового торгового судна, спешит убрать верхние паруса. До утра на ветер рассчитывать не приходится, и завтра, при таком штиле, трехмачтовик несомненно окажется на прежнем месте. Что касается «Эббы», она продолжает идти на сближение при помощи своего таинственного двигателя.

Капитан Спаде, разумеется, приказывает тоже спустить паруса, и команда под наблюдением боцмана Эфрондата выполняет приказ с такой же изумительной быстротой, как на гоночных яхтах.

Тут капитан Спаде подходит к правому борту, где я стою, и без церемоний приказывает мне спуститься в каюту.

Приходится повиноваться. Однако прежде чем покинуть палубу, я успеваю заметить, что боцман вовсе не торопится зажигать сигнальные огни, тогда как на трехмачтовом судне уже горит зеленый огонь на правом борту и красный — на левом.

Для меня ясно, что шкуна намеревается пройти незамеченной мимо встречного корабля. Ход ее несколько замедлился, но направление не изменилось.

По моему расчету «Эбба» со вчерашнего дня ушла на восток миль на двести.

Вернувшись в свою каюту, я чувствую какое-то смутное беспокойство. На столе меня ждет ужин, но, едва притронувшись к пище, я ложусь на койку, встре-

воженный, сам не знаю почему, и напрасно стараюсь заснуть.

Такое томительное состояние продолжается около двух часов. Тишину нарушает лишь мерное покачиванье шкуны, журчание воды, струящейся вдоль корпуса, да легкие толчки при поворотах судна на гладкой поверхности спокойного моря.

В моей голове теснятся тревожные мысли, воспоминания обо всем, что произошло за последние два дня, и я никак не могу успокоиться. Итак завтра, после полудня, мы пристанем к берегу. Завтра, на суше, я снова возьмусь за свои обязанности по уходу за больным Тома Роком, «если это потребуется», как сказал граф д'Артигас.

Когда меня впервые заперли в глубине трюма, я заметил, в какой момент шкуна вышла в море из залива Памлико; теперь — около десяти часов вечера — я чувствую, что она остановилась.

Чем вызвана эта остановка? Когда капитан Спаде приказал мне уйти с палубы, никакой земли не было видно на горизонте. По пути нашего следования на картах нанесены лишь Бермудские острова, а в наступающих сумерках сигнальщики на мачтах едва ли могут их заметить раньше, чем мы пройдем еще пятьдесят — шестьдесят миль.

К тому же «Эбба» не только легла в дрейф, но стоит совершенно неподвижно. Едва ощущается легкое, равномерное бортовое покачиванье. Даже зыбь почти не чувствуется. Ни малейшее дуновение ветра не рябит гладкой поверхности океана.

Мои мысли обращаются к торговому судну; оно стояло от нас не больше чем в полутора милях, когда я спускался в каюту. Если бы шкуна продолжала идти ему наперерез, она бы уже поровнялась с ним. Теперь же расстояние между двумя кораблями не должно превышать одного-двух кабельтовых. Трехмачтовое судно легло в дрейф при заходе солнца, и его не могло отнести к западу. Без сомнения, оно на прежнем месте, и, будь ночь посветлее, я бы увидел его через иллюминатор каюты.

Мне приходит в голову, что сейчас представляется удобный случай, которым следует воспользоваться. Почему бы не попытаться убежать, раз всякая надежда быть отпущенным на свободу для меня потеряна? Правда, я не умею плавать, но неужели, бросившись в море со спасательным кругом, я не доплыву до трехмачтовика, если мне удастся обмануть бдительность вахтенных матросов?

Значит, надо прежде всего выйти из каюты и подняться по трапу... Ни в кубрике, ни на палубе «Эббы» не слышно никакого шума... Должно быть, в этот час команда уже спит... Рискнем...

Я пробую отворить дверь каюты, но она заперта снаружи. Этого следовало ожидать.

Придется отказаться от плана побега, сулившего, впрочем, мало надежды на успех.

Самое лучшее — уснуть, ибо если я не утомлен физически, то сильно измучен нравственно. Меня преследуют неотступные вопросы, запутанные противоречивые мысли... Хоть бы забыться сном!..

Должно быть, мне это удалось, так как я внезапно просыпаюсь от какого-то странного шума, шума необычного, — такого я еще ни разу не слышал на борту шкуны.

За стеклом иллюминатора, обращенного на восток, занимается рассвет. Я смотрю на часы. Они показывают половину пятого утра.

Первым делом надо узнать, тронулась ли в путь «Эбба».

Нет, конечно, — ни на парусах, ни при помощи мотора. Иначе я чувствовал бы знакомое покачиванье и дрожание корпуса судна; в этом я не мог бы ошибиться. Кроме того, море, повидимому, так же спокойно на восходе солнца, как было вчера на закате. Если «Эбба» и шла на парусах, пока я спал, то сейчас во всяком случае она стоит неподвижно.

Странный шум происходит от беготни и топота ног на верхней палубе, — слышатся шаги людей, нагруженных тяжелой ношей. В то же время мне кажется, что такой же шум и суета доносятся из-под пола моей каюты, из трюма, сообщающегося с палубой через

большой люк позади фок-мачты. Я различаю также какое-то трение и царапание вдоль корпуса шкуны, над ватерлинией. Может быть, к судну пристали шлюпки? Может быть, матросы грузят или выгружают товары?

Однако трудно предположить, что мы причалили к берегу. Граф д'Артигас сказал, что «Эбба» не прибудет к месту назначения раньше чем через сутки. А вчера вечером, как я уже говорил, она находилась еще на расстоянии пятидесяти — шестидесяти миль от ближайшей земли — Бермудских островов. Немыслимо представить себе, что шкуна повернула обратно на запад и приблизилась к американскому побережью, — расстояние слишком велико. Вероятнее всего, судно стояло на месте всю ночь. Перед сном я заметил, что шкуна остановилась, и сейчас она попрежнему не двигается.

Остается ждать, пока мне разрешат подняться на палубу. Дверь каюты, как я только что убедился, все еще заперта. Неужели меня не выпустят, когда настанет день? Не думаю.

Проходит час. В иллюминатор проникает свет зари. Я выглядываю наружу. Море заволакивает легкий туман, который быстро рассеется при первых солнечных лучах.

Окинув взглядом пространство на полмили кругом, я нигде не вижу трехмачтового парусника; должно быть, он стоит с противоположной стороны «Эббы», с левого борта.

Но вот раздается скрип в замочной скважине, и ключ поворачивается. Распахнув дверь, я взбегаю по железному трапу и выхожу на палубу в ту минуту, когда матросы закрывают носовой люк.

Я ищу глазами графа д'Артигаса. Его здесь нет, он еще не выходил из каюты.

Капитан Спаде и инженер Серкё наблюдают за погрузкой каких-то тюков, которые, повидимому, вытащили из трюма и переносят на корму. Этим и объяснялись, вероятно, шум и суета, которые я слышал, когда проснулся. Раз команда выносит товары из трюма, значит мы скоро прибудем на место... Мы уже неда-

леко от порта, и, может быть, через несколько часов шкуна станет на якорь.

Позвольте... а где же парусник, стоявший рядом, за левым бортом? Ведь со вчерашнего вечера не было ветра, значит он должен был остаться на прежнем месте...

Я обращаю взгляд в его сторону...

Трехмачтовое судно исчезло, море пустынно, не видно ни одного корабля, ни одного парусника ни на севере, ни на юге, вплоть до самого горизонта.

Подумав, я могу найти этому лишь одно объяснение, правда требующее оговорок; должно быть, пока я спал, «Эбба» все-таки продолжала рейс и прошла большое расстояние, оставив позади трехмачтовый парусник: только поэтому я и не вижу его рядом со шкуной.

Конечно, мне и в голову не приходит спросить об этом ни капитана Спаде, ни даже инженера Серкё; они все равно не удостоили бы меня ответом.

В эту минуту капитан Спаде, подойдя к сигнальному аппарату, нажимает одну из кнопок верхнего ряда. Почти тотчас же «Эбба» сотрясается от сильного толчка. Затем, не поднимая парусов, она снова пускается в путь на восток с поразительной, необъяснимой скоростью.

Два часа спустя у кормового люка появляется граф д'Артигас и занимает свое обычное место у гакаборта. Капитан Спаде и инженер Серкё о чем-то совещаются с ним вполголоса.

Все трое, поднеся к глазам подзорные трубы, обозревают линию горизонта с юго-востока на северо-восток.

Нет ничего удивительного, что и я пристально вглядываюсь вдаль в том же направлении, но, не имея подзорной трубы, не могу ничего рассмотреть в просторах океана.

После завтрака мы все поднимаемся на палубу, за исключением Тома Рока, не выходившего из каюты со вчерашнего дня.

В половине второго сторожевой матрос с марса фокмачты подает сигнал, что видна земля. «Эбба» мчится

с такой необычайной быстротой, что, надеюсь, скоро и мне удастся увидеть очертания берега.

Действительно, часа через два милях в восьми от нас вырисовываются смутные контуры земли. По мере того как шкуна приближается, очертания становятся все яснее. Это гора или по крайней мере возвышенность. Над ее вершиной, вздымаясь к небу, клубится дым.

Вулкан в этих широтах?!. Так неужели же это...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Бэк-Кап

По моим расчетам «Эбба» не могла встретить в этой части Атлантического океана другого архипелага, кроме Бермудских островов. Я делаю такой вывод, во-первых, зная расстояние, отделяющее нас от американского побережья, и, во-вторых, курс, взятый нами по выходе из залива Памлико. Шкуна неизменно шла курсом ост-зюйд-ост, и пройденное расстояние, судя по скорости хода, составляет приблизительно девятьсот или тысячу километров.

Между тем шкуна продолжает идти вперед, не снижая скорости; граф д'Артигас с инженером Серкё стоят на корме подле рулевого. Капитан Спаде переходит на нос.

Интересно, проплывем ли мы мимо этого одинокого островка, не заходя туда?

Вряд ли, так как наступает день и час, назначенные для прибытия на место стоянки.

Все матросы уже выстроились на палубе в ожидании команды, а боцман Эфрондат готовится отдать якорь.

Не позже двух часов я буду знать, высадимся мы здесь или нет. Наконец-то я получу первый ответ на один из множества вопросов, занимающих меня с тех пор как шкуна вышла в океан.

Однако трудно поверить, что место стоянки «Эббы» находится именно на одном из Бермудских островов,

среди английских владений — если только граф д'Артигас не похитил Тома Рока по заданию Великобритании; впрочем, эта гипотеза маловероятна.

Тут я вдруг замечаю, что этот загадочный человек весьма пристально наблюдает за мной. Хотя он и не может заподозрить, что перед ним инженер Симон Харт, его все же интересует, как я отношусь к этому приключению. Ведь беднягу сторожа Гэйдона ожидающая его судьба должна тревожить не меньше, чем любого джентльмена, будь он даже владельцем этой странной парусной яхты. Признаюсь, меня немного беспокоит настойчивость, с какой он меня разглядывает.

Ах, если бы граф д'Артигас мог знать, какая догадка меня сейчас осенила, — ручаюсь, что он не поколебался бы тут же выбросить меня за борт!..

Рассудок подсказывает мне, что надо быть осторожнее и осмотрительнее, чем когда-либо.

В самом деле, не вызывая ни в ком подозрений, — даже в инженере Серкё при всей его проницательности, — я внезапно приоткрыл уголок таинственной завесы. Неожиданная догадка отчасти пролила свет и на мою будущую судьбу.

При приближении «Эббы» очертания острова, или, вернее, островка, к которому она держит путь, все более четко вырисовываются на светлом фоне неба. Солнце, миновав зенит, клонится к закату и ярко озаряет островок своими лучами. Он стоит особняком, во всяком случае ни к северу, ни к югу от него не видно других островов архипелага.

По мере того как расстояние сокращается, остров вырастает на глазах, и кажется, будто линия горизонта за ним постепенно опускается.

Этот островок, весьма необычного строения, по форме очень похож на опрокинутую чашку, над которой вздымаются черные клубы дыма. Вершина горы — или, если угодно, донышко чашки, — возвышается над уровнем моря, вероятно, на сотню метров, а склоны обрываются в море правильными крутыми гранями, такими же голыми и бесплодными, как утесы у ее подножия, о которые разбиваются волны прибоя.

Благодаря одной замечательной природной особенности мореплаватели узнают маленький островок уже издали, — эта особенность — сквозная скала с западной стороны. Через естественную арку, образующую как бы ручку опрокинутой чашки, прорываются бурные пенистые волны и проникают лучи солнца, когда оно восходит над горизонтом. Всем своим видом островок вполне оправдывает данное ему название Бэк-Кап [1].

Так вот, я запомнил этот островок, я сразу узнал его! Он расположен на краю Бермудского архипелага. Это «опрокинутая чашка», на которой мне довелось побывать несколько лет тому назад... Нет, я не ошибаюсь! Я не раз взбирался на эти известковые скалы, я обогнул подошву горы с восточной стороны. Да, это Бэк-Кап!

Будь у меня поменьше выдержки, я вскрикнул бы от удивления... и радости, а это вызвало бы вполне понятное подозрение у графа д'Артигаса.

Вот при каких обстоятельствах мне пришлось исследовать Бэк-Кап во время пребывания на Бермудских островах.

Этот архипелаг, расположенный примерно в тысяче километров от Северной Каролины, состоит из нескольких сотен островов и островков. В центре его шестьдесят четвертый меридиан пересекается с тридцать второй параллелью. После кораблекрушения англичанина Ломера, который разбился у здешних берегов в 1609 году, Бермудские острова перешли во владение Великобритании, вследствие чего население ее колоний увеличилось на десять тысяч человек. Англия решила присоединить, или, вернее, захватить, эту группу островов не ради производства хлопка, кофе, индиго, арроурута и других товаров. Здесь было весьма подходящее место для морской базы среди океана, недалеко от Соединенных Штатов. Захват не вызвал никаких протестов со стороны других держав, и с тех пор Бермудскими островами управляет британский губернатор при участии местного совета и генеральной ассамблеи.

[1] Back Cap — вверх дном *(англ.)*.

Главные острова архипелага носят названия Сент-Дейвидс, Сомерсет, Гамильтон, Сент-Джорджес. На этом последнем острове имеется порт и город того же названия, ставший столицей архипелага.

Самый крупный из островов не превышает двадцати километров в длину и четырех в ширину. Не считая островов средней величины, архипелаг представляет собою скопление островков и рифов, рассыпанных на площади в двенадцать квадратных лье. Хотя на Бермудах прекрасный, здоровый климат, зимой в Атлантическом океане бушуют неистовые бури, и подступы к островам опасны для мореплавателей.

Главный недостаток архипелага — отсутствие рек и родников. Благодаря обильно выпадающим дождям жители восполняют нехватку воды, собирая ее для своих надобностей в водоемы. Для этого они сооружают обширные цистерны, которые частые ливни щедро наполняют водой. Конструкция их поистине достойна всяческого восхищения и делает честь человеческому гению.

Интересуясь этими замечательными работами и желая ознакомиться с устройством водоемов, я предпринял путешествие на Бермудский архипелаг.

В то время я работал инженером в одном из учреждений штата Нью-Джерси. Взяв отпуск на несколько недель, я поехал в Нью-Йорк, а оттуда отправился пароходом на Бермудские острова.

И вот, во время моего пребывания в большом порту Саутгемптон на острове Гамильтон, там произошло странное явление природы, весьма заинтересовавшее геологов.

В один прекрасный день в порт Саутгемптон приплыла целая флотилия рыбачьих лодок с рыбаками, их женами и детьми.

Уже больше пятидесяти лет как семьи эти поселились на восточном побережье Бэк-Капа. Они построили там деревянные хижины и каменные домики. Рыбакам было чрезвычайно удобно жить на самом взморье, в местах богатых рыбой и особенно благоприятных для китобойного промысла, так как к Бермудским остро-

вам, особенно в марте и апреле, приплывает множество кашалотов.

До сих пор ничто не нарушило покоя здешних жителей и не мешало их мирному промыслу. Условия жизни не казались им слишком суровыми благодаря близости и удобству сообщения с островами Гамильтон и Сент-Джорджес. На прочных баркасах, оснащенных парусами наподобие тендеров, рыбаки вывозили богатый улов и привозили взамен все необходимое для своих семей.

Почему же они вдруг покинули родной остров, решив, как вскоре стало известно, никогда больше туда не возвращаться? Это объяснялось тем, что их жизни на Бэк-Капе с некоторых пор стала угрожать опасность.

Два месяца тому назад рыбаков поразил, а затем и встревожил глухой гул и грохот, доносившийся из недр Бэк-Капа. В то же время из вершины горы — иначе говоря, со дна опрокинутой чашки — начали вырываться дым и пламя. До сих пор никто не подозревал, что островок этот вулканического происхождения и вершина его образует кратер, так как никто не мог взобраться по крутым скалистым склонам. Но теперь не оставалось сомнений, что Бэк-Кап огнедышащая гора и что жителям поселка угрожает извержение вулкана.

В течение двух месяцев не раз повторялись подземные толчки и удары, сотрясавшие весь островок; длинные языки пламени взвивались над верхушкой горы — в особенности по ночам, — и где-то в глубине раздавался ужасающий грохот; все эти признаки неопровержимо свидетельствовали о работе плутонических сил в недрах острова, предвещая в недалеком будущем извержение вулкана.

Страшась неминуемой катастрофы на узкой прибрежной полосе, на которой даже негде было бы укрыться от потоков лавы, опасаясь к тому же возможности полного разрушения Бэк-Капа, жители поселка, не долго думая, обратились в бегство. Погрузив все имущество на рыбачьи лодки, они переправились в порт Саутгемптон в поисках пристанища.

Известие о том, что бездействующий много веков вулкан на западном краю архипелага начинает пробуждаться, вызвало панику на Бермудских островах. Одних эта новость испугала, в других пробудила любопытство. Я принадлежал к последним. Кроме того, важно было исследовать на месте это таинственное явление и проверить, не преувеличивали ли рыбаки его возможных последствий.

Бэк-Кап выступает из воды отдельным массивом к западу от архипелага и соединяется с ним причудливой цепочкой из мелких островков и рифов, неприступных для мореплавателей с восточной стороны. «Опрокинутую чашку» не видно ни с острова Сент-Джорджес, ни с острова Гамильтон, так как вершина ее не превышает сотни метров.

Тендер из порта Саутгемптон доставил меня и нескольких путешественников на побережье, где еще стояли покинутые хижины бермудских рыбаков.

Внутри скалы попрежнему раздавался гул, а над кратером клубились пары.

Не оставалось никаких сомнений: древний вулкан Бэк-Капа снова пробудился под действием подземного огня. Можно было опасаться, что со дня на день произойдет извержение со всеми его последствиями.

Тщетно пытались мы взобраться наверх к кратеру вулкана. По крутым, гладким, скользким склонам, без выемок и выступов, которые могли бы служить опорой для ног, по неприступным кручам, обрывающимся в море под углом в 75—80 градусов, всякое восхождение было немыслимо. Я никогда не видел ничего бесплоднее этих суровых скал, лишь кое-где поросших редкими пучками дикой люцерны.

После многих безуспешных попыток вскарабкаться на вершину, мы решили обойти остров кругом. Но за исключением приморской полосы, занятой рыбачьим поселком, берег у подножия скал был совершенно непроходим из-за обвалов и осыпей, загромождавших его с севера, с юга и с запада.

Итак, исследователи острова принуждены были ограничиться этим далеко недостаточным осмотром. Во всяком случае, глядя на дым и огонь, вырывавшиеся из

кратера, слушая глухие раскаты и взрывы, сотрясавшие порою недра горы, мы могли только одобрить решение рыбаков покинуть остров, которому грозили гибель и разрушение.

Вот при каких обстоятельствах я посетил когда-то Бэк-Кап, и нет ничего удивительного, что, едва увидев причудливые очертания островка, я сразу узнал его.

Нет! Повторяю, — графу д'Артигасу вряд ли доставило бы удовольствие, что смотритель Гэйдон знает этот островок, особенно если «Эбба» бросит там якорь; впрочем, на нем ведь нет гавани, — вот почему это кажется мне невероятным.

Пока шкуна приближается к берегу, я рассматриваю Бэк-Кап, куда ни один из бермудских рыбаков так и не пожелал вернуться. Рыбачий поселок совершенно заброшен, и я не могу понять, зачем «Эбба» выбрала здесь место для стоянки.

Впрочем, граф д'Артигас со спутниками, может быть, вовсе и не думает высаживаться на побережье Бэк-Капа? Если даже шкуна и найдет временное убежище между утесами в какой-нибудь узкой бухте, вряд ли богатому яхтсмену придет в голову избрать своей резиденцией эти бесплодные скалы, ничем не защищенные от бурь Атлантического океана. Жизнь на этих суровых берегах подходит для бедных рыбаков, но никак не для графа д'Артигаса, инженера Серкё, капитана Спаде и экипажа шкуны.

До Бэк-Капа остается не более полумили; он нисколько не похож на другие острова архипелага с холмами, покрытыми густой зеленью. Лишь кое-где в извилинах и трещинах между камнями торчат кустики можжевельника да чахлые хвойные деревца, составляющие основную растительность Бермудских островов. Прибрежные скалы у подножия острова покрыты густыми гирляндами водорослей, выброшенных прибоем, а также слоем бесчисленных волокнистых саргассо, из Саргассова моря, огромное количество которых наносит течением к рифам Бэк-Капа.

Единственные живые обитатели одинокого острова это птицы — снегири, «mota cyllas cyalis» с синеватым оперением, морские чайки и бакланы, которые ту-

чами кружатся над островом, стрелой проносясь сквозь клубы пара, вырывающиеся из кратера.

На расстоянии двух кабельтовых от берега шкуна замедляет ход и застопоривает (это подходящее слово!) перед узким проходом среди нагромождения скал, едва выступающих из воды.

Неужели «Эбба» рискнет пройти этим опасным извилистым фарватером?..

Нет, вероятнее всего, после остановки на несколько часов, — хоть мне и непонятно для какой цели, — шкуна снова возьмет курс на восток.

Во всяком случае не видно никаких приготовлений к длительной стоянке. Якоря остаются на кра́мболах, якорные цепи не готовы к отдаче, шлюпки не спущены.

В эту минуту на носу появляется граф д'Артигас с инженером Серкё и капитаном Спаде, и тут начинается маневр, совершенно для меня необъяснимый.

За левым фальшбортом, почти у фок-мачты, я замечаю пловучий буек, который матросы подтягивают к носу шкуны.

Вскоре вокруг этого места прозрачная вода забурлила, потемнела, и из глубины поднялась какая-то черная масса. Неужели это огромный кашалот вынырнул на поверхность подышать воздухом?.. Не потопит ли он «Эббу» ударом своего страшного хвоста?..

Нет! Теперь мне все понятно! Я знаю, какой механизм сообщает шкуне без парусов и без винта такую изумительную скорость! Вот он выплывает наверх, неутомимый двигатель, который провел «Эббу» на буксире от американских берегов до Бермудского архипелага. Он здесь, он колышется на волнах рядом с ней. Это подводная лодка, невидимый буксир, «tug» [1] с гребным винтом, приводимым в действие током либо от аккумуляторов, либо от распространенной в последнее время гальванической батареи.

Над рубкой подводного буксира, обшитого листовой сталью и напоминающего по форме длинное веретено, помещается площадка с люком посредине, ведущим во внутреннее помещение. Над площадкой спереди

---

[1] Буксирное судно *(англ.)*.

возвышается перископ, оптический прибор с чечевицеобразными стеклами, сквозь которые можно освещать электричеством морские глубины. Сейчас, освободившись от балласта воды в резервуарах, подводная лодка всплыла на поверхность. Люк на площадке теперь откроется, и свежий воздух провентилирует все внутри. Вполне возможно, что, погружаясь в воду днем, подводная лодка по ночам всплывала и буксировала «Эббу», оставаясь на поверхности.

Однако здесь возникает новый вопрос. Если подводная лодка приводится в движение электрическим током, ее должна снабжать энергией какая-то электрозарядная станция. Где же находится этот источник электрической энергии? Не на островке же Бэк-Кап, надо полагать?

Кроме того, непонятно, зачем шкуна прибегает к помощи подводного буксира? Почему на ней самой не установлен двигатель, как на многих парусных яхтах?

Однако мне некогда предаваться размышлениям или, вернее, искать объяснение всем этим необъяснимым загадкам.

Подводная лодка становится рядом с «Эббой». Люк открывается. На площадку выходят несколько матросов — весь ее экипаж; повидимому, капитан Спаде держит с ней связь при помощи электрического сигнального аппарата на носу шкуны, соединенного с буксирным судном подводным кабелем. Именно с «Эббы» подается команда, каким курсом следовать.

Тут ко мне подходит инженер Серкё и говорит одно слово:

— Пересадка.

— Куда? — спрашиваю я.

— Туда... на буксир, живо!

Как всегда, мне приходится повиноваться, и я спешу перелезть через фальшборт.

В эту минуту на палубу поднимается Тома Рок в сопровождении одного из матросов. Он кажется очень спокойным, равнодушным ко всему на свете и без всякого сопротивления пересаживается на буксирное судно. Когда мы сходимся у отверстия люка, к нам присоединяются граф д'Артигас и инженер Серкё.

Капитан Спаде с командой остается на шкуне, за исключением четырех матросов, которые садятся в только что спущенную на воду шлюпку. Они берут с собой длинный трос, очевидно, чтобы провести «Эббу» на буксире между рифами. Значит, тут, среди скал, существует бухта, где яхта графа д'Артигаса может надежно укрыться от бурь океана? Значит, именно здесь ее якорная стоянка?

Лишь только «Эбба» отходит от буксирного судна, как трос, крепящий ее к шлюпке, натягивается и, проплыв полкабельтовых, матросы швартуют ее к железным причальным кольцам, вделанным в скалу. После этого, выбирая трос, они медленно и осторожно подтягивают шкуну к причалу.

Пять минут спустя «Эбба» исчезает за грядой прибрежных скал, и теперь с открытого моря не видно даже верхушек ее мачт.

Кто на Бермудских островах догадается, что здесь, в потаенной бухте, находится стоянка парусной шкуны? Кому в Америке придет в голову, что известный во всех портах побережья богатый яхтсмен скрывается на одиноком островке Бэк-Кап?

Через двадцать минут шлюпка с четырьмя гребцами возвращается обратно.

Очевидно, подводная лодка дожидалась только их, чтобы отплыть... но куда?

В самом деле, экипаж шлюпки поднимается на площадку, машину включают, гребной винт начинает вращаться, ударяя лопастями по воде, и буксирное судно в надводном положении, таща за собой шлюпку и огибая рифы с юга, направляется к Бэк-Капу.

В трех кабельтовых открывается новый проход, ведущий к острову, и лодка входит в него, лавируя по извилистому фарватеру. У подошвы горы двое матросов по команде вытаскивают шлюпку на узкий песчаный берег, защищенный от волн и бурунов; здесь она может спокойно лежать, пока «Эбба» снова не выйдет в плаванье.

Как только оба матроса возвращаются на борт, инженер Серкё знаком велит мне спуститься вниз.

Трап с железными перекладинами ведет во внутрен-

нее помещение, набитое всевозможными тюками и ящиками, которым, должно быть, не нашлось места в перегруженном трюме шкуны. Меня вталкивают в боковую каюту, дверь запирают, и я снова оказываюсь в заточении среди полной темноты.

Я тотчас же узнаю эту камеру. Именно здесь я провел долгие часы после того, как меня похитили из Хелтфул-Хауса, именно отсюда меня выпустили на палубу, когда шкуна вышла из залива Памлико в открытое море.

Нет сомнения, что с Тома Роком поступили так же, как со мной, что его тоже заперли где-нибудь в другой каюте.

Раздается гулкий удар, стук захлопнувшегося люка, и подводная лодка немедленно начинает погружаться.

Действительно, я чувствую, что мы опускаемся вниз по мере того как ее резервуары заполняются водой.

Затем движение сверху вниз сменяется движением вперед, и подводная лодка скользит в морских глубинах.

Три минуты спустя она останавливается, и мне кажется, что мы всплываем на поверхность.

Снова раздается металлический стук, — на этот раз люк открывается.

Дверь моей камеры отпирают, и я быстро взбегаю на палубу.

Я оглядываюсь кругом.

Подводная лодка проникла в самый центр острова Бэк-Кап.

Так вот где находится таинственное уединенное убежище, в котором живут граф д'Артигас и его спутники, порвав все связи с человечеством!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В глубине пещеры

На другой день я без всякой помехи произвел первую разведку обширной пещеры Бэк-Капа.

Какую тревожную ночь провел я, осаждаемый странными видениями, и с каким нетерпением ждал утра!

По приезде меня отвели в грот, находившийся шагах в ста от того места, где подошла к берегу подводная лодка. В этом гроте, размером десять на двенадцать футов, горела электрическая лампочка; едва я очутился внутри, как тяжелая дверь захлопнулась за мной.

Нет ничего удивительного в том, что пещера освещается электричеством, ведь этим светом пользуются и на борту подводного буксира. Но где же добывают электрическую энергию?.. Откуда она берется?.. Неужели внутри этого огромного грота устроен целый завод со всем оборудованием — динамомашинами, аккумуляторами?...

В моей камере оказался стол, уставленный яствами, постланная на ночь койка, плетеное кресло и шкаф с несколькими сменами белья и платья. В ящике я нашел бумагу, чернильницу, перья. В правом углу стоял столик с туалетными принадлежностями. Все кругом блестело чистотой.

Свежая рыба, мясные консервы, хлеб из первосортной муки, эль и виски — таково было меню этой первой трапезы. Но ел я без всякого аппетита, как говорится, через силу: нервы мои были слишком напряжены.

Необходимо все же взять себя в руки, победить волнение и тревогу, обдумать все хладнокровно. Я хочу раскрыть тайну горстки людей, зарывшихся в недрах Бэк-Капа... и я ее раскрою.

Итак, граф д'Артигас обосновался внутри островка. Эта пещера, о существовании которой никто не подозревает, служит ему приютом, когда он не плавает на своей «Эббе» у берегов Нового, а может быть, и Старого Света. Здесь находится открытое им неведомое убежище, куда ведет лишь подводный ход — «ворота», зияющие на глубине двенадцати — пятнадцати футов под поверхностью океана.

Почему этот человек бежит от других людей?.. Что таит в себе его прошлое?.. Если имя д'Артигас и графский титул лишь присвоены им, как я сильно подозреваю, то почему он скрывает свое подлинное лицо? . Не изгнанник ли он, или беглец, который предпочел это место ссылки всякому другому?.. Или, может быть, это злодей, зарывшийся в недоступной глазу норе,

чтобы пользоваться полной безнаказанностью и избежать кары за свои преступления?.. Я вправе строить всевозможные догадки по поводу этого подозрительного человека, и я пользуюсь этим правом.

И тут передо мной встает все тот же вопрос, на который я не в силах дать удовлетворительного ответа. Зачем Тома Рока похитили из Хелтфул-Хауса при известных нам обстоятельствах?.. Не надеется ли граф д'Артигас вырвать у изобретателя тайну фульгуратора и употребить этот снаряд для защиты Бэк-Капа, если по воле случая его тайное убежище будет обнаружено?.. Допустим, но ведь колонию Бэк-Капа нетрудно взять измором, ибо одной подводной лодки недостаточно, чтобы обеспечить снабжение пиратов!.. Да и шкуне не вырваться из окружения, кроме того, приметы ее тотчас же сообщат во все морские порты!.. К чему же послужит тогда изобретение Тома Рока в руках графа д'Артигаса? Положительно ничего не понимаю.

Около семи часов утра я вскакиваю с постели. Хоть я и не могу выбраться из пещеры, но по крайней мере камера моя не заперта. Ничто не мешает мне покинуть ее, и я открываю дверь...

В тридцати метрах от меня тянется скалистый выступ, нечто вроде набережной, уходящей вправо и влево.

Несколько матросов с «Эббы» как раз выгружают товары из трюма подводного буксира, пришвартованного к небольшому каменному молу.

Мои глаза постепенно привыкают к тусклому свету, разлитому по пещере; он проникает в нее сверху, так как посередине свода зияет довольно большое отверстие.

«Вот откуда, — думаю я, — вырываются эти пары или, точнее, дым, указавший нам на близость Бэк-Капа за три-четыре мили от островка».

Целый рой мыслей мгновенно проносится у меня в голове.

«Так значит Бэк-Кап не вулкан, как все считают и как я сам считал до сих пор... Оказывается, пары, языки пламени, замеченные несколько лет назад, иного

происхождения... Гул, так испугавший бермудских рыбаков, был вызван отнюдь не борьбой подземных сил... Эти явления создавались искусственно... по воле властелина островка, пожелавшего отпугнуть жителей, поселившихся на побережье. И графу д'Артигасу это удалось... Он остался единственным хозяином Бэк-Капа. При помощи взрывов и дыма горящих водорослей, вырывавшегося из мнимого кратера, граф д'Артигас создал легенду о существовании вулкана, о его неожиданном пробуждении и неминуемом извержении, которого, однако, до сих пор не произошло!..»

Так, очевидно, и было в действительности, причем даже после бегства бермудских рыбаков над вершиной Бэк-Капа продолжал клубиться густой дым.

Между тем становится все светлее, проблески дня проникают в мнимый кратер по мере того, как солнце поднимается над горизонтом. Теперь я могу довольно точно определить размеры этой пещеры. Вот, впрочем, данные, которые я получил впоследствии.

Островок Бэк-Кап имеет форму почти правильного круга; длина его окружности равна тысяче двумстам метрам, а площадь внутри каменной чаши — пятидесяти тысячам квадратных метров, или пяти гектарам. Толщина стен у основания — от тридцати до ста метров.

Следовательно, за вычетом стен, пещера занимает почти все внутреннее пространство скалистого массива, возвышающегося над поверхностью океана. Что касается подводного туннеля, по которому мы проникли внутрь Бэк-Капа, то, по-моему, он достигает в длину метров сорока.

Эти цифры, хотя и не вполне точные, позволяют судить о размерах пещеры. Но как бы велика она ни была, напомним, что в Старом и в Новом Свете существуют пещеры гораздо обширнее, ставшие предметом всестороннего спелеологического исследования.

В самом деле, в области Крайна, в графствах Нортумберленд и Дербишир, в Пьемонте, на Пелопоннесе, на Балеарских островах, в Венгрии и Калифорнии встречаются пещеры бóльших размеров, чем Бэк-Кап. То же можно сказать об известных пещерах на юге

Бельгии и о Мамонтовой пещере в Кентукки в Соединенных Штатах Америки. В ней насчитывается двести двадцать шесть залов с куполообразными сводами, семь речек, восемь водопадов, тридцать два провала неизвестной глубины и подземное море площадью в пять-шесть квадратных лье, которое еще не вполне исследовано.

Я знаю Мамонтову пещеру в Кентукки, ибо бывал там, как и тысячи других туристов. Главный из ее залов послужит мне для сравнения с пещерой Бэк-Капа. Как и в Мамонтовой пещере, своды покоятся здесь на колоннах различной формы и величины, которые придают ей вид готического собора с притворами, боковыми приделами, клиросами, хотя это сооружение природы и лишено гармонии, свойственной церковной архитектуре. Единственная разница между двумя пещерами заключается в том, что в Кентукки высота свода достигает ста тридцати метров, а в Бэк-Капе не более шестидесяти, да и то в самом центре, возле круглого отверстия, через которое вырываются наружу клубы дыма и языки пламени.

Есть еще одна чрезвычайно важная особенность: в большинство упомянутых мной пещер легко проникнуть, вот почему рано или поздно все они были открыты.

Иначе обстоит дело с Бэк-Капом. На картах этой части Атлантического океана Бэк-Кап обозначен как островок, принадлежащий к группе Бермудских, и никому не могло прийти в голову, что внутри этого скалистого массива скрыта огромная пещера. Чтобы найти ее, надо было туда проникнуть, а чтобы проникнуть, требовалась подводная лодка, вроде той, какой владеет граф д'Артигас.

Я думаю, что только случай помог этому странному яхтовладельцу обнаружить подводный туннель и основать внутри островка Бэк-Кап свою подозрительную колонию.

Осматривая водное пространство внутри пещеры, я замечаю, что размеры его весьма невелики — всего каких-нибудь триста — триста пятьдесят метров в окружности. Собственно говоря, это небольшое озеро, окру-

женное отвесными скалами, зато оно прекрасно подходит для стоянки подводного буксира, ибо, как я узнал впоследствии, глубина его не менее сорока метров.

При взгляде на расположение и структуру этого грота сразу становится ясно, что он образовался благодаря работе морских волн и относится к пещерам, как нептунического, так и плутонического происхождения. Таковы, например, гроты Крозон и Моргат в заливе Дуарнене во Франции, пещера Бонифаччо на побережье Корсики, пещера Торгатен в Норвегии, высота которой не менее пятисот метров, таковы, наконец, известняковые пещеры в Греции, гибралтарские пещеры в Испании и туранские в Кохинхине. Словом, их строение указывает на то, что они появились в результате двойной работы геологических сил.

Островок Бэк-Кап состоит по большей части из известняковых скал. Они полого поднимаются от берега озера к стенам пещеры, разделенные полосками мелкого песка; кое-где торчат желтоватые кустики камнеломки, жесткие и густые. Ближе к воде камни покрыты толстым слоем саргассовых и других водорослей; одни из них высохли, другие, еще мокрые, распространяют вокруг себя терпкий запах моря. Очевидно, течением их принесло через подводный ход и выбросило на берег озерка. Впрочем, это не единственное топливо, употребляемое для многочисленных нужд колонии Бэк-Капа. Я вижу целую гору каменного угля, очевидно, доставленного на борту подводного буксира и шкуны. Но, повторяю, густой дым, вырывающийся из кратера островка, получается от сжигания большого количества высушенных водорослей.

Продолжая прогулку, я обнаруживаю на северном берегу озерка жилища этой колонии троглодитов, — разве окружающие меня люди не заслуживают такого наименования? Эта часть пещеры очень удачно названа «Ульем». Действительно, в толще известняковой стены рукою человека выдолблено несколько рядов ячеек, в которых и ютятся эти осы в человеческом образе.

В восточной части строение пещеры совсем иное. Здесь высятся, переплетаются, множатся, разбегаются в

разные стороны сотни естественных колонн, поддерживающих высокие своды. Настоящий лес каменных стволов, теряющихся в самом темном конце пещеры. Между этими колоннами извиваются, пересекаясь, тропинки, ведущие в глубину Бэк-Капа.

Сосчитав ячейки улья, нетрудно определить, что число спутников графа д'Артигаса достигает восьмидесяти, а может быть, и ста человек.

Этот странный граф как раз появился перед одной из ячеек, расположенной особняком; к нему только что подошли капитан Спаде и инженер Серкё. Обменявшись несколькими словами, все трое спускаются к берегу и останавливаются возле мола, к которому пришвартован подводный буксир.

Выгрузив товары, человек двенадцать матросов перевозят их в лодке на другой берег, где в стене пещеры высечены помещения для складов колонии Бэк-Капа.

Отверстия туннеля не видно под водой. Вчера я заметил, что, подплыв к островку, буксиру пришлось опуститься на несколько метров ниже уровня океана. Значит, пещера Бэк-Капа отличается в этом отношении от таких пещер, как Фингалова или Моргат, вход в которые всегда открыт даже во время прилива. Существует ли какой-нибудь другой искусственный или естественный выход на берег моря?.. Вот что необходимо выяснить.

Островок Бэк-Кап поистине заслуживает свое название. Он действительно очень похож на огромную опрокинутую чашку. Причем не только по внешнему виду, но, оказывается, и по внутреннему строению, хотя никто об этом не знает.

Как я уже говорил, Улей расположен на северном, мягко закругляющемся берегу озерка, то есть влево от подводного туннеля. На противоположном берегу устроены склады, где хранятся всевозможные товары: бочки вина, водки, пива, ящики с консервами, множество тюков с клеймами различных стран. Можно подумать, что здесь собраны по меньшей мере грузы двадцати кораблей. Немного дальше за дощатым забором высится довольно внушительное строение, назначе-

ние которого не трудно угадать. От высокого столба над ним расходятся в разные стороны толстые медные провода, питающие током мощные электрические фонари под сводами пещеры, а также маленькие лампочки в каждой ячейке Улья. Немало фонарей подвешено также между естественными колоннами, что позволяет освещать самые темные закоулки пещеры.

Передо мной встает вопрос: разрешат ли мне свободно разгуливать внутри островка Бэк-Кап?.. Надеюсь, что да. Для чего графу д'Артигасу стеснять мою свободу, запрещать мне ходить по его таинственным владениям?.. Разве я не пленник, заключенный в этой пещере? И можно ли выбраться отсюда иначе, чем через туннель?.. Ведь пройти по этому ходу, постоянно скрытому под водой, немыслимо.

Но даже, если предположить, что мне удастся выбраться по туннелю, разве мое исчезновение не будет тут же обнаружено?.. Десять матросов выедут на подводном буксире, высадятся на берег островка и обыщут каждый камень, каждую ямку... Меня тотчас же схватят, водворят обратно в Улей и на этот раз уж, наверно, лишат свободы передвижения...

Итак, приходится бросить всякую мысль о побеге до тех пор, пока такая попытка не будет иметь серьезных шансов на успех. Но если только представится благоприятный случай, я ни за что его не упущу.

Расхаживая вдоль Улья, я имею возможность разглядеть некоторых сообщников графа д'Артигаса, добровольно ведущих однообразное существование в глубине Бэк-Капа. Их не менее сотни, если судить по числу ячеек Улья.

Никто не обращает на меня внимания. Я замечаю, что колонисты Бэк-Капа, очевидно, набраны отовсюду понемногу. В их внешности нет ни одной общенациональной черты; этих людей нельзя отнести к североамериканцам, европейцам или обитателям Азии. Цвет кожи у всех разный, от белого до медно-красного и черного, но черного не африканского, а скорее австралийского. Короче говоря, большинство, по-моему, — малайцы, так как этот тип встречается среди них очень часто. Прибавлю, что граф д'Артигас несомненно уро-

женец голландских островов западной части Тихого океана, что инженер Серкё по происхождению левантинец, а капитан Спаде — итальянец.

Но если колонисты Бэк-Капа не связаны национальными узами, то их объединяет, конечно, общность низменных инстинктов и привычек. Что за подозрительные физиономии, что за свирепые выражения лиц! Поистине, эти молодчики похожи на дикарей! Видно, что у них жестокий нрав, что они никогда не обуздывали своих страстей, не останавливались ни перед какими крайностями. В голову мне невольно приходит мысль, что после ряда преступлений, краж, поджогов, убийств и вооруженных нападений, совершенных сообща, они решили искать пристанища в глубине этой пещеры, так как уверены, что здесь им обеспечена полная безнаказанность... В таком случае граф д'Артигас всего лишь главарь шайки злодеев, Спаде и Серкё — его подручные, а Бэк-Кап — притон пиратов...

Я все больше убеждаюсь, что это именно так. Меня весьма удивит, если окажется, что я был неправ. К тому же наблюдения, сделанные во время этого первого осмотра, лишь подтверждают мое мнение и оправдывают самые мрачные догадки.

Во всяком случае, кто бы ни были спутники графа д'Артигаса и по каким бы причинам ни собрались здесь, повидимому, они беспрекословно признают его неограниченную власть. Но если суровая дисциплина держит этих людей в узде, то существуют, очевидно, какие-то преимущества, вознаграждающие их за добровольное рабство. Какие же?

Обогнув ту часть озерка, куда выходит подводный туннель, я добираюсь до противоположного берега. Как я уже заметил раньше, здесь устроены склады товаров, которые шкуна «Эбба» привозит из каждого рейса. Обширные углубления, вырытые в стенах пещеры, могут вместить и действительно вмещают изрядное количество тюков и ящиков.

За складами находится электрическая станция. Проходя мимо ее окон, я замечаю внутри аппараты новейшего изобретения, негромоздкие, усовершенствованные. Нет и следа паровых машин, работающих на угле

и обладающих такими сложными механизмами. Как я и думал, здесь применяют гальванические батареи высокого напряжения, питающие током лампы пещеры и динамомашины буксира. Электрический ток используется, очевидно, и для различных хозяйственных надобностей, для отопления Улья и приготовления пищи. Я замечаю также, что ток подведен к находящимся поблизости перегонным кубам, служащим для добычи пресной воды. Колонистам Бэк-Капа не приходится собирать обильную в здешних местах дождевую воду. В нескольких шагах от электрической станции виднеется круглый водоем, совершенно такой же, как тот, что я осматривал на Бермудских островах, но значительно меньших размеров. Действительно, там требуется обеспечить водой население в десять тысяч человек... здесь же всего какую-нибудь сотню....

Я еще не знаю, как называть этих людей. Конечно, у главаря их, графа д'Артигаса, да и у них самих имеются веские причины прятаться в недрах островка Бэк-Кап, — это ясно, как день. Но что это за причины?.. Когда люди укрываются в стенах монастыря с намерением отгородиться от всего человечества, такой поступок еще можно понять. Но, по правде сказать, спутники графа д'Артигаса нисколько не похожи ни на бенедиктинцев, ни на картезианцев!

Продолжая свою прогулку по лесу каменных стволов, я добрался до конца пещеры. Никто меня не задержал, никто со мной не заговорил, никто, повидимому, даже не заинтересовался моей особой. Эта часть пещеры Бэк-Капа чрезвычайно любопытна и напоминает по красоте самые чудесные гроты Кентукки и Балеарских островов. Само собой разумеется, нигде здесь не чувствуется рука человека. Всюду видна лишь работа природы, и с удивлением, почти с ужасом, думаешь о геологических силах, способных создать такие грандиозные постройки. По эту сторону озерка довольно темно, так как сюда почти не проникает свет из кратера. Зато вечером, при свете электрических ламп, пещера, вероятно, представляет фантастическое зрелище. Но, несмотря на все свои поиски, я нигде не обнаружил выхода на волю.

Следует отметить, что на островке нашли пристанище многочисленные птицы: бакланы, чайки, морские ласточки, обитающие на побережье Бермудских островов. Здесь, очевидно, за ними никогда не охотились, и птицы размножаются на приволье, нисколько не боясь соседства с человеком.

Впрочем, на Бэк-Капе есть и другие животные. Недалеко от Улья устроены загоны для коров, свиней, овец, домашней птицы. Итак, питание колонии должно быть не только обильно, но и разнообразно, если прибавить ко всему этому еще продукты рыбной ловли, которой поселенцы занимаются как снаружи, среди прибрежных скал, так и во внутреннем озерке, где водятся рыбы самых разнообразных пород.

Словом, достаточно взглянуть на обитателей Бэк-Капа, чтобы убедиться, что они живут в полном довольстве. Это все сильные, крепкие люди, похожие по внешности на моряков, опаленных тропическим солнцем, люди, полной грудью вдыхавшие воздух океанских просторов, в жилах которых течет здоровая кровь. Среди них нет ни детей, ни стариков, одни лишь мужчины в возрасте от тридцати до пятидесяти лет.

Но почему эти люди согласились вести такой странный образ жизни?.. Неужели они никогда не покидают своего убежища внутри островка Бэк-Кап?..

Возможно, я вскоре это узнаю.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Кер Карраджe

Отведенная мне каморка расположена в ста шагах от жилища графа д'Артигаса — одной из последних ячеек в этом ряду Улья. Тома Рока поместили не со мной, но я полагаю, что его комната находится тут же рядом. Для того чтобы служитель Гэйдон продолжал ухаживать за бывшим пациентом Хелтфул-Хауса, наши камеры должны быть смежными... Надеюсь скоро узнать, так ли это.

Капитан Спаде и инженер Серкё живут отдельно, поблизости от особняка д'Артигаса.

Особняк?.. Да, почему бы не назвать так это жилище, отделанное с известным вкусом? Искусные руки обтесали камень и создали затейливо украшенный фасад с широкой дверью. Свет проникает в дом через окна, пробитые в известняке, в них вставлены рамы с цветными стеклами. В доме много комнат, столовая и гостиная с огромными витражами; все устроено так, что свежий воздух в избытке поступает в помещение. Обстановка состоит из мебели самого различного происхождения; клейма на ней указывают, что она вывезена из Франции, Англии, Америки. Очевидно, ее владелец любит смешение стилей. Кухня и службы помещаются в соседних ячейках, позади Улья.

Выйдя к вечеру из своей комнаты с твердым намерением «добиться аудиенции» у графа д'Артигаса, я увидел, что он поднимается от берега озерка к Улью. То ли граф меня не заметил, то ли хотел избежать встречи, но он ускорил шаг, и мне не удалось его догнать.

«Он все же должен меня принять!» — сказал я себе.

Я торопливо подхожу к особняку и останавливаюсь перед только что захлопнувшейся дверью.

Какой-то дюжий верзила, очевидно, малаец, так как кожа у него очень темная, тотчас же вырастает на пороге. Он что-то кричит грубым голосом, очевидно, требует, чтобы я ушел прочь.

Я не подчиняюсь этому приказанию и дважды настойчиво повторяю по-английски:

— Доложите графу д'Артигасу, что я прошу немедленно меня принять.

С таким же успехом я мог бы обратиться к скалам Бэк-Капа! Повидимому, этот дикарь не понимает ни слова по-английски и отвечает мне лишь угрожающим криком.

Мне приходит в голову мысль силою ворваться в дом и самому позвать графа д'Артигаса, да так громко, чтобы он не мог меня не услышать. Но такая попытка лишь привела бы в ярость малайца, который, наверно, обладает богатырской силой.

Итак, я откладываю до другого раза объяснение, которое мне рано или поздно обязаны дать.

Я иду вдоль Улья в восточном направлении и невольно задумываюсь о Тома Роке. Удивительно, что я не видел его целый день. Не случился ли с ним новый припадок?

Это мало вероятно. Если бы Тома Рок заболел, граф д'Артигас тотчас вызвал бы к нему служителя Гэйдона — ведь он сам говорил мне об этом.

Не прошел я и ста шагов, как увидел инженера Серке.

Этот насмешник как всегда в прекрасном настроении и на этот раз весьма любезен. Завидев меня, он улыбается, вовсе не пытаясь избежать встречи. Если бы он знал, что я его коллега — впрочем, инженер ли он сам? — то, быть может, обходился бы со мной с большим уважением... Но я остерегусь сообщать ему свое имя и звание.

Инженер Серкё остановился, глаза его блестят, губы складываются в ироническую усмешку, он здоровается со мной, сопровождая свои слова учтивым поклоном.

Я холодно отвечаю на его любезное приветствие, но он делает вид, что не замечает этого.

— Да благословит вас святой Ионатан, господин Гэйдон! — произносит он своим веселым звучным голосом. — Надеюсь, вы не жалеете о том, что счастливый случай привел вас в эту чудеснейшую... да, прекраснейшую из всех пещер, хоть она известна менее других на нашем сфероиде!..

Признаюсь, что ученое слово в разговоре с простым служителем меня несколько удивляет, но я кратко отвечаю:

— Я не стал бы ни о чем жалеть, господин Серкё, если бы, осмотрев эту интересную пещеру, имел возможность выйти из нее.

— Как! Вы уже собираетесь нас покинуть, господин Гэйдон... и вернуться в этот унылый Хелтфул-Хаус?.. Вы даже не успели хорошенько осмотреть наши великолепные владения, полюбоваться бесподобными кра-

сотами, созданными природой без всякого участия человека...

— С меня вполне достаточно того, что я видел, — заявляю я, — и, если вы говорите со мной серьезно, то я так же серьезно отвечаю, что больше ничего не желаю здесь видеть.

— Полноте, господин Гэйдон, позвольте вам заметить, что вы не успели оценить всех преимуществ жизни в этом месте, которому нет равных на земле!.. Тихое, спокойное существование без всяких забот, обеспеченное будущее, материальные условия, каких нигде не найти, ровный здоровый климат: в пещере вы защищены от жестоких бурь, опустошающих острова Атлантического океана, от зимней стужи и от летнего зноя!.. Смена времен года почти не влияет здесь на погоду! Нам не приходится опасаться ни гнева Плутона, ни ярости Нептуна!

Эта ссылка на мифологию кажется мне более, чем неуместной. Ясно, что инженер Серкё издевается надо мной. Разве смотритель Гэйдон слышал когда-нибудь о Плутоне или о Нептуне?

— Вполне возможно, сударь, — говорю я, — что здешний климат вам нравится, что вы оценили по достоинству все преимущества жизни в глубине острова...

Я чуть не проговорился, чуть было не произнес название Бэк-Кап... но во-время спохватился. Какую беду навлек бы я на себя, если бы меня заподозрили в том, что мне известно название островка, а следовательно, и его местоположение на западе Бермудского архипелага?

Вместо этого я говорю:

— Но если здешний климат мне не нравится, ведь я имею право переменить его...

— Действительно, имеете право.

— Я требую, чтобы меня отпустили отсюда и дали возможность вернуться в Америку.

— Мне нечего вам возразить, господин Гэйдон, — отвечает инженер Серкё, — ваше требование вполне резонно. Заметьте однако, что мы живем здесь в полной независимости, не подчиняемся ни одному иностранному государству, не покоряемся ничьей власти, не принадлежим ни к Старому, ни к Новому Свету... А эти

преимущества ценит каждый человек с гордой душой и отважным сердцем... Кроме того, какие величественные образы прошлого возникают у всякого образованного человека при виде этих гротов, словно созданных рукою богов. В таких пещерах бессмертные небожители вещали некогда свои пророчества устами оракула Трофония...

Положительно инженер Серкё питает слабость к мифологии! Сперва Плутон и Нептун, а теперь Трофоний! Черт возьми! Уж не воображает ли он, что больничный служитель знает, кто такой Трофоний?.. Ясно, этот насмешник продолжает издеваться надо мной, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не ответить ему в том же тоне.

— Я только что хотел войти в этот дом, — продолжаю я отрывисто, — он принадлежит, если не ошибаюсь, графу д'Артигасу, но меня не пропустили...

— Кто же, господин Гэйдон?..

— Какой-то человек, находящийся в услужении у графа.

— По всей вероятности, он получил строгий приказ, касающийся вашей особы.

— Желает или не желает граф, но ему придется меня выслушать...

— Боюсь, что добиться этого будет трудно, даже невозможно, — заявляет, улыбаясь, инженер Серкё.

— Почему?

— Потому что графа д'Артигаса здесь нет.

— Вы смеетесь надо мной!.. Я только что видел его...

— Тот, кого вы видели, господин Гэйдон, вовсе не граф д'Артигас...

— Кто же он в таком случае?..

— Пират Кер Каррадже.

Это имя было произнесено резким голосом; инженер Серкё тут же ушел, и мне даже в голову не пришло задерживать его.

Пират Кер Каррадже!

Да!.. Для меня имя Кера Карраджe — настоящее откровение!.. Это имя мне знакомо и вызывает целый рой воспоминаний!.. Оно сразу объясняет то, что казалось

необъяснимым!.. Теперь я понимаю, в руки какого человека попал!..

Собрав воедино то, что я уже знал, и то, что мне сообщил в Бэк-Капе сам инженер Серкё, я могу рассказать следующее о прошлом и о настоящем этого Кера Карраджe.

Восемь или девять лет тому назад корабли, плававшие в западной части Тихого океана, подвергались бесчисленным вооруженным нападениям, пиратским набегам, отличавшимся неслыханной дерзостью. Под предводительством грозного капитана там орудовала шайка злодеев, собравшихся со всего света: дезертиры из колониальных гарнизонов, беглые каторжники, матросы, покинувшие свои корабли. Ядро этой шайки составляли подонки населения Европы и Америки, отчаянные головорезы, которых привлекли в Новый Южный Уэльс на юге Австралии открытые там богатые золотые россыпи. Среди этих золотоискателей находились капитан Спаде и инженер Серкё, люди, порвавшие со своей средой; вскоре их тесно связало сходство характеров и стремлений.

Оба были образованны, решительны и, конечно, добились бы успеха на любом поприще благодаря своим незаурядным способностям. Но, не имея ни совести, ни убеждений, они хотели лишь одного — разбогатеть любыми средствами, будь то спекуляция или азартная игра, хотя прекрасно могли достигнуть того же упорным честным трудом. Вот почему они пустились на самые рискованные авантюры, то богатея, то разоряясь, как большинство проходимцев, сбежавшихся в поисках наживы в страны, где было найдено золото.

На золотых приисках Нового Южного Уэльса подвизался в то время человек небывалой отваги, один из тех смельчаков, которые ни перед чем не отступают, даже перед преступлением, почему и пользуются неограниченной властью над людьми с необузданными страстями и дурными наклонностями.

Этого человека звали Кер Карраджe.

Несмотря на все предпринятые розыски, никому не удалось установить ни происхождение, ни национальность, ни прошлое этого пирата. Но хотя сам он избе-

жал преследований, его имя, — по крайней мере то, которое он присвоил себе, — облетело весь свет. Имя Кера Карраджe призносили с отвращением и ужасом, ибо оно принадлежало существу легендарному, невидимому, неуловимому.

Я имею все основания считать, что Кер Карраджe малаец. Впрочем, не все ли равно. Несомненно одно: его не зря считали грозным корсаром, вдохновителем бесчисленных нападений, совершенных в водах далеких морей.

После нескольких лет, проведенных на австралийских приисках, где он познакомился с инженером Серкё и с капитаном Спаде, Керу Карраджe удалось захватить корабль, стоявший в Мельбурнском порту в провинции Виктория. Под его началом собралось человек тридцать негодяев, число которых вскоре утроилось. В этой части Тихого океана, где морской разбой — занятие пока еще легкое и, скажем прямо, прибыльное, Кер Карраджe разграбил огромное количество судов, перебил их экипажи и совершил множество набегов на острова, которые колонисты были не в силах защитить. Хотя пиратский корабль Кера Карраджe под командой капитана Спаде бывал не раз замечен, однако никому не удавалось его захватить. Казалось, это судно обладает даром исчезать в нужную минуту среди лабиринта островов, где Кер Карраджe знал все ходы и выходы.

Ужас царил под этими широтами. Англичане, французы, немцы, русские, американцы напрасно посылали свои суда, чтобы поймать корабль-призрак, он появлялся неизвестно откуда и исчезал неизвестно куда, совершив новые грабежи и убийства. В конце концов власти потеряли всякую надежду изловить и покарать морских разбойников.

В один прекрасный день все эти преступления прекратились. О Кере Карраджe не было больше ни слуху ни духу. Покинул ли он Тихий океан?.. Занялся ли морским разбоем в другом месте? Неизвестно. До поры до времени все было тихо. Очевидно, несмотря на груды золота, растраченные на оргии и кутежи, богатство пиратов не иссякло, и теперь Кер Карраджe со

своими дружками спокойно пользовался плодами совершенных злодеяний, спрятав награбленные сокровища в каком-нибудь надежном, никому не известном месте.

Куда же исчезла шайка злодеев?.. Все поиски были тщетны. Вместе с опасностью прошли и страхи; вскоре стали забываться и пиратские набеги, ареной которых служил Тихий океан.

Я рассказал то, что было прежде, теперь расскажу о том, чего никто никогда не узнает, если мне не удастся бежать из пещеры Бэк-Капа.

В самом деле, когда злодеи покинули воды Тихого океана, они обладали огромными богатствами. Они потопили свой корабль и разбрелись по свету, заранее условившись встретиться в Америке.

В это же время инженер Серкё, человек, хорошо знающий свое дело, и весьма искусный механик, специально изучавший системы подводных лодок, предложил Керу Каррадже построить подводное судно и возобновить свою преступную деятельность в новых условиях, гораздо более спокойных для корсаров и опасных для их жертв.

Кер Карраджe тотчас же понял все преимущества плана своего сообщника; денег у него было достаточно, оставалось только претворить эту идею в жизнь.

На шведских верфях в Гетеборге для так называемого графа д'Артигаса построили шкуну «Эбба», а на верфь Крампс в Филадельфии он передал чертежи подводной лодки — заказ, не вызвавший ни малейших подозрений. Впрочем, как мы скоро узнаем, подводное судно графа тут же погибло вместе со всем экипажем.

Итак, по чертежам инженера Серкё и под его личным наблюдением построили подводное судно, использовав при этом последние новшества науки кораблестроения. Ток, вырабатываемый гальваническими батареями последнего образца, питал динамомашину, приводя в движение вал гребного винта и сообщая судну необычайную скорость.

Само собой разумеется, что никто не признал в графе д'Артигасе бывшего пирата Кера Карраджe, а в инженере Серкё ближайшего его сообщника. Графа

знали как знатного и богатого иностранца, который уже целый год посещал на своей «Эббе» порты Соединенных Штатов, ибо шкуна была спущена на воду много раньше подводной лодки.

Постройка этой лодки заняла не меньше полутора лет. Зато когда она была готова, то вызвала восхищение всех, кто интересовался подводной навигацией. Новое судно графа д'Артигаса оказалось гораздо лучше подводных лодок Губэ, Жимнота, Зэдэ и прочих столь усовершенствованных типов подводных кораблей нашего времени. Все в нем было превосходно: форма, внутреннее устройство, система вентиляции, оборудование, остойчивость, быстрота погружения, управляемость, легкость маневрирования в надводном и подводном положении, необычайная скорость, высокое напряжение гальванической батареи, ток которой превращался в механическую энергию.

Во всех этих качествах нетрудно было убедиться, ибо вслед за несколькими весьма удачными опытами в четырех милях от Чарлстона провели специальное испытание подводной лодки, на которое были приглашены многочисленные американские и иностранные суда — военные, торговые, яхты и т. д.

Нечего и говорить, что «Эбба» находилась тут же, имея на борту графа д'Артигаса, инженера Серкё, капитана Спаде и всех матросов, за исключением шести человек, назначенных управлять новым подводным судном, под командой механика Гибсона, весьма смелого и ловкого англичанина.

В программу этого окончательного испытания входили маневры не только на поверхности океана, но и под водой, где лодка должна была пробыть больше часа, а затем снова всплыть возле буя, установленного в нескольких милях от берега.

В назначенный час, едва только крышка верхнего люка закрылась, судно проделало ряд маневров на море, и как показанная им скорость, так и быстрая перемена галсов вызвали у зрителей вполне заслуженное восхищение.

Затем, по сигналу с «Эббы», оно стало медленно погружаться и вскоре исчезло у всех на глазах.

Некоторые корабли направились к тому месту, где лодка должна была всплыть.

Прошло три часа... подводная лодка все не показывалась. Никто не знал самого главного, а именно, что по приказу графа д'Артигаса и инженера Серкё судно, предназначенное служить невидимым буксиром «Эббы», всплыло на много миль дальше. За исключением людей, посвященных в эту тайну, все решили, что подводная лодка погибла из-за пробоины в корпусе или неисправности машины. На борту «Эббы» прекрасно разыграли отчаяние, вызванное этим горестным событием, тогда как на других судах скорбь была вполне искренней. Произвели промеры глубин, послали водолазов для обследования пути, якобы пройденного судном. Все поиски оказались тщетными, не оставалось сомнений, что лодка погребена в пучине Атлантического океана.

Два дня спустя граф д'Артигас вышел в море, а через двое суток встретил свой подводный буксир в условленном месте.

Вот каким образом Кер Каррадже стал владельцем замечательной подводной лодки, которая должна была нести двойную службу: тянуть на буксире шкуну и нападать на другие суда. Обладая грозным средством разрушения, о существовании которого никто не подозревал, граф д'Артигас возобновил свои пиратские набеги, уверенный теперь в полной безопасности и безнаказанности.

Все эти подробности я узнал от инженера Серкё, который очень гордился своим детищем и к тому же был вполне спокоен, что пленник пещеры Бэк-Капа никогда не раскроет ее тайны. Нетрудно понять, какой страшной силой обладал теперь Кер Каррадже. По ночам его подводный буксир нападал на встречные суда, экипажам которых и в голову не приходило остерегаться безобидной яхты. Он таранил вражеский корабль, затем шкуна брала его на абордаж, а пираты истребляли людей и грабили товары. Вот почему в морском вестнике под рубрикой «пропал без вести» стали вновь появляться многочисленные названия судов, вселяя отчаяние в сердца.

После отвратительной комедии, разыгранной в Чарлстонской бухте, Кер Каррадже целый год разбойничал в Атлантическом океане у берегов Соединенных Штатов. Его богатства неизмеримо возросли. Излишки награбленных товаров продавались на далеких рынках, и в руки пиратов рекой текло золото и серебро. Но у них не было тайного убежища, чтобы прятать сокровища в ожидании дележа.

Случай пришел им на помощь. Исследуя морские глубины возле Бермудских островов, инженер Серкё и механик Гибсон обнаружили у основания островка Бэк-Кап подводный туннель, ведущий в глубину горного массива. Где бы мог найти Кер Каррадже убежище, лучше скрытое от посторонних глаз?.. Вот каким образом этот островок, служивший некогда приютом рыбакам, стал пристанищем шайки опасных преступников.

Под высокими сводами пещеры Бэк-Капа началась новая жизнь графа д'Артигаса и его сообщников, которую мне и довелось наблюдать. Инженер Серкё построил там электрическую станцию, оборудованную без машин, ибо их заказ за границей мог вызвать подозрения; он ограничился лишь гальваническими батареями, для которых не требуется ничего, кроме металлических пластинок и химических растворов, а ими «Эбба» запасалась во время стоянок в портах Соединенных Штатов.

Теперь нетрудно угадать, что произошло в ночь с девятнадцатого на двадцатое июня. Если несмотря на штиль трехмачтовое судно наутро бесследно исчезло, значит подводный буксир напал на него, шкуна взяла на абордаж, и оно было разграблено и потоплено вместе со всем экипажем... Товары его уже находились на борту «Эббы», когда корабль погрузился в пучину Атлантического океана!..

Понимаю теперь, в руки каких разбойников я попал, но чем все это кончится?.. Удастся ли мне когда-нибудь вырваться из тюрьмы Бэк-Капа, разоблачить самозванного графа д'Артигаса и освободить моря и океаны от пиратской шайки Кера Карраджe?..

Но как бы ни был грозен Кер Карраджe, разве он не станет во сто раз опаснее, если овладеет «фульгуратором Рок»?.. Да, несомненно! Если он будет применять это новое средство уничтожения, — ни одно коммерческое судно, ни один военный корабль не избегнут гибели.

Долго меня преследуют тягостные мысли, вызванные именем Кера Карраджe. Мне приходит на память все, что я когда-то слышал о знаменитом пирате: его жизнь в те времена, когда он разбойничал в Тихом океане, многочисленные экспедиции, снаряженные против него морскими державами, бесплодность всех этих попыток. Так, значит, это он виновник необъяснимой гибели судов, исчезнувших за последние годы у берегов Северной Америки... Кер Карраджe не пропал бесследно, а лишь переменил театр военных действий... Люди думали, что избавились от него, а корсар продолжал совершать разбойничьи набеги в этой оживленной части Атлантического океана, с помощью подводной лодки, которую считают погребенной на дне Чарлстонской бухты...

«Теперь, — говорил я себе, — мне известно подлинное имя и подлинное убежище знаменитого корсара: Кер Карраджe и Бэк-Кап! Но если Серкё произнес в моем присутствии имя Кера Карраджe, то сделал это, вероятно, с разрешения главаря пиратов... Не дал ли он мне этим понять, что я должен навсегда отказаться от надежды получить свободу?..»

Инженер Серкё несомненно заметил, какое впечатление произвело на меня это имя. После разговора со мной он направился прямо к жилищу Кера Карраджe, очевидно, с намерением рассказать ему о нашей беседе.

После долгой прогулки по берегу озерка я уже собирался вернуться в свою камеру, когда услышал сзади чьи-то шаги. Я обернулся.

Передо мной стоит граф д'Артигас в сопровождении капитана Спаде. Он испытующе смотрит на меня. Тогда в порыве возмущения, позабыв об осторожности, я кричу:

— По какому праву вы держите меня здесь, сударь! Вы похитили меня из Хелтфул-Хауса, чтобы ухаживать за изобретателем Роком, но я отказываюсь служить ему и требую, чтобы вы меня отпустили...

Главарь шайки пиратов не делает ни одного движения, не произносит ни единого слова.

Не помня себя от гнева, я продолжаю:

— Отвечайте же, граф д'Артигас, впрочем, ведь я знаю, кто вы, — отвечайте, Кер Каррадже...

И он отвечает:

— Граф д'Артигас и Кер Каррадже одно и то же лицо, точно так же, как служитель Гэйдон и инженер Симон Харт, а Кер Каррадже никогда не вернет свободы инженеру Харту, которому известна его тайна!..

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Прошло пять недель

Положение ясно. Кер Каррадже знает, кто я... Ему это было уже известно, когда он приказал похитить Тома Рока вместе с его служителем...

Как он открыл это, как узнал то, что мне удалось скрыть от всего персонала Хелтфул-Хауса, как выяснил, что обязанности служителя при Тома Роке исполняет французский инженер?.. Понятия не имею, но это факт.

Очевидно, у Кера Каррадже есть возможность добывать сведения, которые несомненно стоят ему очень дорого, но зато приносят огромную пользу. К тому же, когда человек такого склада хочет добиться поставленной цели, денег он не жалеет.

Отныне Кер Каррадже или, вернее, его сообщник, инженер Серкё, заменит меня подле изобретателя Тома Рока. Добьется ли он большего, чем я?.. Дай бог, чтобы этого не случилось, чтобы цивилизованный мир был избавлен от такого ужасного несчастья!

Я не ответил на последнюю фразу Кера Каррадже. Она сразила меня подобно выстрелу в упор. Однако

я не пал духом, как, быть может, ожидал самозванный граф д'Артигас.

Нет! Я прямо посмотрел ему в глаза: они метали молнии, но я не опустил взгляда. Я скрестил руки на груди так же, как и он. А меж тем моя жизнь была целиком в его власти. Подай он только знак, и я упал бы к его ногам, убитый выстрелом из револьвера... Мое тело бросили бы в озерко, и через подводный ход его унесло бы течением в открытое море...

После этой сцены меня оставили, как и прежде, на свободе. Никаких мер против меня не было принято. Я мог гулять сколько вздумается среди известняковых колонн, добираться до конца пещеры, у которой — увы, это более чем достоверно! — нет иного выхода, кроме подводного туннеля.

Я вернулся в свою ячейку на краю Улья, обуреваемый тревожными мыслями, под впечатлением того нового, что произошло со мной. Я говорил себе: «Пусть Керу Карраджe известно, что я инженер Симон Харт, но по крайней мере он не должен догадываться, что я знаю точное местоположение островка Бэк-Кап».

Что касается плана поручить Тома Рока моим заботам, полагаю, что граф д'Артигас никогда о нем серьезно не помышлял, прекрасно зная, кто я такой. В общем, я жалею об этом, ибо изобретатель несомненно станет предметом настойчивых домогательств, инженер же Серкё пустит в ход все средства, чтобы выведать состав взрывчатого вещества и воспламенителя и использовать их в своих мерзких целях во время пиратских набегов... Да! Лучше бы мне оставаться служителем Тома Рока... как в Хелтфул-Хаусе, так и здесь.

Прошло две недели, но я ни разу не встретил своего бывшего подопечного. Никто, повторяю, не мешает мне ежедневно совершать прогулки. Я свободен от всяких забот о материальной стороне жизни. Еду мне приносят с величайшей аккуратностью из кухни графа д'Артигаса — никак не могу отвыкнуть от этого имени и титула и мысленно все еще величаю так Кера Карраджe. Правда, я очень невзыскателен в отношении пищи, но во всяком случае было бы неспра-

ведливо выражать малейшее недовольство по этому поводу. Стол не оставляет желать ничего лучшего благодаря запасам, возобновляемым при каждом новом рейсе «Эббы».

К счастью, меня не лишили возможности писать в эти долгие часы безделья. Вот почему я не только рассказал в своем дневнике все, что случилось после моего похищения из Хелтфул-Хауса, но и продолжаю вести изо дня в день свои записи. Я буду делать это до тех пор, пока у меня не вырвут пера из рук. Бог даст, дневник поможет со временем раскрыть тайну островка Бэк-Кап.

С пятого по двадцать пятое июля. — За эти две недели ни одна из моих попыток увидеться с изобретателем не увенчалась успехом. Очевидно, приняты меры, чтобы вырвать его из-под моего влияния, каким бы ничтожным оно ни было. Я надеюсь только на то, что граф д'Артигас, инженер Серкё и капитан Спаде напрасно потратят время и силы, пытаясь овладеть его тайной.

Три или четыре раза — насколько мне известно — Тома Рок и инженер Серкё прогуливались вместе по берегу озерка. По моим наблюдениям, изобретатель довольно внимательно слушал своего собеседника. Инженер Серкё провел его по всей пещере, показал электрическую станцию, подробно объяснил устройство подводного буксира... Судя по всему, психическое состояние Тома Рока улучшилось с тех пор, как он покинул Хелтфул-Хаус.

Року отвели отдельную комнату в «особняке» самого Кера Каррадже. Не сомневаюсь, что злодеи ежедневно пытаются склонить его на свою сторону, особенно инженер Серкё. Если Року предложат за изобретение назначенную им самим баснословную цену (вряд ли он отдает себе отчет в стоимости денег), устоит ли он против соблазна?.. Ведь пираты могут ослепить его огромным количеством золота — своей добычей за долгие годы морского разбоя!.. При своей болезненной неуравновешенности не поддастся ли изобретатель на уговоры, не откроет ли состав фульгуратора?.. Тогда останется только доставить все нужное в Бэк-Кап, и

Тома Рок получит полную возможность заниматься своими химическими опытами. Снаряды же и остальное оборудование нетрудно изготовить на любом американском заводе, заказав все в разное время и по частям, чтобы не возбуждать подозрений... При мысли о том, какие беды может натворить столь грозное оружие в руках пиратов, волосы у меня становятся дыбом!

Эти мучительные мысли не дают мне ни минуты покоя, они гложут мне сердце, подтачивают здоровье. Хотя в пещере Бэк-Капа воздух необыкновенно чист, у меня бывают приступы удушья. Толстые стены пещеры словно давят меня всей своей тяжестью. Кроме того, я чувствую себя отрезанным от людей, как бы живущим за пределами нашей планеты в полном неведении того, что происходит в мире!.. Ах, если бы можно было бежать через отверстие, зияющее над озером в своде пещеры, выбраться на вершину островка... и спуститься на его побережье!..

Двадцать пятого июля утром я вижу, наконец, Тома Рока. Он один на противоположном берегу. Со вчерашнего дня я не встречаю Кера Каррадже, инженера Серкё и капитана Спаде и спрашиваю себя, не отправились ли они в какую-нибудь «экспедицию» на борту своей шкуны?..

Направляюсь к изобретателю, внимательно разглядывая его, прежде чем он успел меня увидеть.

Лицо его серьезно, задумчиво, в нем нет ни малейших признаков безумия. Он идет медленно, опустив глаза и не глядя по сторонам; под мышкой он держит небольшую доску с каким-то чертежом.

Вдруг он поднимает голову, делает шаг вперед и узнает меня.

— Ах, это ты... Гэйдон!.. — кричит Тома Рок. — Я вырвался из твоих лап!.. Я свободен!

В самом деле, он должен считать себя более свободным в Бэк-Капе, чем в Хелтфул-Хаусе. Но мой вид пробуждает в нем неприятные воспоминания, а это может вызвать припадок... В необычайном возбуждении Тома Рок продолжает:

— Да.., это ты... Гэйдон!.. Не подходи... не подходи ко мне!.. Ты хочешь схватить меня... опять засадить под замок... Не бывать этому никогда!.. У меня есть друзья, они меня защитят!.. Они могущественны, богаты!.. Граф Д'Артигас дает мне деньги!.. Инженер Серкё мне помогает!.. Они займутся моим изобретением! Мы создадим здесь «фульгуратор Рок»... Убирайся!.. Убирайся прочь!..

Тома Рок вне себя от ярости. Он говорит все громче, размахивает руками и вытаскивает из кармана пачки долларов и кредитных билетов. На землю падают золотые монеты, английские, французские, американские, немецкие. Откуда у него эти деньги, если не от Кера Карраджe, в обмен за проданную тайну изобретения?..

На шум, вызванный этой неприятной сценой, прибегают несколько человек и останавливаются неподалеку, наблюдая за нами. Затем они хватают Рока и увлекают за собой. Не видя меня больше, изобретатель перестает сопротивляться и вновь обретает душевный покой.

Двадцать седьмое июля. — Два дня тому назад, спустившись ранним утром на берег озерка, я дошел до конца небольшого каменного мола.

Подводного буксира нет на обычной стоянке у подножия скал, не видно его нигде и в другом месте. Впрочем, ни Кер Карраджe, ни инженер Серкё в тот день не уехали, как я предполагал, — я видел их мельком вчера вечером.

Однако есть все основания полагать, что сегодня они вместе с капитаном Спаде и его матросами отправились на буксире в бухточку, где стоит шкуна, и в настоящее время «Эбба» находится в открытом море.

Не задумали ли злодеи новый пиратский набег?.. Вполне возможно. Но возможно также и другое: Кер Карраджe, превратившийся на борту своей яхты в графа д'Артигаса, решил отправиться в какой-нибудь пункт на побережье, чтобы запастись там химическими веществами, необходимыми для изготовления «фульгуратора Рок»...

Если бы я мог спрятаться на борту подводного буксира, незаметно проскользнуть в трюм «Эббы» и укрыться там до прихода в какую-нибудь гавань!.. Тогда, быть может, я сумел бы вырваться из плена... и избавить мир от этой шайки пиратов!..

Вот какие мысли неотступно преследуют меня... Бежать... бежать во что бы то ни стало!.. Но побег возможен лишь через туннель на борту подводного буксира!.. Не безумие ли думать об этом?.. Да!.. безумие... А между тем как же иначе выбраться из Бэк-Капа?..

Пока я размышляю об этом, на воде метрах в двадцати от мола появляется пенный след, и на поверхность озерка всплывает буксир. Почти тотчас же крышка люка откидывается, и из него выходит механик Гибсон с несколькими матросами. Другие пираты выбегают на скалы, чтобы принять конец швартова и подтянуть судно к причалу.

Значит, на этот раз «Эбба» отправилась в плаванье без буксира, который лишь доставил Кера Каррадже и его спутника на борт шкуны и вывел ее в открытое море.

Все это лишь подтверждает мою догадку, что поездка предпринята с единственной целью добраться до одного из американских портов, где граф д' Артигас купит необходимые ему химические вещества и закажет снаряды на каком-нибудь заводе. Затем, в заранее назначенный день, буксир выйдет из туннеля, встретится со шкуной, и Кер Каррадже вернется в пещеру Бэк-Капа...

Положительно все удается этому злодею, и дело двигается быстрее, чем я предполагал!

Третье августа. — Сегодня произошло неожиданное событие, местом действия которого стало наше озерко, — событие очень любопытное и, очевидно, очень редкое.

Около трех часов пополудни вода в нем забурлила, затем на две-три минуты все успокоилось, после чего то же самое повторилось на середине озера.

Человек пятнадцать пиратов, заметив это непонятное явление, спустились на берег, глядя на воду с удивлением и даже, как мне показалось, со страхом.

Буксир не мог вызвать волнения в озере, так как он преспокойно стоит у причала. А предположение, что другой подводной лодке удалось проникнуть сюда через туннель, кажется по меньшей мере маловероятным.

Почти тотчас же на противоположном берегу раздаются крики. Другие пираты что-то объясняют первым на непонятном для меня наречии, и, обменявшись десятком гортанных фраз, все поспешно бегут к Улью.

Не заметили ли они под водой какое-нибудь морское чудовище?.. Не побежали ли за оружием, чтобы его убить, или за рыболовной снастью, чтобы его изловить?..

Я угадал, ибо минуту спустя пираты возвращаются на берег, вооруженные ружьями с разрывными пулями и гарпунами на длинных веревках.

В самом деле, это кит, или, вернее, китообразное из породы кашалотов, которых так много водится возле Бермудских островов; он пробрался через туннель и теперь барахтается в глубине озерка. Если животному пришлось искать убежища внутри Бэк-Капа, то не значит ли это, что его преследовали, что за ним гнались китобои?..

Проходит несколько минут, и вот кашалот поднимается на поверхность воды. Его огромная блестящая зеленоватая туша мелькает среди пены, можно подумать, что животное борется с каким-то опасным противником. Когда кашалот выплывает, две громадные струи с оглушительным шумом вырываются из его водометных отверстий.

«Если животное приплыло сюда через туннель, спасаясь от китобоев, — говорю я себе, — значит поблизости от Бэк-Капа находится судно... быть может, всего в нескольких кабельтовых от берега... Лодки китобоев, очевидно, подошли с запада к самому острову, лавируя между рифами... А у меня нет никакой возможности установить с ними связь...»

Даже если мои предположения справедливы, разве я могу пробраться к китобоям через толстые стены пещеры?..

К тому же я вскоре узнаю причину появления кашалота. Дело вовсе не в преследующих его китобоях,

а в стае акул, огромных пятнистых акул, которыми кишит море у Бермудских островов. Я без труда различаю их в воде. Их штук пять или шесть, они поворачиваются, ложатся на бок, открывая огромные пасти с двумя рядами острых зубов, похожих на зубья пилы. Эти хищники напали на кашалота, который может защищаться лишь ударами хвоста. Кашалот уже получил огромные раны, вода становится красноватой, он ныряет, всплывает, плещется в воде, безуспешно пытаясь отбиться от страшных врагов.

И все же не прожорливые акулы выйдут победителями из борьбы. Добыча ускользнет от них, ибо человек со своими орудиями могущественнее, чем они. Здесь, на берегу, собралось немало соратников Кера Карраджe, которые ничуть не лучше этих акул, так как пираты и морские хищники стоят друг друга! Разбойники пытаются захватить кашалота, ведь он — ценная добыча для Бэк-Капа!..

В этот миг кашалот приближается к причалу, где стоят малаец графа д'Артигаса и несколько других наиболее крепких пиратов. Малаец вооружен гарпуном на длинной веревке. Он размахивается и бросает его с поразительной силой и ловкостью.

Кашалот, тяжело раненный в левый бок, быстро уходит под воду, сопровождаемый акулами, которые ныряют вслед за ним.

Веревка гарпуна разматывается на пятьдесят — шестьдесят метров. Остается лишь потянуть за нее, и раненое животное выплывет из глубины, чтобы испустить дух на поверхности озера. Это и делает малаец со своими приятелями осторожно, не спеша, чтобы не вырвать гарпун вместе с мясом, и вскоре кашалот появляется у стены пещеры, близ отверстия туннеля.

Раненное насмерть огромное животное неистовствует, бьется в страшной агонии, изрыгает целые столбы пены, воздуха и воды, смешанной с кровью. Вдруг яростным ударом хвоста кашалот выбрасывает на скалы бьющуюся в предсмертных судорогах акулу.

От толчка гарпун выскакивает из бока кашалота, и тот опять уходит в глубину. Когда он в последний раз появляется на поверхности, хвост его с такой

силой бьет по воде, что в озере образуется огромная впадина, обнажая верхнюю часть туннеля.

Акулы набрасываются на свою добычу, но под градом выстрелов одни гибнут, другие спасаются бегством.

Нашла ли стая акул подводный ход, сумела ли выбраться из пещеры и уплыть в открытое море?.. Вполне возможно. Тем не менее лучше несколько дней не купаться в озерке. Что касается кашалота, то двое пиратов вскочили в лодку, чтобы пригнать его к берегу. Когда тушу вытащили на мол, малаец, как видно, не новичок в этом деле, занялся ее свежеванием.

Зато теперь я точно знаю, в какое именно место пещеры выходит отверстие туннеля... Оно находится в западной стене, всего лишь в трех метрах от поверхности воды. Однако к чему мне в сущности эти сведения!..

Седьмое августа. — Вот уже двенадцать дней, как уехали граф д'Артигас, инженер Серкё и капитан Спаде. Ничто пока не предвещает скорого возвращения шкуны. Однако я заметил, что буксир стоит наготове, словно пароход под парами, и его гальванические батареи все время работают под наблюдением механика Гибсона. Если шкуна «Эбба» не боится посещать порты Соединенных Штатов среди бела дня, то, вероятнее всего, она предпочтет подойти к Бэк-Капу вечером. Поэтому я полагаю, что Кер Каррадже и его спутники вернутся ночью.

Десятое августа. — Вчера вечером, часов около восьми, как я и предполагал, подводная лодка, погрузившись в озеро, выбралась из туннеля как раз вовремя, чтобы взять на буксир «Эббу», и, проведя ее по фарватеру в бухту, доставила обратно экипаж шкуны и всех пассажиров.

Выйдя сегодня утром из своей комнаты, я вижу Тома Рока и инженера Серкё, которые спускаются к озеру, оживленно беседуя. О чем они говорят, легко догадаться. Я стою шагах в двадцати от них и наблюдаю за своим бывшим подопечным.

Глаза изобретателя блестят, морщины на лбу разглаживаются, лицо преображается в то время, как инженер Серкё отвечает на его вопросы. Рок не может

устоять на месте от нетерпения и поспешно направляется к причалу.

Инженер Серкё идет вслед за ним, и оба останавливаются на берегу, возле буксира.

Матросы, занятые выгрузкой товаров, только что поставили на скалистый берег десять ящиков средней величины. На ящиках красной краской выведены какие-то буквы, которые Рок рассматривает с величайшим вниманием.

Инженер Серкё приказывает переправить ящики — каждый из них вмещает примерно один гектолитр — на склады, расположенные на левом берегу озерка. Пираты тотчас же грузят их в лодку и перевозят.

По-моему, в этих ящиках упакованы химические элементы, которые при соединении или смешивании должны дать взрывчатое вещество и воспламенитель... Снаряды же, очевидно, заказаны на каком-нибурь американском заводе. Когда они будут готовы, шкуна отправится за ними и привезет на островок Бэк-Кап...

Итак, на этот раз «Эбба» вернулась без награбленных товаров, не запятнав себя новыми пиратскими набегами. Но каким страшным оружием будет владеть Кер Карраджe для нападения и обороны на море! Ведь, по словам Тома Рока, его фульгуратор может сразу уничтожить весь земной шар!.. Как знать, не сделает ли он когда-нибудь такой попытки?..

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Советы инженера Серкё

Принявшись за работу, Тома Рок проводит целые дни в сарае, превращенном в лабораторию на левом берегу озерка. Никто не входит туда, кроме него. Уж не хочет ли он работать один над своими препаратами, никому не сообщая их состава?.. Вполне возможно. Условия применения «фульгуратора Рок», насколько я знаю, весьма просты. В самом деле, такого рода сна-

ряд не требует ни пушки, ни мортиры, ни катапульты, как ядро Залинского. Снаряд Рока самодвижущийся; сила, вызывающая это движение, заключена в самом фульгураторе, и всякий корабль, находящийся в зоне его действия в момент взрыва, может погибнуть от одного лишь чудовищного сотрясения воздушных слоев. Кто справится с Кером Карраджe, если в руки к нему попадет такое разрушительное средство?..

С одиннадцатого по семнадцатое августа. — Всю эту неделю Тома Рок работал без передышки. Каждое утро он отправляется в свою лабораторию и возвращается оттуда лишь к ночи. Я даже не пытаюсь подойти к изобретателю или заговорить с ним. Хоть Тома Рок попрежнему равнодушен ко всему, что не касается его дела, разум изобретателя, повидимому, прояснился. Да и почему бы не возродиться теперь его дарованию? Разве этот талантливый человек не добился полного удовлетворения своих запросов?.. Разве он не осуществляет теперь давным-давно задуманный план?

Ночь с семнадцатого на восемнадцатое августа. — В час ночи меня внезапно будят звуки выстрелов, доносящихся снаружи.

«Не нападение ли это на Бэк-Кап?.. — думаю я. — Быть может, шкуна графа д'Артигаса вызвала подозрение властей, и преследователи настигли ее у наших скалистых берегов?.. Не пытаются ли они уничтожить островок из орудий?.. Неужели справедливое возмездие настигнет злодеев прежде, чем Тома Рок создаст свое взрывчатое вещество, прежде чем снаряды будут доставлены на Бэк-Кап?..»

Оглушительные залпы следуют один за другим через довольно правильные промежутки времени. Мне приходит в голову мысль, что стоит только потопить «Эббу», как у пиратов порвется всякая связь с внешним миром и снабжение островка станет невозможным...

Правда, достаточно и подводного буксира, чтобы доставить графа д'Артигаса в любой пункт американского побережья, а денег на постройку новой яхты у него хватит с лихвой... Пусть так!.. Но даст бог, Бэк-

Кап будет разрушен до того, как Кер Карраджe воспользуется «фульгуратором Рок»!..

На следующий день, с первым проблеском зари, я выбегаю из своей комнаты...

Около Улья не заметно ничего нового.

Пираты занимаются своими обычными делами. Буксир стоит у причала. Я вижу Тома Рока, идущего в свою лабораторию. Кер Карраджe и инженер Серкё спокойно прохаживаются по берегу озерка. Никакого нападения этой ночью не было... И, однако, меня разбудил гул близкой стрельбы...

Тем временем Кер Карраджe направляется к себе домой, а инженер Серкё подходит ко мне, как всегда насмешливо улыбаясь.

— Ну как, господин Симон Харт, — спрашивает он, — привыкаете понемногу к новой обстановке? Оценили ли вы по достоинству все преимущества нашей волшебной пещеры?.. Отказались ли, наконец, от надежды вернуть себе свободу... бежать из этого очаровательного убежища... и покинуть, — продолжает он, напевая старинный французский романс:

...Чудесные места,
Где Сильвия цвела,
Пленяя всех красой...

Стоит ли сердиться на этого балагура?.. Я отвечаю с полным спокойствием:

— Нет, сударь, я не отказался от этой мысли и все еще надеюсь, что вы вернете мне свободу...

— Полноте, господин Харт, разве мы в силах расстаться с таким уважаемым человеком, как вы, да вдобавок с дорогим коллегой! Ведь, слушая бредни Тома Рока, вы могли открыть хотя бы часть его тайны... Вы просто шутите!..

Так вот по какой причине злодеи держат меня в пещере Бэк-Капа... Они полагают, что изобретение Рока мне отчасти известно... Надеются, что заставят меня говорить, если изобретатель откажется открыть свой секрет... Вот почему меня похитили вместе с ним... и до сих пор еще не бросили в озеро с камнем на шее!.. Знать это небесполезно!

— Отнюдь не шучу, — говорю я в ответ на последние слова инженера Серкё.

— Допустим, — продолжает мой собеседник. —Но если бы я имел честь быть инженером Симоном Хартом, то рассуждал бы следующим образом: принимая во внимание, во-первых, личность Кера Карраджe, причины, побудившие его выбрать столь таинственное убежище и необходимость уберечь эту пещеру от нескромных глаз не только в интересах графа д'Артигаса, но и в интересах его соратников...

— Сообщников, хотите вы сказать...

— Сообщников, будь по-вашему!.. Принимая во внимание, во-вторых, что вам известны подлинное имя графа д'Артигаса и тайна «несгораемого шкафа», в котором спрятаны его богатства...

— Богатства, награбленные и запятнанные кровью, господин Серкё!

— Пусть так!.. Но вы должны понять, что вопрос о вашем освобождении никогда не будет решен так, как вы того желаете...

Спорить в этих условиях бесполезно, и я меняю тему разговора.

— Могу ли я узнать, — спрашиваю я, — как вам удалось выяснить, что служитель Гэйдон и инженер Симон Харт одно и то же лицо?

— Не вижу причин скрывать это от вас, дорогой коллега... Чистая случайность... Мы были связаны с заводом, на котором вы работали, и узнали, что вы ушли оттуда при довольно странных обстоятельствах... Между тем, побывав в Хелтфул-Хаусе за несколько месяцев до посещения графа д'Артигаса, я встретил вас там... и узнал...

— Вы?..

— Да, собственной персоной, и с той минуты я дал себе слово, что вы будете нашим спутником на борту «Эббы»...

Не могу вспомнить, чтобы я видел этого Серкё в Хелтфул-Хаусе, но, возможно, он говорит правду.

«Надеюсь, — подумал я, — что придет день, когда эта причуда вам дорого обойдется!»

— Если не ошибаюсь, — неожиданно спрашиваю я, — вам удалось убедить Тома Рока продать секрет фульгуратора?..

— Да, господин Харт, за миллионы... Впрочем, эти миллионы сами плывут нам в руки!.. Вот почему мы не поскупились, и теперь у Тома Рока карманы битком набиты золотом!..

— Но на что ему эти миллионы, если он не свободен, если не может уехать и воспользоваться ими?

— Такие соображения ничуть не волнуют изобретателя, господин Харт!.. Этот гениальный человек не думает о будущем! Он живет только настоящим... Пока там, в Америке, по его чертежам делают снаряды, он возится здесь с химическими препаратами, ведь мы в изобилии снабдили ученого всем необходимым. Хе... хе... Что за превосходная выдумка этот самодвижущийся снаряд, самостоятельно развивающий все большую скорость благодаря особому, постепенно разгорающемуся пороху!.. Это изобретение вызовет коренной переворот в способах ведения войны!..

— Оборонительной войны, господин Серкё?

— А также и наступательной, господин Харт.

— Естественно, — отвечаю я.

И, не давая инженеру Серкё опомниться, прибавляю:

— Итак... то, чего никто не мог добиться от Рока...

— Мы добились без особого труда...

— Заплатив ему...

— Баснословную цену... и к тому же играя на одной струнке, весьма чувствительной у этого человека...

— Какая же эта струнка?

— Жажда мести.

— Кому же он хочет мстить?

— Всем, кого считает своими врагами: тем, кто старался обескуражить его, лишить веры в свои силы, кто отказывал ему, прогонял, заставлял переезжать из страны в страну, выпрашивая деньги за свое выдающееся изобретение! Теперь всякий патриотизм угас в его душе. У Тома Рока осталась лишь одна мысль, одно страстное желание: отомстить людям, отказав-

шим ему в признании... и даже всему человечеству!.. Право, господин Харт, ваши правительства в Европе и Америке совершили непростительную оплошность, не пожелав дать настоящую цену за «фульгуратор Рок»!

Инженер Серкё с воодушевлением описывает мне различные преимущества нового взрывчатого вещества; по его словам, оно не идет ни в какое сравнение с тем, которое добывается из нитрометана путем замены одного из трех атомов водорода атомом соды, — открытие, весьма нашумевшее в последнее время.

— А какая разрушительная сила! — продолжает инженер Серкё. — В этом отношении «фульгуратор Рок» похож на ядро Залинского, только он во сто раз сильнее и не требует специального аппарата для метания; ведь у него, фигурально выражаясь, имеются собственные крылья!

Я жадно слушаю, надеясь узнать хотя бы часть тайны. Но нет. Инженер Серкё не проговаривается.

— Открыл ли вам Тома Рок состав своего взрывчатого вещества? — спрашиваю я.

— Да, господин Харт, — уж не прогневайтесь, — и скоро мы получим и спрячем в надежном месте огромные запасы «фульгуратора Рок».

— Но не подвергаете ли вы себя опасности... постоянной опасности, накапливая так много этого вещества?.. Ведь достаточно простой неосторожности, и взрыв уничтожит островок...

И опять название острова чуть не сорвалось у меня с языка. Узнай пираты, что Симону Харту известно не только подлинное имя графа д'Артигаса, но и местонахождение Бэк-Капа, и они найдут, пожалуй, что их пленник слишком много знает.

К счастью, инженер Серкё не заметил, как я прикусил себе язык.

— Нам нечего опасаться, — отвечает он. — Взрывчатое вещество Рока воспламеняется совершенно особым способом. Ни сотрясение, ни искры не могут вызвать взрыва...

— А разве Рок не продал вам также секрет своего воспламенителя?..

— Нет еще, господин Харт, но сделка состоится в ближайшее время! Итак, повторяю, опасности нет никакой, и вы можете спать совершенно спокойно!.. Тысяча чертей! Нам вовсе неохота взлететь на воздух вместе с пещерой и всеми нашими сокровищами! Если дела пойдут и впредь так же хорошо, то через несколько лет мы разделим полученные доходы; надо думать, они будут весьма велики, и доля каждого составит вполне приличное состояние, которое он будет тратить по собственному усмотрению... после ликвидации фирмы «Кер Каррадже и К°»! Прибавлю к этому, что доноса мы боимся не больше, чем взрыва... ведь вы один могли бы донести на нас, дорогой господин Харт! Вот почему я советую вам, как человеку практичному, примириться со своей участью, покориться неизбежности и набраться терпения до ликвидации фирмы... Тогда мы решим, как с вами поступить в интересах нашей общей безопасности!

Надо сознаться, в словах инженера Серкё нет ничего обнадеживающего. Правда, до тех пор многое может измениться. Из этого разговора следует запомнить одно: хотя Тома Рок и продал свое взрывчатое вещество фирме «Кер Каррадже и К°», он все же сохранил в тайне состав воспламенителя, без которого взрывчатое вещество стоит не больше, чем придорожная пыль.

Однако прежде, чем закончить этот разговор, я должен высказать инженеру Серкё одно соображение, по-моему достаточно веское.

— Сударь, — говорю я, — вам известен теперь состав взрывчатого вещества, что ж, превосходно. Но скажите, действительно ли оно обладает той разрушительной силой, которую ему приписывает изобретатель?.. Ведь это взрывчатое вещество никогда еще не испытывали?.. Не купили ли вы такой же безобидный порошок, как щепотка табака?

— Мне кажется, господин Харт, что вы лучше осведомлены на этот счет, чем стараетесь показать. Тем не менее я весьма признателен за интерес, который вы проявляете к нашему делу: поверьте, вам совершенно незачем беспокоиться. Прошлой ночью мы проделали

ряд решающих опытов. При помощи всего нескольких граммов этого вещества огромные каменные глыбы превратились в прах.

Речь идет, очевидно, о взрывах, которые я принял ночью за выстрелы.

— Итак, дорогой коллега, — продолжает инженер Серкё, — смею вас заверить, что мы застрахованы от всяких неожиданностей. Действие этого взрывчатого вещества превосходит все ожидания. Нескольких тысяч тонн «фульгуратора Рок» было бы достаточно, чтобы уничтожить наш сфероид и рассеять его осколки в мировом пространстве, как это случилось с планетой, распавшейся на части в зоне между Марсом и Юпитером. Можете не сомневаться — фульгуратор уничтожит любой корабль на расстоянии, значительно превышающем дальнобойность самых мощных орудий, а поражаемое им пространство достигает доброй мили.. Слабое место изобретения заключается в трудности регулировать наводку; чтобы изменить ее, требуется пока еще довольно длительное время...

Инженер Серкё умолкает, как человек, который боится сказать лишнее, и после паузы добавляет:

— Словом, господин Харт, я кончаю наш разговор тем же, с чего я начал. Покоритесь неизбежности!.. Примиритесь без задних мыслей с этой новой для вас жизнью!.. Наслаждайтесь спокойными радостями нашего подземного существования!.. Здесь можно сберечь здоровье, если оно в порядке, восстановить силы, если они подорваны... Последнее как раз и произошло с вашим соотечественником!.. Да... Покоритесь своей участи. Это самое разумное, что вы можете сделать!

После чего сей любитель бесплатных советов покидает меня, дружески помахав на прощанье рукой, как человек, чье доброе отношение нельзя не оценить. Но сколько иронии сквозит в его словах, жестах, взгляде, и представится ли мне когда-нибудь возможность отомстить ему за все?..

Во всяком случае, я узнал из нашего разговора, что обращаться с фульгуратором довольно сложно. Изменить наводку и расширить поражаемое пространство длиною в милю, вероятно, не легко, и корабль,

находящийся вне этой зоны, избежит действия взрыва... Если бы я мог уведомить об этом тех, кому грозит ужасная опасность!..

Двадцатое августа. — Прошло два дня, но ничего нового не случилось. В своих ежедневных прогулках я забираюсь в самые дальние уголки Бэк-Капа. Вечером, когда свет электрических ламп озаряет длинную анфиладу арок, невольно испытываешь почти религиозное благоговение, созерцая чудеса природы в этой пещере, ставшей моей темницей. Впрочем, я не теряю надежды отыскать в окружающих меня толстых стенах какую-нибудь не замеченную пиратами щель и бежать через нее на волю!.. Правда... когда я выберусь наружу, мне придется ждать, чтобы в виду островка прошло какое-нибудь судно... К тому же о моем побеге тут же станет известно... Меня не замедлят схватить... если только... да... шлюпка... шлюпка «Эббы», спрятанная в глубине бухточки!.. Если бы мне удалось захватить шлюпку... проскользнуть среди рифов... добраться до Сент-Джорджеса или Гамильтона...

Вечером, часов около девяти, выйдя прогуляться, я растянулся на песке у подножия одной из естественных колонн, метрах в ста от Улья, на восточном берегу озерка. Вскоре я услышал поблизости шум шагов, а затем чьи-то голоса.

Я сжался в комок, стараясь спрятаться за массивным основанием колонны, и прислушался...

Мне знакомы эти голоса. Они принадлежат Керу Карраджe и инженеру Серкё... Вот оба пирата остановились и беседуют по-английски — на языке, принятом на Бэк-Капе, так что я понимаю все, что они говорят.

Речь идет о Тома Роке или, точнее, об его фульгураторе.

— Через неделю, — замечает Кер Карраджe, — я думаю выйти в море на «Эббе» и вскоре привезу из Виргинии разные детали, они, наверно, уже готовы на заводе...

— А когда мы их получим, — отвечает инженер Серкё, — я займусь здесь устройством установок для фульгуратора. Но прежде надо проделать одну работу, на мой взгляд, совершенно необходимую...

— А именно? — спрашивает Кер Карраджe.

— Надо пробить стену пещеры.

— Пробить?..

— О, всего лишь узкий проход, не шире, чем нужно для одного человека, нечто вроде коридора. В случае надобности мы без труда завалим его камнями; выход же наружу будет незаметен среди скал.

— К чему это, Серкё?..

— Я часто думал о необходимости иметь еще один ход сообщения с внешним миром... Неизвестно, что ждет нас в будущем...

— Но ведь стены пещеры чрезвычайно массивны, да и порода здесь очень твердая... — замечает Кер Карраджe.

— С несколькими крупинками взрывчатого вещества «Рок», — отвечает инженер Серкё, — я берусь превратить скалы в мельчайшую пыль, которая разлетится от одного дуновения!

Легко понять, как заинтересовал меня этот разговор.

Итак, они собираются проделать, помимо подводного туннеля, новый ход сообщения между пещерой и побережьем Бэк-Капа... Как знать, не представится ли мне тогда случай спастись бегством?

Едва эта мысль промелькнула у меня в голове, как Кер Карраджe ответил:

— Решено, Серкё! В самом деле, если придется когда-нибудь защищать Бэк-Кап, мы сумеем помешать судам подойти к островку... Правда, наше убежище не так легко открыть, тут врагам может помочь лишь случай... или донос...

— Нам нечего опасаться ни того, ни другого, — заверяет сообщника инженер Серкё.

— Со стороны наших товарищей — согласен, но со стороны этого Симона Харта...

— Симона Харта! — восклицает инженер Серкё. — Но сперва ему надо бежать... а из пещеры Бэк-Капа не убежишь!.. К тому же Симон Харт — славный малый, и, признаюсь, он меня интересует... Ведь он — мой коллега и, как мне кажется, знает об изобретении Тома Рока больше, чем следует... Я думаю, что

в конце концов мы с ним поладим и будем беседовать о физике, механике, баллистике как настоящие друзья...

— Пусть так! — милостиво соглашается граф д'Артигас. — Но как только мы овладеем всей тайной, лучше будет отделаться от...

— Время терпит, Кер Карраджe...

«Но потерпит ли бог, негодяи!» — думаю я, стараясь успокоиться: сердце мое неистово бьется.

И, однако, на что мне надеяться, кроме скорого вмешательства провидения?..

Тут разговор заходит о другом, и Кер Карраджe замечает:

— Теперь, когда мы знаем состав взрывчатого вещества, Серкё, нам надо во что бы то ни стало вырвать у Рока секрет воспламенителя...

— Что правда, то правда, — отвечает инженер Серкё, — и я стараюсь изо всех сил. К несчастью, Рок очень несговорчив. Он не хочет и слышать об этом. Впрочем, он уже изготовил несколько капель воспламенителя для испытания взрывчатого вещества, а теперь приготовит и побольше, когда мы вздумаем пробить каменную стену.

— А для наших морских экспедиций?.. — спрашивает Кер Карраджe.

— Терпение!.. Еще немного, и в наших руках окажутся все громы и молнии фульгуратора...

— Ты в этом уверен, Серкё?..

— Вполне уверен... если только мы не поскупимся, Кер Карраджe.

На этом разговор закончился, и оба пирата удалились, по счастью, так и не заметив меня. Если инженер Серкё готов вступиться за коллегу, то граф д'Артигас, повидимому, относится ко мне менее благожелательно. При первом же подозрении меня бросят в озерко, и если я выберусь из туннеля в открытое море, то лишь в виде бездыханного трупа, уносимого отливом.

Двадцать первое августа. — Сегодня инженер Серкё начал обследовать пещеру, желая выбрать такое место для нового туннеля, чтобы снаружи никто

не мог заподозрить о его существовании. После тщательных изысканий было решено пробить северную стену пещеры в двадцати метрах от первых ячеек Улья.

Не дождусь, когда туннель будет окончен. Кто знает, не удастся ли мне воспользоваться им для побега?.. Ах, если бы я умел плавать, то попытался бы бежать через подводный ход, ведь теперь мне точно известно, где он находится. Во время недавнего сражения между кашалотом и акулами, когда воды озерка отхлынули от стены пещеры, верхняя часть туннеля обнажилась... Я его видел... Но открывается ли он во время сильных отливов?.. В полнолуние или в новолуние, когда уровень воды в море особенно низок, возможно, что... не премину в этом убедиться!

К чему мне это? Не знаю, однако я не должен ничем пренебрегать, лишь бы вырваться из пещеры Бэк-Капа.

Двадцать девятое августа. — Сегодня утром я присутствовал при отплытии подводного буксира. Очевидно, он направляется в один из американских портов, чтобы получить там уже готовый заказ.

Граф д'Артигас разговаривает несколько минут с инженером Серкё, который, кажется, не собирается его сопровождать. Повидимому, он дает своему дружку какие-то распоряжения. Уж не обо мне ли идет речь? Затем, сойдя на площадку подводного судна, он спускается вниз в сопровождении капитана Спаде и матросов «Эббы». Как только люк закрыли, буксир погружается, и по гладкой поверхности озера пробегает лишь легкая рябь.

Часы текут, день подходит к концу. Подводное судно не вернулось, значит оно ведет на буксире шкуну... а быть может, и топит встречные суда...

По всей вероятности, шкуна недолго пробудет в плавании, так как достаточно и недели, чтобы совершить путешествие туда и обратно.

К тому же погода благоприятствует «Эббе», если судить по полному безветрию в пещере. Ведь на ши-

роте Бермудских островов август — самое хорошее время года. Ах, если бы только я мог найти какую-нибудь трещину в этих толстых стенах и выбраться из своей темницы!..

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Плыви с богом!..

С двадцать девятого августа по десятое сентября. — Прошло тринадцать дней, а «Эбба» еще не вернулась. Неужели она направилась не к берегам Америки?.. Не задержал ли шкуну какой-нибудь пиратский набег?.. Мне кажется, однако, что у Кера Каррадже была лишь одна забота: привести составные части фульгуратора. Правда, завод в Виргинии мог запоздать с выполнением заказа...

Впрочем, инженер Серкё не проявляет нетерпения. При встрече со мной он, как всегда, напускает на себя добродушный вид, но у меня есть основания ему не доверять. Коллега подчеркнуто любезно осведомляется о моем здоровье, настойчиво советует примириться со своей участью, называет меня «Али-Баба», уверяет, что на земном шаре нет места очаровательней этой сказочной пещеры из «Тысячи и одной ночи», говорит, что я живу здесь на всем готовом, не платя ни налогов, ни поборов, и что даже в благословенном княжестве Монако люди не знают такого беззаботного существования...

Слушая ироническую болтовню инженера Серкё, я чувствую, как порой вся кровь бросается мне в лицо. С трудом преодолеваю искушение кинуться на этого негодяя, на этого насмешника и задушить его... Меня тут же убьют... Ну и пусть... Не лучше ли такой конец, чем жить долгие годы среди презренных злодеев, обосновавшихся в этой мрачной пещере?

Но все же рассудок берет верх, и я только пожимаю плечами.

В первые дни после отплытия «Эббы» я лишь мельком видел Тома Рока. Запершись в лаборатории,

он занимается своими бесконечными опытами. Если изобретатель использует все предоставленные в его распоряжение химические элементы, то у него будет чем взорвать не только Бэк-Кап, но и все Бермудские острова впридачу!

Я попрежнему цепляюсь за надежду, что Тома Рок не согласится открыть состав воспламенителя, не выдаст своей последней тайны, несмотря на все усилия инженера Серкё... Не будет ли обманута и эта надежда?..

Тринадцатое сентября. — Сегодня я убедился воочию в огромной силе взрывчатого вещества и увидел также, как используют воспламенитель.

Утром пираты начали пробивать в намеченном месте туннель, чтобы установить сообщение с побережьем островка.

Под руководством инженера Серкё они прежде всего принялись долбить стену пещеры у основания — задача весьма сложная, так как известняк не уступает здесь по крепости граниту. Сначала работали кирками; пираты владели ими мастерски, и все же, если бы, кроме кирки, у них ничего не было, этот тяжелый труд затянулся бы надолго, ведь стены пещеры имеют внизу не мене двадцати — двадцати пяти метров толщины. Но благодаря «фульгуратору Рок» пробить скалу разбойникам удастся довольно быстро.

Я был просто поражен тем, что увидел. Прокладка туннеля в горной породе, которая едва поддается кирке, оказалась делом чрезвычайно легким.

Да, нескольких граммов взрывчатого вещества было достаточно, чтобы раздробить камень, раскрошить его, превратить в почти невесомую пыль, которая рассеивается, как дым, от малейшего дуновения! Да, повторяю, эти пять — десять граммов порошка взорвались с грохотом, похожим на выстрел артиллерийского орудия из-за сильнейшего сотрясения воздуха, и пробили углубление размером в целый кубический метр.

При первом опыте, хотя была использована лишь микроскопическая доза взрывчатого вещества, пираты, находившиеся поблизости, упали навзничь. Двое были

тяжело ранены, а самого инженера Серкё отбросило взрывом на несколько шагов и довольно сильно ушибло.

Опишу, как обращаются с этим веществом, обладающим невиданной до сих пор разрушительной силой.

В горной породе пробивают шурф длиной в пять сантиметров, имеющий в сечении десять квадратных миллиметров. Затем в него закладывают несколько граммов взрывчатого вещества, даже не затыкая отверстия снаружи.

Тут на сцену выступает Тома Рок. В руке он держит небольшую стеклянную трубку, содержащую голубоватую маслянистую жидкость, которая при соприкосновении с воздухом очень быстро свертывается. Изобретатель капает в шурф всего одну каплю этой жидкости и не спеша отходит в сторону. В самом деле, требуется известное время — около тридцати пяти секунд — для завершения реакции воспламенителя и взрывчатого вещества. А затем происходит взрыв такой разрушительной силы, что, подчеркиваю, ее можно считать неограниченной, и во всяком случае она в тысячи раз превосходит все, что нам до сих пор известно.

Легко поверить, что в этих условиях толстая стена будет пробита за какую-нибудь неделю.

Девятнадцатое сентября. — С некоторых пор я наблюдаю приливы и отливы, которые здесь очень ощутимы; дважды в сутки через подводный канал течение устремляется то в озерко, то обратно в океан. Несомненно, что любой предмет, находящийся на поверхности воды, будет подхвачен отливом и унесен в открытое море, если только отверстие туннеля хоть немного выступит из воды. Но ведь уровень воды бывает ниже всего в период равноденствия!.. Что ж, в этом нетрудно убедиться, так как осеннее равноденствие скоро наступит. Послезавтра двадцать первое сентября, а сегодня, девятнадцатого, я уже видел, как при малой воде обнажилось верхнее полукружие туннеля.

Сам я не могу проплыть через подводный туннель, но разве брошенную в озерко бутылку не унесет течением во время отлива?.. Если же поможет случай, — правда, случай, граничащий с чудом, — бутылку под-

берет какой-нибудь корабль, проходящий поблизости от Бэк-Капа... Или же волны выбросят ее на берег одного из Бермудских островов... А если бы в бутылке находилась записка...

Эта мысль не дает мне покоя. Но тут же возникают сомнения: ведь бутылка может разбиться о стенки туннеля или по выходе в океан о прибрежные скалы... Да... но если ее заменить герметически закупоренным бочонком, вроде тех, что прикрепляют к рыболовным сетям? Бочонок не такой хрупкий, как бутылка, у него больше шансов достигнуть открытого моря...

Двадцатое сентября. — Сегодня вечером я незаметно пробрался на один из складов, где лежат груды награбленных вещей, и нашел там маленький бочонок, вполне пригодный для моего замысла.

Тщательно спрятав бочонок под одеждой, я возвращаюсь в Улей и забираюсь в свою ячейку. Затем, не теряя ни минуты, принимаюсь за дело. Бумага, чернила, перо — у меня ни в чем нет недостатка, вот почему я уже три месяца регулярно веду этот дневник.

Беру лист бумаги и пишу.

«Тома Рок и его служитель Гэйдон, или, точнее, французский инженер Симон Харт, занимавшие флигель № 17 в Хелтфул-Хаусе, около Нью-Берна в штате Северная Каролина, Соединенные Штаты Америки, были похищены одновременно пятнадцатого июня и отвезены на борт шкуны «Эбба», принадлежащей графу д'Артигасу. С девятнадцатого числа того же месяца оба они заключены в пещере, служащей убежищем вышеупомянутому графу д'Артигасу, — настоящее имя которого Кер Каррадже, — корсару, занимавшемуся некогда разбоем в западной части Тихого океана с сотней бандитов, составляющих шайку этого опасного злодея. Как только в руках пиратов окажется «фульгуратор Рок», обладающий поистине неограниченной разрушительной силой, Кер Каррадже снова примется за свои разбойничьи набеги, но теперь уж в условиях почти полной безнаказанности.

Вот почему заинтересованные государства должны как можно скорее уничтожить притон бандитов.

Пещера, где скрывается пират Кер Каррадже, расположена внутри островка Бэк-Кап, который ошибочно считают действующим вулканом. Это самый западный остров Бермудского архипелага; с востока он недоступен из-за рифов, но открыт с юга, запада и севера.

Сообщение между внешней и внутренней частью Бэк-Капа возможно только через туннель, который лежит на несколько метров ниже уровня моря, в конце узкого залива на западе островка. Поэтому проникнуть в пещеру Бэк-Капа можно только на подводной лодке, по крайней мере пока не будет закончен новый туннель, выходящий на северо-запад.

Пират Кер Каррадже владеет прекрасным подводным судном, тем самым, которое построил себе граф д'Артигас, хотя оно и считается погибшим во время испытаний в Чарлстонской бухте. Эта подводная лодка не только служит пиратам для сообщения с пещерой, но также водит на буксире шхуну и нападает на торговые суда в районе Бермудских островов.

Шхуна «Эбба», прекрасно известная на западном побережье Америки, пользуется для стоянки маленькой бухточкой, скрытой среди скал на западной стороне островка и поэтому невидимой с моря.

Прежде чем произвести высадку на Бэк-Капе, — и лучше всего на западном берегу, где жили прежде бермудские рыбаки, — следует пробить брешь в скалистом склоне острова при помощи мощных мелинитовых снарядов. После высадки через эту брешь можно будет проникнуть в пещеру.

Необходимо также принять меры на случай, если изготовление «фульгуратора Рок» уже будет закончено. Вполне возможно, что захваченный врасплох Кер Каррадже попробует применить это средство для защиты Бэк-Капа. Вот почему надо запомнить следующее: если разрушительная сила фульгуратора превосходит все, что можно себе представить, то радиус его действия не превышает тысячи семисот — тысячи восьмисот метров. В этих пределах наводку можно менять, но это требует большой затраты времени, и судно, бла-

гополучно миновавшее опасную зону, может беспрепятственно подойти к островку.

Документ этот составлен сегодня, двадцатого сентября, в восемь часов вечера и подписан мной собственноручно.

Инженер *Симон Харт*».

Таково содержание моей записки. В ней имеются необходимые сведения об островке, нанесенном на все современные карты, и об обороне Бэк-Капа, которую, быть может, предпримет Кер Карраджe, а также совет действовать без промедления. Я приложил к записке план пещеры, с указанием местонахождения подводного туннеля, озерка, Улья, жилища Кера Карраджe, моей комнаты и лаборатории Тома Рока. Но будут ли подобраны эти бумаги каким-нибудь кораблем?..

Наконец, завернув свое письмо в большой кусок просмоленного полотна, я вложил его в обитый железом бочонок длиною в пятнадцать и шириной в восемь сантиметров. Как я в этом убедился, он не пропускает воду и вполне выдержит удары о стенки туннеля или о прибрежные скалы.

Правда, вместо того чтобы попасть в надежные руки, бочонок будет, возможно, подхвачен приливом, выброшен на скалистый берег островка и найден матросами «Эббы», когда шкуна станет на якорь в глубине бухточки... Если подписанный мною документ, разоблачающий графа д'Артигаса, попадет в руки Кера Карраджe, мне уже не придется мечтать о побеге из Бэк-Капа: судьба моя будет тут же решена...

Наступила ночь. Легко догадаться, с каким лихорадочным нетерпением я ждал ее! По моим наблюдениям, уровень воды в озерке бывает ниже всего вечером, без четверти девять. В это время верхняя часть туннеля обнажается сантиметров на пятьдесят. Этого расстояния вполне достаточно, чтобы бочонок свободно проплыл по туннелю. Я собираюсь к тому же бросить его в воду на полчаса раньше, чтобы течение, устремляющееся из озерка в море, успело подхватить его.

Около восьми часов вечера выхожу из своей комнаты среди сгущающейся темноты. На берегу ни души.

Я направляюсь к стене пещеры, где находится туннель. При свете последней электрической лампочки, горящей в этой части пещеры, замечаю, что над поверхностью озера выступает полукруглый свод туннеля, в который бурно устремляется поток воды.

Спустившись со скалистого берега к самому озеру, я бросаю в воду бочонок с драгоценным документом: в нем моя последняя надежда!

«Плыви с богом! Плыви с богом!» — повторяю я, как говорят обычно наши французские моряки.

Маленький бочонок сперва покачивается на месте, потом его прибивает обратно к берегу. Мне приходится с силой оттолкнуть бочонок, чтобы его подхватило течением...

Действительно, не проходит и двадцати секунд, как он исчезает в туннеле...

Да... Плыви с богом!.. Да сохранит тебя небо, мой милый бочонок!.. Да защитит оно всех тех, кому угрожает Кер Карраджe! И пусть обрушится на эту шайку пиратов кара людского правосудия!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Сражение «Суорда» с подводным буксиром

Всю эту ночь я провел без сна, неотступно следуя в мыслях за своим драгоценным бочонком. Сколько раз мне казалось, что он разбился о скалы или же его занесло волнами в соседнюю бухточку и выбросило на берег... Весь я покрылся холодным потом... Нет, туннель, наконец, пройден... бочонок благополучно проплыл между рифами... отлив несет его в открытое море... Великий боже! А что, если волны опять прибьют бочонок к островку, увлекут его в туннель и... с наступлением утра я снова увижу его в озерке...

Я поднимаюсь на заре и спешу к берегу...

Ни одного предмета не плавает на спокойной глади озерка.

В следующие дни работа по прокладке нового хода

продолжалась попрежнему. Двадцать третьего сентября, в четыре часа дня, инженер Серкё приказал взорвать последнюю скалу. Сообщение с морским берегом установлено — это всего лишь узкий коридор, по которому приходится идти, согнувшись в три погибели. Снаружи отверстие нового туннеля теряется среди прибрежных скал, и в случае необходимости ничего не стоит завалить его.

Нечего и говорить, что отныне проход будет строго охраняться. Без разрешения никто не войдет по нему в пещеру и не выйдет из нее... Итак, побег с этой стороны невозможен...

Двадцать пятое сентября. — Сегодня утром подводный буксир неожиданно появляется на поверхности озерка. Граф д'Артигас, капитан Спаде и команда шкуны выходят на берег. Приступают к выгрузке товаров, привезенных на «Эббе». Я вижу ящики с сушеным мясом и консервами, бочки с вином и водкой, несколько тюков для Тома Рока. Вместе с ними пираты вытаскивают и складывают на земле какие-то металлические части круглой формы.

Тома Рок присутствует при выгрузке. Глаза его возбужденно блестят. Схватив одну из этих частей, он внимательно рассматривает ее и с довольным видом кивает головой. Я замечаю, что радость уже не проявляется у него в бессвязных словах и восклицаниях, а сам он ничем больше не напоминает бывшего пациента из Хелтфул-Хауса. Я даже спрашиваю себя, не излечился ли изобретатель окончательно от своего предполагаемого помешательства?..

Наконец Тома Рок садится в лодку, служащую для внутреннего сообщения по озеру, и вместе с инженером Серкё едет в лабораторию. Через час весь груз подводного буксира уже переправлен на другой берег.

Кер Карраджe обменялся лишь несколькими словами с инженером Серкё. Немного позже они опять встретились и долго беседовали, прохаживаясь вдоль Улья.

Закончив разговор, оба направились к новому проходу в стене и вошли в него друг за другом в сопровождении капитана Спаде. Как жаль, что я не могу

пробраться туда вслед за ними!.. Как жаль, что не могу вдохнуть полной грудью воздух морских просторов, который доходит до пещеры Бэк-Капа, потеряв всю свою живительную силу!..

С двадцать шестого сентября по десятое октября. — Прошло две недели. Под руководством инженера Серкё и Тома Рока все это время велись работы по изготовлению снарядов. Потом занялись сооружением пусковых установок. Это обычные козлы, к которым приделаны своего рода желоба с изменяемым углом наклона. Такую установку легко поместить не только на палубе «Эббы», но и на площадке буксира, конечно, когда он держится на поверхности воды.

Так, значит, Кер Карраджи станет властелином морей, плавая по ним на своей утлой шхуне!... Ни один военный корабль не пересечет поражаемую зону и не приблизится к «Эббе». Она же останется вне досягаемости для любых вражеских снарядов!.. Только бы моя записка попала в надежные руки... только бы люди узнали о существовании пещеры Бэк-Капа!.. Тогда удастся если не уничтожить этот притон разбойников, то по крайней мере взять его измором!..

Двадцатое октября. — К своему крайнему удивлению, я не вижу сегодня утром буксира на обычном месте! Припоминаю, что как раз накануне были возобновлены элементы его гальванических батарей, и я еще тогда подумал: пираты хотят быть наготове. Если буксир вышел в море теперь, когда существует новый ход сообщения, то не иначе, как для пиратских набегов. В самом деле, на Бэк-Капе сейчас нет недостатка ни в снарядах, ни в химических веществах, необходимых Року.

Между тем наступил период осеннего равноденствия. Частые бури проносятся над Бермудскими островами. Штормы свирепствуют на море. Это чувствуется по всему: ветер с силой врывается сверху в мнимый кратер Бэк-Капа, клочки тумана, смешанного с дождем, вихрем кружатся внутри обширной пещеры, разгулявшиеся на озере волны обдают брызгами и пеной прибрежные скалы.

Но действительно ли шкуна покинула бухточку Бэк-Капа?.. Не слишком ли это хрупкое суденышко, чтобы выйти в море в такую непогоду, даже при помощи подводного буксира?

С другой стороны, буксир вряд ли ушел в плавание без шкуны, хотя ему нечего опасаться волнения, — ведь он без труда избежит его, опустившись на несколько метров ниже поверхности океана!..

Не знаю, чем объяснить исчезновение подводной лодки — тем более что плавание ее, очевидно, затягивается, так как она не вернулась даже к вечеру.

На этот раз инженер Серкё остался в Бэк-Капе. Уехали только Кер Каррадже, капитан Спаде и команды буксира и «Эббы»...

Жизнь в нашей колонии заживо погребенных попрежнему течет среди удручающего однообразия. Я часами сижу, забившись в свою ячейку, размышляю, надеюсь, отчаиваюсь, все туманнее представляя себе, что сталось с бочонком, брошенным мной на произвол судьбы, и веду этот дневник, который, вероятно, не переживет меня...

Тома Рок без устали работает в лаборатории над своим воспламенителем. Я все еще тешу себя надеждой, что он ни за какие деньги не продаст секрета этой жидкости... но в глубине души знаю, что он, не колеблясь, отдаст свое изобретение на службу Кера Карраджже.

Прогуливаясь около Улья, я часто встречаю инженера Серкё. Он всякий раз охотно разговаривает со мной... правда, попрежнему в шутливо-дерзком тоне.

Мы беседуем обо всем понемногу, но редко говорим о моем положении, — ведь стоит мне пожаловаться, как я навлекаю на себя насмешки.

Двадцать второе октября. — Сегодня я решился спросить у инженера Серкё, действительно ли шкуна ушла в плавание с подводным буксиром.

— Да, господин Симон Харт, — ответил он. — Правда, погода стоит собачья, и волны в открытом море разгулялись не на шутку, но вы можете не беспокоиться о нашей дорогой «Эббе»!..

— Плавание шкуны затянется?

— Мы ждем ее обратно через двое суток... Это последнее путешествие графа д'Артигаса перед наступлением зимних бурь, скоро ни одно судно не выйдет в море под этими широтами.

— Эта поездка увеселительная... или деловая? — отваживаюсь я спросить.

Инженер Серкё отвечает, улыбаясь:

— Деловая, господин Харт, вполне деловая! Наши снаряды уже готовы, и как только установится хорошая погода, мы возобновим нападения...

— На злополучные суда...

— Не столько злополучные... сколько богато нагруженные!

— Это же морской разбой! Надеюсь, вы не всегда будете пользоваться безнаказанностью! — не выдерживаю я.

— Успокойтесь, дорогой коллега, успокойтесь!.. Вы же прекрасно знаете, что никто никогда не откроет нашего убежища, никто никогда не проникнет в тайну островка Бэк-Кап!.. К тому же обращаться с этими снарядами проще простого, а сила их так велика, что мы без труда уничтожим любое судно, если оно приблизится на известное расстояние к островку...

— При условии, — возражаю я, — что вы купите у Тома Рока состав его воспламенителя, как купили секрет фульгуратора...

— Сделка уже состоялась, господин Харт, — разрешите успокоить вас на этот счет.

Из категорического заявления инженера Серкё можно было бы заключить, что несчастье совершилось, если бы не его неуверенный тон; словам этим, повидимому, все же нельзя вполне доверять.

Двадцать пятое октября. — Какое страшное происшествие! Не понимаю, как я остался жив!.. Просто чудо, что я могу опять сесть за дневник, прерванный два дня тому назад!.. Улыбнись мне счастье, и я был бы свободен!.. Находился бы в эту минуту в одном из ближайших портов — в Сент-Джорджесе или Гамильтоне... Тайна Бэк-Капа была бы раскрыта... При-

меты «Эббы» стали бы известны во всех портах мира, и пиратская шкуна нигде не могла бы появиться. Снабжать Бэк-Кап продовольствием стало бы невозможно. Бандиты Кера Карраджe были бы осуждены в пещере на голодную смерть!..

Вот, что произошло.

Двадцать третьего октября, около восьми часов вечера, я вышел из Улья в состоянии непонятного нервного возбуждения, словно предчувствуя приближение какого-то важного события. Напрасно я искал успокоения во сне. Меня мучила бессоница, и я, наконец, покинул свою комнату.

За пределами пещеры Бэк-Капа, очевидно, бушевала непогода. Ветер врывался в кратер, вздымая волны на поверхности озерка.

Я спустился на берег возле Улья.

Было холодно, сыро. Кругом ни души. Все трутни Улья забились в свои ячейки.

Только один человек охранял туннель, хотя из предосторожности его наружный вход был завален камнями. Как я заметил, часовой со своего поста не мог видеть побережья озерка. На берегу справа и слева горело по одному фонарю, и в глубине пещеры, между колоннами, царил полный мрак.

Я наугад пробирался в темноте, когда мимо меня прошел какой-то человек.

Я узнал Тома Рока.

Изобретатель шел медленно, погруженный, как всегда, в свои мысли; воображение его неустанно работало, ум неустанно решал какие-то проблемы.

Не представился ли мне удобный случай поговорить с изобретателем, открыть то, что ему, по всей вероятности, неизвестно... Он не знает... не может знать, в чьи руки попал... Он не подозревает, что граф д'Артигас не кто иной, как пират Кер Карраджe... Не представляет себе, что продал часть своего изобретения разбойнику. Надо объяснить Року, что он никогда не воспользуется полученными миллионами... Так же, как и я, он никогда не покинет пещеры Бэк-Капа, ставшей нашей тюрьмой... Да!.. Я постараюсь вызвать в нем чувство человечности, опишу несчастья, в которых

он будет виновен, если откроет свою последнюю тайну...

Тут нить моих размышлений оборвалась, ибо кто-то с силой схватил меня сзади.

Двое людей крепко держали меня за руки, в то время как третий вырос передо мной.

Я хотел было позвать на помощь.

— Ни звука! — сказал по-английски незнакомец. — Вы Симон Харт?..

— Откуда вы меня знаете?..

— Я видел, как вы вышли из своей комнаты...

— Кто вы?..

— Лейтенант британского военного флота Дэвон, с корабля «Стэндард», стоящего в Бермудах.

Я задыхался от волнения, не мог выговорить ни слова.

— Мы прибыли, чтобы вырвать вас из рук Кера Каррадже и увезти вместе с вами французского изобретателя Тома Рока... — пояснил лейтенант Дэвон.

— Тома Рока?.. — пробормотал я.

— Да... Подписанный вами документ был подобран на берегу возле Сент-Джорджеса...

— В бочонке, лейтенант Дэвон?.. Я бросил его в это озерко...

— Да, из вложенной в него записки мы узнали, что островок Бэк-Кап стал пристанищем Кера Каррадже и его шайки... Кер Карраджe, мнимый граф д'Артигас, совершил двойное похищение в Хелтфул-Хаусе...

— Ах, лейтенант Дэвон...

— Не будем терять ни минуты... Надо воспользоваться темнотой...

— Одно слово, лейтенант Дэвон... Как вы проникли в глубину Бэк-Капа?..

— На подводной лодке «Суорд», уже полгода находящейся на испытании в Сент-Джорджесе...

— На подводной лодке?..

— Да, она ждет нас у подножия скалы.

— Ждет... здесь!.. — повторил я.

— Но скажите, господин Харт, где буксир Кера Карраджe?..

— Ушел в плавание... вот уже три недели...

— Кер Каррадже не в Бэк-Капе?..

— Нет... но должен вернуться со дня на день, с часу на час...

— Впрочем, не все ли равно, — ответил лейтенант Дэвон. — Речь идет не о Кере Карраджe... Нами получен приказ увезти Тома Рока... и вас, господин Харт... «Суорд» не уйдет из этого озерка, не захватив вас обоих... Если я не вернусь в Сент-Джорджес, там поймут, что я потерпел неудачу... и предпримут новую попытку.

— Но где же «Суорд», лейтенант?..

— С этой стороны... под защитой берега, там его не видно. Благодаря вашим указаниям мы без труда нашли подводный туннель... «Суорд» благополучно миновал его... Десять минут назад он всплыл на поверхность озерка... Взяв с собой двух людей, я сошел на берег... Я видел, как вы вышли из комнаты, обозначенной на вашем плане... Знаете ли вы, где Тома Рок?..

— В нескольких шагах отсюда... Он только что прошел в свою лабораторию...

— Да поможет нам бог, господин Харт!

— Вы правы, лейтенант Дэвон! Да поможет нам бог.

Лейтенант, двое матросов и я направились по тропинке, огибающей озеро. Пройдя шагов десять, мы заметили Тома Рока. Броситься на него, заткнуть ему рот кляпом, прежде чем он успел крикнуть, связать, прежде чем он сделал хотя бы одно движение, перенести его туда, где стоял на причале «Суорд», — все это заняло не больше минуты.

«Суорд» — подводная лодка водоизмещением не более двенадцати тонн, следовательно, она и по размерам и по мощности значительно уступает подводному буксиру Кера Карраджe. Две динамомашины, питаемые током аккумуляторов, заряженных двенадцать часов назад в Сент-Джорджесе, приводят в движение ее гребной винт. Но как ни мала эта лодка, мы вполне можем выбраться на ней из нашей тюрьмы и вернуть себе свободу, ту самую свободу, на которую я уже перестал надеяться!.. Наконец Тома Рока удастся вырвать из рук Кера Карраджe и инженера Серкё!.. Те-

перь негодяи уже не воспользуются его изобретением!.. Ничто не помешает военным кораблям подойти к островку, произвести высадку, а их экипажи ворвутся в проход и возьмут в плен пиратов!..

Мы никого не встретили, пока двое матросов переносили Тома Рока. Затем все спустились по трапу «Суорда»... Крышка верхнего люка захлопнулась... Отсеки наполнились водой... Лодка ушла в глубину озера... Мы были спасены...

«Суорд» разделен на три части водонепроницаемыми переборками. Первое помещение, предназначенное для аккумуляторов и двигателей, занимает пространство от среднего бимса до кормы. Второе, отведенное штурману, находится посредине судна; над ним торчит перископ с двояковыпуклыми стеклами, через которые проходят лучи электрического фонаря, освещая путь подводной лодке. Третье, носовое помещение, отвели Тома Року и мне.

Моего спутника освободили от душившего его кляпа, но, разумеется, оставили связанным, хотя он вряд ли понимал, что происходит.

Нам не терпелось скорее выйти в море, чтобы прибыть в Сент-Джорджес той же ночью, если не встретится никакого препятствия на пути...

Притворив за собой дверь, я вошел во второе помещение, где находились лейтенант Дэвон и рулевой.

В кормовом помещении трое людей, в том числе и механик, ожидали команды лейтенанта, чтобы пустить мотор.

— Лейтенант Дэвон, — сказал я, — мне кажется, Тома Рок вполне обойдется без меня... И если я могу быть вам полезен, чтобы найти вход в туннель...

— Да... оставайтесь подле меня, господин Харт.

Было тридцать семь минут девятого. Лучи электрического фонаря, проходя через перископ, смутно освещали водяную толщу перед «Суордом». От скалы, у которой мы стояли, следовало пересечь все озеро. Найти вход в туннель будет нелегко, но мы, конечно, преодолеем это затруднение. Мы отыщем подводный коридор, и довольно скоро, даже если придется обойти под водой всю пещеру. Затем, пройдя тихим ходом по тун-

нелю, чтобы не задеть его стенок, «Суорд» поднимется на поверхность моря и направится в Сент-Джорджес.

— Как глубоко мы опустились? — спросил я лейтенанта.

— На четыре с половиной метра.

— Не стоит опускаться ниже, — сказал я. — По наблюдениям, сделанным мною во время равноденствия, мы находимся как раз против оси туннеля.

— Прекрасно! — ответил лейтенант.

— Да, прекрасно. — И мне показалось, что само провидение глаголет устами офицера... В самом деле, провидение не могло бы избрать лучшего исполнителя своей воли.

Я внимательно посмотрел на лейтенанта при свете фонаря. Это человек лет тридцати, сдержанный, спокойный, решительный — настоящий английский офицер со своей словно врожденной невозмутимостью. Он, повидимому, не более взволнован, чем если бы находился на борту «Стэндарда», и действует с необыкновенным хладнокровием, я бы сказал даже с четкостью механизма.

— Проходя через туннель, — заметил лейтенант, — я определил его длину — метров сорок...

— Да... от одного конца до другого, лейтенант Дэвон, метров сорок, не больше.

Очевидно, это определение правильно, ибо ход, пробитый в скале, имеет около тридцати метров в длину.

Механику отдали приказ включить мотор. «Суорд» двинулся вперед очень медленно, чтобы не натолкнуться на подводную скалу.

Порой «Суорд» так близко подходил к берегу озера, что тот стеной надвигался на нас, смутно чернея впереди в лучах судового фонаря. Поворот руля тотчас же изменял направление. Но если управлять подводной лодкой трудно в открытом море, то насколько осложняется эта задача в маленьком озере!

Прошло пять минут, но «Суорд», плывший на глубине четырех-пяти метров, еще не достиг отверстия туннеля.

— Лейтенант Дэвон, — предложил я тогда, — не лучше ли нам подняться на поверхность, чтобы легче было определить, где находится туннель?

— Согласен, господин Харт, и если вы можете точно указать это место...

— Могу.

— Отлично.

Из предосторожности электрический фонарь был выключен, и подводные глубины погрузились во мрак. По приказанию лейтенанта механик пустил в ход насосы, и «Суорд», освободившись от воды, начал медленно подниматься.

Я остался в кабине штурмана, чтобы осмотреться и определить наше положение сквозь стекла перископа.

Наконец «Суорд» остановился, его корпус выступал над водой не более, чем на фут.

При свете лампы, висевшей на берегу, я узнал Улей.

— Где мы?.. — спросил лейтенант Дэвон.

— Мы взяли слишком к северу... Туннель в западной стене пещеры.

— На берегу никого нет?

— Ни души.

— Тем лучше, господин Харт. Мы останемся на поверхности. Затем, когда, по вашим расчетам, «Суорд» подойдет к туннелю, я прикажу погружаться...

Действительно, это было лучшее решение. Штурман отвел подводную лодку от берега, к которому мы слишком приблизились, и направил прямо к туннелю. Для этого достаточно было слегка повернуть румпель, и, движимый гребным винтом, «Суорд» взял нужное направление.

Когда судно было метрах в десяти от западной стены пещеры, я скомандовал остановиться. Как только подача тока прекратилась, «Суорд» замер на месте. Краны были открыты, резервуары наполнились водой, и лодка стала медленно погружаться.

Включили фонарь перископа, и он осветил на темном фоне стены какой-то черный круг, не отражавший его лучей.

— Вот... вот туннель! — воскликнул я.

Неужели эта дверь выведет меня из темницы?.. Ведь там в открытом море меня ждет свобода!..

«Суорд» медленно приближался к отверстию туннеля...

Боже, какое ужасное несчастье! И как я выдержал такой удар судьбы?.. Как сердце мое не разбилось?..

Неясный свет мелькнул сквозь толщу воды метрах в двадцати перед нами в глубине туннеля. Он двигался прямо на нас. Это могло быть только одно: фонарь подводной лодки Кера Каррадже.

— Буксир!.. — крикнул я. — Лейтенант... буксир возвращается в Бэк-Кап!..

— Ход назад! — скомандовал лейтенант Дэвон.

И «Суорд» подался назад в тот миг, когда он должен был войти в туннель.

Еще оставалась надежда на спасение: лейтенант быстро выключил фонарь, и капитан Спаде с матросами могли не заметить «Суорда»... Быть может, они пройдут мимо... Быть может, наше судно сольется с темной массой воды... Быть может, с буксира не увидят его?.. А когда подводная лодка Кера Карраджe станет у причала, «Суорд» продолжит свой путь и незаметно проскользнет в туннель...

Гребной винт «Суорда» завертелся в обратном направлении, мы отошли к южному берегу пещеры... Еще несколько мгновений, и «Суорду» останется только выключить мотор...

Нет!.. Капитан Спаде заметил подводную лодку, собиравшуюся проникнуть в туннель, и отдал приказ преследовать ее в глубине озера... Выдержит ли наша хрупкая лодка нападение мощного подводного буксира Кера Карраджe?..

Тут лейтенант Дэвон обратился ко мне:

— Возвращайтесь к Тома Року, господин Харт... Закройте за собой дверь, а я запру дверь, ведущую в кормовое отделение... Если на нас нападут, «Суорд», возможно, не затонет благодаря этим водонепроницаемым переборкам...

Пожав руку лейтенанту, сохранившему все свое хладнокровие перед лицом грозной опасности, я вер-

нулся в носовое отделение, где оставался Тома Рок... Закрыл дверь и стал ждать в полной темноте.

Я ощущал или, точнее, угадывал маневры «Суорда», пытавшегося уклониться от встречи с буксиром; он то устремлялся вперед, то кружил на месте, то опускался. Иногда он делал резкий поворот, чтобы избежать удара, иногда поднимался на поверхность озера или же уходил в самую его глубину. Пусть читатель попробует представить себе схватку этих двух подводных лодок, двигавшихся под взбаламученной поверхностью воды, словно два морских чудовища неравной силы и величины!

Прошло несколько минут... Я уже начал думать, что погоня прекратилась и «Суорд» миновал, наконец, туннель...

Но тут неожиданно произошло столкновение... Толчок не показался мне особенно сильным... Однако ошибиться было невозможно: «Суорд» атаковали с правого борта возле кормы... Но выдержал ли удар его стальной корпус?.. А если нет, то вода залила, быть может, лишь одно помещение?

Почти тотчас же второй удар отбросил нас в сторону, на этот раз с огромной силой. Нападающее судно приподняло своим тараном «Суорд», и тот, словно треснув пополам, стал опускаться все ниже и ниже. Затем я почувствовал, что нос судна поднялся, и оно камнем пошло ко дну под тяжестью воды, заполнившей его кормовой отсек...

Внезапно Тома Рок и я полетели друг на друга, не успев ухватиться за переборку. Наконец последовал еще один толчок, раздался треск пробитой металлической обшивки, «Суорд» лег на дно и застыл в полной неподвижности...

Что произошло потом?.. Не знаю, так как потерял сознание.

Я узнал впоследствии, что долгие часы пробыл без чувств. Помню лишь последнюю мысль, мелькнувшую у меня в голове:

«Пусть я умру, но по крайней мере Тома Рок и его тайна умрут вместе со мной... и пираты Бэк-Капа не уйдут от возмездия за свои преступления!»

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Ожидание

Придя в себя, я увидел, что лежу на койке в своей комнате, где, оказывается, нахожусь уже целых тридцать часов.

Я не один. Возле меня сидит инженер Серкё. По его приказанию мне была оказана необходимая помощь, больше того, он сам ухаживал за мной — не как за другом, полагаю, а как за человеком, от которого ждут важных разоблачений с тем, чтобы потом отделаться от него, если того потребуют интересы шайки пиратов.

Я еще очень слаб и не могу встать на ноги. Ведь я чуть не задохнулся в тесном помещении «Суорда», погребенного на дне озерка. В состоянии ли я отвечать на вопросы, которые инженеру Серкё не терпится мне задать?.. Да... но надо быть начеку.

Прежде всего мне хотелось бы знать, что сталось с лейтенантом Дэвоном и экипажем «Суорда»? Неужели храбрые англичане погибли во время столкновения?.. Или же они остались целы и невредимы, как и мы, ибо, я полагаю, что Тома Рок тоже уцелел после двух столкновений буксира с «Суордом»?..

— Объясните мне, что произошло, господин Харт? — задает первый вопрос инженер Серкё.

Я тут же решаю, что лучше всего не отвечать, а самому задавать вопросы.

— Что с Тома Роком? — спрашиваю я.

— Он в добром здоровье, господин Харт... Что же произошло?.. — настойчиво повторяет он.

— Прежде всего скажите мне, — говорю я, — что сталось с ними... с теми?..

— С кем это?.. — переспрашивает инженер Серкё, бросая на меня подозрительный взгляд.

— С людьми, которые накинулись на меня, на Тома Рока... связали нас... потащили куда-то... заперли... Куда? Зачем? Я так и не понял.

По зрелом размышлении я решил, что самое лучшее утверждать, будто в тот вечер я подвергся неожидан-

ному нападению и не успел ни разглядеть нападавших, ни понять, куда они меня притащили.

— Вы скоро узнаете, что сталось с этими людьми... — отвечает инженер Серкё. — Но прежде объясните, как все произошло...

По угрожающему тону его голоса, когда он в третий раз повторяет тот же вопрос, я догадываюсь, в чем меня подозревают. Однако у него нет никаких оснований обвинять меня в связи с внешним миром, ведь бочонок с моей запиской не попал в руки Кера Каррадже... Нет, этого несчастья не случилось: бочонок был передан бермудским властям... Значит, такое обвинение не имеет под собой никакой почвы.

Поэтому я ограничиваюсь следующим рассказом: накануне, около восьми часов вечера, я прогуливался по берегу озерка, где встретил Тома Рока, направлявшегося в лабораторию. Неожиданно трое людей накинулись на меня сзади. Заткнув мне рот кляпом и завязав глаза, они куда-то потащили меня; спустили в какую-то дыру вместе с другим человеком; он все время стонал, и я узнал по голосу своего бывшего подопечного... Мне пришло в голову, что мы находимся на борту какого-то судна... очевидно, это был буксир, вернувшийся из плавания... Затем мне показалось, что он ушел под воду... Вдруг от сильного толчка я упал навзничь, куда-то провалился, стал задыхаться... и вскоре потерял сознание... Больше я ничего не помню...

Инженер Серкё слушает меня с величайшим вниманием, глаза его смотрят сурово, лоб нахмурен, хотя у него нет никаких оснований усомниться в моих словах.

— Вы утверждаете, что на вас напали три человека?.. — спрашивает он.

— Да... и я подумал, что это ваши люди... Я не видел, как они подошли... Кто они?

— Иностранцы, которых вы, очевидно, узнали по говору?

— Они не произнесли ни слова.

— Вы не знаете, кто они по национальности?..

— Не знаю.

— Вам не известно, с какими намерениями они проникли в пещеру?

— Понятия не имею.

— А что вы об этом думаете?

— Что думаю, господин Серкё?.. Повторяю, я решил, что двум или трем вашим пиратам было поручено бросить меня в озеро по приказанию графа д'Артигаса... что такая же участь ожидает и Тома Рока... что, овладев, по вашим же словам, всеми тайнами изобретателя, вы пожелали отделаться от нас обоих...

— Неужели, господин Харт, такая мысль могла прийти вам в голову?.. — спрашивает инженер Серкё, но без своей обычной иронии.

— Да... но я тут же отказался от нее. В самом деле, сбросив повязку, я увидел, что нахожусь в одном из отделений буксира.

— То был не буксир, а похожая на него подводная лодка, она проникла сюда через туннель...

— Подводная лодка?!. — воклицаю я.

— Да... и в ней были люди, получившие приказ похитить вас и Тома Рока...

— Похитить нас? — повторяю я, продолжая разыгрывать крайнее изумление.

— А теперь, — говорит инженер Серкё, — скажите, что вы думаете обо всем этом?

— Что я думаю?.. По-моему, здесь может быть только одно объяснение. Если тайна вашего убежища не была открыта — я не допускаю возможности предательства или неосторожности со стороны кого-нибудь из ваших товарищей, — то все произошло совершенно случайно: подводная лодка, находясь в пробном плавании поблизости от островка, неожиданно обнаружила вход в туннель. Пройдя через него, она поднялась на поверхность озерка. Экипаж лодки, очень удивленный тем, что очутился в пещере, да еще населенной, захватил первых попавшихся обитателей... Тома Рока... меня... других, быть может... ведь я не знаю...

Инженер Серкё угрюмо смотрит на меня. Чувствует ли он всю неправдоподобность гипотезы, которую я стараюсь ему внушить? Подозревает ли, что я знаю больше, чем хочу сказать?.. Как бы то ни было, он делает вид, что соглашается со мной, и добавляет:

— Вероятно, все так и случилось, как вы говорите,

господин Харт. Когда же чужое судно подошло к туннелю, в нем появился наш подводный буксир, и произошло столкновение... столкновение, которое и погубило пришельцев. Но мы не такие люди, чтобы покинуть своих ближних в беде... К тому же ваше исчезновение с Тома Роком было почти тотчас же обнаружено... Следовало во что бы то ни стало спасти две столь драгоценные жизни. Мы принялись за дело. Среди наших людей есть прекрасные водолазы... Они спустились на дно озерка... подвели тросы под корпус «Суорда»...

— «Суорда»? — переспрашиваю я.

— Да, мы прочли это название на носу судна, после того как подняли его на поверхность... Как мы обрадовались, найдя вас обоих, правда, без сознания, но еще живых, как были счастливы, когда удалось привести вас в чувство!.. К сожалению, офицеру, командовавшему «Суордом», и его экипажу уже не требовалась наша помощь... При столкновении судно получило две пробоины, вода залила кормовой и средний отсек, и люди, находившиеся там, заплатили жизнью .. за случайность, которая, по вашим словам, привела их в наше тайное убежище.

При известии о смерти лейтенанта Дэвона и его спутников сердце мое болезненно сжалось. Но мне надо держать себя в руках, оставаться верным своей роли. Ведь этих людей я не знал... не мог знать... Главное, не дать никакого повода заподозрить себя в связях с командиром «Суорда». Ведь неизвестно, действительно ли инженер Серкё считает случайностью появление «Суорда» в пещере и нет ли у него тайных причин, чтобы соглашаться до поры до времени с придуманным мною объяснением?

Итак, неожиданная возможность вырваться на свободу потеряна... повторится ли еще раз такая удача? Во всяком случае, теперь стало известно, кто такой граф д'Артигас и чего следует опасаться со стороны Кера Каррадже, ведь моя записка попала в руки английских властей на Бермудских островах. Как только выяснится, что «Суорд» не вернулся из плавания, будут приняты новые меры против островка Бэк-Кап, откуда

мне, конечно, удалось бы бежать, если бы не это злосчастное совпадение — встреча подводного буксира с «Суордом» в ту самую минуту, когда тот входил в туннель.

Я веду свой прежний образ жизни и, не внушая ни малейшего недоверия, свободно разгуливаю по пещере.

Последнее происшествие не имело дурных последствий для Тома Рока. Умелый уход спас ему жизнь так же, как и мне. В полном расцвете сил и таланта изобретатель вновь принялся за работу и проводит целые дни в лаборатории.

Из своего недавнего путешествия «Эбба» привезла какие-то тюки, ящики, множество вещей с клеймами различных стран. Очевидно, за последнюю экспедицию пираты ограбили немало судов.

Работы по изготовлению установок для пуска снарядов идут полным ходом. Количество снарядов уже доходит до пятидесяти. Если бы Кер Каррадже и инженер Серкё намеревались только преградить доступ к островку, им бы вполне хватило трех-четырех снарядов, чтобы поразить любой корабль, случайно подошедший на слишком близкое расстояние. Не собрались ли разбойники всерьез оборонять Бэк-Кап после такого вполне резонного рассуждения:

«Если появление «Суорда» в водах озерка дело случая, то в нашем положении ничто не изменилось, и ни одной державе, даже Великобритании, не придет в голову разыскивать «Суорд» под скалистым панцырем островка. Если же каким-то непонятным образом стало известно, что Бэк-Кап служит убежищем Керу Карраджe и прибытие сюда «Суорда» было только первой попыткой нападения на островок, то следует ожидать новых действий: будь то обстрел или высадка. Тогда прежде, чем покинуть Бэк-Кап и перевезти в другое место наши богатства, следует использовать «фульгуратор Рок» в целях обороны».

По-моему, негодяи вполне могли развить эту мысль, задав себе ряд таких вопросов:

«Нет ли прямой связи между раскрытием тайны Бэк-Капа, как бы оно ни произошло, и двойным похищением из Хелтфул-Хауса?.. Известно ли, что Тома

Рок и его служитель заключены в пещере Бэк-Капа?.. Известно ли, что это похищение было совершено в интересах пирата Кера Каррадже?.. Подозревают ли американцы, англичане, французы, немцы, русские, что всякая попытка взять островок штурмом заранее обречена на провал?»

Ответив утвердительно на эти вопросы, Кер Карраджe должен понять, что как бы велика ни была опасность, от нападения на Бэк-Кап никто не откажется. Необходимость уничтожить этот пиратский притон диктуется интересами высшего порядка — долгом человеколюбия и заботой об общественном благе. Прежде корсар Кер Карраджe и его сообщники разбойничали в западной части Тихого океана, теперь они опустошают западную часть Атлантического океана... Надо любой ценой покончить с морскими разбойниками!

Во всяком случае, обитатели пещеры Бэк-Капа должны быть настороже, даже если их опасения преувеличены. Действительно, отныне они организовали строжайшую охрану островка. Благодаря новому ходу пираты могут нести караульную службу на морском берегу, не пользуясь подводным туннелем. Смены по двенадцать человек день и ночь наблюдают за горизонтом, спрятавшись за низкими прибрежными скалами. Появление корабля, приближение к островку даже небольшой лодки будет тотчас же замечено.

Ничего нового не случилось за эти дни, которые чередуются с убийственным однообразием. Однако в колонии Бэк-Капа нет прежней уверенности. В ней царит какое-то неясное гнетущее беспокойство. Пираты боятся, что с морского побережья каждую минуту может раздаться крик: «Тревога! Тревога!» После случая с «Суордом» положение сильно изменилось. Вот почему в Англии и других цивилизованных странах люди должны навек сохранить память о храбром лейтенанте Дэвоне и о его отважных матросах, пожертвовавших жизнью ради блага человечества!

Несмотря на мощные средства обороны, гораздо более надежные, чем любое минное заграждение, Кер Карраджe, инженер Серкё и капитан Спаде, повидимому, находятся в сильной тревоге, которую напрасно

пытаются скрыть. Вот почему они так часто совещаются между собой. Не собираются ли злодеи покинуть Бэк-Кап, захватив с собой все награбленные богатства? Ведь если убежище пиратов обнаружено, их рано или поздно уничтожат или возьмут измором.

Достоверно мне ничего не известно. Главное же, никому даже в голову не приходит, что я мог переправить через туннель бочонок с запиской, по воле провидения подобранный на Бермудских островах. Ни разу — подчеркиваю это — инженер Серкё не намекнул мне на такую возможность. Нет! Никто меня не подозревает, более того, я даже не кажусь им подозрительным. В противном случае меня уж давно отправили бы вслед за лейтенантом Дэвоном и экипажем «Суорда» на дно озерка — я достаточно хорошо знаю характер графа д'Артигаса, чтобы не сомневаться в этом.

Теперь под здешними широтами ежедневно свирепствуют сильнейшие зимние бури. Штормы дико завывают над скалистой вершиной островка.

Резкие порывы ветра проносятся среди известняковых колонн, наполняя пещеру странным гулом, напоминающим звуки гигантского органа. Временами вой ветра достигает такой силы, что вполне мог бы покрыть залпы целой эскадры. Спасаясь от непогоды, множество морских птиц залетают в пещеру и в редкие минуты затишья оглушают нас своими резкими криками.

В такую злую непогоду шкуна не могла бы выйти в море. Впрочем, в этом нет никакой надобности, так как колония Бэк-Капа обеспечена до весны всем необходимым. Полагаю, кроме того, что граф д'Артигас поостережется разъезжать теперь на своей «Эббе» вдоль американского побережья, где ему, пожалуй, не окажут почестей, подобающих богатому и знатному иностранцу, а устроят встречу, достойную пирата Кера Каррадже!

Да, если появление «Суорда» было началом кампании, предпринятой против островка во имя закона и общественной безопасности, то теперь, по-моему, перед колонией Бэк-Капа должен встать один чрезвычайно важный вопрос.

И вот однажды я решился выведать мнение инжене-

ра Серкё на этот счет, но крайне осторожно, чтобы не возбудить подозрений.

Мы прогуливались поблизости от лаборатории Тома Рока. Разговор длился уже несколько минут, когда инженер Серкё упомянул о необъяснимом появлении в озерке английской подводной лодки. На этот раз, как мне показалось, он склонялся к мысли, что действия «Суорда» были направлены против шайки Кера Карраджe.

— Я не согласен с вами, — отвечаю я, желая навести разговор на интересующий меня вопрос.

— Почему же?..

— Потому что, будь ваше убежище известно, вскоре последовала бы новая попытка проникнуть в пещеру или уничтожить Бэк-Кап.

— Уничтожить!.. — восклицает инженер Серкё. — Уничтожить островок!.. Это было бы безумием при тех средствах обороны, которыми мы располагаем.

— Но о них никто не знает, господин Серкё. Ни в Старом, ни в Новом Свете неизвестно, что похищение из Хелтфул-Хауса дело ваших рук... что вам удалось договориться с Тома Роком и купить его изобретение...

Инженер Серкё ничего не возражает на это замечание, на которое, впрочем, нечего возразить.

— Итак, — продолжаю я, — эскадра, посланная морскими державами, заинтересованными в уничтожении островка, без колебания приблизилась бы к нему... засыпала бы его снарядами... Раз этого до сих пор не случилось, значит и не случится, — повидимому, о Кере Карраджe ничего неизвестно... Согласитесь, такое предположение как нельзя более вам на руку...

— Согласен, — отвечает инженер Серкё, — однако чему быть, того не миновать. Известно им это или нет, но стоит военным кораблям приблизиться на четыре-пять миль к островку, и они пойдут ко дну, не успев даже открыть огонь из своих орудий!

— Согласен, — говорю я в свою очередь, — ну, а потом?..

— Потом?.. По всей вероятности, другие не осмелятся повторить попытку...

— Пусть так! Но тогда корабли могут окружить

вас за пределами поражаемого пространства, а «Эбба» не войдет больше ни в один из тех портов, где бывала раньше, как яхта графа д'Артигаса!.. Как же вы обеспечите в таком случае снабжение островка?

Инженер Серкё молчит.

Этот вопрос, очевидно, давно волнует его, но ответа на него он так и не нашел... Мне кажется, что пираты надумали покинуть Бэк-Кап...

Между тем Серкё чувствует, что мне удалось припереть его к стене, и, не желая признаться в этом, говорит:

— У нас еще останется подводный буксир, и он заменит шкуну...

— Подводный буксир!.. — восклицаю я. — Но если известны тайны Кера Караджже, то надо думать, известно и о существовании подводной лодки графа д'Артигаса.

Инженер Серкё подозрительно смотрит на меня.

— Господин Симон Харт, — говорит он, — мне кажется, вы заходите слишком далеко в своих умозаключениях...

— Я, господин Серкё?..

— Да... и я нахожу, что вы говорите обо всем этом, как человек, знающий больше, чем следует!

Тут я сразу прикусил язык. Мои рассуждения, очевидно, навели собеседника на мысль, что я как-то причастен к последним событиям. Инженер Серкё не спускает с меня глаз, он сверлит меня своим горящим взглядом, старается проникнуть в мозг...

Однако я не теряю самообладания и совершенно спокойно отвечаю:

— Видите ли, господин Серкё, я по специальности инженер и привык логично рассуждать обо всех явлениях жизни. Вот почему я сообщил вам выводы, к которым пришел. А принять или не принять их в расчет, это уж ваше дело.

На этом мы расстались. Но я был слишком неосторожен и мог навлечь на себя подозрения, которые нелегко будет рассеять...

Из этого разговора я все же вынес ценное сведение: пространство, поражаемое «фульгуратором Рок», до-

стигает четырех-пяти миль... Не бросить ли мне, когда наступит весеннее равноденствие... еще один бочонок с запиской?.. Однако надо ждать долгие месяцы, прежде чем отлив обнажит верхнюю часть туннеля!.. Да и дойдет ли по назначению вторая записка так же удачно, как и первая?..

Непогода продолжается. Шквалы налетают с неистовой силой — явление, обычное в зимнее время на Бермудских островах. Наверно, разбушевавшееся море и задерживает поход против Бэк-Капа... Ведь лейтенант Дэвон сказал, что в случае неудачи будет предпринята другая более серьезная попытка покончить с разбойничьим притоном. Рано или поздно дело правосудия должно свершиться, и островок Бэк-Кап будет уничтожен... пусть даже мне не суждено пережить этого возмездия!

Как обидно, что я не могу выйти хотя бы на минуту из пещеры и вдохнуть полной грудью живительный воздух океанских просторов!.. Увы, я лишен возможности окинуть взором далекий морской горизонт!.. Всеми силами души я хочу лишь одного: проскользнуть в проход, выбраться на побережье, спрятаться среди скал... Кто знает, не я ли первый увидел бы тогда дымки эскадры, идущей к островку?..

К несчастью, это желание неосуществимо, ибо часовые стоят день и ночь у обоих концов туннеля. Никто не может войти в него без разрешения инженера Серкё. Если я попытаюсь сделать это, меня запрут в Улье, а может быть, и того хуже...

Мне кажется в самом деле, что после нашей последней беседы инженер Серкё переменился ко мне. Его насмешливый взгляд стал теперь недоверчивым, подозрительным, испытующим и таким же жестким, как взгляд Кера Карраджё!

Семнадцатое ноября. — Сегодня во второй половине дня в Улье неожиданно поднялся ужасный переполох. Пираты выбегают из комнат... отовсюду несутся крики.

Я вскакиваю со своей койки и поспешно выхожу на берег озерка.

Все бегут к проходу в стене, около него стоят Кер Карраджё, инженер Серкё, капитан Спаде, боцман

Эфрондат, механик Гибсон и малаец, находящийся в услужении у графа д'Артигаса.

Нетрудно догадаться, чем вызвана вся эта суета, ибо стража вбегает в пещеру с криками «тревога»!

На северо-западе замечены военные корабли, они полным ходом идут к Бэк-Капу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Еще несколько часов

Как потрясла меня эта новость, какое невыразимое волнение охватило все мое существо!.. Развязка приближается, я это чувствую... Только бы она соответствовала требованиям цивилизации и гуманности!

До сих пор я вел свой дневник день за днем. Теперь следует записывать события час за часом, минута за минутой. Как знать, не откроет ли мне Тома Рок своей последней тайны, не удастся ли убедить его в том, что это необходимо?.. Если мне суждено погибнуть во время нападения на остров, дай бог, чтобы на моем трупе нашли дневник об этих пяти месяцах заточения в пещере Бэк-Капа!

Кер Карраджe, инженер Серкё, капитан Спаде и несколько других пиратов немедленно заняли наблюдательные посты на побережье островка. Чего бы я не дал, чтобы иметь возможность последовать за ними, спрятаться между скалами, следить за кораблями, замеченными в открытом море...

Час спустя Кер Карраджe возвращается с товарищами в Улей, оставив на берегу человек двадцать наблюдателей. В это время года дни очень коротки, и до завтрашнего утра пиратам, повидимому, нечего опасаться. Кроме того, зная о средствах обороны Бэк-Капа, осаждающие вряд ли помышляют о высадке и не отважатся на ночной штурм.

Вплоть до вечера шли работы по размещению установок для пуска снарядов. Шесть штук перенесли по проходу, пробитому в стене, и поставили в различных точках побережья.

После этого инженер Серкё зашел в лабораторию Рока. Не хочет ли он сообщить изобретателю о том, что происходит... сказать ему, что к Бэк-Капу приближается эскадра... убедить его использовать фульгуратор для обороны островка?..

Ясно одно: штук пятьдесят снарядов, заряженных взрывчатым веществом, благодаря которому их траектория намного превосходит траекторию снарядов самых дальнобойных орудий, готовы совершить свое разрушительное дело.

Кроме того, Тома Рок изготовил несколько склянок воспламенителя и, я уверен, не откажется помочь шайке Кера Карраджe!

Между тем наступила ночь. В пещере царит полумрак, так как сегодня горят только лампочки в комнатах Улья.

Я возвращаюсь к себе домой: сейчас мне лучше всего не попадаться на глаза пиратам. В этот час, когда эскадра приближается к Бэк-Капу, подозрения, внушенные мною инженеру Серкё, могут снова ожить...

Но не изменят ли направления замеченные в море корабли? Не пройдут ли они мимо Бермудских островов и не скроются ли за горизонтом?.. Сомнение на миг закрадывается мне в душу... Нет... нет!.. К тому же по пеленгу, взятому капитаном Спаде, — он сам только что сказал об этом, — корабли остались в виду островка.

Какой стране они принадлежат?.. Быть может, англичане сами снарядили эту экспедицию, чтобы отомстить за гибель «Суорда»... А возможно, к ним присоединились и корабли других стран. Я ничего не знаю... ничего не могу знать!.. Да и не все ли равно?.. Важно одно: этот разбойничий притон должен быть уничтожен, пусть даже я погибну под развалинами или же паду геройской смертью, как доблестный лейтенант Дэвон и его отважный экипаж!

Приготовления к обороне ведутся планомерно, хладнокровно, под наблюдением инженера Серкё. Видимо, пираты убеждены в том, что им удастся потопить нападающих, как только те вступят в поражаемую

зону. Их вера в «фульгуратор Рок» непоколебима. Злодеи считают, что корабли бессильны против них, и не думают ни о грозящих им опасностях, ни о будущих трудностях.

По моим предположениям, установки для пуска снарядов должны быть размещены в северо-западной части побережья, но направлены в разные стороны, чтобы снаряды летели на север, на запад и на юг. Что касается восточной части островка, то, как известно, она защищена подводными скалами, которые тянутся до ближайших островов архипелага.

Около девяти часов вечера я решаюсь выйти из своей камеры. Вряд ли на меня обратят внимание, и, быть может, я незаметно проберусь среди сгустившейся темноты. Если бы только мне удалось проскользнуть в туннель, выбраться на берег моря, спрятаться за какой-нибудь скалой!.. Просидеть там до рассвета!.. А почему бы нет? Ведь Кера Карраджe, инженера Серкё, капитана Спаде и остальных пиратов нет в пещере: они заняли наблюдательные посты на морском берегу!..

Вокруг озерка ни души, но вход в туннель охраняет малаец графа д'Артигаса. Все же я выхожу из Улья и без определенной цели направляюсь к лаборатории изобретателя. Я думаю только о Тома Роке, о моем соотечественнике!.. Я все больше убеждаюсь в том, что ему ничего неизвестно о появлении эскадры вблизи островка Бэк-Кап. Очевидно, инженер Серкё лишь в последнюю минуту поставит его перед необходимостью совершить акт жестокой мести...

Тогда меня внезапно осеняет мысль: я должен сказать Тома Року об ответственности, которую он берет на себя; в последний решающий час открыть ему, кто эти люди, заставляющие его выполнять свои преступные планы...

Да... я попытаюсь... и да поможет мне бог тронуть эту душу, восставшую против людской несправедливости, и пробудить в ней заглохшую любовь к родине!

Тома Рок работает в лаборатории. По всей вероятности, он один, так как никого не допускает к

себе, когда занят приготовлением своего воспламенителя...

Я решительно направляюсь к лаборатории и, проходя по берегу озерка, замечаю, что буксир попрежнему стоит на причале у небольшого мола.

Добравшись до места, я решаю из предосторожности проскользнуть между первыми рядами известняковых колонн, чтобы приблизиться к лаборатории сбоку; таким образом я заранее увижу, нет ли там кого-нибудь, кроме Тома Рока.

Как только я углубился под темные своды пещеры, яркий свет блеснул над озерком. Это горит электрическая лампочка в лаборатории, и лучи ее падают сквозь узкое оконце, пробитое в фасаде здания.

За исключением этой светлой точки весь южный берег погружен во мрак, тогда как на противоположной, северной стороне слабо светятся окна Улья. Наверху, в широком отверстии свода, над темной водой озерка тихо мерцают звезды. Небо чисто, буря улеглась, порывы ветра не проникают более в пещеру Бэк-Капа.

Подойдя к лаборатории, я крадусь вдоль стены, приподнимаюсь, заглядываю в окно и вижу Тома Рока...

Изобретатель один. Голова его ярко освещена. Морщины на лбу стали глубже. Лицо немного осунулось, но во всем его облике чувствуется спокойствие и полное самообладание. Нет, передо мной уже не помешанный из флигеля № 17 Хелтфул-Хауса! Неужели он совсем выздоровел и теперь нечего опасаться, что его разум снова помутится во время одного из припадков?..

Тома Рок только что положил на полку две стеклянных трубки, а третью держит в руке. Он рассматривает на свет наполняющую ее прозрачную жидкость.

Меня охватывает страстное желание ворваться в лабораторию, схватить эти склянки, разбить их... Но ведь ученый успеет приготовить новую порцию жидкости!.. Лучше поступить так, как я решил раньше.

Я открываю дверь, вхожу.

— Тома Рок!.. — говорю я.

Он ничего не видит, не слышит. Я повторяю:

— Тома Рок!..

Изобретатель поднимает голову, оборачивается, смотрит на меня...

— Ах, это вы, Симон Харт!.. — отвечает он спокойно, даже равнодушно.

Значит, Тома Рок знает мое настоящее имя. Инженер Серкё, видно, не преминул сообщить ему, что в Хелтфул-Хаусе за ним ухаживал не служитель Гэйдон, а Симон Харт.

— Вы знаете?.. — спрашиваю я.

— Да, и не только это, мне известно также, с какой целью вы выполняли обязанности смотрителя!.. Да! Вы надеялись выманить хитростью тайну, за которую ни одно правительство не хотело мне заплатить настоящую цену!

Тома Рок знает, кто я, и, пожалуй, это лучше, принимая во внимание то, что я собираюсь ему сообщить.

— Итак, ваша затея не удалась, Симон Харт, а что до этой жидкости, — продолжает он, встряхивая стеклянную трубочку, — никто еще ничего не узнал... и не узнает!

Как я и подозревал, Тома Рок не открыл состава своего воспламенителя!..

Глядя ему прямо в глаза, я отвечаю:

— Вы знаете, кто я, Тома Рок... Но известно ли вам, у кого вы находитесь?..

— Я здесь у себя! — кричит он.

Так вот, что ему внушил Кер Карраджє!.. В Бэк-Капе изобретатель считает себя дома... Он думает, что богатства, собранные в пещере, принадлежат ему. Если на Бэк-Кап готовится нападение, то это для того, чтобы украсть его сокровища... он будет их защищать... он имеет на это право!

— Тома Рок, выслушайте меня... — продолжаю я.

— Что вам нужно, Симон Харт?..

— Эту пещеру, куда нас с вами привезли, занимает шайка пиратов...

Тома Рок не дает мне договорить, — не знаю даже, понял ли он меня, — и заявляет с горячностью:

— Повторяю, все собранные тут сокровища — цена моего изобретения... Они принадлежат мне... За «фульгуратор Рок» эти люди мне заплатили все, что я пожелал. А ведь мне всюду отказали... даже в моей собственной, да и в вашей стране... теперь я не дам себя ограбить!

Что можно ответить на эти безрассудные слова?.. Но я не сдаюсь.

— Тома Рок, — спрашиваю я, — помните ли вы Хелтфул-Хаус?

— Хелтфул-Хаус?.. Куда меня заперли, поручив служителю Гэйдону шпионить за мной... похитить мою тайну...

— Я никогда не думал лишить вас плодов вашего труда, Тома Рок... Я ни за что бы не взялся за такое дело... Но вы были больны... ваш разум помутился... такое изобретение не должно было погибнуть. Поверьте... Если бы во время припадка вы выдали свою тайну, вам одному достались бы деньги и слава!

— Неужели, Симон Харт? — презрительно отвечает Тома Рок. — Деньги и слава... вы сообщаете мне об этом немного поздно!.. Вы, может быть, забыли, что меня заперли в сумасшедший дом... под предлогом безумия... да! под предлогом, так как разум никогда не покидал меня, ни на минуту, и вы сами можете в этом убедиться: взгляните только на все, что я создал с тех пор, как получил свободу...

— Свободу!.. Вы считаете, что вы свободны, Тома Рок!.. Ведь в стенах этой пещеры вы еще больше отрезаны от мира, чем в Хелтфул-Хаусе!

— Если человек живет у себя дома, — возражает Тома Рок, и от гнева голос его звучит все громче, — он может уйти, уехать, когда ему заблагорассудится!.. Стоит мне сказать одно слово, и все двери откроются передо мной!.. Это жилище мое!.. Граф д'Артигас отдал мне Бэк-Кап в полное владение со всеми накопленными здесь богатствами!.. Горе тем, кто нападет на островок! У меня здесь есть чем встретить и уничтожить всех врагов до единого, Симон Харт!

И, говоря это, изобретатель лихорадочно размахивает стеклянной трубкой.

Тогда, не в силах больше сдерживать себя, я кричу:

— Граф д'Артигас обманул вас, Тома Рок, так же как и многих других!.. Под этим именем скрывается опаснейший разбойник, потопивший множество кораблей в Тихом и Атлантическом океане!.. Это закоренелый преступник... гнусный Кер Каррадже...

— Кер Карраджe! — повторяет Тома Рок.

Я спрашиваю себя, произвело ли это имя хоть какое-нибудь впечатление на изобретателя, напомнило ли оно ему все преступления знаменитого пирата? Во всяком случае, впечатление оказалось мимолетным.

— Я не знаю Кера Карраджe, — говорит Тома Рок, указывая мне на дверь. — Я знаю лишь графа д'Артигаса...

— Послушайте, Тома Рок, — продолжаю я, стараясь в последний раз убедить его, — граф д'Артигас и Кер Карраджe одно и то же лицо!.. Да, этот человек купил у вас тайну изобретения, но лишь с одной целью: безнаказанно творить свои преступления и совершать все новые злодейства. Да... главарь пиратов...

— Вы говорите «пираты»... — кричит Тома Рок, раздражение которого увеличивается по мере того, как мои доводы становятся убедительнее. — Пираты — это те, кто посмел преследовать меня даже в этом убежище, кто подослал сюда «Суорд»... Серкё мне все рассказал... Они хотели похитить из моего дома то, что принадлежит только мне... справедливую плату за мое изобретение...

— Нет, Тома Рок, пираты — те, кто заключил вас в пещере Бэк-Капа, кто хочет использовать ваш талант для своей обороны. Поверьте, они отделаются от вас, как только овладеют вашей тайной!

Тома Рок прерывает меня. Повидимому, он уже не слушает того, что я говорю... Он следит за нитью своих мыслей, а не моих: его преследует одно неотступное желание, умело раздутое инженером Серкё, желание отомстить, в котором сказывается вся его ненависть.

— Бандиты — те, кто оттолкнул меня, не пожелав выслушать... — продолжает он, — эти люди дали мне

испить до дна горькую чашу несправедливости... сколько раз они оскорбляли меня своим презрением и грубыми отказами... Они гнали меня из страны в страну, я же нес им непобедимость, превосходство, всемогущество!

Вот она, вечная история изобретателя, которого никто не хочет слушать; завистники и бездушные люди отказывают ему в средствах, необходимых для опытов, не желают платить требуемую сумму за изобретение... Да, правда, но я знаю также, сколько написано на этот счет нелепостей и преувеличений.

Собственно говоря, сейчас не время спорить с Тома Роком... Я понимаю одно: мои доводы не оказывают никакого влияния на эту ожесточенную душу, на это сердце, где после бесконечных разочарований скопилось столько ненависти, на этого несчастного человека, обманутого Кером Карраджем и его сообщниками!.. Открыв Тома Року подлинное имя графа д'Артигаса, разоблачив перед ним шайку пиратов во главе с Кером Карраджем, я надеялся вырвать изобретателя из-под их влияния, показать, на какое преступление его толкают... Я ошибся!.. Он мне не верит!.. Не все ли ему равно, как зовут этого человека — д'Артигас или Кер Карраджем!.. Разве не Тома Рок полновластный хозяин Бэк-Капа?.. Разве не он владеет всеми богатствами, накопленными здесь после двадцати лет убийств и грабежей?..

Я чувствую себя бессильным перед его глубокой нравственной слепотой, не знаю, как подойти к этому озлобленному человеку, как тронуть душу, не сознающую всей тяжести своей ответственности, и постепенно отступаю назад, к двери лаборатории. Мне остается только уйти... Будь что будет, я не властен предотвратить ужасную развязку, до которой осталось всего несколько часов.

К тому же Тома Рок больше не обращает на меня внимания... Должно быть, он уже забыл о моем существовании, забыл весь наш разговор. Он снова занялся своими опытами и не замечает меня...

Есть только одно средство предотвратить неизбежную катастрофу... Я должен броситься на Тома Рока...

обезвредить его... ударить... убить... Да!.. убить. Это мое право... верней, мой долг...

У меня нет оружия, но я вижу вон там на полке инструменты: резец, молоток... Почему бы мне не размозжить ему голову?.. Как только он будет убит, я разобью эти склянки, и изобретение погибнет вместе с изобретателем!.. Корабли подойдут к берегу... обстреляют Бэк-Кап из своих орудий... произведут высадку!.. Кер Караджде и его сообщники будут уничтожены все до единого... Можно ли колебаться, если убийство одного человека даст возможность покарать стольких преступников?..

Я направляюсь к полке... Стальной резец лежит совсем близко... Протягиваю руку, чтобы взять его...

Тома Рок оборачивается.

Я опоздал... Последует борьба... А борьба не обойдется без шума... Крики будут услышаны... Поблизости бродят пираты... Я слышу, как скрипит песок на берегу под тяжестью чьих-то шагов... Мне остается только бежать, не то меня схватят...

И все же я пытаюсь в последний раз пробудить у изобретателя чувство патриотизма.

— Тома Рок, — говорю я ему, — близ островка появились корабли... Они собираются уничтожить этот притон пиратов!.. Быть может, на одном из них развевается французский флаг?..

Тома Рок смотрит на меня... Он не знал, что на Бэк-Кап готовится нападение, я первый сказал ему об этом... Он морщит лоб... взгляд его загорается...

— Тома Рок... неужели вы посмеете открыть огонь по флагу своей родины... по трехцветному флагу?

Изобретатель поднимает голову, лицо его нервно передергивается, он презрительно машет рукой.

— Как!.. вы выступите против своей родины?..

— У меня больше нет родины, Симон Харт! — восклицает он. — У отвергнутого изобретателя нет больше родины!.. Его отечество там, где он нашел себе приют! У меня хотят отнять все мое достояние... я буду защищаться... Горе... горе тому, кто посмеет напасть на меня!..

Он бросается к двери лаборатории и с шумом распахивает ее.

— Вон!.. вон!.. — кричит он так громко, что его, вероятно, слышно на том берегу возле Улья.

Нельзя терять ни секунды, и я убегаю.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Один против пяти

Целый час я бродил под темными сводами Бэк-Капа, меж колонн, похожих на стволы деревьев, дошел до самого отдаленного конца пещеры. Сколько раз я искал здесь какой-нибудь ход, трещину, щель, чтобы выбраться на берег моря. Но все мои поиски были напрасны.

В моем теперешнем состоянии меня преследуют какие-то странные видения: стены пещеры становятся все массивнее, все толще... надвигаются на меня... грозят раздавить...

Сколько времени длилась эта галлюцинация?.. Не знаю.

Я очутился, сам того не ведая, возле Улья, против своей комнаты, где мне уже не найти ни отдыха, ни сна... Можно ли спать в таком лихорадочном волнении, спать, когда близится развязка драмы, грозившей затянуться на долгие годы...

Но какова будет эта развязка для меня?.. Чего мне ждать от нападения на Бэк-Кап, ведь я не помог атакующим, не обезвредил Тома Рока?.. Фульгуратор готов поразить неприятеля, едва лишь его корабли войдут в опасную зону, и все они погибнут, даже если снаряды и не попадут в них...

Как бы то ни было, я вынужден провести остаток ночи в своей камере. Пора вернуться в нее. Настанет день, и я решу, что делать. Кто знает, не дрогнут ли этой ночью скалы Бэк-Капа от гула взрывов, не обрушится ли «фульгуратор Рок» на корабли прежде, чем они успеют стать на якорь возле островка?..

Тут я в последний раз окидываю взглядом окрестности Улья. На противоположном берегу блестит огонек... только один... Это горит лампа в лаборатории, и ее отражение колеблется в глубине озерка.

Всюду пустынно, на молу ни души... Повидимому, в Улье тоже никого не осталось, так как пираты заняли боевые посты на морском берегу...

Тогда, повинуясь непреодолимой силе, вместо того чтобы вернуться домой, я крадусь вдоль стены пещеры, напрягая слух, вглядываясь в темноту, готовый забиться в первую попавшуюся щель при шуме шагов или звуке голосов...

Я дохожу, наконец, до прохода в стене...

Всемогущий бог!.. Никто не охраняет его... Ход свободен...

Не рассуждая, я проскальзываю в его темное отверстие... Пробираюсь ощупью в полном мраке... Вскоре прохладная струя воздуха бьет мне прямо в лицо! Это свежий живительный морской воздух, о котором я мечтал в течение долгих пяти месяцев заточения, и я жадно, полной грудью, вдыхаю его...

На противоположном конце туннеля виднеется клочок неба, усеянного звездами. Ничья тень не заслоняет этот просвет... быть может, мне удастся выбраться из пещеры...

Бросившись ничком на землю, я ползу медленно, бесшумно.

Добираюсь до выхода, осторожно высовываю голову, смотрю...

Никого... никого!

Прижимаясь к прибрежным скалам, переползаю на восточный берег островка, недоступный с моря из-за длинной гряды рифов. Здесь не должно быть охраны. Я прячусь в небольшом углублении, метрах в двухстах от того места, где на северо-западе клочок суши выдается в море.

Наконец-то... я выбрался из пещеры — я еще не свободен, нет, но это начало освобождения.

На самом конце мыса неподвижно стоят часовые, их силуэты почти сливаются с прибрежными скалами.

Небо чисто, и звезды ярко блещут, как это бывает в холодные зимние ночи.

Далеко на северо-западе светится узкая полоска: это мачтовые огни кораблей.

На востоке небо начинает светлеть, и я заключаю, что сейчас около пяти часов утра.

Восемнадцатое ноября. — Стало уже достаточно светло, и я могу продолжить свой дневник; прежде всего я подробно описал посещение лаборатории Тома Рока — возможно, это будут последние строки, начертанные моей рукой...

Теперь по мере развертывания событий я стану заносить в эту тетрадь все их перипетии.

Утренний ветерок вскоре разгоняет легкий влажный туман, окутавший море... Я различаю, наконец, корабли... Их всего пять, и они выстроились в боевом порядке на расстоянии не меньше шести миль, следовательно, вне досягаемости для снарядов Рока.

Итак, одно из моих опасений рассеялось: ведь я боялся, что, пройдя мимо Бермудского архипелага, корабли возьмут курс на Антильские острова или направятся к берегам Мексики. Но нет! Они стоят здесь неподвижно... ожидая утра, чтобы атаковать Бэк-Кап...

В этот миг берег островка ожил. Несколько пиратов появилось из-за скал. Часовые, стоявшие на мысу, отошли назад. Оказывается, вся шайка в сборе.

Разбойники не укрылись в пещере, прекрасно зная, что корабли не могут приблизиться настолько, чтобы обстрелять островок из своих орудий.

Я спрятался поглубже в расщелине между скалами и не боюсь, что меня здесь заметят: вряд ли кто-нибудь вздумает направиться в эту сторону. Впрочем, может произойти досадный случай, если инженер Серкё или кто-нибудь другой пожелает проверить, нахожусь ли я в своей комнате, и запереть меня там... Хотя в сущности чего им меня бояться?..

В двадцать пять минут восьмого Кер Каррадже, инженер Серкё, капитан Спаде выходят на мыс и наблюдают оттуда за северо-западной частью горизонта. Сзади них стоят шесть установок для самодвижущихся снарядов. Под действием воспламенителя снаряды вы-

летят из своих гнезд, опишут длинную кривую и разорвутся, вызвав чудовищное сотрясение воздуха.

Тридцать пять минут восьмого... несколько дымков поднимаются над кораблями; они собираются приблизиться к островку Бэк-Кап, где их ждет верная гибель.

Дикие вопли радости, громовые возгласы «ура», скорее похожие на рев диких зверей, вырываются из глоток бандитов.

В эту минуту Серкё отходит от Кера Карраджe и, оставив его с капитаном Спаде, направляется к отверстию туннеля, очевидно, для того, чтобы вызвать Тома Рока.

Получив от Кера Карраджe приказ обстрелять вражеские корабли, вспомнит ли Тома Рок о моих словах?.. Поймет ли весь ужас совершаемого преступления?.. Откажется ли повиноваться?.. Нет, не откажется... я в этом более чем уверен!.. К чему тешить себя несбыточными надеждами?.. Разве изобретатель не убежден, что он здесь хозяин?.. Он несколько раз повторил это... он верит тому, что ему внушили... На него нападают... он будет защищаться!

Между тем пять кораблей идут тихим ходом, держа курс прямо на островок. Быть может, там полагают, что Тома Рок еще не открыл своей последней тайны пиратам Бэк-Капа, — так оно и было, когда я бросил бочонок в озеро. Если же командиры собираются произвести высадку, то стоит кораблям войти в поражаемую зону шириною в милю, как от них не останется ничего, кроме бесформенных обломков, плавающих по волнам!

Вот и Тома Рок в сопровождении инженера Серкё. Выйдя из туннеля, оба направляются к той установке для снарядов, которая наведена на головной корабль.

Там ждут их Кер Карраджe и капитан Спаде.

Насколько я могу судить, Тома Рок совершенно спокоен. Он знает, что ему делать. Ни малейшее сомнение не закрадывается в душу этого несчастного, ослепленного ненавистью человека!

В его руке блестит стеклянная трубочка, наполненная жидкостью воспламенителя.

Изобретатель вглядывается в ближайший корабль, находящийся милях в пяти от берега.

Это крейсер средней величины водоизмещением не более двух с половиной тысяч тонн.

Флаг спущен; но, судя по конструкции, корабль принадлежит нации, к которой ни один француз не питает особой симпатии.

Четыре остальных корабля идут сзади.

Крейсер, видимо, получил приказ первым атаковать островок.

Пусть же корабль откроет огонь из всех своих орудий, раз пираты дают ему возможность подойти к островку, и да поразит первый его снаряд Тома Рока!..

Пока инженер Серкё внимательно следит за ходом крейсера, Тома Рок становится возле установки фульгуратора. Все три снаряда начинены взрывчатым веществом, которое под действием воспламенителя сообщает им огромную движущую силу, но без вращения, присущего гироскопическим ядрам Тюрпена. Впрочем, достаточно снарядам Рока разорваться в нескольких сотнях метров от корабля, чтобы мгновенно поразить его.

Время настало.

— Тома Рок! — кричит инженер Серкё.

Он указывает изобретателю на крейсер. Тот медленно направляется к северо-западному мысу, до которого осталось каких-нибудь четыре-пять миль...

Тома Рок кивает в знак согласия, показывая жестом, чтобы его оставили одного перед установкой фульгуратора.

Кер Каррадже, капитан Спаде и другие отходят шагов на пятьдесят.

Тогда Тома Рок откупоривает стеклянную трубочку, которую держит в правой руке, и наливает по нескольку капель жидкости в отверстие каждого снаряда.

Проходят сорок пять секунд — время, необходимое для завершения реакции, — сорок пять секунд, в течение которых мне кажется, что сердце мое остановилось...

Раздается оглушительный свист, и все три снаряда,

описывая сильно вытянутую кривую метрах в ста над поверхностью воды, перелетают за корму крейсера.

Неужели они не попали в цель, и опасность миновала?

Нет! Подобно дискообразным гранатам майора артиллерии Шапеля или австралийским бумерангам, снаряды Рока сами возвращаются обратно.

Почти тотчас же раздается чудовищный взрыв, можно подумать, что на воздух взлетел целый склад мелинита или динамита. Сотрясение воздушных масс ощущается даже на островке Бэк-Кап, почва и та ходуном ходит под ногами...

Я вглядываюсь...

Крейсер исчез! Разнесенный в щепы, он пошел ко дну. Это похоже на действие снаряда Залинского, только сила взрыва «фульгуратора Рок» в сотни раз больше.

Что за дикие вопли радости испускают бандиты, выбегая на мыс! Кер Каррадже, инженер Серкё, капитан Спаде застывают на месте, словно не веря собственным глазам!

Тома Рок стоит тут же, скрестив руки; глаза его мечут молнии, лицо сияет торжеством.

Глубоко презирая Тома Рока, я все же понимаю переживания изобретателя, к ненависти которого примешивается чувство удовлетворенной мести!..

Теперь стоит другим судам приблизиться к островку, и они затонут так же, как и крейсер. Их ждет неминуемая гибель, ни один из них не избегнет своей участи!.. И хотя с их уходом исчезнет моя последняя надежда, пусть лучше они обратятся в бегство, скроются в открытом море, откажутся от бесполезного нападения!.. Заинтересованные государства сумеют договориться и уничтожить островок иными средствами!.. Они окружат Бэк-Кап плотным кольцом кораблей, и пираты умрут от голода в этой пещере, как хищные звери в своем логове!..

Но я знаю, военные корабли наступают, даже если им грозит верная гибель. И эти корабли, не колеблясь, тоже двинутся вперед, хотя бы им суждено было найти могилу в глубине океана!

В самом деле, их экипажи оживленно обмениваются сигналами. Почти тотчас же черный густой дым заволакивает горизонт, но северо-западный ветер относит его в сторону и ясно видно, что все четыре корабля снялись с места.

Один из них опережает остальных, он идет полным ходом, спеша приблизиться к островку, чтобы открыть огонь из крупнокалиберных орудий...

Пренебрегая опасностью, я вылезаю из своей норы... Смотрю во все глаза... Лихорадочно жду, хоть я не в силах предотвратить надвигающуюся катастрофу...

Этот корабль, который растет, увеличивается у меня на глазах, — крейсер, приблизительно такого же водоизмещения, как и первое судно. На его гафеле нет флага, и я не могу определить, какой стране он принадлежит. Повидимому, крейсер идет на всех парах, чтобы пересечь поражаемую зону, прежде чем с островка снова откроют огонь. Но ему не избежать разрушительной силы снарядов Рока, ведь они могут поразить его и с кормы...

Тома Рок стоит перед второй установкой фульгуратора; крейсер приближается к тому месту, где нашел гибель его предшественник, скоро и он тоже погрузится в морскую пучину.

Ничто не нарушает окружающей тишины, лишь легкий ветерок дует с моря.

Внезапно на борту крейсера раздается барабанный бой... трубят горны. Их медный голос доносится до меня.

Я узнаю этот голос, так звучат горны моей родины... Боже правый!.. К берегу приближается французский корабль, он опередил остальные, и французский изобретатель сейчас потопит его!..

Нет... Этому не бывать!.. Я брошусь к Тома Року... крикну ему, что это французское судно... Он его не узнал... он узнает...

В этот миг, по знаку инженера Серкё, Тома Рок поднимает руку, в которой держит стеклянную трубку...

Горны звучат еще громче, салютуя флагу... Его полотнище взвивается, полощется на ветру... Это трехцветное знамя, его цвета — синий, белый, красный — ярко выделяются на фоне неба.

Но... что же происходит?.. Да, понимаю!.. Узнав французский флаг, Тома Рок останавливается как громом пораженный!.. По мере того как флаг поднимается, рука изобретателя опускается... Он пятится... Прикрывает глаза рукой, словно для того, чтобы не видеть трехцветного полотнища...

Всемогущий боже!.. Значит, любовь к родине не угасла в сердце этого озлобленного человека, раз оно забилось при виде родного флага!..

Я взволнован не меньше его!.. Пренебрегая опасностью, — не все ли мне равно теперь? — я ползу вдоль гряды скал... Мне хочется быть подле Тома Рока, чтобы поддержать его, подбодрить!.. Хотя бы это стоило мне жизни, я в последний раз обращусь к нему во имя родины!.. Я крикну: «Ты же француз, а на этом корабле развевается трехцветный флаг!.. Ты же француз, а по морю к тебе приближается клочок Франции!.. Ты же француз, неужели у тебя хватит духу совершить преступление против своей страны?..»

Но моего вмешательства не требуется... Сейчас нечего опасаться нервного припадка, какие у него бывали прежде. Тома Рок вполне владеет собой.

Увидев флаг, он понял... он отпрянул назад...

Несколько пиратов подходят к изобретателю, они хотят подвести его к установке фульгуратора... Он отталкивает их... отбивается.

Подбегают Кер Каррадже и инженер Серкё... Они указывают ему на быстро приближающийся корабль... Приказывают выпустить снаряды.

Тома Рок отказывается.

Капитан Спаде и остальные разбойники вне себя от ярости угрожают изобретателю, осыпают его бранью... ударами... хотят вырвать у него стеклянную трубку...

Тома Рок бросает ее на землю и топчет каблуком...

Смертельный страх овладевает злодеями!.. Крейсер вышел из поражаемой зоны, снаряды начинают падать на островок, дробят скалы, а пираты даже не могут открыть ответный огонь...

Но где же Тома Рок?.. Быть может, он убит сна-

рядом?.. Нет... в последний раз я замечаю его в тот миг, когда он бросается в туннель...

Кер Карраджe, инженер Серкё и все остальные бегут вслед за ним, чтобы спрятаться в недрах Бэк-Капа...

Нет... я ни за что не вернусь в пещеру, пусть меня лучше убьют на месте! Я сделаю последнюю запись, и, когда французские моряки сойдут на берег, я...

(На этом обрывается дневник инженера Симона Харта.)

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

На борту «Громовержца»

Вскоре после неудавшейся попытки лейтенанта Дэвона, получившего приказ проникнуть на борту «Суорда» в пещеру Бэк-Капа, английские власти убедились в гибели отважных моряков. В самом деле, «Суорд» так и не вернулся на Бермудские острова. Разбился ли он о подводные скалы, стараясь найти вход в туннель? Или его захватили пираты Кера Карраджe? Этого никто не знал.

Лейтенант Дэвон получил приказ похитить Тома Рока прежде, чем будут готовы снаряды, руководствуясь во время экспедиции указаниями, данными в документе, который был найден в бочонке на морском берегу возле Сент-Джорджеса. Как только французский изобретатель будет взят в плен, — а с ним, конечно, и инженер Симон Харт, — Тома Рока передадут в руки бермудских властей. После чего корабли, посланные к островку Бэк-Кап, могут не опасаться «фульгуратора Рок».

Но когда по прошествии нескольких дней «Суорд» не вернулся из плавания, власти решили послать вторую экспедицию, на этот раз более внушительную.

В самом деле, следовало учесть, что прошло около двух месяцев с того дня, как Симон Харт вложил свою записку в бочонок. Быть может, Кер Карраджe владел теперь всеми тайнами Тома Рока?

По соглашению, заключенному между морскими державами, было решено послать к Бермудским островам пять военных кораблей. Так как в глубине скалистого массива Бэк-Капа существовала обширная пещера, следовало пробить ее своды, как стены бастиона, огнем мощной современной артиллерии.

Соединившись в Чесапикском заливе, в штате Виргиния, корабли эскадры взяли курс на Бермудские острова, куда и прибыли вечером семнадцатого ноября.

На следующий день крейсер, получивший приказ идти в атаку первым, двинулся вперед. Он был еще на расстоянии четырех-пяти миль от островка, когда три снаряда, пущенные с берега, перелетели за его корму, а затем, описав полукруг, вернулись обратно и разорвались в пятидесяти метрах от корабля, который затонул в течение нескольких секунд.

Действие этого взрыва, сопровождавшегося чудовищным сотрясением воздуха, воды, суши, было мгновенным; таких результатов еще не удавалось добиться ни с одним взрывчатым веществом. Четыре корабля, оставшиеся позади, ощутили, несмотря на расстояние, толчок огромной силы.

Из этой внезапной катастрофы следовало сделать два вывода.

Во-первых, пират Кер Карраджеуже получил в свое распоряжение «фульгуратор Рок».

Во-вторых, новый снаряд действительно обладал той разрушительной силой, какую ему приписывал изобретатель.

После гибели головного крейсера с других судов были спущены шлюпки, чтобы подобрать всех оставшихся в живых: некоторые моряки еще держались на воде, уцепившись за обломки.

После обмена сигналами корабли полным ходом направились к островку Бэк-Кап.

Французский военный корабль «Громовержец», как наиболее быстроходный, опередил всех остальных, хотя они и старались не отставать от него.

«Громовержец» прошел около полумили по зоне, только что подвергшейся действию взрыва, каждую минуту рискуя погибнуть от новых снарядов. Пока ар-

тиллеристы наводили на островок крупнокалиберные судовые орудия, над крейсером взвился трехцветный флаг.

С капитанского мостика офицеры видели шайку Кера Карраджe, рассыпавшуюся по прибрежным скалам.

Представлялся благоприятный случай уничтожить злодеев, а затем разгромить из орудий их убежище. «Громовержец» тут же дал первые залпы, за которыми последовало поспешное бегство пиратов в глубину Бэк-Капа...

Несколько минут спустя раздался оглушительный грохот, все вокруг содрогнулось, — казалось, небесный свод обрушился в пучину Атлантического океана.

На месте островка осталась только груда дымящихся скал, которые катились в разные стороны, сталкиваясь, налетая друг на друга, как камни во время обвала. Вместо опрокинутой чашки из воды торчали лишь осколки вдребезги разбитой чашки. Вместо пещеры появилось нагромождение рифов, на которые, пенясь, набегали огромные валы: после взрыва море грозно разбушевалось...

Какова же была причина этого взрыва?.. Может быть, пираты нарочно вызвали его, видя, что оборона невозможна?

«Громовержец» получил лишь легкие повреждения от разлетевшихся во все стороны осколков скал. Командир приказал спустить шлюпку, и экипаж направился к тому, что уцелело от островка.

Высадившись на скалы под командованием своих офицеров, матросы обследовали остатки Бэк-Капа, слившиеся с грядою рифов, которая тянулась по направлению к Бермудским островам.

Были подобраны страшно изуродованные трупы, разбросанные руки и ноги, кровавое месиво вместо человеческих тел... От пещеры не осталось и следа. Все было погребено под развалинами.

На северо-западном краю утеса было найдено только одно нетронутое взрывом тело... Хотя человек этот едва дышал, еще оставалась надежда вернуть его к жизни. Он лежал на боку, судорожно сжимая в руке какую-то тетрадь с недописанной строчкой...

Это был французский инженер Симон Харт. Его тут же переправили на борт «Громовержца». Но, несмотря на все усилия, пострадавшего никак не могли привести в чувство.

Однако благодаря дневнику, который он вел вплоть до взрыва пещеры, удалось отчасти восстановить то, что произошло за последние часы существования Бэк-Капа.

Впрочем, Симону Харту суждено было одному пережить эту катастрофу, все остальные обитатели пещеры получили вполне заслуженную ими кару. Как только Симон Харт оказался в состоянии отвечать на вопросы, он рассказал о своих догадках, которые, повидимому, мало в чем расходились с действительностью.

Потрясенный до глубины души при виде трехцветного флага, осознав, наконец, что он собирается совершить преступление против собственной родины, Тома Рок бросился в пещеру и добежал до склада, где хранилось огромное количество взрывчатого вещества. Затем, прежде чем пираты успели ему помешать, он вызвал чудовищный взрыв, уничтоживший островок Бэк-Кап.

Так погибли Кер Каррадже, его шайка и Тома Рок, унесший в могилу тайну своего изобретения!

1896 г.

КОММЕНТАРИЙ

ВВЕРХ ДНОМ

Роман «Вверх дном» вышел в свет в декабре 1889 года с иллюстрациями художника Жоржа Ру. Главные действующие лица этого произведения уже знакомы читателям по романам Жюля Верна «С Земли на Луну» (1865) и «Вокруг Луны» (1870). Вместе с этими романами «Вверх дном» составляет как бы трилогию, хотя по сюжету является совершенно самостоятельным произведением.

Замысел книги зародился у Жюля Верна, повидимому, еще в шестидесятых годах. В девятнадцатой главе романа «С Земли на Луну» один из его героев Мишель Ардан рассуждает о преимуществах, какими пользовались бы жители Земли, если бы ось вращения ее была, как на Юпитере, почти перпендикулярна плоскости орбиты:

«— За чем же дело стало? — внезапно раздался неистовый голос. — Объединим наши усилия, изобретем машины и выпрямим земную ось!

Гром рукоплесканий раздался в ответ на это предложение, которое могло прийти в голову лишь Дж. Т. Мастону».

И вот в романе «Вверх дном», написанном спустя почти четверть века, Дж. Т. Мастон и его друзья по Пушечному клубу пытаются привести в исполнение дерзкую идею математика.

Некоторые детали фантастического сюжета этого романа возникли, вероятно, не ранее 1888 года, когда стало известно о скандальном банкротстве компании Панамского канала. Позорный крах Арктической промышленной компании в романе Жюля

Верна во многом напоминает грандиозное панамское мошенничество, которое долгое время находилось в центре мирового общественного внимания. Отзвуки панамского дела можно усмотреть и в сатирическом описании банкротства «Стандарт-Айленд компани» в романе «Пловучий остров».

Когда роман был продуман уже во всех деталях, Жюль Верн попросил амьенского инженера и математика Бадуро произвести для него необходимые математические расчеты. Сложные вычисления Бадуро составили особое приложение к роману (в издании 1889 года), которое Жюль Верн сопроводил следующими словами: *«Глава дополнительная, которую поймут немногие.*

Роман, который мы только что опубликовали, покоится на самой серьезной основе, как и все наши предыдущие труды, несмотря на то, что они кажутся крайне фантастическими.

Набросав его в общих чертах, мы попросили нашего друга Г. Бадуро, горного инженера, автора только что вышедшего в издательстве Кантен труда о современном состоянии экспериментальных наук, определить, насколько точно описаны в этом романе различные явления.

Судить об этом мы предоставляем математикам. То, что в романе *показано,* будет *доказано* в работе г. Бадуро».

Далее несколько страниц заполнены математическими выкладками.

Исходя из предпосылки, что эффект выстрела был бы достигнут и положение земной оси действительно изменилось бы относительно плоскости эклиптики, Бадуро доказывает, к каким это привело бы последствиям: уровень морей изменился бы почти во всех точках земного шара, а также изменились бы скорость вращения Земли и продолжительность дня. Изменения — географические и климатические — были бы максимальными, если бы пушка была помещена на экваторе и направлена на запад или на восток.

Затем, исходя из данных «опыта» Барбикена и К°, Бадуро вычисляет силу отдачи при выстреле орудия, снаряд которого в миллион раз тяжелее ставосьмидесятикилограммового снаряда двадцатисантиметровой пушки. При этом учитывается эффективность «мели-мелонита» — фантастического взрывчатого вещества, способного придать снаряду необходимую начальную скорость, — и сила сопротивления воздуха. В этом случае максимальное изменение уровня морей составило бы 0,0009 микрона, а расстоя-

ние от старого Северного полюса до вновь образовавшегося в результате выстрела не превысило бы трех микронов. В заключение Бадуро приводит расчеты, доказывающие, что снаряд действительно стал бы спутником Земли.

Роман «Вверх дном», как, пожалуй, ни одно другое произведение Жюля Верна, обильно насыщен научным материалом. Здесь упоминаются новейшие по тому времени гипотезы, теории, эксперименты из разных отраслей знания.

Своеобразный замысел романа «Вверх дном» определяет и его художественные особенности. Несколько необычная форма произведения помогает автору демонстрировать достижения науки и ее возможности. Математические знаки, формулы, географические координаты встречаются чуть ли не на каждой странице От решения математической задачи зависит в данном случае не только судьба научного опыта, но, как полагают герои, и судьба всего человечества.

«Вверх дном» — роман не только научно-фантастический, но и сатирический. Астрономическая гипотеза служит автору удобным поводом для воплощения и научно-фантастического и сатирического замыслов.

К концу XIX века Соединенные Штаты Америки превратились в самую мощную индустриальную державу, занявшую первое место в мире по своей промышленной продукции. Молодой американский капитализм выступил на международную арену, требуя своей доли в мировых колониальных владениях.

Жюля Верна попрежнему радовали успехи науки и техники, восхищали индустриальная мощь и огромные перспективы промышленного роста молодого заокеанского государства. В то же время ему внушали тревогу некоторые нездоровые тенденции в развитии современной науки, растущие агрессивные настроения финансовой и промышленной буржуазии, военные приготовления великих держав и другие общественные факторы, несовместимые с его демократическими и гуманистическими убеждениями. Поэтому не могло не измениться отношение писателя и к своим старым героям.

В романах «С Земли на Луну» и «Вокруг Луны» автор подчеркивал личное бескорыстие Барбикена и его друзей. А теперь их обуревает жажда обогащения. Деловые, практические интересы они ставят выше интересов научных. На этот раз Барбикен выступает как один из организаторов промышленной компании

по эксплуатации природных богатств Северного полюса![1] Дело «обещает прибыли, неслыханные в каких бы то ни было предприятиях торговых или промышленных».

В схватке долларов и фунтов стерлингов американские дельцы с туго набитой мошной побеждают высокомерных английских дипломатов. Новоявленная промышленная компания может теперь начать разработку каменноугольных залежей в районе Северного полюса.

Новый пушечный выстрел Барбикена нарушает спокойствие во всем мире: моря и океаны затопят целые материки, с лица земли исчезнут многие государства и страны, в пучине вод погибнут целые народы.

«Пушки! Опять пушки! — восклицает Жюль Верн. — У этих артиллеристов из Пушечного клуба, как видно, нет на уме ничего другого! Они помешались на своих пушках! Они больны «острым пушкизмом»! Для них пушка это все! Неужели жестокое орудие станет владыкой мира?» Но катастрофа не коснется Балтиморы и балтиморского Пушечного клуба. Компанией на этот счет все предусмотрено: от перемещения земной оси не пострадают личные интересы акционеров и особенно — интересы миссис Скорбит, вложившей свои капиталы в прибыльное предприятие Барбикена.

Герои романа «Вверх дном», не задумываясь, готовы принести в жертву наживе судьбы и благополучие всего человечества, используя великие силы науки не на благо, а во вред людям.

«Нельзя безнаказанно пугать полтора миллиарда обитателей Земли и страшной катастрофой угрожать их существованию!» — заявляет автор.

Сатирическая фантазия этого романа во многом оказалась пророческой. Жюль Верн, разумеется, и не подозревал, что настанет время, когда его роман «Вверх дном» будет звучать как злободневный политический памфлет.

Первый русский перевод романа «Вверх дном» был напечатан в 1890 году в журнале «Вокруг света» и в том же году вышел отдельной книгой. Затем стали появляться и другие переводы этого популярного романа, выдержавшего у нас много повторных изданий.

Е. Брандис

---

[1] В то время, когда был написан этот роман, еще не было известно, что в районе Северного полюса находится море.

* * *

«Человечеству не под силу изменить условия, в которых происходит движение Земли...»

Этими словами заканчивается роман Жюля Верна «Вверх дном», в котором рассказывается о неудачной попытке членов Пушечного клуба изменить направление земной оси. Посмотрим с точки зрения сегодняшней науки, так ли уж был прав великий фантаст, впервые за всю свою жизнь усомнившийся в возможностях человеческих сил, воли, разума.

1

Для того чтобы повернуть ось земного шара, надо обладать запасом энергии, соизмеримым с той энергией вращательного движения, которая заключена в движущейся с огромной скоростью гигантской массе нашей планеты. Эта энергия колоссальна. Будучи выраженной в килограммометрах, она может быть записана числом с двадцатью семью знаками. Если бы мы научились использовать эту энергию и расходовали ее для покрытия всех нужд человечества на современном уровне, то ее хватило бы примерно на 20 миллиардов лет, то есть на срок, в пять раз превосходящий возраст земного шара. Вот какое гигантское количество энергии заключает в себе стремительное вращение колоссального волчка — нашей Земли.

Соизмерим ли с этим количеством энергии какой-либо из источников энергии, которым мы располагаем или надеемся овладеть в будущем?

Говоря об энергетике, в первую очередь всегда вспоминают испытанные источники энергии — ископаемые топлива: уголь, нефть, газ. Запасы их ограничены. Разведанных запасов хватит на обеспечение человечества не более, чем на 1000 лет. Энергия, содержащаяся в ископаемых топливах, не может идти ни в какое сравнение с энергией вращения Земли.

Энергия распадающихся ядер урана и тория — великая надежда человечества. Количество этих элементов в земной коре таково, что заключенная в их ядрах энергия превосходит энергию всех запасов ископаемых топлив примерно в двадцать раз. Но и это ничтожно мало по сравнению с энергией вращения Земли.

В настоящее время ученые всего мира напряженно борются за управление термоядерными реакциями. Овладение ими позволит использовать в качестве ядерного горючего в первую оче-

редь один из изотопов водорода — дейтерий, а затем, вероятно, и другие легкие элементы — литий и обычный водород.

Но и энергии термоядерной реакции дейтерия — его содержится в воде рек, озер, морей и океанов колоссальное количество — около 25 миллиардов тонн — уже достаточно, чтобы человечество почувствовало себя в силах изменить в случае необходимости направление земной оси Ибо эта энергия примерно в 300 тысяч раз превосходит энергию вращения Земли.

Таким образом пессимистический вывод Жюля Верна о невозможности управления движением земного шара не кажется непререкаемым с точки зрения современной науки и, может быть, будет опровергнут практическими делами человечества, хотя и не в ближайшем будущем

2

Интересно, что, рассказывая о инженерных деталях предприятия членов Пушечного клуба, Жюль Верн интуитивно предугадывает целый ряд явлений, которые стали реальностью только после первых атомных взрывов.

Вспомним описание гигантской пушки, врезанной в толщу горы Килиманджаро Ее заряд весом в две тысячи тонн, состоящий из фантастического взрывчатого вещества — «мели-мелонита», должен был при выстреле сообщить ядру весом в 180 тысяч тонн скорость в 2800 километров в секунду Простой расчет показывает, что энергия, которая сообщается при этом ядру, равна энергии взрыва гигантской термоядерной бомбы с тротиловым эквивалентом, равным двум миллиардам тонн. Это в сто раз больше самого мощного водородного взрыва, осуществленного на земле людьми, и примерно в двадцать раз больше энергии взрыва вулкана Кракатау, происшедшего в 1883 году в Индонезии

Таким образом фантастический выстрел Жюля Верна соответствует еще не осуществленным, но теперь уже вполне реальным возможностям современной атомной техники.

Соответствие имеется и в другом отношении Можно рассчитать, что если бы для выстрела, описанного у Жюля Верна, была бы применена такая атомная взрывчатка, какая содержалась в американских бомбах, сброшенных на японские города Хиросима и Нагасаки в 1945 году, и взрыв произошел бы с тем же коэффи-

циентом использования, то заряд пушки должен был бы равняться примерно трем тысячам тонн. Это почти совпадает с весом заряда, названным у Жюля Верна. Жюль Верн интуитивно предугадал не только масштаб энергии выстрела, но и возможную степень концентрации энергии во взрывчатых веществах будущего.

При всяком выстреле возникают две мощных воздушных волны — дульная волна, образуемая пороховыми газами, выходящими из ствола пушки, и баллистическая волна, образуемая самим снарядом. Эти волны при таком мощном выстреле, какой описан у Жюля Верна, должны были бы по своему действию соответствовать ударной волне сверхмощного водородного взрыва. О действии такой волны и говорится у Жюля Верна в целом довольно правдоподобно, хотя эффект преуменьшен заметно. Например, сказано, что на расстоянии трех километров от пушки волна свалила, но не убила людей. Это слишком оптимистично. При таких условиях люди несомненно были бы уничтожены. Однако дальнейшее описание действия волны на целую страну и на корабли в прилегающем проливе довольно близко к тому, что следовало бы ожидать на основе современных наших знаний.

3

Ну, а могло ли бы существовать такое орудие, какое описано в романе? На этот вопрос надо ответить отрицательно. Для управления движением своей планеты человек должен будет применить иные методы, а не выстрел из сверхорудия.

Прежде всего выделение в стволе пушки огромной энергии неизбежно должно было бы привести к появлению давлений в миллиарды атмосфер и температур в миллионы градусов. Пушка при таких условиях была бы разрушена раньше, чем из нее вылетел бы снаряд.

Кроме того, земной шар нельзя рассматривать в целом как абсолютно прочное, твердое тело. Огромное давление вышележащих слоев приводит к тому, что внутренняя часть земного шара должна в некоторых отношениях напоминать жидкость. Поэтому возможно некоторое движение верхних слоев земной коры относительно внутреннего ядра. Поэтому всякий достаточно сильный толчок, осуществленный в какой-то точке на

поверхности Земли, должен был бы привести не только к изменению движения Земли в целом, но и к ее деформациям весьма сложного характера. Ставя задачу управления движением Земли, люди будущего должны будут заботиться о том, чтобы не сломать его хрупкий механизм.

4

Возможно, через много миллиардов лет перед человечеством встанет необходимость изменить положение своей планеты. Чем может быть вызвана такая необходимость, тем ли, что ослабнет свет нашего неистощимого сегодня Солнца, или другими причинами, это не играет роли. Важно другое — эту задачу они, люди будущего, безусловно смогут выполнить.

Однажды на страницах журнала «Техника молодежи» мне пришлось для пояснения возможностей термоядерной энергетики выдвинуть мысль об управлении движением земного шара в космическом пространстве. При выявлении технических путей осуществления такой задачи оказалось, что удобнее всего расположить гигантский ядерный реактивный двигатель или группу таких двигателей где-либо около одного из полюсов земного шара, создав там один или несколько кратеров, которые будут играть роль камер сгорания и сопел двигателей. На дне этих кратеров, вероятно, будет целесообразно наморозить толстый слой льда и над ним уже произвести взрыв. Повторяя такие взрывы, можно будет создать тяговое усилие в миллиарды тонн и сдвинуть Землю с ее вековечной орбиты.

...Конечно, от первых атомных электростанций, свидетелями появления которых мы являемся сегодня, до этого атомного реактивного двигателя, который сможет превратить нашу планету в искусственно управляемый космический корабль, — тысячелетия развития человеческого гения. Но ничего невозможного в этом нет. Настанет время, и человек возьмет в свои руки управление движением своей планеты в космическом пространстве.

Проф. Г. И. Покровский

ПЛОВУЧИЙ ОСТРОВ[1]

Роман «Пловучий остров» был опубликован в 1895 году с иллюстрациями художника Леона Бенетта на страницах «Журнала воспитания и развлечения» и в том же году вышел отдельным изданием в двух томах. В оригинале роман озаглавлен «L'île à hélice», что значит буквально «Остров на гребных винтах».

Жюль Верн работал над этим произведением в 1894 году, постоянно консультируясь со своим братом Полем Верном — капитаном дальнего плавания.

«Я скоро прибегну к твоей помощи, чтобы довести до конца «Пловучий остров», дружище Поль, — писал ему Жюль Верн 5 июня 1894 года. — Первый том уже закончен, второй будет готов через три месяца. Как ты считаешь, можно ли его (то есть пловучий остров. — *Е. Б.*) теоретически вести без руля, с помощью системы гребных винтов по левому и правому борту, приводимых в действие динамомашинами в миллионы лошадиных сил? Можно ли в конечном счете при медленном плавании заменить руль винтами?»

В другом письме от 8 сентября того же года Жюль Верн сообщает брату, что роман уже отдан в печать: «Дружище Поль! Я тебе посылаю сегодня первый том «Пловучего острова» в корректурных листах. Жюль Этцель[2], который приезжает ко мне каждые две недели, чтобы поговорить о делах и литературе, сказал мне: «Это необыкновенно оригинальная вещь, вы проявили

---

[1] Во вступительной статье к 1-му тому этот роман назван «Самоходный остров».

[2] Сын и наследник издателя Пьера Жюля Этцеля, умершего в 1886 г.

удивительную смелость мысли и превзошли самого себя». Ты сам можешь судить, справедлива ли такая оценка.

Во втором томе, полном разными событиями, ты увидишь, к каким последствиям приведет положение вещей, о которых шла речь в первом томе. Исправь гидрографические ошибки, если таковые встретятся. Если ты их обнаружишь в водоизмещении острова, его тоннаже, лошадиных силах, то укажи мне правильные числа... Повторяю тебе, что, по моему мнению, второй том «Пловучего острова» более любопытен, чем первый, благодаря своему юмористическому характеру. Здесь все будет соответствовать современным фактам и нравам, но ведь я прежде всего романист, и мои книги всегда будут казаться выдумкой».

Приведенные письма говорят о том, что Жюль Верн заботился не только о научно-техническом обосновании «Пловучего острова», но и стремился отобразить в этом фантастическом романе общественные отношения своего времени — «современные факты и нравы».

Автор «Необыкновенных путешествий» живо интересовался проблемами навигации и внимательно следил за достижениями судостроительной техники. В 1859 году он побывал на одной из лондонских верфей, где заканчивалось тогда сооружение самого большого в мире океанского парохода «Грейт-Истерн», который неоднократно упоминается в «Пловучем острове» и в других романах Жюля Верна Построенный в 1853—1859 годах английским инженером Брунелем, «Грейт-Истерн» вмещал четыре тысячи пассажиров, не считая четырехсот человек экипажа. В 1867 году Жюль Верн вместе со своим братом Полем совершил на борту этого парохода поездку в США, изображенную затем в романе «Плавающий город» (1871); в романе дано и подробное описание конструкции этого парохода.

Если в романе «Плавающий город» Жюль Верн задался целью познакомить читателей с реальными достижениями кораблестроительной техники второй половины XIX века, то в романе «Пловучий остров» речь идет о корабле-гиганте будущего и действие перенесено в XX век.

Научно-техническая утопия Жюля Верна — пловучий остров-курорт, не зависящий от капризов природы, — мыслится автором на основе всестороннего использования электрической энергии.

Устройство фантастического пловучего острова Стандарт-Айленда продумано автором во всех деталях. Его сооружение изображается как триумф кораблестроительного искусства и

строительной техники XX века. Однако технические новшества «пловучего острова» во многом устарели. Объясняется это прежде всего тем, что фантазия Жюля Верна здесь почти не расходится с реальными достижениями научно-технической мысли конца XIX века.

Жюль Верн еще не догадывался о возможности беспроволочного телеграфа (радио было изобретено А. С. Поповым в том же 1895 году, когда был издан роман), поэтому те средства, с помощью которых осуществляется на «пловучем острове» связь с внешним миром или устанавливаются координаты его нахождения в океане, читателям нашего времени покажутся примитивными. Не вызовут также изумления всевозможные «телеавтографы», «кинетографы», «телефоты» и «театрофоны», значительно уступающие современным радиоприемникам, телевизорам, бильдаппаратам, магнитофонам и т. д.

Но мечта Жюля Верна об идеальном городе будущего, городе, образцовом с точки зрения гигиены и санитарии, где все будет способствовать улучшению условий существования и продлению человеческой жизни, разумеется, не потеряла своего интереса и актуальности. Привлекательный образ идеального города будущего Жюль Верн наметил в научно-фантастическом очерке «Амьен в 2000 году» (1875), а затем развил и углубил в романе «Пятьсот миллионов бегумы» (1879). Прекрасный Франсевилль становится здесь как бы живым воплощением социально-утопических идей Сен-Симона, Фурье и Кабе. Но Миллиард-Сити — третий образцовый город в творчестве Жюля Верна, — в отличие от Франсевилля, широко раскрывающего ворота для всех честных тружеников, служит раем только для сверхбогачей, и с этим связана социально-сатирическая тема «Пловучего острова».

Праздная, роскошная жизнь «миллиардцев» — обитателей Миллиард-Сити — изображается по контрасту с жалким существованием порабощенных вымирающих племен тихоокеанских архипелагов.

Оперируя самыми последними ко времени выхода романа сведениями, Жюль Верн подчеркивает на каждом шагу, что цивилизованные завоеватели принесли с собой на острова неисчислимые бедствия и обрекли на гибель целые народы. С нескрываемым возмущением Жюль Верн говорит о жестокости американских, английских и германских колонизаторов, о пагубном для народов Полинезии и Меланезии соперничестве великих держав на тихоокеанских островах. Особенно ясное представление автор

создает о начальном периоде американской экспансии в бассейне Тихого океана.

Правда, писатель старается при этом обойти молчанием неприглядные действия своих соотечественников, наделяя подчас французских колонизаторов не свойственными им «цивилизаторскими» наклонностями. Рассказывая о бесконечных распрях католических, протестантских, англиканских, методистских и всяких иных миссионеров, Жюль Верн не всегда показывает, что за этим религиозным рвением и соперничеством конкурирующих церковников всякий раз скрывались определенные политические и колонизаторские интересы тех государств, представителями которых являлись все эти «пастыри».

Жюль Верн дает читателям много ценных сведений о жизни порабощенных народов тихоокеанских островов. Сочувствие автора, как и в других его книгах, — на стороне угнетенных.

Источником описаний островов Тихого океана Жюлю Верну послужили в первую очередь труды и результаты исследований французских географов и путешественников: Элизе Реклю, Вивьена де Сен-Мартена, Дюмон д'Юрвиля, Бугенвиля и др.

Следует заметить, что далеко не все авторы путевых записок и дневников, на свидетельства которых опирался Жюль Верн, были так же бескорыстны и беспристрастны, как Ливингстон или Миклухо-Маклай. Поэтому Жюль Верн, при всем своем уважении к национальной культуре и обычаям народов мира, иногда преувеличивал отсталость, дикость и «прирожденную свирепость» племен, стоящих на низших ступенях цивилизации.

В «Пловучем острове» Жюль Верн останавливается и на географических открытиях русских мореплавателей в Тихом океане, упоминая, в частности, Ф. Ф. Беллинсгаузена, который во время своей кругосветной экспедиции в Антарктику открыл и исследовал в 1820 году архипелаг Туамоту, назвав его островами Россиян.

В «Пловучем острове» соединяются все особенности, присущие лучшим произведениям Жюля Верна: напряженная приключенческая фабула, тщательно разработанная научно-техническая сторона замысла, красочные географические описания, непринужденно шутливый, юмористический тон, легкость изложения и, главное, что придает этому роману живой интерес, — острая социально-сатирическая тема.

Глубокий социальный смысл и сатирический подтекст романа ярко характеризуют прогрессивную направленность творчества

Жюля Верна, его враждебное отношение к милитаризму и колониальной политике капиталистических государств. В изображенных писателем столкновениях антагонистических сил победу всегда одерживают созидательные силы науки и прогресса. Человеконенавистников, преследовавших преступные цели, деспотов, использовавших достижения науки во зло людям, неизбежно постигает бесславный конец. Поэтому перестают существовать и зловещий Штальштадт («Пятьсот миллионов бегумы»), и ужасный Блекланд («Необыкновенные приключения экспедиции Барсака»), и роскошный Миллиард-Сити, куда допускались только богачи-тунеядцы.

Первый русский перевод «Пловучего острова» был напечатан в 1895 году в журнале «Вокруг света» и в том же году вышел отдельным изданием. Широкое распространение имел также другой, сильно сокращенный перевод этого романа, включенный в 1907 году в Полное собрание сочинений Жюля Верна, издававшееся П. П. Сойкиным в качестве приложения к журналу «Природа и люди».

Е. Брандис

ФЛАГ РОДИНЫ[1]

Роман «Флаг родины» был опубликован в 1896 году с иллюстрациями художника Леона Бенетта в «Журнале воспитания и развлечения» и в июле того же года вышел отдельным изданием.

Научно-фантастический замысел этого романа связан с открытием в конце восьмидесятых годов новых взрывчатых веществ и с результатами последних к тому времени изысканий в области баллистики и артиллерийского дела. Из писем Жюля Верна от 1 и 7 августа 1894 года к его брату Полю Верну можно заключить, что образ безумного изобретателя Тома Рока, употребившего во зло открытое им взрывчатое вещество огромной разрушительной силы, был навеян нашумевшим судебным делом известного французского химика Эжена Тюрпена.

Оба упомянутых письма являются откликом на мысль Поля Верна о фантастическом судне, способном превращаться в подводную лодку и в аэроплан. Одобрив идею брата, Жюль Верн сообщает ему о своем желании написать на эту тему роман, героем которого будет «какой-нибудь новый изгнанный Тюрпен». Вместе с тем эти письма позволяют предположить, что роман «Флаг родины» в то время был уже в основном закончен.

Повидимому, роман «Флаг родины» был задуман в конце восьмидесятых годов и написан не позже 1893 года, когда личность Тюрпена привлекала всеобщее внимание и его имя не сходило со столбцов газет.

Французский химик и изобретатель Эжен Тюрпен (1849—1927) прославился в 1887 году открытием сильного взрывчатого вещества — мелинита. Одновременно с мелинитом Тюрпен запатентовал и другие взрывчатые смеси, а также специальные дето-

[1] Во вступительной статье к 1-му тому этот роман назван «Равнение на знамя».

наторы. Тюрпен продал свое изобретение французскому военному ведомству, а в 1889 году вступил в переговоры с английской фирмой Армстронг. В том же году вместе со своим сотрудником, артиллерийским офицером Трипоне, он был привлечен к суду за продажу иностранной фирме секретного детонатора. Пытаясь доказать, что проданный за границу патент к тому времени не был уже секретным, Тюрпен издал брошюру «Как продали мелинит», в которой неосторожно огласил некоторые сведения, касающиеся национальной обороны. В результате судебного разбирательства Тюрпену удалось оправдаться по первому обвинению, но он был осужден и приговорен к тюремному заключению за разглашение в брошюре военной тайны. Когда в 1893 году Тюрпен вышел на свободу, он немедленно запатентовал свое новое изобретение, сделанное им в тюрьме, — самодвижущийся автоматический метательный снаряд с особо точным прицелом. Объявление о новом изобретении Тюрпена вызвало сенсацию, но военное министерство Франции не пожелало возобновить деловые отношения с дискредитировавшим себя изобретателем.

В 1896 году имя Тюрпена вновь замелькало на страницах прессы, на этот раз рядом с именем... Жюля Верна. Когда вышел роман «Флаг родины», Тюрпен усмотрел оскорбительные для себя намеки в образе безумного изобретателя Тома Рока и привлек к суду Жюля Верна и издателя книги Этцеля. Несмотря на то, что Жюль Верн не допустил в тексте романа никаких личных выпадов и явных намеков на Тюрпена, подозрения изобретателя мелинита могли усилить иллюстрации Леона Бенетта: один из героев произведения, инженер Симон Харт, от лица которого ведется повествование, наделен несомненным портретным сходством с Тюрпеном.

Судебное разбирательство кончилось в пользу Жюля Верна. Писатель был оправдан за невозможностью доказать состав преступления, поскольку герой назван другим именем и его действия не имеют прямого или косвенного отношения к известным фактам из биографии Эжена Тюрпена.

Герой романа «Флаг родины» Тома Рок — изобретатель «фульгуратора Рок», военного орудия такой мощности, что «государство, обладающее им, стало бы неограниченным властелином всех континентов и морей». «Фульгуратор Рок» представлял собой, по описанию автора, самодвижущийся снаряд типа ракеты Эффект действия этого снаряда отчасти напоминал, по словам автора, пневматическую пушку Залинского, которая

к тому времени была уже испытана, но показала результаты по крайней мере в сто раз меньшие, чем «фульгуратор Рок».

Кто такой Залинский и какое значение имела его пневматическая пушка? Имя этого изобретателя давно уже забыто, но в восьмидесятых годах за его деятельностью пристально следили артиллеристы всех европейских стран.

Эдмунд Залинский (1849—1909), сын польского эмигранта, офицер американской армии, в 1884 году нашел возможность использовать в артиллерии динамитные снаряды, непригодные для обыкновенной пушки. Динамитная пушка Залинского стреляла сжатым воздухом. В 1887 году она прошла испытания и была принята правительством Соединенных Штатов Америки на вооружение. Оказалось, однако, что ее дальнобойность не превышала пяти километров и снаряды не обладали достаточной пробивной силой. С появлением новых сильных взрывчатых веществ, выдерживающих сотрясение при выстреле из порохострельных орудий, пневматические пушки Залинского были сняты с вооружения, и с тех пор к орудиям такого типа нигде не прибегали.

Нетрудно заметить, что Жюль Верн отталкивается здесь от известных ему теоретических и экспериментальных работ в разных областях военной техники. Писатель гиперболизирует практические результаты и реальные возможности, достигнутые в конце XIX века учеными, изобретателями и военными специалистами.

В последние годы жизни Жюль Верн постоянно обращался в своих книгах к перспективам военной техники, которая и тогда уже развивалась стремительными темпами. Назревали новые империалистические войны. Великие державы вооружались. Орудия истребления совершенствовались. Открытия ученых увеличивали не только созидательные, но и разрушительные силы. Старого писателя постоянно тревожила мысль: к чему приведет дальнейшее развитие военной техники? Смогут ли люди предотвратить космические бедствия грядущих войн?

Будущее человечества в связи с будущим науки волновало всех передовых людей того времени. Об этом можно судить хотя бы по словам великого французского ученого Пьера Кюри, сказанным в 1903 году при получении им Нобелевской премии: «Нетрудно предвидеть, что в преступных руках радий может сделаться крайне опасным, и вот возникает вопрос: действительно ли полезно для человека знать тайны природы, действительно ли

он достаточно созрел для того, чтобы их правильно использовать, или это знание принесет ему только вред? Я принадлежу к числу тех, которые считают, что все же новые открытия в конечном счете приносят человечеству больше пользы, чем вреда».

Справедливая мысль ученого-гуманиста живо перекликается с содержанием позднего творчества Жюля Верна. Вопрос, особенно актуальный в наше время, — о науке, которая служит добру и злу, миру и войне, — писатель трактует в научно-фантастическом аспекте, но сама проблема перестает быть у него только научной. Она неизбежно становится также проблемой моральной и политической.

Жюль Верн подвергает решительному осуждению не только отъявленных человеконенавистников и злодеев, использующих достижения науки и техники в своекорыстных преступных целях, но и ученых, которые отдают свои изобретения и открытия врагам мира и свободы. И независимо от того, добровольно ли соглашается ученый служить деспотам или становится жертвой обмана, он неминуемо превращается в безумца, теряет человеческий облик, изменяет своей родине, предает интересы народа, навлекает на себя позор и бесчестие и бесславно погибает вместе с поработившими его преступниками.

В романе «Флаг родины» мы находим один из вариантов такого сюжета. Озлобленный неудачами, гениальный маниак Тома Рок, в душе которого «патриотическое чувство... угасло бесследно», продал свой чудовищный «фульгуратор» главарю шайки пиратов Керу Карраджe, окружившему себя негодяями и проходимцами со всех концов света. Глубокий общественный смысл произведения полностью раскрывается в финальной главе, когда Тома Рок, увидев на одном из кораблей, осаждавших остров пиратов, французский флаг, почувствовал угрызения совести. Сознание своей неизгладимой вины перед родиной и зла, которое он посеял, толкает его на отчаянный поступок: он взрывает остров и гибнет вместе с бандитами, унося в могилу тайну своего «фульгуратора».

Гибель человека, причинявшего людям зло, отрекшегося от естественных моральных норм, отнюдь не является следствием случайного стечения обстоятельств. Для Жюля Верна она также неизбежна и непреложна, как законы природы, которые никто не в силах изменить. Писатель никогда не переставал верить в лучшее будущее человечества, не переставал надеяться, что прогрессивные силы в союзе с передовой наукой рано или поздно востор-

жествуют во всем мире и навсегда покончат с деспотизмом и кровавыми войнами. К этой мысли Жюль Верн приводил читателей всей логикой своих произведений.

Роман «Флаг родины» был напечатан в русском переводе в 1896 году в журнале «Вокруг света» под заглавием «Родное знамя» и в том же году вышел в свет отдельной книгой в издательстве И. Д. Сытина. Другой перевод под тем же названием был включен в 1907 году в Полное собрание сочинений Жюля Верна в издании П. П. Сойкина. С тех пор роман на русском языке не издавался.

Е. Брандис

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕРХ ДНОМ

ПЛОВУЧИЙ ОСТРОВ

Часть первая

Часть вторая

ФЛАГ РОДИНЫ

Редакторы *Н. Немчинова* и *Б. Вайсман*
Оформление художника
Т. Цинберг
Художественный редактор *А. Гайденков*
Технический редактор *Ф. Артемьева*
Корректоры *В. Брагина* и *Л. Бунчукова*

*

Сдано в набор 6/IV 1957 г.
Подписано к печати 28/VI 1957 г.
Бумага $84 \times 108^1/_{32}$ = 22,75 печ л. 37,3 усл. печ. л.
35,1 уч.-изд. л.+4 вкл.=35,3 л. Тираж 390 000.
Заказ № 320. Цена 12 р.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Министерство культуры СССР, Главное
управление полиграфической промышленности, 2-я типография „Печатный Двор"
им. А. М. Горького, Ленинград, Гатчинская, 26.